

Хамид
Гулям

ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ

Романы **ФИРУЗА**
СТЕПНЫЕ
ФИАЛКИ

Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
Ташкент—1978

Гулям Хамид.

Голодная степь. Фируза. Степные фиалки. Романы. Авториз.
пер. Р. Бородичной, Дм. Холендро. Т., Изд-во лит. и искусства,
1978.

504 с.

Романы Хамида Гуляма «Фируза» и «Степные фиалки», являющиеся по своему идейно-композиционному развитию один продолжением другого, охватывают многогранную жизнь людей Голодной степи.

В романе «Фируза» описан первый период освоения земель, а в «Степных фиалках» отображаются события наших дней. И героини романов Фируза и Дилдор, хотя и носят разные имена, словно дополняют друг друга, потому что в главном очень схожи.

Драматические события и в общественной жизни и в мирной судьбе героев раскрывают их яркие характеры, закаляют их волю.

Издание двух романов в одной книге даст читателю представление о широкой панораме жизни голодностепского края, поможет лучше узнать наших замечательных современников.

Уз2

Г $\frac{70303-85}{352 / 06/ -78}$ 72-78

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляка, 1978 г. (оформление); «Степные фиалки» (перевод).

Хамид
Гулям

Ф И Р У З А

Авторизованный перевод
РАУЗЫ БОРОДИНОЙ

Глава первая

Тепловоз, стоявший на первом пути, загудел и под нарастающий стук колес повел за собой вагоны.

Фируза с большим серым чемоданом в руках шла по перрону, не отрывая глаз от своих недавних попутчиков, прильнувших к окну. Ей улыбались, махали руками, что-то кричали, словно хотели успокоить девушку, оставшуюся на незнакомой станции. Особенно старался Шерали, который в пути был ее соседом, — он так прижался лицом к стеклу, что нос его расплющился и побелел.

Состав с грохотом прошел по мосту через канал, удаляясь все дальше и дальше. Померцал красный фонарик на последнем вагоне и затерялся где-то вдали.

Только теперь Фируза ощутила тяжесть чемодана. Опустив его, она села и призадумалась. Солнце давно уже спряталось, и лишь далеко, в конце бескрайних полей, догорали его последние багряные лучи. Дневной зной ослабел. Со стороны канала долетал прохладный, ласковый ветерок. Фируза провела рукой по туго заплетенным косам, придержала раздувающийся подол платья и осмотрелась вокруг.

На железнодорожных путях стояли товарные вагоны, цистерны, платформы, груженные лесом, грузовиками, тракторами. Пыхтели тепловозы в густых облаках белого пара. Возле шлагбаума, у канала, пожилая приземистая стрелочница с желтым флажком в руках о чем-то увлеченно толковала со стройной девушкой. Фируза, подняв чемодан, направилась было к ним,

чтобы спросить дорогу в колхоз «Радостный труд», но из-за будки, поднимая клубы пыли, появилась бричка. Женщина в зеленом платке лихо размахивала кнутом. Увидев на дороге девушку, она крикнула: «Тпру!» — и остановила лошадей. Фируза попятилась от густой, желтой пыли.

— Далеко тебе, доченька? — спросила возница.

— В колхоз «Радостный труд».

— Если не побрезгуешь, залезай ко мне, — пригласила женщина, с ног до головы оглядывая Фирузу. — Из Ташкента, что ли? К родственникам в наш колхоз едешь, а?

— Нет, на работу.

Женщина взяла чемодан, помогла залезть Фирузе и усадила ее возле себя. Взмахнув кнутом, она тронула лошадей, крикнула:

— Чу, черти!

Колеса брички, тяжело нагруженной удобрениями, жалобно поскрипывали.

— Зовут меня Ханифа, — представилась возница, как только они съехали с мощеного большака на мягкую колхозную дорогу. — Ты небось слыхала о моем благоверном Таштемире-ата по кличке Чулбобо — Дед-степь?

— Нет, — ответила Фируза, удивляясь странной кличке. «Чулбобо — Дед-степь».

— Ну, не слыхала, услышишь. Я ему не просто жена, но и главная помощница. Он разводит сад в колхозе «Радостный труд», а я вожу навоз.

— Неужто у вас в колхозе нет навоза? — удивилась Фируза.

— Есть, да для хлопчатника и то не хватает.

— А как дела с хлопком?

— Хорошо в бригаде у Наркузи, а в остальных похуже.

— Почему похуже?

— Приедешь — узнаешь, — ответила Ханифа, настроенно глянув на гостью из Ташкента. — Как же тебя зовут? Что ты будешь делать в колхозе?

— Зовут меня Фируза. Я агроном.

— Агроном?! — Ханифа широко раскрыла глаза и чуть не выронила из рук кнут. — Да неужели?

— А по-вашему кто я?

— Учительница, врач, только не агроном. Я так думаю... Вот моего Чулбобо называют народным агрономом... так это действительно... За плечами у него пятидесятилетний опыт, ну и, конечно, еще Иван Андреевич Мудров — заслуженный ирригатор. Сорок пять лет, не разгибая спины, трудится. Возится с деревьями, всего себя отдал земле и воде. А ты вся — с кулачок. Что ты смыслишь в этом деле?

Эти слова не огорчили Фирузу. Втайне посмеиваясь над душевной простотой собеседницы, девушка возразила:

— Я окончила институт.

— А ты когда-нибудь видела хлопчатник?

— На янгиюльском опытном участке сама сеяла, с каждого гектара собрала по сорок два килограмма.

— Неплохо! — одобрила Ханифа. Но, искренне стремясь открыть Фирузе глаза, вздохнула: — Непокладистая у нас, в Голодной степи, земля. Не хочешь осрамиться, советуйся с Чулбобо... Жить-то где будешь?

— Не знаю, пойду в правление, там скажут.

Стемнело. В безоблачном небе замерцали звезды. Позади остались тянувшиеся от самой станции зеленые обработанные поля. Теперь по обе стороны дороги стояли густые заросли однообразно шумевшего камыша.

Где-то неподалеку завыл шакал. Издали, словно в ответ, заскулил волк. Фируза почувствовала, как по всему ее телу забегали мурашки.

— Что ж это до сих пор не освоены такие заросли?

— Вот ты их освоишь! — подзадорила ее Ханифа.

— Нет, как же все-таки получилось, что вокруг посевных земель такие заросли стоят? Странно...

— В степи много странного, — усмехнулась Ханифа, искоса глянув на девушку. Затем, махнув в воздухе кнутом, крикнула: — Чу, твари, чу!..

Фируза хотела поподробнее расспросить о «степных странностях», да побоялась показаться с первого знакомства назойливой. Ханифа ей чем-то понравилась. У девушки рассеялись тревоги, беспокоившие ее в поезде, когда неизвестно еще было, как она доберется до колхоза и что за люди встретятся там.

С полчаса они ехали молча. Фируза время от времени поглядывала на свою новую знакомую. Ханифе было за пятьдесят. Невысокая, худощавая, с очень

большими руками, она была одета в ситцевое платье, на ногах широкие сапоги. Голова туго повязана платком, из-под которого выбивались седые пряди, весь лоб испещрен множеством мелких морщинок.

Чем ближе подъезжали к колхозу, тем нетерпеливее Ханифа подгоняла лошадей — знала, что старик давно уже ждет ее. И действительно, он встретил их у ворот, помог жене сойти с брочки и тихо спросил, кивнув на Фирузу:

— Кто такая?

— Новый агроном.

— Очень хорошо. Пусть погостит у нас.

Ханифа, молча приглашая Фирузу за собой, взяла чемодан и направилась к дому. Таштемир, так звали мужа Ханифы, остался распрягать лошадей.

Вошли во двор. Налево, у самых ворот, стоял небольшой дом с террасой, а дальше темнел фруктовый сад. На террасе, под самым потолком, горела электрическая лампочка, вокруг которой кружился суетливый рой мошек и ночных бабочек.

Фируза вглядывалась в темноту, но не могла определить сорта деревьев. Ясно виднелись только освещенные лампочкой кусты инжира и граната, посаженные рядом с террасой. Никогда еще Фирузе не доводилось видеть таких роскошных кустов инжира. Каждая ветвь, пригнутая тяжестью плодов, напоминала какое-то сказочное чудовище.

Фируза вспомнила прозвище Таштемира — Чулбобо. Поистине, только волшебник, знающий очень важный секрет, мог вырастить такое чудо.

Девушка спустилась с террасы. Уже от самых ее ступенек был разбит небольшой цветник. От аромата роз, мяты и еще каких-то удивительных цветов у нее слегка кружилась голова. Она любовалась цветами, наклоняясь то к одному, то к другому.

Ханифа уже хлопотала по хозяйству. Достала из ниши новые одеяла, расстелила их поверх паласа вокруг низкого столика, покрытого свежей скатертью, и принялась раздувать небольшой пузатый медный самовар, возвышавшийся на двух кирпичках. Устанавливая длинную трубу, она спросила Фирузу:

— Любишь цветы?

— Очень!

— Как говорят, душа к душе тянется: Чулбобо тоже помешан на цветах.

— Как я счастлива, что встретила вас. Спасибо судьбе и вам, тетушка!

— Наши двери всегда открыты. С тех пор, как я вышла замуж, дня не помню, чтобы наш дом пустовал.

— Давно вы замужем?

— Тридцать три года.

— Ого!— засмеялась Фируза, наклоняясь к протекающему через сад арыку, чтобы ополоснуть лицо и руки.— Тридцать лет назад я была еще частицей, обитающей где-то в космосе.

— Вот уж про частицы и про космос я тебе ничего сказать не могу. Идем лучше чай пить.

Когда подошел Таштемир, Ханифа уже сидела возле кипящего самовара и вытирала и без того чистые пиалы, а Фируза с аппетитом, раздувая щеки, словно ребенок, жевала лепешку из кукурузной муки и тыквы.

Чулбобо, поджав под себя ноги, удобно уселся у столика. Жена, протянув ему пиалу, продолжала чаепитие.

Старик, возвращая пустую пиалу жене, спросил Фирузу:

— Раньше-то приходилось бывать в степи?

— Так вот, как сейчас, впервые.

Старик помолчал.

Достав из глиняной касы несколько ложек толокна, он положил его себе в пиалу и медленно размешал в чае.

Фируза исподволь разглядывала хозяина. Несмотря на семьдесят с лишком лет, он был еще крепок. Продолговатое, морщинистое лицо обрамляла короткая седая борода. Из-под сросшихся на переносице мохнатых бровей глядели умные, молодые, веселые карие глаза. Распахнутый ворот свободной белой рубахи открывал загорелую обросшую седыми волосами грудь. Перед Фирузой сидел не старик, а седой богатырь.

Он съел размешанное в чае толокно, длинной салфеткой, похожей на полотенце, тщательно вытер лицо, бороду и, удобно прислонившись к стене, повернулся к девушке и переспросил:

— Говоришь, впервые приехала в степь?

— Да!

— Ты, значит, еще желторотый птенчик. Наука — дело хорошее. Подобно свету, озаряет наш путь. Но опыт тоже великое дело. Опыт дается великим трудом, когда ноги и сердце прокалены жаром степи. Эх-хе, длинная история у степи, доченька, бескрайняя. А сколько еще нужно вложить труда, хлопот в эту степь! Если у тебя хватит терпения, выдержки — узнаешь степь, поймешь. Нужно много упорства. Поняла? Упорства!

Фируза радовалась, что попала к таким простым и сердечным людям. Но предостережения тетушки Ханифы и Таштемира о предстоящих трудностях озадачили ее. Если бы все эти предостережения относились только к воде, урожаю, к организации труда, она, может быть, не была бы так обеспокоена. Но в их словах были глубокая мудрость, и раздумье, и какой-то скрытый смысл. Казалось, эти люди владеют каким-то особым, известным только им секретом, помогающим понимать язык земли.

Снова недолго помолчав, Таштемир продолжал:

— Полюбишь степь — соберешь золото, не полюбишь — соль. Если будешь ухаживать за землей, как за младенцем, она вознаградит тебя жемчужинами: если забросишь — она превратится в болото и засосет тебя. Может, видела по дороге камыш? Почти тысячи гектаров под камышовыми зарослями. А тридцать лет тому назад эта земля давала по тридцать центнеров хлопка.

— Что вы говорите?! — ахнула Фируза. — Не может быть!

— Не веришь мне, спроси у тетушки. Ты хочешь знать, почему добрая земля превратилась в болото? Оттого, что оказалась в руках человека, который не любил ее. Этот человек не друг земли, а ее враг. Он подобен хозяину, который режет яловую корову. Этот человек бросает землю, с которой собрал урожай, и переходит на новые участки, а та земля остается без призора. Но зато он выполняет план сдачи хлопка за счет новых земель. Первенство, слава всегда за ним. Знатным заделался. Всюду, словно карнай, гремит во славу степного простора. Если кто ему напомнит о болотах и камышовых зарослях, он заорет на него,

твердя упрямо: «Выполни план, дай хлопок, а потом болтай!» Он знатный председатель, его слово — закон.

У Фирузы невольно вырвалось:

— А куда же смотрит агроном?

— Агроном тут был молодой парень. Видно, устал ругаться, бросил работу и подался назад, в город.

Теперь Фируза поняла смысл слов, сказанных стариком: «Будь упорной!»

Будь упорной! Значит, Фируза приехала вместо парня, которому не хватило упорства. Он не выдержал. Значит, Фирузе предстоит осилить трудности, которые не смог одолеть тот парень.

Все это оказалось неожиданным для девушки. Ведь она готовила себя к работе агронома. А это значит, правильное, умелое применение агротехники в сельском хозяйстве. Это она, пожалуй, умеет. Этому ее учили в институте. А тут встают перед ней гораздо более трудные задачи. Вот и парень тот окончил институт. Выходит, дело не только в знаниях. Но Фируза спокойно и твердо сказала:

— Спасибо вам за это предупреждение. Постараюсь быть стойкой, упорной.

Таштемир, вставая, обратился к жене:

— Я обещал к Ивану сходить, вернусь скоро. Пусть гостя отдыхает с дороги, устала, наверное. А ты, дочка, если не испугалась стариковских разговоров, оставайся, живи у нас. Правление близко.

— Стирку и другие заботы я возьму на себя,— добавила Ханифа.

Фируза смутилась и, улыбнувшись гостеприимным хозяевам, сказала:

— Спасибо. Но не считайте меня белоручкой, маменькиной дочкой. Я выросла без отца, в нужде.

— О себе расскажешь потом,— мягко остановил ее хозяин.— А пока отдыхай.

Ханифа с Фирузой вышли проводить Таштемира.

Старик вывел из-под навеса буланого коня, оседлал его и чинно двинулся к воротам. Упершись одной ногой в стремя, он с ловкостью молодого джигита вскочил в седло.

— Не задерживайтесь допоздна, уже и так ночь,— ласково попросила Ханифа, озабоченно глядя на мужа.

— Ты же знаешь Ивана: непоседа хуже меня!.. Чу, черноокая!

Иноходец, потряхивая темной гривой, легко понес как будто влитого в седло молодцеватого седока.

Возвращаясь на террасу, Фируза спросила:

— Кто этот Иван?

— Близкий друг его. Кажется, я тебе говорила — Иван Андреевич Мудров. Степь любит, как и мой старик. Ну и жить друг без друга не могут. Если Таштемир-ата не поговорит с ним несколько дней, сна лишится.

Ханифа отодвинула низенький столик и принялась стелить постель для Фирузы.

— Ложись, спи, доченька. Чувствуй себя как дома! — сказала она и погасила свет.

Фируза быстро разделась и легла, но заснуть не могла. Перед глазами мелькали события минувшего дня. Проводы на ташкентском вокзале, мать, всплакнувшая, напутствуя дочь; оживленные разговоры попутчиков в вагоне, грустная песня про степную даль, которую сочинил Шерали, его прощальные слова в тамбуре: «Пиши чаще, если не будешь писать, я умру!» Его глаза, полные тоски, взмах руки...

Фируза ворочалась с боку на бок, пробовала крепко закрывать глаза, считать — сон не шел. Было уже за полночь, духота не проходила. Откуда-то из глубины темного сада доносилось стрекотание кузнечика, жужжание жуков. Во тьме, возле постели, кружился рой невидимой мошкары, впивавшейся в лицо и руки.

— Комары донимают, доченька? — тихо спросила Ханифа.

— Не очень, — ответила Фируза, укутываясь с головой в простыню.

— Вижу, донимают они тебя. Дай-ка, я положу тебя под полог, туда ни один комар, ни одна мушка не доберется.

Ханифа откуда-то с потолка потянула и опустила над девушкой марлевый полог, приговаривая:

— Вот теперь заснешь. А потом привыкнешь, да и они ведь хитрые, чуют новичков.

Назойливая атака комаров прекратилась, но теперь Фируза чувствовала, что задыхается, не хватая воздуха. Она попробовала обмахиваться платочком.

— Привыкнешь, — повторила Ханифа и неожиданно предложила:

— Хочешь, я расскажу тебе сказку?

— О, я очень люблю сказки, милая тетушка. И раньше бывало, когда не спалось, мама рассказывала мне сказки.

— Я расскажу не сказку, — начала Ханифа, повернувшись в сторону Фирузы, — я расскажу тебе историю нашей жизни с Таштемиром-ата, сказ о многих годах, прожитых здесь, в степи. Может, не очень интересно...

Фируза аж приподнялась в ожидании.

— Ты ложись, ложись, а то устанешь, рассказ длинный.

— Не устану, — ответила Фируза, сидя в постели. — Рассказывайте, пожалуйста.

Устремив задумчивый усталый взгляд в потолок, женщина начала листать страницы прожитой жизни. Замелькали эти страницы то как прекрасная поэма любви, то как увлекательная сказка...

Глава вторая

Ровно пятьдесят лет тому назад, в 1910 году, Чубобо было всего двадцать.

Весна выдалась дождливой, поэтому поденщикам на базаре нечем было похвастаться. С рассвета до полудня толпились они без дела под навесом, смотрели на серые облака, зябли под морозящим дождем и, наконец, потеряв надежду на заработок, поодиночке разбредались кто в чайхану, кто по своим лачугам, кто в караван-сарай.

Таштемир приехал в Ташкент вместе со своим другом Сайфутдином из зеленой Исфары, что неподалеку от Коканда. Года два уже они работали вместе, вместе ездили домой навестить родных и друзей. Однажды они подрядились строить дом ташкентскому богачу из квартала Разикбай. Во время работы сорвалась потолочная балка. Сайфутдин не успел отскочить, и балка толщиной в обхват придавила ему поясницу. Лекарь, приглашенный баем, сказал, что больной безнадежен. Сайфутдин одну ночь промучался и к утру умер.

Таштемир, собрав все свои сбережения, похоронил

друга и на строительство не вернулся. Целый месяц ходил он в поисках работы на базар, но работа попадалась лишь поденная, в каких-нибудь подвалах для хранения овощей.

А потом начались дожди. Дождь — враг поденщика, потому что с дождями прекращалась работа. Теньги¹, запрятаннные в пояс, таяли на глазах. Надо было каждый день платить за ночлег, за еду.

Сегодня четверг. У Таштемира осталось всего шесть тенег. Шесть тенег — двухдневный заработок поденщика. Шести тенег хватало, чтобы починить рваные туфли и купить на два раза жевательного табаку — нас. Если дождь затянется еще на три дня, от шести тенег не останется даже шести пулов. Завтра пятница. Если сегодня не подвернется работенка, завтра днем молиться придется натошак.

Промокший Таштемир топтался под дождем в сторожке от толпы поденщиков; на ногах у него были стоптанные туфли, на голове — старая, вылинявшая тюбетейка, на плече, поверх старого халата, лежал кетмень. Таштемир с грустью посматривал на своих братьев. На душе было так же темно, как на дне погреба, который он копал несколько дней назад.

С утра на биржу заглянули только два нанимателя. Их тут же окружили.

Уратепинские, харатегинские и гиждуванские бедняки упорно торговались, размахивая огромными кетменями, расправляя широкие плечи. Один из нанимателей забрал с собой уратепинца, а второй давал за работу так мало, что никто из поденщиков к нему не пошел. Он постоял немного под дождем и ушел один. В полдень, как обычно, из крепости раздался выстрел.

— Полдень, пойдем, — сказал один из уратепинцев, подойдя к Таштемиру. — Больше тут нечего ждать. Идем, дружок!

Они отошли от биржи и свернули было к караван-сараяу, как в толпе оставшихся послышался шум и крики.

— А ну-ка, вернемся, — остановился уратепинец. — Видать, настал судный день.

---

¹ Теньга — серебряная монета, равная 15—20 копейкам. Пул — самая мелкая медная монета в Средней Азии.

Все поденщики собрались вокруг высокого человека, стоявшего на возвышении. Тот, что-то растолковывая, размахивал протянутой рукой с раскрытой ладонью. В другой руке он сжимал плетку с разукрашенной рукояткой.

Таштемир с уратепинцем подошли ближе и прислушались. Говорил человек лет сорока пяти. Поверх белой чистой рубахи на нем был желтый чекмень, на ногах — сапоги на высоких каблуках, на голове — белый войлочный колпак с отороченными черным бархатом краями. Сам он, высокий, загорелый, с лицом, обрамленным короткой бородкой, смотрел на всех большими карими глазами и время от времени взмахивал плеткой.

В толпе перешептывались:

— Гадай-бай, Нищий богач... Вот, он Нищий богач. Он и в прошлом году набирал поденщиков.

Таштемир прислушался.

— Какая вам польза каждый день топтать базар, искать работу! — говорил Гадай-бай, разглядывая толпу. — Я вам дам постоянное жилье и на весь год работу. Каждый божий день будете получать по две тениги. На обед даю похлебку с двумя лепешками. Каждую пятницу — плов. Насчет одежды и постели — ваша забота. Будете обрабатывать землю: пахать, сеять, собирать хлопок, рыть канавы, когда надо. Бог даст, обзаведетесь семьями, живите на здоровье.

Какой-то пожилой поденщик крикнул ему:

— Не подходит. Русский князь платил по шесть тенег за рытье канала.

— Истинная правда, — согласился Гадай-бай. — Князь платил шесть тенег, но и работа там была тяжелой. По пальцам можно пересчитать тех, кому такая работа по силам. Да и теньга нынче дороже стоит. Как хотите, я никого не неволю. Подумайте, смотрите сами, воля ваша, братья! А если кто-либо надумает, приходите в караван-сарай на Чорсу. Первые арбы отправятся в Голодную степь рано утром. Сопроводять их буду я сам. Пока, до встречи, братцы, да хранит вас аллах!

Гадай-бай спрыгнул с бугорка, взял поводья коня из чьих-то рук, прошел немного пешком, а потом, сунув левую ногу в стремя, легко вскочил в разукрашенное перламутром седло. Буланый иноходец понес своего седока в сторону Чорсу.

Таштемир, как и другие поденщики, призадумался над убедительными словами Гадай-бая о постоянном жилье, о земледелии, о Мирзачуле. Таштемир стоял, не двигаясь и смотрел вслед всаднику, пока тот не скрылся за поворотом.

Дождь усилился, но толпа не расходилась. Среди поденщиков нашлись новички, готовые на любую работу, лишь бы не голодать. Они еще не привыкли отстаивать те условия, которые согласовывали между собой старые рабочие и которых не нарушали, торгуясь с нанимателями. Все по-разному рассуждали о земледелии в Голодной степи. Одних пугал летний зной и зимняя стужа необжитой степи. Других страшил непосильный труд на необработанных землях. Но многие считали, что лучше работать на земле, чем без дела стоять на базарной площади. Многие из поденщиков были выходцами из безземельных крестьян Ферганы или Зарафшанской долины, им давно надоело копать погреба горожанам, пробавляться мелким ремонтом, редко продолжавшимся больше, чем два-три дня. Всем им был по душе труд на земле. Все они в глубине души мечтали вернуться к земледелию, обрести свой постоянный дом. Манил их и постоянный заработок, обещанный Нищим богачом.

Таштемир, измученный поденщиной, присоединился к тем, кто решил поехать в Голодную степь.

Хотя арбы Гадай-бая отправлялись лишь утром, все, кто надумал ехать в Голодную степь, словно боясь опоздать или передумать, кинулись на Чорсу.

Войдя в раскрытые ворота караван-сарая, он увидел под навесом коня Гадай-бая. Сам он сидел в каморке у хозяина возле окна. Перед ним пиалы и чайник. Увидев поденщиков, он вышел и, указав рукой на навес, где стоял его статный иноходец, сказал:

— Идите туда... Собирайтесь все!

Поденщики вошли под навес и сели кружком на расстеленных старых циновках.

По просьбе Гадай-бая чайханщик принес два чайника чая и поднос с лепешками.

— Отец наш расщедрился! — подмигнул чайханщику один из поденщиков.

— Будь ему благодарен, браток, — ответил чайханщик на насмешку поденщика. — Гадай-бай ценит труд.

— Слава его щедрости! — пошучивал все тот же поденщик.— Здесь он нас угощает чаем, а в Голодной степи напоит материнским молоком.

Чайханщик подбоченившись, продолжал отвечать:

— Увидишь то, что тебе написано на роду. А что тебе за польза, браток, зря распускать язык?

Чайханщик вышел из-под навеса и, не обращая больше внимания на реплики, шагнул под дождь.

Глиняная чашка переходила из рук в руки. Рабочие молча жевали лепешки, запивая их чаем. Появлялись новые и новые люди, решившиеся ехать к Гадай-баю. Круг становился все теснее.

Вечером Гадай-бай пришел под навес. Его встретили с почтением, все встали. Гадай-бай опустил на циновку, поджав под себя ноги. Благословил всевышнего, касаясь раскрытыми ладонями бороды. Затем, о чем-то размышляя, почесал подстриженные усы и сказал, прищурив лучистые карие глаза:

— В степи поднимем новую землю, братья. Новое селенье названо Мусафирабад—город новоселов. Там поселятся такие молодцы, как вы. В прошлом году к нам переселилось пятьдесят человек. Все они довольны. Посадили топольки; в этом году деревца укоренились, зазеленели, пошли в рост. Камыша хватает. Лето провели они в шалашах, а к зиме сообща построили мазанки на двоих, на троих. Топливом запаслись — гузапай¹ на всех хватит. Работы много: всю зиму поливали поля, вымывали соль, копали канавы, возили навоз для удобрений. Воду для питья берем из Князь-арыка. Как приедете в степь, будете копать канаву длиною верст восемь-девять. Установится погода, начнем сев. Много чудес таит в себе степь. Труды ваши не пропадут даром. Его величеству Белому царю хлопок даем мы. Вы решились на благородное дело, братцы. Бог даст, счастье не обойдет вас стороной.

— Думается мне, почтенный отец,— заговорил тот шутник, который поддразнивал чайханщика,— у каждого из нас в наших хижинах сыщется по несколько ртов. Две тени хватит лишь на муку, посыпать доску, чтобы не прилипало тесто.

¹ Гузапая — сухой куст хлопчатника, с которого снят урожай.

— Вот так!— с недоброй искоркой в глазах откликнулся Гадай-бай.— Братец, я не повесил на твою шею аркан, не тяну за собой. А кто не согласен на две тениги, может стать издольщиком, земля, вода, орудия наши, труд — ваш, и одна четвертая часть урожая тоже ваша. Это подходит?

— Верно...— шутник слегка замылся.— Степь далеко... Куда повезешь свой хлопчатник, на какой базар?

— Мы у вас купим. Цена установлена государством. Это устроит и вас, и нас. А?

— Подумаем.— На лбу у шутника выступил холодный пот.

— Семь раз отмерьте, один раз отрежьте, братец. О том, что Гадай-бай справедлив, знают все его люди.

До сих пор сидевший молча Таштемир, поджимая ноги под рваные полы халата, спросил:

— А как будет с обувкой, с одежкой, хозяин?

— Я говорил об этом на базаре,— оглядывая убого одетого парня, ответил бай,— одежду и обувку будете пскупать сами, за свои деньги. В Мусафирабаде есть лавка, пожалуйста!

— Повезло же нам!— опять не смолчал тот же шутник.

На этом беседа закончилась.

По правде говоря, люди соглашались за гроши ехать в Голодную степь, да и эти гроши неминуемо возвратятся в байский карман.

— Сегодня, завтра побудьте здесь, побеседуйте,— сказал Гадай-бай, подымаясь и отряхивая полы халата.— А мне надо заниматься своими делами.

Поденщики вскочили на ноги, прижали руки к груди, склонили головы в знак уважения и покорности.

Когда бай на буланом коне выехал за ворота, тот же шутник, подражая баю, потряхнул полы своего поношенного халата и сказал:

— Прошу прощенья, братцы, эта сделка нам не подойдет!

С этими словами он важно и медленно направился к воротам. Остальные опустили на берданы.

На рассвете в субботу Гадзай-бай повел в слободу Эгарчи пятьдесят человек, согласившихся ехать в Голодную степь. В этой слободе стоял один из байских домов. Во дворе наготове красовались десять новых

арб. Десять джигитов пошли запрягать лошадей, остальные принялись таскать мешки, узлы, тюки, приготовленные для Голодной степи. На одной из арб постелили яркий палас, стеганые мягкие одеяла, положили несколько подушек. Она предназначалась для бая и его приятеля бакалейщика. По знаку хозяина Таштемир сел на оседланного коня, запряженного в эту арбу. Когда они наконец тронулись, следом за ними направились и остальные. Образовался длинный караван.

Когда караван, миновав Бурджар, въехал в узкие пыльные улицы Раката, из-за горизонта засияло солнце. Прекратились перешептывания путников. Караван остановился возле чайханы, и по приказу бая поденщики принялись грузить саженцы яблонь, груш, граната, винограда, приготовленные для Гадай-бая.

Поехали дальше — на Тирсак, через Казарабад, Занги-ата, Ичан-тепа, Кавинчи и к полуночи добрались до Чиназа. Остановились в маленькой чайхане на обочине дороги. Распрягли лошадей, дали им корм, напоили. Выпив чаю с лепешками, путники блаженно растянулись на широких, деревянных нарах чайханы.

На другой день, после обеда, коней и арбы переправили на пароме через реку. И только на третьей сутки к вечеру уставшие люди и лошади, миновали длинный узкий мост Романовского канала, ведущий к Мусафир-абаду.

Здесь прошли сильные ливни, лошади по колено вязли в жидкой, липкой глине, волоча за собой огромные, облипшие грязью колеса тяжело нагруженных арб. Люди, помогая лошадям, увязая в грязи, подталкивали застрявшие арбы.

Ни одной звездочки не светило в непроглядном, облачном небе, никакого огонька не виднелось в стеги, ни деревца. Темнота и холодная сырость. Гадай-бай в темноте безошибочно показывал дорогу. Тяжелее других было Таштемиру; хоть конь его был моложе и упитаннее других, зато и путники сидели у него иные. Ни бай, укутанный в желтый шерстяной чекмень, ни облокотившийся на мягкие подушки коренастый бакалейщик, засунувший свои короткие ноги под стеганое одеяло, не помогали вознице. Когда арба застревала в грязи, они то и дело покрикивали на уставшего коня

и на измученного Таштемира, надеясь ободрить их криками. Несколько раз, когда арба и лошадь крепко увязали в грязи, Гадай-бай бранил Таштемира, проклиная всех его предков, словно Таштемир повинен и в этой разбитой дороге, и вязкой грязи. В такие минуты это был уже не тот смиренный, благоразумный человек, который беседовал с поденщиками на базаре, называя их братцами. До глубокой ночи продолжалось это тяжелое путешествие, и наконец они доехали до Мусафирабада, так расхваленного Гадай-баем в караван-сараях на Чорсу.

Таштемир не заметил разницы между этим селеньем и пустой бескрайней степью. Из-за слабеньких, тоненьких топольков в темноте едва можно было разглядеть несколько вросших в землю хижин, да кое-где глиняные бугры, засыпанные при рытье канав. Таштемир подумал: «Это небось ночью так кажется». Но тут же явилось сомнение: «Не в преисподнюю ли он нас приволок?»

Вскоре замерцал фонарик у ворот глинобитного забора.

— Приехали! — обрадовался Гадай-бай, ткнув рукояткой плетки в спину Таштемира. — Стой!

Таштемир потянул к себе поводья. Караван остановился. На шум со двора выскочил горбун. В одной руке он держал фонарь, а другой — стул. В темноте он быстро разыскал стоящего на первой арбе Гадай-бая, низко поклонился ему и, подставив стул к арбе, помог баю сойти на землю.

Арбы, одна за другой въехали во двор.

Гадай-бай подвел горбуна к приехавшим.

— Халмат, поручаю тебе этих молодцов, а тебя — самому аллаху!

Сказав это, он скрылся в темноте.

Халмат тут же начал отдавать приказания, велел распрягать лошадей, разгрузить арбы, поставить их по местам, перетаскать поклажу в амбары, а несколько мешков отнести в лавку бакалейщика. Таштемир доставал из колодца воду и поил лошадей. В кормушки он положил люцерну.

Когда все эти дела были сделаны, Халмат повел людей на длинную террасу, протянувшуюся между амбарами и конюшней.

— Вот ваше место, вон самовар. Там, на полочке, найдется заварка. Кипятите чай. Пейте на здоровье.

Люди недоумевали:

— Накормите нас. Что мы будем есть? Где наши постели?

Халмат спокойно ответил:

— Еду возьмете займы у бакалейщика. Для постелей есть солома, это бесплатно.

Пока вновь прибывшие умывались у колодца, поливая друг другу, открылась лавка. Во тьме вспыхнул красный язычок фонаря, чуть осветивший весы, сче-ты, коренастую, низенькую фигуру бакалейщика.

Таштемиру, как говорится, показалась халвой поденщина в городе. Но сейчас оставалось только примириться со своим положением. Как и другие, он провел холодную ночь, ворочаясь с боку на бок на сырой соломе.

На рассвете Халмат поднял всех. На завтрак они получили чай и зачерствелые лепешки.

Появился Гадай-бай в том же желтом шерстяном чекмене и в бобровой шапке. Сапоги были начищены до блеска. Смуглые щеки лоснились после бритья, но веки припухли и глаза покраснели.

Увидев бая, все вскочили. Ответив на приветствие, называя поденщиков «степными соколами», «молодчиками», он присел выпить с ними чаю.

— Вот мы и прибыли на свою родину,— ласково начал бай.— Мусафирабад отныне считайте своим отчим домом. Труд в степи награждается многими благами. Сегодня будете рыть канаву. Сегодня, хоть еще и не пятница, вечером Халмат угостит нас пловом. Давайте помолимся: «О всевышний, всемогущий, вознагради нас удачей, помоги в труде! Аминь!»

Халмат показал людям место работы. Бай отыскал в толпе Таштемира и поманил его пальцем.

— Подойди-ка сюда, соколенок мой.

Когда Таштемир подошел, бай, показывая на привезенные вчера саженцы, сказал:

— Умеешь обращаться с ними?

— Постараюсь!

— Коли так, оставайся. Пойдешь со мной в сад.

Садом Гадай-бай называл пустырь за двором, где не росло ни единой былинки.

Таштемир через калитку в конце двора перетаскал туда саженьцы.

Гадай-бай принес из амбара кетмень.

— На, возьми, знаток, желаю тебе найти удачу в этом деле!

Таштемир, в знак признательности опустив голову, взял из рук бая кетмень, и тут же зазвучали удары о сухую землю, по той черте, которую провел каблук бая...

Миновали годы.

Годы унылые, длинные, похожие друг на друга, наполненные тяжелым трудом, заботами, печальми, зимними холодами, летним зноем...

Гадай-бай, хотя и жил в Ташкенте, часто приезжал в степь. Во время сева и сбора урожая он подолгу оставался в Мусафирабаде. Его хлопковые поля постоянно расширялись. В год приезда Таштемира собранного хлопка хватило на сто арб, спустя семь лет понадобилось уже шестьсот арб, чтобы увезти урожай.

Таштемиру давно хотелось узнать, почему хозяина зовут Нищий богач, гадай — означает нищий. Откуда появилось это прозвище?

Однажды он спросил об этом у Халмата.

— Эх ты, простота! — воскликнул горбун. — Не можешь сообразить? Додуматься? Бай, отец наш, такой же бедняк, как и мы с тобой. Все его доходы идут в пользу святой мечети Шейхантаур!

Таштемир колебался, верить ли словам Халмата. Ему все более сомнительными казались эти слова: как это столько богатства могла забрать себе одна мечеть?

За семь лет на пустыре вырос сад. Деревья гнулись под тяжестью фруктов, увеличивали доходы хозяина. Гадай-бай, упаковав разные сорта яблок, груш, винограда, отправлял тяжелые ящики на станцию и посылал в далекие города России.

В конце седьмого года жизни Таштемира в Голодной степи пришла весть о революции. Первым о ней узнал Таштемир, ездивший с ящиками на станцию. В дождливые дни поздней осени из Мусафирабада исчез Гадай-бай. Он не рассчитался с рабочими, оставил их ни с чем. Когда многие из них, собрав свои пожитки,

ушли на ташкентскую биржу поденщиков, Халмат промолчал. Оставшимся он придумал работу, — велел им рубить деревья, начиная от тополей, кончая плодоносящими деревьями сада. Тогда Таштемир и смекнул, что это за человек.

Однажды, когда Халмат, погрузив на арбы дрова, уехал в город, Таштемир собрал оставшихся и рассказал им о событиях в соседних селениях, о том, как туда приехали из города и отдали землю и воду беднякам. Он говорил, что и в Мусафирабаде всем сообща надо прекратить безобразные дела Халмата, положить его бесчинствам конец.

Возвратившись из города, Халмат застал людей за работой. Они рыли каналы. Он остолбенел от удивления, не поверил своим глазам. Никто не подчинился его приказам...

Таштемир терпел голод, холод, но не покинул сад. Ему казалось, — едва он уйдет, Халмат вырубит деревья, уничтожит труды многих людей. Таштемир так привык к этой земле, что не мыслил жизни без тяжкого зноя, без холодных ветров Голодной степи. Да и плоды своего труда видел он перед собой: сад, посаженный им, становился пышнее, разрастался. Он знал каждое дерево, под сенью густой листвы забывал все невзгоды.

Любовь Таштемира к степи укрепил Иван Андреевич Мудров.

Мудров приехал в Голодную степь значительно позже Таштемира — в тысяча девятьсот двадцатом году, с группой ученых. В селе Крестьянское, в пятнадцати верстах от Мусафирабада, он основал научно-экспериментальное хозяйство: занялся проблемами орошения и семеноводства и развел небольшой сад. Жители степи в знак уважения называли его Иваном-ака.

С первых же дней своей жизни в степи Иван Андреевич заинтересовался садом Таштемира. Он осмотрел все сорта фруктовых деревьев. Отовсюду он брал горстки земли и, рассыпав ее на ладони, пристально разглядывал. Увидев канаву, переполненную до краев водой, недовольно покачал головой и посоветовал засыпать ее. Он предложил вырыть небольшие каналы вокруг сада и от них отвести ручейки. Посоветовал и на хлопковых полях заменить большие арыки множеством маленьких.

— Если будете так обильно поливать, земля ваша превратится в болото,— сказал Мудров,— вместо хлопка соберете соль.

Когда Иван-ака ушел, Таштемир задумался над его словами. Действительно, на обильно политых землях выступала соль и шли в рост сорняки, не спасала даже ежедневная прополка.

В самые знойные дни лета разыгралась малярия. Как и многие жители Мусафирабада, слег и Таштемир. Закружилась голова, потемнело в глазах. Потом бросило в жар, и он свалился возле арыка. Что было дальше, не помнит, а когда очнулся увидел незнакомый двор, незнакомую обстановку. Он лежал на мягкой кровати. Некоторое время спустя появились Иван-ака с женой. Стройная приветливая женщина, одетая в белый халат, дала больному щепоточку белого порошка и стакан горячего чая:

— Выпейте, вам станет лучше.

Таштемир выздоровел. И стал теперь частым гостем в доме Ивана Андреевича и его жены. А самой большой радостью было для него угощать друзей первыми плодами нового урожая.

Прошли годы. В Узбекистане началась земельная реформа. Иван Андреевич, бывший в те дни в Ташкенте, вернулся в Крестьянское ободренным, помолодевшим. Вместе с ним неожиданно приехал и Гадай-бай. Нищий богач был молчалив и мрачен: его земельные участки конфисковали. Ему оставили пару волов, лошадь и кусок земли, рассчитанный на его силу. Он поселился в степи. Земледелием не занимался, но постоянно возился в саду.

В Крестьянском организовался Совет, закипели дела. Мудрова избрали председателем. От Мусафирабада членом Совета стал Таштемир. Дружба между Иваном Андреевичем и Таштемиром окрепла еще больше.

Конфискованные земли перешли к бедноте. Произвели раздел земельных участков. Организовались товарищества, артели. В Мусафирабаде председателем артели избрали Таштемира.

К этому времени Таштемир, как говорится, вступил в пору зрелости. Вынесший на своей спине все тяготы жизни, он окончил курс ликбеза, приохотился читать газету «Беднота и крестьянство».

Былые поденщики стали здесь уже не пришельцами, а коренными жителями. Мусафирабад теперь не считался безлюдной, бесплодной степью, каким он был пятнадцать лет назад. От железнодорожной станции до Крестьянского и Мусафирабада протянулись мощные дороги. Верхушки голубых тополей Мусафирабада, казалось, касаются неба. Сады год от года расширялись, пополнялись новыми сортами деревьев, привезенными из окрестных селений.

Таштемир встретил Ханифу в тот год, когда проводилась земельная реформа. Ханифе тогда было восемнадцать лет. Отец ее, Габдулла-ногай из Казани, работал секретарем и переводчиком сельсовета в Крестьянском. Мудров немного говорил и понимал по-узбекски но с крестьянами разговаривал через переводчика и всюду брал с собой Габдуллу. Таштемир и Ханифа полюбили друг друга, но около года Таштемир мучился, не зная, как объясниться с девушкой. Неожиданно на Ханифу обрушилось большое горе: после долгой болезни Габдулла-ногай умер. Ханифу удочерил Мудров.

Таштемир признался Ивану Андреевичу, что любит Ханифу. Вскоре Мудров с женой приехали в Мусафирабад на свадьбу Таштемира и Ханифы. Среди гостей был и Гадай-бай. Он не отличался уже былой важностью, одевался просто, а иногда ходил, как все: босым или в крестьянской обувке. Похудев, он казался еще выше ростом. Борода и усы его поседели. Глаза потускнели, погрустнели, не вспыхивал в них былой огонек.

Некоторые с усмешкой поговаривали: «Вот теперь имя соответствует положению, истинно он теперь Нищий богач». Нашлись у него и защитники, говорившие: «Не задевайте Гадай-бая, как бы там ни было, но ведь это он привез нас сюда, в степь!»

Гадай-бай сделал жениху по-отцовски богатый подарок, надел на Таштемира халат, обнял его, прижал к груди и сказал: «Будь счастлив. Действительно ты оказался степным соколом! Теперь я могу спокойно закрыть глаза».

На второй день после этой свадьбы Гадай-бай исчез навсегда из степи. От Гадай-бая в наследство Мусафирабаду остался его двор, сад, двести гектаров земли —

заброшенные участки солончака, болот, камышовых зарослей.

В тридцатом году в Мусафирабаде организовали колхоз. По предложению Ивана Андреевича председателем избрали Таштемира. Народ дал новое название своему благоустраивающемуся селению «Мехнат Рахат», что значит — «Радостный труд». Общественным трудом земледельцы за десять лет увеличили свои поля в десять раз. Теперь у них было две тысячи гектаров полезных земель. Половину засеивали хлопчатником и с каждого гектара собирали по тридцать центнеров хлопка.

В летние дни 1941 года, когда фашисты ворвались на землю нашей Родины, Таштемиру шел пятидесятый год. В Голодной степи, в знак уважения, его все звали Таштемир-ата. Он славился на весь Узбекистан как мастер хлопководства. Когда разразилась война, Таштемир, оставив колхоз молодому хлопководу Мирхасилу, присланному из области, добровольцем ушел на фронт. Ханифа не захотела оставаться здесь одна без мужа, — ведь детей у них не было, и в солдатской теплушке добралась до Оренбурга, а оттуда переехала в Казань, к своему единственному родственнику дяде, жившему неподалеку от города. На семейном совете решили, что по окончании войны Таштемир заедет в Казань и заберет ее обратно в степь. А пока она принялась ждать писем от мужа, как больной ждет лекарства.

Письма приходили редко. От письма до письма прибавлялись седые пряди на висках и морщинки на лице.

Письмо с фронта...

Если бы в те годы спросить у Ханифы, что на белом свете движется медленнее всего, она бы ответила: «Письмо с фронта». По несколько раз в день бегала она на почту к самому берегу Волги. И не раз просиживала лунные вечера на почтовом крылечке, среди белых берез.

Дядя Ханифы вскоре тоже ушел на фронт, оставив ее одну. Она работала дояркой на колхозной ферме. Так в труде и ожидании прожила она три года. Однажды в дождливый вечер, поздней осенью 1944 года, Ханифа сидела за столом и при тусклом свете керосиновой коптилки в который раз перечитывала письмо от

мужа, посланное шесть месяцев тому назад. Послышался тихий стук в окно. Сердце дрогнуло. На пороге стоял старик в потертой шинели с рюкзаком за спиной, весь обросший. Он не был похож на Таштемира, с которым она рассталась три года назад. Но сердце Ханифы поверило: старый солдат Таштемир вернулся. Она бросилась к нему со слезами, но это были слезы радости. До самого утра проговорили они. Разговор их не прервался и когда жалкий свет коптилки померк под лучами солнца. Ханифа гладила шрамы на голове, на висках, на шее мужа и не могла наглядеться на его бледное, усталое лицо.

В конце ноября они возвратились в колхоз. В Голодной степи уже лежал снег, морозный степной ветер обжигал лицо. В правлении колхоза не оказалось никого, кроме Халмата, того горбатого Халмата, который прежде верно служил Гадай-баю. Теперь он втерся в доверие к новому председателю Мирхасилу, числился сторожем и был в курсе всех дел председателя; как говорится, крепко держался за полы его халата.

Халмат встретил Таштемира без особой радости, сообщил, что председатель увез колхозников на строительство Фархадского канала, а Мудров на этой народной стройке очень большой человек.

Тут же хихикнув, Халмат продолжил:

— В твоём доме теперь живет сам наш председатель Мирхасил. Ничего, братец, не поделаешь — времена изменились. Воля судьбы!

Ханифа удивлялась, что Таштемир спокойно реагирует на слова Халмата, не придает им значения. А Таштемир взяв мешок, направился к саду. Они с Ханифой обошли дом, занятый председателем, минуя заснеженные деревья в глубине сада, подошли к террасе, где была сушилка для плодов, и вошли в маленькую кибитку по соседству с террасой.

— Нам и здесь будет хорошо, Ханифа, — сказал Таштемир, снимая с плеч мешок. — Ты прибери в комнате, а я пойду поищу дров.

В один миг по всему селению распространилась весть о возвращении Таштемира с фронта. Один за другим в сад пришли его друзья, соседи. К вечеру и кибитка, и просторная терраса наполнились людьми. Старики говорили, что немедленно надо освободить дом Таштеми-

ра и снова избрать его председателем. Но Таштемир возражал:

— Не смогу я, постарел. Здоровье надорвано. Сказывается ранение в голову. Если правление согласится, я хотел бы работать садовником.

На другой день Мирхасил с Мудровым вернулись из Беговата. Таштемир и с ними поделился своими планами, и вскоре правление колхоза назначило Таштемира бригадиром садоводов.

С того дня прошло еще пятнадцать лет.

Теперь Таштемир, как говорят старики на Востоке, «прошел через все ворота жизни». За эти годы он построил себе новый дом, посадил новый сад. Многие садовники мечтали о сортах яблонь и груш из сада Чулбобо. У него росло более ста сортов винограда, различные сорта персиков, граната, инжира, айвы. Чулбобо осуществил мечту — снимать с одного дерева разнообразные плоды, на одном дереве вызревали у него до шести разных фруктовых видов. О соревновании Таштемира и Мудрова в выведении новых сортов ходили легенды. Иван Андреевич, когда его назначили главным ирригатором в Янгиерский Главголодностепстрой, передал колхозу свой опытно-экспериментальный участок, но часто приезжал посмотреть на своих питомцев. Два старика за тридцать два года знакомства, казалось, не могли исчерпать всех интересующих обеих тем, они при каждой встрече по-прежнему часами говорили об удобрениях, подвоях и черенках. На десятках гектаров в новых совхозах растут саженцы, выведенные их умелыми руками. На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве красуются многие плоды из их садов. Доходы, полученные от этих садов, не только прославили, но и обогатили колхоз «Радостный труд».

А сейчас Чулбобо очень беспокоили «дела» председателя.

Мирхасил плохо разбирался в агрономии и начал губить степные земли. Он подводил каналы и засеивал веками пустовавшую землю. Два-три года с нее снимали высокие урожаи, но когда эти участки от неумеренного полива заболачивались, Мирхасил бросал их и переходил на новые. И опять то же самое: высасывал все из новой земли, собирал высокий урожай и уходил

дальше. План перевыполнялся, у всех было бодрое настроение, касса — полная, веселье — шумное! «Пусть на брошенных болотах пляшут черти». Никто не одергивал его, никто не разъяснял ему страшную цену достигнутой славы. Почему?

Этот вопрос до сего дня остается без ответа. Некоторые говорят: «Мирхасил закоснел, трудно теперь его сломить». А иные: «Кто захочет сломать себе шею, пусть тронет Мирхасила». Таштемир не раз слышал эти разговоры, но они не пугали его. Он попытался сам одернуть и вразумить председателя, а когда это не помогло, измерил заброшенные болота и написал в район заявление. Вызвали его в райцентр, но вместо того, чтобы выслушать старика, стали хвалить Мирхасила как лучшего председателя и мастера урожаев. Даже нашлись такие, которые в лицо Таштемиру бросили обидные слова: «Вы не можете смириться, что Мирхасил занял ваше место председателя, подкапываетесь под него».

Таштемир написал в область, попросил прислать комиссию, проверить состояние земель в колхозе «Радостный труд». Но и это его заявление почему-то снова попало в район, а оттуда не комиссию прислали, а взяли в оборот Таштемира. Мирхасил вызвал его в правление и сурово процедил:

— Прекрати безобразия, или я буду вынужден выслать тебя из колхоза.

Вот тогда-то, наверное впервые в жизни, Чулбобо растерялся. До рассвета он просидел с женой на террасе: обдумывали, прикидывали, советовались. Ханифа предложила ему поставить вопрос на заседании правления и поговорить с Мирхасилом откровенно при колхозниках.

Ранним утром они пришли в правление и до самого обеда просидели, ожидая, когда явится председатель.

Он пришел навселе. Чулбобо потребовал созвать срочно заседание правления.

— Правление — это я! — ответил Мирхасил, уставившись пьяными глазами на старика. — Что, пришел с очередью кляузой?

Таштемир потерял терпение. Он высказал Мирхасилу все, что думал о нем. Как тот истребляет золотую почву Голодной степи, как забыл думать о будущем,

как при таких порядках тысячи гектаров плодородной земли превратились в болота и, если так будет впредь, труды сотни людей погибнут зря. Чулбобо назвал это преступлением.

— Вот уже полвека, как мы живем в степи,— сказал Чулбобо,— и все пятьдесят лет боремся с солончаками, с болотами. Головы наши поседели в труде, пока мы постигли режим полива. Нашим трудом Голодная степь превращается в край больших урожаев. А вы эту землю, которая кормит нас, безжалостно уничтожаете!

— Что же выходит, я не даю государству хлопка?— крикнул Мирхасил и в гневе отвернулся от старика.

— Даете. Но за счет гибели золотых земель. Так нельзя, председатель. Если вы подлинно герой труда, добейтесь высокого урожая не за счет истребления земель, а сохраняя земли, освоенные этим трудом.

— Ага!— глаза председателя заискрились гневом. И ударяя рукой в грудь, где сверкала Золотая Звезда, он прохрипел:

— Выходит, государство зря мне присвоило высокое звание?

— Да, зря,— твердо сказал Чулбобо.— Если бы государство узнало, какой ценой вы платите за этот урожай, не присвоили бы вам высокого звания.

Мирхасил, потеряв самособладание, крикнул:

— Выйди из моего кабинета! Завтра же убирайся из колхоза вон!

— Спокойно, спокойно, председатель,— одернула его до сих пор молчавшая Ханифа.— И кабинет, и колхоз не личное ваше хозяйство, а народное. Всему бывает мера. Самодурству — тоже!

Таштемир убедившись в бесполезности разговора с председателем, покачал головой:

— Жаль, как жаль... Как это такому доверяют люди. Пойдем, Ханифа, мы ошиблись в нем. Найдется другой человек, который выслушает и поймет нас.

У Мирхасила от гнева дрожали побелевшие губы. Схватив трясущимися руками телефонную трубку, он выкрикнул какие-то слова.

Чулбобо с женой отправились к парторгу Аширали.

Недавно избранный парторгом худощавый, смуглый

парень сидел с бригадирами, беседуя об особом внимании к полевым станам. Увидев Чулбобо и Ханифу, они почтительно поднялись навстречу.

Таштемир подробно рассказал парторгу и присутствующим о разговоре с Мирхасилом. Никто не удивился, потому что все знали грубость и самоуверенность председателя.

Аширالي тяжело вздохнул.

— Сложный вопрос, большая задача. Вроде и последствия культа личности ликвидированы, а председатель не осознал, не понял чего-то. Он все еще живет порядками той эпохи. Но у нас есть силы одернуть, образумить его. Будьте уверены, отец, вы добьетесь цели. Мы не позволим ему губить хорошие степные земли. Народ и партия всегда за правду. Обязательно разберемся!

Заверения Аширали успокоили обиженного, взволнованного старика, ободрили его. Подумалось: «Аширали выполнит свое обещание, он человек слова».

Вот именно в этот день приехала в степь Фируза.

Глава третья

Фируза проснулась. Шумел, кипит, самовар. Надев платье, она выскользнула из-под марлевого полога. Ханифа уже убрала свою постель, вокруг низенького столика снова расстелила одеяла.

Фируза спустилась во двор и, нагнувшись над полураскрытыми бутонами роз, на которых еще не высохла утренняя роса, глубоко вдохнула их аромат. Умылась прохладной прозрачной арычной водой. Сорвав веточку мяты, воткнула ее в волосы за ухо. Взглянула на часы: половина шестого. Небо казалось серовато-розовым, напоминало угасающий костер. Кое-где, словно красные угольки из-под золы, сверкали звезды.

Фируза спала всего лишь три часа, но выспалась, почувствовала себя удивительно отдохнувшей и бодрой. Бывает иногда такое: если бы за плечами выросли крылья, кажется, взмахнула бы ими и полетела.

Из виноградника вышла Ханифа, неся полный поднос крупных гроздьев розового муската и дамских пальчиков.

— Проснулась, милая? Выспалась?

— Хорош степной воздух, легкий...

— Очень легкий! — засмеялась Ханифа. — Ветер принес нам прохладу от Сырдарьи. Эта прохлада на весь день наполняет нас силой, бодростью. Ну, пойдём скорее, позавтракаем.

Фируза взяла из рук Ханифы тяжелый поднос.

— А где отец?

— Возится в саду. Сейчас придет.

Фируза поставила на столик поднос, убрала полог, защищавший ее ночью от мошкары. Ханифа заваривала чай. Вошел Чулбобо с яблоками в подоле широкой рубахи.

— Под утро осыпались от ветра, собрал, — сказал он, высыпая яблоки на стол. — Бери, доченька, пробуй!

Яблоки были размером с пиалу каждое, желтые, как лимон, ароматные.

Фируза никогда еще не видела таких яблок и удивленно спросила:

— Что это за сорт?

— Голодностепский. Мы с Иваном вывели. Много сортов пришлось опылять да скрещивать, чтобы такой вырастить. Я хотел было назвать этот сорт именем своего друга Ивана, но он не согласился. Есть ведь мичуринские яблоки, так почему не может быть мудравских?

Фируза с хрустом откусила яблоко и, наслаждаясь ароматным, сочным плодом, воскликнула:

— Чудо!

Все сели за стол. Фируза попробовала виноград. Розовый мускат был сочен и душист. Дамские пальчики, на вид вроде ничем не примечательные, на вкус оказались слаще обычных.

Чулбобо положил в чай несколько ложек толочна и, помешивая его ломтиком лепешки, спросил:

— Ну как, агроном, виноград наш нравится? Похож на ваш городской?

— По форме да, а по вкусу он другой.

— Молодец, доченька, правильно! У нас здесь и солнце щедрее, и земля богаче, да и лето длиннее. Послушай, милая, мою заповедь: уважай землю и дорожи ею. Изучай книги, но уважай и народную мудрость. Учитывай опыт. О твоём приезде я ночью сообщил Ивану. Он сказал, чтобы ты повнимательней пригляделась

к колхозу, к людям, а потом пришла бы к нему. Он на рассвете поехал в Янгиер, южный канал бетонировать. Под его руководством там построен завод керамических труб. Золотой человек наш Иван!

После завтрака Таштемир позвал Фирузу в сад.

— А ну, оцени-ка наш труд!

Сад у Чулбобо начинался от самой террасы и уходил далеко-далеко, гектаров на триста. Он был расположен как бы в три плана: впереди красовались пышные, приземистые, усыпанные плодами гранатовые и инжировые кусты, затем, широко раскинув кроны, привольно стояли ряды яблонь и груш, а по границе сада высились виноградники, словно окаймляя его. Виноградные лозы были подняты на высокие железные шесты, перехваченные проводами. Из густой листвы свисали огромные, янтарные, розовые, черные гроздья, еще подернутые утренней росой.

Фируза удивлялась саду, восхищалась его диковинками.

В виноградниках она переходила от лозы к лозе, считала сорта, трогала тугие, тяжелые кисти, расспрашивала о них садовника и все время терзалась мыслью: «Неужели человека, создавшего такое чудо, председатель гнал из колхоза?!»

Наконец она решила спросить:

— Не верится, отец, неужели у председателя повернулся язык грозить вам?

Старик был как бы освежен утренней прохладой, красотой сада, и лицо его светилось радостью. Но оно мгновенно почернело, словно покрылось темным облаком, едва прозвучал вопрос девушки. Перед его глазами сразу встал Мирхасил, вспомнились его пренебрежительные слова о матери-земле, дарующей свои щедроты миллионам людей.

Чулбобо, засовывая за пояс секатор, проворчал:

— Видно, хозяйка всю ночь забавляла тебя сказками.

— Это сказки или жизнь?

Старик задумался. Сумеет ли девушка, только что приехавшая сюда, разобраться в степных неурядицах? И все-таки признался, тербя бороду:

— Действительно, мы с председателем, кажется, не придем к согласию.

— Значит, вы уверены, что с председателем нельзя найти общий язык?

— Если бы председатель мог ценить землю, жить не только сегодняшним днем, но думать и о будущем степных земель, можно было бы до чего-то договориться.

Любовь садовода к земле, его вера в свою силу и правоту передались Фирузе. Глядя на старика, она с уважением воскликнула:

— Живите, здравствуйте!

Из-за деревьев поднималось солнце. Тысячи и тысячи листьев и плодов, налитые соком, засверкали бесчисленными оттенками.

Сад показался Фирузе волшебным царством, она ждала, что вот-вот деревья заговорят и сами раскроют свои секреты.

Ветер со стороны канала шевелил каждым листком. Легкие волны ветра еще ниже клонили к земле отяжелевшие ветки, словно деревья благодарили землю-кормилицу. Временами слышался глухой стук падающих плодов. Фируза нагибалась то под одним, то под другим деревом, собирая плоды в корзинку. За короткое время большая корзинка переполнилась. Высыпав яблоки на циновку под огромной тенистой яблоней, девушка снова пошла по саду. Пришла Ханифа. Увидев Фирузу, собирающую яблоки, засмеялась:

— Что же это вы, отец, заставили гостью работать с первого дня?

Ханифа взяла из рук девушки корзинку.

— Сад Чулбобо словно родник. Сколько ни черпай, всего не вычерпаешь. Тебе, доченька, пора. Знаешь, где правление?

— Спрошу по дороге.

Старик показал в конец сада.

— Иди прямо. Скоро увидишь белый высокий дом. Это и есть правление.

— Пойдем, я провожу тебя,— позвала Ханифа.

Подходя к виноградникам, Фируза услышала мужской голос, окликающий Чулбобо, и приостановилась.

— Наркузи идет,— обернулась удивленная Ханифа к мужу.— Как это он надумал, какой ветер его принес?

— По какому-нибудь делу,— ответил старик и, по-

вернувшись в сторону террасы, позвал:— Иди, иди, Наркузи, мы здесь.

Фируза возвратилась, чтобы увидеть Наркузи, о котором слышала вчера как о мастере хороших урожаев.

Наркузи сорвал в цветнике нераспустившуюся белую розу, понюхал, подсунил стебелек под тубетейку над ухом и подошел к старику.

Это был плотный, смуглый тридцатилетний человек, в выгоревшей на солнце защитной гимнастерке и галифе чуть потемнее, на ногах давно нечищенные кавказские сапоги. Туго опоясанный широким коричневым ремнем, он казался более статным и широкоплечим.

Гость чем-то напомнил Фирузе Шерали, она невольно представила себе их рядом и нашла явное сходство: у обоих продолговатые загорелые лица, смеющиеся, слегка прищуренные карие глаза, густые сросшиеся черные брови.

— Ассалям алейкум, отец!— поклонился Наркузи, сверкнув в широкой улыбке золотыми зубами.

Старик протянул было ему руку, но Наркузи широко раскрыл объятия. Они обнялись, словно старые друзья, которые давно не виделись. Сильными руками Наркузи прижал к себе старика.

— Эй ты, молодец, ломаешь мои старые кости! — воскликнул покрасневший Чулбобо.— Я тебе не Мирхасил.

— Вот тебе на! — заискрились глаза Наркузи.— И тут вы не позабыли попрекнуть меня председателем! Ваши отношения с председателем известны, а я-то при чем?

Старик, освободившись из крепких объятий, ответил:

— Не болтай зря. Если бы наши отношения с председателем касались не земли, а нас двоих!..

Наркузи, подавая руку тетушке Ханифе, лукаво глянул на нее:

— Неужели и мы к старости станем такими же ворчунами?

Ханифа заступилась за мужа:

— Нет, он не ворчун, Наркузи. Вы, как говорится, лучше просите у аллаха дозволения дожить до такого же возраста, а каким тогда станете,— увидим.

— Мечтаю дожить,— ответил Наркузи, глядя в упор на девушку, стоявшую под яблоней.— Тетушка, вы бы познакомили с гостьей.

— Пожалуйста, будьте знакомы с новым агрономом нашего колхоза. Зовут ее Фируза.

Наркузи протянул девушке руку и больно сжал ее пальцы, как показалось Фирузе, нарочно, чтобы показать свою силу. Она не вскрикнула, но взглянула на Наркузи с досадой.

— Очень рад,— сказал Наркузи, осторожно разглядывая стройную девичью фигуру.— Из Ташкента?

— Да!

Он повернулся к старику.

-- Пришел просить вашего благословения, дорсгой наш отец: сегодня начнем сбор!

— Вчера я видел ваше поле. Хлопчатник раскрылся на славу. А людей хватает?

Наркузи снял тюбетейку, выронив розу, и потерял волосы. Углубились две складки на темном лбу.

— Нет, народу у нас маловато. Придется подумать над этим. Хочу просить председателя, пусть пригласит человек двести горожан.

— Ох-хо... чего захотел!— засмеялся старик.— Если каждой бригаде по двести горожан, сколько же понадобится всему колхозу?

— А мне какое дело?— Наркузи нервно скомкал тюбетейку в кулаке.— Моя бригада вырастила большой урожай. Теперь пусть дадут людей, тогда и получат хлопок. Вот и все.

Чулбобо, держа ладони перед лицом, воскликнул:

— Да сбудутся мечты твои! Перевыполнить план тебе да стать героем! Аминь!

— Спасибо, отец! Надеюсь, исполнятся ваши пожелания.

Наркузи снова попытался обнять старика.

Ханифа стала между ними, заслоня мужа:

— Потихе, не похваляйся силой!

— Перед таким львом я, пожалуй, всего лишь мышонок!— отшутился Наркузи.

— Вы в правление? Идемте вместе,— предложила молчаливая до сих пор Фируза.

— С удовольствием.

Проходя через виноградник, Фируза не удержалась:

— Взгляните на эти грозди! Чудо!

— Нет равных Чулбобо!— ответил Наркузи, указывая на золотисто-янтарную кисть, под лучами солнца казавшуюся прозрачной.— Это уже третий сад, выращенный его руками. От такого сада дохода не меньше, чем от хлопчатника.

Фируза спросила:

— Почему вы отношения Чулбобо с председателем считаете для себя посторонним делом? Вы не разбирались в их споре?

— Наш милый старик хочет пользы от каждого вершка земли.

— А председатель?

— А председатель бросает истощенные участки, распахивает новые. В нашем колхозе пять гектаров земли на одного человека.

— А почему он бросает освоенные участки?

— Станный вопрос задаете...— Наркузи горячо, убежденно принялся доказывать:— Гораздо легче освоить новый участок, чем осушить заболоченные поля. Разве вы не слышали поговорку: «Если хочешь состариться, обновляй обветшалое!» Вот я... Я сам лично не оставил не одного гектара, но мне приходится в три раза больше трудиться, чем бригадам на новых участках. Вот в чем дело, товарищ агроном!

— Так-то оно так, но если из-за трудностей старые участки забрасывать, степь очень скоро превратится в болото, не так ли?

— Вот это и волнует Таштемира.

— А вас?— спросила Фируза.— Вас это не волнует? На заброшенные участки вы смотрите сквозь пальцы?

— Эх-хе!— Наркузи улыбнулся насмешливо.— Вы как следователь. Почему должен горевать я, пусть горюют те, кто виноват!

— Как же вы отделяете себя от всех? Земля — общая. О дальнейшей судьбе земли нужно заботиться всем. Если Чулбобо будет думать только о своем саде, а вы только о землях своей бригады, будет ли толк? Мне кажется, вопрос надо понимать шире.

— Правильно,— покорился Наркузи,— но председатель наш думает по-иному. Вы новый человек, поработайте с нами, потом потолкуем.

. К длинному белому одноэтажному зданию правления они подошли с боковой стороны. Свернув к фасаду, увидели на площадке около правления небольшую толпу: в основном бригады, что-то горячо обсуждавшие. Наркузи подошел, поздоровался с каждым. Потом представил Фирузу. Оказалось все ждали председателя. Он вскоре подкатил на новенькой «Волге».

Мирхасилу на вид лет сорок. Это крупный, рослый человек, в хорошо выглаженном цвета хаки кителе, в начищенных до блеска сапогах. Из-под новой тубетейки выбивались редкие волосы. Крупный нос краснел на бледном, плоском лице. Мирхасил, видно, только поборился, видны были следы пудры, и от него исходил резкий запах одеколона. Подходя к ожидающим, он сразу почувствовал настроение, с каким его встречали.

— Опять явились скандалить? Давайте, выкладывайте. Говорят, на свете нет неразрешимых задач.

— Не хватает фартуков, мешков,— развел руками один из пожилых бригадиров.— Как быть?

— У меня нет ни мешков, ни фартуков,— грубо отрезал председатель.— Принесите из дома, почините старые.

— Машины, обещанные вчера, не прибыли,— пожаловался другой бригадир.

Председатель промолчал.

— Собранный хлопок горой лежит на хирмане, как быть?

— Машины придут. Что еще?

Женщина, державшаяся в стороне от толпы, подошла ближе.

— Неважные дела в моей бригаде. Вчера кладовщик не выдал продукты, все остались без обеда. Скажите ему, пусть не мотает нам нервы каждый день. Надо отпустить сразу на весь месяц.

— Хорошо, Турсунахон, хорошо, я прикажу ему.

В разговор вмешался муж женщины, новый парторг, долговязый молодой парень по имени Аширари.

— Товарищ председатель, к вам просьба: зайдемте в правление и продолжим разговор там.

— Здесь вам не нравятся, что ли? — нахмурился Мирхасил.— Давайте меньше болтать, примемся за дело. Идите по своим бригадам. Разгар сбора, а мы —

митингуем. Сегодня по бригадам пошлю своих представителей, им и сообщите обо всех неполадках.

Людям пришлось замолчать.

Мирхасил окинул взглядом каждого в отдельности и, когда увидел Наркузи, кивнул:

— Зайди в правление, есть дело.— После этого он снисходительно обернулся к Аширали: — Зайди и ты.

Наркузи, показывая кивком головы на Фирузу, сказал:

— Приехала из города, агроном.

— Зайдите и вы,— сухо разрешил председатель и, тут же отвернувшись от нее к Наркузи, добавил:

— Я в курсе, звонили из района.

Мирхасил направился в правление.

Аширали, посадив жену на коня, напутствовал ее:

— Поезжай скорее, не отставайте там, продукты я привезу сам.

Турсуна, похлестывая коня, улыбнулась Фирузе:

— Не забудьте навестить и нас, Фирузахон!

— Конечно, сестрица.

Площадь опустела. Кто на мотоцикле, кто на лошади — все разъехались.

Фируза из рассказов Ханифы и Чулбобо уже имела представление о председателе, а его обращение с бригадами дополнило этот портрет.

Наркузи взял девушку за локоть.

— Идемте, Фируза, в правление.

Фируза, Наркузи, Аширали прошли в кабинет председателя. В длинном темном коридоре правления грузный человек, сидевший на скамейке у двери, обитой черным дерматином, встал. Он хотел было заслонить собой дверь, но увидев Аширали, тут же прижал руку к груди и нарочито любезным голосом протянул:

— Пожалуйте, партком, салам алейкум.

Видно было, что Аширали недолюбливал этого стража: он сдержанно ответил:

— Ваалейкум ассалам... Мне кажется, Халмат-ака, чем охранять порог председателя, лучше бы вам пойти на поле поработать, как вы думаете?

— Состарился я, не по силам мне, Аширали-бай.

— А вы поработали бы по силам: поставили бы самовар, напоили бы сборщиков чаем.

Халмат, не придав особого значения словам Ашир-али, буркнул:

— Посоветуемся с председателем...

Фируза переступила порог огромного мрачного кабинета, соответствующего солидности человека, имя которого было указано на табличке. Напротив двери громоздился стол, покрытый красным плюшем. Справа прижался к стене маленький столик с тремя разноцветными телефонными аппаратами. Фирузе таких аппаратов не доводилось видеть даже в городе. В центре стола, утопая в громоздком кожаном кресле, восседал председатель. Вокруг стояло еще шесть таких же кожаных кресел, дюжина дубовых, обитых бархатом, и дюжины две стульев, тоже обитых бархатом. Длинный стол, приставленный перпендикулярно к столу председателя, вполне сгодился бы для большого министерства.

Видно было, что вся эта мебель сделана по особому заказу.

Тяжелые плюшевые занавеси на окнах и дверях создавали таинственный полумрак.

Председатель пригласил сесть только Ашир-али, и, если бы не парторг, Фирузе и Наркузи пришлось бы стоять. Раздался звонок.

Мирхасил, сняв белую трубку с телефона, пообещал кому-то собрать сегодня три процента хлопка. Для пущей убедительности ударил себя в грудь:

— Пусть я не буду мужчиной, если не сдержу слова.

К концу разговора от усилий говорить почтительно и любезно его красный нос посинел. Своего невидимого собеседника он просил непременно приехать сюда, в колхоз, на отдых. Пообещал поехать с ним охотиться на фазанов.

Наконец положив трубку на рычаг, Мирхасил зазмурился, тяжело вздохнул, открыл глаза и многозначительно посмотрел на всех, сидящих вдоль длинного стола.

— Вот, слышали, какие трудные задачи перед нами? Три процента! Слышали, Ашир-али? Требуют три процента! Это вам не фунт халвы. Три процента — это девяносто тонн пушистого хлопка. А ведь собирать его надо по грамму, щепотка за щепоткой. Итак, перейдем к конкретным делам.

Опираясь о высокие мягкие подлокотники, Мирхасил потянулся и широко зевнул.

— Вот ты, Аширали, сказал: «Пойдемте, поговорим в правлении». Нет, дорогой партком. Судьба трех процентов хлопка решается не в кабинете, а в поле, на хирмане.

Аширали стало душно от слов председателя, сказанных сквозь зевоту. Он расстегнул воротник гимнастерки.

— Верно, — судьба урожая решается именно в поле. Но не надо, товарищ председатель, забывать, что судьба урожая зависит от людей. В первую очередь надо подумать о тружениках, удовлетворить их просьбы, их нужды. С людьми, председатель, нужно уметь обращаться. Труженики заслуживают вежливого обращения.

— Вот оно что, — прищурил глаза Мирхасил. — Может, хотите сказать, что я грубиян?

— Да, грубиян, — спокойно подтвердил Аширали. — И еще какой...

— В чем выражается моя грубость? — надменно поинтересовался Мирхасил. — Может, назовете, кого я обидел?

— Сейчас не время об этом говорить, — ответил Аширали. — Как вы сами сказали, лучше поговорим о конкретных вопросах: во-первых, скажите Ильхамче, пусть сегодня же обеспечит бригады продуктами. Если он их не доставит, следует заменить его на этом посту, найдется другой, более деловой человек.

Категорический тон Аширали заставил председателя сдерживать резкость. Слегка покачиваясь, он процедил:

— Хорошо, хорошо, выполним. Что еще?

— Вы говорили о представителях, которых намереваетесь послать по бригадам. Что это за представители?

— Ну, кто еще может быть? Наши же, из правления.

— Нет необходимости.

— Почему?

— Каждый бригадир в своей бригаде является представителем правления, — ответил Аширали, и, посмотрев на Наркузи, спросил: — Как вы считаете, товарищ бригадир?

Наркузи очутился между двух огней. Если он согласится с Аширали, значит, пойдет против председателя. Если согласится с председателем — признает свое бесправие в делах бригады. Он растерянно взглянул на Фирузу. Она с интересом ждала его ответа.

— Представитель — хорошее дело, но когда их много, они мешают работе,— ответил Наркузи.— Да и незачем торопиться: скоро приедут представители из района, из области. Каждому будет нужен ночлег, постель, обед...

— Молодец, Наркузи!— поддержал его Аширали и продолжил свою мысль:— Надо больше доверять бригадирам. Председатель, партком, агроном могут заменить в колхозе любых представителей.

Председатель, намеревавшийся свалить свои обязанности на плечи других, как-то обмяк от слов Аширали, словно человек, уронивший арбуз, который долго нес. Особенно ему не нравилось, что разговор происходит при новом агрономе.

— Вы всегда идете мне наперекор!— не выдержал наконец председатель.— Не согласны со мной? Тогда идите, делайте, как сами знаете!

— Если я не прав, докажите это!— не сдавался Аширали.— Если у нас разногласия, давайте поговорим на заседании правления.

Предложение Аширали застало председателя врасплох.

Фируза, со вчерашнего дня много слышавшая о председателе, поймала себя на мысли, что ей стало легче, когда она увидела, как он притих перед правдой.

Мирхасил, сидевший с опущенной головой, взглянул исподлобья на Наркузи:

— У вас ко мне дело?

— Вы сами сказали, что надо поговорить.

— Вот какой разговор: каждый день вы должны давать по четыре процента хлопка.

— Пожалуйста, но при одном условии...

— Какие еще условия?

— На моем участке хлопок раскрылся полностью, а рук не хватает. Дадите подмогу, получите хлопок.

— Урожай большой!— посветлел председатель.— Сколько тебе нужно людей?

— Не меньше двухсот.

— Пригласим горожан, мне обещали. Готовь им место.

— Спасибо, председатель.

Фируза неожиданно вмешалась в разговор:

— Почему вы не используете хлопкоуборочные машины, товарищ председатель?

— Используем,— нехотя ответил Мирхасил.— Но каждому овощу свое время...— Он поднялся с места и одернул полы кителя.— Мы что-то засиделись, давайте-ка лучше поедем по бригадам. Ты, Аширали, поезжай в бригаду Турсунахон. От моего имени скажи Ильхаму, пусть отпустит продуктов на три дня.

— Ты... простите... вы, Фируза, идите в бригаду Наркузи. Вечером жду сводку на четыре процента. Если будет меньше,— не зачем. Я проверю другие бригады.

Положив ладони на стол, Мирхасил дал понять, что прием окончен.

Фируза отправилась вместе с Наркузи. Вскоре они свернули на поле. По узкой дорожке, среди густых зарослей хлопчатника, шли молча. Фирузе захотелось спросить о колхозе, о бригадах, о многом, но она не решилась беспокоить призадумавшегося попутчика.

Так шли они минут десять, пока за рослыми и мощными кустами хлопчатника, показалась белая терраса с шиферной крышей.

— Вот полевой стан нашей бригады,— пояснил Наркузи и засмеялся:— Теперь вы у меня в руках, товарищ агроном. Заставлю поработать на славу, по-нашему, по-колхозному.

— Я не боюсь работы,— ответила Фируза.— Я пришла в степь не на отдых.

Глава четвертая

Фирузе еще ни разу нигде не приходилось видеть такой богатый урожай. На Янгиюльском учебно-экспериментальном участке института она сама выращивала хорошие урожаи. И поэтому ясно представляла себе, сколько труда, усердия, умения и знаний передовой агротехники потребовалось, чтобы вырастить такой хлопок. Она знала, что в Янгиюле возможностей да и ра-

бочей силы, гораздо больше, чем в Голодной степи, и не представляла, что когда-нибудь кто-нибудь сможет добиться таких богатых успехов. До самых плеч поднимались раскидистые, тяжелые ветви, усыпанные бесчисленными коробочками. Возле одного куста она остановилась и принялась считать раскрывшиеся и еще не раскрывшиеся коробочки; семьдесят штук, не считая мелочи. Она прикинула, сколько грамм хлопка в одной коробочке, затем — сколько кустов в гектаре, гектары перевела в тонны... Ого!.. Рекордный урожай! Вот они, плоды трудов в зимнюю стужу и под летним степным солнцем. Сейчас не время было выяснять у Наркузи детали этой воистину титанической работы, но потом она расспросит его обо всем по порядку и подробно.

Фируза посмотрела на бригадира, шедшего поодаль и улыбнулась ему. По-видимому, Наркузи понял значение этой улыбки: лицо его посветлело.

Когда Фируза и Наркузи дошли до полевого стана, сбор хлопка был уже в разгаре. Все работали в поле. Только молодой весовщик да двое стариков сидели в углу на циновке за чайником зеленого чая.

Увидев бригадира, весовщик растерялся. Не зная, куда девать расписную цветастую пиалу, вскочил и суетливо приветствовал Наркузи:

— Ассалам алейкум, с добрым утром, Наркузи-ака!

Старики тоже собирались было встать и поздороваться с бригадиром, но Наркузи сам кинулся к ним, протягивая руки:

— Сидите, сидите, почтенные!

— До нас дошли слухи, что Наркузи приступает к сбору урожая, вот мы и пришли на помощь,— сказал, хитро улыбаясь, один из стариков.— Мы хоть и не сможем собирать, но думаем, что и нам найдется работа по силам.

— Найдется!— подтвердил Наркузи, подсаживаясь к старикам на циновку.— Пожалуйста, Фируза, садитесь, потолкуем со стариками,— пригласил Наркузи агронома и, посмотрев на долговязого весовщика, стоявшего с прижатой к груди пиалой, добавил:— А вы, Мирфаяз, повяжите фартук и ступайте собирать хлопок. Видите, пришли помощники, они заменят вас.

— Говорил же я тебе, найдется и нам работенка, — закричал один из стариков в самое ухо другому.

Мирфаяз сник, ссутулился.

— Ладно, Наркузи-ака, пойду... — он отошел в дальний угол и неторопливо начал рыться в куче фартуков.

— Эй, джигит, живее! — крикнул следивший за ним бригадир. — Не забудьте, что дневная норма — восемьдесят килограммов.

Мирфаяз, обиженно насупившись, ушел в поле.

— Оказывается, человек может ростом достичь высоты тополя, а ум сохранить, как у мальчишки, — сердито сказал Наркузи. — В прошлом году я прогнал его от весов. В этом году он опять сюда явился. Какой узкий специалист!

Старики поднялись с места.

— Давай примемся за дело, — опять крикнул старик в ухо другому. — Я подмету полевой стан, а ты, Маасуль, займись весами.

Старики принялись за работу.

Наркузи, глядя на Фирузу, засмеялся:

— Как вы насчет сбора?

— Буду собирать!

— Давайте соревноваться. Ваши условия?

— Условия? — Фируза призадумалась, потом показала на самый большой арбуз в груди других: — Вот мое условие: кто проиграет, тот один съест этот арбуз.

— Условие принято!

Оба рассмеялись.

Наркузи повязал фартук и, направляясь в поле, поручил старику, возившемуся у весов:

— Сейчас придет наша повариха Мариам-апа. Передайте ей, пусть сегодня готовит плов.

— Ладно, сынок, передам. Ладно.

Когда Фируза и Наркузи подошли к полю, им встретились сборщики с полными фартуками.

— Достанется же нашему весовщику, — сказала Фируза, быстро и ловко срывая двумя руками белые хлопья. — А старик грамотен?

— Я спокоен за стариков, — ответил Наркузи, не отрывая глаз от хлопчатника. — Они знают все. Если даже и неграмотны, со счета не сойдутся.

Сборщицы, увидев бригадира с незнакомой девушкой, не преминули подкольнуть:

— Раз принялся за сбор сам Наркузи-ака, значит, выполним норму.

— Если сам бригадир не выполнит, помощница выручит.

— На то он ее и привел!

Над полем зазвенел задорный девичий смех.

— Эх вы, трещотки, сороки!— отозвался, скрывая смущение, Наркузи.— Это наш колхозный агроном. Зовут ее Фирузахон.

Но такое объяснение удовлетворило далеко не всех.

— А я все гадала: чего это бригадир не выходит в поле? А он, оказывается, совещался с агрономом!

— Сестрица агроном, остерегайтесь бригадира: он так ловко собирает урожай, что за ним не угонишься.

— Ну и что? Если агроном и проиграет, так ведь не кому-нибудь, а бригадиру!

— Полно, полно, девчата: обидится агроном и сбежит от нас обратно в город!

Фируза в девичьих шутках уловила доброе отношение к бригадиру, но такое вольное их с ним обращение не очень-то ей понравилось.

Развеселившиеся девушки вскоре отправились к весовщику, и Фируза, искоса глядя на Наркузи, сказала:

— А вы, я вижу, дружите с девушками!

— Вот уже шесть лет мы работаем вместе,— не спеша ответил Наркузи.— С тех пор у нас нет друг от друга секретов. У многих из них я уже гулял на свадьбах. Не девушки, а огонь! И замужество не повлияло, не угомонились.

Фируза перешла на соседнюю борозду.

До обеденного перерыва Фируза пять раз ходила к весовщику. Каждый раз ее фартук весил около пуда. От старика она узнала, что Наркузи уже сдал больше ста килограммов.

Когда гонг возвестил об обеденном перерыве и Фируза поставила на весы неполный фартук, Наркузи многозначительно кашлянул. Подняв голову, она увидела смеющегося бригадира, кивнувшего ей на огромный арбуз.

Во время обеда на полевом стане было много гос-

тей — кинооператоры, корреспонденты городских и районных газет, фотографы и даже один писатель. Он попросил выключить репродуктор и, вынув из кармана блокнот, принялся записывать какие-то цифры и ответы Наркузи.

Кинооператоры поставили свою аппаратуру на краю поля и попросили девушек вернуться к хлопчатнику. Этим они не ограничились и, прервав беседу Наркузи о писателем, заставили бригадира тоже выйти на поле. Видно, Наркузи уже не раз попадал в руки операторов и фотокорреспондентов: он вошел в круг сборщиков и принялся жестикулировать, словно давал какие-то указания. Затем, приняв чинный вид, медленно пошел на кинокамеру. Наконец, подвязав фартук, изобразил сбор хлопка.

Бригадир не растерялся и тогда, когда к губам ему поднесли микрофон. В пятиминутной, ровной, без запинок, речи он подробно рассказал, как его бригада работает на ста тридцати гектарах земли, начиная от зимнего полива и до весеннего квадратно-гнездового сева; от внесения летних удобрений и до сегодняшнего дня — начала сбора.

Когда он говорил своим приятным, мягким голосом, щелкали фотоаппараты, сверкал магний, шуршали крутящиеся диски с пленками, мелькали авторучки по белым листкам блокнотов.

Наркузи не ограничился лаконичными ответами, иногда он намекал на новые темы, на «острые углы». Наконец съемки прекратились, и бригадир вернулся к писателю, продолжившему свои вопросы.

— Все данные, о которых вы спрашиваете, есть на плакатах, — ответил бригадир и, повернувшись к Мирфаязу, крикнул: — Пойди принеси из Красного уголка плакат и дай гостю.

Со стола, покрытого красной скатертью, Мирфаяз принес плакат, скатанный в трубочку.

Наркузи раскрутил трубочку.

— Вот, товарищ писатель, — здесь все указано. У нас на полевом стане агитация и пропаганда на должном уровне.

Эти слова бригадира послужили новой пищей корреспондентам. В тот же миг они окружили его, засыпая новыми вопросами.

Не исчерпалась еще эта тема, как Наркузи подбрoсил новую.

— Вы сами видели наш урожай, товарищ писатель. Сейчас задача — собрать весь урожай. Не хватает рук. Надеемся на помощников, но и сами не плошаем. Сегодня помогает нам наш новый агроном — Фирузахон. Соревнуясь со мной, она до обеда собрала более 80 килограммов хлопка. Соревнование бригадира с агрономом. Правда, интересно?

Фируза, услышав столь лестные слова, смутилась. Но писатель тотчас посадил ее рядом с бригадиром и принялся уточнять биографию. Лицо ее горело. От смущения она отвечала сбивчиво, запинаясь.

Фирузе много раз случалось заполнять анкеты, но теперь впервые пришлось рассказать на людях свою жизнь. Да и чем примечательна жизнь двадцатилетней студентки?

Другое дело — биография Наркузи. Он был в армии, потом поднимал целину, выращивал рекордные урожаи.

А Фируза? Что сделала она, чем отличилась? Своего отца она не видела. Мать, учительница, растила ее без мужа. Теперь — стала агрономом. Вот и вся биография.

Фируза взглянула на девушек, стоявших возле, на ребят, на пожилых людей, на бригадира, корреспондентов, операторов. Все они смотрели на нее с интересом, стараясь запомнить ее ответы.

— Я вас очень прошу, товарищ писатель, не пишите ничего обо мне, — попросила Фируза. — Ничего я еще не сделала в своей жизни.

— Вот так да! — удивился писатель. — Разве это не дело, что до обеда вы собрали пять пудов хлопка?

— Многие девушки, да и сам бригадир, собрали гораздо больше.

Наркузи вмешался в разговор:

— Фируза скромничает. Пишите.

— Нет, не надо писать — решительно запротестовала Фируза. — Сегодня я в этой бригаде, завтра — в другой. Да и в нынешнем урожае нет ни малой доли моего труда. Я всего-навсего начинающий, еще неопытный агроном. Не обо мне, а вот об этих удивительных людях надо рассказывать. — И тут же обратилась к де-

вушкам: — Расскажите-ка корреспондентам, по сколько килограммов хлопка вы собрали?

Девушки словно только и ждали этого. Тут же окружили гостей и затараторили:

— Напишите обо мне, я собрала сто три килограмма.

— Э, разве они напишут обо мне и о тебе. Они напишут о тех, кого порекомендует председатель!

— Эй, Хадича, не задевай председателя!

— Подумаешь! Съест он меня, что ли?

Полленькая, кругленькая хохотушка подошла к писателю.

— Рассказать вам мою биографию?

Писатель, опасаясь ее упорного взгляда, отодвинулся.

— Мне не нужна ваша биография!

— А почему? — не сдавалась толстушка. — Моя биография увлекательнее любой истории из «Тысяча и одной ночи».

Девушки расхохотались.

— Пишите, — настаивала толстушка. — Когда мой муж задумал дезертировать из армии, я собственноручно поймала его и отвела куда следует. Сейчас он, как все его одногодки, на военной службе. Пишет мне слезные письма.

Одна из тараторок вставила:

— А Саракон эти письма со слезами читает.

Наконец гостей пригласили к плову, а после плова подали арбуз.

— Вот это арбуз, чудо! — протяжно сказал Наркузи и, хитровато поглядывая на Фирузу, ловким взмахом ножа разрезал прекрасный плод. Но, повинуясь законам гостеприимства, предложил всем сочные алые ломти.

Фируза отвернулась и засмеялась.

После обеда сборщики ушли в поле. Бригадир повел корреспондентов к густым деревьям. Под тенью раскидистых талов у прохладного водоема разместились ясли. В кроватках лежали малыши. Матери только что покормили их и оставили здесь.

Фируза тоже пришла в этот тенистый уголок. Стоя возле бригадира, она внимательно слушала.

— Матери довольны, — говорил Наркузи, с улыб-

кой глядя на малышей.— Они спокойно работают: их дети под присмотром. Детский сад у нас не хуже. Он — вот там, в яблоневом саду.

Фирузе понравилась забота бригадира о матерях, но в его восторженном рассказе она уловила нотки хвастовства. Ей показалось, что Наркузи рисуется и набивает себе цену. И все же хотелось оправдать его поведение: «Может быть, это нужно — умело показать свои достижения? — И возразила себе самой: — А почему он сам говорит о себе, ведь это нескромно...»

Проводив корреспондентов, бригадир спросил:

— Не устали? Будем еще собирать?

— Нет, не устала. Но ведь нам с вами надо посмотреть весь ваш участок.

Предложение Фирузы понравилось бригадиру. Еще рано утром, при первой встрече с девушкой, Наркузи поймал себя на мысли, что ему хочется обстоятельно, не торопясь, поговорить с ней. В сердце затеплилось какое-то новое чувство.

— Как раз сейчас подходящее время, — согласился Наркузи. — Оседлать коней?

— Зачем? Пройдемся пешком. Не очень далеко?

— Далековато. Пять больших карт у нас, придется ходить до вечера.

— Пойдемте!

Они пошли по краю, обсаженному молодым туюником.

Наркузи рассказывал:

— Эта карта — сорок гектаров. Остальные — по тридцать. У нас есть аксакал Иван Андреевич Мудров. Знаток полива. Три года назад они с Чулбобо, осмотрев мои карты, посоветовали отодвинуть участки подальше друг от друга. Составили новую схему полива. Облегчилась обработка хлопчатника, меньше нужно воды. Урожай значительно возрос.

Они остановились возле канавы в конце участка.

— И дренажные канавы вырыты по совету стариков, — сказал Наркузи, оглядывая с бугорка участок. — Это вот стекает соленая вода. Когда мне Иван Андреевич сказал: «Под землей больше воды, нежели на поверхности», я удивился. Видите, течет столько же воды, сколько в большом рыке.

Фируза заглянула в канаву.

— Действительно, на этой воде могла бы работать мельница.

— Земля в Голодной степи капризна, — продолжал Наркузи. — Если в одну борозду выльете ведро воды, то во второй борозде она пережестит через край. Зимой донимают талые воды. Но эти каналы выручают нас.

Фируза спросила:

— Значит, в ссоре Чулбобо с председателем упоминались эти каналы?

— Щекотливый вопрос!.. — Наркузи, сняв тубетейку, почесал затылок. — И утром я не знал, как вам ответить, и вот сейчас трудно сказать.

Фируза взглянула на бригадира:

— Почему?

Глаза Наркузи потускнели, он долго молчал. Наконец заговорил, разминая сапогом ком глины:

— Фирузахон, это сложная задача, поймите, ведь это не личная ссора садовода с председателем. Это разные взгляды, разное отношение к голодностепской земле. Разногласия их возникли давно. Один говорит: «Земли достаточно. Степь бескрайняя. Нужно везде сеять, все использовать».

Голодностепская земля, Фирузахон, удивительная: два-три года дает отличный урожай, затем перестает впитывать воду, становится болотистой. Подземные воды на поверхность поднимают соль. Очень трудно сеять на таких землях. Поэтому многие бросают заболоченные солончаки, переходят на новые участки. На новой земле хороший урожай, большие доходы...

Но другой отвечает: «Земля — народное достояние. Земля — богатство, земля — золото. При хорошем уходе земля не два-три года будет вас кормить, а вечно. Надо заботиться о доходах не только на сегодняшний день, надо думать о будущем!» Люди, думающие так, крепко держатся за свои участки. Прежде чем требовать чего-либо от земли, приводят ее в порядок, борются с ее врагами. Затем получают хороший урожай, но не оставляют своих забот о земле.

Эти рассуждения рассеяли сомнения Фирузы. Теперь бригадир, был ей ясен: он близкий председателю человек, один из тех, кто безжалостно изнуряет землю, хвастун, выставляющий себя напоказ.

Чтобы убедиться в своей правоте, еще раз проверить себя, она спросила прямо:

— А на чьей стороне вы?

Он не решался резко ответить девушке, с первого взгляда приглянувшейся ему. Молча подошел к молодому тутовнику, сорвал зеленый листок и принялся жевать.

Фируза раздраженно спросила:

— Почему вы не отвечаете?

— Вот мои поля,— сказал Наркузи, широко раскинув руки, словно желая обнять бескрайнюю зеленую землю.— С того дня, как я стал бригадиром, все время здесь. Ни одного вершка земли я не погубил и не собираюсь губить. Приглядитесь, походите, посмотрите всюду. Нигде на моем участке не увидите ни сорняков, ни заболоченной земли, ни единой камышинки. Тридцать четыре члена бригады — все мы боремся за свою землю. Не за горами зима — увидите, как мы будем питать землю талыми водами. Соль с поверхности смоем. Не раз, а три, пять раз смоем. Если понадобится, и больше. Наши каналы унесут всю грязь. Мы, как доктора, стерилизуем свою землю от всех болезней. Бывает, по пояс влезает в ледяную воду. Нелегко в Голодной степи выращивать хлопок. В Янгиюле, где вы сеяли и выращивали хлопок, гектар земли рассчитан на одного человека. А у нас одному человеку приходится обрабатывать пять-шесть гектаров земли. Мы обеспечены машинами. Но и машинами управляют люди. Те веселые красавицы, которых вы недавно видели, таскают удобрения, окучивают и рыхлят почву. Терпят комаров и москитов. Этот урожай, это изобилие не сами собой пришли. А вы: «На чьей я стороне».

Фируза неожиданно почувствовала, что верит Наркузи, что уже отказалась от своих скоропалительных выводов о приверженности его к председателю. И все-таки отойти от этой темы она не могла.

— Извините меня за мою назойливость. Но я не могу забыть болота и камыши, которые видела вчера. Разве те земли не народное добро? Почему их забросили? Ночью я слышала историю Чулбобо. Историю Голодной степи. Историю земли. Историю наших предков. Оказывается, в Голодной степи и раньше были люди, подобные Мирхасилу. Они-то и оставили нам в наслед-

ство болота в Голодной степи, комаров, камышовые заросли, солончаки. Сейчас иное время. Теперь Голодная степь — не дойная корова в руках богачей, а народное добро.

— О, вас уже успели просветить, — улыбнулся Наркузи, перепрыгнул через канаву и протянул Фирузе руку: — Смелее! Прыгайте!

Прыгнуть девушка прыгнула, но туфли увязли в глинистой земле. Пришлось прибегнуть опять к помощи Наркузи.

Когда они пошли по плантации, расположенной на другой стороне канавы, Наркузи неожиданно остановился.

— Фируза, я бывший солдат. В армии меня научили беспрекословно подчиняться приказам. Председатель — командир. Мой долг подчиняться. Ничего плохого не сделал мне Мирхасил-ака. Чего бы я ни пресил у него для бригады, он не отказывает, во всем идет навстречу. Конечно, я не согласен с его методом освоения земель. Я против. И другие против того, чтобы забрасывать землю. Но я не считаю себя вправе противоречить председателю. Да и времени у меня нет на все эти споры. Я работаю, вот моя основная задача. Теперь вот приехали вы, будем трудиться вместе.

Фируза поняла бригадира, и хотя не могла согласиться с ним, не стала больше возражать. Ведь в Голодной степи она новый человек. Первый день она дышит этим воздухом. Все впереди. Еще не раз ей придется встречаться с бригадиром, говорить с ним.

Фируза ласково глянула на него, ладонями коснулась белых коробочек и сказала:

— Спасибо вам!

Наркузи молча направился к следующей карте.

Пока они закончили осмотр, пока обошли все участки, солнце склонилось к горизонту. Дневная жара спала.

У стариков на полевом стане кипела работа. Один из них помогал молодому арбакешу грузить мешки, туго набитые хлопчатником, а второй по-прежнему стоял у весов, подзадоривая девушек.

Фируза дотемна помогала на полевом стане. После того как ушла последняя арба, Наркузи принялся подсчитывать собранный и уже отправленный хлопок.

Оказалось, два с половиной процента. Усомнившись, бригадир несколько раз просил старика читать записи, сделанные арабскими каракулями, а сам щелкал костяшками замусоленных счетов, но как он ни пересчитывал — получалось два с половиной процента.

— Странно! — раздраженно сказал Наркузи. — Нехорошо получается.

Фируза, увидев нервно приподнятые брови бригадира, уловив его беспокойство, взяла все записи старика и принялась считать сама. Два с половиной процента...

— Наркузи-ака, подсчитано верно, — убеждала она бригадира, — тридцать пять человек и не могли собрать больше. По-моему, вам нужно срочно сбросить листья на трех полосах и пустить хлопкоуборочные машины.

— Верно-то оно верно, — по привычке приподняв тубетейку и почесывая затылок, согласился Наркузи. — Но мне кажется, пора призвать помощников.

— Ведь горожане не работают даром, — возразила Фируза. — Это отразится на доходах бригады. Машинный сбор обходится дешевле. А если горожане все-таки приедут, работы хватит и для них.

Наркузи промолчал. Затем, подвинув к себе счета, вздохнул:

— Взгреет нас председатель. Пообещали ему четыре процента.

Бригадир не пошел сам в правление, а послал сводку с Мирфаязом.

Потом проводил Фирузу до дома Чулбобо. Прощаясь, пожимая шершавыми мозолистыми руками слабые руки девушки, он спросил:

— Завтра встретимся?

Фируза украдкой взглянула на него, на его опечаленные глаза, и ей стало грустно.

— До свидания, Наркузи-ака, будьте здоровы.

Фируза ушла, а Наркузи долго еще стоял, прислонившись к арбе, оставленной возле стены.

В эту ночь Фируза написала первое письмо Шерали. Она писала, что остановилась в доме Чулбобо — в центре колхоза «Радостный труд», рассказывала о заботливой и словоохотливой тетушке Ханифе, о саде, выращенном удивительным стариком.

Глава пятая

Прошел месяц. За это время Фируза обошла все бригады колхоза, хлопковые поля, плантации риса, фруктовые сады, приусадебные участки. Она узнала строевые почвы, все арыки и каналы, заболоченные участки, камышовые заросли и солончаковые пустыри, не обозначенные в плане. Этих бесплодных земель она насчитала не менее семисот гектаров. Выходило, что Чулбо-бо был прав.

Как ни старался Мирхасил, выполнить по графику сентябрьский план сбора урожая ему не удалось. Не помогло ему и усердие горожан, приехавших на сбор. Бригада Наркузи перевыполнила план, собрав сто семьдесят процентов, но это оказалось лишь щепоткой соли, брошенной в огромный котел.

Мирхасил, в начале уборочной кампании взявший большие обязательства перед районным руководством, ходил теперь словно по горячим углям.

Когда Фируза, возвращаясь с поля, заглянула в правление, председатель горячо спорил с Аширали. Задыхаясь от злобы, как от удушья, кстати и некстати выкрикивая «мабодашник» вместо «саботажник», председатель обвинял Аширали в том, что он помешал своевременно послать представителей в каждую бригаду и этим сорвал мероприятие.

Смеркалось.

Никто не заметил, как в кабинет вошла Фируза.

Когда, постояв у порога, она включила свет, председатель, полагая, что это пришел Халмат, крикнул:

— Где ты?

Но обернувшись к двери, увидел стоявшую у порога Фирузу, и его лицо еще больше нахмурилось.

— Ах, это вы? — произнес он строго. — Где вы болтаетесь? Нигде не видно вас.

Фируза покраснела. Но осталась на месте, словно прикованная, машинально теребя пуговицы на голубой кофте и время от времени поглядывая на сидящего в глубоком кресле председателя.

— Чего это вы там стоите? — крикнул Мирхасил, хрустя пальцами. — Или проходите, садитесь, или уходите.

Фируза осторожно прошла по красной ковровой дорожке и присела около парторга. Она прямо посмотрела в глаза председателю, наблюдавшему за ней.

— Товарищ председатель, а не могли бы вы говорить вежливо?— сказала она дрогнувшим голосом.

— Ха-ха, не у вас ли мне учиться уму-разуму!

— Фируза права,— вмешался в разговор Ашир-али.— Надо обратить внимание и на свое поведение, председатель. Давно прошли времена угроз и грубости.

Мирхасил снял тубетейку и погладил свои редкие волосы.

— Вы думаете, мне легко?— проворчал он.— Государство требует от меня хлопок, а вы разводите антимонию о культуре.

— Мы живем в особую эпоху. Как ни странно, урожай тоже зависит от культуры,— вразумительно сказал Ашир-али.— Энтузиасты, которые по первому зову приехали в Голодную степь, могли заработать свой кусок хлеба где угодно, а приехали к нам сюда. Надо с ними ладить, незачем грубить. Они не заслужили такого обращения, товарищ председатель. Ведь, говоря по совести, трудовой человек сторонится грубиянов; даже от тени всяких бюрократов простой человек отворачивается. Честные труженики ценят внимание к себе, доброе отношение. Тогда и работа у них спорится, и работается веселее.

— Я требую от них дела,— возражал Мирхасил.— От меня бегут только бездельники и лодыри.

Фируза, уже успевшая окунуться в гущу колхозных будней, не стерпела клеветы. Глядя прямо в лицо председателя, она рассказала о том, что увидела и услышала.

— Я новый человек в колхозе,— спокойно сказала она,— сперва мне не все было ясно, и я ничего не говорила, но больше нельзя молчать, иначе мои мысли запутаются и мне трудно будет их распутать.

— Говорите все, что лежит на сердце,— подбодрил девушку Ашир-али.— Если болячку не лечить с первых дней, она может отравить весь организм!

Мирхасил, почесав заросший подбородок, встал с кресла.

— Если не возражаете,— сказал он, застегивая во-

рот кителя, — поговорим у меня дома, все мы проголодались.

Фируза, прерванная на полуслове, вопросительно взглянула на Аширали.

Мирхасил уловил ее быстрый взгляд и понял его значение. «Нашла единомышленников!» — подумал он.

— Пойдемте! — И добавил, обращаясь к Фирузе: — Познакомьтесь с моей женой.

Девушка стояла в нерешительности. Но Аширали согласился.

— Пойдемте. Продолжим разговор в доме у председателя.

Когда они вышли из кабинета, на скамеечке в коридоре увидели дремлющего Халмата. Он вскочил при появлении председателя и приложил руку к груди.

Мирхасил, проходя мимо сторожа, буркнул:

— Буду дома.

— Ладно, хозяин.

После освещенного кабинета Фируза долго не могла привыкнуть к темноте улицы и шла, придерживаясь за стены.

Мирхасил, взяв ее за локоть, показал дорогу.

— Еще наша станция не начала работать, приходится экономить энергию.

Но вдруг они оказались у дома, со всех сторон окруженного высоким забором, где над желтыми воротами сверкала лампочка в двести свечей. Над воротами был сооружен балкон, а при входе во двор в ярко освещенном гараже сияла зеленая «Волга». Фируза, привыкшая видеть председателя на голубой машине, удивленно посмотрела на новую, сверкающую яркой зеленью.

Асфальтированная дорожка от ворот вела в глубь сада и, огибая водоем, приводила к высокой открытой террасе. Запах зеленой арчи, посаженной по обе стороны дорожки, напоминал аромат крепкого зеленого чая. По углам водоема, чуть возвышаясь над водой, зеленые металлические трубы поддерживали красные шары, внутри которых горели лампочки, и свет их таинственно трепетал в воде, где плавали рыбы.

Мирхасил, шедший с гостями, остановился около террасы и сказал сидевшему там парню:

— Принесите хлеба, Ильхамбай.

Ильхамбай бросился к скатерти, расстеленной по-

среди террасы, схватил две сдобные лепешки и подал председателю. Кивком головы он поздоровался с Фирузой, а Аширали протянул кончики пальцев:

— Здравствуйте, партком-ака!

— Не умеешь даже как следует руку подать,— заметил Аширали, крепко сжимая его пальцы.— Есть ли у тебя душа?

— Ой, может, ее уж и не осталось — засмеялся парень.— На день раза по три получаю взбучку от председателя...

— Ругаю! — замигав тяжелыми веками, подтвердил председатель.— Если тебя не ругать, ты половину колхозного добра съешь.

— Спаси аллах, хозяин, — закачал головой Ильхамча.— Я сорок раз кланяюсь тому, у кого попробовал хоть щепотку соли.

Фируза не понимала смысла этих намеков и недоговоренностей между председателем и Ильхамчой, совмещавшим должность колхозного кассира с обязанностями заведующего складом.

Мирхасил разломал одну лепешку на кусочки и бросил в водоем.

Рыбы засуетились, набрасываясь на каждый очередной кусок, отнимая его друг у друга.

Вторую лепешку Мирхасил протянул Фирузе.

— Возьмите, порадуите рыбок.

Девушка взяла лепешку, но, прежде чем разломить ее, призадумалась. Лепешки были еще теплые, от них пахло жиром и очагом. Отломив кусочек, она бросила его в воду. Большие и маленькие рыбы кинулись к нему, но достался он большим рыбам, и между ними завязался настоящий бой. Вдруг со дна стремительно всплыл могучий сом, длиной в метр, и мигом проглотил хлеб. Фируза, мелко раскрошив остальную лепешку, кинула ее в сторону обездоленных.

Мирхасил пригласил гостей на террасу.

Восьмиугольная терраса стояла в центре сада. Крыша мерцала оцинкованным железом. На полу переливались багровыми оттенками отличные туркменские ковры, застланные атласными одеялами. С потолка свешивалась огромная люстра. В ее лучах сиял, как весеннее небо, голубой резной потолок. Посреди террасы стоял низенький стол, покрытый розовой скатертью.

Едва гости опустились на одеяла, Мирхасил приказал Ильхамче:

— Ускорь с пловом. И скажи тетушке, пусть выйдет.

— Слушаюсь, хозяин.

Пятясь лицом к гостям, Ильхамча сошел со ступенек и тут же через желтенькую калитку нырнул во внутренний двор.

Фируза, налюбовавшись окружающим великолепием, посмотрела на сад. Всюду, куда падал свет, виднелись огромные деревья: яблони, груши, айва, усыпанные плодами. Судя по величине и густоте деревьев, саду было лет тридцать.

Фирузе вспомнились рассказы Чулбобо, и она подумала, что это была часть сада, посаженного еще при Гадай-бае. За дальним забором высились такие же рослые деревья. Она поняла, что Мирхасил часть сада окружил высоким забором и отрезал для себя.

Чтобы как-то развлечь агронома, Мирхасил, протягивая ей пиалу, спросил:

— Ну, как мой сад?

— Очень хорош, — задумчиво ответила Фируза. — Историю голодностепских садов рассказал мне садовод. Нелегко было вырастить здесь такие сады.

— Чулбобо прав, — подтвердил Мирхасил, вынимая из кармана коробку «Казбека». Он закурил, и пока горела спичка, странно мерцали покрасневшие его глаза.

— Пока на степном солончаке вырастишь одно дерево, измотаешься. Этот сад тоже вырастил Чулбобо. Надо ему отдать должное: чудотворец! Но надоел он нам своими интригами, жалобами. — Помолчав, председатель добавил: — У него нет других забот, кроме кляуз да склоки. Интриган.

— Интриган? — удивленно переспросила Фируза.

— Да, всем надоел своими интригами.

— А в чем это выражается?

Мирхасил, подсунув под локоть подушку, вытянул ноги.

— Извините, радикулит... На каких только курортах не лечился, не проходит. Отнимается поясница, слабеют ноги. Заработал в степи. Да, мы даем хлопок, а другие — кляузы. Не осталось учреждений, куда бы Чулбобо не писал жалоб. По его словам, я якобы истре-

бляю степные земли, развожу камышовые заросли, болота. Допустим, если я гублю землю, откуда же тогда хлопок? Государству не кляузы нужны, а хлопок. Не будет хлопка, остановится промышленность. Чего-чего, а степных земель у нас хватает. Чулбобо одно должен понять: кто жалеет солончаки, тот не соберет сотни тысяч тонн хлопка. А хлопок — главное.

— Он-то понимает,— возразил Аширали.— Но он душой болеет за каждый клочок земли, бережет от засоления. Он прав: лучше сразу беречь, чем потом восстанавливать. С тугаями, председатель, пора начинать борьбу. Ведь это правда, что много земли уже непригодно для посевов? Вам самому надо избавляться от привычки отвечать клеветой на критику.

Мирхасил, со стоном отодвинувшись от подушки, сел, задумчиво опустив голову.

— И еще...— продолжал Аширали.— Чулбобо остерегает вас от беды. Если мы избавимся от болот, вы избежите от пятна на вашем добром имени. Уважайте садовода, не забывайте, что живете в саду, посаженном его руками. Неужели, председатель, все это непонятно вам?

— А старик пускай сутяжничает? Да? Выходит, так?— загорячился Мирхасил.— Оставит он меня в покое или нет?!

Фируза уже месяц жила у Чулбобо, знала его любовь и уважение к земле, к труженикам и не могла остаться безучастной к несправедливым обвинениям и укорам председателя. И она снова начала с того, о чем говорила в правлении, когда ее прервал председатель.

— Я новый человек в колхозе,— сказала она, взглянув на председателя, глядившего голенища своих коричневых сапог.— Вначале я растерялась, увидев необычные степные земли, оробела перед размахом работ в колхозе. Но когда узнала людей, познакомилась с жителями, я убедилась, что колхозники любят землю, толково относятся к воде, ценят технику. Хорошие, трудовые люди. Благодаря им я полюбила Голодную степь, поняла, что в этой земле таятся большие сокровища. Поняла и то, что степные земли не бездушны, нет. Но они требуют к себе особого отношения. Если относиться к этой земле чутко, заботливо, если полюбить ее истинной любовью земледельца, она откликнется,

она отблагодарит. Расстелет перед вами свою щедрую скатерть. А если ее не любить, не ухаживать за нею, если думать только, как бы побольше выжать из нее, она отвернется от земледельца и одарит его не плдами щедрого урожая, а солончаком, колочками, болотом и камышом.

— Что? Выходит, я не люблю землю, да?! — беспокойно замигал глазами председатель. — Если бы я не любил землю, зачем бы мне тут, в Голодной степи, вондться двадцать лет?!

Этот вопрос озадачил Фирузу. За двадцать лет Мирхасилу пришлось двадцать раз изнывать в тяжелой степной жаре, двадцать раз мерзнуть под холодными зимними ветрами, двадцать раз в поте лица выращивать урожай хлопка, а она, Фируза, всего лишь месяц дышит этим степным ветром. Кто же прав, Мирхасил или Фируза? Но ведь Чулбобо и Иван Андреевич прожили в степи гораздо больше, чем Мирхасил, вложили не меньше труда и забот в степную землю, и именно они обвиняют председателя в истреблении земли. Значит, Фируза отстаивает не свои личные интересы. А как в институте подходили к этому вопросу? Разве какая-нибудь теория предусматривает такое хищническое отношение к земле?! Эти доводы подбодрили девушку, и она решила возразить председателю.

— Меня беспокоят два вопроса, — сказала Фируза, глядя в сторону. — Первый — это урожай нынешнего года. Я побывала во всех бригадах, подсчитала все возможности. Перевыполнит норму бригада Наркузи. Выполнит план бригада Турсуной, а остальные не дотянут. Как говорится, «что есть в котле, то будет и на столе». А в их котлах ничего нет. Какие бы ни давали они обязательства, это дела не спасет. Уже кончается октябрь. Хлопчатник растет на земле, не с неба падает, а сколько его на земле — известно. Поэтому незачем сейчас переводить время на лишние разговоры и ругань, а надо скорее собирать оставшийся урожай и думать об урожае будущего года.

Второй мой вопрос — это камыши, тугаи. В ближайшие дни я все подсчитаю и сообщу вам, какой вред они приносят колхозу. Обсудим. Но уже теперь ясно, что избавиться от тугаев нам одним не под силу. Надо будет позаимствовать опыт у новых совхозов.

Фируза, высказав то, что мучило ее, почувствовала облегчение.

А председателю была неприятна эта правда о невыполнении плана, о землях, вышедших из строя. Ему не хотелось признать правоту агронома, согласиться — значит, взять на себя вину, значит, подтвердить, что эти ошибки он допустил сознательно. А следовательно, подставить свою голову под удар, потерять должность, власть, авторитет! А если не согласиться, будет ли молчать Чулбобо? Нет! Старик не такой простачок, да еще к нему присоединилась эта зубастая Фируза.

Из двух слившихся ручейков получается река. От двух слившихся рек образуется море.

Мирхасилу казалось, что его подхватили мощные морские волны. Словно вырываясь из крепких, душивших его рук, он странно передернулся, выравнивая дыхание.

Слушая Фирузу, удивился и Аширали. Он не забывал, что ответственность за дела своего колхоза он несет наравне с председателем. С тех пор, как его избрали секретарем, он иногда давал председателю те или другие советы, высказывал ему те или другие свои мысли, но ни разу не вынес на общее собрание обсуждение действий председателя, с которыми не был согласен, и вот план оказался под угрозой невыполнения. Почему Аширали поступил так непринципально, избегал острых споров? Не хотел портить отношения с председателем, подчинился его авторитету? Как же совместить это все с той высокой должностью — секретаря партийной организации, — которая ему доверена?

Мирхасил хмуро молчал, упершись локтем в подушку, и сравнивал все то, что высказала ему Фируза и что раньше он слышал от других.

Мирхасил, как и прежде, когда слушал упреки колхозников, сидел, понуро опустив голову, и не спешил отвечать, но не потому, что не знал, что сказать. Ответ у него всегда был наготове: «Пойдите, взгляните на поля, на поселок. Разве прежде были здесь поля хлеба, плантации хлопка и риса, сады, благоустроенные дороги, светлые дома? Кто построил все это? Кто поднял целину? Кто дает из года в год высокие урожаи? Критикам мы отвечаем делами».

Забыв о своем радикулите, он поджал под себя ноги и, широко раскинув руки, сказал:

— Никто не спорит: этот сад выращен Чулбобо. Большое-пребольшое ему спасибо и от нас, и от будущих поколений. Но когда он был председателем, в нашем колхозе было всего-навсего две тысячи гектаров земли. А сейчас — три тысячи. Кто освоил эту тысячу гектаров? Мы освоили, народ освоил! Так вот, товарищ агроном, надеюсь, Чулбобо не забыл поставить вас в известность и об этом факте?

— Да, он говорил, — твердо ответила Фируза. — Но он сказал и о семистах гектарах, вычеркнутых из плана. Вначале я не поверила. Пошла глянуть своими глазами. А поглядев, измерила.

— Вот как! Измерили? — прошипел, задыхаясь, Мирхасил, ударяя кулаком по коленям. — Значит, недаром я хватился агронома в самый разгар хлопкоуборочной кампании. Нигде не могли вас найти, а у меня для вас были поручения.

— Я в ваш колхоз приехала не рассыльной работать. — Я — агроном, товарищ председатель. За эти дни я досконально изучила колхозные земли, осмотрела нынешний урожай, прикинула возможности на будущее, беседовала с колхозниками. Проверила почти на каждой карте в отдельности. Ильхамча, думаю, доложил вам, что я освободила одну комнату в правлении под лабораторию. Теперь, пожалуйста, можете спрашивать у меня, какие удобрения надо дать на какую карту, когда и сколько поливать, как избавиться от соли и прочее. Оказывается, голодностепская земля — клад для науки.

Покачивая головой, Мирхасил дернул воротник рубахи и насмешливо вздохнул:

— Недаром говорится, когда пастухов много, бараны дохнут. Чем больше агрономов, тем ниже урожай.

— Неправда! — побледнела Фируза. — Не валите с больной головы на здоровую. Вы послушайте агронома, а потом увидите результат!

Мирхасил хотел было что-то ответить, но заскрипела калитка внутреннего двора и появилась его жена Зулука, или, как почтительно называли ее муж и подчиненные мужа, — Зулукхан.

Председатель молча поднялся. По асфальтовой до-

рожке, поскрипывая лакированными, без задников, туфлями, вперевалочку шла Зулукхан.

Аширали и Фируза по примеру председателя тоже встали.

Зулуке было лет двадцать семь — двадцать восемь. Ее полное тело колыхалось под черным крапчатым атласным платьем. Лоб был обтянут фисташковой крепдешиновой косынкой. С широких черных бровей, видно, только что смыта усьма. Огромные лучистые глаза и густые ресницы подведены зеленовато-голубой сурьмой. На полном круглом лице виднелись следы розовой пудры. Пухлые губы были покрыты темной помадой.

Когда Зулука поставила ногу на верхнюю ступеньку, Мирхасил протянул ей руку, чтобы помочь перешагнуть через порог.

— Познакомьтесь, — сказал он, искоса поглядывая на Фирузу. — Новый наш агроном Фируза.

Когда Зулука вошла на террасу, в лучах света ярко засверкали золотые серьги в ее ушах и многочисленные перстни на пухлых пальцах.

Зулука сжала руку Фирузы в своих мягких, пропитанных кремом и духами ладонях и, глядя в спокойные большие глаза девушки, сказала:

— Хорошо сделали, что приехали, — и жеманно колыхнулась своей широкой, бесформенной талией. — Не беспокоят вас комары? Или вы из тех, что укусите любого комара, а?

— Фирузахон спасается от комаров под пологом у старика садовника, — подсказал жене Мирхасил.

Фируза смутилась, не зная, как ответить на остро-ты супружеской четы.

Зулукхан прошла на почетное место и опустилась на шелковые одеяла, поджав под себя ноги в желтых атласных шальварах с красной тесьмой на щиколотках.

Удивленно взглянув на мужа, она, казалось, спрашивала его: «Почему не садишься?»

Мирхасил же, побаиваясь жены, не решился предложить Фирузе занять свое место, и Аширали, заметив это, сам попросил Фирузу сесть.

Зулука широко раскрыла перед собой ладони, соблюдая религиозный обычай, и, что-то прошептав, провела ладонями по лицу.

Эта набожность жены председателя поразила Фирузу.

Мирхасил протянул жене чашку с чаем.

— Не помешала ли я вам?— спросила Зулука, просительно поглядывая на мужа.— Кажется, у вас была приятная беседа.

— Был деловой разговор,— поспешил ответить жене Мирхасил, но голос его звучал робко, неуверенно.

— С каких это пор у вас появились от меня секреты?— упрекнула она мужа.— Продолжайте, или же я уйду...

Аширари, не желая продолжать прерванный спор, попытался перевести разговор на другую тему:

— Турсуну справлялась о вас. Просила, чтобы вы приехали на поле, помогли собирать хлопок.

— Председатель болен, я сейчас занята, лечу его,— отведя взор, заявила Зулука.— Я думаю, здоровье председателя нужно колхозу?

Мирхасил, увидев Ильхамчу, вносящего фарфоровое блюдо с пловом, подтвердил:

— Конечно, необходимо!— И, взглянув на Фирузу, добавил:— Если бы не Зулукхан, пропал бы я.

За ужином разговор не клеился. Председатель помалкивал, очевидно, опасаясь продолжать разговор, прерванный приходом Зулуки. Аширари на вопросы Зулуки тоже отделялся односложными ответами.

— Что это вы плохо угощаете гостей? Раскупорили бы бутылочку,— усмехнулась Зулука, искоса поглядывая на зеркальный шкаф, видневшийся через открытую дверь. В той небольшой комнате стоял полированный спальный гарнитур. Это, видно, была летняя резиденция председателя.

— Вы пьете вино?— спросила Зулука у Фирузы.

— Никогда не пробовала,— суховато ответила девушка.

— Вы городская, а не пробовали вина!

— А что, все городские пьют?

— Пьют! Своими глазами видела, пьют!— твердо объявила Зулука.— Да и вы, конечно, пьете, а сейчас просто скромничаете.

— Никогда не пила!— покраснев, резко сказала Фируза.— Я была занята учебой, работой, не до вина было.

— А, вы еще молоды. Научитесь со временем, — решила Зулука.

— Постараюсь воздержаться.

— Не пьете, так по крайней мере кушайте.

Фируза два-три раза протянула ложку к блюду и вытерла руки.

— Кушайте, — настаивал Ильхамча. — Или вам не нравится мой плов?

— Почему же? Плов очень вкусный.

— Тогда понятно: это вы оставляете место, чтобы покушать в доме Чулбобо, — пошутила Зулука. — Там вкуснее?

Фируза промолчала.

После обеда Зулука, снова раскрыв перед собой ладони, помолилась.

Когда гости поднялись, хозяйка продолжала сидеть.

— Захаживайте, — вяло сказала она Фирузе, спускавшейся по лесенке. А когда девушка сошла на асфальтовую дорожку, понизив голос, добавила: — У нас в доме не водятся скорпионов.

Фируза, услышав это, подумала: «Ты сама скорпион».

Мирхасил, не зная, проводить ли гостей дальше, в нерешительности остановился возле водоема.

— Захаживайте, — повторил он слова жены. — Вопрос о заболоченных землях решится. Нам важно сохранить авторитет колхоза.

— Пока не решили вопрос с болотами, трудно говорить о взаимопонимании и чем-то авторитете, — резко ответила Фируза. — Земли под камышом — это народное добро, и распорядиться ими должен народ. Подумайте об этом серьезно, председатель!

— Хорошо, агроном, хорошо. Я подумаю серьезно, — в тон ей ответила председатель.

Фируза и Аширали перешли дорогу и, спотыкаясь на темной улице, свернули к дому Чулбобо.

Мирхасил тем временем давал указания Ильхамче, проводившему гостей до узорчатых желтых ворот.

— А ну, быстро за ними, последи, какой они выкинут фокус.

— Слушаюсь, хозяин!

Ильхамча кинулся вслед...

Глава шестая

Все больше росло уважение Фирузы к тетушке Ханифе, к старику садоводу. Прошло уже два месяца, как она приехала в Голодную степь. Она давно убедилась, что с таким же широким гостеприимством, как Чулбобо и Ханифа, могли ее принять к себе в дом и Аширали с Турсуной, и Асальхан, и Сарахан, и десятки других колхозников — добрые приветливые люди жили здесь.

Фируза видела, что в глухом степном селении люди относятся друг к другу словно родные. Что болеют душой друг за друга. Искренность, человеческая доброта покорили сердце девушки. Фируза в каждом доме оказывалась желанной гостьей. Даже милые ферганские хохотушки, первое время осыпавшие девушку насмешками, теперь в ней души не чаяли. Фируза и сама не знала, чем она расположила к себе сердца степняков. Скромностью ли, искренностью ли, девичьим ли обаянием?

Фируза перезнакомилась со всеми. И только с Иваном Андреевичем Мудровым ей не удавалось встретиться. Последний раз Мудров приезжал в колхоз за день до ее приезда. Чулбобо, обещавший познакомить их, тоже нетерпеливо поджидал своего друга.

Приближались Октябрьские праздники. Чулбобо был уверен, что на праздник Мудров непременно сюда приедет. Каждый год Иван Андреевич в этот день ходит в кишлаке Крестьянское на русское кладбище и проводит там весь день. На могиле своей жены Марии Федоровны. А потом обычно остается на неделю, две — закупает в колхозе «Радостный труд» по десяти — пятнадцати тысяч саженцев для новых совхозов в Голодной степи, по старой памяти помогает «Мирзачульводстрою» в осенне-зимних работах.

Фирузе интересно было повидать русского ученого, чье имя в этих краях стало почти легендарным.

Когда ей приходилось ночевать на полевых станах в отдаленных бригадах, она беспокоилась, как бы не упустить Ивана Андреевича, как бы не приехал он в ее отсутствие.

Накануне праздника небо заволокли густые темные тучи, пошел снежок. С раннего утра горожан, работав-

ших на сборе хлопка, принялись отправлять в город-домой. Организатором этого был Аширали. Колхозники отправились по домам или перебрались на полевые станы. Ворохоочистители убрали под навес. Собранный курак прикрыли брезентом. К вечеру на полях не осталось ни души. Затих шум на полевых станах. Только на голых ветках орешин тоскливо каркали бездомные вороны. Ветер, дувший со стороны канала, крутил снежные хлопья и, не давая им опуститься на землю, уносил куда-то в степь. Но постепенно все вокруг покрылось белой пеленой, белые хлопья летели все гуще и гуще...

Задержавшись на полевом стане второй бригады, Турсуной и Фируза сели на циновках под навесом, подсчитывая сбор этого дня и хлопок, который успели отправить. Прибавилось еще 0,09 процента. Значит, всего почти 99 процентов плана. На полях курака осталось много, надо его собрать, высушить. Если бы продержалась сухая погода, недостачу можно было бы собрать за день, за два, но теперь, когда повалил снег, на сбор потребуется не меньше двух недель.

Турсуной надеялась, что к празднику ее бригада выполнит план. Не удалось. Фируза, видя подавленное настроение подруги, пыталась ободрить ее:

— Вы-то выполните свои обязательства, а вот другие... едва ли. Что же им делать?

Слова Фирузы не успокоили Турсуной.

— Противник мой по соревнованию Наркузи выполнил план на сто восемь процентов, — ответила она, печально глядя на Фирузу. — А я с чем явлюсь вечером на торжественное собрание?

Фируза встала, потуже затянула пуховый платок, застегнула пальто.

— Не расстраивайтесь, сестрица, — ласково сказала она, — в этом году вы проиграли. Лучше давайте подумаем, что сделать, чтобы это не повторилось в будущем году.

Фируза, засунув руки в рукава, вышла из-под навеса в заснеженное поле. Рядом с ней зашагала Турсуной, прижимая локтем большие счеты.

— Вы верите, что в будущем году урожай будет лучше нынешнего?

— Уверена, сестрица, уверена, — произнесла Фируза.

за, с трудом вытаскивая сапоги, увязавшие в липкой грязи. Выбравшись на более твердую почву, она продолжала: — Во-первых, во всех колхозах мы иначе поставим дело. Рабочую силу и технику поровну распределим между всеми бригадами. Бригады постараемся превратить в комплексно-механизированные, избавив их везде, где сможем, от ручного труда. В первую очередь надо привести в порядок земельные участки. Посмотрите-ка на земельные участки Наркузи: гладкие, как ладони. Все дренажные каналы на месте. Ни на одном клочке земли вы не увидите у него признаков соли. Почему? Я долго приглядывалась к его бригаде, к их работе и многому научилась. Оказывается, Наркузи и все члены его бригады, как говорят, зубами цепляются за свои участки, а другие только удивляются и восхищаются их самоотверженному труду. Первые дни я думала, что Наркузи дружок председателя и тот не отказывает ему ни в чем...

— И верно! — воскликнула Турсуной, внимательно слушавшая Фирузу. — Председатель относится к нему по-особому...

— Правильно! — сказала Фируза, взяв Турсуной под руку. — А почему председатель к вам не относится по-особому? Почему не относится по-особому к другим? Почему он относится так только к Наркузи? Всех это интересует. Я тоже два месяца пыталась понять — «почему»?

— Два месяца... — раздвинулись в улыбке потрепавшиеся от степных ветров губы Турсуной. — Вы говорите о двух месяцах. Я вот уже два года не могу этого разгадать. Да и какая от этого польза? — грустно сказала она, заправляя под платок растрепавшиеся на ветру волосы. — Наша бригада тоже работает не покладая рук, не жалея сил. С утренней зари до позднего вечера пропадаем в поле. Если в году двенадцать месяцев, все эти двенадцать месяцев, изо дня в день, мы работаем. На все, что нам удастся собрать, мы тратим вдвое больше сил, чем бригада Наркузи. Если бы у нас была такая же техника и такие же люди, как у Наркузи, нам намного было бы легче, осенью мы не мучились бы вот так, как сейчас.

— Верно, — подтвердила ее слова Фируза. — Но вы не ответили на главное, — почему ваш председатель от-

носится к Наркузи по-иному, чем ко всем остальным бригадирам?

— Причина не в самом Наркузи, — ответила Гурсуной, с досадой так махнув рукой, что щелкнули костяшки счетов. — Дело не в Наркузи. Председателю все равно, что Наркузи, что, Яркузи. Председателю нужна одна образцовая бригада и один знатный бригадир, чтобы хвастаться перед начальством, перед гостями, перед корреспондентами. Во всех газетах пишут о Наркузи, по радио говорят о нем. Председатель выставляет его напоказ. Все взаимопроверочные комиссии направляются в его бригаду. Наркузи нужен председателю для поддержания авторитета.

Первое время и Фируза так думала, но, увидев организацию труда в бригаде Наркузи, дисциплину, беспрекословное подчинение и любовь к бригадиру, его самоотверженность, она изменила свое мнение. Беседы с Наркузи открыли ей его чистое сердце, его безупречную совесть. Нет, он не подставное лицо. Возможно, председатель пользуется его трудолюбием в своих интересах, что называется, чужим трудом укрепляет свой авторитет. Однако Наркузи верит в свои силы и дорожит честью бригады. Правда, в его бригаде больше, чем в других, рабочих рук и техники. Но не значит ли это, что он умеет добиваться того, что ему необходимо, умеет постоять за себя.

Фируза вспомнила разговор с Наркузи, когда вчера, выходя из кабинета Аширали, встретила его в коридоре. Наркузи выскочил из кабинета председателя чем-то взволнованный, разгоряченный. Фируза поздоровалась, спросила о его делах, и Наркузи рассказал ей о столкновении с председателем. Несмотря на то, что на участках Наркузи хлопок убран, председатель не разрешил вспахать поля. Он сказал: «Пока колхоз не выполнит план, не начинать пахоту». Уже всем ясно, что колхоз в этом году не выполнит план. Значит, в этом году не пахать?! Наркузи сказал ей о своем решении сейчас же, не откладывая, послать на поля тракторы и начать пахоту. Пусть потом председатель поступает, как ему заблагорассудится. Наркузи не отвечает за то, что у председателя не все благополучно с планом. Фируза поддержала Наркузи. Как агроном она дала разрешение начать пахоту, одобряя решимость бригадира.

И сейчас, скользя по липкой грязи, хватаясь за локоть Турсуной, она раздумывала о Наркузи.

Вообще последнее время Фируза часто думала о нем. Каждый раз она сравнивала того Наркузи, которого увидела впервые, когда приехала, и нынешнего. И удивлялась, насколько он изменился за это время.

Тогда, вначале, Наркузи показался ей себялюбивым хвастуном. Выражение его лица и глаз говорили об удалстве, молодечестве. Его обращение с людьми, походка, даже одежда отличались от других. Его самоуверенность с корреспондентами и фоторепортерами тогда не нравились Фирузе. Время, прошедшее с той встречи, работа, в которую он окунулся с головой, как-то изменили Наркузи. Он дневал и ночевал на полевом стане. Отправив последнюю нагруженную хлопчатником арбу, уже в темноте он возвращался на террасу к весовщику и долго подсчитывал с ним, кто по сколько собрал за этот день «белого золота». Чуть свет первым выходил на сбор. Если он нужен кому-нибудь, его всегда искали и находили в поле. На ходу он решал все вопросы. Даже председатель не решался вызывать его на полевой стан, сам шел к нему.

Мирхасил дважды приказывал убрать хлопок вручную на полевом участке, оставленном по совету Фирузы под машинный сбор, но Наркузи, пригнавший к полевому стану четыре хлопкоуборочных машины, стоявших в колхозе без действия, не выполнил приказа председателя. Дважды состоялся серьезный разговор бригадира и председателя. Председатель, обвиняя бригадира в нарушении графика, кричал на него «Мабодашник!» Наркузи хладнокровно отмалчивался. Как только раскрылись все коробочки, на одну машину «СХМ» он сел сам, а на три другие он посадил трех демобилизованных из армии парней. Фируза наблюдала за машинным сбором.

За две недели опустело бескрайнее хлопковое поле. И сегодня на торжественное собрание все члены бригады Наркузи пойдут с поднятой голсовой. В такой день Наркузи нельзя было не выбрать в президиум. За эти напряженных беспокойных два месяца Наркузи даже внешне резко изменился. Он почернел, похудел.словно всю свою силу сдал вместе с хлопком. Лицо вытянулось и потемнело, глаза вспыхивали и поблескивали с

каким-то задором. Фирузе нравились эти изменения, ей казалось, что Наркузи даже похорошел.

Этот голодностепский сокол при каждой встрече с агрономом поглядывал на нее с какой-то грустью и загадочностью. Его изысканная вежливость, смущение при разговоре, предложение проводить ее, встречи, казалось бы случайные, но частые, и многие другие факты заставляли девушку призадуматься. Но ни к какому выводу она не могла прийти.

Фируза, почему-то раздумывая об этом сейчас, на студеном ветру, невольно улыбнулась.

Турсуной, заметив, что ее спутница так глубоко задумалась, спросила:

— О чем это вы?

— О Наркузи,— ответила Фируза, остановившись возле арыка у выхода на большак.— Боюсь, чтобы наше мнение о нем не оказалось односторонним.

Турсуной удивленно взглянула на собеседницу.

— Я не понимаю.

— Хочу сказать, что отношения у Наркузи с председателем не такие, как мы с вами предполагаем. Не по доброй воле председатель идет навстречу Наркузи.

Наоборот, Наркузи приходится вырывать зубами и рабочую силу, и технику у председателя. Разумеется, нельзя заботиться только о себе одном, Наркузи должен помнить и об остальных. В этом его ошибка. Но ведь недаром говорят: «Умирай сам за себя». Например, вот почему бы вам, Турсуной, так же настойчиво не требовать от председателя, от колхозного правления добавочную рабочую силу, и машины, и удобрения, и прочее?

Турсуной, не ответив на этот вопрос, перешагнула через арык и молча пошла по дороге. Фируза тоже прыгнула, но не рассчитала прыжок, оступилась и чуть было не плюхнулась в арык.

— Подождите!— крикнула Фируза.— Вы рассердились на меня?

Турсуной замедлила шаг и остановилась.

— Конечно, рассердилась,— ответила Турсуной, хмуро отводя глаза.— Ведь я надеялась на вашу поддержку и помощь.

— Чего вы хотите? В чем помочь?

— Я хочу, чтобы было так, как вы сказали,— все распределять поровну каждой бригаде. Чтобы председатель смотрел на каждого бригадира одинаково. Не так, чтобы на одних правым глазом — одобрительно, а на всех остальных левым — придиричиво.

— Хорошо, допустим, будет так, как вы желаете.— Фируза опять взяла Турсуной под руку.— Я тоже, когда говорила, что надо заново пересмотреть колхозные дела, имела в виду это же. Давайте подумаем: год закончен, предстоит отчетно-выборное собрание. Поровну распределятся по бригадам члены колхоза. Технику нужно распределить тоже в зависимости от количества земли в бригаде.

Турсуной просияла и радостно посмотрела на агронома:

— Справедливо!

— Справедливо-то справедливо, но останется ли равнодушным к этому Наркузи? Не будет ли он по-прежнему добиваться побольше рабочих рук для своей бригады, не заберет ли к себе в бригаду заброшенную другими технику, не перевезет ли к себе удобрения, застрявшие на станции. Ведь он ухитрился в этом году собрать часть урожая машинами. Как вы смотрите на это? Что скажете?

— Что же сказать? Наркузи, вижу, вам симпатичен!— Турсуной громко засмеялась.

Фируза, не найдя, что ответить, покраснев, вытянула свою руку из-под руки Турсуной и пробормотала смущенно:

— Да что вы, сестрица, вы, оказывается, фантазерка!

— А если даже и так, что ж тут особенного?— серьезно сказала Турсуной.— Наркузи единственный сын Зумрад-биби. Труженник. Холостяк. Аширали тоже не нахвалится им. Правда, до армии он был влюблен в Зулукхан, но это прошло...

— В жену председателя?

— Тогда она еще не была председательской женой. Тогда она была ловкой колхозной девчонкой — возила в город простоквашу, торговала там, пока ее сверстницы возились с землей, навозом, прополкой, поливом, удобрением. Тогда ходили слухи, что вот-вот у них с Наркузи будет свадьба. Но в тот год, когда Наркузи

призвали в армию, к нам приехал новый председатель — Мирхасил. Зулукхан, позабыв свою горячую любовь к Наркузи, кинулась к Мирхасилу. Председатель, поддавшись ее чарам, оставил в Ташкенте жену с двумя детьми. Об этом рассказал Аширали. Он говорит, что Зулукхан теперь другой человек, важная особа! Чего стоит эта ее важность! А косметика? Но самое страшное, Зулукхан любит деньги, любит копить их. Председатель в полном подчинении у нее. Он боится что-либо предпринять, не согласовав с ней. Я много усилий приложила, чтобы привлечь ее к работе в колхозе. Ходила к ней, стыдила на собраниях. А она, как услышит стук в калитку, начинает стонать, кутаться в одеяло, изображать сердечный приступ. Отчего стала она сердечницей? Может, у нее ожирение сердца? Я ей посоветовала бывать больше на воздухе, на колхозных полях. Говорит: «Не выдержу, умру!» Действительно, ее имя Зулукхан — пиявочка — соответствует ее сущности...

Слушая Турсуной, Фируза думала о Наркузи, попыталась представить себе, сколько огорчений и обид пришлось ему пережить из-за этой Зулуки, из-за ее неверности. Девушке вспомнилась Зулука в пестром атласном платье, с бесчисленными рубиновыми кольцами на коротких толстых пальцах, с широкими, начерченными усьмой бровями. Она невольно вздохнула:

— Бедный Наркузи!

— Бедный не Наркузи, а Зулукхан, — ответила Турсуной. — Счастье и богатство Наркузи при нем. Он все зарабатывает честным трудом, своими руками. А она... У нее глаза залеплены деньгами, сквозь них она ничего не видит. Надеясь на богатство мужа, она унижает честных тружеников. Вот скоро закончится год, начнут подводить итоги. Разберутся в распределении трудодней, тогда колхозники и спросят у председателя, на какие доходы он построил дом, купил машину, дорогую обстановку, ковры. На какие деньги он совершает пышные выезды на курорты. Вот тогда мы и послушаем ответы председателя.

Но Фируза не слышала Турсуной, она думала только о Наркузи: ей очень хотелось знать, какие отношения были в дальнейшем между ним и Зулукой. Любит

ли он ее и теперь? И, перебивая собеседницу, она неожиданно спросила:

— А после того, как Наркузи вернулся из армии, встречался он с Зулукхан?

— Вы, я вижу, не знаете Наркузи! — резко отрезала Турсуной. — Какое там встречаться, он даже не взглянул на нее. Если где-либо зайдет речь о ней, Наркузи встает и уходит. Однажды в одной компании с Ашир-али захмелевший Наркузи сказал, что никогда не женится.

— Значит, он ее все еще любит...

Из-за стройных рядов деревьев показалась улица. Турсуной, сворачивая к своему дому, пригласила Фирузу:

— Пойдемте к нам, от нас вместе пойдем в клуб на собрание.

— Пожалуй, я пойду домой. Мои старики, верно, давно поджидают меня, — невесело сказала Фируза.

Турсуной не стала настаивать.

— Встретимся там.

— Да, там встретимся.

Фируза, то и дело спотыкаясь о скользкие камни, добралась до правления, а когда свернула к дому Чулбобо, ей показалось, что кто-то ее окликнул. Из-за деревьев с каким-то листком бумаги в руках шел человек. Она не сразу узнала его. Это был Наркузи. Увидев ее, он побежал ей навстречу.

— Вот, возьмите, вам телеграмма! Я хотел отнести вам домой, но вот увидел вас.

— Спасибо.

Фируза, не раскрывая телеграмму, сунула ее в карман.

— Что же вы не читаете?

— Прочту дома.

Наркузи удивленно и с беспокойством взглянул на печальное лицо девушки.

— Вы чем-то огорчены, Фируза?

— Нет. Вам кажется.

Наркузи взял в свои руки обе руки девушки и пожал их.

— Во-первых, поздравляю вас с праздником Великого Октября. Потом хочу передать вам просьбу моей

матери: после торжественного собрания она приглашает вас на чашку чая.

— Благодарю.

От приятного голоса Наркузи и от его слов у девушки повеселели глаза и по губам пробежала улыбка. Она стояла растерянная, не зная, вынуть ли свои озябшие руки из теплых ладоней Наркузи или нет...

— Обещаете, да?!

Она осторожно отняла свои руки.

— Встретимся еще,— и пошла домой.

— Вы что-то мудрите. Если стесняетесь, приходите со стариками,— сказал Наркузи, догоняя ее.— Может, мне сейчас и пригласить их?

— Я сама передам им ваше приглашение, не беспокойтесь.

Наркузи, увидев, как быстро зашагала девушка, вынужден был остановиться.

«Что случилось?— удивился он.— Что-то с ней происходит неладное. Может, телеграмма? Но ведь она еще не прочла ее».

Фируза все время, пока шла до дома, чувствовала на себе взгляд Наркузи. От этого ей хотелось идти еще быстрее. Да и телеграмма не давала покоя. От кого она? От Шерали или от матери? Может, от однокашников, разъехавшихся по всему Узбекистану?

Фируза остановилась у дверей и под тусклым светом распечатала телеграмму. Послано сегодня из Янгера. Значит, от Шерали. «Мирзачульский район колхоз «Радостный труд» агроному Фирузе Каримовой Поздравляю праздником Великого Октября Желаю успехов жизни труде Шерали».

Телеграмма почему-то не порадовала Фирузу. Может, не хватало в ней какого-то слова? Слова, которое сближает сердца и согревает души?

Фируза несколько раз перечитала телеграмму, но не нашла в ней намека на теплые чувства. Может, в праздничных поздравлениях и не обязательно посылать горячие приветы и так далее? Но тут же возникла иная мысль: почему, почему не обязательно? Нет, обязательно! Можно было хоть как-то намекнуть, что скучает, тоскует.

И задумчиво вздохнув: «Спасибо и за это», девушка вошла в дом.

Глава седьмая

Аширали попросил Ивана Андреевича сделать доклад на торжественном собрании,— Иван Андреевич незадолго перед тем приезжал на могилу жены. Выглядел он усталым и грустным, но все равно Аширали обратились к нему со своей просьбой.

Иван Андреевич согласился, но с условием, что это выступление не будет называться докладом. Аширали не возражал, какая разница — слушать Ивана Андреевича все равно интересно. Ведь он будет говорить о революции, а он сам был ее участником. Он будет говорить о Ленинском декрете, давшем жизнь Голодной степи. Он вспомнит и расскажет об истории создания колхоза «Радостный труд», он будет говорить о своем прошлом, ибо оно не отделимо от истории страны, от жизни всего народа.

Сидя в колхозной парикмахерской, Иван Андреевич именно об этом и думал. Молодой ловкий мастер Абрам, щелкая ножницами над седыми висками Ивана Андреевича, не умолкая, о чем-то говорил. Но Иван Андреевич не слушал болтовню Абрама. Он пристально смотрел в зеркало с обломанным уголком и оттуда, из глубины, на него глядел не тот усатый, с густым волнистым чубом Иван, а седой человек с поредевшими волосами, с густой сетью морщин, словно ими забросал все лицо беспокойный степной ветер. Но велика разница между степными ветрами и прожитыми годами: ветры возвращаются, а годы вернуть невозможно.

Да и есть ли польза от степных ветров? Никакой. Ни людям, ни городам. А годы, прожитые человеком, могут оставить память будущим поколениям. Настоящий труженик обязательно оставляет свой след на земле.

Когда началась революция, Иван Мудров был семнадцатилетним токарем Путиловского завода.

Дружина, в которую его записали, в день штурма Зимнего была далеко от дворца. Иван с дружинниками стоял на посту в паровозном депо. Как он ни старался, не суждено ему было увидеть Ленина.

После революции Мудров был зачислен в продовольственный отряд и поехал по деревням под Гатчину. Отряд петроградскому пролетариату посылал хлеб. Од-

нажды Мудрову по служебным делам пришлось побывать в большом помещичьем саду, неподалеку от Гатчинского дворца. Яблоневый сад был окружен соснами. С детства влюбленный в растения и деревья, Мудров долго бродил по саду. Затем в надежде встретить хоть кого-нибудь направился к беломраморному подъезду, мимо огромных заснеженных клумб, мимо фонтана. Ни души! Он постучал в дверь флигеля, находившегося за большим домом. Тишина! Обошел двор с его амбарами, зашел в кладовую, где лежали огромные мешки с зерном, громоздились ящики с яблоками. На одном из мешков, в дальнем углу, лежала окотившаяся кошка. Услышав шаги, она с мяуканьем кинулась к Мудрову. Он долго гладил тощую мохнатую спинку. Вынув завернутый в белую бумагу ломтик булки, отломил кусочек и дал кошке. С этой добычей в зубах она помчалась к котяткам.

Мудров направился к пруду. Возле проруби в желтой овчинной шубе и ушанке сидел старик с удочкой. Мудров увидел на льду возле старика остро отточенный топор. На всякий случай приложив руку к курку, кашлянул.

Старик — слышал ли, нет ли — молчал.

Мудров, приблизившись, громко спросил:

— Как охота?

Старик с досадой швырнул к ногам Мудрова удочку.

— Невежа! Вот-вот должна была клюнуть, а ты спугнул!

Но увидев в руках у Мудрова оружие, понизил тон:

— Пожалуйста, что вам от меня нужно?

Мудров спросил, где хозяйева.

Оказывается, помещик с семьей бежал за границу, а сберечь именье попросил старика Федора. Обещал скоро вернуться.

Мудров предложил старику Федору пройтись по амбарам.

Зерно и яблоки были конфискованы. Оставив садовнику его долю, остальное зерно и яблоки на помещичьих упряжках и бричках Мудров увез в Петроград. Вскоре он вернулся и прочел старику Федору свидетельство Петроградского Совета о передаче всего этого имения в пользу государства. В имении будет помещаться Дом сирот, организовать который было поруче-

но Мудрову. Он назначил Федора охранником Дома съест.

Почти три года Мудров прожил во флигеле у Федора. За это время он многое перенял у садовника. Федор полюбил Ивана, как родного сына, научил его выводить морозостойкие сорта фруктовых деревьев, прививать, скрещивать и черенковать. Все эти тяжелые голодные годы двое энтузиастов-садовников обеспечивали и летом и зимой пятьсот детей свежими фруктами.

В 1920 году в жизни Мудрова произошло незабываемое событие. Его вызвали в Петроградский Совет и сообщили, что посылают в Москву, к Ленину. Его мечта, родившаяся в горячие дни революции, воочию увидеть великого вождя — сбывалась. Время тянулось бесконечно, пока он добрался до столицы. Но вот наконец Красная площадь, Спасская башня и музыка кремлевских курантов.

Постовой у ворот внимательно оглядел молодого человека в поношенной рабочей одежде, тщательно изучил свидетельство Петроградского Совета, сравнил партийный билет с направлением.

В приемной Владимира Ильича былолюдно.

Приветливая сероглазая секретарша, прочитав свидетельство Мудрова, сказала, что он прибыл вовремя и что Владимир Ильич скоро его примет.

Мудров подошел к оживленно беседующим людям и прислушался. Ему сразу же стало ясно, что это ирригаторы, техники, агрономы, врачи, прибывшие со всех концов России. Они говорили о какой-то далекой Голодной степи, которая где-то в Азии...

Из услышанного Мудров понял, что гражданская война помешала осуществить декрет, изданный Советской властью еще два года тому назад, об освоении земель в Голодной степи. Он узнал, что освоенные земли почти заброшены, что в Голодной степи свирепствует малярия. Значит, надо не только осваивать степные земли, но и спасти местные население от малярии.

Один из собеседников, очевидно, врач, рассказывал, что по заданию Ленина для Голодной степи заготовлено много медикаментов.

Загорелась лампочка на столе у секретаря. Миловидная женщина не спеша подошла к двери, осторожно открыла ее и прошла в кабинет.

Разговоры утихли. Люди принялись поправлять волосы, затягивать ремни, расправлять гимнастерки. Мудров с волнением смотрел на тяжелые темные двери и старался угадать, зачем его вызвали сюда.

Пока Мудров размышлял и волновался, открылась дверь, вышла секретарша и сказала:

— Товарищи, вас просит Владимир Ильич.

Все прошли в кабинет. Мудров отстал. Он все еще не верил. Ему казалось, что секретарша вот-вот скажет: «А вы, товарищ, подождите!» Но она этого не сказала.

Когда Мудров вошел, Ленин уже стоял посреди кабинета, здороваясь за руку с каждым. Некоторых из приглашенных Владимир Ильич, вероятно, знал раньше, он называл их по имени-отчеству.

Заметив возле порога растерянного и смущенного Мудрова, Владимир Ильич сам подошел к нему.

— Вы, товарищ, приезжий? — пожимая руку Мудрову, спросил Владимир Ильич.

— Из Петрограда, Владимир Ильич, — ответил Мудров, глядя в прищуренные улыбающиеся глаза Ленина. — Я — Иван Мудров, садовник.

— А как вас по отчеству величать?

— Андреевич.

— Иван Андреевич, пожалуйста, проходите, — пригласил Владимир Ильич и, потирая широкий лоб правой рукой, пристально посмотрел на Мудрова. — Узбеки издревле считаются прославленными садоводами, но в Голодной степи нужны и вы. Туркестанцам революционный опыт петроградских рабочих нужен, как влага, как воздух!

Ленин, положив руку на плечо Мудрову, подвел его к специалистам.

— Присаживайтесь, Иван Андреевич, сейчас посоветуемся.

Владимир Ильич прошел за широкий письменный стол и, взяв длинную палочку, подошел к настенной карте.

— Товарищи, — сказал он, окинув собравшихся зорким взглядом. — Я хочу напомнить вам декрет Советской власти о выделении пятидесяти миллионов рублей на оросительные нужды и на организационные мероприятия в Туркестане. Эти деньги ассигнованы были

на орошение пятисот тысяч десятин степных земель Хадженского уезда Самаркандской области, в Дальверзинской степи, по ту сторону Сырдарьи, как раз напротив Голодной степи, на постройку плотины, на ирригационную систему, которая орошала бы сорок десятин земли, и еще в Учкурганской степи Ферганской области на орошение десяти тысяч десятин и на приведение в порядок старой оросительной сети, которая обеспечила бы еще двадцать тысяч десятин земли. Предусматривалось наладить и обновить поливную систему в Заравшанской долине, построить там водохранилище, чтобы сеять хлопок на ста тысячах десятин!

Засунув левую руку за жилет, Ленин, держа палочку в правой руке, показывал на карте все места, упомянутые в декрете.

— Прошло уже два года, как принят декрет, — озабоченно продолжал Ленин. — Силы нашего государства брошены на борьбу с интервенцией. Лучшие наши люди воюют на фронтах. Мы до сих пор не смогли осуществить государственный декрет. Только теперь представляется такая возможность. Товарищи, вы должны запомнить: насколько нашему государству необходим хлеб, в такой же степени необходим и хлопок. Мы хотим вас послать в Туркестанские республики. Народы Туркестана ждут с нетерпением вас, товарищи, представителей российского пролетариата, передовой науки. Вы должны понести революционную мощь русского народа, знания, братскую нашу помощь народам Востока. Партия доверяет эту ответственнейшую миссию вам, товарищи!

У Мудрова стало радостно на душе от пламенных слов Владимира Ильича. Какая-то удивительная сила вселилась в Ивана, словно у него крылья отросли.

Ученые хорошо знали историю Голодной степи, им было известно все, что делал там великий князь Константин Романов, пытаясь расширить хлопковые плантации. По его указанию там занимались проблемой полива. Был сооружен канал.

Ученые слушали Ленина с большим вниманием, вглядываясь в огромную карту на стене кабинета. Они представляли себе города, обозначенные кружочками. Эти кружочки вырастали и оживали в их воображении.

Ленин спросил:

— Есть вопросы? Не пугают вас трудности? Подумайте!

— Какие могут быть вопросы,— сказал один из тех ученых, которых Ленин называл по имени-отчеству.— Для нас поручение партии свято. Сделаем все, что нам поручено.

— Трудная задача, но необходимая,— отозвался другой ученый.

— Для выполнения задачи, поставленной перед нами, возможно, потребуется вся наша жизнь, Владимир Ильич,— сказал другой.— Мы никогда не забудем, что мы сыны России. Готовы пожертвовать собой для счастья пробуждающегося Востока.

— Спасибо, Сергей Михайлович!— растроганно сказал Ленин.— Я уверен, что так и будет. Что дело это в надежных руках! Благодарю, товарищи!— Ленин, прощаясь, каждому пожелал доброго пути, здоровья.

Мудров хотел было, но так и не решился тогда спросить Ленина, чем же придется заняться там, в Голодной степи, ему. Пригодится ли на далеком юге все то, что он знал, чему научился в Гатчине у старика Федора, применимо ли это все к тому климату, к той почве?

Мудрову казалось, что он даже в ученики не годится ученым, собравшимся здесь. Может, Петроградский Совет необдуманно выдвинул его кандидатуру?

Но Ильич на прощанье сказал Мудрову:

— Не забывайте, что вы представитель петроградского революционного пролетариата, товарищ Мудров!

Эти слова Владимира Ильича до сих пор звучат в ушах Мудрова, словно он услышал их вот сейчас, вот только что!

С тех пор прошло сорок два года. Сорок две полных забот и хлопот весны, сорок две снежных метели... Да, от морщин никуда не денешься — как трещины на иссохшей земле. Седина на висках — как иней от тех многих морозов.

Не успел парикмахер побрить его, а он уже поднялся с кресла.

— Освежить вас, Иван Андреевич?

— Оставь свой одеколон,— засмеялся Мудров, поглаживая седые усы.— Иначе от твоего усердия поседют и последние два-три темных волоска.

— Как вам угодно.— Абрам старательно смахнул

волоски с пиджака и, заметив, что Иван Андреевич полез в карман, отрицательно качая головой, сказал:

— Не надо. Иван Андреевич, стыдно брать с вас деньги, вы же отец наш.

Мудров улыбнулся:

— Ты трудился? Работал?

— Какое это имеет значение?

— Очень даже большое; сколько я должен за твой труд?

Мастер нехотя сказал:

— Тридцать копеек.

Когда Иван Андреевич вышел из парикмахерской, валил снег. Под яркими лучами лампочки, горевшей на воротах Мирхасила, хлопья снега сверкали всеми цветами радуги.

Иван Андреевич свернул к дому Чулбобо. Разговор с парикмахером прервал цепочку воспоминаний. А теперь опять Мудров шел по скользкой дорожке, устремив взгляд куда-то вдаль. Сквозь густую снежную пелену перед его взором ожили Петроград, Путиловский завод, сад близ Гатчины, садовник Федор, Москва, ученые, которых он встретил в кабинете Ленина. Одних уже нет. Другие давно на пенсии, живут в разных городах нашей необъятной Родины. Несколько человек остались в Голодной степи. Теперь это заслуженные механизаторы, доктора наук, академики.

Когда Владимир Ильич принимал их, все они были молоды, энергичны. Вспомнив о молодости, Мудров усмехнулся, повторяя про себя: «Годы — выстреленные пули». Почувствовал, как пересохло в горле, и, словно в дни юности, он, раскрыв рот, ловил падающие снежинки, пробуя вкус снега, тающего на губах.

Воспоминания, воспоминания... Они закружат иногда, словно снежные вихри. И никуда от них не деться. Как не вспомнить те давние дни, когда он впервые встретился с Марией Федоровной.

Внучка садовника Федора, Манечка, занималась в Петрограде на курсах медицинских сестер. Она изредка приезжала к деду, да и дед часто и аккуратно навещал внучку, отвозил ей яблоки, хлеб. Однажды Мудров поехал с Федором. Они пришли в одно из высоких зданий возле Финского вокзала, где помещалось женское медицинское училище. При училище и были курсы

медсестер, которых готовили на фронт. Курсистки тут же сообщили Марии о приезде деда. Мария, одним духом одолев беломраморные ступеньки лестницы, бросилась на шею к деду. Она целовала, обнимая его, даже немного всплакнула. Затем вытащила из дедовой котомки яблоко и принялась по-детски, с аппетитом грызть его. И тут только заметила сидевшего возле деда молодого человека в шинели.

Мудров с интересом наблюдал за девушкой в белом фартуке, с красным крестом на косынке. Гладко зачесанные, цвета спелой ржи волосы, голубовато-серые глаза с длинными ресницами, бледное лицо и не очень яркие губы. Поймав на себе взгляд девушки, он смущенно улыбнулся.

— Здравствуйте, товарищ, — протянула она ему руку. — Если я не ошибаюсь, вы Иван Андреевич? Я узнала вас по письмам дедушки. Угадала?

— Так точно, — отчеканил Мудров, пожимая руку девушки. — Я ученик вашего дедушки.

— Как ты поживаешь? — вмешался в разговор старик Федор. — Что у тебя нового? Когда закончишь учење?

— Учење приближается к концу, через неделю закончим.

— Куда же вас пошлют?

— Пока еще неизвестно. Директриса сказала, что, наверное, разошлют нас по селам.

— Вот и хорошо, — обрадовался старик, — поедешь к нам в деревню.

— С большим удовольствием, дедушка!

Зазвенел звонок. Мария обняла и поцеловала деда и с мешочком в руках побежала наверх по мраморным ступенькам.

На следующей неделе старик Федор простудился и слег. Пришлось Мудрову одному поехать к Марии, свезти ей хлеба. Это было в середине июня, примерно за месяц до поездки Мудрова в Москву. В это время в Петрограде стояла пора белых ночей.

Иван с Марией долго гуляли вдоль Невы. Рассказывали друг другу о себе. Оба они выросли без отца и матери. У каждого было мало радостей и счастья. Оба с малых лет трудились. Пришлось немало пережить горестей, холода и голода. В этот вечер они не говорили

о любви, о верности, но искренняя беседа, мечты о будущем сблизили их.

Закончилась учеба на курсах. Медсестер распределили по разным областям России. Одну из групп решено было послать в Туркестан, на борьбу с малярией.

Мария попросилась в эту группу и уехала на Восток. Не было точно известно, в каком городе или кишлаке она поселится — долго не приходило обещанное письмо.

После приема в Кремле Иван поехал в Гатчину. Он рассказал Федору, как был на приеме у Владимира Ильича и что теперь предстоит поездка в Голодную степь, обещал непременно разыскать Марию, но просил старика, как только тот получит письмо от внучки, срочно сообщить ему в Ташкент на Главпочту адрес Марии. Они долго бродили по саду, где каждое дерево было им родным, вздыхали о далекой степи — будут ли там расти сады на ветру, на бедных песчаных землях...

На другой день Мудров приехал в Москву. На Казанский вокзал, где к составу, отбывающему в Ташкент, был прицеплен специальный вагон для отъезжающих в Голодную степь, он прибыл раньше всех. Скоро стали съезжаться ученые, которых он запомнил по встрече у Ленина. Они прибывали на станцию на телегах, с большими чемоданами, корзинами, узлами. Собралось много провожающих.

Мудров, у которого ничего не было, кроме горячего сердца под серой шинелью да буханки хлеба в сетке, помогал пожилым людям устроиться поудобнее, таскал их вещи, укладывал мешки, чемоданы.

Поезд тронулся.

Мудров устроился на верхней полке последнего купе. Опершись о локоть, он долго смотрел в окно вагона. Позади остался зеленый семафор.

Начался редкий лес, дачные поселки, сосновые рощи, чередующиеся с зелеными лугами. Дальше лес стал гуще. Появились стройные березы, раскидистые ели, дубняк, а скоро поезд мчался уже по густому зеленому лесу.

Мудров думал о Марии. Где она сейчас? В Ташкенте? В Самарканде? А может, тоже угодила в Голодную степь. Это было бы идеальным вариантом. Вот ведь во-

истину предначертание судьбы. А впрочем, при чем здесь судьба? Где бы Мария ни оказалась, Мудров был уверен, что обязательно встретит ее. Иначе, казалось ему, не могло быть!

Вспоминая далекие годы, Мудров не заметил, как дошел до самого дома Чулбобо. Под навесом стояли два оседланных коня, с хрустом грызя клевер.

Словно к себе, он шагнул через порог дома своего друга.

* * *

Спустя час после Мудрова пришла домой Фируза. Проходя через темный двор, она заглянула в светлое окно.

Взле низкого стола на полу сидели старик, тетушка Ханифа и кто-то еще.

«Не Мудров ли?» — подумала Фируза, зная, что его ждали со дня на день.

Она приостановилась, вглядываясь в это незнакомое, суровое и вместе с тем какое-то приветливое, ласковое лицо. Это, пожалуй, было самым примечательным в простом, немолодом лице — сочетание суровой строгости и душевной теплоты, просвечивающей в сдержанной улыбке.

На террасе она стянула грязные сапоги, надела чистые мягкие тапочки. Вначале сильно заныли озябшие ноги, но боль быстро затихла, и девушка облегченно вздохнула. Она скинула мокрую телогрейку, сняла платок, туго повязала шелковую косынку.

Когда Фируза, тихонько приоткрыв дверь, вошла в комнату, Иван Андреевич о чем-то говорил. Чулбобо и Ханифа внимательно и настроженно слушали его.

— Вот, пришла наша дочка, — прервав Ивана Андреевича, сказал старик. — А тетушка ждала твоего прихода, доченька, не подавала обед!

Фируза, поклонившись всем, подошла к Ивану Андреевичу и протянула руку:

— Здравствуйте, Иван Андреевич, наконец-то я вижу вас!

— Узнала, узнала! — радостно закивал Чулбобо, смеясь, словно ребенок, разгадавший сложную загадку. — Молодец наша дочка, я так и знал!

Фируза села возле тетушки Ханифы и, улыбаясь, взглянула на радостного старика.

— Не трудно мне было узнать Ивана Андреевича. Оказывается, вы не только искусный садовник, но и талантливый художник. Вы так подробно и ярко описали Ивана Андреевича, что после этого слепой бы я была, если б его не узнала.

— Оказывается, я художник! Вот как!— продолжал смеяться Чулбобо.— Может, немного погода, доченька, ты скажешь, что я поэт!

— Да, вы и поэт!— подтвердила Фируза.— Назовите мне хоть одного настоящего садовника, который бы не был поэтом. Настоящий поэт тот, кто понимает тонкие оттенки в цветах, внемлет с радостью песням птиц, различает тонкие ароматы в различных сортах фруктов.

— Совершенно верно, доченька,— поддержал Фирузу Иван Андреевич.— Если бы Таштемир не был истинным поэтом, прошел бы мимо Ханифы. Только его поэтическая душа могла покорить в свое время этукую красавицу.

Маленькую комнатку наполнили смех и шутки.

Старик, покраснев, закашлялся от смеха.

— Я, кажется, прервала ваш разговор,— обратилась наконец Фируза к Мудрову, взяв чайник из рук Ханифы, чтобы самой ухаживать за гостем.— Когда я вошла, вы что-то интересное рассказывали...

— Мы, старики, любим вспоминать прошлое,— ответил Иван Андреевич, кончиком пальцев разглаживая усы.— Вам, молодым, возможно, не интересны наши воспоминания, старый сказ...— в задумчивых глазах Ивана Андреевича сверкнула лукавая искорка.

— Наоборот, уважаемый Иван Андреевич. Я думаю, жизнь и опыт наших отцов — наглядное пособие для нас, молодых. У кого же учиться нам, как не у вас?!

— Молодец, доченька, молодец!— пристально глядя на Фирузу, сказал Иван Андреевич.— Было бы очень хорошо, если бы вся молодежь рассуждала так же. А ну, давай полистаем страницы жизни. Сегодня я был на могиле жены моей. Вспомнил я свои молодые годы: как был принят Лениным, как встретился с Марией, как было потерял и разыскал ее. Нашу любовь в те да-

лекие, навсегда ушедшие годы. О, если бы все это можно было вернуть! Хотя бы на короткий срок!

Фируза не отрывала взгляда от морщинистого лица, от старческих губ, обрамленных седой бородкой и усами, с интересом ожидая продолжения рассказа.

— Был 1920 год,— продолжал не спеша Иван Андреевич, поудобнее облокотившись о стенку.— Всю дорогу от Москвы до Ташкента я думал о Марии, строил разные планы, предположения, как и где ее найду. Был уверен, что я разыщу ее, ибо нельзя же не найти свое счастье!

Мне в ту пору шел двадцать второй год, но я уже знал цену куску хлеба, успел хлебнуть и голода, и холода и подышать революционным воздухом. Я успел тогда, в Гатчине, в бывшем помещичьем саду набить мозоли на руках. Умел держать винтовку. Отец мой, Андрей Кузьмич, погиб на гражданской войне. Мать в надежде разыскать отца поехала на фронт сестрой милосердия и тоже не вернулась. Да и Мариина судьба не лучше. Она была младше меня на три года, родителей лишилась во время эпидемии тифа. Воспитал ее дед. Нерадостное детство досталось и мне и ей. Одна биография была у нас. Мария была мне дорога еще и потому, что напомнила мне маму, когда я ее увидел впервые, в белом фартуке, с белой косынкой на голове, с красным крестом. Когда в последний раз мама прощалась со мной, она была одета так же...

Помню,— прищутив глаза, после небольшой паузы, заговорил опять Иван Андреевич,— когда мы отъехали от Москвы, наш бригадир Булаевский, которого назначил сам Владимир Ильич, пригласил нас к себе в купе и расстелил на чемодане карту Голодной степи. Мне не хватило места, и я остался стоять возле порога. Тогда глаза мои не были такими мутными и на расстоянии четко различали каждый знак на карте. На карте были обозначены места освоения и орошения Голодной степи. Эта карта была трудом известного ученого Розенкампа.

— Ага!— оживился Чулбобо.— Помню Розенкампа. Никогда не знал покоя, по всей степи носился на лошади. Когда и где ни встретишь его,— всегда в руках бумага и карандаш, что-то чертит. Несколько раз мне довелось сопровождать его.

— Это он,— перебил его Иван Андреевич,— и создал проект перекрытия Сырдарьи возле Фархадских гор: построить плотину, пустить воду по каналу. Коротче говоря, в вагоне разгорелся спор,— вернулся к прерванной теме Иван Андреевич.— В течение нескольких дней пути ученые высказывали свою точку зрения, пожелания, планы и предложения.

Я был моложе всех и потому все бытовые заботы взял на себя: на станциях бегал за кипятком, доставал газеты. Все единогласно избрали меня старшиной вагона. Ночью я надевал свою шинель и с винтовкой в руках выходил в тамбур, а утром снова начинались диспуты. Я больше слушал ученых, но иногда и самому случалось высказать свое мнение. Мы все были полны желанием скорее осуществить декрет Коммунистической партии, подписанный Лениным.

— Да здравствует русский народ!— с гордостью произнес Чулбобо.— С того дня, как я встретился с русскими, кроме добра, ничего я от них не видел и не слышал.

— А мы, русские, разве в обиде на узбеков? Мы радуемся нашей дружбе,— глядя ласково в глаза Чулбобо, сказал Иван Андреевич.— Наш долг помочь всем отстающим. Вот ты, Таштемир, разве ты мало сделал для укрепления дружбы между нашими народами?

Фируза любовалась трогательной долголетней дружбой двух стариков и думала: «Если бы я не приехала в Голодную степь, не узнала бы этих двух замечательных людей!»

— Мы отвлеклись,— обращаясь к Фирузе, сказал Иван Андреевич и с огорчением тяжело вздохнул.— Если бы на три года раньше ты приехала сюда, повидалась бы с Марией Федоровной! Эх, таких людей, как была она,— мало! Как говорится в наших сказках, мы прошли путь, но прошли с толком. Наш поезд тогда от Москвы до Ташкента шел целый месяц! Целый месяц! Как только прибыли, я тут же побежал на Главпочтамт,— словно Мария сама уже была там. Но меня не ждали ни Мария, ни письмо. Я одиноко побрел обратно к друзьям. Вдруг по пути возникла мысль: не пойти ли мне в Городской Совет? Там навести справки. Наверное, там знают, как распределили медсестер, прибывших из Петрограда. Как говорится, язык до Киева

доведе, так и меня он привел к одноэтажному белому зданию Городского Совета. Там мне посоветовали обратиться в отдел здравоохранения. И вот блеснула искорка моего счастья. В отделе здравоохранения получил справку о Марии.

Марию Федоровну направили на Сырдарью, на борьбу с малярией. Слово отдел здравоохранения заранее предугадал, что я поеду в том же направлении в село Крестьянское.

Попутчики, хотя и не знали моей тайны, заметили мое веселое настроение, когда я вернулся в вагон, и засыпали вопросами.

— Ты, хитрец, что скрываешь от нас?— спросил Булаевский.— Открой нам свой секрет.

Я кратко рассказал им о себе и о Марии. Признался, что ходил в город узнать что-либо о ней.

Попутчики принялись высмеивать меня: «Мы думали, ты едешь осваивать Голодную степь, а ты, парень, оказывается, едешь за невестой?»

Я смущался, не зная, что сказать, как отделаться от насмешек. Но, пошутив, они все, еще не зная Марию, уже отнесли к ней с большой симпатией. Решили быстрее разыскать ее и организовать нашу свадьбу. Изменилось и отношение ко мне — если раньше меня звали просто Ваня,— теперь стали величать Иваном Андреевичем.

В конце августа мы прибыли на станцию Сырдарья. Вагон наш отцепили и поставили на запасный путь.

Помню как сегодня, был жаркий, душный день. По обе стороны железнодорожного полотна раскинулась бескрайняя степь. На пустыре, неподалеку от полотна, находился невзрачный станционный домик. У самого крыльца торчало несколько чахлах деревьев, столь густо покрытых пылью, что кроны выглядели не зелеными, а розовато-серыми, как окружающая земля.

Под деревьями стояли кокандские арбы с огромными колесами. Лошади, низко опустив головы, лениво жевали траву.

Несколько человек, ожидавших нас, бросились нас обнимать, вручили букеты цветов и зеленые веточки плодовых деревьев, с трудом выращенных среди этих иссохших земель. И эти скромные ветки здесь казались прекраснее любых цветов, ибо это были ветки

жизни, возрожденной на мертвой земле трудом людей... Помнишь, Таштемир, среди них был и ты?

— Конечно, помню.— Чулбобо призадумался, как-то по-особому теребя бороду.— С тех пор прошло сорок два года, а словно бы только вчера началась наша дружба.

— Верно говоришь, Таштемир, промчались молодые годы, как потоки бурной реки. Мы с тобой лучшие свои дни отдали степи. Мы сумели вырвать у степи какую-то долю для себя и людей. Но еще невиданные богатства хранит в своих недрах прожженная, опаленная солнцем степь!

— Помнишь, Иван,— Таштемир прислонился к стене и закрыл глаза,— когда ты приехал в степь, был худым стройным парнишкой?

— Да, тогда я был таким, как Фархад, влюбленный в Ширин, и, подобно ему, был влюблен в Марию... Я никогда не забуду твою доброту, Таштемир. Особенно один случай: когда мы отправились в степь, в твою арбу погрузили медикаменты, разные приборы. Ты сел верхом на коня, впряженного в арбу, а я растянулся на мешках в арбе. Некоторое время мы ехали молча. Мне тогда хотелось расспросить тебя о многом, но я не решался. Думал, не поймешь меня — откуда знать степному грузчику русский язык.

Ты восседал в седле и вполголоса напевал какую-то печальную узбекскую песню, очень подходящую для моего настроения. Хоть я и не понимал слов, но знал точно, что ты поешь о любимой, тоскуешь по ней; мотив песни казался похожим на степные сумерки.

Где-то далеко на горизонте, среди розовато-дымчатых, нежных, как пенка, облаков, сверкал кусок золотого солнечного диска. Протянув руку в сторону солнца, я произнес: «Крестьянское». Ты, повернув голову, к моему неожиданному и приятному удивлению, ответил по-русски: «Знаю, мы едем Крестьянск. Кароший село». Я поспешил спросить у тебя про Марию. Ты понял меня. «Дохтур девочка, карошо девочка»,— ответил ты. Дальше из твоих слов я понял, что она живет под каким-то навесом с девушками, там же, где и Ханифа. «Кто такая Ханифа?»— спросил я. Ты, хитро улыбаясь, ответил: «Моя Мария!» Помнишь, старик?

— Помню, помню!— подтвердил Чулбобо, ласково

поглядывая на сидящую рядом жену.— Я и правда так говорил о ней — моя Мария.

Слушавшая затаив дыхание Фируза обратилась к тетушке:

— Вы тоже были медицинской сестрой?

— Нет, я помогала им,— ответила Ханифа.— Всех от мала до велика замучила желтая малярия. Люди были обессилены. А сколько похоронили! Хорошо, что из Москвы прибыли врачи и сестры на помощь. Мария тогда от зари до темной ночи ходила по домам и шалашам, раздавая изможденным больным лекарства. Сама, бедняжка, измоталась. Приехала румяной, а потом пожелтела, сама стала похожа на больную малярией. Когда Иван пришел к нам в общежитие, он не узнал Марию.

— Действительно, я тогда не сразу узнал ее,— признался Иван Андреевич.— У самой Марии я попросил позвать мне Марию. Не выдавая себя, она молча стояла передо мной. И это была не та стройная, гладко причесанная блондинка с беленьким личиком, которую за три месяца до того я сам проводил из Петрограда, я увидел перед собой худенькую девушку, очень смугленькую, рыжеватенькую. Она продолжала молча стоять. Я повторил свою просьбу: «Не будете ли так любезны позвать мне Машеньку...»

Потеряв терпение, она крикнула: «Да я же, я твоя Машенька!»— и бросилась ко мне. Я узнал ее голос, увидел глаза, полные слез...

У самого Ивана Андреевича при этих воспоминаниях навернулись на глаза слезы.

— Нашел я Машеньку свою, нашел ее навечно. Осенью сыграли свадьбу. Присутствовали все, кто приехал со мной из Москвы. Таштемир удивил тогда всех своими фруктами. Он приволок на свадебный стол яблоки, какие-то особые ароматные персики, виноград. Такого нам не доводилось раньше видеть. Все диву давались. А помнишь, как ты пел, старик?

— Помню!— Таштемир толкнул игриво локтем Ханифу, приподнял заросшие брови:— А ты, душечка, помнишь, как отплясывала? Под мотив «Яллам Ярим?» Словно куропаточка!

— Скажешь тоже — как куропаточка,— расхохоталась Ханифа и, смущенно покраснев, словно сейчас

ее просили повторить танец, сказала: — Это вы заставили меня, уговорили!

— Голодная степь манит к себе по-особому, — опять заговорил Иван Андреевич. — Если вы полюбите степь — и она вас полюбит. Полюбит так крепко, что никогда не выпустит из своих горячих объятий. Не приказом, не силой оставит вас у себя, а тайными чарами, волшебным шумом ветров, наполненных солнечным светом, фруктами, горькой солью, выходящей из глубоких недр земли. Если кто любит землю, воду, хлеба, сады, зеленые поля — пусть едет в Голодную степь. Степь одарит труженика и жестоко накажет того, кто посмеет бесхозяйственно и равнодушно обращаться со степной землей.

Услышав эти слова, Чулбобо засиял от радости.

— Молодец, Иван, ты высказал мои сокровенные мысли.

— Мы с Машей навсегда полюбили эту степь. От тебя, мой друг Таштемир, и от деда Федора я научился понимать растения и землю. Вы мне помогли разобратся во всех тонкостях земледелия. Всю любовь к растительному миру, все свои знания я отдал степи. Маша также в твою степь привезла любовь и уважение русских к узбекскому народу. Почти сорок лет мы прожили с Машей. Сорок лет — сорок вершин в жизни. Одна выше другой. Но каждый раз, когда перевалишь через них, перед глазами новые просторы, новые цветники. Опять стремишься к новому. Достигаешь его — и опять все сначала. Мы с Машей не раз рассуждали о том, что такое счастье. Мы здесь, в исконной степи, сумели понять: счастье — труд, счастье — борьба, счастье — дружба одного народа с другим. Счастье — кусок хлеба, заработанный честным трудом. Счастье в том, что, не щадя сил, мы с тобой, Таштемир, завоевали себе свободу! Мы с Машей не раз вспоминали узбекскую сказку про птицу Семург; каждый, кто живет и трудится на этой священной степной земле, должен быть Семургом своего счастья. Когда мы с Машей задавали себе вопросы: «Что мы приобрели в степи?», мы каждый раз отвечали: «Счастье свое!» Маша со своими медиками помогала лечить людей, а я со своими земледельцами помогаю земле, деревьям, воде. Разве это не счастье? В степи Маша нашла себе верную подругу —

Ханифу. Я удостоился уважения Таштемира, а это разве не настоящее счастье? Когда Машенька приехала в степь, как любит говорить Таштемир, она была словно тростиночка, работала, училась, набиралась опыта. Пришло время, и присвоили ей высокое звание заслуженного врача Узбекистана. Не найдется в степи человека, который не знал бы врача Марию Федоровну. Разве это не настоящее счастье?

А я был молодым питерским рабочим. Потом садил сады. Копал каналы. Учился. Строил ГЭС. Какая-то частица и моего труда вошла в пробуждение степи, которая в течение многих веков лежала в тяжком сне.

Узбекский народ назвал меня заслуженным агрономом и ирригатором Узбекистана. Правительство наградило меня орденом Ленина. Разве это не настоящее счастье? Когда-то люди называли степь Голодной. На самом же деле степь — источник изобилия. Но раньше люди не владели ключом к этим несметным богатствам. Ленин дал народу этот заветный ключ. Бескрайняя степь раскинется как цветущая долина, и будущие поколения эту золотую долину назовут именем великого Ленина.

Фируза, слушая Ивана Андреевича, подумала, что она из того поколения, от которого зависит будущее степи, и вдруг ощутила ответственность, возложенную на нее. Она не только агроном, приехавший в степь после учебы, а лицо, ответственное за процветание степи, и свое личное счастье она должна найти тоже здесь, чтобы судьба земли и судьба человека стали неотделимы, как это стало у Чулбобо и тетушки Ханифы, у Ивана Андреевича, у покойной Марии Федоровны. Она тоже должна здесь испытать и лишения, и трудности, как пришлось испытать их старшему поколению. Но и свое счастье ей надо найти, как они, в степи.

Фируза вспомнила о Шерали, о его телеграмме. Шерали тоже в степи, организывает новые совхозы — вносит свою лепту в процветание Голодной степи. Может быть, и он свое личное счастье найдет в степи. Шерали... Удивительно, но после волнующего рассказа Ивана Андреевича Фируза не вспомнила о Наркузи. А ведь Наркузи тоже дает жизнь степи. И разве он не ищет здесь своего счастья?

— Спасибо, Иван Андреевич, вы обогатили мою ду-

пу своими воспоминаниями. Вы заставили меня о многом задуматься, еще крепче полюбить степь.

— Есть что любить, доченька! Есть что!

На пороге появился Аширали.

Иван Андреевич вытащил карманные часы на цепочке.

— Время уже, — сказал он, вставая, — пора идти.

— Я на машине, — сказал Аширали, — успеем.

— Не председатель ли уступил свою машину? — усмехнулся Иван Андреевич.

— Кому же председатель пошлет машину, как не вам, дорогой Иван Андреевич!

— Нет, не председатель. Похоже, что это твоя затея.

Все оделись и вышли. Возле ворот, рядом с заснеженной бричкой Таштемира, блистала голубая «Волга».

Аширали, щелкнув ключом, нажал на стартер.

Сквозь снежные вихри «Волга» помчалась, подобно одиноко парящей птице.

Ярко засверкали окна колхозного клуба.

Глава восьмая

Мирхасил дал сложное поручение Ильхамче. Он теперь, кроме кассы и склада, должен был присматривать за теми, кто не по душе председателю. Особенно ему надлежало держать в поле своего зрения Аширали и Фирузу.

После беседы в председательском саду Ильхамча угрюмой пошел следом за Фирузой и Аширали и так дошел до самого дома Чулбобо, но, как он ни пытался, ему не удалось расслышать ни одного слова из их разговора. Ничего недопустимого не заметил он и в их поведении. В последующие дни, несмотря на большое усердие, наблюдения Ильхамчи тоже не принесли никаких плодов. Мирхасил обозвал его бабой, растяпой. Наконец в канун праздника Ильхамча, посчитав, что сможет обрадовать хозяина приятными сведениями: он отправился следить за Аширали, который уехал на голубой «Волге» без разрешения председателя.

Наркузи по дороге в клуб увидел Ильхамчу, прятавшегося за деревом и поглядывавшего в сторону дома Таштемира. Наркузи подошел и насмешливо спросил:

— Что это ты в такую погоду здесь стоишь, мокнешь?

— Просто стою, ведь улица большая! — побледнев, но вызывающе ответил Ильхамча.

Наркузи схватил его за ворот и крепко тряхнул.

— Убирайся прочь! Или еще добавить?

Ильхамча вырвался от Наркузи и побежал к дому председателя.

У входа в клуб Наркузи столкнулся с разодетой Зулукой — и словно черная кошка перебежала ему дорогу. Настроение вконец испортилось, и он не знал, идти ли ему вперед или вернуться.

Когда-то многим из своих друзей он сказал о любви к Зулуке и о том, что намерен на ней жениться. Да и она не скрывала своих чувств к Наркузи. После его возвращения из армии она ему призналась: «Если бы не разлука, не сломалась бы наша любовь». Любовь Зулуки не выдержала испытания временем. Да и была ли у нее любовь? А сердце Наркузи ранено. И хотя рана зарубцевалась, при встречах с Зулукой она опять начинала ныть. Такие раны не скоро заживают. Только новое большое чувство могло бы сгладить старые рубцы.

Со дня появления Фирузы Наркузи чувствовал разгорающийся жар в своем сердце и мучился в догадках, может ли и она питать к нему ответные чувства. Иногда теплая искорка, появлявшаяся в ее глазах, вселяла надежду, и Наркузи уверял себя, что в этих искорках таится обещание. С Зулукой было проще: на первом же свидании призналась ему в любви, а вот Фируза молчит, говорит только о делах.

После долгих размышлений Наркузи пришел к выводу: девушки делятся на две категории. Первая — откровенные, у них все, что на душе, написано на лице. Вторая — скрытные, замкнутые; у этих до души не доберешься, не найдешь бриллиант, который спрятан в глубине сердца. Ну а такие девушки, как Зулука, — особая категория.

Фируза сложна, трудно угадать ее мысли, трудно найти ключ к ее сердцу: если бы это не было так сложно, Наркузи давно нашел бы его. Он был убежден, что внимание такой девушки, как Фируза, можно заслужить послушанием, исполнением всех ее желаний, беспрекословным исполнением всех ее поручений. Эти

свои догадки он уже начал проводить в жизнь. Так Фируза посоветовала ему отделить часть хлопковой плантации для машинного сбора урожая. Наркузи согласился. Фируза посоветовала ему горожан, приехавших на сбор хлопка, уступить отстающим бригадам — он уступил. Результат получился неплохой: в его бригаде, благодаря машинам, ускорился сбор, снизилась себестоимость хлопчатника. Бригада оказалась в выигрыше. Но что выиграл сам Наркузи? Фируза не изменилась, оставалась такой же замкнутой. Когда им случилось быть наедине, она под разными предложениями торопилась уйти. Когда сегодня по дороге домой она встретила Наркузи, улыбка сбежала с ее лица, она сразу же стала серьезной. Даже телеграмму не прочла при нем.

После долгих колебаний Наркузи вчера признался своей матери, что любит Фирузу.

— Рад бы был жениться на ней, да как ей в этом признаться? Может быть, милая мама, вы мне сумеете помочь?

Они решили пригласить Фирузу к себе в гости.

Мать тут же начала хлопотать, стряпать, чтобы достойно принять гостей. Но похоже, что и сегодня едва ли ему удастся поговорить с девушкой наедине. Она придет к ним с Таштемиром, с Ханифой. Возможно, к ним присоединится и Мудров. Наркузи видел, как из парикмахерской Мудров пошел к Чулбобо. Тогда он решил пригласить и Аширالي с Турсуной, чтобы вечер прошел оживленнее.

«Фируза увидит мою маму, да и мама посмотрит Фирузу. Может, они понравятся друг другу и Фируза будет приходить к нам?» — мечтал Наркузи.

У входной двери, где столпилось много народу, слышались голоса: «Пропустите, пропустите!»

Наркузи повернул голову в ту сторону и увидел Аширали, пробиравшегося между расступающимися людьми, а за ним Чулбобо и Ивана Андреевича. Наркузи надеялся увидеть среди них Фирузу, но ее не оказалось: она осталась с девушками, стоящими у прохода.

Таштемир с Иваном Андреевичем заняли места в первом ряду, возле Мирхасила.

Аширали по деревянным ступенькам поднялся на

сцену, подошел к столу и позвонил в небольшой медный колокольчик.

Гудящий, подобно пчелиному рою, зал притих.

Собрание, посвященное юбилею Великой Октябрьской социалистической революции, Аширали объявил открытым.

Все стоя аплодировали.

Аширали предложил избрать президиум и зачитал кандидатов. Когда он назвал имя председателя, послышались жидкие, негромкие хлопки, когда же прозвучало имя Мудрова, приехавшего в Голодную степь по путевке Ленина, зал разразился бурными аплодисментами. Такую же овацию устроили при имени Таштемира. Наркузи был встречен не очень восторженно.

— Кого еще предлагаете? — обратился Аширали к собранию.

Из разных концов зала послышались голоса:

— Вас, Аширали-ака!

— Асальхан!

После голосования кандидатов попросили занять места в президиуме. Наркузи поднялся на сцену последним. Он чувствовал себя неловко и был озабочен. Почему его, передовика, раньше всех выполнившего план, не так горячо приветствовали, как других? Получается, что он не очень авторитетен в колхозе. Особенно досадно было это чувствовать оттого, что здесь была Фируза.

Когда зал затих, Аширали предоставил слово Ивану Андреевичу.

Мудров говорил на узбекском языке. Он рассказал, как изменилась за эти годы Голодная степь, как изменились в степи условия труда и как иными стали сами люди. Он рассказал, как будут проложены новые каналы, как вода пойдет по керамическим желобам, чтобы каждая капля воды пролилась лишь там, где в ней есть нужда.

Он говорил, а Наркузи был занят одной заботой — в темном зале найти глазами Фирузу. Он вглядывался в дальние ряды, но белые или желтые платки, суконные или бархатные пальто девушек казались одинаковыми. Трудно было различить и лица в этом неярком свете. Но — не сердце ли ему подсказало? — он нашел ее. Вот она! И главное, Фируза, заметив его взгляд,

улыбнулась. Эта улыбка сразу его успокоила. Он сел поудобнее и начал слушать доклад, вникая, наконец, в смысл того, что говорилось с трибуны.

— Многие вновь организованные хозяйства теперь почти сплошь механизированы. Ручной труд отступает перед машинами,— сказал Иван Андреевич,— и этому примеру необходимо последовать всем колхозам и совхозам Голодной степи.

Он сказал, что надо как можно скорее высушить болота, сжечь тугай, избавиться от камышовых зарослей и освоить эти участки, прорывая там каналы для стока засоленной воды. «Мирзачульводстрой,— добавил он,— готов хоть сейчас помочь техникой, необходимой для осушения болот».

Ему тотчас ответили дружными аплодисментами. Зал оживился.

Чулбобо, сидевший возле Наркузи, толкнул его локтем:

— Слышишь, теперь надо приняться за дело по-настоящему.

Наркузи одобрительно кивнул головой, а затем, наклонившись к старику, шепнул ему:

— Фируза сказала вам? Сегодня ждем вас в гости. Придете?

— Раз приглашаете; придем.

Наркузи, вытащив из кармана блокнот, написал записку и передал ее Аширали. Аширали согласно кивнул.

Наркузи привык к тусклому свету в зале и теперь хорошо видел Фирузу и наблюдал за ней. Она с большим вниманием слушала Ивана Андреевича, так чисто и красиво говорившего на ее родном языке.

— В Голодной степи проживают представители почти пятидесяти национальностей. Все они приехали сюда, чтобы удвоить, утроить наши богатства. Все они полюбили степь, и все мы мечтаем построить коммунизм, особенно мы, старики, торопимся,— сказал он, улыбнувшись из-под очков, и взглянул на Чулбобо.

По залу прошелестели веселые аплодисменты.

— Скоро настанет у нас здесь тот долгожданный день, когда слово степь мы заменим словом сад; когда во всей степи не останется ни одного клочка бесплодной земли. Скоро настанет день, когда наша степь даст

столько хлопка, сколько сегодня дает вся наша республика!

Доклад окончен. Аширали закрыл собрание и объявил перерыв. Потом должен был демонстрироваться фильм «Чистое небо».

Наркузи подошел к Ивану Андреевичу, Таштемиру и Аширали, которые сидели в первом ряду. Аширали в это время говорил Мудрову:

— С боем заполучили мы этот фильм. Было много заявок. Давайте посмотрим, а уже потом пойдем к Наркузи.

— А не будет поздно? — засомневался Иван Андреевич. — Бедная хозяйка заждется нас!

— Чем дольше ждут, тем больше любят, — засмеялся Наркузи.

— Конечно, стоит посмотреть этот фильм, — сказал Иван Андреевич.

Наркузи, договорившись со своими гостями, направился было на свое место, когда в зале вдруг погас свет. Какой-то очень знакомый голос окликнул его:

— Наркузи-ака, идите сюда. Садитесь, есть место.

Наркузи вздрогнул, вспыхнул от счастья: «Неужели она?»

Он наугад шагнул в ту сторону, откуда услышал приглашение. Глаза быстро привыкали к темноте, и он уже начал различать сидящих. Маленькая девичья рука потянула его за рукав.

— Вот свободный стул, садитесь, — прошептала Фируза.

— Благодарю за заботу, — взволнованно произнес Наркузи.

— Иначе вы остались бы без места, — засмеялась Фируза.

— После фильма — к нам. Надеюсь, не раздумали?

— Нет, не раздумала.

— Аширали непременно хочет посмотреть эту картину. А мне как хозяину остается только подчиниться желанию гостей, да и Иван Андреевич со стариком присоединились к Аширали.

Зал притих. Все взгляды устремились на экран.

Фируза не помнила своего отца, погибшего на фронте, но, смотря фильм, думала о нем. Она знала его лишь по фотографиям да по рассказам матери, и ге-

рой фильма казался ей похожим на отца. Девушка загрустила, на глаза навернулись слезы. Наркузи не знал ни мыслей Фирузы, ни ее переживаний.

Когда фильм окончился, Наркузи тихонько взял девушку за локоть.

— Пойдемте, мы их подождем у выхода.

Фируза торопливо вытерла глаза краем платка и поднялась. В зале вспыхнул свет. Зрители с шумом направились к выходу. Фируза спросила:

— Вы и председателя к себе пригласили?

— Нет, — ответил Наркузи и смущенно добавил: — Не терплю его жену.

Они вышли на улицу и остановились.

Снег продолжал валить. Заметно похолодало. Даже щеки пощипывало.

Фируза с Наркузи отошли в сторону. Девушка туже завязала пуховый платок. Мимо прошли с хохотом веселые хохотушки из бригады Наркузи. Затем появилась Зулука под руку с председателем. Увидев Наркузи, она кокетливо стрельнула на него своими плутоватыми глазами и, наклонившись к мужу, о чем-то шепнула ему.

Ильхамча задержался было под деревом неподалеку от них, но Наркузи крикнул ему:

— Ты что застрял? А ну, шагай... иначе помогу!

Наконец появились старики.

— Подождите немного, — сказал старикам Ашир-али. — Я сбегаю в гараж.

— Зачем? Не нужно, — возразил Иван Андреевич, — пойдем пешочком.

— Конечно, — присоединился к нему Чулбобо. — Не так уж далеко...

— Подышим свежим воздухом, — добавила тетушка Ханифа.

Фируза, взяв под руку тетушку Ханифу, шла молча, задумчиво прислушиваясь к скрипу снега под ногами.

— Что это ты загрустила, доченька? — спросила Ханифа.

— Отца вспомнила, — ответила Фируза. — Фильмы о войне всегда мне напоминают о нем.

— Да, военные картины будоражат старые раны, — сказала тетушка Ханифа.

— Вы после войны не пытались узнать об отце? — спросил Наркузи.

— Справлялись много раз, ответ один: «Пропал без вести». Из последнего письма мы знали, что отец находился в городе Аккерман под Одессой. Мы с мамой ездили туда, наводили справки, разыскивали однополчан отца, но безрезультатно.

— Не вы одна, доченька: война многих детей разлучила с родителями, — сказал Иван Андреевич. — Мой единственный сын тоже остался под Смоленском.

— Да, много горя принесла война, — вздохнул Чулбобо. — Теперь бы уж давно, наверное, мы с вами Голодную степь превратили в сад!

Все надолго замолчали. Наконец, свернув с большой дороги, они увидели освещенные окна.

Возле дверей стояла женщина. Увидев гостей, она кинулась им навстречу.

— Пожалуйста, дорогие, пожалуйста! — приветствовала их Зумрад-биби.

— Вы нас, пожалуйста, извините за опоздание, — начали оправдываться гости. — А чтобы вы не были на нас в обиде, мы опустошим сейчас ваш дастархан, — засмеялась Турсуной, обнимая старушку.

Долго обнимались Зумрад-биби и Ханифа, поздравляя друг друга с праздником. Затем хозяйка обратилась к Фирузе:

— Это ты, кажется, доченька, приехала из города? Давай же познакомимся, дорогая.

Фируза подошла к Зумрад-биби. Старушка обняла ее и поцеловала.

— Оказывается, ты красивее, чем мне рассказывал Наркузи. Ну как, понравился тебе наш кишлак? Получаешь письма из дому? — засыпала Фирузу вопросами Зумрад-биби, ласково похлопывая девушку по плечу.

Фируза покраснела от смущения и в растерянности же знала, на какой вопрос отвечать раньше.

Зумрад-биби, поздоровавшись с остальными гостями, пригласила всех в комнату.

— Пожалуйста в тепло. Поди, озябли.

Дом Наркузи не отличался от других колхозных домов. Он состоял из двух комнат и большой открытой террасы.

Наркузи помог гостям раздеться, провел их в гости-

ную. Посреди просторной, теплой, светлой комнаты стоял накрытый стол. Иван Андреевич подошел к голландской печке и тронул ее ладонями.

— Ну и постарались же вы, тетушка Зумрад-биби! — воскликнул он, отдергивая ладони и поворачиваясь к старушке, показавшейся у порога с полотенцем на плече и с медным тазиком и кувшином, начищенными до блеска.

Фируза бросилась к ней, чтобы взять из ее рук кувшин.

— Нет, дорогая, ты гостя. Я сама хочу поукаживать за всеми вами!

— Прекрасный обычай! — одобрил Иван Андреевич, обмывая руки теплой водой.

Наркузи взял с плеча матери белоснежное полотенце и протянул ему.

Все вымыли руки и сели за стол. Под светом электрической лампы, свисавшей над столом, на кремовой скатерти красовались в больших вазах, на блюдах огромные красные яблоки, сочные груши, свежие, слезно только что снятые с лоз, янтарные кисти винограда, золотистые гранаты. Запах еще теплых лепешек дразнил аппетит.

Наркузи разломил лепешку, разлил по ярким узорчатым пиалушкам зеленый чай.

— Каковы же у тебя успехи в этом году? Ты доволен? — спросил у Наркузи Иван Андреевич.

— Доволен! Доволен вдвойне: во-первых, тем, что послушался вашего совета и обновил дренажные каналы — и от соли избавились вовремя, и почву промыли. Во-вторых, по совету нашего нового агронома большую часть урожая собрали машинами. В результате отпала нужда в помощи горожан, а главное, сэкономили примерно около десяти тысяч рабочих дней.

Иван Андреевич засмеялся:

— Все члены твоей бригады теперь разбогатеют. Куда же вы денете столько денег? А?

— Были бы деньги, а расход найдется! — отшутил-ся Наркузи. — Но...

— А что «но»? Что-нибудь не так?

— Да, Иван Андреевич, по-настоящему хорошо бывает, когда у всех хорошо. Успех одной бригады — это еще не успех колхоза. Наш колхоз в общем-то отстают.

Скатываемся все ниже и ниже. Исключая бригаду Турсуной, все остальные выполнили план всего только наполовину. Горожане помогли собрать урожай, заработали деньги, а когда подходит день расчета, каково положение тех бригад? Я не могу не беспокоиться о них!

— Гм... — Иван Андреевич призадумался, поглаживая усы. — Ты прав. Я ведь не зря сейчас там сказал, что необходима техническая помощь вашему колхозу. Вам надо пересмотреть ирригацию, мелиорацию, заново прокопать большие каналы, каждый участок очистить от соли, промыть. Подойти к этому делу по-научному, а не по-обывательски. Судьбу урожая нельзя доверять самодовольному председателю. Других-то он любит подгонять, торопить, а сам только успевает раздавать обещания и дутые обязательства.

— Раньше не понимал я его, был слеп, — тяжело вздохнул Наркузи. — Фируза мне открыла глаза.

— Необходимо по колхозам организовать курсы, — заметила Фируза, — не одним только колхозным руководителям, а и каждому колхознику надо знать современную агротехнику. Ведь это увлекательная наука, за нее только возьмись!

— Молодец, доченька! Каждый хлопковод должен знать агротехнику. Не будет никакого успеха, если посеешь хлопчатник на солончаке. От обильного полива поле превратится в болото, а по каналам потечет соль. Чтобы избежать всего этого, мало старания и труда, нужно знание дела, знакомство с наукой.

— Аширали! — заговорил Таштемир. — Надо вразумить Мирхасила. Его заносчивость, самодурство, горлопанство мешают колхозу, тормозят дело. Надо думать о будущем, а он живет только сегодняшним днем. Он из-за плана не видит матушку-землю! Кормилицу нашу добрую! Вот тому доказательство, что мы здесь собрались без него, а он должен бы быть здесь, с нами. Он потерял уважение людей. Народ его избегает, никому неохота лишний раз попасться на глаза этому самодуру. У колхозников унылое настроение. Надо, не теряя попусту времени, подбодрить людей, вернуть им веру в будущие успехи. А то выходит по пословице: чем дальше в лес — тем больше дров!

— Верно говорите, — согласился с замечаниями

Чулбобо Аширали.— Мы тоже советовались с коммунистами и думаем, как помочь делу...

Зумрад-биби, чтобы отвлечь гостей от деловых разговоров и перевести беседу на праздничные, веселые темы, попросила сына, кивнув на магнитофон:

— Покрути-ка свою машину, иначе гости загрустят.

— Да, покрути, покрути, сынок, послушаем,— подержал старушку Таштемир.

Наркузи нажал кнопку, закрутился диск, и послышался веселый напев.

— Вот это да!— воскликнул старик, покачиваясь в такт музыке.— Если бы мне сейчас было столько лет, сколько тебе, Наркузи! Каким бы я сейчас был джигитом! Как ты!

— Ох, если бы это свершилось,— засмеялась Ханифа,— что бы стала делать я — старушка?

— Ну тогда и ты стала бы такой же, как Фируза!— ответил Чулбобо.

У Зумрад-биби весело засветились глаза, лицо засияло улыбкой, разгладились морщинки, словно уже достигнута долгожданная вершина сегодняшнего торжества. Она застенчиво высказала свою заботу:

— Бедный мой сынок только и знает одну работу. Все его сверстники-ровесники давным-давно женаты, у всех семьи, дети. А он как вернулся из армии, так, кроме своего поля, ничего не видит. Вижу, ни одна девушка его не привлекает.— Зумрад-биби исподтишка взглянула на Фирузу и, понизив голос, продолжала:— Последнее время у него на устах только Фируза. И утром, и вечером он мне говорит о вас, дорогая. Вот, наконец, настал добрый час, я познакомилась с вами, доченька. Спасибо, не отказали — пришли, уважили старушку.

Фируза, смущенно улыбаясь, едва слышно ответила:

— Пришла... Да ведь я недавно у вас в колхозе, когда же он успел так много наговорить обо мне? Может, не обо мне шла речь?

— Что вы, миленькая, он описал вас. Да и не он один, а вся его бригада, все там девушки вас хвалят, говорят: вы успели побывать во всех бригадах, на всех участках.

Впервые услышав столько похвал себе, Фируза сму-

тилась и вспыхнула. Чтобы скорее перевести разговор на другую тему, она обратилась к Ивану Андреевичу:

— Вы осенью в Янгиере принимали участие в совещании молодых специалистов?

— Да. Со многими там встретился, говорил. А что? Среди них были ваши знакомые?

— Почти всех я знаю. Там много наших выпускников, с которыми я училась.

— Все они уже работают. Многие в новых совхозах.

— Вы не помните Шерали Назарова?

— Назаров... Шерали...— Иван Андреевич, прищурив глаза, склонив набок голову, задумался.— Нет. А кто он по специальности?

— Механизатор. Говорят, на строительном участке работает бульдозеристом.

— А... вспомнил. Плечистый рябой парень, да?

— Да, рябоватый.

— Он работает в первом строительном тресте, у инженера Саттарова. В молодежной бригаде. Они борются за звание бригады коммунистического труда. Частенько бываю у них в тресте, вижу его. Вы вместе учились?

— Да, в Ташкенте. Он часто бывал у нас дома. Вместе готовились к экзаменам. Он мастер готовить плов, веселый собеседник и совершенно одинокий. Никого у него нет.

Стоявший в углу около столика с магнитофоном Наркузи неожиданно спросил:

— Телеграмма от него?

— Да, он поздравил меня с праздником.

Фируза не придавала значения словам Наркузи и не задумалась, как он может истолковать ее слова.

— Не забыл, верный друг.

Ласково глядевшая на Фирузу Зумрад-биби изменилась в лице. Многозначительно взглянула на сына.

Побледневший Наркузи опустил глаза.

Как бы желая выручить сына, Зумрад-биби сказала:

— Хорошо, доченька, иметь верных друзей!

Она встала из-за стола и, взяв какое-то блюдо, пошла в другую комнату.

Магнитофонная лента продолжала крутиться, весе-

лая песня вдруг сменилась грустной, в которой великий Навои мечтает о верной любви.

Чулбобо продолжал покачиваться в такт музыке, псвворя слова давно знакомой и милой ему песни...

Зумрад-биби внесла ароматный плов. Знающие в этом блюде толк старики похвалили Зумрад-биби. После плова гости поднялись, стали прощаться.

Когда мать с сыном, проводив гостей до ворот, возвратились в дом, она, похлопав его по плечу, сказала:

— Сынок, пожалуйста, никогда не увлекайся красивыми девушками и не верь им!

Наркузи промолчал.

Глава десятая

В один из дней января они шли вместе вдоль нового канала. Уже было тепло. Солнце сияло, снег растаял. Закипела работа на полях, колхозники спешили воспользоваться каждой благоприятной минутой.

Неподалеку ворчал экскаватор. Это огромное чудовище с ковшом, в который вместился бы плов для всего кишлака, стояло на бугре. Ковш с лязгом глубоко вонзался в дно канала и потом медленно, словно разжав пальцы высоко поднятой руки, выбрасывал грунт в сторону.

Наркузи, издали глядя на работу экскаватора, обратился к Фирузе, идущей шага на два впереди.

— Могучее чудовище! Спасибо Ивану Андреевичу!

— Да, — ответила Фируза, не отрывая глаз от саженцев, робко стоящих по обе стороны нового канала. — Я подсчитываю саженцы, посаженные садоводом. Выходит семьсот двадцать кустов. Яблоки, груши, айва. А сколько их посажено всего — неизвестно. Предположим, тысяча фруктовых деревьев. Допустим, что прошло уже десять лет. Тогда каждый этот слабенький кустик будет давать по сто килограммов урожая. А сколько со всех кустов?

— Сто тонн!

— Молдец! Значит, каждая бригада в колхозе получит по сто тонн фруктов только с деревьев, посаженных вдоль каналов. А Чулбобо в этом году собирается посадить десять тысяч деревьев не только вдоль каналов, но и по краям всех посевных площадей. Значит, о

десяти тысяч деревьев — миллион килограммов урожая! Переведите-ка их на деньги, считая по десять копеек за килограмм. Сто тысяч рублей дохода!

— Вы прекрасный счетовод! — засмеялся Наркузи. — Хвала вашему учителю и вам, конечно, достойной ученице!

— Дело не только в старике, — серьезно продолжала Фируза. — Дело в народном опыте, в его мудрости. Скажите-ка, от чего наш колхоз получил больше дохода в этом году? От хлопчатника, от животноводства или от садоводства?

Наркузи остановился возле хрупкой яблоньки, не очень удачно посаженной, и, приминая тяжелым сапогом рыхлую землю вокруг корня, ответил:

— От садоводства.

— А по какой продукции перевыполнил план наш колхоз?

— Конечно, по фруктам.

— Bravo! — метнув взгляд на собеседника, продолжала девушка. — Чулбобо сейчас, все эти дни, думает о будущем доходе колхоза, о материальном благосостоянии колхозников. Это должно послужить всем нам примером. Мы вот сегодня, сейчас, уже должны заботиться о будущих урожаях хлопчатника на многие годы вперед. А?

— Все верно. Вы правы на все сто! — засмеялся Наркузи и, кивнув в сторону экскаватора, добавил: — Посмотрите-ка на ту пару!

К экскаватору подъехала бричка, доверху нагруженная саженцами. С брички спрыгнула Ханифа и протянула мужу руку. Чулбобо с ее помощью слез на землю.

— Старик продолжает свое дело, — заметил Наркузи, соскальзывая с холма вниз. Вытащив увязший в грязи сапог, он протянул руку Фирузе.

— Спускайтесь, подойдем к старикам, поможем им.

Таштемир не сразу принялся за саженцы. Он устал опустился возле брички на сноп сухой травы.

— Сдал старик, — с грустью сказала Фируза, — последние дни он не спит по ночам, бродит по двору.

Поздоровавшись со стариками, Наркузи, словно испытывая свою силу, подтолкнул бричку и воскликнул:

— Ну и нагрузили!

— Они у меня молодцы, вытянули,— ответил Чулбобо, ласково поглядывая на лошадей.

— Вы, отец, думаете о них,— поглаживая гриву вороному, сказал Наркузи,— а о себе не думаете.

— А что мне думать о себе, сынок?— Старик, опираясь ладонями о колесо, поднялся с места.— Много ли мне осталось топтать землю? От меня на добрую память всем вам останутся эти деревья и только! Вспоминайте тогда добрым словом... Ну, не стой, сгружай!

Чулбобо, положив кетмень на плечи, пошел к канаве. Ханифа с лопатой в руках неотступно следовала за ним.

Наркузи забрался на бричку и начал бережно передавать Фирузе вязанки саженцев по десять штук в каждой. На корнях каждого саженца комок земли, и вязанки поэтому были тяжелыми.

Когда они принесли несколько вязанок Чулбобо, старик уже успел вырыть десяток лунок и, устало облокотившись на ручку кетменя, отдыхал.

— На, возьми,— протянул старик Наркузи кетмень,— и сам попробуй сажать эти деревья.

Наркузи поставил в каждую лунку по одному тоненькому деревцу.

Фируза на мгновение представила себе, как эти красновато-коричневые гибкие прутики разукрасятся зеленой пышной листвой. Глядя на голые ветки, она попыталась определить сорта яблонь.

— Кажется, это белый налив, а?

— Отгадала, доченька, молодец! Через несколько лет, когда окрепнут эти ветки, на них созреет тот сорт, который ты любишь больше всего.

Фируза вспомнила усыпанные огромными плодами яблони в саду Чулбобо. Глаза ее радостно засверкали.

— Куда мы денем такой урожай?

— Был бы урожай, а девать его есть куда,— хитро прищурился старик, ответил Фирузе старик.— Пошлем в город, на консервные заводы. Как будто не знаешь!

— Боюсь, они дадут такой урожай, что и горожан не хватит на сборах,— засмеялась Фируза.

Посадив саженцы, подошел Наркузи.

— Вы с тетушкой поезжайте, а мы с Фирузой посадим остальные.

И вопросительно взглянул на девушку.

— Посадим, да? Управимся?

— Конечно,— поддержала она.— Поезжайте!

— Спасибо вам, детки,— согласилась тетушка Ханифа, подсаживая мужа на бричку.

— Копай лунки поглубже, смотри, чтобы корни не обветрило,— наказывал Чулбобо, усаживаясь около возницы.— Не забудьте здесь кетмень и лопату.

— Все будет в порядке, не беспокойтесь!

— Как же не беспокоиться, не всегда вы доводите дело до конца, разбаловал вас колхоз, разбаловал,— все ворчал старик, когда над головой взвизгнула хворостинка и лошади, дружно рванув, потянули бричку по вязкому степному бездорожью.

— Старый ворчун,— засмеялся Наркузи, подняв новую связку для посадки.— Все учит, словно не я посадил сорок гектаров сада, не я озеленил обочины дорог километром на десять.

— К советам старика надо прислушиваться! У него такой опыт.

Допоздна они занимались посадкой. Уже экскаваторщик заглушил мотор, уходя на отдых, а у них еще лежала целая груда саженцев.

Наконец, когда зимнее небо потемнело, Наркузи равогнулся.

— Остальные посадим завтра.

Фируза молча взяла у него кетмень и сама принялась копать новые лунки.

Наркузи отобрал у нее кетмень.

— Оказывается, вы упрямее старика!

— Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Видите, надвигаются тучи.

Наркузи поднял голову. Действительно, небо заволкло густыми серыми тучами. Он туже подтянул ремень, вздохнул всей грудью.

— Да, видно, придется потрудиться!

Работа спорилась. Оба втянулись в нее, и время шло незаметно. Саженцы словно слились с землей, их уже не было видно, темнота спустилась на землю, и трудно стало отличать небо от земли, такой вокруг был густой непроницаемый мрак.

— Давайте теперь приготовим лунки для завтрашней посадки! — предложил разгоряченный работой Наркузи.

Фируза рассмеялась:

— Оказывается, вы умеете увлекаться!

Фируза, взяв лопату, направилась к кишлаку.

— На сегодня хватит.

Наркузи догнал ее.

— Наверное, проголодались? Пойдемте к нам на плов!

— С удовольствием, но боюсь... Если я, как в прошлый раз, заговорю в вашем доме о Шерали, вы меня прогоните.

— Разве в прошлый раз я вас обидел?

— Ну, по крайней мере не проводили.

От этого упрека в сердце Наркузи затеплились угольки, которые за последние дни уже совсем покрылись было пеплом.

— Сегодня провожу, искуплю свою вину полностью! — радостно сказал Наркузи.

Вдали засверкали лампочки поселка. Фируза, помолчав, предложила:

— А не пойти ли нам сейчас в клуб? Если вы проголодались, я вас угощу кусочком лепешки, — засмеялась она, вытащив из кармана завернутый в бумагу хлеб. — В клубе отдохнем, послушаем музыку, в читальне посмотрим свежие журналы.

— Если вы хотите, пожалуйста.

Девушке колхозный клуб представлялся таким, каким она видела его в тот праздничный вечер, — светлым, шумным. Но теперь все было не так. И в фойе, и в зале было темно. В читальне высоко под потолком уныло тлел тусклый свет. У самых дверей стоял покосившийся, покрытый грязноватым красным ситцем стол, обставленный несколькими разохшимися, скрипучими стульями.

Остальную часть узкой длинной комнаты занимали полки, беспорядочно забитые книгами. В нетопленной комнате за столом, укутавшись в теплые платки, сидели несколько девушек, уткнувшись в газеты и журналы. С ними рядом пожилая библиотекарша.

Увидев агронома и бригадира, все вскочили, приветствуя их. Из-за книжных полок высунулся Асальхан. Она кивнула Наркузи и, протянув руку, подошла к Фирузе.

— Хочу почитать хорошую книгу о колхозной жизни. Что вы мне посоветуете?

— А что ты уже читала?

— «Поднятую целину», «Ветер золотой долины», «Сильнее бури», «Миллионер».

Фируза задумалась. Что еще посоветовать ей? Неужели больше ничего нет о жизни колхозников?

Асальхан ждала ответа, а Фируза безуспешно силилась вспомнить какую-нибудь достойную книгу.

— Не могу вспомнить ничего из романов. Если не читала, прочти повести «Победители» и «Хилала».

— Спасибо. Пойду поищу.— Асальхан снова исчезла за полками.

Фируза, просматривая газеты, спросила у библиотекарши:

— В какие дни работает клуб?

Старушка, поправляя сползающие очки, покачала головой:

— Только когда торжественные собрания, остальные дни закрыто.

— Интересно, знает ли об этом парторг?

— Наверное,— ответил Наркузи, просматривая журнал «Женщины Узбекистана».

— Посмотрите-ка, это же о нашей бригаде!— воскликнул он. Это были снимки того дня, когда Фируза впервые пришла в бригаду Наркузи.

— Помню,— улыбнулась Фируза.— Первый день сбора. Вы тогда воспользовались моей неопытностью и выиграли пари.

— Хотя и выиграл, но спас вас от арбуза, вы не забыли об этом?

— Помню все. Ну, а теперь пора домой,— сказала Фируза и встала.

Наркузи повторил свое приглашение:

— Пойдемте к нам?

— В другой раз,— ответила Фируза и свернула к дому Чулбобо.

Почувствовав намерение Наркузи поговорить с ней о чем-то серьезном, Фируза, не умея скрыть смущение, неестественным голосом сказала:

— Не обязательно разговаривать у вас дома, мы можем поговорить по пути.

Наркузи молча шел вслед за девушкой. Он терялся,

не зная, с чего и как начать разговор. Так и промолчали до самого правления. Фируза остановилась среди деревьев.

— Дальше не надо меня провожать, пойду сама.

Лучи огромной лампочки на председательских воротах осветили задумчивое, бледное лицо девушки. В этом освещении оно казалось еще милее.

Наркузи словно замороженный глядел на нее и, вдруг набравшись смелости, начал:

— Если я даже буду молчать, вы все равно знаете, Фируза, о чем я хочу сказать вам. Как только вы приехали к нам, сюда, я потерял покой. Вы небось слышали, как однажды в своей жизни я споткнулся. Не понял своих чувств. Увлечение принял за любовь. Страдал. Жестоко был наказан. Теперь мне противно даже ее имя. Может быть, вы знаете, кто она. Я думал, мое сердце больше никогда не загорится. Но ошибся. Встретил вас, прислушался к себе. Теперь это у меня не увлечение молодого парнишки... Короче говоря, Фируза-хон, ваша воля — или растоптать мою душу, как золу, или зажечь там огонь!

Фируза, хоть и догадывалась, о чем он хочет поговорить с ней, все равно ужасно растерялась — уж очень неуютно было кругом: пустая дорога, голые деревья, зимняя стужа.

Она испуганно, словно не понимая его слов, взглянула на задумчивое спокойное лицо, на его мечтательные глаза.

У девушки от непонятной жалости защемило сердце, и, чтобы скорее избавиться и его, и себя от неловкого молчания, она пошла дальше. Наркузи, словно тень, побрел за ней.

— Скажите хоть одно слово!

— Наркузи-ака, — как могла спокойней, ответила Фируза, — не так просто сказать то одно слово, которое вы просите. Поймите меня правильно. Я еще не готова сказать его.

— Я вам не нравлюсь? — подавленно спросил Наркузи. — Если бы я хоть немного был достоин этого слова, вы бы что-нибудь ответили мне.

— Вот сейчас, в эту минуту, я ничего не могу вам сказать. Не спрашивайте меня!

— А когда спросить?

— Когда будет ответ, я сама приду и скажу. А сейчас не надо больше говорить. До свиданья!

Но Наркузи пошел провожать ее дальше. Подходя к дому Чулбобо, он спросил:

— Получаете от Шерали письма?

Фируза не ожидала этого вопроса, растерялась и не сразу ответила:

— Получаю. Он работает на экскаваторе в совхозе № 6. У них теперь горячая пора. Тоже копают канавы. Весной он собирается приехать.

— Наш колхоз любит гостей.

— Спасибо. Он очень хороший парень. Вам он понравится.

У ворот Фируза пригласила Наркузи зайти в дом.

— Теперь разрешите мне пригласить вас к нам.

— Нет, спасибо. Меня, наверное, ждалась мать.

— Передайте ей привет.

— Спасибо. Только я вас прошу: не мучайте меня долго, ответьте поскорее.

Фируза уже скрылась за воротами, а Наркузи все еще стоял. Хотя сегодня она чем-то и обнадежила его, все же ее мысли остаются для него нераспутанным клубком. Слова Фирузы о Шерали еще больше запутали этот клубок.

Наркузи медленно побрел домой и всю дорогу терзался сомнениями.

Глава десятая

Шерали был не из тех, кого пугает труд. Вся жизнь его — и до армии в родном селе Бутакар, и в годы военной службы не была легкой. Когда он учился в Ташкентском сельхозинституте, он работал и помогал родителям, жившим в Бутакаре. Он привык к труду, и поэтому его не испугали трудности, которые встретились здесь, в неосвоенной степи. Всюду вставали разнообразные препятствия и помехи, но, полагаясь на свои силы, он не отступал, добивался всего, к чему стремился.

Легко ли под палящими лучами степного лета или под жестоким студеным ветром зимы с раннего утра до поздней ночи, а порой и всю ночь напролет, не сходя

с бульдозера, поднимать пласты земли, никем не тронутой от сотворения мира?

Голодная степь требует от механизаторов постоянной осторожности, осмотрительности. Ее природа такова, что всюду можно встретить всякие неожиданности.

Всегда в работе, в труде, Шерали, приехав сюда, ни разу не выбрался навестить ни родителей в Бутакаре, ни Фирузу в Гулистане.

В этот день он со своими товарищами вернулся поздно. Все они, усталые, голодные, быстро улеглись на полки «красного вагона». А Шерали остался дежурить. Он затопил печь, присел на табуретке и задумался.

А ребята, хоть и позалазили под теплые одеяла, никто не заснул. Они молча лежали, прислушиваясь к треску горящих поленьев, наслаждались жаром, исходящим от накаленной печи. В прошлую ночь, когда оставалось уже недалеко до рассвета, Иван Андреевич на машине ЗИЛ-150 сам подъехал к «красному вагону». Все спали. Только дежурный по вагону Ахмеджан, по прозвищу Старшина, уже поднялся вскипятить чай и приготовить незамысловатый завтрак. Услышав в неурочное время сигнал машины, он, удивленный, открыл дверь. В теплый вагон хлынул холодный, сырой воздух. В темноте сверкали фары машины, по которым беспрерывно бил проливной дождь. Пронизанный лучами фар, ливень напоминал сверкающий горный допад.

— Вставайте! Скорее!

Ахмеджан-старшина удивленно посмотрел на Ивана Андреевича, с покраенезжими от бессонной ночи глазами.

Мудров, несколько раз встряхнув полы промокшего брезентового плаща, сказал:

— С гор идет лавина. Едем на уратепинскую дорогу. Буди джигитов. Надо перехватить лавину! Отвести ее в сторону.

Ахмеджан-старшина вернулся в вагон.

— Шерали! Андрей! Юлдаш! Вставайте! Подъем! Скорее!

Он спешил подойти к каждому и каждого осторожно разбудить. В голосе у него были теплота и ласка, словно он виноват перед ними.

Как только он прибавил огня в фонаре, висевшем

под самым потолком, в вагоне стало светло, все стали подниматься, натягивать сапоги, застилать постели. Кто-то взглянул на часы и удивленно проворчал:

— Что такое? Еще и четырех нет!

— Веселее, быстрее! — поторапливал их Ахмеджан. — Садитесь, товарищ Мудров, — обратился он к Ивану Андреевичу. — Выпейте чашечку горячего чая. Согрейтесь!

Джигиты, наскоро одевшись, сели вокруг стола возле печки. Иван Андреевич сказал им об опасности, надвигающейся с уратепинских гор. Об угрозе залить поселки новых совхозов, размыть дороги, затопить посева. Надо было срочно перевести технику на противоположную сторону бетонированного канала, прорыть водоотводные каналы.

Задача ясна. Обсуждению не подлежит. Парни наскоро выпили по пиале горячего чая и, дожевывая бутерброды, надели брезентовые плащи и выпрыгнули из вагона к грузовику.

— Холод какой! — поежился Юлдаш, пряча руки в рукава.

— Да, погодка!.. — откликнулся, закуривая, Шерали.

Ахмеджан-старшина, сев за руль вместо Ивана Андреевича, нажал на стартер.

Минут через сорок они домчались до автобазы треста, где накануне оставили технику. Дождь продолжал хлестать в лицо.

— Запаситесь горючим, — распорядился Мудров.

Хотя вчера они вычистили все машины и все бочки залили горючим, сейчас под дружное: «Раз, два — взяли!» — были еще погружены большие запасные баки в ЗИЛ. Колонна экскаваторов, бульдозеров, сотрясая небо и землю, тронулась в путь. Тяжелые, зубчатые гусеницы мяли землю. Вмятины тут же наполнялись водой.

Когда колонна миновала бетонированный канал, время подошло к шести, но было еще темно и дождь не затихал.

Мудров, давно обогнавший колонну, стоял на рабочей площадке возле ЗИЛа и, нахлобучив на голову капюшон брезентового плаща, поджидал остальных.

Иван Андреевич через каждые двести метров забил колышки и, указав насколько глубоко надо рыть, ве-

дел экскаваторщикам начинать работу. Бульдозеристам он указывал сам, куда отгрести выкопанную землю. Работа закипела.

Гулом моторов наполнилась бескрайняя степь, молчавшая многие века. Казалось, это она проснулась, ожила, заговорила... Людей было немного, но мощные машины быстро и безотказно делали свое дело.

Днем на грузовике с котлом и продуктами прибыл повар. К вечеру дождь перестал. Горизонт заалел мирной вечерней зарей. Но работа не затихала.

Каждый экскаватор прорыл большие канавы. Бульдозеры отгребли вынутый грунт, воздвигая преграды на пути страшной опасности. Глубокие каналы и высокие валы были созданы за один этот тяжелый день.

Уже поздно вечером Иван Андреевич, осмотрев вырытые траншеи и валы, что-то подсчитывая на ходу, отмерил еще по двести метров и повернулся к ребятам:

— Пойдем в наступление, гвардейцы!

Парни, которым никогда в жизни не приходилось ни наступать, ни вообще воевать, ответили:

— Мы готовы!

Валы росли выше и выше. Траншеи удлинялись. А гул моторов, подхваченный ветром, уносился куда-то в бескрайние просторы степи.

Встревоженные степные волки выли, перекликались между собой где-то неподалеку. К ночи облака снова сгустились и опустились к самой земле. Опять хлынул дождь. Загремел гром, высоко в горах блеснули молнии.

Первым закончил работу Ахмеджан-старшина — его траншея соединилась с каналом. Затем и другие выполнили задание. С грохотом машины вышли наверх, на большак.

Иван Андреевич, взглянув в сторону гор и прислушиваясь, с облегчением, весело сказал:

— Успели! — И скомканным сырым платком вытер со лба дождевые капли.

Все прислушивались к гулу, не похожему ни на шум ливня, ни на грохот дальней грозы.

— Дорогие ребята, мы успели спасти совхозы! Отвели беду! — сказал Мудров.

Все это произошло за истекший день. А сейчас, усталые, они ворочаются на вагонных полках, пытаются

заснуть, а дежурный Шерали, прикрутив фитиль фонаря, сидит в полумраке возле горячей потрескивающей печки. Перед его взором возникает далекая Фируза. Как всегда, ее большие, темные глаза искрятся, как бы бросая отблеск на загорелые, смуглые щеки. Не очень длинные косы, челочка на лбу, худощавая стройная фигурка, застенчивая улыбка...

Шерали вспомнил годы их совместных занятий в сельхозинституте. Они с Фирузой познакомились на заседании комсомольского комитета. Тогда во время прений она выступила против Шерали и других членов бюро, обвиняя их в поспешности выводов. Создали комиссию. Фируза оказалась права. С того дня они подружились, стали чаще встречаться, разговаривать, спорить. Однажды она пригласила Шерали к себе домой. Познакомила со своей мамой. Зачем она его пригласила домой? Зачем представила матери? До сих пор он не разгадал этого. Шерали считал ее красивей и умнее остальных девушек. При встрече с ней его сердце трепетало, но с присущей солдату выдержкой и хладнокровием он пытался заглушить в себе ненужные чувства, считая себя недостойным ее внимания.

Прошли годы. Наконец настали последние экзамены. Стояли жаркие летние дни. Фируза и Шерали заканчивали разные отделения и специализировались на разных кафедрах, но по многим предметам готовились вместе. Под раскидистыми сетками единственной в саду яблони, склонявшимися под тяжестью плодов, возле воркующего ручейка, Шерали рассказал Фирузе о далеком своем родном селе, о трудолюбивых родителях, о службе в армии, о друзьях, о мечтах и планах на будущее. Фируза слушала его с интересом. Он рассказывал чистосердечно, тепло. Она же о себе говорила мало. А когда Шерали, заметив ее скрытность, спрашивал о чем-либо, она сдержанно отвечала:

— Лучше вы о себе говорите, я вас с удовольствием слушаю.

Мать Фирузы, Райхан-апа, хорошо знающая нравы андижанцев и высоко ценившая поварское мастерство Шерали, каждую неделю просила его готовить плов.

В самый разгар лета экзамены закончились. Студентов распределили на работу.

Как раз в те дни вышел указ правительства об освоении еще трехсот тысяч голодностепских земель. Комсомольцы изъявили желание поехать в Голодную степь. Шерали и Фируза хоть и вместе поехали в Голодную степь, попали в разные районы.

С того дня, как они разъехались, прошло восемь месяцев. Это время казалось Шерали долгими годами. Голодная степь украсилась новыми дорогами, совхозами и веселыми поселками. «Красный вагон» строителей перебрался на территорию шестого совхоза. «Красный вагон» уходил все дальше в глубь бескрайней степи. Все дальше и дальше от Фирузы уходил Шерали...

Фируза... Где она, что делает в эту дождливую ночь, в этот час? О чем думает?

Шерали за эти восемь месяцев написал Фирузе десять писем, от нее же получил только два. И оба раза это были коротенькие ответы. Девушка ограничивалась вопросами: «Как идут ваши дела? Что нового? Не собираетесь ли заглянуть в наши края?» Шерали всегда старался подробно, до мелочей описать свои дела, общал ей все новости, даже новости своих друзей. Не забыл написать о своем заработке. Ее молчание мучило и смущало Шерали. Он часто думал, что сам виноват в этом: может быть, недостаточно внимателен к ней? И вдруг мелькнула мысль: девушка спросила меня, не собираюсь ли я приехать в их края? А я и не воспользовался ее приглашением! Сам, только сам виноват.

И строку за строкой перебирая в памяти ее письма, он беспощадно критиковал и осуждал себя, преувеличивал свои проступки.

«Разве она не в первом же письме написала, что в колхозе «Радостный труд» живет у старика садовника Таштемира? Я должен был понять тогда, что девушка дает мне адрес и приглашает к себе, а я, бестолковый, не сообразил! Письмо, где она спрашивала, не собираюсь ли я к ним в колхоз, пришло два месяца назад. А что предпринял я?» — терзался Шерали. «Баста! Надо покончить со всякими сомнениями. Хватит забивать голову размышлениями, нравлюсь ли я ей? Завтра выходной день. Как только рассветет — поеду. Доберусь сначала до Янгиера, а там хоть прицеплюсь за борт лю-

бого грузовика и доберусь до Гулистана. А в колхозе «Радостный труд» — прямо в дом к садовнику».

Мысли Шерали прервала песня. Кто-то из парней тихонько запел, другие тут же подхватили.

Моя милая ушла,
По степной тропе ушла.
Но в душе моей она
Пламя жаркое зажгла.

И не солнце меня жжет,—
Ее взгляд меня жжет.
Не сжигай меня дотла:
Пусть любовь моя живет!

— Хватит вам! Дайте поспать!— крикнул Ахмеджан-старшина.

Юлдаш, облокотившись на подушку, повернулся к Шерали и, тяжело вздыхая, сказал:

— Пойте, пойте, все равно никто не спит. Песня ваша словно бальзам. Она больше всего нужна сейчас Шерали!

— Ребята, у меня есть предложение, — сказал с верхней полки Бахтияр, натягивая рубаху.— Пусть Шерали перелистает нам книгу своего сердца!

— Верно, верно!— поддержали его остальные и повскакивали с мест.

Шерали выкрутил фитиль фонаря. Вагон озарился красно-желтым светом. Ребята сели вокруг печки. Кто-то заварил чай, на столе появились лепешки, брынза.

Шерали сидел задумавшись. Нелегко ему было высказать мысли, бередившие его сердце.

— Перебил ты нам сон, так давай выкладывай, открой нам свою тайну!— сказал Ахмеджан-старшина, строго глядя на печального Шерали.

Слова Старшины чем-то раздосадовали задумчивого Шерали, и, подавляя эту досаду, он возразил:

— Разве я поднял вас? Разве это я запел? Я сидел и молчал.

— Вот так да!— Старшина положил тяжелые руки на его плечи, как бы прося прощения.— Обидчив ты! Разве мы тебе не друзья? Мы же видим по твоим глазам, что у тебя на душе! В том-то и дело, что ты молчал. Люди по-разному молчат.

Шерали не сумел скрыть свою сокровенную тайну

от друзей, с которыми восемь месяцев жил бок о бок, пил из одной кружки. Ребята рано или поздно сами узнали бы, не дали бы своему товарищу страдать. Пусть Шерали расскажет товарищам повесть о своей любви, а вас я тем временем поближе познакомлю с Ахмеджаном-старшиной.

Все эти ребята в Голодную степь приехали по путевкам комсомола. Во всем составе было восемь таких «красных вагонов». В каждом вагоне по пятнадцать, двадцать человек. В двух вагонах находились девушки — землемеры, укладчики, штукатуры и маляры. А остальные шесть вагонов были в распоряжении мужчин. Все они — и мужчины и женщины — работали в одном тресте.

Три года назад, когда еще не было стационарных построек, рабочие жили в шалашах и землянках. С приездом туда Ивана Андреевича многое изменилось: строители переехали в сухие теплые дома-вагоны, а низкие, сырые землянки сравнивали с землей. И место, где они были, перепахали. Шерали не довелось жить в землянке: к его приезду стояли уже «красные вагоны». Но Ахмеджан-старшина был из тех, кому пришлось начинать свою жизнь в степи с землянки. Родина Ахмеджана недалеко отсюда — в Зааминских горах. Он вырос там на козьем молоке, на мясе горных куропадок и джейранов. Сам делал кирпичи для школы, в которой учился, а восемнадцати лет ушел в армию. Служил в новой воинской части. Командиры, увидев его горячий, волевой характер, назначили Ахмеджана старшиной в строительной роте. Умел еще он и водить машину, поэтому всегда успевал своевременно доставлять строительные материалы. Рота его славилась образцовой дисциплиной.

По тому, как он каждый год приезжал домой в отпуск, можно было догадаться о его успехах.

В первое время своего пребывания в Голодной степи Ахмеджан ходил сам не свой от возмущения — такую он увидел кругом бесхозяйственность, такое отсутствие дисциплины. Его раздражали сырые, неудобные землянки, и он стал их ярым врагом.

— Что это за дело? — возмущался он. — Начато такое огромное строительство, а рабочие, словно степные грызуны, ютятся чуть ли не в норах!

Все остальное вокруг было на таком же уровне. В поселке строителей не было ни столовой, ни бани, ни парикмахерской. На тракторе ездили в магазин, за четыре километра от землянок строителей...

Ахмеджан, пылая от возмущения, приехал в трест и все, что у него накопилось на сердце, выложил только что принявшему дела новому начальнику — Ивану Андреевичу.

Мудров, выслушав его, пообещал в тот же день приехать в поселок. Вечером действительно приехал, увидел все, о чем рассказывал Ахмеджан, своими глазами, познакомился со строителями и неожиданно для Ахмеджана назначил его, как в армии, старшиной строителей.

С этого дня все строители Голодной степи стали его величать Ахмеджан-старшина.

В скором времени многое стало приходить в порядок. Рабочих переселили в «красные вагоны», выстроили столовую, начала работать вагон-лавка, появились баня и парикмахерская. Стала приезжать кинопередвижка.

Когда Шерали закончил свою исповедь, начались, как на комсомольском собрании, бурные прения:

— Удивительно! Как это столько времени не проронить ни слова, таить такую тяжесть на душе! — воскликнул Старшина. — Разве можно быть таким скрытным? А что, если Фирузу увлечет кто-нибудь и увезет? Или кто-нибудь приглянется девушке, возьмет да и высватает ее! Что тогда?

— Эй, Старшина, полно тебе, — вмешался Юлдаш, — такие образованные, умные девушки, как Фируза, так быстро не высказывают замуж.

— Говоришь, короткий срок! — огрызнулся Старшина. — Ничего себе, восемь месяцев! Короткий срок? За восемь месяцев мы построили три совхоза.

— Верно говорит Старшина, — поддержал один из парней, бросая в печку щепки, — у нас в Буке один студент приехал в отпуск домой и забыл про свою милую, не писал ей. А когда вернулся в Ташкент, услышал «приятную новость»: с другим сыграла свадьбу.

— Бросьте паниковать, — заговорил Бахтияр, — не сыпьте соль на рану Шерали. Слепли, что ли? Бедный парень и без того дошел!

И действительно, после слов Старшины и рассказа о Буке застонало сердце у Шерали. Он готов был кричать от отчаяния.

— Тебе самому виднее, — как бы успокаивая Шерали, сказал Старшина. — Может, и правда, что сердце Фирузы закрыто для других. Возможно, она только и думает о тебе. Все глаза просмотрела в ожидании...

— Послушай-ка, милый друг, — опять заговорил Юлдаш, — ты нам открыл свое сердце, но не сказал главного. О чем вы с ней договорились? Ты объяснился ей в любви? Или ограничивался вздохами и томными взглядами? Или и этого не было?

Эти слова больно резанули по сердцу: в самом деле, почему еще в студенческие годы не открыл он ей сердце? Пожалуй, прав был Старшина: время упущено, и душа это знает, потому и томится.

— Завтра непременно поезжай туда. Не мешкай, не откладывай, — продолжал Старшина, — разыщи ее в Гулистане, поговори с ней!

— Постарайся уговорить ее приехать к нам сюда. Нам нужны агрономы.

— Хорошо, если Фируза согласится, ну, а если... — начал было глубокомысленно рассуждать парень, который рассказал историю букинского студента.

Его резко перебил до сих пор молчавший долговязый Андрей. Он вскочил с табуретки, зажег погасшую папиросу и, словно подводя итог прениям, сказал:

— Шерали все равно сегодня не заснет, да и не к чему ему спать. Надо дорожить временем. Я предлагаю сейчас же выехать ему в Гулистан! Поможем ему вывести мотоцикл до шоссе на дороге. Как вы смотрите на это? Старшина, твой мотоцикл можно взять?

— Вот это по-мужски! — воскликнул Старшина. — Дельный совет! Не побоишься промокнуть, Шерали?

— Бойтся, переждет, — расхохотались парни.

— Поехали! — Шерали вскочил и принялся торопливо одеваться.

— Ахмеджан, как твоя «Ява»?

— В боевой готовности!

Ребята помогли вывести мотоцикл и проводили Шерали до большака.

Словно уезжая далеко и надолго, Шерали прощался с каждым: обнимался, пожимал руки и, наконец удоб-

но устроившись на новом кожаном сиденье «Явы», нажал на стартер.

— Если вернешься один, твоя поездка не в счет будет! — поддразнивали ребята.

— Командировка будет недействительна!

— Посади ее рядом и привози!

Мотоцикл помчался по широкой асфальтированной дороге.

Под лучами фар долго была видна блестящая косая полоса дождя, напоминающая крыло огромной ночной бабочки.

Глава одиннадцатая

Фируза была словно между двух огней: один сверкал ей издали, другой горел жарким пламенем рядом. Как усталый путник в ночи надеется на мигающий далекий огонек, так и Фируза возлагала надежды на далекого Шерали, но каждый раз, получая письма от него, она находила в них только искорки от большого пламени. А рядом согревала ее преданная застенчивая любовь Наркузи. Этот огонь был щедрым и постоянным. Фируза должна была выбрать одного из них. Если она окончательно выберет далекую искорку, погаснет близкое пламя. Если выберет близкое пламя, погаснет заманчивый далекий огонек.

Весна пришла с густыми облаками, ливнями, грозами. В бескрайней степи она расстелила свой огромный алый ковер, вытканый тюльпанами. Волны Сырдарьи бушевали, перехлестывая через берега.

Весна заполняла сердца мечтами. Весна торопила девушку сделать свой выбор. Весна не ждала, заглядывала во все уголки. Весна манила жителей выбраться на степной простор. Колхозники переезжали на полевые станы. Зарокотали «стальные кони», заработали сеялки, сверкая под лучами щедрого весеннего солнца.

В саду Чулбобо распустилось множество разноцветных причудливых цветов. Вернулись птицы, с началом листопада покидавшие его сад. Теперь они по утрам будили Фирузу.

И сегодня разбудили ее. После долгой отлучки вернулся к родному очагу, в свое родное гнездо соловей и,

восхваляя чудеса природы, заливался трелями на цветущей яблонево́й ветке, нарядной, как невеста.

Фируза проснулась. Постель тетушки Ханифы пустовала, она со стариком собиралась поутру откапывать виноградные лозы. Фирузе не хотелось вставать, она долго лежала, слушая соловьиные трели, в которых есть своя особая прелесть, как и в стихах поэта. Они напоминали девушке газели Навои. Возможно, великий поэт перенял мелодичность своих газелей у соловьиных песен.

Наконец Фируза поднялась, наскоро прибрала постель, умылась холодной водой из глиняного кувшина и пошла в сад.

Словно впервые в жизни, с особым вниманием разглядывала она раскрывшиеся цветы. Соловью откуда-то из другого конца сада отвечал другой соловей, но уже в другом ритме. Сад наполнился волшебством этих воздушных мелодий.

Фируза вспоминала содержание писем, полученных за эти дни. Одно письмо от Шерали, — он обижался на нее за долгое молчание и за то, что она оставила его письмо без ответа. Другое — от Наркузи. Несмотря на их ежедневные встречи, он написал ей письмо. Оно напоминало повестку, с той лишь разницей, что в повестке пишут: явиться туда-то, в такой-то час, а в письме Наркузи было написано: «Срочно дайте ответ, больше нет сил ждать!» Вот именно после этих писем Фируза и почувствовала себя между двух огней.

Разгуливая в ранний час по саду, Фируза, словно успокаивая сама себя, размышляла: «Разве я давала кому-нибудь из них обещание? Или подавала надежду? Почему они требуют от меня срочного, немедленного ответа? О, если бы так легко решалась эта задача! Неужели парням трудно дружить с девушками так же, как с парнями?»

Но в душе она понимала, и Шерали, и Наркузи, они томятся в ожидании ее ответа, а ей надлежит понять свое сердце и ответить одному из них. Но ведь Шерали ни разу не заговорил с ней о своих чувствах, как Наркузи. Фируза хорошо знала, что она и сейчас не готова ответить на вопрос Наркузи. Можно ли решить сразу эту задачу?

Разве могут у девушки быть готовые ответы. Она

сама не заметит, как возникнет, родится ответ. Может быть, даже он уже готов этот ответ, но нужно время, когда он нежданно-негаданно вдруг откроется.

Фируза направилась к старикам.

Со стороны улицы донесся гул мотоцикла. Дезушка прислушалась. Ясно было, что мотоцикл притормозил возле ворот. «Кто это спозаранку?» Удивленная Фируза вернулась, услышав стук в ворота, отодвинула тяжелый засов.

— Шерали!

Он стоял, облокотившись на «Яву», и выглядел очень усталым: небритое лицо, покрасневшие от бессонницы глаза, мокрый брезентовый плащ.

Фируза протянула ему обе руки. Шерали, крепко прижимая к сердцу ее руки, преодолевая волнение, произнес:

— Вот разыскал, нашел... как поживаете?

Фируза, не менее волнуясь, ответила:

— Здравствуйте, живу я хорошо!.. Да что же мы стоим? Пожалуйте в дом. Идемте!

Шерали ввел грязный мотоцикл во двор.

— Угодили в самый ливень, — сказала уже успокоившаяся Фируза, оглядев Шерали с ног до головы. — Снимайте скорее плащ.

Она взяла плащ у Шерали и, вешая его на террасе, спросила:

— Долго ехали?

— Три часа. До вашего кишлака я добрался с полчаса тому назад и сидел в правлении, говорил со сторожем, горбуном Халматом, что ли? Он оказался из таких, которых хлебом не корми, а дай поговорить!

— Да, он любит поболтать! — ответила Фируза, расстилая одеяла вокруг низенького столика.

Шерали сидел, как околдованный, то поглядывая на редкостные цветы в саду, то на пышные деревья, то, смущаясь, украдкой на Фирузу.

А Фируза радостно улыбалась.

— Как это вы решились? — не без задора спросила она.

— Как видите, не только решился, но и сразу разыскал вас!

— Пожалуйте сюда, садитесь, сейчас закипит самовар, будем чай пить.

— А где же ваши старики?

— В саду работают. Может, подойдем к ним? Познакомлю вас с ними!

Фируза спустилась со ступенек террасы и шутиливо протянула руку Шерали:

— Смелее, не бойтесь, я поддержу вас!

С некоторым сожалением, что сейчас они уже будут не одни, он пошел следом за ней.

Миновав яблоневые деревья, они вышли к винограднику.

Чулбобо, взмахивая кетменем, отбрасывал землю с закопанных виноградных кустов, за ним Ханифа осторожно расчищала землю, чтобы не повредить кусты. Увидев Фирузу с незнакомым человеком, Таштемир прищурил глаза и, облокотившись на рукоятку кетменя, разогнулся, разглядывая незнакомца, словно стараясь припомнить его.

Шерали, приложив руки к груди, сказал с почтением:

— Ассалям алейкум! Не уставать вам!

— Ваалейкум ассалям! Добро пожаловать! Это ты на мотоцикле приехал?

— Да, я!

— Очень хорошо. Откуда же ты?

— Из Янгиера, отец. Из совхоза.

Старик протянул ему руку:

— Э... Ты тот Шерали, да?

Ханифа, увидев джигита, о котором много рассказывала ей Фируза, внимательно его разглядывала.

Шерали подошел к ней с протянутой рукой.

Она, задержав его руку, затараторила:

— Как ты поживаешь, сынок? Будь очастлив. Молодец, что приехал!

Затем, обращаясь к Фирузе, продолжала:

— Давно бы надо было пригласить Шерали к нам! Что же ты, доченька, раньше не догадалась?

— Приглашала,— ответила она, исподтишка поглядывая на Шерали, видимо понравившегося старику.— Но он откладывал: наверное, ему было не до нас!

— Вот приехал,— засмеялся Шерали, сверкнув ровными яркими зубами, и протянул руку Чулбобо: — Кетмень дайте мне!

Взяв кетмень, он принялся дальше раскапывать лозы. Он так умело работал, словно сам закопал их осенью и знал, где глубже подхватить землю, а где нужна осторожность. Старик едва успевал за ним дочищать. Чулбобо радостно воскликнул:

— Оказывается, ты сын земледельца! Раз ты попал ко мне, поработаешь!

— Вы хотите поступить по поговорке: «Если пришел молодой, то на помощь, а если старик, то к беде!» — отшучивался Шерали. — Приказывайте, я готов!

Когда Шерали дошел до конца первой полосы, старик, разогнувшись, сказал:

— Ну, успеешь здесь поработать, а теперь ступай отдыхать. Фируза напоит тебя чаем; веди его, Фируза, домой, ставь самовар. Мы тут управимся и тоже придем завтракать. Мы виноваты, сынок, нарушили всякое гостеприимство: ты небось устал после дороги, а мы вместо отдыха дали тебе кетмень!

Когда они вышли из сада, огромный солнечный диск уже поднялся из-за дома и алый свет мерцал на каждом бело-розовом лепестке цветов яблони, на пунцовых листьях граната, на причудливо-нежных ветках черешен. А солнце поднималось все выше и выше, щедро озаряя степной сад. Земля жадно поглотила влагу, словно дождь не лил всю ночь, но, напоминая о нем, сверкали, переливались бриллиантовые капли, оставшиеся на листе.

С земли, туманясь, поднимался пар и таял где-то среди деревьев. А соловей продолжал свою дивную песню.

Фируза принялась накрывать на стол. Достала свежие лепешки, принесла сушеные фрукты, орехи, сладости.

Она не садилась, может быть, оттягивала разговор, но, переходя с места на место, приглядывалась, присматривалась к гостю. И он, не говоря ей ни слова, молча помогая ей расставлять на скатерти тарелки, тоже разглядывал ее, улавливая перемены и замечая все, что было ему в ней мило.

Вскоре пришли из сада старики. Они уговорили гостя сесть на почетное место, рядом сел Таштемир и усмехнулся:

— Разбаловала нас доченька наша, ни один чай-

ханщик, ни одна хозяйка так не умеет заваривать чай, как она.

Действительно, в доме стариков чаем занималась Фируза, она каждый раз сама ходила в сельпо, выбирала сорта чая, смешивала их и по-особому заваривала. В кишлаке все хвалили ее заварку, и каждый рад был попробовать ее чай. Многие женщины, раньше редко бывавшие у Ханифы, стали навещать ее.

Как всегда, Фируза села у самовара и маленькую, узорчатую зеленую пиалушечку протянула гостю.

Чулбобо по своей привычке начал с толкна и предложил его Шерали. Когда гость взял ложку толкна, старик, хитро прищурился, спросил:

— Не мешают вам дожди?

Шерали не мог ответить: он с большим трудом проглотил толкно и, покраснев от смущения, промолчал. Наконец он сказал:

— Мешают, но я же на экскаваторе, а этому стальному чуду все равно, дождь ли, снег ли — он делает свое дело.

— Что вы сейчас делаете?

— Роем каналы.

— А доченька говорила, что вы вместе учились. Как же из тебя получился экскаваторщик?

— Она изучала агрономию, а я механизацию. Она стала агрономом, я — инженером-механизатором. По совету Ивана Андреевича пока работаю экскаваторщиком. Когда я приехал, он мне сказал: «Самое важное в Голодной степи — ирригация. Только при помощи ее мы подчиним себе землю». Иван Андреевич сравнивает солончаки с пьяными буянами. Недаром тех, кто выпьет лишнего и буянит, обливают холодной водой, чтобы остудить дурь в голове. Так надо, говорит он, поступать и с солончаками, чтобы выгнать из них соль: обливать водой и гнать соль прочь в канавы.

Старик расхохотался:

— Иван скажет!

Дед помолчал, занявшись чаем, и, словно спохватившись, вдруг торопливо спросил:

— А что там было такое? Я слышал, будто бы исчезла вода?

— Поговоривали об этом, но когда проверили, оказалось, что просто проект был неправильный. В

новом проекте эти ошибки учтены, мы работаем уже по новому проекту.

— Недаром вас учили. Наша доченька тоже много добра делает колхозу. Но и устает очень.

Шерали приглядывался к Фирузе.

Он видел большую разницу между студенткой Фирузой и Фирузой агрономом. Лицо ее побледнело, осунулось. Огрубели тонкие, длинные пальцы. Взгляд стал серьезнее, но лучистые черные глаза, тонкие брови, густые ресницы остались прежними.

Шерали охватило волнение.

— Мы тоже всю зиму копали канавы,— сказала Фируза, словно отчитываясь перед глядевшим на нее Шерали.— Три раза, а кое-где и четыре промыли почву. От промытых земель по канавам потекла соль. Соленую воду проверили в лаборатории. По моим подсчетам с гектара земли нам удалось выгнать примерно десять тонн соли. Подумать только, как это на таком солончаке росли хлеба, деревья!

— Растениям была бы только зацепка. Они, подобно человеку, терпят все! — поддержал Фирузу старик.— За все твои усилия и труды земля тебя наградит, доченька!

— В этом году неблагоприятная погода, дождливая,— продолжала Фируза.— Запоздываем с севом.

— Не огорчайся, доченька, ты сделала все положенное, смыла соль. Твой хлопчатник не задушат солончаки. Соберешь богатый урожай. Поверь, у меня опытный глаз.

— О, если бы сбылись ваши пророчества!

Завтрак подходил к концу. Старик обратился к Шерали:

— Поживешь денька три-четыре?

— Нет, отец! Я бы и рад пожить, но сами знаете, что творит дождь. Всюду наводнения...

— Что-нибудь угрожающее?

— Вчера весь день копали отводные канавы: вода идет с Уратепе.

— Где горы близко, везде нужны заслоны от наводнений. Не в этом, так в другом году они выручат. Во многих местах существовали они и раньше, но по недомыслию некоторых людей их засыпали, засеяли хлопком. Раз есть хоть маленькая опасность наводне-

ния, надо создавать укрепления, и беречь их, и строить не на один сезон! Вы, молодежь, намотайте это на ус.

— Я уверен, впредь их будут беречь. Государство доверило нам отличную технику! Мы обязаны строить хорошо, крепко.

После завтрака Шерали, полагая, что и Фируза пойдет со стариками, собрался в сад, но она возразила:

— С садом они сами управятся, а мы с вами посмотрим колхозные поля. Согласны?

— Правильно,— одобрил Чулбобо,— пойдите на наши поля. Взгляните, Шерали, на ее труды. Но не опаздывайте к обеду.

— Слушаюсь, отец!

Шерали вывел «Яву» на улицу, подкатил к арыку и, пока Фируза чем-то занималась в доме, вымыл машину. Вскоре девушка удобно устроилась в коляске.

— Поезжайте потише, очень грязно.

Шерали повел мотоцикл осторожно. Миновав размокшую дорожку, выехали на ровный большак.

Возле огромных желтых ворот стояла Зулука, может быть, в ожидании своей «Волги». Увидев агронома на мотоцикле с незнакомым мужчиной, она вытаращила глаза и, глядя на них с осуждением, грубо крикнула:

— Разбрызгались! Пачкаете всех!

Шерали и Фируза не обратили на нее внимания, и Зулука принялась отряхивать пальто, хотя до нее не долетело ни одной капли.

Проехали правление, клуб. Справа от дороги, за стройными тополями, начались дома колхозников. Вот дом Наркузи. В настежь открытые ворота Фируза увидела, как тетушка Зумрад-биби доит корову. Мотоцикл мчался дальше.

Через некоторое время Шерали, слегка повернув голову, крикнул:

— Куда ехать?

— Прямо. В бригаду Наркузи! — ответила девушка.

Про Наркузи она писала ему, да и от других Шерали слышал о прославленном бригадире. Фируза в своих письмах называла его степным орлом, непревзойденным мастером хлопководства, хорошим товарищем и талантливым организатором. Вспомнив эти теплые отзывы о Наркузи, Шерали почувствовал, как в его

сердце закралось подозрение: «Почему она едет именно в его бригаду?»

Несмотря на холодный ветер, он расстегнул ворот гимнастерки.

После дождя все сверкало чистотой. Только что раскрывшиеся листья казались сделанными из нейлона.

Фируза похлопала Шерали по плечу и кивнула головой, давая знать, что пора остановить мотоцикл.

Трескучая «Ява» остановилась.

Слева от дороги посреди поля высился полевой стан. Издали увидев Фирузу с гостем, колхозники замахали руками, приветствуя их и приглашая к себе.

Шерали шагал с мотоциклом за Фирузой навстречу солнцу. Яркие лучи слепили глаза. Он не мог разглядеть, кто находился на полевом стане.

— Наркузи не по себе, — сказала Фируза, обернувшись к Шерали. — При новом распределении рабочей силы его бригада уменьшилась на двадцать человек. Мы их перевели в другие бригады. Помните, в одном из писем я вам писала о Турсуной? В ее бригаду перешло десять человек.

Шерали заинтересовался:

— Выходит, у степного орла не очень хороши дела?

— Наоборот, хороши. Он своевременно закончил зяблевую пахоту, справился с зимним поливом. Ни одного зимнего дня не просидел без дела. Он, как говорят, зубами схватился за хлопкоуборочные машины. Всех молодых научил управлять трактором. Но продолжает хмуриться. Перестал приходить к нам. Словно во всем виновата я. На днях он при встрече с Турсуной сказал ей: «Вы наверняка довольны новыми членами вашей бригады. Теперь попросите агронома дать вам часть земли из нашей бригады!» Несправедливый упрек! Разве я одна решаю эти вопросы? Это решение правления, а не мое личное.

— Нехорошо, что между вами пробежала черная кошка, — подкузьмил Шерали, в сердце которого разгоралась искорка ревности.

Озадаченная Фируза, молча взглянув на собеседника, с обидой в голосе заметила:

— Неужели вы мыслите так узко! Не ожидала от вас!

— Вы сами сужаете мои мысли,— усмехнулся Шерали.— Обиделись на мой безобидный вопрос.

Фируза хотела что-то сказать, но, увидев идущего к ним Наркузи, умолкла.

— Я восхищен вами,— сказал Наркузи, как-то слишком весело пожимая руку Фирузе.— Если бы каждая девушка сдерживала свои обещания, как вы!

Шерали, не понимая значения этих слов, пытливо посмотрел на Фирузу.

Она поспешила объяснить:

— Наркузи-ака взял с меня обещание, что я непременно познакомлю вас с ним. Вот видите, он сразу узнал вас.

Несмотря на искренность слов девушки и ее сердечную улыбку, джигиты, протянув друг другу руки, сверкнули глазами.

— Сегодня заканчиваем посев,— произнес Наркузи, косясь на новый красный мотоцикл.— Буду очень рад видеть вас вечером у себя! Прошу на чашку чая.

Шерали ответил:

— Мы уже обещали Чулбобо. К вам придем в другой мой приезд!

— Воля ваша,— ответил Наркузи и обратился к колхозникам: — Приступайте, пора!

Все направились к тракторам.

— Решили навестить? — сказал Наркузи, стараясь скрыть свое состояние.— Давно мы вас ждем. Правда, Фирузахон?

Девушка, поняв взаимную антипатию двух джигитов, не зная, что ей делать дальше, умолкла в раздумье.

— Да, решил,— ответил Шерали, не глядя на Наркузи, который с нарочитым интересом разглядывал мотоцикл.

— Прекрасная машина!

— Да, хорошая, но чужая!

— Постарайтесь поскорей приобрести свою, тогда сможете приезжать сюда чаще!

— Мечтаю!

Фирузе надоела эта перепалка, похожая на петушинный бой. Чтобы отвлечь их, она перевела разговор на другую тему:

— Наркузи-ака, мы хотим посмотреть ваши поля.

После работы приходите к нам и тогда мы продолжим беседу.

— Благодарю вас. Если не будет дождя, мы собираемся работать допоздна. Неудобно поздно беспокоить стариков.

— Вам виднее, — с обидой сказала Фируза и обратилась к Шерали: — Поехали?

Шерали протянул руку Наркузи:

— Прощайте, бригадир!

— До свидания, гость!

Шерали вывел мотоцикл на ровную дорогу, Фируза села, и они тронулись.

Наркузи долго смотрел им вслед, пока где-то вддали, в тумане, не исчезла «Ява».

Фируза чувствовала взгляд Наркузи, но не обернулась. Тяжелое чувство все больше и больше заполняло сердце девушки. Ей было досадно и горько, что эти близкие ей люди, знавшие друг друга по ее рассказам, так неприветливо встретились.

Они до вечера пробыли на полях. На полевом стане в бригаде Турсуной отдохнули, выпили чаю. Долго бродили по бережкам канав и ручейков, между участков, расположенных, словно шахматная доска, любуясь посадками яблонь, айвы, граната, инжира, выращенных Чулбобо, на которых уже появились почки. Они заехали в лабораторию, там Фируза показала Шерали обработанные для посева семена хлопчатника. Рассказала ему о своих опытах.

Фируза подошла к окну, открыла его, и теплый весенний воздух ворвался в маленькую, уютную лабораторию. Включила радиоприемник, и зазвучала знакомая с детства песня на слова Мукими: «Где б не был я, сердце мое с тобой!»

Они оба слушали молча, и каждому казалось, что он понимает по-новому смысл этой душевной песни.

Шерали, стоявший у приемника, подошел ближе к креслу.

— Фируза, нам бы надо поговорить!

Не оборачиваясь к нему, не отрывая взгляда от журнала, лежавшего на столе, она спросила:

— О чем?

— Я приехал за вами, хочу вас увезти в Янгиер!

Фирузу удивило решение Шерали.

— Без моего согласия? Что я буду делать в Янгире?

— Нам тоже нужны агрономы. Будете работать у нас. Будем работать вместе!

— Я здесь привыкла. Мне нравится наш колхоз, люди. Я привязалась к старикам. Лучше вы будете приезжать, а я буду к вам ездить.

— Хотите сказать, что вы не можете оставить Наркузи?

Фируза с досадой выключила приемник, подошла к открытому окну. Задумалась. Она не собиралась обижать своего друга, но ей хотелось воспользоваться удобным случаем и рассказать ему о своем отношении к Наркузи.

— Зачем так говорите, Шерали-ака? — медленно повернулась она от окна к собеседнику. — Я отношусь к Наркузи так же дружески, как и к вам. Дело не в нем. Дело не в клочке степи, где я сейчас тружусь. В замечательных людях, которые окружают меня. Дело в старике... Не скрою от вас, и в Наркузи. Я не могу оставить их, дорогих моему сердцу людей. Я вас очень прошу, пусть вас не раздражает моя дружба с Наркузи. Не надо ревновать меня!

— У меня нет основания ревновать вас? Так можно вас понять?

— Не знаю. Сейчас я не смогу вам ответить. Время покажет. А сейчас пойдемте. Вероятно, старики уже ждут нас.

Вернувшись домой, они застали Ханифу за очагом, возле дымящегося котла. Старик еще возился в саду.

Пока женщины накрывали на стол, Шерали побыл с садовником.

За обедом Шерали вел себя не так, как за утренним чаем. Он казался усталым и печальным. Несколько раз пытался о чем-то заговорить, но рассказа у него не получилось. Он только смущенно поглядывал на стариков. После обеда, за чаем, он тоже не разговорился.

От опытного взгляда Чулбобо не ускользнуло состояние гостя, он сказал ему:

— Сынок, вы не стесняйтесь нас, стариков, говорите, о чем думаете!

Шерали, откашливаясь, смущаясь, словно школьник, отвечающий трудный урок, сказал:

— Я приехал сюда с намерением увезти Фирузу в Янгиер... А она не желает ехать. Вот о чем я хотел сказать. Вот что мучает меня.

— Вот оно что...— Старик потерябил редкую бородку узловатыми пальцами.— Говоришь, не желает ехать? Умница, дочь моя. Дерево растет и цветет на одном месте.

— В Янгиере тоже нужны агрономы; если бы она поехала со мной, не проиграла бы. Мы ведь учились вместе. Хорошо знаем и уважаем друг друга.

— Фируза никуда не поедет! — воскликнул старик.— Она здесь в степи взрастит сад! Наконец-то к нам приехал настоящий агроном, мы ее не отпустим!

Шерали хотел было сказать старику о своей большой любви, но промолчал, увидев его огорчение.

Фируза молчала, думая: «Я сегодня показала тебе свою большую мечту — хлопковые поля. Свою надежду. Радость свою — цветущие сады. Замечательных людей, которые понимают мои замыслы, ценят меня, мой труд, людей, которых я полюбила и которые полюбили меня. Но ты всего этого не понял!»

— Поезжайте к себе в Янгиер,— с грустью глядя на Шерали, сказала она.— Я останусь здесь.

Шерали, попрощавшись со стариками, встревоженный и растерянный вышел во двор. До самой дороги шли молча. Шерали, печально глядя на нее, сказал:

— Значит...

— Приезжайте почаще, Шерали-ака!

Через некоторое время где-то далеко мелькнул красный фонарик «Явы», мчавшейся по ровной степной дороге.

Прошло три дня.

Рано утром возле ворот дома Чулбобо затрещал мотоцикл.

Фируза со стариками завтракала.

— Вернулся Шерали, встречай его, доченька!

Фируза выбежала на улицу. Возле новенькой сверкающей «Явы» стоял Наркузи.

— Садитесь, поедем!

Фируза села рядом с Наркузи в коляску.

По безоблачному небу, под ровный гул мотора «Явы», словно поддерживая сердечную песню машины, сопровождал их журавлиный караван.

Глава двенадцатая

Ильхамча, перекинув яркое махровое полотенце через плечо, стоял возле водоема в ожидании Мирхасила. Он уже в третий раз сменил горячую воду в кувшине, вот и сейчас вода остывает, а хозяин не выходит из гостиной.

Вечером к председателю приехали из города друзья. В честь горожан устроили банкет. На глазах у гостей, возле самой террасы, горбун мастерски зарезал черного барана, привезенного с фермы. За обильным столом, где недоставало только «птичьего молока», происходила беседа между председателем и дорогими гостями.

Ильхамча с большим усердием и по всем правилам гостеприимства помогал хозяину, поэтому он не слышал всего разговора, но все же понял, что хозяин жалуется на вновь назначенных районных руководителей, которые, вместо того чтобы всюду поддерживать знатного председателя и ставить его в пример, требуют, чтобы он отчитывался в своей работе наравне с обыкновенными руководителями колхозов и совхозов. Мало того, они его обвиняют в незнании агротехники, в хищническом истреблении земельных участков, в нарушении сельхозустава. Нападки на такого прославленного председателя нарастают с каждым днем. Если не предотвратить это, они, пожалуй, у себя в районе на собрании партийного актива поставят вопрос о Мирхасиле.

Один из приехавших толстяков, который, кажется, был главным из гостей, сморщив лоб, сосредоточенно и внимательно слушал Мирхасила, а другие занимались коньяком и закусками, не придавая большого значения беседе.

Наконец, выслушав председателя, нервно затягиваясь сигаретой, толстяк, многозначительно глядя на Мирхасила, сказал:

— Будь осторожен, братец, не давай им крючков для зацепки!

Он швырнул сигарету и призадумался.

Ильхамче и раньше доводилось видеть этого ответственного горожанина, но таким озабоченным он видел его впервые. Выйдя на минутку в кухню за чаем, он

шепнул Халмату о настроении гостя. Тот, не долго думая, объяснил:

— У самого небось мокрый зад, а рыльце в пушку.

Когда Ильхамча вернулся к гостям, толстяк, сложив руки на груди, говорил:

— Прошли те времена, когда мы с тобой цвели, как розы... Но ты мне верь, как аллаху. Пока я жив, не запятнаю нашу дружбу. Делай все... но чтоб не знали об этом враги!

Услышав такие слова, Мирхасил засиял искомандовал Ильхамче:

— Иди, привези!

Ильхамча тут же разыскал прославленных на свадьбах музыкантов и танцовщицу. На террасу вошли музыкант, худощавый, косой на один глаз бубнист и ярко накрашенная, крикливо одетая танцовщица. Музыкант начал с порога играть веселую мелодию, танцовщица, не смущаясь, выпила поднесенную рюмку и стала танцевать, подпевая музыканту:

Черные глаза сердце мне обожгли,
Твой горячий поцелуй мои губы опалил.

От восторженных выкриков захмелевших гостей всполошились воробьи, дремавшие на ветках.

В разгар веселья Мирхасил крикнул Ильхамче:

— Тащи из эн-зе!

Ильхамча, спустившись в погреб, принес сортовые армянские коньяки, грузинские вина. Пир становился все пышней. Зазвучали новые головокружительные тосты. Танцовщица, то порхая, как бабочка, то ступая, как куропаточка, не уставала маняще, двусмысленно жестикулируя, подходить то к одному, то к другому из гостей.

Мирхасил опьянел. Когда танцовщица приблизилась к нему, он, обняв ее полные ноги, воскликнул:

— Ты честно зарабатываешь трудодни! — и, вытащив из бокового кармана своего кителя пачку десятирублевых, осыпал ими ее голову.

Танцовщица, встав на колени, изгибаясь в разные стороны, принялась собирать их.

Ильхамча и Халмат, устроившись на берегу водоема, крошили морковь, лук, нанизывали на шампуры маринованное для шашлыка мясо.

Халмат, завернув тушу барана в мешковину, понес ее куда-то в глубь сада.

Когда Ильхамча принес гостям жаркое, Мирхасил, уткнувшись в подушку, плакал.

Ильхамча принялся жарить шашлык, не спуская глаз с закрытых на все запоры ворот. В любую минуту могла возвратиться Зулукхан, уехавшая вчера на зеленой «Волге» в Ташкент. Конечно, она много раз видела такие банкеты. Не раз довелось ей бывать и тамадой за столом. Но Ильхамча опасался за Мирхасила. Если Зулукхан застанет его у ног танцовщицы, узнает о деньгах, брошенных к ее ногам, Мирхасил к утру может потерять остатки волос.

За последнее время Зулукхан зачастила в город. Она была занята перестройкой на свой лад дома, купленного в эту зиму. Не довольствуясь четырьмя комнатами, она пристроила еще две, веранду и гараж. Накануне Ильхамча по приказу Мирхасила отсчитал из колхозной кассы десять тысяч рублей для Зулукхан. Покрышки, предназначенные для машины колхозной больницы, он поставил на зеленую «Волгу» хозяйки, а изношенные отдал в больницу. Зулукхан, положив деньги в черную лаковую сумочку, помчалась в Ташкент, чтобы обставить городскую квартиру. А Ильхамча «узаконил» отданные хозяйке деньги. Он составил «ведомость», в которой значилось, что он раздал аванс по сто рублей ста двадцати членам колхоза. Подписи их он скопировал со старых ведомостей. А оставшиеся двести рублей — чаевые.

Ильхамча уже приготовил ответ на случай, если появится Зулукхан. Он сумеет огородить председателя!

За полночь гости, поддерживая друг друга, обнимаясь, целуясь, вывалились с террасы во двор, затем направились к поджидающей их машине.

Толстяк, прижимаясь к танцовщице, твердил ей заплетающимся языком:

— Дорогая, ваше место не в кишлаке, а в столице! Поедьте сейчас со мной, я вас устрою в театр, в Большой театр!

Танцовщица, освобождаясь из его цепких рук, бормотала:

— Я вас умоляю, оставьте мне ваш адрес, я приеду, я разыщу вас!

— Назовите мою фамилию, и вас любой школьник приведет ко мне!..

Наконец его втолкнули в машину, а он все лепетал:

— Звезда! Яркий талант...

Машина тронулась.

Музыкант с бубнистом сели в бежевую «Волгу» колхозного правления. Танцовщица, протягивая музыканту деньги, шепнула:

— Поезжайте!— И громко добавила:— Мне необходимо поговорить с председателем.

Бежевая «Волга» тронулась. Танцовщица, заботливо поправляя прическу, близко подошла к пьяному Мирхасилу.

— Мне остаться?

— Куропаточка моя!— пробормотал Мирхасил, пошатываясь.

После того, как танцовщица повела Мирхасила в дом, тревога Ильхамчи возросла: не приведи аллах вернется Зулукхан, тогда наступит конец всему и всем!

Халмат, угадав тревогу Ильхамчи, прищурился хитрыми глазами, уставился на него.

— Брось ребячиться, Ильхам! Разве тебе не доводилось слышать пословицу: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе!»? Пользуйся моментом, полно тебе ломать голову за других.

Ильхамча, чуть повеселев, улыбнулся:

— Пословицу я слышал.

— Давай за дело!

Несмотря на то, что Халмат успел спрятать половину барана, он и остальное разделил поровну, не обидев своего верного ученика.

После дележа они быстро убрали террасу, двор, погасили свет и ушли в глубь сада к припрятанным трофеям.

Когда второй раз прокричал петух, Ильхамча вернулся домой, но на душе у него было тревожно. Хотя он и согласился с Халматом, что «своя рубашка ближе к телу», его все же тянуло к председателю.

Ильхамча вернулся. За это время успела приехать бежевая «Волга». В гараже, в машине спал шофер. Зеленая «Волга» не вернулась, а это, слава аллаху, значит, что хозяйка осталась в Ташкенте ночевать.

Ильхамча зашел на террасу, подошел к спальне.

Там все еще горел свет. Он не удержался, пригнулся и прильнул к замочной скважине.

Мирхасил валялся на полу возле кровати. Одета танцовщица лежала на застеленной кровати.

Ильхамча, осторожно открыв дверь, вошел в спальню. На цыпочках подошел к кровати и потормошил танцовщицу. Она открыла глаза. Лицо ее напоминало карнавальную маску: тушь, сурьма и помада разрисовали его довольно живописно.

— Вставай скорее, иначе застанет тебя Зулукхан!

— Кто такая?

— Хозяйка!

Или она его не поняла, или же умышленно сделала вид, что не понимает. Спрятав грязное лицо в подушку, пробормотала:

— Иди отсюда, не трогай меня!

— Иди скорее, мотай удочки, пока не поздно!

Танцовщица, приподняв голову, нагло уставилась на Ильхамчу.

— Может, ты шутишь?

— Не болтай! Пошевеливайся!

— Еще даже не рассвело, как рано! — ворчала она, надевая туфли. Затем, опасливо поглядывая на Ильхамчу, она подошла к столу, взяла отрез пестрого атласа и, прижав его к груди, подмигнула: — Подарочек! Преподнес сам председатель.

— Возьми!

Во дворе, зевая и потягиваясь, она спросила Ильхамчу:

— Где машина?

— Нет машины. Уже светло, доберешься пешком.

Танцовщица легкой, походкой горной куропатки засемила к воротам.

Ильхамча поспешно вернулся в спальню, разобрал постель, раздел председателя и, с трудом уложив его на кровать, принялся чистить ковер. Чтобы проветрить комнату, открыл окна и двери.

Когда он вышел к водоему, издали послышался знакомый гул мотора. Вскоре машина засигналила. Ильхамча, направляясь к воротам, бормотал про себя: «Если великому аллаху угодно, он не даст раба своего в обиду: все обошлось гладко!»

У самых ворот притормозила зеленая «Волга», и из

нее, словно огромный колобок, в ярко-малиновом панбархатном платье выкатилась Зулука. Искося глядя на Ильхамчу густо насурмленными глазами, она буркнула:

— Могли бы помочь своей хозяйке сойти с машины.

Ильхамча, кинувшись к ней, взял из ее рук узел.

— Где хозяин?

— Отдыхают.

— Были гости?

— Да, друзья хозяина!..

Зулука утиной походкой, вразвалочку направилась по ровной асфальтированной дорожке к террасе. Ильхамча поплелся за ней.

В спальне она, окинув небрежным взглядом спящего мужа, с усмешкой произнесла:

— Хозяин спит как будто не на земле, а на седьмом небе.— Выйдя на террасу, приказала:— Приготовь мне теплую воду!

— Сейчас.

Скрипя лаковыми туфельками, направилась во внутренний двор, там вошла в одну из своих многочисленных комнат. Сняв малиновое платье, надела легкий калат.

Не задаром далась Ильхамче его доля. Хозяйка, оголив шею и руки, принялась натираться пеной душистого мыла. Ильхамча из медного кувшина поливал ей воду. Она то и дело раздраженно покрикивала:

— Довольно! Заснул, что ли? Сильнее!

Зулука вытерлась белым мохнатым полотенцем, села на атласное одеяло, постеленное поверх алого туркменского ковра. Облокотившись на гору подушек, вытащила из сумки зеркало и принялась наводить красоту.

— Надеюсь, не забыли хозяйку, оставили ее долю? Я что-то проголодалась.

— А как же, обязательно!

Ильхамча, подчеркивая свое особое уважение к ней, положив руку на грудь, в поклоне попятился назад.

Оставленный на завтрак Мирхасилу кусок обжаренного мяса, лепешки, пирожки, маринованные овощи, бутылочку армянского коньячку он аккуратно уложил на огромный пестрый поднос, накрыл белоснежной

салфеткой и засеменял к хозяйке. Рюмочки, положенные в карман, позвякивали.

«Вот теперь начнется допрос,— подумал он не без боязни.— О аллах, пощади безвинного раба твоего!»

Пока Ильхамча принес поднос, Зулука успела нарядиться, сменить халат на яркое атласное платье, а комната наполнилась резким ароматом духов.

Ильхамча, расстелив перед ней салфетку, раскупорил коньяк и, вытащив одну рюмочку из кармана, наполнил ее золотистой влагой.

Зулука, лукаво прищурив глаза, глянула на него.

— А сами?

— Мы находимся на службе, дорогая хозяйushка!

— Хитришь, дорогой! Можно подумать, ты один из тех, которые пьют молоко!

Ильхамча вытащил из кармана вторую рюмку и налил в нее коньяк.

— Доброта и щедрость ваша всегда украшали вас! Выпьем за ваш новый городской дом!

Зазвенели рюмочки. Зулука не сразу закусила. Закрыв глаза, причмокнула от удовольствия.

Ильхамча поспешил снова наполнить рюмку.

— Сколько их приехало? Сколько человек было на этом банкете?

Ильхамча не помнил, чтобы она раньше интересовалась количеством гостей. Такого не было. Она всегда интересовалась только тем, сколько ушло продуктов и напитков.

— Семеро,— сказал он, считая себя и Халмата.

— Наверное, барана резали?

— Да!

— Где остатки?

— Хозяин распорядился сделать гостям свертки и положить в машину.

— Сколько бутылок коньяку ушло?

— Ящик.

— На семь человек ящик?— Глаза Зулукхан заблестели от гнева, мясистые румяные щеки обвисли.— Врешь!

— Милая хозяйushка, закуска была на славу. Если хорошо закусывать, можно пить сколько угодно...

— По всему видно, такая пирушка не обошлась без музыкантов?

— Да, был таркст и бубнист.

— А танцовщица?

— Нет.

Зулука, опасавшаяся опустошения председательского кармана, облегченно вздохнула и с ехидством посочувствовала:

— Без танцовщицы было, наверное, скучно?

Ильхамча молча наполнил свою рюмку.

— Да не иссякнут богатства нашей покровительницы!

— Богатство вашей хозяйки зависит от вас! — ответила Зулука, осушив рюмку и лукаво прищурился глазами. — Вчерашних денег не хватило на обстановку. Придется тебе поломать голову, достать еще.

Ильхамча, вздрогнув, выпрямился и хихикнул:

— На свете из всех затруднений, кроме смерти, есть выход. Одно слово председателя — и деньги будут!

— Не надо хозяина впутывать во все мелочи, — забеспокоилась Зулука, близко подвинувшись к нему. Положив свои пухлые руки к нему на колени, проворковала: — Деньги нужны не хозяину, а мне!

— Пожалуйста!

Ильхамча, наполнив ее рюмку, поднялся.

— Пойду взгляну на хозяина.

— Возвращайся скорее, мне без тебя скучно!

— Слушаюсь!

Словно ошпаренный, выскочил от хозяйки Ильхамча и опомнился только возле раскидистой яблони у водоема. Он весь дрожал. Ему приходилось делать всякие сделки с самим председателем, но он не представлял себе союз с хозяйкой. Если бы она приказала ему сейчас же ехать в город и там сбыть урожай всего колхозного сада, он бы справился с этой задачей; если бы она приказала от имени председателя засадить какой-то участок рисом, тоже сообразил бы. В таких вопросах он понимал ее, как говорится, с полуслова. Но ее просьба: «Возвращайся быстрее! Мне скучно без тебя!..» Он мучился, словно она его ударила. Это не умещалось у него в голове. От волнения зашумело в ушах. Но надежда на будущие прибыли, деньги, всевозможные махинации и соблазны помогла погасить тайный страх в душе Ильхамчи. Он опьянел от предвкушения предстоящих благ...

Горизонт засверкал алыми лучами. Послышалась перекличка петухов, чирикание воробьев. Где-то неподалеку запел соловей. Ильхамча замер. Глядя в спокойную гладь водоема, он вспомнил прошлое, когда в Ташкенте работал продавцом в продуктовом магазине. Вспомнил маленькую комнатку за магазином, где веселился завмаг со своими дружками. Частенько приходил туда и Мирхасил, работавший тогда председателем какой-то артели.

Ильхамча получил извещение из военкомата. Его призвали в армию. С этим извещением он прибежал на работу.

В маленькой комнатке завмага собрались его друзья: устраивались проводы Мирхасилу, уезжавшему в Голодную степь. За столом заговорили об Ильхамче. «Не ходи в военкомат, — сказал изрядно захмелевший Мирхасил, положив руку ему на плечо. — Поедем со мной в Голодную степь. Понял, братец?»

Ильхамча, прижав руку к груди, поклонился ему в знак благодарности. С тех пор Ильхамча работает в колхозе «Радостный труд».

После женитьбы Мирхасила чего только не приходилось ему делать по приказу Зулуки! Но он не в обиде, потому что с тех пор, как стал доверенным лицом Мирхасила и Зулуки, он накопил тридцать тысяч рублей золотого займа, не говоря уже об огромном приусадебном участке с фруктовым садом и четырехкомнатным домом, выстроенным за счет колхоза. Он давно уже собирается жениться, приглядывается к девушкам, но пока еще не нашлось достойной, пока у всех он находил недостатки. Разве легко найти лунолицую красавицу, такую смышленную во всех отношениях, как его хозяйка?

После долгих размышлений одна девушка — Асальхан — показалась было ему подходящей. В прошлом году в клубе на вечере, посвященном празднованию 8 Марта, он сидел рядом с ней, потом проводил домой. Когда по дороге он открыл ей свое сердце, она внимательно выслушала его и вместо ответа молча перешла на другую сторону улицы, ускорила шаги и вошла в дом.

Как ни ломал себе голову Ильхамча после этого случая, так и не мог понять, почему Асальхан отвергла

его любовь? Ему показалось тогда, что она чуть было не расхохоталась на всю улицу. Отчего бы?

Соловей продолжал свою песню.

Ильхамча тихо побрел к террасе и включил радиоприёмник. Послышалась песня:

Расцветшая роза в саду моем,
Чистая любовь моя!

На террасе появился с распухшими глазами, с красным распухшим носом заспанный Мирхасил.

— Все в порядке? — спросил он размечтавшегося Ильхамчу. — Хозяйка вернулась?

— Да, недавно приехала и пошла к себе.

— Повезло...

Мирхасил присел на корточки возле водоема.

Плеснув себе на лицо свежей водой, закашлялся. Вытирая лицо и руки полотенцем, поданным Ильхамчой, буркнул:

— Скажи шоферу, пусть выводит машину.

— Слушаюсь, хозяин, а как насчет закутить, опохмелиться?

— Позавтракаю в поле.

Голубая «Волга» ждала председателя за воротами. Ильхамче, открывшему перед ним дверцу машины, приказал:

— Ты покорми завтраком хозяйку!

— Слушаюсь!

После того как исчезла голубая «Волга», Ильхамча закрыл на все запоры ворота и опять вернулся к раскидистой яблоне у водоема. Соловей замолк. С террасы доносилась речь диктора.

Вдруг он вспомнил вчерашние слова Халмата: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе!»

Ильхамча улыбнулся и в надежде на новую добычу поспешил к Зулукке.

Глава тринадцатая

Когда разомлевшая от жары и усталости Гульсум вошла во двор, там стояла тишина, только возле арыка кипел самовар, поставленный на два кирпича. Гульсум, оставив возле террасы свою черную дерматиновую

сумку, набитую письмами, газетами, журналами, и ящик с посылкой, кинулась к перекипающему самовару, чтобы снять трубу. Она чуть было не обожгла руки и отшвырнула в сторону накалившуюся трубу.

На шум из комнаты вышла Райхан.

— Это ты тут тарахтишь, доченька? — похлопала она по плечу молодую крепкую женщину. — Любишь ты шуметь!

— Вы забыли про ваш самовар, вот я и напомнила вам! — рассмеялась Гульсум. — Принесла я вам сегодня письмо, деньги и посылку, милая тетушка!

— Спасибо, доченька. Ох и ленива на письма твоя подружка Фируза!

Гульсум протянула письмо.

После того как Райхан бегло прочитала его, почтальон попросила ее расписаться и вручила посылку и деньги.

— Тетушка, вы скорей откройте посылку, давайте попробуем голодностепские гостинчики!

Пока Гульсум открывала плоскогубцами фанерную крышку, Райхан опять принялась за письмо.

Почтальон жила недалеко от них, они росли вместе с Фирузой, дружили. Гульсум в десятом классе лишилась отца. Больная мать и два младших братишки остались на ее попечении. Она поступила работать на строительство, там полюбила крановщика и вышла за него замуж. Его заработка хватало на жизнь, и она пошла учиться на строительный факультет. Но бедную Гульсум преследовали несчастья: ее муж заболел и умер. Теперь она перешла на заочное отделение и устроилась работать почтальоном.

Гульсум всегда с радостью приносила переводы и письма от Фирузы.

Давно тетушка Райхан не получала от дочери писем. Еще ранней весной была коротенькая писулька, где дочь ограничивалась только приветами и не сообщала ни слова о себе. Умудренная годами женщина почувствовала материнским чутьем неладное и решила съездить в Голодную степь, навестить Фирузу. Но это намерение не осуществилось по двум причинам: во-первых, ее назначили в школе председателем экзаменационной комиссии, во-вторых, заболела пятилетняя Махфуза, которую она взяла на воспитание из детско-

го дома. Сорок дней Райхан носила передачи в инфекционную больницу. А теперь девочка все еще очень слабенькая.

— Тетушка! — воскликнула Гульсум, открыв фанерный ящик. — Фируза прислала кишмиш и толокно.

— Очень хорошо, знает, что сестренка любит толокно, — сказала Райхан, отвернувшись, чтобы скрыть волнение. — Пойди занеси в комнату, я сейчас заварю чай.

Гульсум быстро уловила настроение тетушки Райхан и, оставив посылку, подошла к ней.

— Как там Фируза? Здорова ли?

— Здорова. Но озадачила меня своим письмом. Вот прочти, сама узнаешь.

Гульсум принялась читать.

«Дорогая мама! Не сердитесь за долгое молчание. Я здорова. Дела идут хорошо, только мешает далекое расстояние — мне не хватает вас. Очень часто хочется прибежать и рассказать вам о многом, поделиться, посоветоваться. Хорошие у меня старики, иногда я делюсь с ними. Чулбобо и тетушка Ханифа со мной очень ласковы. Относятся ко мне, как к дочери.

Если вы помните, дорогая мама, я писала о Наркузи... Он недавно объяснился мне в любви. Все это так неожиданно. Мучаюсь. Не знаю, что ему ответить. На днях из Янгиера приезжал Шерали. Он по-прежнему неразговорчив, серьезен.

Дорогая мама, свое намерение остаться в этом колхозе я не изменила — наоборот. Здесь я подружилась с такими замечательными людьми, как Аширали-ака, Турсуной и Асальхан. Это настоящие люди! Всех их я познакомила с Шерали. Я ему показала наши поля, свою лабораторию. Разве я могу свою жизнь мыслить без всего этого? Шерали не понял этого или же не пожелал понять. Я ему сказала о своем намерении остаться в этом кишлаке навсегда. Кажется, это ему не понравилось. Как вы сами знаете, мы с ним в годы ученья дружили, легко понимали друг друга. Мы были только друзьями и, по-видимому, в дальнейшем у нас останутся те же отношения.

Я бы очень хотела, чтобы вы приехали к нам в колхоз, познакомила бы я вас с Наркузи, вы бы поговорили с ним. Сами бы убедились, что он хороший человек.

Он любит меня и хочет жениться. Но я не тороплюсь с ответом, сама не знаю почему. Вероятно, не хватает вашего совета. Без вас я не скажу ему ничего. Часто я не сплю ночами, мысли уносят меня к вам... Жду вас с нетерпением. Привезите обязательно Махфузу. Фируза».

— Поздравляю вас, тетушка, — воскликнула Гульсум, прижимая письмо Фирузы к груди, — подруга нашла свое счастье в Голодной степи!

Но эта весть не обрадовала Райхан. Забыв о стоявшей рядом Гульсум, она задумалась: словно не год тому назад, а только вчера Фируза и Шерали за столом под яблоней готовились к экзаменам. Потом она их обоих собирала в Голодную степь. Уехали они в одном вагоне. Фируза сообщала, что Шерали ей пишет, и матери казалось, что дочь рада этому.

Потому ли, что Фируза долго дружила с Шерали и тетушка Райхан привыкла к нему и изучила его характер, оттого ли, что он относился к ней почтительно, и ласково, но она хотела бы не кого-то другого, а его видеть своим зятем. Сегодняшнее письмо поразило ее: незнакомый человек подбирался к сердцу дочери.

Райхан, словно подкошенная, опустилась на диван и прислонилась к стене. Увидев ее состояние, Гульсум присела рядом.

— Дорогая тетушка, вам надо радоваться, а вы загрустили. Радуйтесь, радуйтесь!

— Чужая душа — потемки, милая моя, — продолжала сетовать Райхан. — Вот, оказывается, в чем причина ее молчания. Не хотела беспокоить. А я догадывалась, что с ней что-то неладное творится. Бедная моя голубка, металась между двух огней, а посоветоваться, открыть сердце не могла — не было рядом матери.

У Райхан навернулись на глаза слезы, кончиком косынки она вытерла их.

— Пойдем, милая, в комнату, там поговорим, выпьем чаю!

Гульсум продолжала успокаивать ее:

— Что ни делается — все к лучшему. Начались в школе каникулы, а у вас отпуск. Поезжайте к Фирузе, вы ей сейчас нужны, как никогда. Вы ее единственная

советчица. Сами своими глазами все увидите, счастлива ли она там. На верном ли пути.

— Ох, оказывается, ты плохо знаешь Фирузу. Раз она что решила, все равно сделает по-своему, что бы ей ни посоветовала. Она и не подумает, чем это кончится,— ответила Райхан, присаживаясь возле Махфузы.

— Я еще по школе знаю упрямство Фирузы,— улыбнулась Гульсум.— Даже мальчишки ее побаивались.

— Она характером вся в отца,— сказала Райхан, глядя на портрет своего мужа в офицерской форме.— Весь род у них такой: сказано — сделано!

Гульсум не решилась оставить Райхан одну в таком состоянии. Занесла самовар в комнату, заварила чай.

Райхан долго держала пиалу в руке и, не прикоснувшись к чаю, с тяжелым вздохом поставила ее на стол.

— Ох, если бы в эти дни был тут дядя Насим,— угадав причину тяжелого вздоха тетушки, сказала Гульсум.

Райхан, словно только и ждала этих слов, заплакала.

— Простите меня,— смутилась Гульсум.— Я не хотела причинить вам боль; задела я рану вашей души...

— Я понимаю, доченька, тебя. Понимаю. Тебе, как и мне, хочется, чтобы, когда решается судьба Фирузы, был с нами и ее отец...

Гульсум поднялась, собираясь уходить. Райхан проводила ее за ворота.

— Спасибо тебе за все.

— Не забудьте, дорогая тетушка, пригласить меня на свадьбу!

— Обязательно, милая!

Гульсум быстро и легко пошла по улице.

Райхан закрыла калитку. Ей не хотелось возвращаться в комнату. Она села за столик под яблоней. В арычной запруде кружились два крупных яблска. Райхан, словно зачарованная этим зрелищем, не отводила глаз от водоворота. Два красных, волшебных шарика, мужественно сопротивляясь течению, не уплывали в арык.

Мысли Райхан унесли ее в далекое прошлое. В молодости, как эти два яблока, были они не разлучны с Каримовым. Вместе поступили в педагогический институт, вместе закончили его. Работали в одной школе... Разлука... Ядовитая тля, безжалостно грызущая молодые годы. Ливень, беспощадно ломающий нерасцветшие ветки.

Разлука... Ранняя осень... Ранний листопад...

Разлука... она отняла у Райхан молодые годы. Ей казалось — горе и тоска по потерянному мужу никогда не покинут ее, даже в самые светлые и радостные дни.

Разлука состарила ее раньше времени. Помутнели некогда веселые карие глаза. Поблек румянец на щеках, поседели волосы...

«А что, если в выборе спутника жизни Фируза ошибается? Потеряет такого достойного человека, как Шерали?»

Райхан встрепенулась, словно на нее плеснули ледяной водой. Она торопливо пошла к террасе, подняла с узорчатого паласа письмо и принялась его перечитывать.

Выбор Фирузы был ясен. Наркузи.

«Удивительно, чем это он увлек ее? Интересно, в чем его преимущество перед Шерали? Почему она не написала мне подробнее?»

Не знала мать, что спроси сейчас у Фирузы, она, пожалуй, и сама не смогла бы ответить на эти вопросы...

«Почему я здесь? Почему я до сих пор не с дочкой? Я сегодня же, нет, вот сейчас же, должна ехать в Голодную степь, быть рядом с нею. Почему я, единственная ее опора, оставила ее одну? Давно мне надо было поехать к ней!»

Эти мысли словно окрылили ее, придали ей решимости, энергии. Она решила собрать девочку и — в путь!

Когда Райхан вбежала в комнату, возле стола сидела сонная Махфуза. Ее розовые щечки и губы были обмазаны толочком. Увидев Райхан, девочка хотела было что-то сказать, но поперхнулась. Райхан быстро подбежала к голубоглазой, светловолосой девочке и, похлопав ее по спине, помогла ей откашляться.

Девочка прижалась к матери, положив головку ей на плечо. Райхан поцеловала девочку, умыла ее и, посадив на колени, покормила, размешав толокно с молоком.

— Сейчас мы поедем к сестре. Далеко в степь.

Девочка вопросительно таращила голубые глазенки. Она не знала, кто ее сестра, что такое степь...

Райхан говорила с девочкой по-узбекски. За три месяца Махфуза начала понимать и отвечать ей.

— Мамочка, сестра меня любит? — пролепетала она.

— Любит, любит. Как же не любить тебя, ты же наша родная!

— Я ее тоже люблю, тебя тоже люблю! Пойдем скорее в степь!

— Мы поедем сначала трамваем, потом поездом!

Посыпались десятки вопросов.

Райхан, причесывая и одевая дочку, терпеливо отвечала на ее расспросы, потом достала из шифоньера какие-то коробочки, сверточки — подарки для дочери; аккуратно сложила их в хозяйственную сумку, закрыла комнату, калитку и пошла к трамвайной остановке.

Когда они миновали узкий переулок и вышли на большую улицу, им встретилась Гульсум с пустой сумкой.

— Далеко ли собрались?

— К Фирузе!

— Счастливого пути! Переждали бы жару!

Действительно было очень жарко. Солнце палило над самой головой, нагретые камни и сама земля излучали тепло.

— Вам не будет трудно с малышкой? Может, оставите ее мне?

— Она едетзнакомиться с сестрой!

Гульсум проводила их до остановки. Помогая Райхан сесть в вагон, Гульсум попросила:

— Передайте Фирузе привет и поздравления. Съезжу и я к ней, как только получу приглашение!

Гульсум долго махала рукой вслед уходящему трамваю, желая доброго пути и озабоченной Райхан и беспечно радостной Махфузе!

Глава четырнадцатая

Чулбобо и тетушка Ханифа удивились и даже растерялись от неожиданности, увидев Фирузу, спозаранку собравшуюся в дорогу.

— Добрый путь, доченька. Далеко ли?

— В райцентр. В производственное управление.

— Ах, это в то самое управление, куда избрали Аширالي?

— Да,— ответила Фируза, рассматривая какие-то записи,— Аширали избрали секретарем партийного комитета колхозно-совхозного производственного управления. Мне надо там посоветоваться о заболоченных землях. Предложу выжечь кустарники, осушить болота.

— Молодец, доченька!

Наскоро позавтракали. Старик еще раз напутствовал Фирузу:

— Умница! Как говорится, «куй железо, пока горячо». Пользуйся моментом, возьми Аширали за бока, пока он не остыл на новой работе.

Фируза рассмеялась.

— Не бойтесь ли вы, что позже он обюрократится? Нет, не из таких. Думаю, с ним всегда можно будет сговориться, дело полезное.

— Верно, золото не ржавеет,— подтвердил Чулбобо.— Аширали толковый, разбирается что к чему. Но ты спеша, осуществляй свою затею. Осуществляй!

Фируза положила свои записки в сумку и пошла к калитке.

Тетушка Ханифа крикнула ей вдогонку:

— Где тебя искать, если приедет мама?

— Буду в управлении!

— Иди, иди, доченька, где бы ты ни была, разыщем! — подбодрил ее Чулбобо.

Ханифа проводила ее до дороги.

— А что сказать, если подъедет Наркузи?

— Нет, он не приедет,— уверенно сказала девушка.— Он занят на своем участке. Всю ночь у них шел полив, а сейчас начнут удобрять хлопчатник.

«Каждый шаг Наркузи ей известен,— подумала Ханифа,— любят друг друга».

Фируза так же хорошо была осведомлена о делах

других бригад, но что делается в бригаде Наркузи, знала более подробно. Как свою ладонь, она видела карты всех бригад. В любой момент могла ответить, где сейчас идет полив, где удобряют землю, где идет подкормка посевов. А если где-то что-то не ладилось, знала причину, била тревогу, спешила на помощь.

На полях все шло хорошо. Она была спокойна. Иначе в самый разгар полевых работ не занялась бы болотами, не шла бы сейчас в управление.

Тугай...

Со дня приезда в колхоз «Радостный труд» мысли ее заняты тугаями. Огромный кусок народного богатства — семьсот гектаров земли — захвачен камышом и чахлыми кустарниками. Каждый год с этих семисот гектаров земли можно было бы получать миллион рублей чистого дохода. Хлопчатник, собранный на этой земле, мог бы на целый год обеспечить фабрику сырьем. А готовая продукция фабрики доставила бы радость десяткам тысяч людей...

Канавы, прорытые за осень и зиму, унесли соли с этих земель. Теперь необходимо сжечь камыши и обильно полить землю. Вчера по этому поводу Фирузе пришлось выдержать бой с Мирхасилом. Председатель, ссылаясь на полевые работы, опять отодвинул решение вопроса на будущее.

Фируза доложила ему о готовности «Мирзачульводстроя» дать колхозу в помощь экскаваторы, дизели, тракторы. Но ей не удалось убедить упрямого председателя. Он продолжал твердить свое: «Горячие и ответственные дни сейчас, нельзя отрывать рабочую силу с полей».

Фируза достала из сумки свою докладную о мерах повышения экономики колхоза «Радостный труд» и положила на стол председателя.

В докладной записке была подробно изложена причина заболоченности колхозных земель, подсчитан ежегодный убыток, указано, как избавиться от этой беды.

Мирхасил, опустив со лба очки, долго и подробно читал докладную записку, аккуратно отпечатанную на машинке.

Неопровержимые факты и цифры заставили призадуматься даже его. Он то и дело доставал из коробки

«Казбек» папиросу и нервно прикуривал новую от недокуренной.

Фируза радовалась, что наконец председатель стал вникать в суть дела и отнесется к этому внимательнее.

Со дня приезда в колхоз «Радостный труд» она впервые увидела председателя сосредоточенным, пытающимся понять заявление, тогда как прежде он обрывал собеседника, даже не выслушав его.

Мирхасил подчеркнул последнюю строчку с цифрами и некоторое время молчал, глядя на агронома. Затем, сморщив лоб, спросил:

— Верно подсчитали?

— Верно!

— Выходит, за год мы понесли убытки два миллиона рублей?

— Да, часть убытка из-за тугаев, другая — оттого, что на самотек пущены зимние и осенние дела в колхозе. Весной и летом аврал, а в остальное время — затишье!

Мирхасил, откинувшись на спинку кресла, не отрывая взгляда от докладной записки, спросил:

— Что вы хотите делать с этой докладной?

— Хочу отвезти в райцентр на рассмотрение производственного управления.

— Почему в производственное управление?

Фируза после небольшой паузы ответила:

— Производственное управление поможет нам.— Зная, что ее слова не по душе председателю, она все же продолжала: — Вы способны только давать указания. Не прислушиваетесь к словам рядовых колхозников. С агротехникой вы тоже не считаетесь. Кто бы ни заговорил о тугаях и солончаках, вы тут же заставляете его замолчать. Поэтому трудно этот вопрос решить на правлении колхоза.

— К чему паниковать? Разве случился что-нибудь непонравимое!

— По-вашему, убыток в два миллиона — ничего? А по-моему, есть причина для тревоги,— ответила Фируза, пряча докладную записку в сумку.— Если вы согласны со всем, что изложено в моей записке, поедем вместе в управление, посоветуемся там. Попросим у них помощи.

— Нет, поезжайте сами. Просите помощи. Обивайте пороги.

Фируза, выходя из кабинета, повторила:

— Вам бы следовало поехать, дело для колхоза очень важное.

Но Мирхасил вместо ответа поднял белую телефонную трубку и буркнул что-то телефонистке...

Фируза подъехала к управлению почти одновременно с Аширالي.

Он очень обрадовался, увидев ее среди других посетителей. Поздоровавшись со всеми, он обратился к ней:

— Пожалуйста, заходите! Вы первая навестили меня на новом месте.

— Пришла поздравить вас!

— Спасибо, сестричка!

Аширали предложил ей сесть и сам сел напротив.

— Хорошо, что приехали. Сегодня я сам собирался поехать к вам. Как там поживают старики? Что нового?

— Чулбобо и тетушка Ханифа передали вам поклон. Особых новостей и перемен в колхозе нет. Я привезла целый «мешок забот и хлопот».

— Давайте, вытряхивайте ваш «мешок», — улыбнулся Аширали.

Фируза вынула из сумки свое письмо и, протягивая Аширали, сказала:

— Я очень просила председателя приехать вместе со мной, но он не согласился. Трудный человек. Не поймешь, о чем он думает, что намеревается предпринять.

— Нет узлов, которые не развязываются. Как говорится, найдем конец моточка, размотаем.

Аширали с большим вниманием принялся изучать записи, подсчеты и выкладки агронома. Цифры убытков, по-видимому, были давно ему знакомы: краем глаза взглянув на них, он все понял. А графы с подсчетами средств, необходимых для освоения заболоченных земель, он посмотрел более тщательно.

Фируза подсчитала все необходимое: сколько нужно рабочей силы, техники, денег. Выяснила, что на это дело понадобится почти половина неделимого фонда колхоза.

И теперь Фируза опасалась, что производственное управление не позволит колхозу отпустить такую большую сумму на борьбу с тугаями. Всю неделю этот вопрос не давал ей покоя.

— Вы сделали большую работу. Завтра ваш план обсудим на собрании управления. Пусть и другие хозяйства подумают о своих земельных участках, это всем послужит примером. Мы вашу инициативу поднимем до всенародной задачи: пусть, глядя на вас, и другие бережливо относятся к освоенным землям, пусть дорожат каждым клочком земли. Пора покончить с бесхозяйственностью и расточительством. Ради бахвальства и ложного авторитета нельзя разбрасываться освоенными землями, надо за ними ухаживать, подкармливать их, беречь!

От этих слов на душе у Фирузы стало светло и радостно, появилась надежда на осуществление ее мечты.

Аширالي поднял телефонную трубку и попросил телефонистку соединить его с председателем колхоза «Радостный труд». Послышался вежливый голос Мирхасила.

Аширали сказал ему:

— Завтра утром прошу вас приехать в производственное управление. Будем обсуждать план освоения заболоченных земель в вашем колхозе. С этим вас вчера ознакомила Фируза. Пригласите ее и привезите с собой колхозных активистов. Да... да... к десяти часам. Камыш продайте Мирзачульскому промышленному комбинату. Остальные вопросы завтра в управлении.

На каждое предложение Аширали председатель отвечал покорно: «Слушаюсь. Обязательно. Будет выполнено!»

Затем Аширали позвонил директору промышленного комбината. Директор охотно согласился купить в колхозе «Радостный труд» камыш для строящихся домов.

Фируза от радости, что все так быстро и разумно решилось, пошутила:

— Давно нужно было вас избрать в производственное управление, Аширали-ака...

Аширали, долго не отпуская руку Фирузы, просто и смущенно ответил:

— Без вашей помощи мы, руководители, бессильны. Вы — наша опора.

От радости Фируза растерялась. Ей хотелось скорее бежать к себе и рассказать о своей беседе Чулбобо. Но Аширالي не отпускал ее. Он ласково положил свою ладонь на ее хрупкие плечики и снова усадил в кресло.

— Присядьте, дорогая сестричка. Разрешите теперь мне попросить вас кое о чем!

Он сел напротив Фирузы.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь в вашу личную жизнь,— сказал он, виновато поглядывая на девушку.— Я к вам отношусь, как к родной сестре. Верю вам. Болею за вашу судьбу. Поэтому позволю себе говорить с вами откровенно. Турсуной рассказала мне о ваших отношениях с Наркузи. Поговаривают, что собираетесь в скором времени сыграть свадьбу. Это правда?

Фируза смутилась. Она дорожила дружбой с Аширали, но никогда не проронила ему ни словечка о признании Наркузи. Правда, недавно приходила Турсуной и сообщила, что в доме Наркузи идет подготовка к свадьбе: тетушка Зумрад-биби сделала большие покупки, собрала всех старушек соседок и усадила их стегать одеяла.

Вероятно, об этом и знал Аширали; знал он и о приезде Шерали.

— Не стесняйтесь меня, скажите правду, кто вам милее? — спросил он.

Фируза, чувствуя на себе вопросительный взгляд Аширали, растерянно теребила кончик суконной скатерти, не зная, с чего начать.

— Считайте меня своим родным братом или отцом. Семейная жизнь — сложная вещь. Человек не должен ошибиться в выборе. Потом трудно исправлять ошибку.

У Фирузы невольно вырвалось:

— Разве вы не верите в Наркузи?

Этими словами Фируза разоблачила себя. Аширали понял ее и, чтобы не смутить и не спугнуть, начал издалека:

— Счастье не приходит само. Каждый ищет и находит. Я верю Наркузи. Мне кажется, вы созданы друг для друга. Верю и в то, что у вас будет отличная

семья, интересная, насыщенная жизнь. Но я хочу вас спросить: хорошо ли вы изучили друг друга? Знаете ли вы, какие плюсы и минусы есть у каждого из вас? Позже не будете сожалеть, раскаиваться, что не успели присмотреться друг к другу? Говорят, Шерали тоже любит вас? Выяснили ли вы свои отношения с ним? Говорят, вы пять лет дружили. Бывали ли в доме у Наркузи после того, как мы с вами были там вместе? Случалось ли вам говорить еще с тетушкой Зумрад-биби? Оттого, что мы с Турсуной уважаем вас, мы решили спросить вас об этом. Если вас что-то мучает или же трудно решить что-либо одной, не смущайтесь, мы всегда готовы помочь вам. Посоветоваться, поразмыслить. Как вы смотрите на мои слова? Нужна ли вам наша помощь?

Искренняя забота друзей тронула Фирузу. Волна теплых чувств захлестнула девушку. Ей было трудно ответить на все эти вопросы двумя-тремя словами. Сперва следовало подробно рассказать обо всех своих переживаниях. После долгих рассуждений она уже установила выбор на Наркузи, но все равно так захотелось облегчить душу откровенным разговором. И все же Фируза не решилась пересказывать сложную повесть своей души. Она сказала:

— Жду маму, она должна скоро приехать из Ташкента.

Аширали понял, что девушка хочет уйти от прямого разговора. Если бы на месте его был человек, равнодушный к ее судьбе, он поставил бы на этом точку. Но Аширали не сделал этого. Он посчитал нужным продолжить разговор.

— Что вы ждете свою маму, это хорошо, — сказал он, нажимая на кнопку звонка. — Очень хорошо.

В дверях появилась круглолицая, со множеством мелких косичек секретарша.

Аширали, взглянув на нее, ласково попросил:

— Дильбарой, доченька, организуйте, пожалуйста, чайничек чая и пару лепешек.

— Хорошо! — Девушка вышла.

Аширали намеревался было что-то сказать Фирузе, но зазвонел телефон. По голосу узнав собеседника, он заулыбался.

— Спасибо. Загружен до предела. Правильно, пра-

вильно, нельзя забывать о подкормке, почва любит заботу. Земля Мирзачуля требует ухода. Мы изо дня в день обсуждаем эти дела. Вот и сегодня начали день с вопроса о голодностепской земле.

«С кем это разговаривает Аширали?» — подумала Фируза.

— Возьмем на учет все заболоченные участки, какие только найдутся по нашему управлению. Уточним, где их сколько. Составим план восстановления. Это — один из первоочередных вопросов на ближайшее время. Но это сложная проблема. Самая сложная. Решать ее будет молодежь. На эти участки пошлем самых отважных. Например, Фирузу. Да, приехала. Сейчас здесь, у меня в кабинете. Хорошо, передам. — Закрыв ладонью трубку, он посмотрел на Фирузу: — Иван Андреевич передает вам привет.

— Передайте и ему от меня и скажите, что мы ждем его в колхозе.

Аширали передал приглашение Фирузы.

— Когда вас ждать, Иван Андреевич? Нам не справиться без вашей помощи, без ваших советов. Помогите нам составить план освоения заболоченных земель, пересмотреть систему гидромелиорации. Да, согласен с вами. Нет, не оставим ни одного болота. Начнем наступление. «Мирзачульводстройскую» технику бросим на тугай, — рассмеялся Аширали, прощаясь с Иваном Андреевичем.

Слушая беседу двух уважаемых ею людей, Фируза почувствовала, как сердце наполнилось радостью. Она была счастлива, что такие люди, как Аширали, руководят теперь вновь созданным производственным управлением.

В кабинет вошла Дильбарой с чайником в руках и с двумя лепешками на подносе. Она было направилась к дверям, но Аширали остановил ее:

— Все ли уже собрались? — и взглянул на часы.

— Нет еще.

— Как только все соберутся, пригласите их ко мне в кабинет.

Аширали разломил лепешки, налил в пиалу чай и протянул Фирузе.

— Так просто не отделаетесь от меня. Очень хорошо, что вы ждете мать и ее добрых советов, но не

забудьте и то, что мы с вами коммунисты; мы должны помогать товарищам не только в работе, но и в личной жизни. Я желаю вам только счастья.

Фируза отпила глоток ароматного зеленого чая, дрожащими руками поставила пиалу на стол и ответила:

— Я тоже мечтаю о счастливой жизни. Еще в первые дни после приезда в колхоз я вам рассказала о судьбе своей одинокой матери, о ее неутешном горе. Если у меня не сложится личная жизнь, едва ли мама перенесет это. А если у меня все будет хорошо, мое счастье заглушит ее скорбь, скрасит ее одиночество. Но что такое счастье? Я много раз задумывалась над этим. Конечно, в семье должно быть взаимоуважение, мир, согласие. Но семейное счастье я представляю шире. Я не мыслю его запертым в сундук, оторванным от коллектива. Я хочу свою молодость, свой труд, всю свою жизнь посвятить степным делам, трудолюбивому степному народу. Но, к сожалению, не все так понимают эти чувства. Не всем джигитам понять...

— Верно, — улыбнулся из-под усов Аширали, — у нас, у мужчин, отрицательное всегда преобладает над положительным.

— Возьмем, к примеру, Шерали, о котором вы слышали, — продолжала Фируза. — Не считаясь с моими желаниями и моими намерениями, он приехал, чтобы забрать меня в Янгиер. Даже когда идет речь о переводе какого-либо специалиста с одной работы на другую, и то согласуют с ним, а потом выносят решение. Я, Аширали-ака, привязалась к нашему кишлаку, к людям. Я никогда и никуда не хочу отсюда уезжать. Хочу жить и работать здесь. Вот моя мечта, цель моей жизни! Шерали не поинтересовался моими мыслями, не позаботился понять их.

— А Наркузи интересуется? Понимает?

— Да, понимает, — убежденно ответила Фируза. — У него такие же мысли. Я ему гозорила о своих планах. Он любит степь, понимает степную землю, поэтому он с такой любовью относится к ней. Конечно, и у него есть недостатки, — улыбнулась Фируза, — любит похвастать, кажется, ревнив...

— Вот так да! Ха... ха... ревнив! Выходит, вы хорошо его изучили, знаете все его плюсы и минусы?

Фируза, почувствовав искреннюю теплоту в словах Аширали, решила открыться ему свое сердце.

— Наркузи правдивый джигит,— продолжала она, задумчиво глядя на собеседника.— Он не любит хитрить: что у него на уме, то и на языке. Мне он раскрыл свое сердце. Но я медлю с ответом. Хочу получше его узнать. С тех пор, как он мне объяснился, прошла зима, прошла весна. Потеряв терпение, он мне написал письмо, требует ответа. Недавно оставил мне еще одно письмо, где написал: «Если вы считаете, что у меня недостаточно образования, я поступлю учиться, стану агрономом». Короче говоря, он согласен на все мои условия. Еще мне нравится его упорство в труде. Он трудолюбив.

— Значит, в принципе решили, но ждете маму, чтобы она дала свое согласие, да? Задержка за мамой?

— Да...

— Отлично, сестричка, отлично! — радостно произнес Аширали и, поправляя широкий ремень, перехватывающий гимнастерку, одобрительно улыбнулся и взглянул в глаза Фирузы.— Посоветуйтесь с мамой, мне кажется, она одобрит ваш выбор. А мы с Турсуной готовы быть вам помощниками на свадьбе. Я люблю Наркузи, отношусь к нему, как к родному брату. Было время, когда он, правда, недопонимал кое-чего, бывал неосознателен, спорил со мной, защищал ошибки Мирхасила, слепо следовал за ним. Но теперь он прозрел. После вашего приезда он стал разбираться во всем значительно глубже. Ведет себя скромнее, перестал бахвалиться. Он, наконец, понял, что уважение заслужил упорством, трудом, а не председательской поддержкой, не личной симпатией председателя. Он заинтересовался экономикой колхоза, техникой. Как вы помните, дорогая Фируза, он первый в начале года объявил свою бригаду комплексно-механизированной. У него есть чувство нового. Все это хорошо, но семейная жизнь держится не только на этом. В древнее время говорили: «Муж и жена — пара волов в одной упряжке». Это изречение надо нам понимать по-новому: два молодых сердца накрепко сплетают свои судьбы воедино. Можно себе представить весь наш народ как огромное зеркало, а каждую семью как осколок этого зеркала, и в этом осколочке должно

отражаться все, что отражено в большом зеркале — великое, и малое. Личная жизнь каждого неотделима от общественной жизни. Желаю я вашей будущей семье успехов и радости во всех добрых делах. Пусть сверкают ваши дела в этом зеркале, пусть отражает оно ваше счастье в труде, в учебе, в семейной жизни.

Глаза Фирузы засияли радостью от этих искренних пожеланий Аширали. Сердце ее переполнилось невывалой до сих пор силой. Протягивая руку Аширали, она взглянула ему в лицо.

— Спасибо! Рассеяли мои сомнения!

Выйдя из управления, Фируза немного постояла в раздумье и, не отдавая себе отчета, направилась к железнодорожной станции. Она все ускоряла шаги; ей казалось, что опоздает, что вот сейчас из Ташкента придет ее мать. Сердце билось тревожно.

Асфальтированная дорога к станции была страшно пыльной. Когда проходили машины, пыль тяжелыми облаками застилала все вокруг и, подобно густому туману, медленно опускалась, оседая на деревьях, отягощая листву.

«Неужели нельзя в районном центре иметь хотя бы пару поливомоечных машин?» — удивилась Фируза.

Фируза пошла обочиной дороги, вдоль прохладного арыка.

Когда она подошла к станции, выкрашенный черными и белыми полосками, похожий на зебру шлагбаум был высоко поднят, путь открыт. Синеватые железнодорожные рельсы уходили далеко за горизонт.

Тишина.

Она направилась к приземистому белому зданию вокзала посмотреть расписание.

Перед ее глазами все еще стоял Аширали, в ушах звучали его слова: «Два молодых сердца накрепко сплетают свои судьбы воедино. Семья — зеркало...»

Простую скромную девушку каждый раз волновало, радовало заботливое, родительское отношение к ней колхозников. С первых ее шагов в кишлаке всюду и везде, начиная с Чулбобо, Аширали, Турсуной, Асальхан, все относятся к ней, словно к родной, заботятся о ней. Первое время ее удивляло, если с ней вдруг заговаривали о ее личной жизни. Теперь она уже не может обойтись без участия и советов этих сердечных, забот-

ливых людей. Вчера еще посторонние люди теперь стали родными. Они легко нашли дорогу к ее сердцу искренним отношением, доброжелательством. Особенно сегодняшняя беседа с Аширالي помогла ей рассеять все сомнения. Сердце словно бы озарилось новым светом. Стало спокойно на душе.

Она еще не успела войти в здание вокзала, как со стороны железнодорожного полотна услышала знакомый голос и повернулась в ту сторону.

Прыгая со шпалы на шпалу, к ней бежал Наркузи. Вероятно, он увидел ее еще издалека; бежал, задыхался, заикался, и трудно было понять его слова:

— В... в... вы...

— Отдышитесь, потом скажете! — улыбнулась Фируза.

Наркузи напоминал мукомола — так он был запылен. Смущенно из-под запорошенных ресниц смотрели лучистые темно-карие глаза.

— Вижу, сами занялись удобрением? — спросила Фируза.

— Ильхамча... провались он пропадом... — подавляя досаду, сказал Наркузи. — Складом заведует, а не может в самый разгар работы обеспечить бригаду удобрением. Дали бы его в мое распоряжение...

Дальше он не договорил, но по его сжатым кулакам можно было догадаться об остальном.

— Обратились бы к председателю!

— Председателю нужны высокие проценты, а не дело. В самый разгар работ, вместо того чтобы быть в поле, грузу машину.

Наркузи, отойдя от девушки на несколько шагов, по мере возможности стряхнул с себя белую пыль. Вернувшись к ней, он спросил:

— Какой ветер забросил вас на станцию? Все ли в порядке?

— Хочу узнать расписание поездов.

— Неужели только из-за этого вы проделали такой путь? — испытующе глядя на девушку, улыбнулся Наркузи. — Обратились бы ко мне, я — расписание. Что вам угодно, Мирзачуль — Москва?

— Жаль, раньше не знала ваших способностей в этой области! — расхохоталась девушка. — Мне нужно Ташкент — Мирзачуль!

— Дачный? Понятно. Будем встречать нашу маму? Дачный приходит вечером. Встретим ее вместе.

— Спасибо, Наркузи-ака! Но я думаю, она будет не раньше, чем завтра.

— Тогда, если у вас нет других дел, — сказал Наркузи, взяв ее за руку, — поедem вместе. Я на машине. Осталось погрузить мешков двадцать.

— Согласна, поедem вместе.

Когда они подошли к товарной станции, рабочие ушли на обед, на мешках с удобрениями дремал сторож, сжав ружье в руках. Недалеко от него стоял недогруженный ЗИЛ. При появлении Наркузи и Фирузы сторож даже не шелохнулся. Едва приоткрыв сонные глаза, он буркнул:

— Тебе велено взять еще тридцать мешков!

— Ладно!

Фируза догадалась, что Наркузи сам пригнал машину и один ее нагружает. Девушке стало так его жаль, что даже сердце защемило. Наркузи, уловив на себе ее сочувственный взгляд, ужасно смутился и сказал неестественно бодро:

— Шофера я посадил на трактор. Он занялся культивацией. А остальные заняты орудкой. Поехал сюда сам...

Фируза принялась засучивать рукава пестрого атласного платья.

— Я помогу вам!

Наркузи, бережно взяв ее под руку, подвел к сторожу.

— Байзак-ата, поговорите с вашей дочкой, а то, я вижу, вы заскучили...

— Садись, девочка. Садись вот на этот мешок. Поговорим.

Наркузи принялся нагружать машину. Из-под навеса он выволакивал на спине мешки и лихо кидал их в машину. Затем перелезал через борт, чтобы аккуратно сложить их в кузове.

Фируза от вопросов старика — «Сколько лет? Замужем ли? Давно ли в этом колхозе?» — отделялась короткими ответами. Ее мысли были заняты Наркузи. Она и гордилась им, и досада брала, что приходится ему вот так работать под палящими лучами солнца.

Через полчаса они выехали со станции.

Наркузи уверенно вел машину по большаку. Фируза сидела рядом с ним в кабине и пересказывала ему сегодняшнюю беседу с Аширали.

— Камыш из тугаев вырубит и заберет себе на строительство районное промышленное управление, а с техникой нам поможет «Мирзачульводстрой».

Проехала встречная машина. Фируза продолжала:

— Аширали-ака пригласил на завтра к себе председателя. Собирает также колхозный актив. Надеюсь, и вы поедете? Все, кажется, получается хорошо, но меня беспокоит одно обстоятельство.

Наркузи озабоченно взглянул на Фирузу.

— Какое обстоятельство?

— Мне кажется, Аширали-ака кому-нибудь из актива поручит возглавить это дело. Затем наверняка тот, кому будет поручено освоение болот, останется бригадиром на новом участке. Вот чем у меня занята сейчас голова. Новый участок составит около семисот гектаров. Этой земли может хватить на несколько бригад. Сумеем ли мы подобрать достойного бригадира? Есть ли у нас в колхозе такие люди?

— Есть!

Уверенный тон Наркузи удивил Фирузу. Подумав, что кого-то упустила из виду, она поспешно спросила:

— Кто же это?

Наркузи многозначительно улыбнулся:

— Если доверят, то — я. Позвольте мне испробовать свою силу в тугаях!

Фируза не поверила собственным ушам. Взглянув на веселое лицо Наркузи, она засомневалась:

— Шутите?

— Не люблю шутить, когда речь идет о важном деле, — серьезно сказал Наркузи. — О чем бы я вам ни говорил, о чем бы ни писал, — все сущая правда. Вам, может быть, кажется, что я меньше вас болею душой за тугай, за заболоченные земли. Можете положиться на мою совесть и довериться мне.

— А ваша бригада?

— Бригада моя, какая есть сейчас, такая и останется. Разве там мало моих помощников и единомышленников? Много. Например, Асальхан. Разве она не

сможет заменить меня! У нее упорства, энергии хоть отбавляй.

— Вы верно говорите! — одобрила Фируза. — Я тоже думаю, Асальхан сумеет управлять бригадой. Жаль, что я об этом не подумала раньше, тогда я бы все это сказала Аширали.

— Одна голова — хорошо, а две — лучше, — засмеялся Наркузи. — Правда, Фирузахон, две лучше?

— Да...

Фируза произнесла это «да» и только потом поняла значение слов Наркузи. Она залилась алой краской и, отведя глаза в сторону, принялась рассматривать подстриженные тутовые деревья, хлопковые поля.

Машина свернула к зданию колхозного правления. Помогая Фирузе сойти с машины, Наркузи спросил:

— Вместе пойдем встречать маму?

— Если поеду, дам вам знать.

— Хорошо.

Фируза вышла из кабины.

Машина с шумом и грохотом помчалась по каменистой дороге, а девушка все стояла в раздумье под тенистым деревом. Она не могла понять, как это Наркузи бросит свою налаженную бригаду, возделанные поля, выращенные сады и уедет корчевать кустарники, осушать болота.

Но девичье сердце ее продолжало стучать сильнее, огонек любви к Наркузи разгорался жарче и, как бы перескакивая с хворостинки на хворостинку, постепенно охватывал ее всю. Сегодняшняя беседа подняла Наркузи в ее глазах выше еще на одну ступень. Решение связать с ним свою судьбу укреплялось.

Глава пятнадцатая

Весь следующий день Фируза провела в правлении. Они там разработали план освоения заболоченных земель и зарослей по карте колхозных угодий. Тщательно подсчитали рабочую силу и технику, которая понадобится, и точно установили объем работ.

Под вечер Фируза пешком отправилась на станцию. Стало уже темно, и она пошла через поля, вдоль тугаев, сокращая дорогу и опасаясь опоздать к приходу вечернего поезда.

Возле здания станции, рядом, почти бок о бок, стояли «газик» Аширали и мотоцикл «Ява» Наркузи, а хозяев не было видно.

Издали слышалось тяжелое сердцебиение тепловоза. Засверкали яркие глаза прожектора, ослепляя всех находящихся на перроне.

Когда Фируза приблизилась к встречающим, навстречу ей кинулась Турсуной.

— Где вы пропадали, мы искали вас повсюду! — затараторила она, протягивая руку.

К ним подошли Аширали и Наркузи.

— Я была в правлении, — удивленно ответила Фируза. — Что же вы не позвонили в правление?

— Как же, звонил и не раз, — сказал Аширали. — Мирхасил ответил, что вас нет в правлении.

— Удивительно! Он знал, что я там, потому что собственными глазами видел, как я у себя в лаборатории занималась составлением плана, — еще больше удивилась Фируза.

Наркузи с сочувствием посмотрел на усталое лицо девушки.

— Не удивляйтесь, последнее время никто не может понять, когда Мирхасил лжет, когда говорит правду.

Пыхтя и кряхтя, мимо них проследовал тепловоз, и вслед за ним одно за другим замелькали вагонные окна. Фируза пристально глядела на окна; в одном из них она увидела женщину с ребенком на руках и, крикнув: «Мама!», побежала рядом с вагоном.

Когда состав остановился, в дверях появилась Райхан.

— Мама, мамочка!

— Доченька, милая моя! — со слезами на глазах ваговорила Райхан. — Помаша ручкой сестре, — сказала она, помогая Махфузе махать ручкой.

Наркузи, увидев на ступеньках вагона высокую, худощавую женщину в скромном платье, обрадовался, словно встречал родную мать. Он подбежал и взял девочку из ее рук.

Турсуной и Фируза протянули тетушке Райхан руки, чтобы помочь сойти с вагонных ступенек.

Как ни крепилась Фируза, она не смогла сдержать слез и принялась, плача, обнимать мать.

Растерянная Махфуза разглядывала незнакомых людей. Увидев слезы на глазах матери, она готова была и сама расплакаться.

Фируза представила матери своих друзей:

— Наш партийный секретарь и брат мой,— сказала она, представляя Аширали.— А это моя сестра, наша Турсуной, лучший бригадир.— Когда очередь дошла до Наркузи, Фируза покраснела и с трудом выдавила из себя:— Бригадир...— и собралась было еще что-то сказать, но мать опередила ее. Она сразу узнала Наркузи и ласково похлопала его по плечу.

Заглушая радость встречи, промелькнула в голове матери мысль: «Это ты у меня отнимаешь дочь!» И невольно каким-то особенным взглядом посмотрела еще раз на Наркузи. От него не ускользнул этот взгляд.

Все сели в машину. Возле «Явы» остался один Наркузи.

Говорят, что птицы понимают друг друга, так и Аширали понял состояние Наркузи. Нажимая на стартер, крикнул ему:

— Не отставай!

Сердечная теплота, уважение и гостеприимство были не только на вокзале, но и в доме Чулбобо. Терраса полна гостей. То и дело тетушка подливала огромный медный самовар и подкладывала угли. Кое-кто уходил, прощаясь, новые гости подходили, садились в круг, беседа не прерывалась.

Почти все жители кишлака побывали, чтобы приветствовать гостью. Все, кроме Наркузи.

Фируза под предлогом проводить гостей несколько раз выходила на улицу, взглянуть, не идет ли Наркузи. Она сидела возле дверей на террасе в кругу женщин. За чаем они вели разговоры на разные темы: то о кормлении грудных детей, то о свадебных обрядах в их кишлаке.

Иногда в сердце девушки закрадывалось подозрение: «Неужели женщины говорят с намеком? Может быть, здесь так принято и Наркузи подослал кого-либо из женщин, чтобы разъяснить мне свадебные обряды? Неужели обо всем мы будем говорить через посредников? Может, он думает послать к маме сватов?..»

Несмотря на жару, от этих мыслей Фирузе стало зябко. «Не прислушиваться же мне к их намекам и

советам. Надо поговорить с Наркузи,— успокаивала себя девушка.— Мы построим себе новую жизнь, новое счастье, поэтому все должно быть по-новому!»

Наконец женщины, ссылаясь на поздний час и на то, что гостье надо отдохнуть с дороги, поднялись, пожелав Фирузе счастья, а матери хорошего отдыха. Увидев это, поднялись и Чулбобо с Аширали, которые сидели на тахте под раскидистой яблоней.

После ухода гостей Фируза постелила на террасе постели старикам, а сама с одеялом и подушкой в руках ушла на ту тахту под яблоней, где любил сидеть старик.

— Там очень хорошо, прохладно. Идите, дорогая, отдохните,— обратилась тетушка Ханифа к Райхан.

— Спасибо, родная!

Когда Райхан с заснувшей Махфузой на руках и тетушка Ханифа подошли к тахте, постель была расстелена, а Фируза натягивала марлевый полог.

— Вы еще не познакомились с нашими комарами, мама,— засмеялась Фируза.— Они любят гостей!

— Не пугай маму, они ее пощадят,— пообещала тетушка Ханифа.— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Фируза натянула марлю над Махфузой.

— Ну рассказывай, как ты тут поживаешь?— спросила Райхан, поудобнее устраиваясь на постели.— Никак не могли выбраться к тебе раньше, доченька.

— Столько забот свалилось на ваши плечи, мамочка, вам простительно, а вот мне стыдно, что я не смогла выбраться на пару дней поведать вас.

Они умолкли. Фируза, не зная, что ей сказать, с чего начать, в раздумье опустила голову. Райхан тоже растерялась. Фируза не знала, как перевести разговор на сердечные дела, и в то же время боялась: «А что, если мама заговорит сейчас о Наркузи?»

— Узнала я его сразу...— произнесла наконец Райхан и, понизив голос, спросила:— Ты уже что-нибудь ему пообещала?

— Вас, может быть, удивило мое письмо, мамочка,— волнуясь от смущения, начала Фируза.— Сначала я не придавала большого значения его словам, поэтому и не писала вам. Он со дня приезда пытался ухаживать за мной. Скоро будет год, как я здесь. Мы с

ним встречаемся часто и по работе, и так просто... Он много раз мне объяснялся. Рассказала я ему о наших отношениях с Шерали, но, кажется, он их понял не совсем верно. Подозревает, что они гораздо глубже, чем на самом деле, ревнует. Я еще не давала ему никаких твердых обещаний. Он ждет. Самой пришлось долго думать, взвешивать все «за» и «против». — Затем, немного повеселев, Фируза добавила: — Увидев у Шерали мотоцикл, на второй же день Наркузи тоже приобрел «Яву». Чулбобо до сих пор донимает его этим. — После небольшой паузы она продолжала: — Мне кажется, он целеустремленный, думающий человек. Если он задумает что-либо, обязательно доведет дело до конца. А как любит землю! Вы себе не представляете. Он трудится день и ночь с увлечением, не ради показухи. Всегда верит в свою силу и правоту. Мне кажется, у него есть все качества, необходимые современному человеку. Я сравнивала его с другими и нашла в нем много положительных черт, поэтому и решила принять его предложение.

— Выходит, у тебя ответ давно созрел. Приняла решение, а потом написала матери, — не удержалась Райхан от упрёка.

— Нет, мамочка, не вполне. Я вас ждала. Теперь вдвоем будем решать, что мне сказать: «да» или «нет»? Я ведь знала, что вы, как получите письмо, в тот же день поедете ко мне.

— По твоим словам чувствую: сказать ему «нет» не позволит тебе сердечко. «Да» прочно укоренилось в нем.

Фируза виновато улыбнулась, глядя прямо в глаза матери:

— Не так просто созрел во мне ответ. На это потребовалось много дней, много бессонных ночей, мамочка дорогая! За это время я повзрослела, изменилась и по-иному взглянула на себя. С того дня, как я здесь, Наркузи тоже изменился. За это время я успела узнать, что такое степь, что такое кишлак. Научилась различать людей, ценить настоящих тружеников. Я ценю трудолюбие Наркузи, его увлеченность. Я в нем вижу молодость нашего старика садовода. Он любит землю. И я почему-то верю в его большую любовь ко мне, в его верность. — Но незаметно с рассказа о любви Фируза

перешла на рассказ о своей работе. — Последнее время я занята, мамочка, вопросом о тугаях,— это сложное дело. Он и в этом вопросе понял меня, поддержал. Вчера сказал: «Поручите это дело довести до конца мне!» Не каждый согласится, моя родная, взять на себя такую ответственность — сжигать тугаи, высушивать болота, превращать их в посевные поля. Ведь на все это потребуется целая человеческая жизнь. Наркузи понял мою мечту и хочет быть рядом со мной в выполнении этого большого дела. А за большое дело мы боремся во имя народа, во имя будущего. То, что он понимает меня, разве это не главное?

— Конечно, это очень важно, когда люди понимают и поддерживают друг друга.

Сомнения матери, не поверхностное ли это увлечение, не «слепая» ли любовь, рассеялись. Она почувствовала, что это обдуманый шаг, проверенные отношения. В словах дочери были и горячее чувство, и контроль разума.

Рассказ Фирузы об избраннике ее сердца успокоил мать. Райхан мечтала именно о таком друге жизни для своей единственной дочери. К тому же они и работать будут вместе, а ей всегда казалось это очень важным.

Теперь Райхан охватило новое беспокойство. Она поняла неизбежность свадьбы. Как всякая мать, Райхан издавна мечтала достойно проводить дочь в новую жизнь. В каждую зарплату она умудрялась отложить хоть немного денег, чтоб приобрести все необходимое для будущей семьи: посуду, белье, занавески...

Но ведь легко сказать — свадьба, а справить ее не так-то просто. Особенно теперь, когда дочь ее стала агрономом. Она теперь знаменита не только в одном кишлаке, а на весь район. Свадьбу надо справить достойную ее звания и положения...

Райхан, наконец почувствовав усталость, положила голову на подушку и полупшепотом сказала:

— Прежде чем дать ответ Наркузи, мы с тобой должны хорошенько подумать об одном деле.

Фируза вопросительно посмотрела на мать.

— О каком, мама?

— О свадьбе! Я вижу, здесь у вас в кишлаке и тебя, и Наркузи очень уважают. Все уже догадываются, ждут день торжества. Ты же слышала, неспроста ведь

женщины затеяли разговор о свадьбе. Выходит, весь кишлак ждет эту свадьбу...— И вдруг заблестели слезы на глазах у Райхан.— Если бы был отец! Не мне бы довелось решать эту задачу...

Фирузе и в голову не приходил вопрос о свадьбе. Она думала обо всем, что связано с именем Наркузи, но только не о свадьбе.

Слова матери озадачили девушку.

— Необходимо время, чтобы подготовиться, нужны деньги. Ты подумала об этом?— принялась объяснять дочери Райхан.

— Не думала, мамочка, но о деньгах не беспокоюсь,— ответила Фируза.

Чтобы замять этот разговор, она встала и направилась к клумбе, немного постояла там, вернулась к матери и погасила свет.

Свет погас, но в саду не стало темней, наоборот, все осветилось розовато-голубоватым сиянием. Восточный небосклон засветился: утро спешило к людям.

Летний рассвет имеет свое неповторимое очарование. Сад наполнился прохладой, ароматом. Начали просыпаться птицы. Фируза подошла и села возле матери.

— Слышите, мама, как поет?

— Соловей?

— Нет, майна,— ответила Фируза, внимательно прислушиваясь к песне.— Черная майна. Подражает соловью. Гнездится вон на той орешине.

Действительно майна умело подражала. Но в это время возле самой постели, где-то в гуще ветвей урючны запел соловей.

— А вот это соловей, слушайте, мама. Я хорошо знаю его, он второй год прилетает сюда. Мы с Чулбобо прозвали его Фархадом. Скоро ему ответит Ширин,— засмеялась Фируза.

Действительно, через некоторое время послышались ответные свисты, и начался дуэт Фархада и Ширин.

— Ну что же ты мне не скажешь, как быть со свадьбой?— спросила Райхан у дочери.

— Мама, вы лучше расскажите, какая свадьба была у вас с моим отцом.

— Ну, какая там свадьба! Мы с ним были бедными студентами. Была студенческая свадьба.

— Тогда для вас не имело значения, какая свадьба — пышная или бедная?

— Мы были рады, что вместе! — ответила Райхан.

— Теперь, мама, вашими устами глаголет истина! — шепнула Фируза и легла рядом с ней. — Разве мы с вами, мама, сейчас разбогатели? Справим и мне скромную свадьбу, такую же, какой была ваша. Разве дело в свадьбе? Вы ведь, родная, хотите моего счастья? Наркузи тоже не нужна пышная свадьба, ему нужно счастье. Вот мы и воспользуемся вашим приездом. Справим небольшой вечер, пригласим близких друзей и закрепим, если так уж положено, наш союз. Если бы счастье зависело от пышных, богатых свадеб, мир полон был бы несчастными. Неправда ли, мама?

Райхан, поглаживая шелковистые волосы Фирузы, шепнула:

— Верно, доченька, верно!

Фируза, как в детстве, прижалась к матери, крепко обняла ее.

А соловьи продолжали свои песни-гимны, воспевающие доброе утро и приветствующие светлые мечты людей.

Глава шестнадцатая

Чулбобо лег позже всех и встал раньше всех.

Так каждый день: встает с птицами, а ложится после того, как все уйдут спать.

Однажды Фируза спросила:

— Почему вы так мало спите?

— Хочу долго жить!

Фирузу удивляло: несмотря на короткий отдых, он не уставал: наверное, его беспокойный характер и суетливость давали ему новую силу и энергию. Он постоянно жил в труде и хлопотах.

Казалось бы, Чулбобо за свою долгую жизнь потрудился на славу, ему бы отдыхать теперь без всяких забот, но он не таков. Наоборот, если у него не было своих забот, он брался за дела других. И поэтому хлопот у него всегда было хоть отбавляй.

Если вы решите подшутить над ним и скажете, что корова какого-нибудь колхозника дает красное моло-

ко, он не поленится пойти узнать, правда ли это. Любопытность и пытливость никогда не оставляли его.

Вчерашний разговор женщин, который он слышал краем уха и о котором ему рассказала тетушка Ханифа, сократил и без того короткий сон старика. Всю ночь он думал о предстоящей свадьбе.

Во-первых, где должна быть эта свадьба? Не в ташкентском же доме Фирузы — далеко! Если в доме у жениха, невеста может обидеться. Поэтому свадьба должна быть в доме у него. «Об этом даже незачем советоваться с кем-либо, вопрос ясный», — решил Чулбобо.

Он поднялся, едва только зарозовело небо. Направляясь к лошадям, увидел выходящую из ворот Фирузу.

Она подошла к старику.

— На работу спешу, — сказала Фируза и, вытащив из сумки голубой конверт, протянула его старику.

— Пожалуйста, если зайдет Наркузи, передайте ему.

Бережно, стараясь не смять конверт, старик положил письмо в карман, потом вывел коней и повел их к каналу, протекающему за его садом, чтобы искупать и напоить.

Он посмотрел в поле, и ему показалось, что кто-то там мелькнул и исчез. «Вроде на Наркузи похож, но что ему делать на чужом участке, да еще в такой час?» — подумал старик.

Искупав коней, Чулбобо привязал их и, взяв кетмень, принялся ровнять землю возле ворот. Увлечшись, он не заметил человека, подошедшего к дому. А тот, увидев старика, спрятался за угол. Через несколько минут он появился из-за другого угла дома.

Чулбобо на сей раз разглядел его, но продолжал работать, не желая смущать бедного парня. Это был, конечно, Наркузи. Видя, что старик не собирается уходить, он вышел из-за угла дома, подошел близко к старику и, сложив руки на груди, робко поздоровался:

— Ассалам алейкум!

— Валлейкум ассалам! — без особой радости ответил старик.

— Так рано... — начал было Наркузи, но старик,

облокотившись на рукоятку кетменя, посмотрел на него испытующе.

— А ты сам почему спозаранку бродишь? Ни я, ни мой дом не свеча, чтобы ты, вроде бабочки, кружился вокруг нас! Эх-хе... — весело подмигнул Чулбобо, разглядывая Наркузи, его новый серый военного образца костюм, широкий лощеный коричневый ремень, блестящие черные сапоги, новую тюбетейку.

— Эх-хе... вижу, у тебя сегодня праздник, сынок!

— Вы говорите о свече, — сняв тюбетейку и хлопывая ею о ладонь, начал Наркузи... — В вашем доме находится не свеча, а солнце. Понимаете, солнце!

— Опоздал, сынок, — сказал старик, вытаскивая из кармана конверт. — Солнце, поручив вам передать это письмо, отправилось на работу.

— Мне письмо! — радостно воскликнул Наркузи. — Давайте, — протянул он руку.

— Не торопись, дорогой, — отступил Чулбобо. — Придется выкупить тебе письмо. — Старик продолжал пятиться. — Выкупай!

— Выкупом меня не испугаете, — покраснел Наркузи. — Ваши условия? Я готов на все!

— Вот мои условия... — лукаво прищурил глаза старик, — будем читать письмо вместе!

— Э нет! Лучше требуйте у меня лошадь, верблюда или что хотите еще.

— Мне не нужно ни лошади, ни верблюда, сынок. Зачем они мне сейчас, на тот свет, что ли, я их с собой возьму? Мне нужно ваше счастье! Идем, зайдём ко мне, прочтем письмо и посоветуемся насчет свадьбы. Подумаем, прикинем!

— Мне неловко, там ее мать...

— Вот тебе на, какой стеснительный жених! Говоришь, неловко? Ну раз так, то найдем другое подходящее местечко.

Чулбобо протянул ему письмо и направился к старому каналу, к тутовникам. Выбрав подходящее место, старик присел, облокотившись о ствол. Наркузи опустился рядом.

С большой осторожностью, словно ларец с драгоценностями, открыл он конверт. Вытащив вчетверо сложенный листок бумаги, обе стороны которого были

исписаны мелкими буквами, он принялся было читать про себя, но старик запротестовал:

— Читай громче!

Наркузи, с нетерпением ждавшему это дорогое послание от любимой, хотелось читать одному, хотелось быть наедине с самим собой. Он сердился на Чулбобо, но где-то в глубине сердца понимал старика, понимал, что тот интересуется не из любопытства, а хочет помочь молодым.

Наркузи, покраснев от волнения, запинаясь, принялся читать:

— «Уважаемый Наркузи-ака! Помните, осенью, когда вы настаивали на ответе на ваше предложение, я сказала вам, что как только я решу этот вопрос, немедленно отвечу. И вот сегодня, после долгих размышлений, раздумий, проверив свои чувства к вам, решила написать. Извините, что долго заставила вас ждать. Это зависело не от меня, зависело от времени, от сердца.

Сегодня до самого рассвета проговорила с мамой, а когда она заснула, я пишу вам, надеюсь, что утром вы обязательно зайдете к нам и получите это письмо.

Буду с вами откровенна: вы мне всегда нравились. Меня всегда радовали ваши успехи, огорчали неудачи. Мне нравится ваше упорство и мужество. Вы любите землю и привязаны к ней. Вы заботитесь и думаете о будущем Голодной степи. В первое время мне представилось все это немного наигранным, как говорится, для показухи. Но постепенно подозрения мои рассеялись.

Еще меня настораживали некоторые факты вашей прошлой жизни.

По-видимому, и для вас есть некоторые неясности в моей биографии — мои отношения с Шерали. Я уверена, что мою многолетнюю дружбу с ним вы поняли немного по-иному. (Вы настороженно и раздраженно вели себя при встрече с ним). Впредь знайте: он мой искренний доброжелатель и большой друг, поэтому прошу вас относиться к нему, как к настоящему другу.

Было достаточно времени нам приглядеться друг к другу. Были у нас и споры и стычки, но все это не отдалило нас друг от друга, а, наоборот, сблизило. По-могло раскрыть нам наш внутренний мир.

О наших отношениях я подробно рассказала маме. Даже вчерашний разговор об освоении заболоченных земель и о том, как вы поняли меня. Я описала ей вас как самого близкого друга.

Я понимаю жизнь как отражение любви. Если любовь наша будет красивой, содержательной и вместе с тем свободной, то и жизнь наша будет красивой и содержательной. А все вышесказанное основывается на доверии. Если потеряется доверие, красота превратится в безобразия, радость — в печаль. Я пишу так, чтобы на нашем сложном жизненном пути мы могли бы достигнуть счастья. Мы должны верить друг другу. Самое страшное, если мы потеряем доверие друг к другу. Мы с вами встретились на поле боя, называемом Голодной степью! И здесь у нас много друзей, работающих с нами бок о бок. Но есть и недруги, вроде Мирхасила, Зулукхан и прочих «комаров»... Возможно, найдутся желающие омрачить наше счастье, посеять раздор. Поэтому я хочу спросить, не попадете ли вы в их сети? Сможете ли оградить от них себя и защитить меня?

Я полюбила вас, полюбила навсегда! Проверила свои чувства. Отдаю свою судьбу в ваши руки. Мечтаю быть не только женой, но и верным вашим другом.

Любящая вас Фируза».

— Молодец, доченька! Вот это я понимаю! Сказала все, что на душе. Что ни слово, то золото! Иначе и не могло быть. Умненькая моя дочка! Рассудительная!— восхитился Чулбобо.— Поздравляю тебя, Наркузи!

— Благодарю, отец, благодарю,— ответил Наркузи и принялся перечитывать письмо.

— Ты что? Сомневаешься, не веришь глазам? Читай не читай, понятно одно: она тебя любит! Наркузи, ты запомни это на всю жизнь и будь достоин ее. Тебе повезло, сынок! Ты в рубашке родился!— засмеялся старик.

— Выходит, в рубашке,— ответил Наркузи.

Аккуратно сложив письмо, он положил его в карман, потом на радостях принялся обнимать старика.

— Эй ты, потише, слышишь, как хрустят мои старые косточки?— кричал Чулбобо, осеобождаясь из объятий Наркузи.— Ты иди скорей домсй, обрадуй

мать. Сообщи ей о согласии Фирузы. Надо подумать о свадьбе!

Услышав слова старика, опьяненный счастьем Наркузи пришел в себя.

— Как посоветуете, дорогой отец, как быть со свадьбой? Когда?

— Нет, голубчик, ты сейчас иди домой. Это не делается на ходу, — словно ребенку, принялся объяснять старик, отчеканивая каждое слово. — Поди, расскажи обо всем матери. Вечером приходите с ней ко мне домой. Я приглашу Аширала, вот и посоветуемся. Но запомни одно: свадьба должна быть по-новому, по-колхозному. Детали уточним на семейном совете. Понял?

— Понял, да еще как понял!

Наркузи, словно окрыленный, рванулся было к себе домой, но старик, усмехнувшись, крикнул ему:

— Что же ты пешком? Где твоя тарыхтелка?

— Вечером обязательно прибуду на тарыхтелке!

— Смотри, не разочаруй нас, — засмеялся старик.

Глава семнадцатая

Последнее время Мирхасил стал часто жаловаться на сердце. Он говорил: «Хоть земля еще не перевернулась и небо не свалилось на мою голову, очень беспокойно на душе, нехорошо на сердце».

Предчувствуя неприятности, он потерял покой, лишился сна.

Вот и сегодняшняя ночь оказалась тягостной. Стоило ему закрыть глаза, как сердце сжималось от страха. Так называемые мелочи, которым он раньше не придавал значения, теперь вставали перед ним во весь свой рост. Особенно его угнетал отчет Фирузы об экономике колхоза.

В комнате было душно. Запах коньяка и духов вызывал тошноту.

Мирхасил тихонько встал с кровати и подошел к окну. Распахнул его, и свежий ветер, благоухающий медом и цветами, наполнил комнату. Подставив оголенную грудь ветру, жадно глотал свежий воздух. Дышать стало легче, но не исчезли страшные мысли, их не могли бы разогнать даже степные бураны.

Мирхасил долго стоял, глядя на звездное небо. Каждая звезда мерцала, посылая на землю зеленоватые лучи. Лучи казались Мирхасилу чистыми, а мерцание звезд ясным и холодным.

«Если есть жизнь на других далеких планетах,— подумал Мирхасил,— наверняка там не ломают голову над вопросами о заболоченных землях, о новейшей технике, не заботятся об исправлении дурного настроения жены...»

Как бы хотел он сейчас перебраться в эти далекие спокойные миры и оттуда, сверху, взирать на эту бренную землю.

Мечты его были немощны, как легкое дунсвение ветерка.

Много у Мирхасила причин для бессонницы. Председателя мучил вопрос: «Что изменилось — я или время?» Ответ кратко не формулировался.

Конечно, он не изменился, остался таким же, каким был и двадцать лет назад. Как говорят, «истертый та? в старой бане». Он руководит колхозом так же, как и двадцать лет назад. Он в течение этих двадцати лет считал себя единственным хозяином в колхозе и сегодня не отрекся от этого. Он считает всех своими подчиненными. Все до единого, начиная от рядового колхозника и кончая агрономом и бригадирами, должны беспрекословно подчиняться ему. Следовать по линии, которую он им начертал. Пусть только попробуют не подчиниться! О, тогда им не сдобровать. Собрания правления собираются лишь для того, чтобы утвердить то, что он решил. Не может быть никаких поправок или выступлений против его мнения.

А у него, председателя, одна лишь задача: любыми путями, любым способом выполнить план, спущенный ему сверху.

Категорически воспрещается пересматривать, обсуждать или вносить изменения в заданный колхозу план. Во что бы то ни стало его надо выполнять.

Мирхасила не трогало, что его поговорка «продай лошадь, продай арбу, а выполни план!» набила оскомину колхозникам, раздражала людей. Он продолжал твердить эту любимую пословицу изо дня в день. Если кто-нибудь из бригадиров осмеливался предложить обсудить план и обязательства, Мирхасил тут же обру-

шивался на смельчака: «Вам не известно, что план утвержден и подписан в верхах?»

Понятия Мирхасила о планировании были своеобразны. Если даже план не соответствовал возможностям колхоза, вместо того, чтобы пересмотреть его и отказаться от непосильных для колхоза заданий, председатель цеплялся за него безоговорочно, пренебрегая правами на мнение других членов правления. Но зато понятия о своих правах он имел слишком уж преувеличенные. По его мнению, никто не был властен ограничить председательские права. Он считал, что председатель может пользоваться колхозным фондом, брать все, что ему потребуется. Например, для председателя колхозники должны посеять и собрать два-три гектара рису, на колхозных фермах должны быть его личные бараны и коровы. А фрукты из колхозного сада он может продавать на столько денег, сколько вместят его карманы.

Личные гости председателя принимаются за счет колхоза. Личные шофер и повар получают в колхозе трудодни. Он разъезжает по курортам тоже за счет колхоза.

Мирхасил, может быть, где-то в глубине души понимал свою неправоту, а действовал так, словно колхозный устав написан для колхозников, но не для председателя. Этим убеждением он руководствовался долгие годы. Поэтому последнее время его начала преследовать мысль и до боли сверлила мозг: «Я изменился или время?»

Вчерашние два события окончательно сбили его с толку и заставили призадуматься.

Вчера на совхозно-колхозном собрании в присутствии колхозного актива обсуждался перспективный производственный план, составленный Фирузой. В нем были поставлены следующие задачи: расширить посевные площади за счет заболоченных участков и залежных земель, на освоенных участках увеличить посев хлопчатника, развивать животноводство, разводить сады, виноградники, огороды, рисовые поля.

Освоение заболоченных земель и тугаев должно производиться за счет неделимого фонда колхоза в течение трех лет.

По подсчету Фирузы на освоение потребуется полто-

ра миллиона рублей. Но хлопчатник, посаженный на освоенных участках, за эти три года даст около двух миллионов рублей дохода.

Мирхасил, привыкший думать только о ежегодном плане, который давали ему сверху, не мог осмыслить план на будущее. Он решительно восстал против расходования неделимого фонда на уничтожение тугаев.

Но обсуждение в управлении дало неожиданные результаты. Фируза сумела убедительно доказать рентабельность каждого пункта перспективного плана. Она обвинила председателя в косности, отсталости. Она прямо сказала:

— Председатель недопонимает решение пленумов партии. А если, как он говорит, понимает, значит, сознательно пренебрегает ими!

Наркузи поддержал Фирузу и сообщил, что передает свою бригаду Асальхан и уезжает осваивать заболоченные земли. Он взял на себя обязательство к концу третьего года с каждого гектара освоенной земли собрать по двадцать пять центнеров хлопка.

После Наркузи взял слово Чулбобо.

— Пусть лучше сатана сломает себе голову, чем опозорится джигит, — обратился он к Наркузи, подзадоривая его. Он изъявил желание вместе с Наркузи уехать на освоение заброшенных и заболоченных земель.

Аширали поддержал их выступления и отметил достоинства перспективного плана Фирузы, похвалил ее за доскональное изучение экономики колхоза, за знание структуры голодностепских почв, за предложенные ею научные методы обновления хищнически истребленных земель.

Аширали сказал, что сроки сельскохозяйственных работ выбраны правильно. Он подробно остановился на том, какую помощь может оказать правление, и проанализировал метод работы Мирхасила. Он обвинил председателя в том, что в поисках личной выгоды тот откололся от колхозников, от народа. Аширали предложил в каждой бригаде создать народный контроль, чтобы положить конец председательскому своеволию и пренебрежению колхозным уставом.

Это окончательно вывело Мирхасила из строя. Его мучило сознание, что впредь он не будет полномост-

ным хозяином в колхозе: его права отныне ограничены. Теперь все его дела будут визироваться народным контролем. Он сможет остаться на своем посту лишь при условии, если будет подчиняться колхозному уставу, решениям правления, желаниям всего коллектива колхоза...

У Мирхасила озябла грудь, он накинул на себя халат и на цыпочках, чтобы не разбудить Зулуку, побрел в сад. Вокруг водоема горели огромные шарообразные фонари, надетые на белые гипсовые тумбочки. Ильхамча забыл погасить их. Мирхасил подошел к водоему и облокотился на одну из тумбочек. При ярком электрическом свете в водоеме плавали рыбки. Мирхасил долго следил за одной большой рыбой и вдруг сравнил себя с ней. Разве он до сегодняшнего дня не плавал, подобно этой рыбке, не резвился за счет колхозных богатств!? А теперь? А теперь в любую минуту он мог попасть на удочку... Перед глазами мелькнуло заглавие газетной статьи: «Посты народного контроля». Он прочел только заглавие, а статью прочесть не удосужился. «Надо было прочесть. Сейчас пригодилось бы», — подумал Мирхасил. С досадой он резко повернул выключатель и погасил свет. Над водоемом повис густой мрак. «Вот так же должен я поступить и с постами народного контроля», — решил Мирхасил. — «Надо на их пути погасить свет, пускай они путаются впотьмах!»

Второе событие, приведшее Мирхасила в смятение, показалось ему даже важнее первого. С этим он столкнулся после заседания правления, когда направился в областной центр. Он оказался свидетелем того, как один из начальников, который часто по телефону давал ему указания и часто приезжал к нему в гости, на которого председатель опирался, как на могучую скалу, свалился с шумом и треском со своего высокого кресла.

Когда Мирхасил появился в областном центре, секретарь бывшего руководителя не замедлил доложить новому о его приезде. Неспроста же из Голодной степи, в самый разгар полевых работ, приехал прославленный председатель. Безусловно, у него какое-то важное дело.

Мирхасил, приехавший в Ташкент к своему покровителю с жалобой на новый перспективный план, был

вынужден незнакомому человеку, робея и запинаясь, изложить этот план.

Возможно, прежний руководитель принял бы меры, чтобы затормозить дело, или тянул бы время под разными предложениями. Но новый посоветовал обратиться в колхозно-совхозное производственное управление, утвердившее перспективный план колхоза «Радостный труд», чтобы ускорить его осуществление. Он объяснил к тому же Мирхасилу права и значение управления в осуществлении перспективного плана колхоза. Предупредил, что, если Мирхасил не будет выполнять этот план, вмешается областной партийный комитет.

Возвращаясь в Голодную степь, Мирхасил после долгих раздумий пришел к выводу: «Изменилось время, изменились люди. Изменилось их сознание».

Опять завертелась в голове мысль о народных контрольных постах... Обвинения, брошенные ему Фирузой и так ярко поддержанные Аширали...

По словам Аширали, посты народных контролеров должны все отрасли колхозного производства взять под свой надзор, истребить очковтирательство и подделки. Под надзор будет взята деятельность правления, поля, сады, животноводческие фермы, культурные учреждения кишлака. Все это ладно...

Но с каждым часом все больше и больше председателя расстраивали слова, сказанные Аширали: «Посты народных контролеров должны стать бсевым помощником колхозного правления, партийной организации и самого председателя!»

Мирхасил засунул руки в рукава халата и, запахнувшись, оставив возле террасы калоши, босиком поднялся по ступенькам. Включил свет. Ярко засверкала многоярусная люстра. На полу, среди множества бархатных и атласных одеял, похрапывали Халмат и Ильхамча.

Мирхасил, толкнув их ногой, буркнул:

— Вставайте!

Ильхамча, вскочив на ноги, тут же принялся убирать за собой постель. Халмат, облакачиваясь на подушки, кричал, пытаясь последовать примеру Ильхамчи.

— Вставайте,— повторил машинально Мирхасил, хотя они уже встали.— Есть важный разговор!

Ильхамча и Халмат в знак уважения и покорности, скрестив на груди руки, опустив головы, замерли перед хозяином.

— Садитесь!— скомандовал он.

Присели.

— Вот что, братья,— озабоченно нахмутив брови, начал Мирхасил.— Мне кажется, что назревает скандал.

— Не может быть!— воскликнул хитрый Ильхамча, словно ничего не понимая.

— О аллах всемогущий!— с испугом прошептал горбун.

— Меньше надо болтать,— оборвал его Мирхасил. Стараясь подавить волнение, он то и дело хлопал дрожащими руками по коленям.— Вы, Халмат-ака, сейчас же оседлайте вороного иноходца и поезжайте на ферму. Передайте Салиму, пусть приведет в порядок учетную книжку. Если нагрянет комиссия, как говорится, чтобы комар...

— Понял, понял, хозяин,— многозначительно перебил Халмат, не дав Мирхасилу закончить.

— Ты, Ильхамбай, сейчас же пойди в правление. Открой сейф, приведи в порядок все документы. Я скоро приду к тебе. Вместе просмотрим, проверим...

— Слушаюсь, хозяин!

Мирхасил не успокоился после ухода Ильхамчи и Халмата. Наоборот, озноб усилился. За последнее время он растратил много денег. Особенно на дом, который строила жена в Ташкенте. Трудно покрыть такую большую сумму поддельными документами. «А что, если народные контролеры поднимут все документы и тщательно примутся проверять?— похолодел он от страха.— Двадцатилетний стаж, большой авторитет превратятся в жалкий пепел»,— безжалостно ответил он себе. словно ледяной ком, засели эти мысли в голове.

«Подобно вон той последней звезде на небе, померкнет звезда на груди моей! Неужели я должен жертвовать своим авторитетом, состоянием, славой ради Зулуки? Не она ли толкает меня в пропасть?— думал он.— В свое время ради нее я оставил жену с двумя малолетними сынишками». Теперь они выросли, но не признают отца. А почему? Из-за Зулуки. Она не раз-

решала ему бывать у детей, когда он им был нужен, когда им требовались совет и поддержка отца. Она не любит детей, считает их обузой. Ее девиз: «Надо жить для себя!»

Действительно, Зулука была верна своим принципам, приняла все меры, чтобы не было в доме детей — ни своих, ни Мирхасиловых. «По сей день Зулука не отказалась от своих взглядов на жизнь, а я? — продолжал думать Мирхасил. — Я, рискуя своим положением, авторитетом, воруя деньги!.. Когда я вернулся из Ташкента, она вот на этом месте, на террасе, с Ильхамчой пила коньяк, веселилась, а Халмат жарил шашлык. И разве это один раз?..» — вспоминал председатель.

Она не поинтересовалась делами мужа, хотя и видела его подавленное настроение. Покормив его ужином, пошла спать. Вот и теперь продолжает храпеть.

«А ты, вроде зверя, изворачивайся, чтобы не попасть в капкан. Что ей? Если погонят из кишлака, поедет в город — там у нее дом, машина, в кассе деньги... Примет ли она меня там?» — спрашивал себя Мирхасил и затруднялся ответить.

Последнее время не по душе ему было отношение жены к Ильхамче. Он часто заставлял их то на террасе за коньяком, то в ее комнате.

«Вот так тебе и надо, Мирхасил! — укорял он себя. — Зулукхан, Зулукхан, а распутывайся за всех Мирхасил!.. Зулукхан... Разве она вышла из игры? — спросил он у себя. — Нет!»

Он вспомнил отношения Зулуки с Наркузи в те далекие годы.

«Старая, погасшая любовь жены может теперь засверкать и сыграть большую роль. Подобно ядовитой стреле, поможет сразить моих врагов. Одной стрелой можно уложить не одного, а сразу трех». Если свалить Наркузи, значит, можно будет повременить с освоением заболоченных земель, все силы бросить на новые земли, собрать грандиозный урожай и блеснуть в списках передовиков. Во-вторых, если свалится Наркузи, свалится и Фируза. Тогда опять будет Мирхасил командовать, пока они не оправятся. А там подойдет осень, начнется сбор хлопка, людям будет не до тугаев.

В-третьих, провал Наркузи ляжет позорным пятном и на Аширали, который поддержал его кандидатуру в

освоении тугаев. Пока Аширали разберется в этом вопросе и установит истину, пройдет время, а время решит все. Председатель успеет замазать бывшие грехи, может, даже, по-своему используя план Фирузы, останется в колхозе. «Зулука сбила меня с пути, пусть она же поможет мне встать на путь. Пусть она загородит меня от позора. Решено!»

Мирхасил, решив превратить любимую жену в ядовитую стрелу против своих врагов, побрел к ней в спальню.

Глава восемнадцатая

Наркузи, едва начало рассветать, приехал на полевой стан. Еще издали он увидел девушек своей бригады за чаем. Он подошел к ним и, поздоровавшись, пригласил Асальхан пройтись по участкам.

За эти годы Наркузи вложил в свои поля немало труда и жара души, поэтому все здесь было ему мило и дорого. Он любил эту землю, которой отдал свои молодые силы, и земля оценила его труды и щедро отвечала ему, давая такие урожаи, о каких можно только мечтать. Земля прославила его на всю республику, дала имя Степного сокола.

Более пяти часов ходили они вдвоем по участкам.

Сегодня он видел здесь и такое, чего не замечал прежде. Что-то радовало его, что-то огорчало. Каждый кустик, каждый межрядный ручеек были милы ему. Спящую землю разбудили. И сделали это люди его бригады. Сами они рыли канавы, пахали, сеяли. Как свое дитя, изучили они эту землю, узнали все ее склонности, лечили от капризов и болезней. И эта двухсотметровая площадь земли, которую он сегодня оставляет, и тугаи, которые он поедет осваивать, расположены неподалеку друг от друга, но Наркузи чувствует себя так, словно уходит на фронт, и ему, может быть, суждено никогда не вернуться на земли первой бригады. То и дело он останавливался, озирался вокруг, смотрел на поля. Ему хотелось многое сказать, но, едва заговорив, сразу же умолкал: ему казалось, что он говорит не те слова, что чего-то очень нужного он никак не может высказать.

Асальхан, почувствовав состояние Наркузи, остановилась возле тахты под тенистым, раскидистым карагачем, на берегу канала.

— Устала. Присядем. Отдохнем немного. Вы не против, Наркузи-ака?

Он кивнул в знак согласия. Несмотря на самый жаркий час дня, здесь было прохладно, ласково освещал свежий ветерок.

Асальхан украдкой взглянула на печальное лицо Наркузи и мягким, успокаивающим голосом сказала:

— Не забывайте бригаду, навещайте нас почаще, Наркузи-ака!

Наркузи, окинув взглядом пышные кроны платанов, посаженных им шесть лет назад, ответил:

— Конечно, не забуду. Разве можно забыть? Я буду часто приходить к вам. Я вас прошу, Асальхан, не упускайте время. Из-за погоды мы запаздывали с севом, теперь надо наверстать упущенное. Все карты культивируйте одну за другой, щедрее давайте подкормку. Не медлите с поливом. Ночи сейчас лунные, пусть не дремлют поливальщики.

— Не беспокойтесь, Наркузи-ака,— ответила Асальхан, любясь серебристой веточкой джиды, опустившейся до воды и закрутившейся в водовороте течения,— приложу все усилия.

— На днях мы создадим бригаду для освоения тугаев.— Наркузи заговорил о том, что в равной степени волновало и его, и Асальхан.— Из каждой бригады надо будет взять по несколько человек. Вы сможете в своей бригаде управиться без них?

— Конечно, на работе это скажется, будет трудно,— вздохнула она,— но что же делать?

Он попытался ободрить ее:

— Возможно, придумаем что-нибудь другое. «Мирзачульводстрой» обещает бригаду механизаторов. Конечно, постараемся использовать побольше техники, чтобы понадобится поменьше людей. Нужно прорыть новые дренажные каналы. Если не управимся, пригласим вас на субботник. Надеюсь, выручите нас? А, Асальхан?

Она, звонко рассмеявшись, встала.

— Будет зависеть от формы приглашения. А теперь пора на полевой стан: нас, верно, уже заждались.

Подходя к полевому стану, Наркузи увидел там множество людей. Он взглянул на Асальхан.

— Что это такое?

— Бригада решила устроить вам проводы,— улыбнулась Асальхан.— Поспешим. Вон и Чулбобо. Все, как говорится, в полном составе.

Возле полевого стана стоял «газик» Аширали, рабочая «Волга» председателя, мотоцикл, несколько велосипедов. Возле арыка играли дети. Из огромного рупора лилась музыка.

Колхозный радист крутил пластинки по заказам первой бригады.

Наркузи, догадавшись, кто затеял все это, сказал своей спутнице:

— Благодарю вас, милая Асальхан, за внимание.

Она слегка смутилась:

— Не я одна это устраивала. Меня будете благодарить после вашей свадьбы, там я постараюсь отличиться.

— Смеетесь надо мной!

Наркузи подошел к собравшимся и смущенно сказал:

— Спасибо, друзья, что пришли на наш полевой стан!

Он подошел к старикам, уютно пристроившимся в дальнем углу, и почтительно поздоровался с ними.

Аширали усадил Наркузи и Асальхан между собой и председателем.

Наркузи искал глазами Фирузу. Сердцем он чувствовал ее присутствие, но глаза, так желавшие увидеть любимую, не находили ее; Асальхан поняла его и, подтолкнув локтем, краем глаза указала на группу девушек, сидящих на другом конце скамейки. Фируза была среди них. Она смотрела на Наркузи.

Ловкие девушки расстелили перед гостями скатерти и принялись расставлять угощение, появились чайники с ароматным зеленым чаем. От очага, устроенного среди деревьев, запахло жареным луком, мясом,— затевался плов.

Друзья налили чай в пестрые пиалы, наломали горячих лепешек.

Аширали встал. Асальхан выключила радио. Аширали обратился к сидящим:

— Дорогие друзья, сегодня наш передовой бригадир передает свою бригаду нашей уважаемой Асальхан, а сам отправляется осваивать тугай. И другие богатыри, подобно нашему Наркузи, сегодня разъедутся по Голодной степи осваивать новые земли. Об этом легко говорить, но каждому здешнему жителю понятно, сколько надо терпения и мужества для этого, какая нужна самоотверженность, чтобы оставить бригаду, с которой сжился, сработался, оставить обработанные поля, вычищенные каналы, густые сады, бахчи, где уже зреют овощи и вместо всего этого поселиться среди болот и солончаков! Заброшенные болота и солончаки превратятся в золотую долину. Наркузи вместе с такими же упорными людьми, как он сам, создаст новый коллектив.

По подсчетам нашего агронома, новая земля, которая возникнет на месте болот, через три года будет уже вполне освоена и даст урожай: и хлопка, и риса можно будет собирать там столько же, сколько сегодня выращивают передовые бригады нашего колхоза. Будем надеяться, что подсчеты нашей Фирузы осуществляются, потому что осуществлять план будут богатырские руки, жаркие сердца, пламенные души, могучая техника.

Мы желаем Наркузи и его будущей бригаде больших, больших успехов. Желаем ему счастливого пути. Мы гордимся нашим колхозом, вырастившим таких богатырей, как он.

Пусть цветущие сады поднимаются вместо солончаков!

Сердечные слова Аширали заставили членов бригады призадуматься. Они все были огорчены и обеспокоены уходом своего бригадира, даже осуждали его, что он согласился в самый разгар полевых работ оставить их. Считали, что превыше всего он должен ставить интересы своей бригады. Но после слов Аширали они поняли, за какую трудную и славную работу взялся их бригадир. Каждый из них теперь и гордился своим бригадиром, и досадовал, что расстается с ним.

Аширали, переговорив о чем-то с председателем, предложил:

— Товарищи, кто из вас пожелает работать с Нар-

кузи, осваивать тугай? Желающих прошу поднять руку!

Все джигиты один за другим начали поднимать руки. Девушки, переглядываясь и смущаясь, подталкивая друг друга, тоже подняли руки.

Асальхан пробежала глазами по поднятым рукам, спохватилась, что осталась одна, и тоже подняла руку.

Чулбобо, увидев эту картину, на весь полевой стан крикнул:

— Bravo, bravo! — и зааплодировал. Его поддержали и остальные.

На глаза Наркузи навернулись слезы, он ничего не видел. Еолнуясь, он с трудом разыскал в кармане платок и долго вытирал глаза, прежде чем сказать что-нибудь.

Чулбобо крикнул:

— Говори, Наркузи, говори!

— Товарищ председатель, — начал Наркузи, стараясь изо всех сил подавить волнение. — Сейчас здесь не время говорить о допущенных ошибках, но и замалчивать их нельзя. В течение многих лет мы с вами спорим о тугаях. Много раз предлагали мы осушить болота, обработать, поднять и засеять эту брошенную землю. Вы не прислушивались к нам, не хотели прислушаться. Нам по сию пору непонятно, почему вы мешали нам уничтожить болота, солончаки, черные провалы, где разводятся комары, откуда летит всякая мошкара. Бойтесь вы, что ли, что на это понадобится много рабочих рук? Бойтесь, что на случай аврала у вас людей не хватит? А зачем они нужны, эти авралы? Для пользы дела? Ничуть! Только для бахвальства, только чтобы первыми подать рапорт, только чтобы на верхах говорили о вас как о передовиках. Вы любите напоминать о себе как о председателе передового хозяйства. Хорошо, что теперь создано совхозно-колхозное управление, что ныне дана возможность судьбу урожая решать самим хозяйствам. Постараемся не за три года, а раньше не оставить и следа от болот и солончаков. Прибавим колхозу плодородных земель, умножим урожай!

Всех друзей, кто вызвался поехать со мной, от всей души благодарю! Кто останется здесь получать высокий урожай, пусть считает, что тем самым помог нам

уничтожать болота. Я вас очень прошу, берегите освоенные земли! Берегите их как зеницу ока. Везде и всюду соблюдайте агротехнику. Как говорится, болезнь вселяется пудами, а выходит граммами. Земля любит заботу, испортить ее легко, а вылечить трудно! Где бы я ни был, сердцем я буду с вами, друзья!

Эта речь Наркузи, слово за словом, как стрела за стрелой, вонзалась в сердце Мирхасила. Он понял все это как попытку растоптать его авторитет перед народом. Он колебался, выступить или нет? Если выступить, присутствующие подумают, что он обиделся, если нет, то, значит, признать за собой вину. Больше всего он боялся остаться виноватым.

Он встал, откашлялся, но его уже никто не слушал: все поднялись, обступили своего бригадира, обнимали его, пожимали руки. Все хотели высказать на прощание свои добрые чувства к Наркузи, добрые пожелания.

Мирхасил стоял, ожидая, пока люди успокоятся и сядут на свои места. Тут появились девушки с блюдами плова.

Мирхасил, не обращая на это внимания, еще раз откашлялся и начал:

— Товарищи, друзья! За то, что Наркузи едет осваивать тугаи, большое ему спасибо! Но пусть у вас не создается впечатления, якобы ваш председатель враг освоения. Надеюсь, вы поймете правильно, что это ошибочное мнение. Мы с вами подняли целину и перевыполнили планы, сотни тысяч тонн хлопка дали государству. Наконец, вот Золотая Звезда...— ткнул председатель в грудь пальцем и вынужден был замолчать: кто-то из девушек включил радиоприемник, и на весь полевой стан зазвучала песня на слова Зебиниссо, может быть, заранее выбранная и приуроченная к этому прощальному вечеру.

Мирхасил громким басом пробовал было перекричать песню, но его слова ни на кого не подействовали, каждый был занят угощением и беседой с соседями.

После плова Чулбобо от имени всех напутствовал Наркузи:

— Пусть твоя дорога будет светла, дела твои — удачливы, народ — твоей опорой, мечты твои — крыльями! Да сбудутся твои мечты! Скорее сыграть

нам твою свадьбу! А мне еще прожить столько лет, чтобы поняичить не только твоих детей, но и внуков на новой земле!!!

Вся бригада проводила Наркузи до самого большака. Все шутили, смеялись, острословили, только Мирхасилу было не по себе: он простился с Наркузи возле полевого стана и уехал на своей служебной «Волге».

Наркузи посадил в коляску «Явы» Чулбобо. Он обнимался и целовался со всеми, но не упускал из поля зрения Фирузу.

Наконец она отделилась от толпы девушек, подошла к нему и протянула руку:

— Счастливого пути, Наркузи-ака, и больших удач!

Он осторожно, словно хрупкий цветок, сжал ее руку и, печально глядя ей в глаза, ответил:

— Все мои удачи теперь принадлежат вам! Не забывайте!

Под возгласы провожающих, под взмахи рук и платочков сверкающая красная «Ява» тронулась в путь, к северу, на тугаи.

По неровной каменистой дороге Наркузи вел мотоцикл осторожно, чтобы не растрясти Чулбобо, сидевшего рядом в коляске.

Минут через двадцать справа от дренажной канавы встали густые заросли камыша, слева — тут же от самой дороги — начинались и простирались до горизонта плодородные хлопковые поля и зеленые сады, где зрели обильные урожаи.

Проехав километра два вдоль непроглядных камышовых зарослей, Наркузи искусно пересек канаву по мостику, который он сам вчера соорудил на скорую руку, и по узкой тропинке, с обеих сторон обросшей высокими камышами, углубился в заросли. По растоптанному мху, по примятым болотным травам нетрудно было догадаться, что сюда часто заходят охотники.

Перепуганные треском мотоцикла утки вспорхнули вверх.

Чулбобо, повернувшись к Наркузи, спросил:

— Захватил ружье?

Наркузи кивнул головой в сторону узла, привьюченного за сиденьем.

Проехав еще с полчаса, они оказались на просторной поляне, и Наркузи остановил мотоцикл под единственным деревом, раскинувшим здесь кривые изломанные сучья, поросшие чахлыми ветками.

Чулбобо выбрался из коляски, подошел к могучему, в целый обхват, стволу дерева.

— Бедное, осталось одно! — покачал головой Чулбобо. Затем, вернувшись к Наркузи, добавил: — Шалаш поставим здесь.

Наркузи, отвязав мешок, поволок его на поляну, где лежала груда досок. Старик побрел за ним.

— Шалаш шалашом, но я вчера привез эти доски, — сказал Наркузи, развязывая мешок. — Сколотим временный полевой стан. Ведь мы с вами приехали сюда с большими планами.

— Слава тебе, сынок, слава!

Наркузи вытащил из мешка кетмень, топор, молоток, гвозди, патроны, ружье в кожаном чехле.

— Вот отцовская двустволка!

Чулбобо вынул ружье из чехла. Как бы взвешивая, подержал в руках, осмотрел затвор.

— Неплоха! — похвалил старик. — Отец твой был хорошим человеком. Здесь мы с ним когда-то посадили сотни деревьев. Уцелело одно. — Он повесил ружье на ветку и сказал: — Сохрани это дерево как память о своем отце. Не разрешай рубить. Если жив буду, осенью мы здесь с тобой разведем сад. У меня есть несколько тысяч саженцев, все отдам новой бригаде!

— Вы отдохните, отец, — сказал Наркузи, принявшись выравнивать землю под деревом, — я приготовлю место для шалаша.

— Успеется, — ответил старик, грустно разглядывая гнилые пни всюду вокруг. — Я пойду похожу, посмотрю.

Он пошел по поляне вдоль зарослей, и вскоре камыши заслонили его.

Наркузи, увлеченно выравнивая площадку, не заметил, сколько прошло времени. Он уже застилал площадку досками, когда где-то поблизости послышался сигнал легковой машины.

Наркузи выпрямился и, опершись на рукоятку кетменя, прислушался: кто бы мог приехать? В колхозе, кроме председателя, ни у кого нет машин. Но предсе-

датель едва ли снизошел бы до посещения заброшенных участков. Может быть, из районного промышленного комбината насчет камыша? Может, охотники?

Вскоре послышались шаги. Перед Наркузи появилась в нарядном атласном платье председательская жена — Зулукхан.

Она, оступаясь на высоких каблуках лаковых туфель, шла к ошеломленному Наркузи и капризным, обиженным голосом упрекала его:

— Ой, что же это вы удрали на самый край света! Держите же, я упаду. Ой, скорее!..

Наркузи пришлось подойти к ней и поддержать ее. Она тотчас же повисла у него на шее, словно не прошло много лет с того дня, когда совсем еще юный Наркузи сватался к ней. Будто не она с насмешкой растоптала тогда его светлые чувства, заставила пережить горе и боль.

От резкого запаха ее духов у бригадира закружилась голова. Он попытался высвободить свою руку из ее руки, прижатой к груди. Но она сжала ее еще крепче.

— Бросьте вы свой кетмень! — шепнула она, трагически приподняв густо начерненную бровь.

Но он все же вырвал руку из ее цепких пальцев.

— Садитесь! — предложил он, показывая на доски.

Она присела и, сняв туфли, швырнула их на зеленую траву.

— Хоть вы и забыли меня, — сказала она, глядя прямо в глаза бригадира, — я вас не могу забыть! Я думаю только о вас. Вы не искали со мной встреч, а я их искала; вот и нашла, вот и пришла.

Наркузи, сдерживаясь, презрительно взглянул на ее подсурмленные большие глаза, на пухлые карминовые губы, на дорогой жемчуг, украшавший ее шею.

— Зачем пришла? Что тебе здесь надо?

Вместо ответа, приподняв выше колен подол атласного платья, она простонала:

— Вай-вай, как я ушиблась! — и принялась гладить свои тяжелые упругие икры. Повздыхав, постовав, с нарочитой обидой в голосе прошептала: — Слышала, вы собираетесь жениться, вот и пришла. Вы правда женитесь?

— Да, женюсь! А что?

Наркузи почувствовал, что Зулукхан ищет удобный повод сказать ему о чем-то другом, открыть действительную причину своего появления.

Он строго, не выпуская кетменя из рук, спросил:

— Муж послал?

Зулукхан, поняв, что зря теряет время, крикнула, вскочив:

— Да, муж послал. Я пришла с тобой говорить с глазу на глаз. Хочу сказать, чтобы ты со своей возлюбленной убирался вон из колхоза! И как можно скорее!

Наркузи опешил было от столь прямых слов, но, понимая, что она говорит по наущению председателя, твердо ответил:

— Пойди скажи мужу, не на того он нарвался. Я никогда никуда не уйду из своего колхоза. Я никуда и никогда не уйду. Он уйдет. Вместе с ним и ты уберешься отсюда. Колхоз «Радостный труд» должен очиститься от вас, избавиться от таких пиявок. Поняла?

— Не кричи, Наркузи. Лучше сам, по-хорошему, уезжай. — И вдруг, взглянув на него с горячей ненавистью, заговорила так зло, что слова заклокотали у нее в горле: — Иначе заставим тебя! Разладим твою свадьбу, опозорим тебя!.. Если ты и твоя агрономша останетесь в колхозе, вы не дадите нам покоя. Нам от вас житья не будет. Тут останемся либо мы, либо вы...

— Конечно, мы! — уверенно сказал Наркузи.

Он знал, что это ему и его друзьям придется заново осваивать земли, безжалостно погубленные во имя ложного авторитета, славы, денег, алчности.

И уверенно повторил:

— Да, мы останемся здесь. Ты когда-то осквернила мою первую любовь. А теперь я выращу здесь сад в знак своей другой — верной, вечной любви. Будем растить сад вместе с моей любимой, а ты убирайся отсюда, доложи своему мужу, чтобы он тоже убирался вон, пока не поздно, пока мы его не опозорили и пока не испытал он гнева народного. Но он его испытает. Скоро испытает. Вот тогда мы и поговорим с вами.

— Не уйдешь из степи? — повторяла Зулукхан, с яростью в глазах наступая на него. — Не уйдешь?

Чувствуя что-то неладное, Наркузи попятился:

— Нет, не уйду!

— Вот тебе, если не уйдешь! — Зулукхан принялась

рвать на себе платье.— Вот, если не уйдешь! Помогите, спасите от позора!— и принялась царапать ему лицо и руки.— Спасите, мусульмане, защитите от негодяя!

Растерявшийся Наркузи, словно отбиваясь от роя пчел, отталкивал руки разъяренной жены председателя.

Но она кричала громче и громче, призывая на помощь. На ее крик с поляны, запыхавшись, прибежал Чулбобо, а из камышовых зарослей — колхозный кассир Ильхамча и сторож Халмат. Старик стоял, испуганно глядя на Зулукхан, на ее изорванное платье. Халмат с Ильхамчой кинулись на Наркузи. Но он легким пинком свалил Ильхамчу, а Халмата не тронул.

— Если б не твоя седая борода, знал бы я, как управиться с тобой,— сказал он, хмуро глядя на горбатого Халмата,— отойдите подальше от греха!

Увидев растерянных своих соучастников, Зулукхан накинулась на них:

— Бабы вы или мужчины? Вы смотрите, как подлец покушается на честь женщины, да? Свяжите этого негодяя!

Халмат с Ильхамчой собирались было снова кинуться на Наркузи, но им пригрозил Чулбобо.

— Стыдно!— сказал он, встав перед Зулукхан.— Что подумают люди? Бесстыжая, не могла придумать ничего другого? Садитесь, вы!

Халмат и Ильхамча, словно воры, пойманные на месте преступления, виновато присели на край доски.

— И ты садись с ними!— приказал Чулбобо растерянной Зулукхан.

Распустив волосы, она принялась причитать:

— Вот она, наша женская доля. Никто не заступится за нас... Все только и думают...

— Садись! Сейчас приведу остальных, пускай поглядят на твой спектакль,— продолжал старик.

Эти слова отрезвили ее. Она покорно села рядом со своими дружками.

— Вот что, негодяи,— обратился к ним старик.— Сейчас же сматывайте удочки на своей «Волге». Катитесь домой, иначе я свяжу вам руки-ноги, лица намажу сажей и отвезу в правление на посмешище народу. Тогда будете знать, как позорить честного человека! Решайте, что вам больше подходит?

Ильхамча низко нагнул голову. Халмат, куда-то убрав горб, косился, как битый волк, на Чулбобо. Зулукхан, как ни в чем не бывало, вытащив из сумки веркальце, принялась прихорашиваться.

— Нам нечего бояться вас! Это еще только цветочки, ягодки впереди.

Наркузи, погрозив ей, с ненавистью сказал:

— А с тобой я рассчитаюсь при народе!

Он решил, пренебрегши насмешками и всякими криволотками, вывести всю историю на чистую воду.

— Верно говорите,— обратился он к Чулбобо,— давайте повезем их в правление. Надо ошпарить кипятком гнездо этих крыс.

Халмата и Ильхамчу охватил страх.

— Зачем ссору выносить из избы?— взмолился, глядя на Зулукхан, Ильхамча.— Мы сами оплошали.

— Прости нас, братишка,— поддержал Ильхамчу Халмат.— И вы успокойтесь, Зулукхан.

— Стань на колени, негодница, проси прощенья у Наркузи,— приказал старик председателюше.

Наркузи удивленно посмотрел на старика.

— Так нужно! Кому говорят, кланяйся в ноги!—скомандовал Чулбобо.— Иначе и тебя, и мужа опозорим на весь свет.

Зулукхан, почуяв провал всей затеи, стала на колени перед Наркузи, протянув к нему пухлые руки, и не без кокетства потупила глаза.

— Ну, извини меня, Наркузи. Ну, виновата...

— Вставай, грязная девка, убирайся!— сплюнул старик.— Все убирайтесь, не поганьте эту землю.

Зулукхан, опираясь о плечо Ильхамчи, засемила мелкими шажками. Вслед за ними поковылял Халмат.

Вскоре из-за густых зарослей послышался гул мотора. «Волга» ушла.

— Почему мы отпустили этих негодяев?— сожалел Наркузи.— Надо было доставить их в правление и разобраться!

— Можно было, но...— Чулбобо, постелив на доски халат, прилег,— успеем мы их наказать. А твою свадьбу не стоит омрачать всякими толками да пересудами.

— Пожалуй, это верно...— задумчиво согласился Наркузи и отошел к дереву, чтобы разжечь огонь под закопченным чайником.

Глава девятнадцатая

Каждое сердце бьется с надеждой. Каждая душа стремится к любви. Нет ни одного человека без мечты, без сокровенных надежд.

Шерали не удалось скрыть от пытливых и внимательных друзей в Янгиере свое огорчение и разочарование от поездки в колхоз «Радостный труд». Он потерял надежду на любовь Фирузы.

Жители «красного вагона» во главе с Ахмеджаном-старшиной взяли его в оборот и заставили открыть им свое сердце. Шерали подробно рассказал о своей поездке, о том, как рано утром встретился с Фирузой, как гостил у Чулбобо, как познакомился с Наркузи, который нравится Фирузе.

Ребята не одобрили его: не так, как следовало бы, вел он себя с любимой девушкой. Не согласились с мнением Шерали, что Наркузи очаровал ее, и поэтому она была недостаточно внимательна к Шерали. Добиваться внимания красивой девушки, ухаживать за ней может не один, а десять парней. Это, конечно, не значит, что девушка увлечется первым попавшимся. Фируза не из таких, которые быстро очаровываются и быстро разочаровываются. Судя по рассказам самого Шерали, друзья представляли ее иной, поэтому они не верили его впечатлению и каждый раз снова и снова перебирали все подробности, спорили, пытались добраться до истины. А когда он особенно горячился, убежденно заявляли:

— Если она полюбила другого, забудь ее. Значит, она не любила тебя!

Однажды в разговоре с друзьями Шерали как-то вскользь упомянул о рассуждениях Фирузы, об отношении девушки к землям своего колхоза, о том, как ее волнует идея освоения заболоченных полей, рассказал, что она уже начала борьбу с хищническим отношением к голодностепской земле, о ее решении навсегда остаться в колхозе «Радостный труд». Видно было, что эти вопросы не очень-то его волнуют, вот он и не придал им никакого значения.

Вот тогда джигиты начали распутывать узелок. Им стало ясно, где оплошал Шерали. Он не разделял ее

мечтаний и планов, не вник в сущность ее стремлений. Он твердил свое: «Я приехал увезти тебя в Янгиер!»

Здорово досталось тогда Шерали.

— Птенчик желторотый! — волновался Ахмеджан-старшина. — Так легко не уступают девушку. Надо было разобраться в ее желаниях, раз она хочет остаться в том колхозе, надо и тебе туда перебраться. И Янгиеру, и колхозу в степи — ты нужен везде. Тебя бы поняли. Ты помог бы ей!

Решили, что Шерали должен срочно написать письмо Фирузе. Но сам Шерали заколебался. Вместо того, чтобы скорее исправить свою ошибку, он усугубил ее. Он боялся, что Фируза его поймет неправильно, вообразит, что он бежит к ней, чтобы уйти от трудностей, что ему просто надоед «красный вагон».

Он под разными предложениями так и не написал письмо любимой девушке, но в глубине души надеялся, что, если она действительно его любит, напишет сама и тогда ему будет легче открыть ей сердце.

Шерали злился на самого себя, укорял себя за то, что не смог договориться с Фирузой в колхозе, что не признался ей еще в Ташкенте. Он знал, что упустил свое время: ведь каждый из них догадывался об отношении другого, но каждый вместе с тем ждал, пока все само собой разрешится, без его или ее помощи.

Некоторое успокоение находил Шерали в работе. Он раньше всех забирался в кабину экскаватора и допоздна оставался там, избегая вопросов товарищей: написал ли письмо, получил ли ответ, когда едет к ней.

Так протекли три месяца после поездки в колхоз «Радостный труд». В середине августа ему наконец пришло письмо от Фирузы. Шерали не было дома. Джигиты, переместившие свои «красные вагоны» на земли семнадцатого совхоза, с нетерпением ждали возвращения Шерали. Они все, как один, были уверены, что это ответ на его письмо, и жаждали услышать от Шерали радостную для всех новость.

Шерали вернулся усталый. Он тяжело поднялся по ступенькам вагонной лесенки, поздоровался с друзьями и присел на свободную табуретку. В последнее время он перестал следить за собой, давно не стригся, редко брился.

Ахмеджан-старшина вытащил из кармана заветный

конверт и принялся размахивать им перед лицом Шерали.

У парня засверкали глаза, заиграла на губах улыбка.

— Не мучай! — воскликнул он, протягивая руку.

Старшина вручил ему письмо. Все умолкли, словно примерные ученики в классе.

Шерали подошел ближе к фонарю, открыл конверт и принялся читать. Быстро, словно его подгоняли, пробежал глазами листок. Побледнел. Ноги подкосились, задрожали руки...

Джигитам тоже стало не по себе. Они почувствовали что-то неладное.

Он молча подошел к вагонному окну и уставился на мигающие огоньки совхозного поселка.

В каждом доме, в каждом очаге горел огонек... Огоньки жилищ... Огоньки семейного уюта. Шерали, сумевший преодолеть много жизненных неурядиц, препятствий, спасовал перед последним, перед решающим. Если бы он послушал совета друзей, стоял бы сейчас на пороге дома, где пылал огонек его счастья. Мысли мелькали с быстротой молнии. Может ли он что-нибудь изменить?

Ахмеджан-старшина подошел к нему. Шерали, отвернувшись, протянул ему письмо.

Ахмеджан, бережно развернув листок бумаги, пробежал его глазами. Остальные, потеряв терпение, словно виноват во всем Старшина, заворчали:

— Читай! Что случилось?

Старшина прочитал вслух:

— «Ассалям алейкум, Шерали-ака! Удивлена вашим долгим молчанием. Почему не пишете? Как у вас идут дела, что нового? Не обиделись ли вы на меня? Вы совсем забыли о нашей многолетней дружбе!

У нас в кишлаке много новостей. Перспективный план мой утвердили. Начинаем осваивать тугай, о которых я вам говорила. Вы даже видели их. Помните? Есть перемена в личной жизни. Решила связать свою судьбу с Наркузи. Я убедилась в его большой любви ко мне. Долго проверяла себя. Поняла себя. Мечтаю быть счастливой с ним.

В следующее воскресенье празднуем нашу свадьбу. Обязательно ждем вас. Приезжайте со своими янгиер-

скими друзьями. Если не приедете в этот торжественный день, обидите меня. Ждем! Ждем!

Фируза».

В «красном вагоне» наступила тягостная тишина, словно все, кто здесь находился, получили сейчас роковые письма от своих возлюбленных.

Шерали смотрел и смотрел на мерцающие огоньки чужих очагов и ждал, когда друзья обрушатся на него со справедливыми упреками. Теперь уже он не боялся ни упреков, ни советов, — все ему стало безразлично, ничто не могло осветить опустившуюся мглу.

Но джигиты молчали. Никто не попрекнул его ни единым словом. Когда же они заговорили, слова их были приветливы, участливы, ласковы. Старшина, положив огромную руку ему на плечо, пробасил:

— И такое случается в жизни, дружок. Чего только не случается на неровной дороге жизни. Не так ли, друзья? Как вы думаете?

— В свое время мне пришлось пережить такое же горе, — начал Юлдаш, сочувствуя Шерали. — Я любил курносенькую Гульсум из нашего кишлака. Поклялись друг другу в любви. Но она не дождалась моего возвращения из армии, выскочила замуж. Как видишь, я пережил. Здесь, в степи, красавицу получше той нашел. Дело идет к свадьбе. Сами видите: и по уму, и по красоте моя Назакат никому не уступит.

— Не понять им наше мужское сердце, — вмешался долговязый Далибай, мигая своими широко расставленными, раскосыми глазами. — Верны ли они нам? Из-за Фирузы, которую никто из нас не видел, страдаем все. Хватит траура!

— Не прав ты, Далибай! — вспыхнул Бахтияр. — Не испытал ты, не знаешь, что такое любовь. Любовь может затянуть человека, как болото — и баста! У нас на глазах тонет человек. Надо его спасать! Я говорю Шерали: и сейчас не поздно! Немедленно надо ехать к ней в колхоз. До воскресенья осталось еще пять дней. Разыскать там Наркузи, поговорить с ним по-мужски. Как по-вашему?

До сих пор молча наблюдавший за всем Андрей закурил и подошел к столу.

— Подойди, Шерали, садись, — сказал он, показы-

вая на табуретку.— Слушай, дружок, мы за это время, пока живем в этом вагоне, изучили друг друга, сдружились, можно сказать, сроднились. Мы все переживаем за тебя. Хотели помочь тебе. Не обижайся, скажу тебе правду. Ты сам виноват. Упустил свое счастье. Огорчением не поправишь дело. Она не виновата. Наоборот, я считаю ее умной, целеустремленной девушкой. Она не могла поступить иначе. Она относится к тебе с уважением, как к близкому другу. Теперь береги эту ее добрую, честную дружбу. Советую тебе поехать к ней. Если не поедешь, запятнаешь вашу многолетнюю дружбу.

— Нет, не поеду!— заупрямился Шерали.— С каким лицом я покажусь там? Наверное, все догадывались, зачем я приехал.

— Не поедешь ты, значит, поедем мы,— засмеялся Андрей,— погуляем на свадьбе, познакомимся с тамошними девчонками. Полно тебе, подними голову. Не обвиняй невинного. Ты же не признавался ей в любви. Много лет носил свое чувство и искал — «догадайся, мол, сама!» Ни она тебе, ни ты ей не давали никаких обещаний. Ты же вернулся от нее обиженным, что она решила остаться там в колхозе. А почему бы ей не остаться? Справедлив ли твой упрек ей в этом? Своей дружбой, своим великодушием искупи свою вину, береги ее дружбу!

— Верно, верно!— поддержали его друшкиты.

Ахмеджан-старшина предложение о поездке Шерали на свадьбу Фирузы поставил на голосование. Против и воздержавшихся не оказалось.

Постановили: Шерали поедет в колхоз «Радостный труд» на свадьбу. Но от этого решения ни Шерали, ни его друзьям не стало легче, хотя каждый из них прикидывался веселым и довольным. У всех на душе «кошки скребли».

Ужин остыл. Чай показался перестоявшим — не стали пить. Каждый ворочался на своей постели. Разговор не клеился. Остроты и шутки только вызывали раздражение. Окна вагона были открыты, но свисавший с потолка фонарь едва светил сквозь густой папирозный дым.

Курили все.

Рано утром приехал Иван Андреевич. Он застал

ребят уже бодрствующими. Поздоровавшись, обратился к Шерали:

— Я за тобой, собирай свои вещи. Поедешь со мной. Тебя перевели на другую работу.

Увидев замешательство и недоумение ребят, объяснил:

— Как вам известно, меня на старости лет назначили начальником «Мирзачульводстроя». Ну, а раз назначили на работу, надо работать. С юга Голодной степи перебросили на север. Вот и решил вашего дружка Шерали взять к нам.

Джигиты кинулись обнимать Шерали, пожимали ему руки.

— Поздравляем!

— Желаем успеха, инженер!

— Не оплошай там, помни наш наказ!

Шерали побежал собирать вещи.

Машина тронулась, а ребята все продолжали кричать:

— Счастливого пути, Иван Андреевич!

— Пиши нам, Шерали!

— Наведывайся, не забывай!

Шерали открыл дверцу машины, долго глядел на друзей, махал им рукой.

Опять в путь-дорожку...

Куда приведет эта дорожка Шерали? Что ждет его впереди? Счастье или новые разочарования и горести?

Глава двадцатая

Едва стало известно, что намечается свадьба Фирузы с Наркузи, подобно растревоженному улью, загудели девушки колхоза «Радостный труд».

— Милая подружка, слышала? Оказывается, свадьба будет в доме Чулбобо!

— Я получила от Фирузы пригласительный билет, а вы, дорогая?

— Я раньше вас получила, милая! В пригласительном билете написано: «Просим быть свидетельницей нашего счастья!»

Когда на собрании коммунистов колхоза вместо ушедшего Аширали избрали Турсуну секретарем пар-

тийной организации, особенно радовались девушки. Всегда кабинет Турсуной был полон подруг. Все дела, начиная от колхозных и до всяких домашних событий, обсуждались здесь. И часто, придя к Турсуной озабоченными, понурыми, хмурыми, уходили ободренными, повеселевшими. И так с избранием Турсуной в колхозе началась новая эра. Кто-то придумал и название этой эры — Матриархат.

В эти дни из уст в уста передавался слух: в колхозе открывается «Дом счастья». Асальхан подтвердила эту версию:

— При клубе у нас организуется «Дом счастья». Кто туда один раз попадет со своим любимым, считай, что на всю жизнь обеспечен счастьем!

Девушки окружили ее, засыпали вопросами:

— Что за дом? Расскажи подробнее!

— Если я найду туда, то выйду оттуда счастливой?

— Кто открывает нам этот дом?

Асальхан подробно рассказала, что «Дом счастья» организует сельский совет по инициативе Турсуной. Для этого отводят две комнаты в бездействующем колхозном клубе. В одной комнате будут регистрировать бракосочетания, и в сельсовет для этого уже не нужно будет ездить, а в другой будут выдавать метрики новорожденным и вручать паспорта совершеннолетним.

Всем девушкам не терпелось присутствовать на первом бракосочетании в колхозном «Доме счастья», бракосочетании Фирузы и Наркузи.

Им не пришлось долго ждать. Накануне Турсуной позвонила на полевой стан первой бригады и позвала к телефону Асальхан. Она сказала, что просит ее и еще нескольких девушек пожаловать в «Дом счастья». Асальхан было обрадовалась, но потом задумалась: ведь в бригаде у нее больше двадцати молодых женщин и девушек, пригласили в клуб всего нескольких. Кого же взять? Наметила сначала пять человек. Потом передумала и решила пригласить с собой только девушек, у которых вскоре ожидалась свадьба.

Во время обеденного перерыва она отпустила их домой и, прощаясь, сказала:

— Мы завтра идем в «Дом счастья». Встретимся там. Туда мы не можем пойти все вместе, а уж на свадьбе встретимся.

Девушки страшно обрадовались и тут же принялись совещаться: как принарядиться, захватить ли свои подарки сразу или одарить новобрачных вечером на свадьбе. Они спросили совета у Асальхан, и она предложила им прийти в «Дом счастья» только с цветами.

Утром на чисто подметенной, политой клубной площадке, окруженной деревьями, собрались нарядно одетые девушки и парни, все с букетами. Они шутили, смеялись в ожидании жениха и невесты, то и дело поглядывали на самодельную яркую вывеску «Дом счастья», но не решались раньше жениха и невесты переступить его порог. Все хорошо знали эти комнаты: прежде там играли в шашки, хранили в глубоком шкафу какие-то старые папки с пыльными бумагами, и теперь каждый по-своему представлял, что они увидят в этом таинственном доме.

Сарахан, жестикулируя, рассказывала опоздавшим девушкам, как Турсуной и Асальхан на новой председательской «Волге» уехали за невестой и женихом.

Загремела музыка, подхваченная веселой песней: колхозная самодеятельность была на уровне!

Сарахан, прервав рассказ, поплыла в танце под звонкие прихлопывания ожидающих...

Тем временем Турсуной и Асальхан подъехали к дому Чулбобо. Всюду царил торжественность. Двор возле дома был чисто подметен, полит и блестел, подобно фарфоровой чашке. Ни пылинки на зеленых листьях, будто каждый из них вымыли. От самой террасы и до середины сада тянулись столы и стулья. Помогавших было много. На террасе несколько пожилых людей под руководством хозяина крошили морковь и лук для плова. Вокруг огромного котла, установленного возле калитки на пустыре, хлопотали несколько мужчин: кололи дрова, раздували поставленные в ряд самовары, раздвигали баранью тушу...

Одна комната у Чулбобо была нарядно убрана по свадебному обычаю. На всех стенах сверкали ярко вышитые сюзаны, ковры, в нишах и на сундуках лежали стопки ярких шелковых одеял, развешаны наряды невесты. Турсуной с Асальхан уже с самого порога начали поздравлять всех со счастливым днем. Многословно поздравив стариков, восседавших на террасе, вошли в комнату невесты.

Здесь что-то сосредоточенно обсуждали тетушка Ханифа и мать Фирузы — Райхан. Пришедшие горячо поздравили их, обнялись, поцеловались.

— Проходите, садитесь, милая Турсуной, и вы, доченька! — приглашала Райхан.

Заметив на лицах старух беспокойство, а в голосе их волнение, Турсуной спросила:

— Вы что-то плохо выглядите, устали или по другой причине? Где Фируза?

— Пришел Наркузи, — вместо Райхан ответила тетушка Ханифа, — какое-то неотложное дело у него к Фирузе, срочно понадобилась, ушли поговорить в сад. Пора бы вернуться, да их нет. Вот мы и беспокоимся. Что это за неотложный разговор перед самой свадьбой!

— У влюбленных всегда найдется, о чем поговорить, а у наших молодых тем более, верно, раньше не успели, не хватило времени, — засмеялась Турсуной. — Пойду приведу их! В клубе все собрались, ждут молодых.

И действительно им было о чем поговорить. Наркузи не успел еще всего рассказать Фирузе. Ему казалось, если он не доскажет чего-то своей любимой до свадьбы, до торжественного скрепления их брака, то совершит непростительный грех и всю жизнь будет укорять себя, мучиться. Получив письмо от Фирузы, Наркузи неоднократно на весах своей совести взвешивал, достоин ли он любви, сумеет ли оправдать ее доверие, и теперь, когда он убедился в этом, он не мог не рассказать ей о случае с Зулукхан в тугаях. Он пожелал порог «Дома счастья» перешагнуть безупречным и чистым. Пятно на сердце, оставшееся после провокации Мирхасила, заставило Наркузи сегодня рано утром прийти сюда.

Они не спеша прошли по саду и остановились возле арыка, где густо росла ароматная мята под старой грушей. Наркузи, то бледнея, то краснея, возмущенно рассказал со всеми подробностями случай в тугаях. По мнению Наркузи, все это заранее было обдуманно, обсуждено самим председателем и его холуями.

— Мирхасилу нужно было во что бы то ни стало опозорить меня перед вами! Да и в глазах народа, — сказал Наркузи подавленно. — Он последнее время боялся разговаривать со мной. Избегал встреч. Мы с

вами мешали ему. Возможно, он чувствовал свою вину. Но он боялся потерять власть, свой дутый авторитет, поэтому и решил действовать исподтишка. Он не рассчитывал, подсылая жену, что со мной в тот день будет старик, — продолжал возмущаться Наркузи. — А если бы со мной не было его? Выходит, подосланные свидетели разыграли бы спектакль? Нет! Я бы не допустил этого. Я бы прихлопнул их обоих... — Наркузи умолк, задыхаясь от волнения.

Неизвестно, что бы мог сделать Наркузи, если бы клеветники застали его одного. Может быть, он совершил бы преступление и вместо того, чтобы сейчас стоять на пороге счастья, был бы под следствием. А председатель в роли пострадавшего разъезжал бы с жалобами. И еще бы долго после этого продолжалось его самодурство и самоуправство.

— Чулбобо, чтобы не омрачать свадьбу, — после паузы начал Наркузи, поглаживая хрупкую руку Фирузы и глядя ей в глаза, — посоветовал мне не говорить о случившемся, но я не мог утаить это. Прости меня! Как говорится, больного выдает жар, и ты обо всем этом узнала бы потом. Но зачем потом? Может, тебе кажется, что я в чем-то винсват? Но самое главное — Мирхасил не успокоится на этом. Это была одна из многих его подлых затей. Сумеешь ли ты все это понять правильно? Если есть колебания и сомнения, еще не поздно. В «Дом счастья» нам надо прийти с чистым сердцем, уверенными друг в друге. С чистой совестью, без тени сомнения. Готова ли ты идти со мной всю жизнь рука об руку?

Фируза смущенно и взволнованно, взглядом, полным любви, посмотрела в грустные глаза Наркузи и протянула ему обе руки.

— Я навек связываю свою судьбу с вашей!

Этими словами было сказано все.

Наркузи крепко прижал девушку к сердцу, осыпая ее горячими поцелуями...

— Теперь можем идти в «Дом счастья»...

Они шли, взявшись за руки, когда им встретилась Турсуной.

— Нашли время гулять! — засмеялась она. — Вас ждут, а вы прохладжаетесь. Пора, пора!

Когда машина невесты и жениха свернула к клубу,

заиграли музыканты. На весь кишлак раздавалась ритмичная дробь бубна, протяжные звуки сурная. Саракан, подражая профессиональным танцовщицам, двигала плечами, выделывала руками сложные движения.

Увидев машину, все, словно по команде, стали в ряды по обе стороны мощеной дорожки, ведущей к входу в «Дом счастья». Замерли в ожидании.

Первым вышел Наркузи и протянул руку невесте. Небольшая группа друзей окружила машину. Несколько девушек с букетами в руках взяли Фирузу под руки. Она была в белом шелковом платье, с огромной красной розой, приколотой к блестящим косам. Парни повели Наркузи. В черном костюме, в белоснежной сорочке, под звуки традиционной свадебной музыки он шел по дорожке в тесном кругу близких друзей. Вот они переступили порог. Напротив дверей, на чисто выбеленной стене просторной комнаты, висело огромное сюзана с изображением пылающего солнца. Возле полированного стола, украшенного огромным букетом цветов, в нарядном платье стояла полная женщина — заведующая загсом. Увидев входящих, она пошла им навстречу по зеленой ковровой дорожке.

Гостям она предложила сесть, а невесту с женихом пригласила к столу и усадила в нарядные кресла.

— Поздравляю вас, желаю счастья и долгих лет совместной жизни!— сказала она.— Сейчас вы счастливы, но будьте счастливы и в будущем, любите друг друга вечно.

— Благодарим за добрые пожелания!— ответил Наркузи.

Фируза, счастливо улыбаясь, кивала в знак того, что ее мечты совпадают с пожеланиями заведующей.

У девушек запылали щеки, заблестели глаза. В эту минуту каждая из них представляла себя на месте Фирузы.

Парни не без зависти посматривали на Наркузи.

— Человек рождается во имя счастья,— продолжала заведующая, устремив свои темно-карие лучистые глаза на жениха и невесту.— Но счастье не падает с неба. Как говорится, мы сами кузнецы своего счастья. Не в одиночку, а вместе со своим народом куем мы свое

счастье. Трудно представить себя в отрыве от друзей, от родных, от сверстников. Мы сегодня видим, как уважаемые дочь и сын нашего колхоза объединяют свою судьбу. В нашем колхозе загорается еще один семейный очаг. Мы надеемся — это будет добрая семья. Мы рады, что они первыми перешагнули порог нашего колхозного «Дома счастья». С их легкой руки начинаем мы свою деятельность.

Все дружно зааплодировали.

По-видимому, заведующая загсом заранее заполнила брачное свидетельство, из ящика стола она вынула его и протянула Фирузе, дав ей ручку, чтобы она расписалась. Затем расписался Наркузи.

— Получите свидетельство вашего счастья, — сказала она, протягивая красную книжечку Наркузи. — Постарайтесь не запятнать его!

Девушки осыпали цветами невесту и жениха. Всюду — на подоконниках, на столах — появились букеты, уютная комната превратилась в цветник.

Турсуной подошла к столу и обратилась к присутствующим:

— Всех просим к восьми часам прийти в дом Чулбобо, без опоздания.

Когда сияющие от счастья жених и невеста вышли на улицу, возле клуба в ожидании их стояли молодые ребята, старики и женщины. Все они при виде новобрачных зааплодировали. Музыканты заиграли веселую мелодию. Сарахан шепнула на ухо Асальхан:

— Посмотри на Наркузи, рот до ушей, не налюбуется своей белой голубкой. Жаль, не видит пиявка — Зулукхан, гордость не позволила ей прийти!

— Не гордость, а зависть! — ответила Асальхан.

Жених с невестой сели в разукрашенную «Волгу». Пока Наркузи и Фируза регистрировались, их друзья успели разукрасить машину цветами.

Турсуной села возле шофера, молодожены сзади. Машина шла медленно. Когда они проезжали мимо председательского дома, в приоткрытой калитке мелькнуло пестрое платье Зулукхан.

Фирузе стало не по себе, она вздрогнула. Наркузи, почувствовав ее состояние, взял ее маленькие, но крепкие руки и прижал их к сильно бьющемуся сердцу.

Глава двадцать первая

Асальхан разбудило отчаянное чириканье всполошившихся воробьев. Около нее сладко спала маленькая сестренка. Множество косичек устилало подушку. Асальхан открыла глаза, но встать ей еще не хотелось. Постель матери была уже убрана. Мать встает раньше всех доить корову. На широкой деревянной тахте, на одеялах, на паласе — всюду лежали попадавшие за ночь яблоки.

Асальхан сквозь густую зеленую листву раскидистых ветвей яблони, тяжело наклонившихся над ее головой, взглянула на небо, рассветало, в далеких уголках серовато-голубого небесного простора еще мигали звезды. Одна сверкала ярче — утренняя звезда.

Говорят, у каждого человека есть своя звезда. Какая же из них звезда Асальхан? О, если бы утренняя звезда была ее звездой!

Асальхан, бережно укрыв сестренку своим одеялом, встала, подошла к арыку и, присев возле молодого деревца айвы, принялась разглядывать причудливую, отражающую утреннюю зарю, арычную рябь.

Еще только вчера в этом арыке бурлила мутная вода, а сейчас словно отстоялась, спокойно текла, прозрачная и холодная — первый признак приближающейся осени.

Асальхан умылась в арыке, но уходить ей не хотелось; долго она еще сидела, разглядывая гладь воды.

Какие незнакомые до сих пор чувства, новые, непонятные мысли приковали девушку к арычной прохладе?

Асальхан мысленно вернулась к прошедшей свадьбе Фирузы, в дом к Чулбобо. Эта свадьба не была похожа на другие, где мужчины напивались, случались скандалы, шум, крик, беспорядок за столом.

На этой свадьбе все было иначе: гостей усадили за столы, поставленные в ярко освещенном саду. Турсуной и Аширالي возглавляли торжество. Сарахан с присутствием ей умением и ловкостью с полуслова, с одного взгляда понимала Турсуной и помогала ей ухаживать за гостями. Предложение Турсуной, чтобы парни и девушки сели вместе, застало молодежь врасплох. Они

привыкли сидеть порознь. Сарахан обратилась к группе парней:

— Вы ждете, когда девушки вас пригласят? В поле вы умеете острить, так покажите свою смелость здесь!

Джигиты стали подходить к девушкам, приглашая их сесть за стол. Перед Асальхан, кокетливо протягивая руку, предстал Ильхамча. Девушка быстро отвернулась от него, делая вид, что не заметила протянутой руки. Подружки захихикали. Ильхамча отскочил, словно ужаленный, а девушки пошли к столу. Между Асальхан и ее подружкой сел незнакомый молодой человек, которого подвела и усадила Сарахан. Усаживая его, Сарахан обратилась к Асальхан:

— Не давайте скучать нашему дорогому гостю, приехавшему из Янгиера. Я вас прошу, бригадир!

— Постараемся!— ответила Асальхан.

Смущенно улыбнулся рябоватый, гладко причесанный молодой человек в светлом костюме. Асальхан сразу не узнала его, а потом вспомнила: однажды он был у них в кишлаке, катал Фирузу на мотоцикле, заезжал с нею к ним в первую бригаду. И зовут его, кажется, Шерали.

Асальхан взглянула на задумчивого соседа, но Шерали ничем не отозвался ни на девичий взгляд, ни на реплики соседей,— он был занят своими мыслями. Кажалось, он ничего не видит, ничего не слышит.

— Интересно, о чем он думает?— шепнула Асальхан своей соседке.

— О любимой, которая живет в его сердце.

— А может, о безответной любви?

— Может, он придумывает тост, а может, доклад!

По просьбе Аширали, сидевшего около новобранцев, наполнялись бокалы. Ильхамча, восседая напротив Шерали, потянулся к нему и, наполнив из графинчика его бокал розовато-красным вином, обратился к Асальхан:

— Разрешите, бригадир, поухаживать за вами: вижу, скучаете!

Асальхан, притворившись, что не расслышала его слов, спросила:

— Где ваш хозяин и милая тетушка? Почему вы не с ними?

Ильхамча с деланным безразличием ответил:

— Понятия не имею, где они...

— Хитрите!..

Аширали, сказав вступительное слово о любви и о счастье, предложил тост за молодоженов.

Асальхан, отпив глоточек, взглянула на бокал соседа: он не прикоснулся к вину, а взгляд его был прикован к Фирузе. Ее газовый шарфик сполз на лоб, щеки горели, соревнуясь с пунцовой розой, приколотой к шарфу. Полные счастья глаза она смущенно прятала. Наркузи, низко наклонившись к ней, что-то шептал.

Раздались возгласы «горько!»

Наблюдавшая за Шерали Асальхан заметила, как он побледнел. Пытаясь отвлечь его внимание, заговорила:

— Шерали-ака, вы помните, как весной приезжали в нашу бригаду?

Шерали, будто стараясь вспомнить что-то далекое, призадумался, уставясь на соседку.

— Помню,— наконец произнес он, облегченно вздохнув,— вы работаете в бригаде Наркузи? Да?

— Да, но за это время произошло много перемен, как говорится, много воды утекло.

— Много, слишком много,— с отчаянием повторил Шерали.— Говорят, Наркузи оставил бригаду и уехал в тугай, верно?

— Верно. Он оставил бригаду мне и взялся осушать болота, восстанавливать заброшенные земли. Расширить целину.

— Ах, это вы — Асальхан? Слышал о вас,— уже не безразличным тоном сказал Шерали, разглядывая худенькую, бледную соседку в пестреньком атласном платье, которая своим обликом никак не походила на бригадира передовой бригады.— Не смущайтесь, мне о вас рассказывал Иван Андреевич,— продолжал он, заметив смущение Асальхан.— Я не мог вас вспомнить, когда Иван Андреевич расхваливал вас. Теперь вспомнил: видел, видел вас в прошлый мой приезд. В поле, да?

— Не знаю, сумею ли я оправдать доверие,— ответила девушка.

— Оправдаете!— уверенно кивнул Шерали, как бы ободряя ее.— В степи всюду не хватает людей. Побольше пользуйтесь техникой, машинами, вот и справитесь.

— Каждый член нашей бригады умеет управлять машиной, мы все еще при Наркузи закончили курсы механизаторов.

— Машина — великое дело, — пробормотал Шерали, прислушиваясь к тосту молодого бравого джигита, который говорил не очень складно и часто запинаясь. Он вместе с Наркузи осваивал тугай, поэтому и предложил выпить за те участки, которые скоро зазеленеют под посевами.

Шерали на этот раз опередил Ильхамчу и наполнил бокал Асальхан.

— Давайте поддержим тост, выпьем за освоение и освоителей тугаев. Завтра я тоже присоединюсь к ним.

— Будете работать вместе с Наркузи?

— Да. Буду работать вместе, — подчеркнул слово «вместе», отчеканил он. — Каждый в степи ищет свое счастье. Вашему бригадиру повезло, он нашел свое счастье. Сумеет ли он оценить сго? Мало таких девушек, как Фируза. Я очень хорошо знаю ее. Настоящий человек, большой друг.

— Мы тоже полюбили ее.

Они не заметили, как к ним подошла Райхан. Она положила руки на плечи Шерали.

— Очень приятно мне видеть тебя сегодня, сынок. Спасибо, уважил ты нас, приехал. Мечтаю теперь на твоей свадьбе погулять!

— Спасибо, тетушка.

После того как Райхан отошла, Шерали забеспокоился, стал делать какие-то знаки, глядя на Аширали. Заметив беспокойство соседа, Асальхан спросила:

— Вы хотели поздравить?

— Сперва послушаем старших, наших аксакалов, а потом, если разрешат... — ответил он, увидев поднявшегося с места Ивана Андреевича.

Асальхан заволновалась: «Что же скажет Шерали? Не выдаст ли свою обиду? Не упрекнет ли Фирузу? Не заденет ли Наркузи?»

Шерали дали слово сразу после Ивана Андреевича. Он заговорил заметно дрожащим голосом:

— Я на этом счастливым торжестве являюсь представителем наших однокашников. Всем вам известно, что мы с Фирузой вместе учились. Весь наш курс ува-

жал ее. Всех нас покоряла ее доброта, большое благородное сердце, принципиальность. Мужество и бесконечное упрямство, где это требуется. Целеустремленность. Все ее сокурсники — друзья, в том числе и я, рады и от всего сердца поздравляем ее, желаем ей счастья, больших успехов, удач в работе. Надеюсь, что Наркузи и в работе, и в личной жизни будет ее опорой, другом и заботливым, чутким мужем, который по достоинству оценит ее любовь. Пусть их жизнь будет похожа на этот волшебный сад, где мы сейчас закрепляем союз двух молодых сердец. От всех наших сокурсников передаю вам небольшой подарок.

Шерали взял маленькую зеленую коробочку и направился к новобрачным. Положив коробочку перед Фирузой, он чокнулся с ней и с Наркузи.

Когда Шерали отошел, Турсуной, сидевшая рядом с невестой, достала из коробочки часики с браслетом и надела на руку Фирузе.

Музыканты заиграли веселую мелодию, молодежь пошла танцевать.

Шерали шел, словно не по земле. Сев на свое место, он ничего не видел и не слышал. Опомнился только, когда Асальхан толкнула его локтем и сказала:

— Оказывается, вы хороший оратор, Шерали-ака!

После веселого вечера небольшая группа парней и девушек на машинах проводила невесту в дом жениха. Среди парней не было Шерали. Если бы он поехал, Асальхан непременно увидела бы его.

После полуночи Асальхан с провожающими ее подружками вернулась домой. Но даже много дней спустя в ушах у нее звучала музыка, слышались тосты, пожелания...

Сидя у арыка, Асальхан предавалась воспоминаниям, и перед ней в арычной воде вставал образ Шерали...

Наконец она поднялась, подошла к буйно цветущей мяте, сорвала веточку и заткнула за ухо. Чему-то улыбаясь, вошла в комнату. Последнее время ей редко удавалось ночевать дома. Обычно и сама она и все девушки из ее бригады ночевали на полевом стане.

Она подошла к зеркалу. Долго разглядывала свое широкое лицо с загорелыми, румяными щеками, темными глазами, обрамленными пушистыми ресницами.

Погладила черные, заплетенные в две тугие косы, волосы. Опять вспомнила Шерали...

Со двора послышался голос матери:

— Асаль, Асаль, где ты? Иди пить чай!

Девушка, быстро переодевшись, вышла во двор. Начала было о чем-то рассказывать, но вдруг умолкла, призадумалась.

— Что это ты, доченька?— забеспокоилась мать.— Головка, что ли, болит?

— Нет... Много всяких дел у меня сегодня. Пойду сейчас в правление по поводу аванса...

— Пойди, пойди,— согласилась мать, испытующе вглядываясь в грустное лицо дочери.— Говорят, многие колхозы уже перешли на зарплату. Когда наш колхоз начнет получать?

— Раз другие получают, значит, и у нас скоро будет.

После завтрака Асальхан снова зашла в комнату. Почему ей сейчас захотелось хорошо выглядеть? Переплела косы. Примерила несколько косынок и выбрала голубую. Хотела было идти в правление, но решила сначала заглянуть к себе на полевой стан.

Там все было в порядке, работа кипела.

— Продолжайте чеканку,— сказала Асальхан, обращаясь к членам бригады,— а я схожу в правление за авансом. Постараюсь управиться к обеденному перерыву.

На площадке возле колхозного правления сверкала красной полосой милицейская машина.

Незнакомый человек, стоявший у дверей, не пустил Асальхан в бухгалтерию:

— Идет обыск!

— Разрешите пройти к председателю,— попросила она и хотела было пройти в соседнюю дверь, но и та оказалась закрытой.

— Председателя нет!— сказал тот же человек.

Асальхан направилась в партком. У Турсуной в кабинете сидели несколько бригадиров. Она кивнула Асальхан, предлагая присесть. Вероятно, и другие бригадиры пришли за авансом.

Парторг объяснила им происходящее: народные контролеры сигнализировали о проделках и воровстве Ильхамчи.

Но когда приехали из милиции, Ильхамчи и след простыл. Он исчез. При свидетелях вскрыли сейф и обнаружили поддельные ведомости на авансы за трудодни, фальшивые расписки на пятьдесят тысяч рублей.

— Никуда не денется, найдут этого прохвоста, — уверенно сказала Турсуной.

— Взыщут с него краденое, заставят вернуть деньги, не смог же он их все проглотить. Закончится проверка, все вы получите авансы.

Когда бригадиры вышли от парторга, возле дверей бухгалтерии уже никого не было, в кабинете председателя тоже было пусто, нигде ни единой души.

На сейфе висело несколько сургучных печатей. Возле колхозного правления собралась толпа: люди о чем-то переговаривались, спорили.

Оказывается, исчезли Зулукхан и горбун Халмат.

Асальхан не спеша по большаку направилась к левому стану своей бригады.

Вдруг позади стал нарастать какой-то грохот и лязг. Отскочив к обочине дороги, она оглянулась.

Сотрясая воздух шумом и грохотом, по дороге шел караван длинношеих, величественных экскаваторов. Плыли приземистые бульдозеры, за ними — гусеничные тракторы и скреперы.

Над кабиной переднего экскаватора развевался красный флажок.

Когда экскаватор с флажком приблизился, Асальхан в кабине увидела знакомое лицо, ее тоже узнали, высунувшись, помахали рукой.

Асальхан, отвечая взмахом руки, крикнула:

— Счастливого пути вам, Шерали!

Асальхан долго стояла на обочине дороги, провожая взглядом удаляющийся караван и прислушиваясь к шумной симфонии мощной техники. Ей чудилось: среди мощных аккордов звучит, словно флейта, новое чувство, зародившееся на том свадебном вечере в ее девичьем сердце.

Глава двадцать вторая

Расширенное заседание в управлении оглушило Мирхасила. Никто ни единым словом не выступил в его защиту. Все выступавшие бригадиры, члены правления и колхозники критиковали и осуждали его.

Подсчитанные Фирузой потери от запущенных ту-гаев составили огромную цифру. Мирхасил опустил голову и крепко призадумался.

Колхоз действительно понес огромные убытки от хищнического истребления освоенных земель. Мирхасил, казалось, понял наконец глубину своих ошибок. С него слетела спесь, он уже не пытался отстаивать свою точку зрения: «Важно выполнить план, выполнить любым способом, любыми путями». Не бил себя в грудь, твердя: «Я прославил колхоз на весь Союз, берите пример с меня!»

Покачнулась земля под ногами председателя, ему оставалось только признать свои ошибки.

Но Мирхасил попытался вылезти из воды сухим. Решил замести следы, послав Ильхамчу и Халмата по следам преступлений, чтобы они, опередив других, успели уничтожить улики, словно он предвидел предстоящие разоблачения и обвинения. Вчера Ильхамча и Халмат доложили хозяину, якобы всюду наведен порядок.

— Комар носа не подточит! Улик нет! — заверили они.

Но председателя по-прежнему беспокоили ведомости с поддельными подписями, их нельзя было уничтожить. А если эти ведомости проверят, вся ложь всплывет на поверхность. Председатель не забывал и о том, что, кроме документов, существуют живые люди — свидетели. Поддельные фактуры, расписки можно вовремя уничтожить, но люди останутся. Разве на ферме никто не видел, как председателю увозили баранов? Не знали, что среди колхозного стада нагуливали жир собственные бараны председателя? Разве садоводы не видели, куда тоннами увозили фрукты? Разве ташкентский особняк, обставленный дорогой мебелью, не доказательство всех этих махинаций? Бригадира Наркузи не удалось оклеветать. Не смог Мирхасил очернить его, разыграв комедию, и отвлечь внимание людей на поведение бригадира, а тем временем замести следы. Наоборот, если раскроется правда, если выяснится, кто придумал опорочить передового колхозника, у людей появится новый факт, обнажающий грязную душу Мирхасила.

Все это заставило его задуматься, взвесить тяжесть своих поступков и ошибок. Председатель еще не знал,

что документы, ведомости, разоблачающие жульничества, уже изъяты органами милиции по сигналу народных контролеров. Он знал только, что сейф в бухгалтерии опечатан, но верил словам своих дружков, якобы опасных улик там нет.

Любой человек в такие тяжелые минуты, если в нем осталась хотя бы искорка совести, спросил бы себя: «Кем я был? Кем я стал?» Мирхасил пытался вспомнить, как все началось: Ташкент, скромный дом в махалле Бешагач и деятельный, неугомонный, шумный, настойчивый молодой Мирхасил. Он был еще слаб тогда, как комар, но его несмолкаемое жужжание производило впечатление, привлекало к себе внимание. Не всякий выдерживал его укусы. Какому-то чиновнику, перед которым Мирхасил выслуживался, понравился этот неутомимый, деятельный комар. Комар взлетел, дал ему дорогу. Комар превратился в муху. Из мухи — в жука. Этот «золотой жук» избрал себе пристанищем Голодную степь. Завладел раздольем садов, насладился дарами степных земель, но его комариная суть не изменилась. Многих невинных людей он ужалил, из многих высасывал кровь и здоровье.

Однако доля Мирхасила на этом поприще была ничтожна в сравнении с размахом Зулуки. Используя положение мужа, она везде ловко козыряла его именем.

Мирхасил уже не раз думал: «Что случилось со мной? Любовь ослепила меня? А что такое любовь? Зулукхан любит меня или не меня, а мое председательское звание? Может быть, мои деньги?»

Эти мысли сплетались в голове Мирхасила в какой-то клубок, и распутать их он не мог. Наоборот, клубок становился тяжелей: вспомнились подложные ведомости, составленные Ильхамчой. Пачки денег в крупных купюрах, которые каждый раз в черной лакированной сумочке Зулука увозила в Ташкент. Все это крутилось перед глазами председателя как приговор, написанный черными чернилами.

Не доезжая до кишлака, он вышел из машины и, приказав шоферу ехать в гараж, побрел пешком.

Первый раз со дня приезда в Голодную степь решил Мирхасил пойти в колхоз пешком. У него, как говорится, «душа разрывалась на мелкие части». Он решил

остаться сам с собой, поразмыслить, прикинуть, взвесить, распутать клубок.

Он шел вдоль арыка, густо обсаженного деревьями. Летняя жара спала. Вечерние сумерки принесли труженикам прохладу и отдых. Во всех дворах дымились очаги, слышался запах жареного мяса с луком, только что испеченных лепешек.

Мирхасил шел, низко опустив голову, словно потеряв что-то.

Вдруг веселый девичий смех заставил его поднять голову. Он встрепенулся. Шедшие ему навстречу молодая девушка и парень, увидев председателя, шарахнулись в сторону, причем председатель заметил, как парень что-то шепнул девушке и они засмеялись.

Мирхасил замедлил шаги, подумалось: «Почему люди избегают меня? Неужели я внушаю им страх?»

Приближаясь к правлению колхоза, Мирхасил увидел стариков, стоявших на площади, насторожился. «Что за сборище поздним вечером?» Подойдя ближе, он приостановился за толстым стволом коренастого дерева и прислушался.

Один из стариков говорил горячась, громко:

— И все это за счет народного кармана. Трудились, трудились, а для кого?

— Председатель, конечно, поплатится за это!— вставил другой.— За все рассчитается. Не мог же он не знать проделок Ильхамчи?

— Рука руку моет, вся стая грызла одну кость,— пробасил человек на костылях.

— Надо взять за шиворот Ильхамчу, это он...

— Ильхамча... Ильхамча,— рассердился кто-то.— Он не такой дурак, чтобы ждать. Ищи ветра в поле. Он теперь далеко...

— Говорят, он не один удрал, а с председательшей, нашей милой хозяйкой, да со своим верным сподвижником — Халматом!

— Куда они денутся? Далеко не уйдут...— пробасил инвалид на костылях.— Небось председатель знает, куда они скрылись: одна шайка.

— При обыске председателя не было. Он, говорят, находился в управлении.

— Как же так? А его еще не сняли?

— Не сняли, так снимут. Нам таких не надо.

У Мирхасила зазвенело в ушах, подкосились ноги, обмякло все тело. Он устало попятился назад. В темном месте пересек улицу и чуть ли не бегом кинулся в настежь открытые ворота своего дома.

В гараже возле машины суетился шофер. Мирхасил, подбегая, крикнул:

— Где хозяйка, где все?

Шофер растерянно застыл на месте, не понимая, что случилось с председателем.

Тяжело дыша, Мирхасил вошел в сад. Ни души. Вбежал на террасу — пусто. Все двери — настежь. Переходя из комнаты в комнату, он звал жену:

— Зулукхан, о Зулукхан, где ты?

Он испуганно смотрел на раскиданные по дому вещи. В спальне раскрыта крышка сундука, на полу валяются какие-то тряпки. Дрожащими руками полез он на дно сундука и извлек оттуда футлярчик. Он облегченно вздохнул. Она оставила ему пистолет. Как быть? Что предпринять? К кому обратиться, кому излить душу?.. Как пережить такой позор? Позор! Он готов был кричать на весь кишлак.

«Есть выход. Можно избавиться от позора, — вдруг промелькнула мысль. — Одна пуля...»

Мирхасил, проверив заряд, подошел к зеркалу. В зеркале отразилась его тучная фигура, облысевшая огромная голова, мертвенно-бледное лицо, потные руки с заряженным пистолетом. Ему стало жаль этого человека, отраженного в зеркале. «Так легко покинуть мир! Я уйду, а Зулукхан, которая довела меня до этого позора, останется... Останется с Ильхамчой, будут кутить на мои деньги... Халмат им прислуживать... Нет! Нет, не бывать этому... Надо их наказать! Пусть и они отвечают, наглецы; пусть и она, коварная потаскушка, расплачивается... Пусть все мы вместе понесем наказание».

Он побежал в гараж. Увидев шофера, скомандовал:

— В Ташкент, скорее... За поворотливость премирую. Давай скорее!

Шофер быстро вывел машину и нажал на стартер. Не закрыв за собой ворот, поехали.

Никогда Мирхасилу не казалась такой длинной дорога из степи в Ташкент. То и дело он поторапливал шофера, покрикивал на него.

Наконец миновали Зангиату. Засверкали огни Эркина. Позади осталась ташкентская товарная станция с отдувающимися тепловозами.

Когда председательская «Волга» въехала в город, время приближалось к двенадцати часам. На улицах было пусто и тихо.

Словно ветер, неслась машина по широким городским мостовым, нарушая правила уличного движения. То и дело вслед им раздавался милицейский свисток. Шофер не останавливался, не сбавлял скорость.

Машина резко затормозила около городского особняка Мирхасила. У самых ворот стояло такси. Мирхасил подошел к машине и заглянул внутрь. Шофер такси, облокотившись на баранку, крепко спал.

Мирхасил вошел во двор. Всюду было темно, только в крайнем окне тускло горел свет. Крадучись, он поднялся по ступенькам, но дверь оказалась закрытой. Он открыл окно и проник в темную комнату, а через нее прошел туда, где светилась лампочка. Там шел горячий спор.

— Что тебе Мирхасил? Дом — на твое имя. С тебя взятки гладки. Скажешь, построила на свое приданое, оставшееся от покойного отца, и баста!

Горбун хотел было еще что-то сказать, но увидел на пороге Мирхасила. Ильхамча по привычке вытянулся в струнку. Зулука собралась было с распростертыми руками кинуться обнимать мужа, но, увидев в его руках пистолет, закрыла глаза и присела на пол.

Мирхасил хмуро сказал:

— Проиграли мы с вами, негодяи! Наши карты биты. Собирайтесь, выходите. Объявимся. Не забудьте захватить все ценности!

Молча, как во сне, двигались они, переставляя из угла в угол какие-то мешки, чемоданы, узлы.

А лампочка, покачиваясь на длинном шнуре, горела тускло, словно готовая вот-вот погаснуть.

Глава двадцать третья

В управлении кипела работа. Если бы сутки состояли не из двадцати четырех, а из сорока восьми часов, пожалуй, и тогда Аширали не хватило бы времени.

Запоздалая, дождливая весна нынешнего года во всем давала о себе знать. Обильные ливни измотали не только тружеников полей, но загубили посевы и надедали много бед в оросительной системе. Вся надежда возлагалась на лето. Если за быстрые летние месяцы удастся наверстать упущенное, можно будет рассчитывать на урожай.

В управлении, кроме общей карты колхозно-совхозных земель, появилась новая — с посевными площадями каждого колхоза и совхоза в отдельности. Вскоды на каждом участке здесь отмечались красными флажками, напоминая фронтовую карту командира.

Конец августа — последний рывок в борьбе за урожай. В эти горячие дни выяснилось, что на многих участках не хватает людей. Не везде полностью используется техника.

Аширали и другие руководители управления часто выезжали на отстающие участки. Иногда им приходилось оставаться там неделями, пока не налаживалось дело.

Вот и сегодня после долгого отсутствия Аширали наконец вернулся домой. Турсуной сидела на террасе около настольной лампы и читала. Увидев на пороге мужа, она кинулась ему на шею и принялась целовать обросшее лицо, усталые глаза, словно не видела его год.

Аширали, обнимая жену, спросил:

— Дети спят?

— Только что уснули. Заждались тебя.

Аширали на цыпочках прошел в комнату, постоял около детских кроваток, потом вернулся и сел рядом с женой на диван.

— Почему так долго? Где был?

— С канала я тут же уехал в колхоз «Красный Восток», — начал рассказывать Аширали, положив руку на плечо Турсуной. — Посевные поля покрылись солончаком, а кое-где уже пробился камыш. Проглядели. Пришлось мобилизовать народ. Занялись очисткой. Срочно начали рыть дополнительное русло канала, чтобы отвести соли. Кажется, спасли урожай, но на тех участках надо глядеть в оба. Это все результат того, что прошляпили осеннюю вспашку, зимний полив оказался недостаточен, землю не промыли. Понадеялись

на снег, а зима выдалась бесснежной, не было талых вод... Ну, хватит об этом. Ты мне расскажи, как у тебя? Что нового в кишлаке?

— Новостей особых нет. Тройка по-прежнему находится под стражей. Кажется, еще при тебе Мирхасил уехал в город,— припоминая, она стала считать по пальцам.— Да, при тебе. Вот уже неделя. Еще не вернулся. В управлении мне помогли. В банке получила пятьдесят тысяч рублей, раздала аванс. Пришлось мне подписывать документы. Попросила тетушку Ханифу, она была за кассира. Во всем и всюду чувствуется отсутствие председателя. В самую горячую пору... Надо срочно принять меры. Нельзя так дальше...

— Знаю... Понимаю,— задумчиво сказал Аширали.— Виноваты мы сами: распустили мы его. Слишком доверчиво к нему отнеслись, а он воспользовался этим. Вместо того чтобы контролировать работу бухгалтера и кассира, он сам оказался в их сетях. Ненасытная Зулука ловко опутала их всех, втянула и его. Ильхамча признался следователю, что он с согласия председателя составил подложные ведомости, а деньги отдал Зулуке. Он трусливо сваливает все на председателя и Зулуку. Прикидывается покорным дурачком, а сам поступал по поговорке: вместо волос снимал голову, не забывая при этом и себя.

— Ну и дела!— воскликнула Турсуной.— Воры грабили нас среди бела дня, а мы считали, что все в порядке.

— Грабили, попались. Разберемся, виновных накажем,— спокойно продолжал Аширали.— Ты сама знаешь, раньше чуть что, председатель уезжал в райцентр или облцентр, там его поддерживали как выдающегося деятеля. Сигналы наши оставались без внимания. А наши колхозные собрания ты же помнишь... Разве он давал кому-нибудь открыть рот? Своевременно, очень кстати появились народные контролеры. Народ быстро выявил «амбарных крыс». И теперь председатель ищет дружков, чтобы с их помощью замести следы. Но ему никто уже не поможет. Говорят, он всюду там обивает пороги, добивается, чтобы особняк отдать государству под детский сад или ясли. Но там не торопятся: хотят сперва разобраться, откуда у него взялся этот особняк.

— Что же, очень хорошо. Многие матери пойдут работать, — засмеялась Турсуной.

— Нет, ты не права, — прервал Аширали. — Дом построен за счет нашего колхоза. Мы и возьмем его себе, своему колхозу. Правильную мысль подала Фируза: там будет общежитие нашей молодежи, которую мы посылаем на учебу в Ташкент. Мирхасил сам себя разоблачает тем, что ходит и предлагает свой дом. Теперь дело не в том, как он там разоблачается; дело в том, как он докатился до этого, — вернулся к своей первоначальной мысли Аширали. — Как мы-то все это проглядели... Его поведение — это отголосок времен культа личности. Мы раболепствовали перед его дутым авторитетом, хотя и видели, когда его сообщники-карьеристы наносили вред колхозу, хотя все его махинации были у всех на глазах. Дорого же он нам обошелся. Если бы мы вовремя его одернули, он перестал бы носиться со своей персоной, меньше бы чванился, считался бы с народным мнением. Но, к великому сожалению, мы год за годом терпели всех этих карьеристов, ухитрившихся втереться в доверие к руководству.

Аширали взял книгу «Битва в пути», которую читала Турсуной.

— Красивое название у этой книги, — заметил он, перелистывая роман. — А мы у себя в колхозе эту битву начали с опозданием, но хорошо, что все же начали. Наш народ борется с отдельными личностями, противопоставляющими себя народной массе. Эти личности пренебрегают мнением народа. Смотрят на него свысока. Выслуживаются перед своим начальством, всеми правдами и неправдами набивают себе цену, раздувают свой авторитет, а тем временем скатываются до нашего Мирхасила, исподволь расхищают государственное добро, рассчитывая на свою безнаказанность. По их мнению, они должны только приказывать, распоряжаться, а подчиненным надлежит выполнять эти распоряжения и ни в коем случае не вникать в суть того или иного приказа. Если же кто-либо осмеливался критиковать их или высказывать свое мнение, тот обвинялся в антипартийности, антинародности своих убеждений и тому подобное. Во время культа такая форма насилия превратилась в систему. Партия нанесла сокрушительный удар по бесчинству, по несправед-

ливости, по бюрократизму. Но пока кое-где еще остались пережитки тех времен. Такой и наш Мирхасил, и виновата в этом наша мягкосердечность. Многие из них, хоть и понимают, что их корабль идет ко дну, все еще надеются на некий Ноев ковчег, надеются доплыть до твердого берега. Вот и Мирхасил ищет себе пристанища. Но мы должны сделать так, чтобы он до конца почувствовал свое крушение. Дело не только в том, что он присвоил народное добро. Все, что он присвоил, все до единой копейки мы заставим его возвратить народу. И ташкентский особняк, и здешний дом вместе со всеми золотыми рыбками, и машину он вернет колхозу. Это материальная сторона. А как быть с моральной? Это трудно. В первую очередь мы должны подумать об этом. Такие Мирхасилы, разжиревшие за счет народа, затуманивали мозги людям, морочили им голову, старались восстановить давно похороненный нами строй — хозяина и слуги. В свое время мы крепко ударили по этой идеологии и теперь не должны ослаблять своей борьбы, надо быть беспощадным к остаткам прошлого. Сегодня от нас этого требует партия, это подкашивает наша совесть. Мирхасил растоптал доверие народа! — Аширالي уже не мог сидеть спокойно и быстро зашагал по террасе. — Где справедливость? — Он нервно размахивал кулаком, словно обращаясь к кому-то в темном дворе. — Где истина, где правда? Где были глаза у нас, у коммунистов? У колхозников? Близорукость! Я колхозный парторг, коммунист, прошел через всю войну, а тут почему молчал? Почему не кричал во всю глотку? Ведь я давно подозревал его в нечистых делах. Мне давно не по душе было его панибратство с Ильхамчой. Все мы от мала до велика догадывались об их темных делах, но ни у кого из нас не хватило смелости высказать ему в лицо все, что мы думали о нем. А ведь это он под видом выполнения плана толкал нас на показуху.

Турсуной, пытаясь успокоить мужа, подошла к нему, обняла.

— Давай-ка лучше попьем чайку! Мне надо кое о чем рассказать тебе.

Она подвела его к столу, усадила, принесла чайник, принялась накрывать на стол. Закончив, села напротив.

— Как вовремя организовали мы «Дом счастья», — рассмеялась Турсуной. — Теперь работы там хоть отбавляй. Вчера регистрировались две пары, завтра намечаются еще две свадьбы. Хадича из первой бригады вышла замуж за Мирфаиза из второй бригады. А хромой Махмуд из гаража женился на Гульсум. Приходили, очень просили завтра быть. А теперь очередь за Асальхан.

— Наш бригадир выходит замуж?

— Да!

— За кого?

— Не поверишь своим ушам, — засмеялась Турсуной. — Если не обмануло меня мое женское чутье, то за Шерали.

— Да что ты? За того самого Шерали...

— Да, да, за механизатора Шерали, — с гордостью подтвердила она, словно все делалось с ее помощью. — Вчера я ездила в тугай, отвозила людей Наркузи. Теперь у него в бригаде восемнадцать человек. И вот там я увидела Шерали. Все пустыри там уже перекопаны. Вчера должны были закончить канал. Шерали оказался очень энергичным парнем, всякое дело у него спорится, — неспроста Иван Андреевич забрал его к себе. Знал, кому поручить технику. Чулбобо там с ними.

— Наверное, поучает ребят, ворчит? — оживился Аширали.

— Нет, подсчитывает, сколько саженцев понадобится для будущего сада. Собирается съездить в Ташкент в Шредеровский питомник, там ему обещали черенки каких-то заморских растений.

— Значит, Наркузи с Шерали в хороших отношениях, если дела у них идут ладно и складно?

— Вежливы и почтительны друг с другом. После обеда мы там выпустили первую стенную газету, назвали ее «Цветник». Вечером со мной собрался Чулбобо, мы уехали вместе. По пути встретили Асальхан. Я удивилась, остановила машину, подозвала ее. Она смутилась, растерялась, не знала, куда деть узелок. Краснея и запинаясь, пробормотала: «Спешу в тугай, заждался, наверное...» Спрашиваю: «Кто?» — «Экскаваторщик». Говорю ей: «Там их много». — «Вы знаете, догадываетесь!» — отвечает и, словно куропаточка, засеменяет к тугаям, прижимая к груди шелковый узелок.

Аширали рассмеялся:

— Молодец, на высоте поставлена у тебя работа с молодежью. Ты начала свою деятельность секретаря партийной организации со свадеб, надеюсь, и дальше ты не снизишь темпы, всех переженишь и поведешь замуж. Вижу, оправдалась твоя затея с «Домом счастья». — После небольшой паузы Аширали задумчиво продолжал: — Хорошие люди у нас. С большим сердцем, с доброй душой. Каждый из них — богатейший клад. Но к каждому надо подобрать ключи. Человеческое сердце подобно тонкострунному рубабу. Если с любовью, бережно к нему прикоснешься пальцами, услышишь волшебную песню о большой любви, о преданности, о верности. Особенно нам, партийным работникам, нужно бережно относиться к каждому сердцу, пусть оно всегда считает нас своей опорой, пусть расцветает, пусть радуется обильным урожаем своих успехов. Ты права, моя милая, надо выслушать каждого, понять, помочь. Протяни им руку, возглавь их свадьбы. Пусть наша степь славится не только изобилием, но и личным счастьем жителей. Ты согласна с этим?

— Я не узнаю тебя, Аширали, ты, оказывается, у меня поэт!..

* * *

Когда Аширали пришел утром в управление, Мирхасил уже ждал его. Увидев Аширали, он протянул ему руку:

— Я к вам.

— Пожалуйста.

Они вошли в кабинет и сели за стол друг против друга. Аширали, уставший от событий последних дней, подумал, что Мирхасил пришел рассказать ему о своих делах в Ташкенте, или о следствии, или о сообщниках, взятых под арест. Он вопросительно посмотрел на Мирхасила. Но Мирхасил сидел спокойно. Он за эти дни побледнел, глаза ввалились, но, как всегда, он был чисто выбрит, надушен. На нем были отглаженные галифе, свежий китель, до блеска начищенные сапоги. Он сидел величественно и молча.

Наконец Аширали нетерпеливо спросил:

— Я вас слушаю! По какому вопросу вы ко мне?

— Гм... кресло изменяет людей,— пробурчал Мирхасил, ослабившись и хитро щурясь на Аширали.— Вы со мной разговариваете не как односельчанин, а как посторонний человек. Вы, дорогой мой, забыли, что мы с вами из одного колхоза, что это ведь наш колхоз вырастил и воспитал вас. Не следовало бы вам так быстро забывать об этом!

Упрек Мирхасила возмутил Аширали, и он чуть было не ответил резко и строго, но, быстро взяв себя в руки, спокойно сказал:

— Я хорошо помню, где родился и вырос. Я по сей день живу в своем родном колхозе. И кто меня растил — тоже помню, и что делается в моем родном колхозе — тоже хорошо знаю.

— Говорите, все знаете, а выходит, кое-что запамятовали,— возразил Мирхасил, поглаживая покрасневший кончик носа.— Раз уж вы запамятовали, разрешите вам напомнить: ровно через две недели, пятого сентября, вашему покорному слуге исполняется пятьдесят лет. Двадцать из них ушли, вернее, были принесены в жертву во имя процветания колхоза «Радостный труд», отданы его людям, его успехам, его славным делам. Сделаете ли вы мне достойный юбилей, пышный или поскромнее — дело ваше, решайте сами! Чистосердечно говоря, я и в Ташкент поехал по этому делу. Поставил в известность вышестоящие организации.

Аширали быстро раскусил хитроумный замысел Мирхасила — шумным юбилеем заслонить все свои проделки. Пристально и строго глядя на него, Аширали отчеканил:

— Ни пышного, ни скромного юбилея справлять не будем!

Холодные глаза Мирхасила сверкнули.

— Почему? Разве не заслужил? Или я перешел вам дорогу? Никто не дает вам права вычеркивать из моей жизни двадцать председательских лет. Народ помнит мой труд!

— У народа есть и весы. Необыкновенные весы,— перебил его Аширали, воспользовавшись его ссылкой на народ.— Весы народа — это весы самые точные. Недаром они называются весами справедливости. Если труд, потраченный вами на благо народа, положить на одну чашу весов, а на другую — ваше самодурство,

вазнайство, всякие денежные махинации и прочие грязные проделки, эта черная чаша весов перетянет.

— Какие грязные проделки?!— хрипло, задыхаясь, воскликнул Мирхасил.

— Когда вы вернулись из Ташкента?— вместо ответа спросил Аширали.

— Ночью,— несколько растерявшись, ответил Мирхасил.

— Выходит, вы многого еще не знаете! Вам, наверное, кажется: если вы привезли в милицию своих сообщников, этим искупаются ваши все грехи? Вы думаете, что с вас снята вина? Что этим вы обелили себя перед народом? А?— испытующе глядя на него, спрашивал Аширали.— Ваша жена, Ильхамча и Халмат сваливают всю вину на вас. Они говорят, что бараны, привезенные с фермы, резались на ваших банкетах. Деньги, взятые из кассы по поддельным ведомостям, ушли на постройку вашего городского дома. Деньги от продажи колхозных фруктов вы единолично тратили на угощения, пирушки, увеселительные поездки с друзьями, на курорты и на подарки начальству. Так они говорят. А коммунисты колхоза вас обвиняют в нарушении колхозной демократии, во многих злоупотреблениях. Я мог бы еще многое напомнить, но вы сами хорошо знаете свои дела. Теперь подумайте сами, стоит ли вам справлять юбилей?

У Мирхасила еще больше побагровел кончик носа. Разжав кулаки, вытирая со лба капли пота, он прохрипел:

— Так, так... Воспользовавшись моим отъездом, вы тут постарались покопаться в моих делах? Но нет! Не пройдет вам этот номер! Все ваши упреки недостоверны, бездоказательны. Свою жену, которая без моего ведома строила на свое имя дом в Ташкенте, растратчика Ильхамчу и их сообщника Халмата я сам разоблачил и собственноручно сдал в милицию. Свою собственную машину, и дом, и сад я отдал колхозу. Разве меня заставляли? Нет, я сам, своим умом дошел до этого. К ведомостям я не имею никакого отношения. Кто их составлял, пусть тот и отвечает. Не скрываю, пользовался урожаем колхозных садов, брал баранов с фермы, но для чего? Для себя лично? Нет! А другие председатели принимают гостей, думаете, не за счет

колхоза? Может, за счет своего кармана? Гости приехали в колхоз, а не ко мне. Все вы извлекаете грязь из-под ногтей. Возможно, мое место потребовалось кому-то другому! Если тебе — возьми! Если уступлю, успокойтесь?

Мирхасил соскочил со стула, нервно переминаясь с ноги на ногу. Затем, откашлявшись, продолжал:

— Нет, я не буду молчать. Поеду в Ташкент. Поеду в Москву. Буду жаловаться...

— Никуда вы не поедете, — улыбнулся Аширали. — Все, кто мог бы выслушать ваши жалобы, к кому вы могли бы апеллировать, сняты со своих постов. У нас в Союзе сейчас полностью восстановлены ленинские законы.

Мирхасил, размахивая сжатыми кулаками, захрипел:

— Я напишу жалобу на тебя! Проучу тебя! — и кинулся вон, изо всех сил хлопнув дверью.

Аширали спокойно остался сидеть за столом. Он думал о силе и могуществе народа, о недавнем самоуправстве распоясавшихся самодуров, об их ничтожестве сегодня. Он радовался торжеству правды!

Глава двадцать четвертая

События последних дней тяжелым камнем легли на сердце Фирузы. Едва-едва залатали, залечили потери, причиненные проливными дождями запоздалой весны и добились хороших всходов, как пришлось снешно готовиться к новым трудностям: синоптики сообщили, что надвигается ранняя осень.

В ушах Фирузы еще звучат слова упрека, которые сказал председатель на последнем заседании в управлении: «Вы много говорите о перспективном плане, подсчитываете убытки колхоза. Лучше подумайте о судьбе урожая этого года. Вы отвечаете за него. Как бы вы не упустили синицу из рук, ловя журавля в небе!»

Лето еще не кончилось, а небо уже хмурилось, раньше времени стали осыпаться листья с деревьев, сдуваемые холодными ветрами.

Фирузе захотелось посоветоваться с Наркузи, из-

лить перед ним душу, поделиться мыслями. Она решила дождаться его на перекрестке и вместе пойти домой, чтобы по пути рассказать все новости дня.

Она вышла из своего кабинета и отправилась в колхозный сарай, расположенный на этом перекрестке. Там она проверила отремонтированные и приготовленные к сбору двенадцать хлопкоуборочных машин, стоящих под навесом. Их высокие бункера почти соприкасались с потолком. Голубая краска блистала под лучами электрической лампы. Сторож Ахмад-бабай спросил ее:

— Когда вы их пустите на поля?

— Недельки через две, отец!

— Богатыри наши! — протянул старик, ласково глядя на машины. — Каждая из них соберет нам сотни по полторы тонн хлопка. Соберем, а? Сколько всего-то они должны собрать?

— Всего тысячу восемьсот тонн. Половину всего урожая. Может, и все две тысячи соберем, смотря по тому, как справятся механизаторы, — ответила Фируза, поглядывая на большак.

Сторож, словно ребенка по головке, поглаживал голубой буфер.

— Додумались же — одной машиной заменить тысячу рук! Вот это да!

Но помрачнев, почти шепотом спросил:

— Правда, доченька, что Халмата арестовали?

— Правда, — ответила Фируза, не отрывая взгляда от дороги. — У него нашли сорок тысяч рублей, запрятанных в стене.

— Оббо, горбун! — воскликнул сторож, размахивая рукой. — Что же это он, собирался деньги прихватить с собой на тот свет?! Два вершка от земли, а размах, как у великана... Сорок тысяч... — Старик, уловив обеспокоенный взгляд Фирузы, спросил: — Не муженька ли ждешь, доченька?

— Да!

— По-моему, он перед твоим приходом промчался на мотоцикле с незнакомым человеком.

— Ну, если так, побегу домой. Спасибо, что сказали. Вы, пожалуйста, берегите машины, не пускайте сюда посторонних, — предупредила она, выходя из-под навеса.

— Не беспокойся, доченька, не беспокойся, буду беречь, не спуская глаз!

Во дворе возле очага суетилась Зумрад-биби, Фируза подошла к ней, желая помочь.

Увидев сноху, та недружелюбно проворчала:

— Думала, сын женится, освобожусь от хлопот, а получилось наоборот. Тебе, милая сношка, пора уже понять, что у тебя есть муж. Надо его встречать дома обедом.

— Я же на работе. Сейчас горячая пора,— ответила Фируза, но Зумрад-биби перебила:

— Наркузи теперь твой муж, изволь сама принимать своих гостей.

Фируза пошла к террасе, где за столом сидели Наркузи и Шерали.

Фируза протянула руку Шерали и быстрым взглядом окинула стол: пустая бутылка из-под водки, опаннанные кисти винограда, ломти лепешки и начата вторая бутылка водки. Пепельница с окурками...

— Очень рады видеть вас у себя,— произнесла она, подсаживаясь к Наркузи.— Не скучно в тугаях?

— Некогда скучать!— Шерали улыбнулся.— Выполняем двухсменную норму, выворачиваем сотни тысяч тонн земли. А сегодня Наркузи привез меня к вам. Так неожиданно, извините!

— Мы с Шерали разговорились по душам,— сказал Наркузи, уставившись осоловелыми глазами на жену.— Почему опоздала?

— Заходила в сарай, проверила хлопкоуборочные машины,— ответила Фируза, настораживаясь от этих вопросов и стараясь перевести разговор, спросила:— А теперь вы расскажите, как поработали сегодня?

— Готово сто гектаров...— пробормотал Наркузи, чуть было не выронив пиалушку из рук.

— Я пойду, помогу маме. Наверное, проголодались?— Фируза встала, прихватив с собой пустую бутылку.

Когда она подошла к очагу, Зумрад-биби, плотно укрыв котел с пловом, пошла в огород за помидорами. Фируза из темного уголка двора принялась наблюдать за сидевшими на террасе. У нее колотилось сердце, дрожали руки:

«Зачем Наркузи привез Шерали? О чем они говори-

ли? Почему так много пили? И еще намерены пить. Никто из них раньше не пил, а почему теперь... Что случилось?»

Вопросы возникали один за другим, а она не могла ответить ни на один.

Появилась Зумрад-биби с миской, наполненной огурцами и помидорами. Увидев Фирузу, опять не удержалась от упрека:

— Что же это ты возле очага сидишь? Пошла бы к гостям.

Фируза молча взяла из рук свекрови чашку и принялась резать салат, но всем существом своим она была на террасе, пыталась уловить каждое слово, каждое движение мужа и Шерали.

Зумрад-биби, протирая блюдо для плова, не без ехидства спросила:

— Скажи, милая сношка, наш дорогой гость — тот самый Шерали, о котором ты так восторженно говорила у нас дома до твоего замужества, да?

— Да, тот самый... Вы же это давно знаете! — Нож выскользнул, и она порезала себе палец.

С террасы донесся хохот. Фируза облегченно вздохнула и с улыбкой посмотрела на мужчин, подумав: «Не спорят... подружились». И пошла подавать салат.

Наркузи в это время как раз расхваливал плов:

— Никогда в жизни не приходилось мне пробовать такой плов, как вчерашний. Не плов, а мечта. Честь и хвала повару!

— О каком плове вы говорите? — заинтересовалась Фируза.

— О вчерашнем, — засмеялся Наркузи. — После работы мы все проголодались, собрались было пить чай, и вдруг из нашего кишлака появилась девушка... Навестить Шерали пришла. А кто она — не скажу! Пришла не с пустыми руками — в одной корзине виноград, в другой — блюдо с пловом... Да с каким пловом! Словами не скажешь! Пером не опишешь. Все мы пальчики облизывали!

— Скажите, пожалуйста, кто же так вкусно готовит? — спросила Фируза у Шерали.

Он смущенно опустил голову, исподлобья глядя на Наркузи, сказал:

— Вы начали, вы и договаривайте.

Наркузи засмеялся:

— Недогадлива ты, Фируза. Ну кто может быть? Конечно, та, которая отняла у меня бригаду.

— Полно вам, Наркузи-ака, наговаривать на хорошую девушку. Ни у кого ничего она не отняла. Достоинно заменила вас. Молодчина Асаль: управилась с посевом, добилась отличных всходов — не хуже прошлогодних, рекордных. Намерена весь урожай собрать машинами.— Чтобы вывести из неловкого положения гостя, добавила:— Достойная кандидатура. Поздравляю вас, Шерали-ака. Не упускайте случая, не теряйте времени. Мы с Наркузи поможем вам организовать свадьбу. Вы согласны со мной?— обратилась она к мужу.

— Безусловно. Сами поведем вас в «Дом счастья»,— глядя смеющимися пьяными глазами, подтвердил Наркузи.

После плова опять заговорили о тугаях.

Наркузи, насмешливо прищурив пьяные глаза, с издевкой спросил жену:

— Говоришь, у Асальхан урожай не хуже прошлогоднего — рекордного. Выходит, прошлогодний был не рекордный?

— Почему же? Он был рекордный. У нас в колхозе никто больше вашей бригады не собрал с гектара,— строго ответила Фируза, не понимая насмешки Наркузи.— Ваша ученица вырастила тоже отличный урожай.

— Ученица пере-плюнула учителя,— с трудом выговорил Наркузи и, откидываясь на спинку стула, расхохотался:— Bravo, bravo моей ученице! А вот пускай кто хочет потягается со мной, когда я начну выращивать хлопок на освоенных тугаях. Буду выращивать по пятидесяти, по пятидесяти пяти центнеров с гектара! Я! Я — Наркузи... Выращи-щи...

— Не торопитесь, друг мой, говорить гоп, пока не перепрыгнете ров,— сказал Шерали, поддерживая Наркузи, сползающего со стула.— Не хвастайтесь заранее. Тугаи вы только еще начали обрабатывать, самое главное впереди, неизвестно, как себя поведут подпочвенные воды и соли. Лучше придерживаться первоначального вашего плана— довести в течение трех лет урожай до двадцати пяти центнеров с гектара. Если вы сумеете

добиться двадцати пяти центнеров, это будет большое дело!

— Нет!— воскликнул Наркузи, ударяя кулаком об стол.— Я дам с гектара по пятьдесят центнеров, понял? Мое слово... закон! Ска-ка-за-но — сде-делано!

Шерали понимал, что спорить с опьяневшим Наркузи бесполезно, встал и обратился к Фирузе:

— Разрешите поблагодарить вас, я пойду.

Фируза впервые видела Наркузи пьяным, ей было это неприятно. Сгорая от стыда и огорчения, едва подавляя поток слез, подступивших к горлу, она сказала:

— Извините, Шерали-ака, я не ожидала от него этого...

Шерали сочувственно посмотрел на нее.

— Поздно уже, не уходите. Оставайтесь у нас. Утром поедете вместе с Наркузи,— предложила Фируза.

Услышав слова жены, Наркузи закричал:

— Шерали не останется здесь. Я сам отвезу его в тугай!

Пошатываясь, неустойчивой походкой Наркузи побрел к мотоциклу.

Прошло два часа, а Фируза все еще стояла у ворот, под деревом, с тревогой вглядываясь в дорогу, закрытую ночной тьмой.

Время от времени откуда-то издали ветер доносил незнакомый гул. Над головой таинственно шуршал ветер, трепетали листья. Стоя одиноко в ночной тишине, она думала о муже, о своей судьбе, о будущем. Сомнения, словно иглы, вонзались в душу. Где теперь спокойный сон, душевный покой, девичьи грезы о семейной жизни, где мечты? Где задушевные беседы в доме у Чулбобо. Ласка и заботы тетушки Ханифы? Рассказы и шутки Ивана Андреевича? Где тот Наркузи, который только вчера старался всюду встретить ее, чтобы хоть одним словом или вздохом показать ей свою любовь? Разве о такой любви мечтала она? Где те светлые дни, когда он обещал беречь их любовь, ничем не омрачить ее. Неужели это все так скоро забылось? Откуда взялось и это хвастовство, и эта неуместная ревность? Ведь еще совсем недавно он осуждал пьянство, а сегодня и сам напился, и настойчиво спаивал Шерали. Если так будет дальше, сложится ли их семейная жизнь? Почему он изменился? Кто виноват?

Как бы в ответ на этот вопрос вдали послышался трескучий шум и засверкали фары мотоцикла. Облегченно вздохнув, Фируза как бы стряхнула со своих плеч гнетущую тяжесть.

Наркузи с дороги резко повернул мотоцикл к дому и чуть было не перевернулся. Увидев жену, он резко затормозил.

Фируза кинулась к нему, помогла ввести мотоцикл во двор.

— Очень беспокоилась: думала, не стряслась ли какая беда.

Направляясь к дому, Наркузи вместо благодарности за заботу грубо оттолкнул жену и, пошатываясь, побрел сам.

Фируза следом за ним вошла в комнату. Он стоял, схватившись за спинку кровати и уставившись на жену красными глазами, твердил:

— Не остался возлюбленный? Нет... Ушел...

Стоя у порога, Фируза с жалостью смотрела на мужа, не зная, что предпринять. Наконец она подошла ближе и сказала:

— Вы пригласили Шерали без моего согласия, вы и должны были до конца проявить гостеприимство. Не я привела его к нам в дом.

Но Наркузи повторял:

— Не удалось тебе оставить его? Ушел... ушел...— Он сильно покачнулся и упал на кровать. Хотел было еще что-то сказать, но, повторив несколько раз «ушел... ушел...», замолчал.

Фируза, погасив свет, вышла на террасу, постояла в раздумье, затем достала из ниши какие-то журналы, полистала их, но не могла сосредоточиться. Погасив свет, долго сидела одна на террасе, окруженная ночной тишиной и тьмой, погруженная в тяжелые мысли. Она не заметила, сколько времени просидела в таком положении, ни на минуту не сомкнув глаз. Почувствовав озноб, поднялась, накинула на плечи халат.

Бесконечная вереница мыслей...

Впервые в жизни ей пришлось так много перевернуть в своей памяти, так далеко заглянуть вперед, взвесить настоящее, оглянуться на прошлое.

Только путник, вышедший в далекий путь и встретивший первые трудности, сможет понять состояние

Фирузы. Подобно такому путнику, она размышляла, как преодолеть эти препятствия на своем пути.

Светало. Вершины деревьев медленно покачивались от утреннего ветерка, словно приветствуя зарю. Проснулись птицы.

Прояснились и мысли Фирузы. Раздумье привело к неожиданному выводу: сначала она испугалась своего решения и долго колебалась. Затем какая-то большая внутренняя сила заставила ее быстрыми и уверенными шагами войти в комнату, подойти к письменному столу, достать листок бумаги и написать:

«Наркузи-ака, пока не выясню причины, заставившей вас так резко изменить свое поведение, и пока не буду убеждена, что я не права в своем мнении, сложившемся у меня сегодня, я не вернусь в ваш дом. Оставляю ваше письмо, написанное до свадьбы. Прочтите и подумайте о своих былых мечтах, планах и обещаниях. Меня сможете найти в доме Чулбобо».

Оставив письмо, Фируза переделалась и вышла на улицу. Шаловливый ветерок бессмысленно кружился по обочине дороги, поднимая пыль. Фируза некоторое время шла медленно по пустынному, каменистому большаку, пока не свернула к дому старика. Ступив на тропинку, зашагала смелее. На площадке перед правлением было пусто.

С противоположной стороны вдали показалась девушка, уходившая в поле. Со дворов слышались голоса детей, говор взрослых, торопившихся на работу, всюду дымились самовары.

Желтые ворота председательского дома были настежь открыты. «Что-то рано нынче председатель выехал из дому», — подумала Фируза, проходя мимо.

Но председатель не уехал далеко. Еще издали Фируза увидела его восседающего на деревянной тахте под раскидистой урючиной в саду Чулбобо.

«Что это он так рано явился к старику?» — подумала она.

Ханифа, разжигавшая самовар, кинулась к Фирузе, обняла ее, расцеловала.

— Пришла, голубка моя, пришла! Мы только вчера с отцом вспоминали тебя, думали, ты забыла нас. Пришла, милая! Пойди покажись отцу, он там на тах-

те в саду с Иваном Андреевичем. Иван Андреевич у нас ночевал нынче.

— Вижу, и председатель там. Что это он спозаранку?— удивилась Фируза.

— Пришел только что. Говорит, хочет посоветоваться со стариком,— объяснила тетушка Ханифа, явно недовольная этим ранним визитом.

Фируза пошла к тахте, поздоровалась с мужчинами, сидящими вокруг низкого столика. Затем поднялась по ступенькам на тахту, подошла к старику, обняла его и поцеловала. Глаза ее наполнились слезами, она едва сдерживала себя, чтобы не разрыдаться.

— Родная моя, скучаем мы без тебя, забыла нас, стариков,— говорил Чулбобо, поглаживая ее тугие косы. Потом, обратившись к председателю, сказал:— Продолжай, я слушаю тебя, от Фирузы у меня нет секретов. Она мне как родная дочь.

Мирхасил, сидя рядом с Иваном Андреевичем, курил, глубоко вдыхая дым и стараясь, насколько возможно, скрыть волнение.

Фируза быстро окинула взглядом Мирхасила и заметила, что он осунулся, щеки обвисли, плечи опустились.

— Я оказался из тех, у кого не крепкий фундамент,— произнес он, выпуская колечки дыма.— Натворил бед, сам полез в болото, а теперь не знаю, как из него выкарабкаться. Оказывается, до сего дня я был слеп. Зрачки мои были затянуты бельмом, аксакал. Я был и глух. Во-первых, не прислушивался к вашим добрым советам. Плевал в колодец, откуда сам пил. Вы много раз и по-хорошему, и сердясь говорили, как надо беречь освоенные земли, а я истреблял их, гонясь за временным успехом. Теперь и мне видно, сколько людей и сколько техники понадобилось, чтобы восстановить заброшенные участки, исправить эту тяжкую ошибку. Во-вторых, не подумав хорошо, я дал согласие жене на постройку дома в Ташкенте. Теперь терзаюсь, спрашиваю себя: «Зачем мне дом в Ташкенте? Кому? Для чего?» Непростительные ошибки допустил, но грехи Зулукхан тяжелее моих. Мои грехи можно погрузить на одного осла, а ее грехи не потянет даже верблюд. Когда сам я стукнулся головой, тогда только презрел. Я знал, что Ильхамча составлял фальшивые

ведомости, но деньги брала Зулукхан. Я никогда не брал у Ильхамчи деньги. Верно и то, что Халмат сбывал фрукты из колхозного сада на сторону и тоже делился с Зулукхан.

— Вам надо было и кабинет свой председательский, и партбилет отдать Зулуке. Вы руководите колхозом, а не шайкой проходимцев. Что же вы их распустили? Может, вы ждали, когда они разбазарят весь колхоз? И сейчас вы бы продолжали играть в слепца, если бы не народные контролеры. Это они заставили вас прозреть!

— Не горячись, Иван! — вмешался старик. — Дай человеку высказаться.

— Я и у следователя признался, — продолжал Мирхасил. — Признался, что знал о поддельных ведомостях Ильхамчи. Основные мои ошибки в том, что я имел на ферме несколько своих баранов, собственные участки с рисом. Но все это тоже не лично для себя.

— Для Зулукхан? — засмеялся Иван Андреевич.

— Да, для нее, — не смущаясь, ответил Мирхасил. — Я ошибся в ней, оказывается. Многие годы грел змею на груди, а змея та толкала меня в пропасть. Теперь я понял всю тяжесть своих преступлений и готов нести любое наказание.

— Конечно, вы должны понести суровое наказание, — опять вспылил Иван Андреевич.

— Но прошу вас лишь об одном, — взмолился Мирхасил, — когда вы замахнете над моей головой, не забудьте и моих заслуг в первые годы освоения Голодной степи, аксакалы! Как мне искупить грехи? Как обелить себя перед народом? Как мне заслужить доверие народа и остаться в колхозе? Посоветуйте, помогите мне! — тяжело вздыхая, низко опустил голову Мирхасил.

Фируза окинула взглядом стариков: Чулбобо, прикрыв глаза, теребил бородку, а Иван Андреевич, сосредоточенно нахмурив брови, стучал пальцами по столу.

— Сложная задача, — произнес старик, словно после тяжелого сна приподнимая тяжелые веки. — Во-первых, ты хоть и поздно, но правильно сделал, что пришел за советом к старикам. Конечно, постараемся дать тебе добрый совет. Ты понял, что в тяжелую минуту может помочь только народ, и согнул свою гордую

голову в поклоне. Для тебя это значит много, это большой урок. Мы все думали, что ты толстокожий, зачахший тополь, пригодный только на топливо, но, оказывается, в тебе еще осталось немного совести. Это хорошо. Скажи, слова раскаяния исходят у тебя из сердца или тут только твоя хитрость?

— Ради бога... — начал было Мирхасил.

Чулбобо прервал:

— Знаю, все под виселицей вспоминают бога. Вот и ты каешься, вспоминаешь бога... признаешь грехи... Ладно, поверим твоему раскаянию. И, по-моему, надо тебе написать заявление на имя общего собрания колхоза. В заявлении напиши, что все добро, нажитое за счет народа, за счет труда колхозников, возвращаешь им. И двор с садом, и машину, и городской свой дом, и все остальное. А если, мол, этого не хватит, отработаю честным трудом. Вот мой тебе совет, Мирхасил-бай. Ты еще полон сил, энергии — потрудись! Искупи вину, если тебе позволят оставшиеся годы, а не хватит времени, народ добр, он простит, не оставит тебя лежать на голой земле, похоронит. А как думаешь ты, Иван?

— В основном ты прав, Таштемир,— поддержал его Иван Андреевич,— только я не согласен с тем, чтобы он писал обещание, что возвращает народу его имущество. Здесь нет его заслуги. Когда вор попадает с личным, у него не спрашивают согласия, а просто отбирают украденное. Вор обязан вернуть добычу, хочет он или не хочет. А в остальном прав Таштемир — вам надо потрудиться, может быть, взяться за освоение тугаев. Тогда вы полностью осознаете всю глубину ваших проступков.

— Поступлю так, как вы мне посоветуете. Пойду писать заявление. Отнесу в управление к Аширали.

— Оставайтесь пить чай,— засмеялся, хитро прищурив глаза, Чулбобо.

— Спасибо, отец. Не только чай, я даже не в силах проглотить росинки,— ответил Мирхасил с горечью.

— Позднее раскаяние — враг тебе самому! — заключил старик.

Ханифа принялась угощать, разливая чай.

— Отец, я тоже пришла к вам с жалобой,— сказала Фируза, виновато опустив голову.

— Что случилось, камышинка моя?— забеспокоился старик, пытливо и озабоченно глядя на нее.— Может, обидел тебя Наркузи?

— Да. Он вчера выпил... Опьянев, оскорбил, опорочил меня.— Градом полились слезы из глаз Фирузы.— И свекровь на каждом шагу укоряет меня. Всю ночь не спала. После долгих раздумий решила вернуться к вам. Вот пришла рассказать вам о своих сомнениях. Может, я ошиблась? Может, то, что я принимала за счастье, к чему так стремилась,— несчастье, беда? Боюсь, очень боюсь этого! Боюсь даже думать об этом...

— Удивительно, странно,— проговорил Чулбобо, теребя кончик скатерти.— Не верю своим ушам. Неужели подменили человека? Неужели Наркузи, которого я знал с детства, стал другим? Чудно, чудно. Что же думаешь об этом ты, Ханифа?

— Хоть Зумрад-биби и моложе меня, но взгляды у нее отсталые. Она из тех свекровушек, которые хотят, чтобы снохи сидели дома и прислуживали им. А Наркузи послушный сын. Может быть, это она так настроила его? Если будет так продолжаться, Фируза не сможет там жить. Вам, мужчинам, непременно нужно поговорить с Наркузи, узнать у него, в чем дело. Пожурить его. Пусть он гордится, что мы за него отдали нашу дочь, и бережет ее!

— Оббо, Наркузи!— продолжал возмущаться Чулбобо.— Я всегда гордился им, думал, он мой ученик, последователь мой. Вот тебе и на! Ну и ученик...

— Очень хорошо, что ты пришла именно сюда рассказать о своем горе,— сказал Иван Андреевич, взглянув на грустное личико Фирузы.— И впредь, если что у тебя случится, приходи сюда. Они тебя считают родной. Но должен тебе сказать, что в данном случае виновата ты сама. Ты являешься представительницей новой эпохи. Выросла и воспитывалась после революции. Тебя воспитал комсомол, сама ты теперь коммунистка, имеешь высшее образование, мыслящий человек. Вот уже год, как я слежу за твоим ростом. Молодец, пересмотрела экономику всего колхоза, внесла мудрые предложения. У тебя хватило силы и ума наладить дела в колхозе, в большом коллективе, а перед мужем и старухой сплеховала. Почему так? Не хватило терпе-

ния? Испугалась мелких и ничтожных трудностей? Не бойся их. Встречай их твердо. Побеждай! Добейся, чтобы семья тебя так же уважала и считалась с тобой, как жители нашего кишлака, как весь большой колхозный коллектив. Ты должна гореть ярким факелом и озарять семью. Будь ласкова, береги созданное. Поняла ты меня?

— Поняла, Иван Андреевич.

Доброе отношение стариков успокоило и как-то утешило Фирузу, наболевшему сердцу стало легче.

С этого дня Фируза поселилась опять в доме Чулбобо, ожидая ответа от Наркузи на свое письмо.

Глава двадцать пятая

Прямые, яркие солнечные лучи, падая через открытое окно на спящего Наркузи, разбудили его. Он лежал на кровати один, одетый. Напрягая память, он уставился в потолок, но никак не мог вспомнить конец вчерашнего дня: после работы он пригласил к себе Шерали. После ужина Фируза предложила Шерали ночевать в их доме. Вспомнил, как он отвез его в тугай, а дальше... дальше он не помнит... Как он добрался до дома, как оказался в постели. Где Фируза? Где мать?

У Наркузи шумело в голове, руки и ноги казались налитыми свинцом. Нехотя он поднялся с постели и прошелся по комнате из угла в угол. Вдруг он увидел письмо и записку, оставленные на столе. Прочитав записку, он окончательно отрезвел: «Что я натворил? Что говорил? Неужели обидел Фирузу?»

Письмо, написанное в канун свадьбы...

Тяжело опустился на стул и, упершись руками в стол, принялся читать письмо. Несколько раз пробежал глазами последний абзац: «Мои чувства к вам светлые, подобно солнечным лучам, чистые, подобно родниковой воде, и крепкая моя любовь подобна стали... Я мечтаю быть верным мужем, близким другом. До последнего вздоха произносить ваше имя — Фируза!!!»

Словно ужаленный, он соскочил с места и, схватившись за голову, тяжело вздохнул. В отчаянии ему захотелось громко-громко крикнуть: «Что я натворил?!»

Как бы он ни мучился, как бы ни терзался, сердце не находило себе ни оправдания, ни утешения. Просторная комната показалась ему душной и тесной. Вчетверо сложив письмо, Наркузи положил его в карман гимнастерки и вышел на террасу. Тишина. Никого вокруг. Ушла.

Он долго сидел, глядя в широкие дали до горизонта, и наконец услышал шаги матери.

Со стороны сада, из-за деревьев, подошла Зумрад-биби с охапкой сухих веток в руках.

— Когда ушла Фируза?— спросил Наркузи, вставая ей навстречу.

— Кто ее знает! Разве она мне говорит, когда уходит и когда приходит?— заворчала мать.

Она молча подошла к запыленному мотоциклу.

— По-моему, она всю ночь просидела на террасе,— продолжала Зумрад-биби.— Кажется, как только рассветло, она ушла...

Наркузи так же молча, пинком открыл калитку и вывел мотоцикл. Зарокотал мотор.

— Далеко ли, сынок?— озабоченно спросила мать.— Не вздумай к ней на работу идти с поклоном. Никуда не денется, придет.

Не дослушав мать, он в сердцах нажал на стартер, и мотоцикл, обгоняя ветер, понесся по широкому большаку.

Когда Наркузи приехал в тугай, он застал всех за работой. Прислонив мотоцикл к дощатой стене, он направился к бульдозеристам на очищенный от камыша участок. В кабине одного из бульдозеров сидел Шерали. Увидев Наркузи, он махнул рукой, приветствуя его и продолжая выворачивать огромные пласты земли.

Наркузи долго стоял, глядя на здоровые, загорелые лица, на веселых ребят, у которых спорилась работа, кипела энергия.

Бригадир не знал, за какое дело взяться, пойти ли с планировщиками или, как обычно, сесть на свободный трактор. В этот день ему захотелось поработать на мощном бульдозере, срезавшем на неровном участке бугры, встречающиеся на пути, сталкивающим земляной вал в низину, заравнивающим канавы и впадины.

Взмахом руки он остановил один из бульдозеров, и ссадив подвижного паренька, сам сел вместо него за руль, а паренек побежал к гусеничному трактору, стоявшему неподалеку, и принялся вспахивать большой холм, возвышавшийся над низиной.

До самого вечера Наркузи проработал на бульдозере. Не пошел обедать. Вечером, отказавшись от ужина, выпил чайник крепкого зеленого чая и ушел спать.

Работников удивило и молчание, и болезненный вид всегда бодрого и общительного бригадира.

Шерали, заметив разлад между Фирузой и Наркузи, решил молчать, стесняясь вмешиваться в личную жизнь молодоженов.

Наркузи и на второй день не пошел домой, и на третий остался на полевом стане. Он оброс бородой, побледнел, щеки впали и выступили скулы. Он избегал встреч с Шерали, а если и разговаривал с ним, только по делу и всегда немногословно.

На четвертый день вечером натянули на стене полевого стана экран — приехала кинопередвижка.

Ребята удобно расселись на полу, на самодельных камышовых циновках. Начался фильм «Баллада о солдате».

Подошедший после всех Наркузи встал в сторонке, устало прислонившись к столбу. Затем, в темноте узнав Шерали, он подошел к нему и шепнул:

— Выйдем, надо поговорить.

Потихоньку они выскользнули из полукруга зрителей и пошли вдоль канала. Наркузи долго шел молча, не зная, с чего начать.

Шерали, понимая состояние спутника, терпеливо молчал.

Наконец Наркузи, остановившись возле бугорка, сказал:

— Я обидел Фирузу. Помните, в тот вечер, когда вы были у нас. Фируза тогда предложила вам остаться ночевать. А я отвез вас на мотоцикле сюда. Помню только, как вернулся, а дальше — не помню.

Память словно провалилась. Не помню, в каком состоянии и как я добрался домой. Чем я так сильно обидел Фирузу, что она ушла от меня...

— Куда же? Куда она ушла? — Рябоватое лицо Шерали побледнело, глаза сверкнули.

— В дом Чулбобо,— как бы успокаивая собеседника, ответил Наркузи.— Дело не в том, где она сейчас,— продолжал он с отчаянием,— дело в том, до чего я докатился. Я был не прав в тот вечер. Пригласил вас к себе, а потом осыпал упреками ее... Конечно, она не простит меня за такое легкомыслие. К тому же у меня еще мать ворчливая, подобно осе, может жужжать весь день. Короче говоря, Фируза ушла. Вот что она мне оставила на прощанье.— Он протянул Шерали ее коротенькую записку и свое письмо.— Прочтите, посоветуйте, как мне быть, что делать?

Шерали, засветив ручной фонарик, вздыхая, прочитал оба листка.

— Бесценный бриллиант!— произнес Шерали, прошелестев перед глазами Наркузи листком бумаги.— Да, истинный бриллиант! Но этого бриллианта мы, мой друг, оказывается, не рассмотрели.

Слова Шерали расстроенный Наркузи растолковал по-своему: «Этот бриллиант я бы сумел оценить, а вы не достойны ее». Стараясь не выдать своего настроения, Наркузи спросил:

— Как вы думаете, простит ли она меня?

— Если Фируза все еще такая, какую я ее знал в течение многих лет, простит, но с условием,— ответил Шерали, возвращая письмо.

— С каким?

— Если вы докажете ей, что мысли ваши не расходятся с делами. Если она убедится, что вы не болтун...— Тяжело вздохнув, Шерали продолжал:— Умная, красивая девушка любила вас, а вы топчете ее светлые представления о жизни, о будущем, оскверняете ее большое чувство!

— Оскверняя?!— воскликнул Наркузи, вытаращив глаза и отчеканивая слово «ты».— Ты говоришь, я оскверняю, да?

— Ты,— подтвердил Шерали, тоже переходя на «ты».— Не только Фирузу, ты и меня оскорбил. Тебе хорошо известно, что я люблю ее. Я люблю ее от чистого сердца, от всей души. И сейчас я ее люблю. Я к ней стремился, как к солнцу. Ты завладел моим солнцем. Ты лишил меня света. Забрал мое счастье. Когда она предпочла тебя, я думал, что ты умней и благородней меня. Смирился со своей судьбой. Конечно, мне нужно

как-то устроить свою жизнь. Я встречаюсь с Асальхан. Но это не Фируза. Это лишь одна из звезд небосвода, а Фируза — это утренняя, яркая звезда. Путеводная звезда. Ты запомни: она не искорка в твоём очаге. Она наша путеводная звезда. Помни об этом всегда.

Глаза Наркузи сверкнули в темноте. Обида комом подступила к горлу, он глухо прорычал:

— Я трус, и ты мне советуешь быть мужчиной? Сам-то ты кто?!

Он схватил Шерали за ворот, потрянул его и со всего размаха ударил. Шерали ответил тем же.

Неизвестно, долго ли продолжалась бы их драка, если бы из-за оврага не появилась Асальхан. Закричав, она кинулась к ним и принялась разнимать.

* * *

Прошло еще две недели. Асальхан рассказала о случившемся Зумрад-биби. Мать, отправившись к сыну в тугай, расспросила его, и он поделился с ней своими переживаниями, открыл ей свое сердце, рассказал о своей тоске по Фирузе. Укорял себя, терзался, хотя кое в чем винил и ее. Мать жалела его. Ее сердце обливалось кровью, когда она увидела сына исхудалым, бледным, расстроенным.

Наркузи уговорил мать сходить к Чулбобо, поговорить с Фирузой, попросить у нее прощения и за себя, и за сына.

Зумрад-биби, заверив сына, что все уладится, побрела домой.

И теперь Наркузи то и дело выбегает на дорогу и вглядывается вдаль, ожидая мать и радостную или хотя бы утешительную весточку.

Дорога кишела грузовиками, мотоциклами, бричками и пешеходами. Многие бригады начали сбор урожая. Горячая пора наступила. Еще совсем недавно дороги пустовали, а теперь впору расставить всюду регулировщиков и светофоры. Значит, хорош урожай. Асальхан, наведавшаяся к Шерали, рассказывала, что во многих бригадах коробочки хлопчатника созрели одновременно, дружно распустились, значит, в этом году весь урожай можно собрать машинами.

Наркузи, вспомнив слова Фирузы: «Асальхан ваша последовательница, ваша ученица», слушая девушку, усмехнулся себе в усы.

Издали показалась председательская «Волга», послышался знакомый сигнал. Наркузи отскочил к обочине дороги и почему-то вдруг вспомнил, как на этой «Волге» сюда приезжала Зулука, чтобы совершить свое грязное дело.

Он через поле короткой дорогой прошел к полевому стану, а вскоре и машина, обогнув большое поле, остановилась около Наркузи. Открылась дверца, и вышла Турсуной.

— Ого, вижу, дела идут у тебя отлично,— протянула она руку, глядя на обработанные бескрайние поля.— Сколько подняли целины?

— Двести гектаров,— ответил Наркузи.— Осталось еще пятьсот.

— Давайте, давайте!..— подбодрила она, оглядев Наркузи с ног до головы.

Он, смутившись, виновато отвел глаза, опустил голову.

— Что же это вы обидели Фирузу?— спросила она, глядя на небритое, исхудалое лицо собеседника.— На кого вы тут стали похожи, вас будто подменили, не всякий узнает! Что теперь думаете делать?

— Послал я к ней мать, может, простит...

— От кого угодно, но только не от вас можно было ждать такого легкомыслия! При чем же тут ваша мать? Вы сами должны поговорить с Фирузой. Сегодня вечером общее собрание, соберите членов своей бригады и приезжайте в клуб, там сможете с ней повидаться.

Турсуной уехала извещать остальных бригадиров о предстоящем собрании.

«Надо, надо поговорить с Фирузой,— думал Наркузи, шагая по вспаханной земле,— но будет ли она-то говорить со мной? Простит ли она меня?»

Вечером со своей бригадой Наркузи приехал в кишлак. На площади возле правления стояли грузовики, мотоциклы, велосипеды, брички, лошади.

Турсуной, разговаривавшая возле дверей с бригадами, увидев Наркузи, махнула ему и позвала:

— Идемте, идемте, пора начинать!

Все следом за Турсуной вошли в клуб.

Стоявшие в проходах расступились, чтобы пропустить их. Турсуной поднялась на сцену, встав против микрофона, позвонила, призывая шумный зал к порядку. Воцарилась тишина. Все приглашенные в президиум поднялись на сцену и заняли свои места.

Открыв общее собрание колхоза, Турсуной объявила повестку дня — обсуждение заявления председателя Мирхасила Мирхайдарова.

Услышав повестку дня, зал оживился.

Турсуной предоставила слово председателю.

Мирхасил подошел к кафедре, надел очки, вытащил из красной сафьяновой папки несколько листков и подавленным голосом принялся читать свое заявление. На нескольких страницах со всеми подробностями он изложил свою деятельность в течение двадцати лет в этом колхозе. Со слезой он перечислял все допущенные им ошибки. Сказал и о том, что вернул колхозу незаконно присвоенное добро и деньги. Просит общее собрание освободить его от председательства и разрешить остаться работать на освоении тугаев.

Заявление обсуждалось горячо. Асальхан от имени всей своей бригады сурово критиковала деятельность зазнавшегося председателя. Она призывала собрание не успокаиваться на том, что председатель вернул колхозу похищенное добро, и требовала привлечь Мирхасила к уголовной ответственности.

Выступил и Чулбобо. Он сокрушался о хищнически истребленных землях, рассказал о своих предупреждениях, советах, просьбах, уговорах, которые Мирхасил не только отвергал, но которые явно раздражали его, опиравшегося на районное руководство. Рассказал о районном руководстве, потакавшем Мирхасилу и не желавшем прислушаться, вникнуть в суть дела.

— Не только не пресекли они проделки Мирхасила, но даже поощряли все его дела, не дозволяли слова сказать против Мирхасила. Вот как было!

Старик внес предложение: снять Мирхасила с председательства и отправить в тугаи, чтобы трудом и потом искупил он свою вину перед землей, которую довел до такого состояния.

Многие выступали на этом собрании, вспоминали указание Ленина превратить Голодную степь в цветущую

щий сад, говорили о задачах колхозников беречь как зеницу ока каждую пядь освоенной земли. А преступления и дела Мирхасила предлагали рассматривать как подрыв колхозной экономики, требовали привлечь его к уголовной ответственности.

К концу собрания было два предложения: одно — освободить Мирхасила от председательства и отдать под суд. Другое — освободить от председательства и послать на освоение тугаев.

Большинством голосов утвердили первое предложение.

— Теперь мы должны выбрать нового председателя, — обратилась Турсуной к колхозникам. — У кого какие предложения?

Сидящие в зале замолкли. Одни считали достойной Турсуной, другие — Аширали, третьи — Наркузи. Никто не решался высказаться первым, сомневаясь, поддержат ли его другие.

Слово попросил Аширали.

— Есть одна кандидатура. Человек, знающий колхозное производство, экономику и агротехнику. Я думаю, такая кандидатура устроит нас всех — и стариков, и молодых, — обратился он к залу. — Я предлагаю избрать нашего агронома — Фирузу!

Зал на мгновение притих от неожиданности, но тут же дружно, как бы радостно охнув, загремел аплодисментами и веселыми возгласами:

— Правильно!

— Мы согласны! Проголосуем!

Аширали сел на свое место. Наркузи особенно оживился. Он изо всех сил аплодировал, виновато, исподлобья поглядывая на сидевшего с ним рядом Чулбобо.

Турсуной приступила к голосованию.

— Кто за кандидатуру агронома Каримовой?

Все подняли руки.

— Председатель колхоза «Радостный труд» товарищ Каримова, прошу вас в президиум! — обратилась к Фирузе Турсуной.

Мирхасил, сошедший со сцены, столкнулся в проходе с Фирузой, направлявшейся на сцену. Прижавшись к стенке, он, понурившись, пропустил нового председателя.

Фируза молча поклонилась сидящим в зале и села возле Турсуной, там, где только что сидел Мирхасил...

После собрания Наркузи вышел на площадь и остановился возле арыка. Все разъехались и разошлись. Последними уехали Турсуной и Аширали. Погасли огни в клубе. Загорелся свет в кабинете у председателя. Значит, Фируза не ушла. Она одна...

Если бы тогда хватило у Наркузи воли и мужества зайти к жене, попросить прощения, помириться, может быть, через несколько минут счастливая пара медленно пошла бы к себе домой. Но Наркузи не зашел к ней. В нем кипели сомнения, обиды, ущемленная мужская гордость... Ему казалось, что Фируза упрекнет его: «Не смог прийти раньше, пришел, когда я стала председателем!»

Низко опустив голову, измученный сомнениями, Наркузи побрел по большаку, направляясь назад, к себе в тугаи...

Прошло два месяца.

В канун ноябрьского праздника Фируза сидела в кабинете.

Вошла Турсуной. Застав Фирузу за подсчетами, спросила:

— Чем занимаетесь, товарищ председатель?

— Собираюсь рапортовать, — ответила Фируза, записывая какие-то цифры на бланке. — Обязательство наш колхоз выполнил на 101 процент. С каждого гектара мы в среднем получили по 26 центнеров. А в прошлом году только по 19. Выходит, прирост на 7 процентов. Как думаете, можно уже сообщить в район?

— Конечно! — просияла Турсуной.

Фируза подняла телефонную трубку.

Из ящика стола Фируза достала листок бумаги и, протягивая Турсуной, улыбнулась:

— Еще у нас есть праздничный подарок. Уже около трети болот освоено. Сообщим и об этом!

— Непременно, это же рекорд!

На телефонный звонок откликнулся Аширали.

Она доложила об итогах предпраздничных соревнований и сводку по сбору хлопка.

— Еще тонн триста соберем!— пообещала Фируза. Затем, словно между прочим, добавила: — Одна третья часть тугаев у нас освоена и вспахана. Вот и все, что мы успели к празднику!

Аширала засмеялся ей в ответ.

— Так председатели не рапортуют: «Вот и все!..» Мирхасил не так бы рапортовал о таких успехах. Вы молодец, Фируза, молодец!

Положив на рычаг трубку, Фируза убрала в стол бумаги, погасила свет и вместе с Турсуной вышла из правления.

Накрапывал дождь.

— Куда же вы теперь, председатель?

— Я живу у Чулбобо.

— И долго думаете там оставаться?

— Мне удобно там, у друзей.

— А домой когда же?

— Вы говорите о доме Наркузи?

— Конечно.

— Нет, это не мой дом.

— Из-за единственной оплошности Наркузи можно ли так круто решать такой серьезный вопрос?

— Право, не знаю, я много думала. Не могу решить.

— Но ведь и нельзя так оставлять это...

Кажется, Турсуной собиралась еще что-то добавить, в чем-то убедить или разуверить Фирузу, но разговор их был нарушен появлением Чулбобо.

— Ну вот, у меня и попутчик!— с явным удовольствием и облегчением воскликнула Фируза, довольная, что тягостный для нее разговор прервался.

Попрощавшись с Турсуной, она пошла со стариком.

— О чем же ты, доченька, так долго беседовала с Турсуной?

— Да вот, отец, все тот же разговор. О моем замужестве, о том, где мне быть, где мне жить. Каждый, если не скажет словами, попрекнет меня взглядом, а при случае и прямо говорят: мирись, мол, а не то стыдно — не успела замуж выйти, как уже сбежала от мужа...

— Да... — протянул Чулбобо и надолго умолк.

Уже дойдя до дома, у себя в осеннем саду, старик досказал ей свою мысль:

— Не доглядел я, доченька. Не разобрался тогда. Не то тебе посоветовал, не так и сам рассудил.

— А что, о чем? Чего не доглядели вы?

— Когда ты совета ждала, когда твоя жизнь решалась, не то я тебе сказал.

— А что надо было сказать?

— Надо было мне удержать тебя от твоего замужества.

— Значит, не за того я замуж вышла? За Шерали надо было?

— Когда ты об этом задумалась, надо было тебе прислушаться к своему сердцу. И поняла бы ты, доченька, что не любовь ты переживала, а хотела выйти поудобнее: Шерали не был удобен — он жил в другом колхозе, а тебе понравилось здесь. Скажи он тебе, что переедет сюда, ты, могло статься, его бы предпочла. Да он не додумался сказать тебе об этом. А может быть, самолюбие ему не позволяло бросить свое место ради девушки. А Наркузи вот тут, рядом. Вот ты и выбрала его, будто непременно надо было выбирать того или другого. Ну мне и показалось, что тут у тебя любовь и все такое... А ведь с этого-то и начинать надо: прежде чем замуж собираться, в сердце надо покопаться, есть ли там любовь, действительно ли есть? А тогда уж и решать. А то не того выбрала, кто тебе милей, а того, который удобнее. В браке не удобства ищи, а любви, доченька. Как мы с моей старухой — поженились и не каемся. А ты так свою участь решила: как увидела, что он у тебя вышел из послушания, допустил своеволие или не тем голосом с тобой поговорил, и вот уже прочь бежишь, как от постороннего, даже, можно сказать, как от вещи какой-нибудь, которая поломалась. Да что ж это такое? Отчего это? А оттого, доченька, что не любовью ты с ним была связана. И к тому, другому, у тебя любви не оказалось. Вот ты и осталась между ними одна. Сама себя наказала.

— И что ж мне теперь делать, отец?

— Работать председателем, доченька.

— А с семьей-то?

— Про то я и говорю. Председательствуй. Дел у тебя много. Занимайся. А придет такое время, что забьется сердце чаще, чем прежде, тогда и задумайся. Без любви ни дома не строят, ни семьи не складывают...

Они сидели в темноте на террасе. Наливали друг другу остывающий чай.

Накрапывал дождь.

Откуда-то издалека, со стороны тугаев, слышался гул работавшей машины и порой сверкали отсветы фар. Смутно слышалась песня.

Голодная степь даже в эту темную, ненастную, осеннюю ночь жила, пробужденная трудом людей, и каждый брал от того труда что-то дорогое для себя: одни — радость, другие — мудрость, третьи — бодрость и силу, а кто-то взял себе песню, которую теперь пел вдалеке, в темноте, сливая свою мелодию с далеким гулом работающих машин.

1963—1964 гг.

Хамид
Гулям

**СТЕШНЫЕ
ФИАЛКИ**

Авторизованный перевод
ДМ. ХОЛЕНДРО

Глава первая

САД РАХИМА-БОБО

Ну и жара! Небо как вымытое и начисто вытертое стекло. Ни облачка — ни вблизи, ни вдали, как будто их и не было никогда над головой, все облака сгорели дотла, легко, как пух. И ничем не прикрытое солнце безудержно посылает на землю не лучи, а огненный дождь.

Весь мир перед ним нараспашку.

А оно и радо! Оно щедро льет свой огонь на крыши, на стены, на деревья, на асфальт, на траву, на людей, не заботясь о том, что может сжечь все подряд как уже сожгло облака. И так с утра...

Деревья замерли неподвижно и стоят, роняя жалкие клочки тени на раскаленную землю. А люди переходят неторопливыми шагами от одной тени к другой и останавливаются, чтобы постоять в укрытии хотя бы минуту. Тень — остановка, тень — остановка, словно люди не идут, а едут по каким-то незримым дорогам, протянутым вкривь и вкось... Так они и движутся — не прямо, а вкривь и вкось, и со стороны можно легко подумать, что они, бедняги, не совсем трезвые. Поятся в тени, держась рукой за горячий ствол тополька, и бредут дальше, качаясь чуть-чуть и высматривая новую тень... Жарко!

Воздух горячо разливается по телу, но, странно, не жжет, а только сушит и вызывает жажду, пить хочется на каждом углу. Хорошо, что климат здесь сухой, добавить в этот воздух, в это пламя немного влаги, немного испарений — и совсем нечем будет дышать.

Люди с надеждой ждут, что, может быть, завтра солнце сжалится над ними, поостынет. Ничего подобного! Назавтра оно еще свирепей, оно не хочет утихомириваться, палит неистощимо и люто, и люди сдаются, стараются убежать из города, оставляя свои благоустроенные, удобно обставленные квартиры, спешат поближе к горам, к речкам, в прохладу которых можно окунуться, а потом посидеть под склонившейся к воде ивой. На траве, сохранившей здесь, у воды, зеленый цвет... И никуда не ехать, не идти... Зачем эти улицы, закованные в асфальт, эти дома, сложенные из камня, лезущего в знойное небо, эти горячие железные корсбики, называемые автобусами? Зачем?

Солнце палит так, похоже, лишь для того, чтобы напомнить людям, что они — дети природы, и выгнать их из города.

Хорошо, если у близких или друзей где-нибудь на берегу реки, под защитой горной гряды, с которой стекает ночная свежесть, есть сад. Тогда — в сады, в сады! Автобусы в эти знойные дни тянутся к кишлакам вереницами, а завоз хлеба в сельские лавки увеличивается в несколько раз.

Если проехать по ташкентской дороге километров семнадцать в сторону Карасу — Черной речки, то попадешь в зеленый кишлак Кибрай. А если от центра его повернуть в левую сторону по узкой асфальтовой полоске, похожей на ручей, то скоро окажешься на берегу самой Черной речки. Какая же это благодать — и дышать ею, и смотреть на нее. Сейчас, когда солнце так немилосердно, в горах обильно тают снега, и Черная речка течет плавно, величаво, полноводная и темная до дна! Она оправдывает свое название темной глубиной этих вод. А может быть, вода темна просто оттого, что на берегах реки, с обеих сторон, плотными стенами сомкнулись столетние ивы. Они прячут в свою тень не только людей, но и саму реку, и она благодарно омывает их толстые, местами обнажившиеся корни.

Под такими ивами, в гуще их, не сразу заметишь чигирь, колесо с черпалками, которое вращается так же бессонно, как бессонно течет река, наполняя черпалки водой и отдавая эту воду саду, подступающему вплотную к реке... Вода постепенно поднимается на крутой берег и выливается в канаву, в арык, чтобы

послушно побежать по нему в сад, под яблони и персики, инжир и гранаты, посаженные и взлелеянные руками старика Рахима-бобо. Вместе с водой под деревьями разливаются журчанье и шорохи, звуки бессмертной жизни... Дед Рахим не только посадил когда-то слабые, не толще бельевой веревки, саженцы этих крепких, разросшихся ныне деревьев, но и соорудил чигирь, и выкопал арыки.. И вода торопится по ним в сад, как внучка, соскучившаяся по деду.

Сравнение, пришедшее на ум, понравилось молодому человеку, который полулежал на веранде, на растеленных одеялах, обмахивался платком и любовался этим небольшим садом. Темные глаза его скользили по верхушкам деревьев... Он разглядывал уже сочные плоды дальних слив и удивлялся. Да, сад был небольшой, но чего только не росло здесь! Деревья — это половина сада, а вторую его половину занял виноградник. Так и протянулись до самой реки: справа — деревья, слева — лозы. А перед верандой был еще маленький цветник.

Сам кишлачный житель, молодой человек без труда представил себе, сколько сил и стараний потребовал от деда каждый росток. И с тем большим уважением он размышлял о старике, с которым его свела, можно сказать, случайность. Он, бригадир-хлопковод, заочник сельскохозяйственного института, приехал в столицу из своего андижанского колхоза на защиту диплома. Через несколько дней — прощай, институт, прощай, учеба! И защита уже состоялась, диплом осталось только получить. Как все скоро, однако! Недаром еще его дед внушал — хочешь успеть, помни, время не ждет, время — единственное, что не останавливается никогда... И вот защита позади, время и это отсчитало... А ведь как волновался, когда приехал. А тут еще жара, удручающе несносная в городе. И он предложил своему нозому знакомому, тоже, видно, заочнику, с которым разговаривал в коридоре института, тоже хлопководу-бригадиру, только не из андижанских долин, а из предгорий Хаваса, объединиться и поселиться за городом. Рано вставать им — не привыкать, потолкаться полчаса, часок в автобусе — не страшно, молодые, зато — свежий воздух. Свежий воздух — свежая голова. Свежая голова — ясные мысли...

Так они и оказались в саду Рахима-бобо.

Принятый за заочника, каких много собиралось в стенах ташкентских институтов в эти летние дни, новый знакомый, как выяснилось, приехал защищать не диплом, а кандидатскую диссертацию. И ни словом не обмолвился об этом, пока длился их разговор. Подумалось тогда — высокомерный или скромный, почему промолчал о своей диссертации? А потом как-то само собой забылось, словно рукой махнул... Неважно! Встретились, проживут недолго под сенью деревьев древнего Рахима-бобо и разъедутся, расстанутся... Может быть, навсегда. Земля большая. Скоро, и правда, разъедутся... Время не останавливается, торопит... Скоро!

А пока он лежит на веранде домика Рахима-бобо и смотрит, как колышется лоза — где-то там, в винограднике, возится старик, подвязывает побеги, клонящиеся до земли под тяжестью черных или янтарных, пронизанных солнцем гроздей, его не видно отсюда, он совсем маленький, этот старик, виноградная листва легко прячет его с головой...

Да ведь, как говорится, мал да удал! Вон какой сад развел на клочке земли не больше поясного платка! И если бы один этот сад!

В эти самые дни неугомонный старичок-бодрячок, ковыряющийся в саду, справил свое восьмидесятилетие. Неожиданные его квартиранты-постояльцы попали с корабля на бал, очутились в центре пира. Конечно, они уже наслышались, как много у старика детей, внуков, правнуков. Но и предполагать не могли, что все возьмут и соберутся на стариковский день рождения. Приехали, однако, собрались! Не семья, а целый кишлак. Ну и ну! Один сын — директор совхоза, второй — завод, еще один — врач, пять дочек — учительницы... Уже и внуки есть с высшим образованием, ответственные специалисты. И, значит, на ответственной работе. И не только с образованием, но и с орденами. Глаза вылупишь!

Да и сам тщедушный старичок не такой уж тихий жучок, доживающий отпущенные ему дни под веточками своего сада и без конца ковыряющийся то в земле, то в навозе... Нет, было время, он работал председателем Кибрайского сельсовета, первым председателем первого сельсовета в Кибрае! Здесь организовал он пер-

вое товарищество бедных крестьян... Давно это было, полвека тому назад! Но ведь время не останавливается, время бежит, несется...

А старик еще жив! И слава его жива! В день рождения Рахима-бобо на всех дорогах к Кибраю с утра прибавилось легковых машин. Они везли на праздник не только детей и внуков, но и друзей деда, старых большевиков, бывших и нынешних председателей колхозов, агрономов, поливальщиков, а то и ученых... Вот тебе и старик!.. Говорили, говорили о нем, поднимая чарки, а всего и не сказали, поди!

Ну что ж! Тут есть чему поучиться.

Вот окончен институт, диплом, как говорится, в кармане, что дальше? Вернуться в свой колхоз и снова стать если и не передовым, то видным бригадиром, каких много? Затеряться в их числе, в их растущих списках? Ждать на совещаниях районного актива, когда назовут и твою фамилию? Ну нет... Это — за спиной... Пройденный этап. Пройдено — прожито. А дальше?

Если признаться, еще в годы учебы думалось всерьез и об этом «дальше». И все чаще возникал в мыслях Мирзачуль. Просторы, которые не оглядишь... Даже мысленно! Мирзачуль, Голодная степь... На многие сотни километров, из края в край, протянулась она, здесь, со стороны Ташкента, уже прикрытая садами и зеленым разливом хлопковых полей... Еще неглубоко, как в пору половодья реки прикрывают водой свои берега... Но вода возвращается, а зелень садов и полей, проникающая в Мирзачуль, не отступает, наоборот, движется все глубже, тесня верблюжью колючку, густую и сиреневую в буйные дни цветенья и серую, ломкую, прозрачную, все остальное время... Мирзачуль... Когда-то верблюжья колючка была единственным украшением этой земли. Немеряной, неоглядной, бесплодной... Недаром ее называли Голодной степью.

Однако Голодная степь, преображаясь, назвала уже десятки своих героев. Их портреты в праздничные утра несут над колоннами демонстрантов в кишлаках и столице, печатают в газетах. Их имена и в будни звучат по радио. А лацканы их пиджаков, конечно, уже успели отяжелеть от правительственных наград, а то и светятся золотом звезд. По заслугам! Работа у них не из простых и легких...

Поэтому и он не готовится к легкой жизни, когда думает о просторах Мирзачуля. О тех его далях, откуда еще не ушла пустыня со своими шакалами и пыльными бурями, с насквозь как в аду, пропеченной землей, лежащей вроде бы бездыханно, но там, в глубине, затаившей тоскливое ожидание жизни. Ведь земля, как женщина, должна рожать.

Жизнь проникала в степь вместе с водой, без воды она была немислима, вода ее приносила. Вода — жизнь! Это так. Но как сделать, чтобы вода не загубила, а заставила рожать пустынные земли? Да-да, не загубила! Немало случаев известно, когда драгоценная вода, от которой ждали сказочных чудес, превращала землю Мирзачуля в болота. И все. Никаких чудес, если не принимать и этого за своеобразное чудо: вместо пыли — самое настоящее болото с лягушками и комарами. Мирзачульская пыль оказалась небывало плодородной землей, веками копившей материнские силы... Нерастраченные, рвущиеся на волю... Но как их подкормить человеку?

Он этому учился.

Он понял, как трудно управлять землей. Все играет здесь свою роль, все играет на невидимых струнах будущего успеха — вода, погода, ветер... О! Это не самые послушные музыканты! Но он найдет с ними общий язык, научится управлять этим сложнейшим современным оркестром.

Бригадиру с дипломом открывалось многое, если выразить свое согласие поехать в Мирзачуль. Не согласие, а желание! Почти наверняка можно сразу стать директором нового совхоза. Новые совхозы на просторах Голодной степи возникали группами, как грибы на зеленой лужайке после дождя. И сейчас, конечно, есть такие, ждущие, условно говоря, хозяина, образованного специалиста, и он придет и скажет: «Я возьмусь!» Год-два упорной работы, и о нем услышат родной кишлак, знакомые и незнакомые... Да что там! Вся страна. Если уж дерзать, так дерзать! Он может сказать не только: «Я возьмусь!» Он может сказать: «Я готов!» А еще лучше: «Я могу!»

И завидная слава Рахима-бобо не сумеет соперничать с его невольной славой, как этот крохотный, по существу, сад с просторами Мирзачуля, полными и

солнца, и ветра, и пыли... С просторами, в покорение которых он вложит и свою жизнь...

А из сада Рахима-бобо он увезет не только такие-то сорта плодовых деревьев для своих пустынных садов, но и его внучку Дилдор. Они познакомились здесь на дне рождения ее деда, вот на этой веранде. Он только повязал новый галстук, почистил и пригладил отвороты пиджака и последний раз глянул в зеркало перед тем, как выйти из дома и направиться к столу, накрытому в саду и уже окруженному гостями. А она вышла из другой двери с подносом, на котором горой возвышались желтые груши, закрывая ее лицо, потому что она держала свою ношу высоко...

— Вам помочь? — спросил он.

Прежде чем ответить, она отвела поднос, и он, не очень молодой человек, потому что годы, ушедшие на учебу, не вернешь, ничто подлинное без жертв не бывает, он остолбенел и протянутые руки сами собой опустились. Ее улыбка не была такой, как у всех, она была особенной, ее тонкие, не выщипанные, а от природы тонкие брови приподнялись, ее блестящие глаза смотрели на него с любопытством, искренним и по-детски открытым... Это открытое любопытство сразу было замечено им, едва он пришел в себя. Она не ответила, а только покачала головой и пошла по дорожке сада быстро и как-то стыдливо.

А он догнал и спросил:

— Простите, как вас зовут?

— Дилдор.

— Вы — внучка Рахима-бобо?

— Да.

Он, как полагается вежливому и воспитанному человеку, назвал себя и добавил:

— Я живу у вашего дедушки.

Тогда она еще раз посмотрела на него открытым и долгим взглядом. В глазах ее было написано: я знаю, что мой добрый дед пустил к себе квартирантов, но не ждала, что один из них так... так... ну, как бы это сказать точнее и честнее, что было написано в ее глазах... так привлекателен!

— Добрый и замечательный у вас дедушка! — сказал он еще до того, как начались застольные речи и он узнал, что дед у нее действительно замечательный.

Она еще раз взглянула на него так, что стало ясно: она очень любила деда. Но не только это. Стало вот что ясно ему, будущему директору нового мирзачульского совхоза, при взгляде Дилдор: это его судьба. Через день он поехал в Ташкент, будто бы по институтским делам, хотя никаких дел на этот раз не было, нашел ее, еще через несколько дней они сидели на воздушной веранде какого-то кафе, как в люльке дирижабля, среди чинар большого ташкентского сквера и рассказывали друг другу о себе, и он услышал, что Дилдор только что закончила медицинский институт и ждет своего назначения, а еще спустя два-три дня другие слова зазвучали сами собой, другие речи... Время, торопливое время, на этот раз помогло, работало на него... Он ведь должен был вот-вот уехать, и Дилдор это знала... Может быть, они сказали все друг другу скорее, чем полагается по старым канонам... А может быть, и нет... Разве у любви есть каноны?

Теперь, так или иначе, он знает, что увезет Дилдор отсюда. С собой. Куда бы то ни было! О Мирзачуле еще надо подумать... Заманчиво, но — Дилдор... И, может быть, ее родственники, которые скоро станут и его родственниками, подскажут что-то еще.. А может быть, лучше годик подождать с предложением, со свадьбой, опериться в новом качестве, окрепнуть, осмотреться?.. Кто знает! Пока слава его не загрела, не заиграла на литаврах, кто знает, отдадут ли именитые родственники свою Дилдор колхозному бригадиру, хотя бы и с дипломом? Не спеши, не рой копытом землю!

— Ахмаджан! — раздалось из гущи виноградных лоз.

— Ляббай! — ответил он. — Слушаю! — И приподнялся на локте.

Дед выбрался на тропу и заковылял к веранде. В руках, как ребенка, Рахим-бобо нес тяжелую гроздь чораса. Фиолетово-черные ягоды сдавились, так их было много, и каждая ягода, без преувеличения, не меньше сливы. Ягодам было тесно. Такую гроздочку одной рукой не удержишь!

— Угощайтесь! — Дед положил гроздь перед Ахмаджаном, на поднос, где стоял остывший чайник, сам опустился напротив и вытер лоб концом большого цветного платка. — Фу-у-у...

Ахмаджан поблагодарил и стал отщипывать ягоды.

— Ну, как?— спросил дед, отдышавшись.

— Вкусно.

— Да нет, я о другом,— засмеялся дед.— Ученье закончили, диплом, сколько ни волновались и какая жара ни стояла на дворе, защитили благополучно...

— Другого выхода у нас не было!— улыбнулся Ахмаджан.

— Назавтра все кажется легче,— сказал старик,— а учителя-то, наверно, строго спрашивали?

— Да нет!— ответил Ахмаджан, подчиняясь своему прекрасному настроению.— Как узнали, что моя бригада собирает по сорок центнеров хлопка с гектара, сразу выдали диплом! Повезло!

— Да-да,— закивал Рахим-бобо, теребя кончик бороды,— когда повезет, сразу все двери открываются, и большие, и маленькие. Теперь можно называть вас муллой, ученым человеком...

— Ха-ха!— подвигал плечами Ахмаджан, будто на него надели парадный пиджак.— Как-то непривычно!

— Ну, а дальше, мулла?— спросил дед.— Какие планы?

И показалось, что дед неспроста интересуется, выпытывает что-то. Может быть, Дилдор поделилась с ним?

Дед налил в пиалушку холодного зеленого чая, с удовольствием сделал глоток.

— Не обессудьте, что спрашиваю... Вернетесь в свой кишлак, будете выращивать хлопок?

— Матери наши страдали на хлопковых полях,— уклончиво ответил Ахмаджан.

Старик задумался, брови сошлись, прикрыл глаза.

— Мы тоже начинали с хлопка... Великая это, как сейчас говорят, культура, великое дело... Сколько жизней ему отдано! Да и я когда-то был хлопководом... Но расширялся город, шел к нам, приближался, требовал все больше овощей и фруктов... Занялись мы и животноводством, потому что город повторял каждый день: мяса, мяса! Но, если правду сказать, сынок, тоскую о хлопке! Это как хорошая песня... Прицепится и все звучит, звучит... Пахта! Хлопок! Правда, и песен про хлопок много сложено... Но еще не все спеты! А?

— Не все! — подтвердил Ахмаджан, удивляясь живости старика.

А тот не умолкал, то серьезным становясь, то веселым:

— Если б вдруг смилостивилась природа да скинула половину, да нет, хотя бы лет двадцать пять, укатил бы я в Мирзачуль, на целину... От одних этих мыслей можно помолодеть! Растил бы хлопок, а рядом — сады. Людям и то, и то нужно... Посмотрите, Ахмаджан, на этот инжир или персик, — он показал на разные плоды, лежащие около пузатого чайника, — красивые, правда? Аппетитные! Вот бы в пустыне посадить по тысяче корней инжира и персика! Хорошо!

— Я на хлопковом поле родился, думаю о хлопке.

— Хорошо! — повторил старик. — Вот ваш андижанец Мамаджан Дададжанов поехал в Мирзачуль, на голые земли, и слава о нем понеслась далеко! Разве плохо?

— Да, конечно... Кто не знает о Мамаджане? А ведь три-четыре года тому назад слыхом о нем не слыхали. Уехал в Мирзачуль и стал знаменитым директором совхоза.

— Поезжайте в степь, дружище, — советовал дед, — не проиграете!

— Может быть, — ответил Ахмаджан. — Может быть, поеду...

— Он еще колеблется, дуралей! — воскликнул дед. — Посмотрите на нашего Азизбая! Два года тому назад уехал в Мирзачуль из своего Фируза, где был бригадиром, как вы. А сейчас, говорит, ему совхоз предлагают. Назначат директором! Ах, как интересно! Как интересно жить и работать там, где нога человека еще не ступала! Кстати, где наш Азизбай?

Легко сближался с людьми старик! Вот уже и Азиза, второго своего постояльца, называл «наш».

— Не знаю, — сказал Ахмаджан. — По-моему, вот-вот должен появиться... Чего вы на меня так смотрите, дедушка?

— Смотрю и радуюсь, — сказал старик, — удивляюсь! Ты окончил институт. Он стал кандидатом наук. Два бригадира! Колхозники! Есть чему удивиться и порадоваться!

Ахмаджан засмеялся.

— Да, конечно! Я бы на его месте зарезал барана покрупнее и угостил друзей... Вот мне после диплома пришлось сорок человек в ресторан приглашать! Чуть знакомый, уже зову. Счастье, знаете, в таких случаях не очень разборчиво... А он... Э!

— Что — он? — дед повернул голову, приблизил ухо.

— Сразу после защиты пошел к своему руководителю доводить спор до конца! Есть же люди, которые готовы покупать скандалы за деньги!

— А на чем они разошлись, чего не поделили?

— Да ну! Спорят, какие междурядья выгодней на хлопковых полях, узкие или широкие, что привлекательнее — больше кустов на гектаре или сплошная машинная обработка... А может быть, и то и то. Но если довести количество кустов хлопчатника на одном гектаре, скажем, до двухсот тысяч, тогда всю нашу технику надо переделывать...

— Ну что ж, — задумчиво сказал старик, покачал головой, — если в науке Азизбая есть зерно, можно переделать всю технику. Государство наше мощное!

— Не спорю, — сказал Ахмаджан, — и все же идеи его лишь на бумаге осуществимы! Возьмите для примера наш кишлак. Все поля вокруг — кривые-косые. Да еще окружены тутовником. После ровнять, перекраивать, деревья корчевать... Нет, дедушка, это утопия!

— Поэтому я и советую тебе — езжай на целину! — дружески подхватил старик и похлопал собеседника по коленке. — А вот и наш Азизбай! Легок на помине!

С тяжелой сумкой в руках в ворота входил Азиз. Пот с его круглого лица лился градом, ботинки в пыли — очевидно, шагал пешком. Словно для таких вот чудаков у деда прямо на калитке висела щетка. Азиз снял ее с гвоздика, помакал в арык и, присев у воды, начал приводить себя в порядок. Пока чистился, уронил в арык щетку. Вскочил, хотел остановить ее носком ботинка, и тут же расшнурованный ботинок упал с ноги. Пришлось и то и то ловить в быстрой воде, встав на колени и замочив руку по локоть.

Все-таки странный он был какой-то, этот новоиспеченный кандидат наук, неловкий, неповоротливый. Видно, догадался, что за ним следят с веранды, и обернулся, улыбаясь до ушей. Капли воды или пота, заст-

рванные в рябинках его лица, блестели. Потом надел мокрый ботинок и подошел к веранде, вытираясь рукавом рубашки, пока дед не подал ему полотенце.

— Здравствуйте, — поклонился Азиз деду, а Ахмаджану кивнул головой.

Ахмаджан тряхнул в ответ шапкой черных волос.

— Как себя чувствуешь, дружище? — весело спросил Азиз.

Вот еще что было в нем удивительным или... глупым, не обижался кандидат. Упади он сам в арык или в пыль, ударься, ну, как говорится, разрази его гром, он всегда оставался веселым.

— Отлично! — ответил в тон ему Ахмаджан. — Кажется, дальнюю дорогу одолевать пришлось?

— Да, автобус шел только до какого-то дома отдыха, примерно на полпути... Пришлось шагать.

— Ого!

— Чепуха! Подумаешь! — Азиз положил на пол набитую сумку. — Плов хочу сварить, не возражаете?

— А чего нам возражать? — усмехнулся Рахим-бобо. — Давно известно — если уж умереть, так лучше всего от плова!

Азиз рассмеялся на весь сад и стал доставать из сумки свои припасы.

— Морковь резаную купил. Давай, Ахмаджан, режь мясо и сало. Смотри, какая баранина!

В самом деле, кусок был заманчивый, дразнил аппетит одним своим видом этот кусок с комочками жира. И рис Азиз купил отменный, для плова лучше не бывает, припсднял целлофановый пакет и показал:

— Цемного девзры!

— Раскошелились сегодня? — намекая на то, что банкет так и не состоялся, осторожно спросил Ахмаджан.

Азиз улыбнулся, кивнул, не понимая намека, слишком тонкого, как видно, для него, а Рахим-бобо, затыкая за пояс полы халата, сказал:

— Зато дрова некупленные, свои! — и пошел к дворовому очагу, за которым высилась гора сухих коряг.

Скоро там затюкал топорик.

Азиз неловко оглядывался на старика, топтался, и Ахмаджан выручил его, предложив:

— Да ты сядь, отдохни, кандидат! Покури!— Он протянул ему сигареты.

— Спасибо,— поблагодарил Азиз, усевшись.— Курить не буду, хотя надо бы подымить, посоветоваться... Есть разговор...

— Валяй,— сказал Ахмаджан, подобрав под себя ноги и усаживаясь напротив кандидата поудобнее.— Советоваться можно без дыма... Жара такая, что лишний раз спичку зажигать ни к чему. Какой разговор?

Азиз сел, опять улыбаясь до ушей.

— Жениться решил,— наконец сказал он.

— Ну да?!

Азиз приложил растопыренную ладонь к груди.

— Пусть аллах покарает меня, если это неправда! Решил жениться! Что скажешь?

— Давно пора!

С лица Азиза вдруг слетела веселость, густые брови нависли над мелковатыми, глубоко посаженными глазами.

— Давно, давно...— Он о чем-то задумался.— Тридцать первый...

— Юноша!— ободрил его Ахмаджан.

— А?— Азиз встряхнулся и заулыбался.— Сейчас сделаем плов, подкреплюсь и поеду в город на переговоры без долгих дум и колебаний...

— А кто ваша избранница, если не секрет, Азизака?

— Я матери обещал, что привезу из Ташкента невесту,— вместо ответа сказал Азиз.— Мать потому и диссертацию мне помогала писать, ночами чай греть вставала... Ведь работать ночами приходилось, днем — в поле... Ха-ха! Ох, мать ждет не дождется...

— Так кто ж она, та счастливица, которую выбрало ваше сердце?— в шутливо-напыщенной манере повторил свой вопрос Ахмаджан.

— Ты запомнил внучку старика Рахима-бобо?— спросил Азиз.

Ахмаджан опешил, поперхнулся.

— Ра... ра... Рахима-бобо? Какую внучку? Не запомнил.

— Ну да!— весело потрянул своей круглой, как арбуз, головой кандидат.— Такая красавица, что, навер-

но, второй такой нет в Ташкенте! Маме она понравится. Дилдор!

— Ди... Дилдор? — снова поперхнулся Ахмаджан.

— Учтивая, воспитанная, внимательная, — перечислял Азиз. — Понравится!

А в голове Ахмаджана, как внезапно налетевший смерч, кружились воспаленные мысли: «Он уже о матери только и беспокоится... Понравится, понравится... Значит, они договорились? Уже договорились! А я? Дилдор предала меня!»

— Неужели ты не заметил ее? — спрашивал Азиз.

— Да вроде нет... Как-то не обратил внимания...

— В желтом атласном платье... такой прекрасной расцветки... национальной... Мамин вкус!

— Не обратил, — сказал Ахмаджан, насильно улыбаясь. — Я больше других разглядывал... в современном стиле...

А сам все думал: «Неужели? Неужели это возможно? Нет! — И спрашивал себя: — А почему нет? Азиз — кандидат наук. Завидный жених! Есть чем соблазниться даже такой красивой девушке... Сегодня все — рационалисты. Девушки — в первую очередь...»

Он думал, и резал мясо, и спрашивал:

— Вы часто встречались?

— Да нет, — перебирая кончиком ножа морковь и вынимая из нее соринки, отвечал Азиз. — Сегодня у нас первая встреча...

— Первая?

— А что? — Морковь была нарезана на тонкие, как соломинки, ломтики, они налипли на ладонь, Азиз отряхнул их и посмотрел на Ахмаджана. — Что ты засиял, как прожектор?

— Я? Мне-то — не все равно, что ли?

А внутри все ликовало и смеялось: «Первая встреча у этого недотепы!» И сразу кольнуло подозрение: «Он меня разыгрывает, обманывает!»

— Первая встреча и — предложение! — развел он руками.

— Ах, — сказал Азиз непривычно грустно, — чего тянуть, надо ехать домой! Времени нет! Да и ухаживать я не умею. Да и...

Он замолчал, и Ахмаджан спросил:

— Что?..

— Несерьезно все это... долгие ухаживания, клятвы, ожидания... Копейки все это не стоит! Блажь пустая!

— А любовь? Есть же такое примитивное чувство, как любовь!

— Может быть,— сказал Азиз, вставая и поднимая поднос с мясом и другими припасами.— Веришь — верь, твое дело... А я не верю... Я хочу серьезно поговорить с Дилдор, она тоже не девочка... И потом... у нее умные глаза!— по своему обыкновению весело закончил Азиз и пошел, вытянув вперед руки с подносом, но через пять-шесть шагов остановился и повернулся:— Было время, родители женили молодых... Освобождали их от хлопот, а часто и от ошибок. По дли-и-инному опыту жизни знали — поживут, познакомятся, привыкнут и полюбят... Еще как!— Он почесал голову, сдвинув на лоб тубетейку и, чуть не уронив поднос с одной руки, шагнул, и снова встал, и оглянулся, словно почувствовал удивленный взгляд Ахмаджана затылком.— Уставился! Чего? Корона у меня на голове засверкала? Или крылья выросли на плечах? А?

Посмеиваясь чересчур громко, Азиз удалился и принялся кашеварить с дедом, а совсем сбитый с толку Ахмаджан никак не мог прийти в себя. Станный — мало сказать об этом кандидате. Престранный молодой человек! И вдруг это слово остановило ход мысли. Такой ли уж молодой? И такой ли завидный жених? Низковатый, на голову ниже его, Ахмаджана. Рябоватый, не скажешь — рябой, но все же несколько ямочек разбросано по большим щекам... Ухаживал, должно быть, и все даром... А теперь — кандидат, не пристало бегать на свидания, несерьезно! Вот и решил... поговорить с красавицей Дилдор!

В одиночестве, на веранде, Ахмаджан рассмеялся вслух, представив себе, как может выглядеть это признание и предложение. Посмеялся и успокоился. И подумал о себе... Также не школьник. Три года служил в еоенно-морском флоте. Черноморском... Ходил по одесским бульварам, шелестя ленточками бескозырки на южном ветру... Потом три года руководил и, надо сказать, неплохо руководил колхозной бригадой. И хотя он джигит еще в самом расцвете сил, не следует откладывать то, что преподносит судьба... Не через год и не через месяц, а завтра, сегодня, сейчас надо засылать

сватов к родителям Дилдор... Да-да, завтра, нет, сегодня он пойдет на почту и даст телеграмму отцу и дяде, чтобы не мешкали, приезжали... Не пойдет, а побежит.

Он сходил в сад за помидорами, краснеющими на грядках под яблонями, взял две-три головки лука покрупнее, вымыл все, приготовил салат. А скоро и плов, дразнящий запахами, которых ни с чем не спутаешь, поспел, и Азиз принес его гору на ярком керамическом блюде. Ну и плов смастерил старик! Плов — всегда разный, всю свою сердечность, все человеколюбие вкладывает в него мастер. Да-да, не только от мяса, риса, моркови зависит вкус этой еды. Тот, кто стоит у котла, вкладывает в него и свое настроение, свою душу.

Ахмаджан было совсем повеселел, да за едой любопытный старик возьми и спроси вдруг Азиза:

— Ну, так сколько кустов хлопка будете сажать на гектаре?

— У нас земли много, вся ровная, чистая,— сказал Азиз с улыбкой на покрытых жиром губах,— и я буду сажать как можно больше!

— Рискнете?— спросил старик.— Что задумались?

— Стоит призадуматься,— вставил Ахмаджан, чтобы поучаствовать в их беседе.

— Стоит, стоит,— согласился Азиз и приподнял вытянутый палец,— но... не забывая при этом старого предостережения: пока думающий человек дошел до дома, рискующий человек дошел до свадьбы!— Он сыто вытер губы и поднялся.— Чай не буду пить. Извините. Мне в город пора... Дела!

— С друзьями попрощаться?— спросил старик.— Какие дела?

— Всякие... разные.

— На обратный автобус не опоздайте... А то придется опять пешком идти.

— Ладно, дедушка.

— По-моему, последний в полночь уходит...

— Вот я и спешу!

— Удачи!

— Спасибо, дедушка!

И ушел этот увалень и недотепа Азиз, как будто его и не было, а бедный Ахмаджан остался терзаться. Подозрения снова пронзали его, беспокойство охватывало все сильнее...

Между тем в природе, наперекор его состоянию, разливался вечерний покой. Солнце втянуло в себя все свои огненные жала, и унялась, растаяла жара. Еще немного, и по закатному небосводу солнце опустилось за ивы и улеглось где-то там, не очень далеко, но и не очень близко, на отдых. До утра...

А вот он, Ахмаджан, уснет ли до утра?.. Похоже, нет... Хоть сейчас срывайся и мчись в Ташкент за Азизом, бегом по длинной улице с новыми домами — только деревья остались на ней после того памятного землетрясения, а все дома заново поднялись под самое небо, выше прежних... Нет, между ними, гигантами во много этажей, за белым каменным забором прячется домик, уцелевший в те грозные дни, когда стихия бушевала... И там обитает семья Дилдор. Вышибай — для быстроты — калитку плечом, хватай Дилдор за руки, кричи ее отцу-инженеру и матери-учительнице: «Не отдавайте дочь этому кандидату!»

Но он не срывался. Прислонившись к столбу, он стоял в углу веранды, за спиной старика, и смотрел, как по экрану телевизора порхают гибкие руки танцовщиц, как переливаются их цветастые платья, должно быть, такие же, как то, в котором Дилдор появилась здесь первый раз... Девушки на экране улыбались... А как знать, может, у какой-нибудь из них сейчас на душе кошки скребут... Мало ли какие сюрпризы неожиданно преподносит жизнь!

Вот так и ты, Ахмаджан. Стой, шути со стариком, спрашивай его о чем-нибудь необязательном и улыбайся. Все люди — артисты.

— Скоро ко мне приедут отец и дядя, — вдруг сказал он старику, — дня через три...

— Очень хорошо! — воскликнул старик, отвернувшись от телевизора. — Наверное, хотят узнать, как ты учебу кончил?

— Да, наверно...

— Пусть заходят! Познакомимся, побеседуем... Хорошо, когда в домелюдно, шумно... Это я люблю!

А пока стало совсем тихо, смолкла музыка на маленьком голубом экране, и слышалось, как шуршит, поскрипывая мокрой осью, неумолчный старый чигирь и редкие капли из его черпалок срываются в воду...

Глава вторая

Ф И А Л К А

В эти вечерние часы автобусы шли к городу почти пустые. Кто стремился в театр или на другое представление, уехал раньше, сейчас они, счастливые, замерли в полной обещаний, волшебной тишине полутемных залов...

А здесь, за окнами автобуса, было уже совсем темно.

Азиз сидел у открытого окна и думал, что на следующей остановке надо сойти и вернуться в Кибрай к деду, послушать, как скрипит чигирь в темноте, подышать прохладой и лечь спать на веранде, где, должно быть, уже давно спит Ахмаджан... Азиз позавидовал парню, жившему, как ему думалось, без тревог и волнений...

Пока он завидовал беззаботному Ахмаджану, автобус тронулся дальше со следующей остановки... Ну, ладно, можно прокатить еще перегон, ничего не случится, пока он один... С некоторых пор Азиз любил быть один. О, если бы ученые подсчитали, сколько сил сохраняет одиночество! Никто не отвлекает, не мешает... Ничего лишнего! Ни поступков, ни даже слов!

Пока он размышлял о пользе одиночества, еще одна остановка осталась позади.

А когда автобус снова остановился, он вспомнил, что не может спрыгнуть, вернуться, потому что его ждет Дилдор. Он ведь предупредил ее, что придет. Он ведь договорился с ней! Еще вчера он целый час ждал ее в аллее около медицинского института, хотел уже было уходить, но тут она появилась, дождался! И сказал... что сказал? Что у него есть к ней серьезный разговор.

— Ну, ладно, — не думая, ответила Дилдор, — приходите ко мне домой!

— Когда?

— Завтра вечером.

И почти побежала от него, размахивая портфелем, она спешила. А он опомнился и в нарушение всех правил пересек газон наискось, чтобы снова вырасти перед девушкой в конце другой аллеи. Она удивилась и даже оглянулась, чтобы убедиться, он ли это? Он, он... Глаза

ее наполнились блескучими каплями смеха, заиграли. А он слегка, очень вежливо, хоть и скованно поклонился и сказал:

— Я не знаю вашего адреса.

Дилдор рассмеялась вслух, назвала улицу, номер дома и побежала, посоветовав на ходу:

— Запишите, а то забудете и все спутаете!

Такой, гаверное, у него был растерянный вид...

Он, и правда, записал ее адрес и вот теперь ехал.

Так что же он скажет ей? Что скажет ей этот серьезный человек, кандидат наук, выдающийся ухажер? Чего доброго, она его за полоумного примет...

Ну, сначала он расскажет ей о себе. Анкету заполнит. Она простая, эта анкета... Таких немало.

Он ползал, когда отец ушел на фронт... Ушел, чтобы не вернуться. До сих пор кажется, что он жив, хотя никак не удается вспомнить его живого. Фотографий нет. Есть только рассказы друзей-односельчан о колхозном трактористе, ставшем танкистом... И все. Есть еще у матери «черное письмо», как их тогда называли женщины... Вот и все про отца.

Нет, не все! Есть еще неостывающая любовь матери к его отцу, которого он не помнит. Молодая вдова не стала устраивать свою судьбу, искать себе другого спутника в жизни, другой опоры. Она растила единственного сына, оставшегося ей в память и в дар от любимого, работала дояркой на колхозной ферме. Так она и состарилась, на этих тропах — от дома к ферме и к школе, куда ее вызывали, если честно говорить, довольно часто, потому что сын Азиз, этот самый дорогой дар жизни, был сеоенравным и напористым мальчуганом, не прсцал обидчиков и имел, в наследство от отца, крепкую руку...

Ну, вот мать Нигор... Тетушка Нигор, как ее зовут все в родном Фирузе.

Ах, какой это прекрасный кишлак! Вы никогда в нем не были, уважаемая Дилдор? Жаль!

Он расположен в горах, среди камней, из-под которых бьют мощные ключи. Дворов там немного, сотня или чуть больше. А деревьев — не меньше тысячи! И все дома навсегда утонули глубоко в зелени. Чинары и тополя рослые, высокие, но все равно не могут они перерасти горы. Горы выше. А выше всех поднимается

та вершина, на которой сохранились грозные стены древней крепости. Они так высоко стоят, что когда смотришь на них, тибетейка с головы падает.

Конечно, их Фируз на отшибе от больших дорог, но все же нельзя сказать, что он затерялся. Иначе зачем бы здесь с давних пор гнездилась крепость? Через Фируз ведет на перевал ущельный путь в Шахристан. Его богатые пастбища раскинулись там, на другой стороне тех же гор...

Вот вам все о Фирузе...

Нет, не все! Если бы можно было донести до вас глоток его воздуха! Нет на всем белом свете ничего легче, свежее и ароматнее, потому что это воздух поднебесья. Люди Фируза, птицы Фируза...

Однако анкета... Образование — десятилетка, сначала — десятилетка... Учась в школе, он одновременно обучился в колхозной мастерской водить трактор и комбайн. И, еще не получив аттестата, пахал землю и убирал хлеб. А потом — армия. А после службы в той же труженице полей, бессмертной пехоте, вернулся в свой Фируз, куда еще? Стал бригадиром и в тот же год поступил на заочное отделение сельхозинститута... А сейчас... Ну, это известно.

В Фируз он вернулся не только потому, что там жила мама, и воздух был самым лучшим и ласковым в мире, и древняя крепость стерегла все богатства жизни... Там, в Фирузе, его ждала девушка, которую звали...

Но о ней не надо ни думать, ни вспоминать, ни рассказывать...

Автобус снова остановился, это была уже городская остановка, уличные огни давно окружили земной корабль, плывущий по асфальту на колесах... Огней стало больше, машин больше, только Азиз ничего этого не замечал. Теперь заметил...

Он сошел и сразу очутился в толпе около сатуратора, шипевшего газированной водой. Очень кстати, потому что в городе духота еще не прошла, здесь было совсем не так, как в саду Рахима-бобо, на берегу Черной речки. Особенно после плова хотелось пить. И Азиз протянул продавщице мелочь и взял один стакан, потом еще один... отошел на шаг и пил не спеша...

— Молодой человек!

— Дядя! Быстрей, а!

— Эй, оглох, что ли!

Продавщица шипела:

— Возьмут чистую, а стаканы держат по полчаса!

Кто-то подергал его за рукав, и он опомнился.

— Извините.

И пошел под деревьями вдоль тротуара, не спрашивая даже, какая это улица.

Ее звали Нафиса, эту девушку...

Вот самый тяжелый недостаток у одиночества! Вспоминаешь, думаешь, думаешь...

Волосы темные, а глаза синие... Необычно, но в горах это бывает... Тонконогая, шаловливая девочка, которая прибежала к сразу становившемуся суровым мальчику Азизу делать уроки и которой он объяснял арифметические правила... Правила были простейшие, но она не хотела понимать, она звала шепотом, приклоняясь к самому уху и обдавая его дыханием, чтобы тетюшка Нигор не слышала:

— Пошли лучше шелковицу есть? Ой, я знаю дерево, где такие вкусные ягоды! А крупные!— Она показывала полпальца.— Только высоко, никто не может залезть, а ты залезаешь!

— Рвите снизу,— мрачно говорил он, потому что считал ненужным уступать девочке.

— Снизу мы уже давно все съели! Еще незрелые были ягоды, а мы уже...

И странно, тетрадки с недописанными цифрами оставались на столе, а он сидел на дереве. Сидел, как птица, на самой опасной ветке и собирал ягоды в свой носовой платок, за который мама потом ругала...

Нафиса первая, еще совсем маленькой девочкой, с фиолетовыми от сока спелых ягод шелковицы губами прошептала ему на ухо:

— Азиз! Что я придумала-а! Давай вырастем и будем жить вместе!

А он усмехнулся так искренне, как, наверно, еще не усмекался до сих пор, и ответил:

— Очень надо!

Она училась на два класса ниже, но к его возвращению из армии уже окончила школу. Легкомысленная девочка, похоже, притворялась в детстве, потому

что школу кончила с отличием и была оставлена преподавательницей в младших классах. В институт поступать не стала, чтобы не уезжать из Фируза.

— Тебя ждала, — сказал товарищ Азизу.

Он тоже торопился к ней.

Когда он приехал, мать в первый же день призналась, что уже говорила с Мехри, матерью Нафисы. Мехри рада. Мехри несказанно рада, что Азиз хочет взять ее Нафису в жены. Все должно бы случиться так, как нафантазировала себе маленькая Нафиса, девочка с фиолетовыми от шелковицы губами. Оставалось только улыбаться ее предвидению и чувствовать, как счастье проникает в душу, будто свет. Близкое счастье освещало всю будущую дорогу.

Дом по традиции наполнялся в тот вечер людьми. Приходили соседи, приходили знакомые с дальних улочек Фируза поздравить тетушку Нигор с возвращением ее сына. Поздравляли самого Азиза с тем, что он снова в стенах родного дома. А он, еще не снявший гимнастерки и гвардейского значка, разговаривал с ними о колхозных заботах и все высматривал среди них крупного мужчину, заведующего фермой Азама, которого так и звали в кишлаке Азам-ферма. Эта кличка утвердилась за ним давно и очень к нему шла, потому что сам он напоминал племенного быка.

Тетушка Мехри была уже тут, принесла какие-то подарки, а вот Азам-ферма опаздывал. Лучшие кишлачные мастера по приготовлению плова расправились уже с одной из двух овец матери, и пловом запахло далеко окрест, но Азам-ферма все не появлялся. Это было совсем странно, потому что запах плова мог поднять Ферму на ноги среди ночи и заставить протопать не один километр. А тут — рядом, дорогу перейти...

Но он так и не пришел. Когда гости, желая счастья, расходились со двора, мать тихонько спросила Мехри, где же ее муж, и та, потупившись, ответила, что он уехал в райцентр. Азиз услышал ее ответ, и волнение отхлынуло, освободило грудь, задышалось свободней...

Назавтра он увидел Нафису.

Боже, почему это и сейчас волнует, ведь уже годы прошли с тех пор, а не дни... Он затоптался под уличной ташкентской чинарой, нашел в кармане сигарету и закурил, остановив какого-то мальчишку, чтобы поп-

росить у него огонька. Спички он оставил возле очага Рахима-бобо, когда разжигал там сегодня стариковские полешки...

Он знал, что Нафиса красива, помнил ее, мог бы нарисовать, если бы владел карандашом или кистью, на армейской службе все время рисовал ее в мыслях, потому что ведь каждый, даже никогда не державший карандаша, в мыслях все равно сам себе художник... Лучший художник!

Но оказалось, что он рисовал плохо, неточно и не смело.

Нафиса изменилась, стала совсем непохожа на прежнюю. Она так похорошела, что он испугался, когда увидел ее. Можно было испугаться и потерять дар речи! Перед ним стояла девушка, тонкая и высокая (как она вытянулась!), какими бывают только девушки гор, с Памира. Темные косы спускались чуть ли не до земли (представляете себе, какие это косы, если Нафиса так вытянулась!), а большие глаза смотрели в упор и были такие синие-синие, как небо Фируза, да и то не всегда.

Он, кажется, не дышал. Наконец сердце его учащенно забилось. Кровь прихлынула к голове и помогла ему сообразить, что это ведь его она ждала и ждала там, где всегда, под вековым карагачем на берегу реки, у тропы, ведущей к древней крепости...

Здесь они встречались до его отъезда в армию, здесь сказали друг другу первые свои слова об этой самой, воспетой поэтами любви, с таким душевным трепетом и жаром сказали, как будто до них никто не ронял этих слов в бездонный воздух ни разу. Во все века! Он не назначал ей свидания, но она пришла сюда, под этот карагач. И он пришел сюда. Значит, все было — лучше и не надо, все само собой текло к счастью, как река к морю.

Весь вечер они бродили по горным тропам, вокруг крепости, и о чем только не говорили! И о его армейских друзьях, и о старшине, который не скупился на наряды вне очереди, воспитывая солдат, хороший был старшина, очень добрый, не жалел нарядов, и о городах, которые зажигают свои огни вдали от Фируза, и о мальчишках с девчонками, которые заняли старые школьные парты... Об этом рассказала ему Нафиса.

Только на пути назад, у того самого карагача, Азиз сказал ей, робея, как будто впервые в жизни встретил ее:

— Мать хотела бы одну девушку видеть своей невесткой...

— Какую девушку? — шутливо спросила Нафиса.

— Кажется, вас.

— Кажется! Вы сомневаетесь вроде бы? Как ее зовут, эту девушку?

— Кажется, Нафиса.

В глубине ветвистого карагача, в ворохах листвы, утонул ее звонкий смех.

— Это желание матери?

— Да.

— А ваше желание?

— Как? — не понял он. — Желание матери — мое желание. Обычай!

— А вы сами лично желаете этого?

— Лично? — переспросил он и тоже засмеялся. — Ты что меня спрашиваешь, глупенькая? Как будто сама не знаешь, что я за тебя умереть готов. Все знаешь, давно знаешь... Слов таких нет, чтобы сказать, как... как...

— Знаю, — прошептала она.

— Зачем же повторять?

— А что делать? — спросила она все так же шутливо.

— Что? — повторил он драчливо.

— Ты знаешь кишлачные законы. Их никто не отменил. Посылай сватов к папе!

Он уже возглавлял бригаду в колхозном поле, да и знакомых в Фирузе столько, что сватов на десять свадеб хватило бы... Выбрал стариков подушевнее, послал к Азаму, волновался, конечно, так уж устроен человек, что не может не волноваться в подобные часы... Но все же не ждал того, что случилось.

Старики вернулись с отказом. С пустыми руками!

Он побежал к матери, и мать успокоила его.

— У кого дочь такая красавица, тот может и покетничать! — сказала мать, не принимая отказа Азама-фермы всерьез.

Уж она-то знала его, всю жизнь проработала на ферме под его рукой. Чванливый человек, горделивый, любит, чтобы его просили два и три раза.

Недолго думая, Азиз снарядил сватов во второй раз. Но и вторично сваты вернулись ни с чем. Нет, нет! Хуже! Если бы ни с чем! Азам опять отказал.

Весь Фируз уже считал Азиза и Нафису женихом и невестой, а они опять тайно встретились на берегу реки, возле своего карагача, что называется, под покровом темноты.

— Как все это понимать? — спросил Азиз.

Нафиса, как индуска, держала ладони сложенными перед грудью, так что кончики длинных пальцев чуть-чуть касались подбородка. Она немножко развела их:

— Воля отца!

Его взбесила и эта поза, показавшаяся ему покорной, и слова. Он схватил ее за руки, притянул к себе, спросил:

— А ты, ты?!

— А ты? — спросила и она.

— Нет, — крикнул он, не давая ей уйти от ответа, — мне интересно тебя услышать! Тебя!

— Меня?

— Да.

Она посмотрела на него молча, вырвала руки и убежала.

Несколько дней он помаялся, думая и о том, и об этом, но ничего придумать не мог... Ничего! Ничего не оставалось, как послать сватов третий раз. Да, да, третий раз они пошли от дома Азиза к дому Азама, к дому Нафисы... Седобородые аксакалы...

И пришли аксакалы с новой вестью: Азам-ферма отдает дочь за сына своего друга из Шахристана. Жених заведует сельпо, много денег скопил на свадьбу и на подарки и столько овец пришлет, что нам и не снилось! Большая якобы свадьба ожидается.

Будто бы новыми глазами посмотрел Азиз утром на дом Азама за арыком, через дорогу, и на свой домик. Дом Азама был высок, под стать его обитателям, крупному, подобно быку, хозяину и Нафисе, растущей как тополек. Вокруг дома — широкий, просторный двор, есть куда принять жениховских овец, да и было где своих держать. А домик, в котором скоротала свой век его мать и где он сам вырос и дорос до этих позорных дней? Неказистый, всего из двух маленьких комнатушек, еще недавно по дворушке две овечки бегали, а те-

перь одна... Огорсдик... Он впервые заметил, что к его домику годились в соседи только уменьшительные слова...

Ну ладно... Обидно стало... Мать доказывала, внушала, что ни отец, ни она никогда не думали о богатствах, уверенные, что человек добывает счастье в деятельности на благо себе и людям, в труде, словом. Не стоило доказывать, мама, он и сам так думал... За другое обидно стало: человек — это вообще... А люди, если конкретно взять их, каждого в отдельности, они разные... Ну, Азам-ферма всегда беспокоился о выгоде, о том, чтобы с пользой делать свои дела, не терять случая... А Нафиса? Неужели и она? Неужели и ее прельстили богатые подарки жениха из Шахристана, ковцы, ковры... что там еще? Когда он думал об этом, в глазах темнело... И думать не хотелось. Товарищ, тот самый, что говорил ему, будто Нафиса не поступила в институт, потому что ждала его, Азиза, теперь рассказал:

— Она каждый день выглядывает из-за дувала в сторону твоего домика... По нескольку раз...

— Ей легко выглядывать из-за забора... Она высокая.

— Я говорю, на твою калитку глядит и глядит...

— На дорогу она глядит! — рассердился Азиз. — Ждет овец жениховских!

— Ты что, Азиз, с ума сошел? — спросил товарищ.

— Сошел! Три раза посылал сватов! А теперь я в своем уме... Больше уговаривать не буду! Ни отца, ни ее!

— А что ж ты будешь делать? — спросил товарищ с сочувствием.

— Работать.

И правда, как он работал в те дни! Ни себе, ни другим не давал передышки. Домой приходил редко. Даже на ночь оставался в поле, и шипан — полевой стан — сделался его домом. Верно говорят, что работа лечит... Может быть, и не лечит, потому что и сейчас он трясется, как в лихорадке, вспоминая те дни, но уставал он совершенно невообразимо, последние капли сил вкладывал в работу и засыпал, падая, как подрубленное дерево.

А рядом шла другая жизнь: присылались подарки, резался скот, шились свадебные наряды...

За день до свадьбы Нафисы Азиз уехал с матерью в Мирзачуль. Перекочевал. Из отцовского, из дедовского Фируза. Навсегда.

А Нафиса уехала в Шахристан. Другой человек целовал ее лицо, синеглазое, золотистое, будто бы вымытое в солнечных лучах. Другому человеку родила она сына... Вот вам любовь. Поэты пишут это слово с большой буквы. Любовь! Кто и что может доказать теперь ему, Азизу, про любовь? Есть она на свете, нет, пусть об этом гадают те, кому больше нечего делать. Он-то знает!

С этими мыслями Азиз приблизился к дому Дилдор, бросил окурок и тяжело вздохнул. Поставил точку.

Сейчас он войдет и без всяких церемоний, не откладывая дела в долгий ящик, скажет ей:

— Нафиса!..

Тьфу ты! Какая Нафиса! Дилдор...

Дилдор... Она совсем другая... Современная, городская, интеллигентная девушка... Она понимает, что богатство не в овцах, а в другом... Например... Ну ладно, она сама понимает... Воспитана она вполне разумно... Выросла в хорошо обеспеченной семье, а не обленилась, все время сама работает, не знает, что такое отдых. Да-да! Еще тогда, у деда на Черной речке, поговорив с ней немного, он узнал, что, кроме учебы, на Дилдор забота о младших братишках, потому что и отец, и мать целый день на службе... А как она хлопотала вокруг праздничного стола деда? Все любовались. То-то!

Такие девушки, именно такие создают семейный уют, надежный очаг. Мама настаивала... А она знает! Она мечтала о такой всю жизнь...

Азиз заметил, что уже давно стоит перед калиткой в белом каменном заборе и не решается нажать на красную кнопку электрического звонка. Поднять руку и надавить! Живое! Раз! Он с силой придавил кнопку, кажется, чересчур долго держал, придумывая первую фразу, пока в глубине двора не раздался звонкий голос, будто перепелка залилась:

— Входите, там открыто! Пожалуйста!

Азиз осторожно приоткрыл калитку и вошел во двор. Дорожка из кирпича вела через сад к веранде, над которой сверкали электрические лампочки... Сад в городе! Это уж Рахим-бобо постарался. Ну, не сад, а

садик... Столбы веранды украшала резьба. Голубая, как самаркандские изразцы. Это сразу бросалось в глаза. Точно так же разрисованы дверцы... Ну, хватит разглядывать самодеятельное искусство! Не за этим, кажется, ты пришел сюда! Поклянись, что ты не будешь тратить слов даром. Ища глазами Дилдор и заранее улыбаясь, Азиз мысленно сказал себе: «Клянись!»

Но тут же подумал с мальчишеским испугом: «А вдруг она не одна? Родители, братишки... Конечно же!» Они как-то выпали из мира, который он создавал до сих пор в своем воображении, а теперь нашлись, и он почему-то не огорчился, даже обрадовался им. Стало проще и легче... А где же молодая хозяйка?

Под яблоней у маленького фонтанчика, с книгой в руках, видно, только сейчас поднявшись из плетеного кресла, укрытого низкими ветками, стояла Дилдор. Она всматривалась в идущего по дорожке человека и шагнула ему навстречу:

— Добрый вечер, Азиз-ака. Без труда нашли нас? Заходите!

Только сейчас он понял, что еще не сказал ни слова, и проронил:

— Добрый вечер...

И раскланялся, как болванчик, не зная, подавать ли ей руку, потому что она держала толстую книгу, и, опомнившись, мысленно назвал себя недотепой, потому что ведь девушке не подают руки первым, даже если у нее руки свободны. Размышляя таким образом, он довольно глупо спросил:

— Кажется, дома никого нет?

— Да, взяли мальчишек и уехали в Кибрай, к деду. Все хотят провести субботу и воскресенье у него в саду.

— Отлично! — Азиз снял тюрбетейку и пригладил волосы. — А вы остались в городе, вместо того, чтобы поехать к реке?

— Да, у меня свои дела.

— Надеюсь, не я тому причиной, что вы остались?

— Нет-нет! Что вы!

Азиз подумал: вот сейчас ответить бы ей «Жаль!», посмеяться и сразу перевести разговор на то, ради чего он приехал, но вместо этого изрек:

— Ну, хорошо... А то уж я испугался.

— Не пугайтесь!— улыбнулась она.— О боже! Я даже не пригласила вас сесть. Сюда, пожалуйста!

Она вывела его на подобие тесного лужка с двумя мягкими креслами у низкого столика, на котором лежало еще несколько книг. Он наклонился и стал рассматривать их. Все были медицинские...

— Садитесь!— услышал он за плечами голос Дилдор и стал двигать кресло, а она, громко вскрикнув, предупредила: — Осторожней!

Он вздрогнул, выпрямился и оглянулся.

— Там фиалки!— сказала она.

— Фиалки?

— Здесь фиалки растут,— объяснила она мягко.— Я сама их развожу, сама за ними ухаживаю...

— Хлопотно,— пробормотал он, не найдя ничего другого.

— Хлопотно, но интересно... Я их люблю. А цветут они почти все двенадцать месяцев! Это мое хобби!

Он смотрел на нее молча. Щеки ее разругались, глаза сверкали.

— Вы не туда смотрите! Вон где они!

— Кто?

— Фиалки!

Наверно, ему надо было сказать: «Вы сама, как фиалка!» Но он повернулся и стал смотреть туда, куда она показала. Фиалки были розовые, фиолетовые, белоголубые... Они покрыли клочок земли узорами ковра...

— Красиво,— сказал он, а надо было вот как сказать: «Вы сама — фиалка!» Нет, не так... «Вы лучше фиалки...»

Неожиданно Азиз рассердился на себя, как, кажется, не сердился еще никогда в жизни. Не будет он говорить ничего этого! Ничего подобного! Не будет! Не будет хотя бы потому, что не умеет. Он — простой человек, от земли, от воды... И слова у него простые, как земля и вода. Его руки привыкли к колосу, к коробочке хлопка... Институтские аудитории не оторвали его от земли, и книги не отучили его рук от шершавости ее комьев, от тепла и чистоты хлебных зерен...

— Держите!

Он поднял голову. Дилдор протягивала ему пучок голубых фиалок.

— Спасибо.

Он взял фиалки обеими руками и приблизил к лицу. Они сразу напомнили ему альпийские луга за древней крепостью... Они напомнили ему детство и бабочек, порхающих над горными лугами... Они напомнили ему глаза Нафисы... И странно, вернув в этот знакомый мир, они принесли ему спокойствие...

— Я тоже люблю фиалки, — с благодарностью сказал он Дилдор.

— Тогда обещайте мне разводить их всюду, где будете работать. Вы где живете?

— В Мирзачуле.

— О-о! Та земля не для фиалок! — вырвалось у нее, она хотела извиниться, а он засмеялся:

— Почему? В Мирзачуле всему хватает места. Степь большая...

— Было бы место тут, — она постучала себя пальцем по груди.

— Вы очень тонкий человек, — сказал Азиз, продолжая вдыхать аромат фиалок, оказавшихся в его грубом кулаке. — И совсем не та вы, какой казались мне еще час назад...

— Какой же? — заинтересовалась она, убрав со стола книги, заменив их чайником с пшлушками и усевшись в кресло рядышком.

— Ну, мне казалось, вы типичная горожанка... которая с утра носится по улицам... по коридорам института... с сумкой на плече. Бывает, она все время делает два дела... Едет в переполненном автобусе, держась за дверцы, и успевает, между прочим, заметить интересные афиши... Читает книгу, присев на десять минут на бульваре, и в то же время разговаривает с соседом по скамейке...

— Все это я делаю! — засмеялась Дилдор.

— Но и вот... — Он приподнял фиалки. — Вы... — Он замолчал, и она предложила:

— Ладно... Пейте чай и давайте, если не возражаете, перейдем к серьезному разговору.

— Какому?

— Вашему, Азиз-ака! С чем вы пришли?

— Знаете, — сказал он, — в кишлаке Фируз, где я вырос, справляют праздник весны. Веселятся, песни поют... Весь кишлак выбирается в горы. На пикник! — улыбнулся он. — Женщины варят белый суп в котлах...

Мужчины пьют кумыс... Целые бурдюки выпивают... Девушки танцуют... А вокруг расстилаются поляны фиалок... Разных, разных... Ох, какой это праздник — навруз! Не забыть!

— Да и вы, оказывается, не такой, как я себе представляла! — воскликнула Дилдор. — Мне казалось, вы суховатый деловой человек. А вы — лирик!

— Это потому, что я держу ваши фиалки в руке. Они напомнили мне...

— Что?

— Все!

— Опять мы отвлеклись, — сказала Дилдор, отпила чуть-чуть чая из пиалы и поставила ее на стол, приготовившись слушать.

— Нет, мы не отвлеклись, — опустив голову и перебирая фиалки в руке, прибавил он. — Это как раз то, о чем я хотел говорить с вами... Дилдор!

— А?

— Я хотел вам сказать...

Ну, вмешалась бы она, поторопила, помогла... Нет, сидела, терпеливо ждала, а он мог век молчать, точно у него язык отсох...

— Я хотел спросить...

Но он так долго не спрашивал, что она, в конце концов, пожалела его и сказала:

— Я понимаю.

И тогда он все же испуганно договорил:

— Не могли бы мы с вами видеться, встречаться... Хоть изредка!

Она молчала.

— Вы видите, я не искусник говорить речи... — продолжал он. — Вот фиалки... — Он снова приподнял невнятный и все сильнее пахнущий букетик. — Я держу их, гляжу на них и думаю: а вдруг... когда-нибудь... а вдруг вы сами захотите посадить их в Мирзачуле... стать цветочницей в моем саду... Смешно? Я сказал что-то ужасное?

— Нет, Азиз-ака, — ответила она. — Вы хорошо говорите, но... моя душа в другом саду...

— Простите, — сказал он, — я ведь только так... подумал... Просто подумал...

— А мои думы... о другом цветнике! Это правда...

— Простите, — повторил он и встал.

Вот как все быстро кончилось!.. Она даже не проводила его до калитки... И хорошо... Но почему же так горько на душе, если все хорошо? Почему?

Город жил как всегда... Катили автобусы, блестя огнями... Зеленые глаза такси по-кошачьи мелькали то тут, то там... И шли люди, люди, люди... Сколько людей! И все счастливые... Все люди, казалось ему, счастливы... Один он не знал, что это такое — быть счастливым. Почему?

Может быть, потому, что он так и не сказал Дилдор, что она сама и есть фиалка. А ведь собирался сказать. Размазня!

Он заметил, что все еще держит букетик фиалок в руке, хотел смять и выбросить, но не смог. Они-то при чем, фиалки?

Глава третья

МОЛОДОЖЕНЫ

Если бы Ахмаджана спросили сейчас, а где его дом, что можно назвать его домом, он непроизвольно усмехнулся бы, высоко и нервно подбросив плечи: не знаю! Но вдруг, едва сев в машину, чтобы ехать на хлопкопункт, он понял, что знает. Давно знает, да не хочет признаваться. Сам от себя скрывает! Есть приятное сооружение в кишлаке, которое обычно называется домом, и там длинными осенними вечерами ждет его молодая жена, любимая, о которой он помнит, чем бы ни занимался, но это так — условный дом, декорация для спектакля о воплощенной мечте, о счастье, да, пустая декорация, а настоящий его дом вот — поле.

Поле было зеленым, когда он вернулся в кишлак и привез с собою Дилдор, по нему ходили машины и люди, очищая от сорняков, от всякой зелени, кроме пышной зелени хлопковых кустов, потом между рядков потекла вода, за которой следили дни и ночи, чтобы ее было дано земле сколько нужно, ни больше ни меньше, и в нужный срок: не полей вовремя — и прекратится рост симполий, плодовых веток, несущих драгоценные

коробочки с белым, как молоко, содержимым, хлопковым волокном, а чтобы эти коробочки собрать машинами, над полем полетели самолеты, растягивая за собой бесконечные хвосты едкой пыли, едких туманов, после которых кусты послушно сбрасывали убитую, безжизненную листву. И слышался клич — заводи моторы! Если, конечно, машины отремонтированы, смазаны и водители их готовы к тому, чтобы спать как можно меньше или совсем не спать.

Хлопковая страда! Она похожа на сражение — с сотнями тысяч этих оголенных кустов, с непогодой, потому что хлопок созревает поздней осенью, а поздняя осень всегда щедра на сюрпризы — и дождь может быть, и снег, с потерями урожая...

Крупные сражения поднимают армии.

На уборку хлопка встает народ — от мала до велика.

Там, где прошли хлопкоуборочные машины, женщины и мужчины собирают упавшие дольки... Взрослые трудятся, а дети им помогают. Старики-добровольцы и среди них немало таких, что разменяли восьмой десяток, делят между собой дорогу, по которой тянутся автомашины и ведомые тракторами тележные поезда с «белым золотом», ходят следом и подбирают все, что упало при транспортировке. Не один километр оставляют они за спиной каждый день!

Движение транспорта продолжается и тогда, когда наступает темнота. С двумя, тремя, а то и четырьмя прицепами проходят грузовики. Везут хлопок на приемные пункты.

Там тоже люди не знают сна, работают, беспокоятся...

Да и как не беспокоиться им, если столько сил отдаю хлопку весной и летом? Столько души! «Хлопок как ребенок, — говорят люди, — только не кричит!» Теперь он вырос, и надо достойно проводить его в дальний путь... На фабрики, к ткацким станкам...

А тут звонят с хлопкопункта и говорят, что придиричивый заведующий оценил сегодняшние двадцать тележек волокна как хлопок второго сорта! За влажность скинул... А влажность нормальная, ну, средняя... Придется поспорить с ним... А главное, придется промчаться по кишлаку, даже не заглянув домой. И, кто знает,

на сколько он сегодня вернется позже, чем обещал Дилдор. На час, два? Заведующий хлопкопунктом знает!

Как ни странно, на гузаре, в центре кишлака, людно и светло. Все электрические лампочки в чайхане лучатся... Шум — как на стадионе, всплески и взрывы восклицаний. Даже из кабины грузовика слышно. Что такое? А ничего! Хоккей смотрят. Мелькает совсем крошечный издали экран телевизора. Хоккей вошел в моду, и будто бы это уже не колхозная чайхана, а куточек спортивного зала в Лужниках. Здесь так же азартно и требовательно кричат:

— Шайбу! Шайбу!

— Полупанов! Давай, давай! Полупа-а-анов!

И седые старики, забыв о чае, спорят, кто забил гол — Михайлов или Викулов, до того, как их успокоит диктор. А иногда и после информации диктора, считая, что он перепутал, что он, конечно, не прав.

Для него же, бригадира Ахмаджана, сейчас важно доказать, что не прав заведующий хлопкопунктом... Будь его воля, он всех погнал бы от телевизора по домам, спать. О хлопке надо думать, а тут — хоккей! Но что толку? Телевизоры есть и дома... Все у людей есть — жилище, телевизоры, ковры, автомашины возле домов и стиральные машины в домах... Даже время у людей есть! Только у него нет времени — хоть часик посидеть с женой, не думая о хлопке.

— Съездили бы на этот пункт утречком, товарищ бригадир! — сказал, точно читая его мысли, водитель.

Парень помоложе Ахмаджана, не очень разговорчивый, не любивший, как видно, жаловаться и не умеющий еще ворчать, он тем не менее давно уже ехал с недовольным лицом. Дулся, что Ахмаджан подхватил его и заставил мчаться на хлопкопункт, фарами высвечивая прямую, но узкую дорогу... Возможно, дома ждала его мать. А возможно, и девушка. Не дома, а где-нибудь... А он еще держится крупными своими ручищами за рулевую баранку...

— Когда утречком? — стараясь сохранять спокойствие, мирно усмехнулся Ахмаджан. — С пяти утра я в поле.

— А я где? И я там же, — сказал водитель. — Только чуть-чуть раньше встаю... Вы ведь уже докладываете

те председателю, если к пяти нет машин... Записываете...

— Ничего! — засмеялся Ахмаджан. — Она подождет.

— Кто?

— Девушка!

— Я спать хочу, — мрачно сказал водитель. — Сейчас бы так придавил! — И он остервенело тряхнул кулаком, будто придавить хотел Ахмаджана. — А гам весело!

— Не очень, — резко оборвал его Ахмаджан. — Я бы тоже прежде всего выспался... За все эти дни, недели, месяцы... Но — хлопок! Служба такая. Судьба!

— Купили бы себе мотоцикл!

— Разговорчики, как говорили у нас на флоте, — еще раз оборвал его Ахмаджан. — Не нравится мне это!

Водитель покряхтел, но замолчал, прикусил губу, Наверное, проклинал его, Ахмаджана. Что поделаешь! Если хочешь быть хорошим начальником, не надо бояться недовольства подчиненных. Это он уже успел понять... А мотоцикл? Действительно, неплохо бы иметь свой транспорт, свои колеса. Но что же — ему на мотоцикле ездить, когда все подростки в кишлаке гоняют на мотоциклах? Еще чего доброго Дилдор сяди сажать? Нет уж... Он копил на автомобиль, на красивые, яркого, голубого или красного цвета «Жигули»... Чтобы все видели! Издали!

А пока можно и грузовик подхватить. Он же не по своей нужде гонит среди ночи, не по капризу... Зло берет! Ох, сорвет он зло на этом заведующем хлопкопунктом! Заставит все снова проверить, работать лаборантов! Хоть до завтра пусть сидят на своих местах... А завтра? А завтра еще что-нибудь... Сегодня — влажность, завтра — поломается хлопкоуборочная машина, послезавтра заболит «чайханщик» на полевом стане, а попробуй хоть час поработать в поле, над которым пыль стелется, как туман, без глотка чая... Внутри все пересыхает так же, как на губах... А после, через два дня... А после еще что-нибудь! Каждый день — что-нибудь непредвиденное!

Будни, будни! Нет им ни конца ни края, тянутся бесконечной чередой, не могут остановиться, как не

может остановиться река. Не скучно ей течь и течь мимо тех же берегов, тех же кустиков, тех же камней? Взяла бы и повернула и понеслась в незнакомые места! Нет, нельзя, сама она ничего не может сделать, пока люди не перекроют вечный путь, не поставят плотину, не повернут ее могучие воды в новое русло.

Хорошо тем людям! Вдруг прорвало плотину, безудержный поток ринулся в неурочный час по незапланированным маршрутам, снося незавершенные постройки, опрокидывая технику, угрожая жизни! Опасно! Только героизм может спасти дело. И люди идут на героические подвиги, иначе... Беда, происшествие, конечно но зато всё видно — кто на что способен. А тут жди, жди, жди... Жди, когда о тебе скажут хоть слово... День гохож на день, иногда, как две капли воды... А мелкие неприятности тоже похожи друг на друга, как эти самые капли, только их больше, чем две. . Нет им числа!

Будни, будни...

Давно уже написал Ахмаджан заявление в райком о своей готовности поехать в Мирзачуль. Ни звука в ответ... Может быть, уже не нужно образованных специалистов степным просторам? Вряд ли. А ни звука... И родственники жены молчат, как будто так и надо, чтобы он, Ахмаджан, сидел в кишлаке, командуя хлопковой бригадой. Не мычат, не телятся влиятельные родственники, на которых тоже была какая-то надежда...

А время идет... Потому что время — единственное, что не останавливается, как внушал еще дед. Вот уже четвертый месяц они с Дилдор живут в кишлаке...

Да, стояла середина лета, самые жаркие его дни пылали над землей, когда в Ташкент приехали отец и дядя... Вначале они заехали в Кибрай и остановились в саду Рахима-бобо, чтобы склонить старика на свою сторону. Для этого не потребовалось ни настойчивости отца, ни хитрости дяди, потому что едва дед убедился, выслушав ночной рассказ Ахмаджана, что они с Дилдор любят друг друга, что все это серьезно, он сам сел наутро в автобус и повез гостей в дом сына. Там встретила их Дилдор... Все ахали, охали, но уговор быстро состоялся...

Через две недели сыграли свадьбу, светлую, весе-

люю, потому что все видели, как радуются друг другу молодые, как они счастливы, а что еще надо людям для веселья? Их называли голубками, молодых...

Давно уже голубки не воркуют... Вместе они почти не бывают, а врозь не воркуется!

Пойми, мой читатель, как им трудно, ты ведь веришь, что они любят друг друга, и это действительно так, а жизнь не складывается почему-то... С тоской думал об этом Ахмаджан. С испугом думала об этом и Дилдор, сидя на веранде той пристройки, о которой позаботились для молодых родители Ахмаджана... Давно уже погас свет слева от калитки, в комнатах, где устроились на отдых старики и дети... А она сидит, положив перед собой тетрадь ежедневного учета больных, рецептные бланки, истории болезни... и еще какие-то больничные бумаги. Все равно, она сейчас их не читает, и мы не будем заглядывать в них...

Она сидит на веранде за столом одна.

Вот уж не думала не гадала, когда выходила замуж за джигита, посланного ей невесть откуда, по любви, нечаянной, но долгожданной, потому что нет на земле девушки, которая не ждала бы своей любви раньше, чем встанет на высокий каблук, вот уж и представить не могла себе в ту пору, что будет так сидеть одна-одиношенька среди ночи! Далекый кишлак — это не смущало ее, муж — специалист сельского хозяйства, ну, и что же, ей, коренной горожанке, это тоже нравилось, все — необычно, не как у других, по-своему! Неожиданно...

Но вот откуда подкралась главная неожиданность, вот где стерегла ее... Долгие ночи, переключка кишлачных собак, гулкое небо помогает каждому звуку, и даже самый далекий лай бьет в уши... А ты одна, какой уж месяц — одна... Он приходит усталый, валится в постель и даже говорить не хочет... Мало сказать — усталый, измотанный до предела. Или не о чем говорить с ней — у него свои интересы, в которых, как ему кажется, она не разбирается... Наверно, так, ничего другого ей не приходит в голову...

Старики учат: образуется... Терпеть надо... Сколько? С первых дней? А жить когда? В старости, когда научишься терпеть?

Лучше думать о своей работе...

С утра она принимала больных... Довольно много народу было у нее сегодня... Дни стали холодными, на рассвете появляется иней... А люди еще не спешат кутаться в теплые одежды... И печек не топят в домах... Из-за этого — простуда за простудой...

С утра в ее кабинете кашляли стар и мал. Затем, едва успев выпить стакан чая, она поехала с медсестрой на санитарной машине проведать больных на дому. И таких хватало, что лежали дома с высокой температурой. Полсумки антибиотиков оставила сестра на прикроватных столиках или стульях... Один юноша, которого она на несколько дней освободила от работы, вздохнул и не то что сказал, а просто крикнул, сипло, правда, потому что был здорово простужен:

— Вот несчастье!

Она улыбнулась, чтобы успокоить его, и невольно спросила:

— А что такое счастье, по-вашему?

Он подумал, сердито насупившись, о чем-то своем, потом посмотрел на нее и тоже улыбнулся, и смущенно и хрипло буркнул:

— Не знаю.

Подошла его мать, грозя пальцем, вступила в беседу.

— Я ему твержу, что счастье начинается со здоровья, а он не согласен. Он рвется на свой комбайн, хлопок, хлопок! Все его мысли там! Доктор! Испугайте его, а то ведь он вскочит и убежит, словно без него с хлопком не справятся! Как будто с ума сошел!

— Ну, наверно, хорошо, что он так думает, — сказала Дилдор. — Но если встанете не долечившись, еще серьезней простудитесь, а значит, снова можете слечь, и кто знает, сколько проваляетесь!

— А могу и не слечь! — воскликнул юноша.

В поле, в поле! Эта одержимость делала его чем-то похожим на Ахмаджана, и она успокоилась немного в том незнакомом доме и даже сейчас, вспоминая этого больного, почувствовала себя спокойнее. Да, оказывается, в кишлаке не только Ахмаджан бредит хлопком.

Вот сейчас он вернется, надо встретить его так, как будто ничего не происходит, все прекрасно, поласковее встретить и даже повеселее... А как ждут жены рыба-

ков, которые больше бывают в море, чем на суше? А моряков дальнего плавания? А космонавтов? Дилдор не смогла придумать, кого еще взять в пример, встала и вышла со двора. Будет стоять здесь, у калитки, и встречать мужа. Не космонавта, не моряка, а хлопкороба! Он ей дороже всех героев!

Через пять минут она почувствовала, что ее пробирает знобящая дрожь, как будто на улице было холоднее, чем во дворе. Вода в арыке покрылась тонкой корочкой льда... Она попробовала хрупкую эту корочку носком туфли, легко сломала и поежилась. И почему-то опять подумалось, что надо быть терпимой к Ахмаджану. Вот так, как эту корочку, можно сломать и жизнь, и любовь, которая бывает, наверно, еще более хрупкой, если неосторожно наступить на нее ногой... Сломать свое счастье.

А что такое, действительно, счастье? Вот юноша сегодня не смог или не захотел ответить, сказал, что не знает. Может быть, еще не думал об этом всерьез, не подытожил. Общими словами ответить легко, но счастье, наверно, у каждого свое. Счастье — это исполнение желаний, можно сказать. Но ведь желание — это не абстрактное что-то, нет! Желание — это человек. Значит, сколько людей, столько и понятий о счастье? Выходит, так. Измерить границы счастья невозможно. Безнадежное дело! И ответ на вопрос — а что такое счастье? — можно выбрать из бесконечного ряда, от самого простого до великого. Кто-то считает счастьем тихую и мирную жизнь в своем доме, кто-то самоотверженность и героизм на еще необжитых просторах где-нибудь в Арктике или Антарктике. Или в Мирзачуле! В Голодной степи! Недаром Ахмаджан туда тянется... Он рассказывал, что уже послал заявление. Ну что ж... И она готова ехать с ним туда. Куда угодно! Благо, что врачи везде нужны...

И, может быть, там, в Мирзачуле, он станет больше принадлежать себе, а значит, и ей. Может быть, станет хозяином своего времени... Скорей бы поехать туда! С этой минуты, подумалось ей, она тоже будет мечтать о Мирзачуле.

И хватит терзаться, копить морщины на лбу! Хватит! Хотела стать врачом? Стала. Это счастье. Хотела мужем иметь скромного, честного, трудолюбивого пар-

ня? Это желание тоже сбылось. Вот уже живет в его доме, в его кишлаке. Работает в поликлинике. И дома и на работе ее уважают... А счастья нет. Почему? Бродя того юноши с замотанным горлом, она должна прокрипеть: не знаю...

Она, и правда, не знала. Только поняла, что счастье — не наряд на плечах, не браслет на руке, его порою и не видно, похоже, счастье, оно — в душе!

Дедушка, милый дедушка, как тебя не хватает! Ты бы сейчас сказал, что делать... А что ты мне сказал, когда поздравлял еще раз, там, в своем саду, в самом конце свадьбы?

Дед Рахим-бобо посидел с ней рядышком, порадовался, что свадьба вышла такая красивая и веселая, и сказал... Тогда она не очень прислушалась к его словам, а сейчас вспомнила, как будто они снова прозвучали:

— Ну вот... Хорошая вышла свадьба... Остальное в твоих руках, внучка. Борись сама!

С кем бороться, дедушка? Почему — бороться?

Она не успела ответить себе на эти не такие уж пустые теперь вопросы, как в доме зазвонил телефон, и она бросилась к калитке, перепрыгнув через арык. Резкий телефонный звонок в ночи прозвучал как сигнал тревоги. Кто мог так поздно звонить? В сознании Дилдор мелькнуло: сам Ахмаджан или что-то с ним? Но оказалось, это звонили из дома председателя. Рыдающий голос его жены забился в трубке:

— Дорогая... Доктор-апа! С председателем плохо... Совсем плохо! За вами послали машину! Приезжайте, пожалуйста! Просим. Я и дети... Ждем!

— Не волнуйтесь! — ответила Дилдор. — Я мигом.

И вот уже она ехала в длинной «Волге» по темным улицам кишлака. Такая тут жизнь, дорогие ташкентские подружки! Только что ругала мужа, что он задержался где-то... Дела! А уже и сама спешила сквозь ночь... Дела!

Конечно, не всегда так бывает. Даже великорослый детина — шофер, открыв перед ней дверцу автомобиля, когда она, на ходу застегивая теплую кофту, выбежала на улицу, сказал:

— Извините, доктор, что в такое неурочное время...

— Ничего,— ответила она, усаживаясь в углу машины.— Что с Умаром-ака?

— Что-то неладное творится,— ответил шофер, включая скорость.— Все время порывается встать, сыновья силком удерживают...

«Рвутся куда-то... как в бой!— с досадой подумала Дилдор.— Ну, что это такое в самом деле?»

У председателя болезнь была похуже, чем простуда. Сердце! Вчера она строго предписала ему постельный режим, а он улыбнулся.

— В самый-то разгар уборки? Что ты, доченька! Никак нельзя! Это запрещено.

— Кто вам запретил?

— Я.

Она не стала скрывать от него угрозы: предынфарктное состояние. Он выслушал, нахмурился, согласился.

— Ну ладно... Полежу денек, в крайнем случае два... А ты лекарства давай. Самые сильные!

Умар-ака, нелепо толстый, рыхлый, был классическим образцом человека, который давно перестал обращать на себя внимание. То ел за троих, то целыми днями ходил голодный. Выпить мог — один никогда, но за компанию с удовольствием. Для бодрости духа, как шутил он сам. Эта бодрость духа и тела, несмотря на непомерный расход энергии, поражала в нем. Сердце доживало свое, а он не признавал этого и не унывал. Давай ему лекарства самые сильные, чтобы назавтра хватило сил за милую душу съесть самую большую кашу плова! И стать живее, чем молодой. Потому что — дела!

— Нет таких лекарств!

— Ну нет, значит, ничего опасного. Слышишь, жена? Было бы опасно, сразу нашли бы лекарства! Все в порядке! Зови гостей!

В таких случаях, когда раис, председатель, заболел, гости сами тянулись к нему без зова, и Дилдор спросила водителя:

— Гости были сегодня?

— Еще бы! С утра!— воскликнул водитель.— С утра идут один за одним. Друзья-товарищи... Много разных людей. У нас ведь любят Умара-ака, как отца. Как родного! Он хороший!

Шофер просто соловьем заливался, рта не закрывал, пока не подъехали к воротам председательского двора, и тут у Дилдор созрело решение.

— Не глушите мотор. В райцентр, к дежурному врачу, машину скорой помощи сюда!

— Увезете раиса? — испугался шофер.

— Не теряйте времени, поезжайте!

В большом дворе горели все лампочки и было светло, почти как днем. Вдоль дорожки, ведущей к веранде, вытянулись люди, и Дилдор прошла между их шеренгами, как в почетном строю. Из дома слышался плачущий голос жены, негромкий и оттого еще более тоскливый.

Дилдор вошла в комнату, где лежал председатель, и увидела, что там людей не меньше, чем во дворе. Она выпроводила всех, взяла за руку плачущую жену и тоже вывела ее, сама, передав заботам женщин — родных и соседок. В комнате, у постели, остались только три сына.

Большой круглый живот больного горой поднял белую простыню. Только подойдя поближе, Дилдор увидела широкие плечи, бычью шею и лицо, по которому сразу угадывалось, что Умар-ака был без сознания. Он бредил, звал кого-то... Дилдор послушала сердце. Никакого ритма, сплошные перебои, слабое биенье, ватихающее, как мерцание...

Дилдор достала шприц и ампулу... После укола больной немного успокоился... Зато с улицы скоро донеслись вопли жены, и Дилдор догадалась — так она встретила машину скорой помощи и людей с носилками... Старики спрашивали районного врача:

— А лечить дома никак нельзя?

Когда раиса вынесли и стали укладывать в машину, один из стариков, самый седобородый, поднял руки для молитвы:

— Пусть быстрее выздоравливает на счастье своих детей!

Под голоса аксакалов, подхвативших молитву, «скорая» тронулась. И только тут Дилдор вспомнила о муже и порадовалась, что успела нацарапать ему записку на обороте рецептного бланка и сунуть под пилушку на столе... Ждет, сердится, наверно... «Мы всегда сердимся друг на друга, — подумала Дилдор, — да-

же когда так легко друг друга понять... Отчего?» И сердце ее скатила волна нежности к Ахмаджану.

Но он не ждал. Растянувшись на постели, в одежде, он посапывал устало и сладко... Дилдор улыбнулась, глянув на него, как на ребенка, и тут же увидела смятый рецептный бланк с ее быстрыми строчками на полу и зацепила стул. Стул упал, брякнув сухо и громко, как выстрел, и Ахмаджан стремительно вскинулся, заморгал и медленно спустил ноги на пол.

— А-а, жена-а-а! — протянул он. — Ну, где была?

Ей не понравились тон его вопроса, его голос, и она ответила:

— На свиданьи.

Он сжал кулаки так, что хрустнули пальцы. «Зачем ты обижаешь мужа? — тут же спросила она себя. — Только сейчас решила, что надо быть ласковой!» И сказала, улыбаясь ему, как маленькому:

— Ах, дурачок! Не видишь, что ли, санитарная сумка на мне!

И устало сняла с плеча санитарную сумку.

— Не очень трудно ее надеть, когда хочется, — зло сказал Ахмаджан. — Для маскировки! Пара пустяков!

Она так и застыла перед ним с сумкой в руке. В этом было, пожалуй, главное зло их неустоявшейся жизни: он ревнует ее. Ко всему и ко всем. К здоровым, которые смотрят на нее, городскую красавицу, приехавшую в кишлак, и к больным, которых она принимает и, страшно сказать, заставляет снимать рубашки! Уж сколько раз обещал ничего не говорить ей, а опять! И если не говорит, то, наверно, сам себя поедом ест. Без всяких «наверно»! Ест! «Успокойся, — вдруг сказала себе Дилдор. — Ревнует — любит. Радуйся!»

— Есть хочешь? — спросила она Ахмаджана, положив сумку.

— Нет! Что ты! Я живу святым духом!

— Сейчас.

Включив газ и поставив на плиту казан с пловом, она вынесла мужу свежее полотенце. Пока он умывался, фыркая во дворе, нарезала салат, наломала две лепешки на куски, поставила чистые пиалушки для чая... Вазочку с цветами переставила из комнаты на стол на веранде, сразу стало уютнее и теплее в холоде ночи, и самой поверилось, что все нормально в жизни

и нет никаких осложнений между ними... Да и откуда они могут быть?

Ну, а то, что муж небритый, что красивое лицо его недружелюбно сверкает воспаленными глазами, так ведь время такое — осень страда понимать надо!

— А вы где задержались? — спросила она как можно мягче.

— Где требовалось, там и задержался.

— Я это понимаю... Мне просто интересно..

Он рассмеялся, подставив ладонь под крошки.

— Не притворяйтесь, пожалуйста мой птенчик! Что интересного может быть тебе в этих бесприсветных моих заботах? Надоело каждый день отчитываться!

— Мне все интересно, что происходит с вами. Даже не происходит, а только касается вас. Я люблю... беспокоюсь...

Дилдор подняла на него глаза и увидела, как чувство вины смягчило его лицо, как настороженно и печально сдвинулись его гордые брови. Он, должно быть, казнил себя сейчас.

Ахмаджан перестал есть, тихонько отложил ложку, подошел и прижал к себе голову жены, сидевшей напротив.

— Ну, — сказал он, — я ездил на хлопкопункт... Там заведующий весь сегодняшний сбор с моих полей принял вторым сортом. А хлопок прекрасный! Я ругался — и все без толку! Умар-ака должен бы поехать! Да, говорят, он заболел!

— Правда, — еле вымолвила Дилдор, потому что комок от внезапной ласки мужа сдавил горло. — Умар-ака увезли в районную больницу.

— Увезли!

— Я сейчас оттуда, из его дома...

— Так! — воскликнул вдруг Ахмаджан и заходил по веранде. — Мы теперь мучайся, а он будет лечиться! Ничего себе! Отъедать брюхо будет на больничных харчах! А то ведь он такой хилый! Такой слабенький, такой...

— Ахмаджан! — воскликнула она. — У него сердце надорвалось!

— Хлопком занимается тот, кто все невзгоды вытерпит! Взятся за гуж, не говори, что недуж! Уж ехал бы сразу на курорт, а то в больницу...

— Из которой он, может быть, не вернется.

Ахмаджан сразу стих. Стало слышно, как шумят деревья под порывами ветра.

— Так серьезно? — спросил Ахмаджан.

— Да.

Снова они помолчали, и новый порыв ветра согнул деревья во дворе и на улице, закачал их...

— А вот что с вами? — спросила Дилдор. — Я не знаю, какой диагноз поставить... Я только знаю, что спрятать вам никак не удастся этот недуг... У нас профессор говорил на курсе: когда больной пытается скрыть недомогание, температура его выдает...

Дилдор попробовала улыбнуться сквозь слезы, но улыбки не вышло, и она расплакалась, уронив голову на руки, на стол.

— Вам трудно, — говорила она, плача, почти рыдая, — я и раньше слышала, как тяжело работать на хлопке, а теперь сама вижу... Но ведь и я сюда не развлекаться приехала...

Да, это так... Ахмаджан понимал. Ей тяжело, но легче, чем ему. А он обижает ее... Как он смеет! Ведь она приехала в этот кишлак из-за любви к нему, Ахмаджану, поверив его клятвам, что он будет правдив и ласков. Она так и сказала, что ничего, никаких трудностей не боится, только лжи и грубости, потому что о детства их не знала...

Рассказать ей?

В начале сентября, когда уже хлопчатник раскрылся, он, бригадир, распорядился провести еще один полив... По дурости, конечно... Нет, не по дурости... Хлопок должен был стать весомее — и стал. Урожайность достигла пятидесяти центнеров с гектара, как он обещал. И можно было надеяться, что бригада выполнит обязательство, взятое им на себя, когда он вернулся из Ташкента в колхоз. Пятьсот тонн! Он назвал тогда эту цифру, встреченную аплодисментами...

Да вот теперь мешал заведующий хлопкоприемным пунктом!

Мешал? От позднего полива повысилась влажность хлопка... не только вес... И заведующий делал свое дело и не хотел сдаваться. Конечно, его следовало уломать, унять — угрозами, посулами... Но как? Умар-ака в больнице!

Рассказать все это Дилдор? Зачем? Что она поймет? Понимала бы, так постаралась помешать отправке раиса в больницу в эти тяжкие дни... А, что толковать! Не женское это дело. Смешно!

— Идем спать,— позвал он.

В постели он обнял ее покрепче. И потому, что хотел отвести от ненужных вопросов, и — соскучился. Как он соскучился по ней! Дилдор начала спутывать и гладить волосы мужа, сросшиеся брови, густые ресницы...

— А может быть, потому вам трудно,— прошептала она,— что вы взяли обязательство больше всех, выше всех?

— А я и должен быть выше всех,— ответил он, смеясь.— Не горюй за меня!

И принялся страстно целовать ее глаза, шею, губы. Как тогда, как давно... Душа ее наполнилась прежней радостью. И она почувствовала, что счастье возвращается еще легче, чем уходит.

Глава четвертая

ВЕТВИСТЫЙ КАРАГАЧ

В горных кишлаках осень — тоже сплошные заботы от рассвета до заката. Это пора, венчающая долгие старания земледельца, радостная или горестная, пора ответов на его надежды.

Хлеб давно убрали, а картошку только что выкопали. Фрукты с перегруженных веток снимали по очереди — начали с ранних яблок, а сейчас орехам поспело время ложиться в мешки. Значит, и последние грозди золотистого винограда уже срезали или срезают...

Солнце, хотя его лучи стали нежаркими, как и полагается в эти дни поздней осени, прощальные дни тепла, все же успело подвдлить виноградные ягоды и сделать их еще слаще. В ягодах сгустилась желтизна, будто солнце спряталось в них на зиму...

Все земные краски стали гуще, заметней. Поздней осенью виднее, как многоцветна наша земля, как щедра на урожай красоты! Трава где еще ярко-зеленая, а где уже и желтая, и рыжая, и бурая, как верблюжья

шерсть. Листья на деревьях все разные, не похожи друг на друга, не то что летом! Они и бледные, как недопеченные лепешки, и серые, как зола в очаге, и красные, оранжевые, огненные, будто уже на рассвете напоминают о часах заката. Осенью красиво и грустно. Краски горят неслыханно смело, будто спешат всю свою силу израсходовать перед угасанием. Это как последняя песнь. Песнь без голоса...

И только уверенность, что придет весна и снова оживит весь этот прекрасный мир, сохраняет способность любоваться даже угасанием, слушать эту беззвучную прщальную песнь...

В тот час, когда дехкане спустились с горных полей — кто с корзинкой на голове, кто с мешком за плечами, а кто верхом на осле, нагруженном тяжелыми перекидными хурджунами, когда пастухи пригнали скот из-за стен древней крепости, по тропинкам, истоптанным копытами и сбегающим к кишлаку вдоль реки, одним словом, в час заката, под ветвистым карагачем, который, наверно, помнит читатель, появилась молодая женщина с ребенком. По тому, как она спустила ребенка, мальчика лет пяти-шести, со своих рук, как вздохнула, положив к ногам узел, чувствовалось, что она смертельно устала... Она шла сюда, часто останавливаясь, то вела мальчика за руку, а то поднимала и несла, прижав к груди, и теперь присела на узел, чтобы перевести дух.

Женщина сидела и смотрела туда, где спрятался кишлак. Он на некоторое время совсем утонул в темноте и тишине, скотина перестала ржать, коровы разбрелись по дворам и принялись за жвачку. И по тому, где раньше вспыхивали огни, лучась и переливаясь, можно было определить самых расторопных хозяек... Или быстрее других вернувшихся домой, на отдых, мужчин.

Женщина смотрела на кишлачные огни и улыбалась им. Она спустилась с горы, за которой село солнце, издалека пришла, но улыбалась каждому огоньку, как родному. Кто она? Почему оказалась здесь в такой неподходящий для прогулок час?

Не стану скрывать от тебя, дорогой читатель, что эта женщина — Нафиса, любимая нашего неудачливого жениха Азиза, та, которую он хочет и не может

забыть, а вот почему она здесь, я еще не знаю. Она смотрела на родной кишлак, словно бы отрешившись от всего, потом вздрогнула, огляделась и позвала:

— Фируз!

— Я здесь, мама,— ответил мальчик из-за ее спины.

Он смотрел на реку и слушал, как она шумит.

К шуму реки прибавлялся шелест карагача, чуть колышущего своими ветвями в вечерней прохладе. Нафиса запрокинула голову, послушала этот шелест и встала. Проворно опустилась она к воде, чистой, как всегда чиста вода в горных реках, сполоснула лицо, склонившись, и протянула руку сыну. Он осторожно подошел к ней, переступая с камня на камень, и только Нафиса приготовилась умыть его, зачерпнув воды и грея ее в ладонях, как сверху раздалось побрякивающие велосипедного звонка.

Нафиса выпрямилась. Через минуту на тропе стал виден велосипед, нагруженный сеном. Гора сена будто бы катилась сама. Молодой лихач ловко управлял этой горой, катящейся на двух тонких колесах...

— Эй, парень!— крикнула Нафиса.

Неожиданный голос заставил лихача притормозить и соскочить на землю.

— Что такое?— спросил он почти мальчишеским дискантом.

— Ты знаешь тетю Мехри?

— Конечно, знаю,— ответил парень, не без труда удерживая велосипед.

— Скажи тете Мехри... Прошу тебя, если она дома... Загляни к ней и скажи, что ее ждут... Под карагачем...

— Кто?

— Она догадается... Ждут здесь... Понял?

— Понял.

Парень встал на педаль, оттолкнулся от земли, и гора сена начала таять во тьме.

— Стой, стой!— закричала Нафиса и бросилась догонять велосипедиста, снова соскочившего на тропу.— Пожалуйста, постарайся самой тете Мехри сказать... Умоляю тебя! Пусть Азам-ферма ничего не знает! Только ей!

— Ладно, тетенька... Я все сделаю, как вы просите...

— Спасибо, дружок мой,— растроганная Нафиса

была готова обнять подростка, но вместо этого только крикнула в темноту, окончательно поглотившую его: — Скажи, что с ребенком! Пусть она побыстрей...

Несколько мгновений непонятно было, услышал он или нет, только тишина, казалось, звенела от напряжения, но вот донеслось сквозь этот звон, уже издали, снизу:

— Скажу-у-у...

И Нафиса вернулась к сыну, а мальчик спросил:

— Он уехал? Куда?

— В кишлак,— сказала Нафиса, присев на корточки и развязывая узел.— Видишь, вот горят огоньки... Лампочки... Вытянулись в цепочку — там улица... Это кишлак...

— Какой?

— Фируз... Да, мой маленький... Я тебе дала имя этого кишлака... Ты родился в Шахристане, а я в Фирузе... Это мой родной кишлак...

— Его зовут как меня?— спросил удивленный мальчик и засмеялся.— А почему ты так назвала меня, мама?

— Потому что я люблю свой кишлак и тебя... Только тебя чуть-чуть больше!— Как она ни устала, Нафиса тоже улыбнулась и протянула сыну кусок лепешки: — На, сынок, наверно, проголодался...

Фируз и в самом деле проголодался, откусил лепешку и начал аппетитно жевать. А Нафиса задумалась, присев рядом с ним на камень, опутанный старой, но еще живой, слегка подсохшей травой. Мысли ее коснулись сначала близкой, конкретной заботы: все ли она сказала этому доброму подростку — велосипедисту, посланному ей с гор, как с неба? Она быстро перебрала в памяти свои слова и не поверила сама, что назвала отца Азамом-фермой. Как чужая. Потому что он ей стал как чужой. Страшно подумать об этом, но это было так... Так, что делать! Горе учит хоть самой себе говорить всю правду, до дна.

Отец сделал ее несчастной.

А Азиз...

Тогда она бегала по улочкам Фируза, беленькая, красивая, синеглазая. Егоза! Ничего этого не осталось, все исчезло бесследно... Синяя чистота в глазах зату-

манилась. Широко открытые глаза привыкли щуриться подозрительно, и в них, если и блеснет, то злинка. На людей, на жизнь, на судьбу. Волос, всю спину закрывавших золотыми косичками, больше нет, поредели, а кое-где крепко, теперь уже до конца жизни, в них поселилась ранняя седина.

Не такой представлялась ей жизнь, совсем не такой! Смешно вспоминать! С надеждой бегала она вечерами под этот карагач, чтобы дождаться Азиза, услышать от него ласковые слова и хранить их до утра в себе, а утром ждать вечера и снова бежать сюда за его новыми словами, как за водой и хлебом! Лучше бы он молчал... Но здесь, под шелест ветвистого карагача, они и сейчас звучат в ушах, эти слова о любви, о верности, правда, теперь в насмешку и над верностью, и над любовью.

И за это она ненавидит его.

Почему Азиз, получив отказ ее отца, не восстал, как настоящий джигит? Почему? Почему никак не боролся за свою любовь? Почему?

Вот уже седьмой год она задает себе эти вопросы и не может на них ответить. Да уже и не задает... Забывает потихоньку и свою обиду, и самого Азиза... Это карагач напелнил... Где-то вот здесь стояла она и ждала ответа доброго молодца на то, что отец хочет отдать ее за другого. За другого, незнакомого, немилрого... Она не сомневалась, что Азиз взорвется, схватит ее и скажет: «Я не отдам!» Что он увезет ее, умчит от этой беды, унесет на руках. Она была готова пешком уйти за ним, куда глаза глядят, как велит любовь. Это так просто, когда любишь. Она ждала...

Но он не увез, не унес. «Мне интересно тебя услышать! Тебя!» — кричал он здесь в тот вечер, когда reshлось их будущее. Почему — се? Разве он не верил, что она любила его? А что она еще могла? Девочка, ждавшая его из армии и дождавшаяся наконец. Ей казалось, что нет джигита храбрее, надежнее... А он!.. Джигит! «Что ты скажешь?»

Вырвав руки из его рук, она убежала тогда.

Но утром, опомнившись, уже была у калитки и смотрела через дорогу, чтобы увидеть, как Азиз выйдет из своего домика и пойдет сюда, за ней. Он никого не испугается! Он придет, чтобы спасти ее от беды,

приближающейся каждый день неотвратно, как оползень... А он уехал в поле, работал, ведь его назначили бригадиром, наверно, надо было отличиться, показать, что он достойный бригадир... Он работал. Зря она ждала... И все же до последнего часа она ждала единственного слова: «Бежим!»

В Шахристане она увидела богатый дом, устланный коврами, заставленный дорогой посудой, и подумала: «Зачем мне все это?» Она отказалась бы ради Азиза не только от богатства, никогда ее не прельщавшего, а от самой жизни, так она любила его тогда...

Если бы они уехали, их приютил бы какой-то город, какой-то кишлак... Белый свет большой... Молодые. Любая работа по силам. Что им нужно было? Вместе жить — при любых трудностях вместе...

Нафиса часто мечтала, воображая, как бы могла сложиться ее жизнь с Азизом, если бы тогда он решился и позвал ее: «Убежим!» Но он не позвал, и она осталась, а сейчас убегала в мыслях, и это было ее бегством из того ада, в котором она жила под крышей шахристанского дома с мягкими коврами и дорогой посудой.

Своего мужа Карима она видела перед свадьбой один раз. Кишлачная сваха Ханифа, пышная, сдобная Ханифа, как ее называли в Фирузе, дождалась ее возле школы после окончания уроков и повела за собой... Они шли к реке, и Нафиса испугалась, а потом обрадовалась, что они идут сюда, к карагачу... Обрадовалась, подумав, что, может быть, все переменялось, и под карагачем ее ждет Азиз... Но до карагача, до его тени на берегу, до его необъемной шапки в небе они тогда не дошли, не поднялись... Гораздо ниже, на берегу, Нафиса увидела молодых незнакомцев. Они сидели на зеленой лужайке, беседовали, и Ханифа, толкая будущую невесту мягкими бедрами, взяла ее за локоть и показала глазами:

— Вон, вон... с краю, в чесучовом пиджаке, белом... Смотри, смотри... Какой красавец! А богат!

Может быть, кто-то подумал, что ее прельстили эти богатства мужа? Считал же отец, что достаток никогда и никому не мешает, и в наш век — тоже. Соблазнили его и дом Карима, и овцы Карима, и деньги Карима... И когда Нафиса попробовала возразить ему,

робко призналась, что нет у нее охоты говорить Кари-
му «да», отец рассмеялся:

— И не говори! Кто тебя спрашивает?

А потом трахнул ладонью по столу, закричал:

— Я выбрал тебе мужа, и ты пойдешь за него! За
того, кого я выбрал. Я велю!

И снова саданул кулачищем по столу. Руки у него
были могучие, длинные, все покрыты черными воло-
сами, голос страшный, как у зверя, не человек, а див.
Впервые он показался тогда Нафисе таким страшным.
Она смотрела на сильно выпившего отца и шептала:
«Азиз, приди сюда, скорей, ударь по столу громче отца,
защити меня!» Он не слышал, хотя она шептала почти
вслух, не таясь, не верила девочка, что предана, что
обманута... Взрослая Нафиса грустно усмехнулась сей-
час над этой девочкой. Эх, Азиз!

Прохлада, стекающая с вершин, становилась с тем-
нотой все сильнее, обдавала снеговой свежестью. На-
фиса достала из узла халатик и тюбетейку Фируза,
закутала его. И на себя накинула бешмет. Посадила
сына на колени, обняла, чтобы согреть, забеспокои-
лась: доехал ли добрый парень до матери, удалось ли
ему передать, что она с сыном ждет свою мать здесь,
под карагачем?

И сейчас же раздалось снизу:

— Дочь моя! Дочь!

Нафиса принялась быстро завязывать узел и под-
нялась навстречу. Мать появилась из темноты, причи-
тая:

— О аллах, умереть бы мне!.. Почему сидите здесь,
как отшельники? Фирузджан, маленький, ты здоров?
Иди ко мне, иди! Вот она я, здесь, здесь, в любой миг
стану жертвой твоей! Что случилось?

Она тискала и целовала внука, потом, как слепая,
схватила за руку Нафису. Та прошептала:

— Не плачьте, мама. Мы живые, пока живые...

Мехри ни о чем не стала спрашивать дочь, только
целовала ее, и при каждом прикосновении материн-
ских губ к лицу дочери на щеках ее оставались мокрые
пятна. От теплых слез матери, не успевающих остыть
даже на ледяном ветру, такими они были частыми.
Волнение матери передалось Нафисе, и как она ни дер-
жалась, они зарыдали вместе.

— Да вот,— повторила Нафиса,— вернулись живыми.

А мать тянула ее за руку, приговаривая:

— Пошли... Пошли домой!

— А отец дома?

— Конечно, дома! Где ж ему быть?— ласково отвечала мать.— Что ж из того, что он дома?— Мехри остановилась.— Ты боишься, доченька? Не бойся, я рядом, твоя мать!— И дернула ее повелительно:— Пошли!

Знакомо скрипнула родная калитка... Азам-ферма, отец, голоса которого она ждала и боялась, провопил:

— Бей, бей! Ну, что ты медлишь, рас-тя-па! Пасс! Гол! Ура-а! Мимо, оказывается! С двух шагов не можешь попасть! За что тебе деньги платят?

Он сидел на высокой веранде и смотрел футбол по телевизору. Ни на скрип калитки, ни на фигуры женщин он не обратил внимания, ему некогда было, и они незаметно проскользнули в дом.

— Отец выпил, лучше сейчас не попадаться ему на глаза,— шепнула мать, закрывая дверь за собой, а когда зажгла свет в комнате, то остолбенела и медленными, неслышными шагами приблизилась к Нафисе.

— О аллах, что с твоим лицом, доченька?

Под одним глазом Нафисы был красный рубец, под другим — фиолетовые пятна.

— Он опять бил тебя, доченька?— Ноги не держали ее, и она присела на стул возле Нафисы, тиская свои пальцы.

А Нафиса сказала, опускаясь на другой стул:

— Вот, мама, больше нет сил терпеть. Если найдете место для нас с Фирузом и позвольте, останусь дома, не вернусь туда больше.

Мехри испугалась.

— Что ты мелешь, доченька? О чем ведешь речь? Ты в своем уме?

— Не знаю... Я уже ничего не знаю... Только знаю, что не вернусь туда ни за что.

Нафиса машинально отщипнула кусочек лепешки, положила в рот, но есть не смогла. Ее тошнило, кружилась голова. Она смертельно устала, измучилась в дороге.

— Не вернешься? Куда же ты?

— Я готова идти по белу свету, все равно куда,— горько усмехнулась Нафиса.

— Молчи, доченька!— взмолилась Мехри, испугавшись, что это серьезно.— Что скажет народ?

И Нафиса заплакала. Слезы безостановочно потекли по ее красивому лицу, на котором рдели следы побоев, и этот безголосый плач был в тысячу раз горше, чем недавние рыдания. Те рыдания при встрече с матерью облегчали, а эти слезы были немymi слезами безнадежности, неслышно катились и катились...

— Не надо,— пыталась утешить мать, приблизясь к ней.— Отец увидит! Рассердится! Ты ведь знаешь его...

— Вот,— еле слышно сказала Нафиса, давясь слезами.— Что люди скажут! Это главное. Пусть люди думают, что все хорошо, а ты терпи... Всю жизнь терпи, лишь бы они думали, будто все хорошо! И отец... Кто, мама, должен выручить меня, как не он? Кто? Нет, опять терпи! Хватит, я шесть лет терпела, а теперь мне все равно, что люди скажут и как отец закричит! Все равно!

— Успокойся, успокойся,— морщинистыми руками мать гладила Нафису по голове, поправляя ее плохо прибранные волосы, будто это могло хоть как-то скрыть беду.— Что же будет? Что будет?

— Я уже сказала.

— Нет-нет!

— Да,— возразила Нафиса с решимостью женщины, испытавшей настоящее горе.— Когда я первый раз заикнулась, что у меня не вышла жизнь, что не хочу оставаться больше в Шахристане, меня ругали, проклясть грозилась — и вы, и папа. Второй раз приехала сюда, домой... Богом просила: не гоните! Вы молчали, а отец опять отослал. Поехала, глотая кровь, с младенцем на руках... Куда? Зачем? Доить коров, навоз чистить, кур кормить, печь лепешки...

— А как же, доченька? Жена!— нарочито громко усмехнулась Мехри.— Только молодые думают, что любовь — праздник.

Уж сна-то знала, что это совсем не так...

— Мама!— вскрикнула Нафиса.— Я ведь не жалуясь, что могла бы учить детей в школе, а сама стираю, убираю, дрова колю... И учительнице надо уметь в

огороде копать и еду готовить... Если бы я для любимого человека все это делала! Было бы не тяжело и даже незаметно. Я не боюсь работы! Но какая здесь любовь? О чем вы говорите, мама! Ее вообще нет, никакой любви! Детские глупости!

Нафиса устала в стену и посидела молча.

— Мы думали, что ты невеста в богатом доме и ты счастлива. Хозяйка, жена!— повторила мать.

— Я не жена, нет,— проговорила Нафиса.— Отец продал меня в рабство. Я рабыня, которую бьют, если не нравится, как она сделала что-то...

— Пьяный бьет?— спросила мать.

— А пьяному можно?— Нафиса повернула голову к матери и посмотрела на ее растерянное, беспомощное в жалком отчаянии лицо.— Но если бы только пьяный... Он и трезвый бьет...

— За что?

— А у него один ответ: «Имею право... Пожалуйсь отцу, он еще прибавит!» Я уж и не спрашиваю... Да и он чаще кулаком отвечает, чем словами...

— Ой, доченька! Уши бы мои не слышали!

Мехри зажала уши ладонями. А когда опустила руки, прозвучали, как ударили, жесткие слова дочери:

— Вам не хочется верить, знать не хочется, вот вы и зажимаете уши, но это правда...— Нафиса коснулась пальцами кровоподтека на лице.— Вот мои подтверждения... мои документы... печати...

Теперь мать закрыла ладонями глаза и прошептала:

— Глаза бы мои не видели!

Нафиса чуть было не крикнула ей что-то обидное, но опомнилась, удержалась и обвела еще раз глазами комнату с нишей для одеял, с покосившимся на одну ножку столиком, за которым она, девочкой, делала уроки.

Мать вздохнула.

— Наверно, ты права... Для нас, женщин, вообще нет счастья.

— Я была счастлива в этой комнате,— сказала Нафиса и улыбнулась.— В школе была счастлива! В родном Фирузе.

Была... Девочке мнилось, что счастье впереди, в манящей дали большой будущей жизни, а оно оказа-

лось за спиной... Оно было прожито... Там, в детстве... Но с этим трудно было мириться, а мать наставляла:

— Терпеть надо, терпеть...

Она как будто играла на музыкальном инструменте с одной струной, унылом, но вечном.

— Ты знаешь мою жизнь с отцом... Сама видела, сама плакала не раз... в этой же комнате... Я терпела...

— Зачем?

— Старики учат нас: терпение — единственный путь к достижению цели.

— Какой?

— Может быть, Каримджан возьмется за ум, и ваша жизнь еще наладится.

— Нет! — вскрикнула Нафиса, и мать на ее глазах сжалась и зябко задрожала, испугавшись то ли того, что отец услышит, то ли за нее. А Нафиса повторила тихо, но властно: — Нет. Вы не смогли восстать и не можете... Вы не можете!

— Не могу, — подтвердила мать.

— А я могу! Я смогла уже... Я ушла из дома, который хуже ада! Ушла!

Мать погладила ее по голове, пытаясь унять чересчур громкие крики, и сказала, увидев кусочек лепешки в ее пальцах:

— Я пойду, чего-нибудь соберу тебе поесть... Ты ведь голодная, бедненькая моя, а я... Вот дура! — И, ругая себя, зашаркала к дверям.

Маства, жидкая рисовая похлебка, была вкусна, как все и всегда вкусно у мамы. Нафиса еще ела, когда в комнату вошел — не вошел, а протиснулся отец. Гигантская его фигура едва не застряла в тесных дверях детской комнаты, куда раньше он почти не заходил.

— Э! — проговорил он радостно. — Кто в гостях у нас! А я слышу — вроде бы чьи-то голоса.... Комната пустует, а голоса! Дай посмотрю... Девочка приехала! И жеребеночек, оказывается, спит. Ты посмотри на него, Мехри... Посмотри, мать! Ни дать ни взять — копия Азама-фермы! Ха-ха-ха... Будет такой же богатырь...

Фируз спал, в самом деле, по-богатырски раскинув свои ручонки на одеяле в том углу, где раньше спала его мать. Азам наклонился и пощекотал ребенка, пробежав толстыми пальцами по его шее.

— Разбудите,— обронила Нафиса.

— Богатырь!— повторил отец.— Богатыри крепко спят. Правда, наш внучок — богатырь?— спросил он у матери.— А почему?

Мехри и Нафиса молчали, и он сам ответил себе:

— Потому что Карим — орел. Орел! Ну, скажи, Нафиса, скажи-ка сама — Карим орел или нет? Что ты молчишь?

— Она устала,— вместо дочери сказала Мехри.

— Ну, пусть отдохнет у нас денек-другой...

— Я вернулась совсем,— сказала Нафиса.

— Что-о?— взревел Азам-ферма.— Бежала! Из такого дома!

— Плевала я на то, какой там дом!— непривычно нервно и грубо крикнула Нафиса и тут же постаралась взять себя в руки, подумав, что громкие слова могут только распалить отца, как жаркий огонь большие поленья, костер разгорится, будет много шума и треска, а в результате останется одна зола. И прибавила тихо:— Я ушла от этого орла... И не вернусь к нему. Вот и все.

Внешне спокойный ее голос, упавшие в тишину негромкие, но внятные слова удивили и насторожили Азама.

— А!— воскликнул он, почесав лоб.— Чепуха! День такой...— Он даже засмеялся.— «Пахтакору» наддали четыре — ноль! Теперь дочка несет черт-те что!

— Вы мне разрешите жить у вас, папа?— спросила Нафиса.

И тогда отец взорвался:

— Завтра же!.. Завтра же отправишься в Шахристан! Она, видите ли, оставила дом... Чушь какая-то! Утром у меня будет машина и...— Он повернулся к жене, глаза его округлились и блестели:— Пусть она попробует не вернуться! Подъедет машина и...

Мехри повалилась у его ног, прижалась к ним лицом, заголосила:

— Оставим ее у себя!

— А-а, я понимаю... Сговорились! Не зли меня!— затопал Азам-ферма чуть ли не по рукам Мехри.

И тогда она встала.

— Будь ты проклят! Когда ты понимал? Когда ты

понимал человека? Родную дочь не можешь защитить... Так я...

Отец оттолкнул ее и вышел из комнаты, рыча, а она крикнула ему вслед:

— Так я не дам ее в обиду!

А Нафиса смотрела на мать восторженными глазами, ломая руки и не веря себе. Она не ждала, что мать решится когда-нибудь на такое! Теперь у нее есть защитница, лучше которой ей и не надо...

Ночью было слышно, как отец стонал на весь дом. Нафиса, даже и не пытавшаяся закрыть глаза и уснуть, думала, что он злится... А может быть, ему жалко дочь? Человек же... Дочь у него одна-единственная... Ему тоже нелегко. Тогда он утром войдет и скажет: «Оставайся!» Она лежала и перебирала тысячи вариантов — как сложится дальше ее жизнь... Как?

На рассвете действительно вошел отец, пробасил, усмирив свой рык:

— Встала, доченька? Ну, спасибо, что приехала, навестила. Буди Фирузджана, одевай... Пора! Машина подъехала.

Отец вел себя так, как будто никакого разговора вчера не было.

— Мать уже завтрак приготовила и собрала тебе в дорогу, — добавил он, уходя и с улыбкой оглянувшись на пороге комнаты.

Нафиса прислушивалась к его удаляющимся шагам, промаргиваясь. Видимо, она задремала на рассвете и не слышала, как поднялась мать... Теперь ей хотелось уловить ее голос. Хватит ли у нее сил и утром встать против отца и устоять? Сохранилась ли у мамы вчерашняя неожиданная решимость?

— Мама! — позвала Нафиса.

Мать сразу возникла у порога. Может быть, стояла за дверью. В руке она держала белый узелок. Да, собрала завтрак в дорогу...

— Машина подъехала? — спросила Нафиса.

Мать кивнула и спросила, пряча глаза:

— Помочь тебе одеть Фирузджана?

— Я сама, спасибо.

...Когда Нафиса уселась в кабину грузовика рядом с бородатым шофером, отец мирно, но требовательно велел ему:

— Сено сгрузишь на базаре, но раньше отвезешь мою дочь домой. Понял?

— Хоп, начальник, хоп... Хорошо!

Грузовик разрушил холодную тишь утра оглушительным ревом и тронулся.

— Не поминайте лихом!— сказала Нафиса.

Мать и отец махали ей руками с дороги. Отец улыбался... Нафиса видела его улыбку в круглом зеркальце над зеленым крылом машины... Зеркальце было с краев одето туманом... Не поленился отец, встал чуть свет, разбудил шофера, постарался отправить дочь с внучонком пораньше, чтобы ни одна душа в кишлаке не увидела ее, не услышала ничего, не узнала... Еще бы! У Азама-фермы такое происшествие! Не может быть никаких происшествий в его благополучной жизни.

Машина оставила позади кишлак. Мальчик, который вроде бы спал, прижавшись к ней, показал пальцем в сторону еще кутающихся в туман домов:

— Мама! Этот кишлак зовут как меня... Фируз! Я знаю!

— Да-да... Спи... Ты спи...

Но он повернулся к бородачу-шоферу:

— Дядя! Меня тоже зовут Фируз...

Машина выкатилась на большую дорогу, бородач прибавил скорость, понеслись, полетели с гулом, который множил щедрое горное эхо. Грузовик стал похож на самолет. Улететь бы куда-нибудь на самолете! Куда? Да и денег не хватит на билет куда-нибудь далеко, в самую дальнюю даль.

И мать не поможет. Последнее, что увидела Нафиса в зеркальце, кольнуло ее больно: мать тронулась и пошла за грузеиком пешком. Где-то она остановилась и, возможно, еще стояла и смотрела вслед. А может быть, грубый окрик отца вернул ее...

У большого моста при въезде в Шахристан Нафиса попросила бородача остановить машину.

— Что такое?

— Я здесь слезу.

— Как же так, красавица? Папаша ваш приказал отвезти вас домой!

— Дом наш недалеко, я дойду... Мы дойдем! Прогуляемся пешочком с сыном!

Шофер, избегавший раньше смотреть на ее лицо в стойких синяках и даже с кровавым рубцом под глазом, теперь внимательно вглядывался в него. И вдруг сказал:

— Ну ладно... Смотрите!

Нафиса быстро приподняла Фируза и спрыгнула на землю.

— Спасибо.

— Счастливого пути! Не заблудитесь.

Ухая, грузовик тронулся с места и быстро свернул за угол, на кратчайший путь к базару. Туда же вела дорога и к ее дому... Но Нафиса взяла сына за руку и повела к реке. На покато́м берегу ее, с высохшей, пожелтевшей травой, они уселись позавтракать. Нафиса развернула мамин узелок с яблоками и еще теплыми лепешками и пирожками. Один пирожок она протянула Фирузу, другой взяла себе, оставила в руке одно яблоко, а все остальное замотала снова в узел. Надо было рассчитать мамину еду на длинный день...

Фируз быстро съел пирожок и хрустел горным яблоком, румяным и сладким, потому что оно созрело, находясь ближе всех других яблок к солнцу, а Нафиса беспрестанно оглядывалась на дорогу...

Она ждала автобуса, но тот не спешил появляться. И чтобы не думать, что будет через час, и завтра, и дальше, Нафиса принялась рассказывать сыну сказки. Сказки были хорошие, и забавные, и страшные, но не очень, потому что все хорошо кончалось. А зачем люди придумывают сказки о своей жизни? И рассказывают их другим... Наверно, потому, что жаловаться обидно...

Глава пятая

ШКОЛА

В конце дня заморосил частый, секущий дождь, сразу стало холодно... Пыль у дороги быстро утрамбовалась, а здесь превратилась в грязь, потому что ее усердно топтали детские ноги.

Дети толпились большой гурьбой и весело махали руками людям, которые прощались с ними ответными взмахами, и песнями, и смехом, и криками.

— До будущего года! — кричали они чаще всего.

Это были горожане, в основном юноши и девушки, которые приезжали на уборку хлопка, помогали це-линникам, хозяевам Голодной степи. Загар на лицах долго будет напоминать им об ее просторах, о безоблачном небе...

Нафиса не замечала дождя. Сжимая руку Фируза, она смотрела на детишек и понимала, что это школьники провожают горожан. А раз у дороги школьники, значит, где-то здесь и учитель, можно поговорить, справиться хотя бы...

Она огляделась и удивилась большим многоэтаж-ным домам в этом степном поселке, похожем на город, через который все тянулись и тянулись караваны ав-тобусов с молодежью. Если бы она поинтересовалась, куда попала в своем безадресном путешествии, то услы-шала, что это Янгиер, степная столица, но она ни о чем не спрашивала, ей было все равно. Ее внимание прико-вали к себе дети...

А детей уже уводили из-под дождя. Да и темноло... Правда, еще не вспыхнули окна и не зажигались фо-нари на высоких бетонных столбах, удивительно гиб-ких и грациозных. Над степью держался странно свет-лый сумрак... Вероятно — от большого простора. А может быть, это мизерные капельки дождя проносили сквозь тучи отблеск только что скрывшегося за них светила, главного хозяина этих мест?

Еще раз Нафиса подняла глаза на дома. Сколько в них этажей? Четыре, пять... Конечно, в таких домах много квартир... И во многих из них живут учителя.

Но, если не нужны учителя, она готова быть кем угодно — цветочницей, пожалуйста, вон сколько здесь цветов насадили, большинство детей машет уезжаю-щим не голыми руками, а букетиками цветов... Нет, все же лучше в школе — хоть уборщицей...

Какая-то женщина остановилась около нее, спро-сила:

— Вы издалека?

— Я? Да...

— Ищите кого-то?

— Нет... Да... Учителя бы этих ребят мне увидеть...

А то я смотрю, все старшеклассники с ними, и стоят, и уводят... Ни одного учителя...

— А вон сама директриса...

Да как же она до сих пор не видела ее! Наверно, эта директриса только что подошла... Была она полной и строгой на вид женщиной с прямой спиной, конечно, от привычки держать себя прямо, подтянуто. Нафиса еще с детства уловила такую привычку у самых строгих учителей... Даже кишлачных, молодых... Здешняя директриса не была молодой, волосы — пепельные от седины, а когда она повернулась в сторону Нафисы, чтобы крикнуть что-то одному из страшеклассников, та увидела две резких морщины на лбу, глубоких, не расправляющихся, оставленных, похоже, настоящим горем... Увидев это лицо, горькое и озабоченное, Нафиса подумала: не до нее этой женщине, своих забот сколько угодно... Женщина между тем накинула на пепельные волосы черный платок, как видно, сползший на плечи... Ах, вон что! У нее — траур... Нет, лучше и не подходить... Не захочет она ее брать — без направления... Да и найдется ли сейчас у этой женщины время на самое простое — выслушать... Пока Нафиса раздумывала и боролась с неловкостью, охватившей ее, директриса увела последних детей... Куда теперь? Хотя бы на ночь где-то устроиться?

Ничего не придумав, как она ни ломала голову, Нафиса поплелась за детьми, словно ее тянуло туда... Их следы скоро свернули с дороги и отпечатались меж коротких виноградных лоз свежей, чуть ли не сегодняшней посадки... Ах, если бы оказаться сейчас в горах между виноградных лоз! Там они смыкаются плотными стенами, а над головой образуют настоящие крыши, которые укрывают и от солнца, и от дождя... В виноградных тоннелях под ногами всегда сухо. Попасть бы сейчас в такой тоннель-виноградник, которому нет конца, высокий и длинный-длинный... Она шла и мечтала, беспокоясь не столько о себе, сколько о Фирузе.

И остановилась.

Впереди показалась директриса. Она шла навстречу, приближалась не спеша. Повернуть, исчезнуть?

— Здравствуйте, — сказала женщина. — Мне показалось, что вы нас догоняете. Что же вы молчите, милая моя? А? Как вас зовут?

— Меня? Нафиса... Нафиса Азамова...

— А меня Назира Юнусова. Вот мы и познакомились...

— Здравствуйте...— скованно прошептала Нафиса. Женщина взгляделась в нее так, точно сейчас должна была спросить про диковинные для нормального вида следы на ее лице: «Что с вами?», но она опустила глаза, поправив концы своего черного платка, и спросила:

— Кто вы?

— Была учительницей,— глядя в сторону, ответила Нафиса.— Давно... Почти семь лет назад... Когда кончила школу в своем кишлаке, в Фирузе... И получила диплом с отличием... Недолго работала, и все... Сын, муж...

— Он остался в Фирузе?

— Нет... Неважно, где... Важно, что остался... Вы проникательны.

— Ну, дорогая, об этом нетрудно догадаться, если молодая мать с сыном, на ночь глядя, не знает, куда идти.— Она вдруг улыбнулась, и таким теплом повеяло от нее, что все недавние опасения Нафисы показались детскими и растаяли, как случайные снежинки в теплый день.— Поэтому пойдите со мной...— Она протянула Фирузу руку, в которую он вцепился, правда, не без колебаний, едва дождался незаметного кивка матери, и повела их к вечерним огням степного города.— У меня пустая квартира... Я одна...

— А дети?— спросила Нафиса.

— Есть и сыновья, и дочери... Уже большие, в разных местах живут... Свои семьи... Я — бабушка! Увидела тебя,— сказала директриса, непроизвольно перейдя на «ты»,— подумала, это средняя дочка с внуком... Вы с моим Пулатиком однолетки.— Она наклонилась к Фирузу: — А тебя как зовут?

— Фируз...

— Ох, как красиво! Наверно, мама любит родной кишлак?

— Любит... Там бабушка живет...— сказал Фируз.

— А я здесь живу... Ты запомнил, как меня зовут? Тетя Назира...

— Назила...— повторил, осваиваясь, Фируз, а Назира Юнусовна еще раз внимательно оглядела Нафису. Да, в первую минуту она приняла ее за свою Софию,

подумала, что та, взбалмошная, примчалась из Самарканда, чтобы навестить мать... Отпросилась на денек с работы. А ведь трудно — врач! Назира Юнусовна тогда и заволновалась и обрадовалась, прибавила шагу.

Но уже с полпути к этим приезжим, которых она сейчас вела к себе, увидела, что люди незнакомые. У молодой матери не только рост был выше, но и глаза другие — синие, как осколочки весеннего, еще не выгоревшего неба. Красавица! Это без труда видно было даже сейчас, по лицу, к которому отвратительно прикоснулась чья-то рука... У Софии глаза поуже и потемнее, не говоря уж о том, что веселее у нее глаза, слава богу... И одета приезжая была по-другому. Подол расшитого платья опускался до щиколоток, расшитый камзол, цветастая шаль, на ногах — красные сапожки... Такие яркие наряды несут женщины гор. По ним судя, оттуда, с гор спустилась Нафиса... По ним же судя, жила она в достатке, но за долгий свой век уже не раз убеждалась Назира Юнусовна, что не в этом счастье, совсем не в этом!

— А тебе нравятся горы? — спросила она Фируза.

— Там виноград ластет...

— Вкусный?

— Вкусный!

Назира Юнусовна остановилась и обвела рукой пространство вокруг, уже ставшее темным.

— Вот... ты сейчас и не видишь ничего, а тут будет виноградник... виноград, да еще какой!

— Ту-ут? — недоверчиво протянул маленький Фируз.

— Здесь, здесь, — повторила тетя Назира. — Вокруг нас.

— А откуда вы знаете?

— Я? — Недавно такая печальная Назира Юнусовна искренне рассмеялась. — Я знаю это, потому что сама сажала здесь виноград со своими школьниками... Вчера и позавчера... И раньше...

— О, — сказал Фируз, соображая, — так это долго ждать, пока он вырастет.

— Да, долго... — согласилась тетя Назира. — Но запомни этот вечер... Станешь большим и, кто знает, возможно, остановишься здесь, а тебя окружают высокие кусты винограда, и скажешь: это тетя Назира посади-

ла со своими ребятами... Меня вспомнишь!.. В каждом деле, большом и маленьком... в каждом дереве, в винограднике, в простом доме на улице, в мосту над рекой... продолжается чья-то жизнь!

Нафиса подивилась тому, как слушает Фируз, и подумала, что в немолодой женщине по привычке естественно заговорил педагог... А может быть, она повторяла слова какого-то дорогого ей человека, с таким чувством, с таким сердцем она говорила это! Поведай она о своих мыслях Назире Юнусовне, та, наверно, подтвердила бы, что в самом деле вспомнила сейчас своего мужа и повторяла его слова, но у них не настала еще минута откровенной беседы, и Нафиса промолчала...

Минута эта пришла после чая, который Назира Юнусовна скипятила в блестящем электрическом самоварчике. Он выглядел игрушечным и был таким уютным, что его так и хотелось назвать самоварчиком. Делала она все неторопливо и деликатно.

— Ты выпьешь зеленый чай? — спросила сначала.

— Да, конечно... Односельчане пьют зеленый чай... И дома любили... любят...

— Вот и хорошо... У меня как раз самый вкусный...

Фируз уже сладко спал в чужом доме, который не хотелось называть этим холодным словом, так здесь все согревало, что даже не верилось в это счастье... А они сидели в комнате, которая была и рабочим кабинетом хозяйки. Письменный стол, угол которого они облюбовали для укомной беседы, придвинув к нему два кресла, стоял у окна. Лампа с темно-зеленым абажуром осторожно освещала часть стола, занятую стопками ученических тетрадей. А верхний свет Назира Юнусовна потушила, чтобы он не мешал Фирузу, который, раздирая сонные глаза, с опаской смотрел, как она берет его на руки, чтобы унести от мамы.

— Нет-нет, я тебя никуда не унесу... будешь спать сегодня в этой комнате, здесь, где мама... Вот она тебя разденет, а я постелею на диване... И мы никуда не уйдем... Не бойся... Нам надо поговорить... тихонько будем говорить, шепотом...

Они, и правда, говорили шепотом, но о таких важных делах, о которых впору кричать мало, голоса не хватит.

— Ну,— сказала Назира Юнусовна, глядя на гостью и снова обращаясь к ней на «вы»,— вы молодая, а, похоже, испытали уже много... Бывает так, что жизнь не скупится на это смолоду... Если есть силы и желание, расскажите мне подробней, что с вами... почему... Это мне не только как директору надо... Я — мать, своих детей воспитала, все разлетелись... А сердце беспокоится, болит иной раз... Как они? Я постараюсь понять вас, Нафиса...

И Нафиса рассказала... Как училась, начала работать, вышла замуж... И как переломил ее дорогу Карим, словно палку о колено, как издевался над ней, находя удовольствие в том, что унижал ее достоинство...

— Такой он... злой?— спросила Назира Юнусовна.— Отчего все это?

Нафиса пожала плечами.

— Несчастье не бывает без причины... Конечно... Ну, какой он, мне рассказывать вам нечего, и так видно... А отчего это? От того, что я не любила его... Не по любви вышла... Он это чувствовал, а я и не скрывала... То есть старалась, но не могла... Он бесился...

— Жизнь без любви — горькая штука,— вздохнула Назира Юнусовна.

— Странные люди! Какие странные люди!— совсем тихо, на одном дыхании неожиданно воскликнула Нафиса.— Выдумали себе любовь! Наверно, для счастья. А не подумали, сколько несчастья связано с открытием, что никакой любви в жизни нет. Куда больше, чем радости от ее сжидания, от обмана! Вот и вы говорите... Вы — человек, каких я не встречала... Вас, Назира Юнусовна, как в старину сказали бы, аллах мне послал! Спасибо ему... Спасибо случаю... Я ведь в разных автобусах ехала целый день, пересаживалась, запуталась, уже не понимала, куда еду, и не знала, где слезла... Только поняла, что дальше ехать нельзя, скоро ночь... И тут — вы! Как мать... Правда, в вас что-то родное... Не улыбайтесь. Я честно говорю. В такие минуты люди не должны сочинять. И я не сочиняю... Вы — настоящая мать, больше, чем для своих детей... Большое у вас сердце... Умная вы... Зачем же и вы говорите: любовь! Когда я слышу это слово, у меня дрожь проходит от затылка до пят... Страшное слово!

Слушая ее, Назира Юнусовна прикрыла глаза, словно вспоминала что-то.

— Я любила мужа, — сказала она, когда Нафиса умолкла, задохнувшись. — Он был ирригатором... С молодых лет дарил людям воду, а с нею хлеб и тень... В молодости его оружием была лопата, а в последние годы тысячи мощных машин здесь, в Голодной степи, он большую должность занимал в «Главголодностепстрое»... Я сегодня сказала вашему Фирузу, что через несколько лет вокруг нашей школы зазеленеет буйный виноградник... И это не обман. Мы с Кадыром-ака — так звали моего мужа — переменили десятки мест, и всегда приезжали на пустое, а оставляли зеленое... А когда вдруг он сажал меня в машину и мчал куда-то, иногда ночью, чтобы утром быть уже на работе, я уж знала — привезет и спросит, счастливый: «Что это за место?» И будет смеяться, что я не узнаю! А я старалась подольше не узнавать, раз это его радовало, но чаще, и правда, не узнавала... Сады, фрукты... Назовет он старое название кишлака, где ничего, бывало, не увидишь под ногами, кроме ящерицы... А сейчас яблоки в траве валяются... Чудо! А ведь это он сделал, своими руками... Не один, конечно... Он и его друзья... Он любил фрукты... У меня всегда на столе была ваза с фруктами. Съесть сочное яблоко в жару! «Наше мороженое!» — говорил он, когда угощал детей. А это у него было любимое дело: нарвать яблок полный подол рубахи, выйти на улицу и раздать все детям... И яблоня он первыми сажал, куда бы мы ни приехали... Сколько садов он насадил!.. Так мы и жили всю жизнь, как кочевники... Тридцать два года... Занимались полезным, очень нужным людям делом и любили друг друга... Что же ты теперь хочешь, чтобы я разуверилась?

— Что вы! Как я могу? Простите меня! Но... но ваша любовь, в которой я не сомневаюсь... она... как бы это сказать... то самое исключение, подчеркивающее правило... На общем фоне виднее, какая это редкость... Простите, — повторила Нафиса. — У меня другая жизнь, все другое...

Она ничего не рассказала тете Назире об Азизе... Зачем? Разве этим изменишь что-нибудь? Неизвестно, где он, что с ним... Вот сейчас была в родном кишлаке, даже не спросила о нем... Такая жизнь, словно забы-

ла... Да и правда забыла! Не совсем, должно быть, раз
имя это пришло на ум... Забудется!

Деликатная тетя Назира задала несколько чисто де-
ловых, профессиональных вопросов:

— Значит, и учеба твоя сорвалась?

— Сорвалась.

— Сколько же ты училась?

— Три года... В пединституте... Заочно... Вот ког-
да я была счастливая!

— Ну-ну... Тебе еще рано говорить «была»!

— Тетя Назира!

— Учеба сорвалась, а дальше?

— Ищу работу...

— Будешь в нашей школе работать... Нам нужны
учителя, особенно в младшие классы. Степь осваивают
молодые... Много свадеб, много детей! Не все еще поте-
ряли веру в любовь! Смешная!

— Правда, вы возьмете меня?

— А учиться дальше будешь?

— Не знаю... Хватит ли сил. Вот найду жилье...

Назира Юнусовна покачала головой.

— Не надо... Жить будешь с Фирузом у меня. Мне,
признаюсь, тяжело одной... пусто... Дети редко выры-
ваются... Так что и я могла бы сказать, что тебя мне
послал аллах, если бы верила в него... Не могу одна!
Одна!

Слезы задрожали на ее ресницах, оказавшихся сла-
быми, видно, для таких крупных капель. Они сорва-
лись и покатались по щекам...

— Давно случилось... это? — спросила Нафиса.

— Два месяца... Инфаркт!

Нафиса взялась рукой за горло и помяла его. Что-то
хотелось сказать, не получилось... Трудно выдавилось:

— Спасибо вам. Тысячу раз...

А Назира Юнусовна улыбнулась, не вытирая слез.

— Не распускай нюни!.. Одежда у тебя легкая...
Напиши письмо мужу, пусть придет денег на зимнюю
одежду... Здесь, в степи, суровая зима, беспощад-
ная...

Нафиса внутренне содрогнулась от совета тети На-
зиры. Уходя от Карима, она твердо решила, что ей не
нужно ни вещей, ни денег от него, ничего не нужно.
Пусть сгинет он! Не станет она ему писать...

— Я взяла с собой свои, личные сбережения... Маленькие, но на зимнее пальто хватит!

— Эх, гордячка! — ласково сказала тетя Назира, вставая. — С одной стороны, это понятно и хорошо... Но с другой... За какие достоинства прощать ему все на свете и брать весь груз на себя? Разве это верно? Нет, милая... Не хотим мы связываться с подлецами, они и живут припеваючи иной раз. И снова истязают, других. Нет-нет... Я с этим не согласна! Бороться нужно со злом! Впрочем, я уже, кажется, наставляю... Это у меня школьный грех... Как-нибудь еще поговорим... А сейчас — в постель. Утро вечера мудренее.

Нафиса перенесла к себе Фируза после того, как вымылась в ванной перед сном. В центре Голодной степи была горячая вода и ванна в доме. А пока она купалась, тетя Назира принесла и повесила на дверь халат дочери, Софии, той самой, за которую приняла ее, увидев на тропе, между коротких и голых виноградных лоз... Пройдут годы, и лоза вытянется, закурчавится, и ягоды, в гроздьях засверкают всеми семью цветами солнца... Да, Нафиса вдруг поверила в это вместе с тетей Назирой...

А пока за окном, в свете уличного фонаря, висела густая пелена морозящего дождя... Поскрипывало окно от сильного ветра. Нафиса гладила головку спящего сына и думала о матери: чем она занята сейчас, горемычная? Плачет о ней...

А она лежит в чистой постели, прижав к себе сына. Не плачь, мамочка... Верно говорят в народе, свет не без добрых людей. Сейчас кажется, что на всем свете только и живут добрые люди...

Ночью ей приснился Карим. Приснилось, что он стоял в дверях и молча смеялся...

Глава шестая

ВСТРЕЧА

Вагон вздрогнул, как бы налетев на препятствие, по всему составу прошел торопливый перестук железных буферов, и от этого лязганья, прокатившегося под ним и затихающего вдали, Ахмаджан проснулся. Ну и спа-

лось, однако же, в поезде! Давно не помнит такого. Он свесил голову и посмотрел вниз... Укрывшись до самых глаз мягким верблюжьим одеялом, на нижней полке славно спала Дилдор. Нежность коснулась сердца Ахмаджана, и он улыбнулся. Пока жена лежит с закрытыми глазами, можно побаловать ее долгой и ласковой улыбкой...

Но который час? Не проехать бы! Ахмаджан протянул руку к своим часам, подвешенным к сетке узкой вагонной полочки над головой, отцепил их... Скоро половина десятого!

— Подъем!— закричал он, как в казарме.

Они были только вдвоем в купе. И ночью к ним никого не посадили. Может быть, мрачный старик-проводник постарался. А может, мало пассажиров, мало путешественников, мало охотников оставлять теплые дома в эту пору?

Стояла лютая зима на всем огромном просторе Мирзачуля. Ахмаджан отодвинул желтую вагонную занавеску, и снег засверкал, заискрился под утренним степным солнцем. Свет его, промытый и насыщенный снежной белизной, ударил в глаза, как ударяет ветер. Ахмаджан зажмурился и потряс головой.

— Где мы?— спросила за спиной Дилдор по-детски сонным и трогательным голосом.

— Пора вставать.— Ахмаджан присел на край ее полки.— Ну как, выспалась?

— Спасибо.— Она закинула голую руку и поправила растрепанные волосы.

— Скоро подъезжаем,— повторил он.

Дилдор набрала в себя побольше воздуха, прижала кулаки к груди, сказала: «Раз, два, три!»— и подпрыгнула. Натянув халат и накинув на шею полотенце, она побежала умываться, и пока ее не было, он задумался... Ну вот... Они почти приехали... Куда? В новую жизнь...

Последние месяцы в родном колхозе были такими трудными, что нарочно не придумаешь. Председатель лежал в больнице, Ахмаджана вызвали в райком и сказали, что есть мнение поручить ему, образованному, молодому, значит, деятельному, исполнению председательских обязанностей. Правление поддержало и благословило это мнение. Дела складывались так, что не

позавидуешь, никто не рвался к председательскому креслу, образно говоря, потому что Умар-ака вместо кресла держал обыкновенную табуретку за столом. Впрочем, не совсем обыкновенную, а сколоченную для его гигантской фигуры из брусков с железными уголками. Да другая и не выдержит, казалось, председательского груза, независимо от фигуры. Груза забот...

В райкоме сказали: «Будем помогать». А чем они могли помочь, когда с начала ноября зарядили дожди? Лило как из ведра, а хлопок был еще на кустах, мок на кустах...

Правда, нет худа без добра. В этих условиях все разговоры о позднем поливе хлопчатника на землях ахмаджановской бригады прекратились, весь хлопок был теперь под угрозой, повышенная влажность неизбежно возникла из-за дождей, никуда не денешься... Андижанская область — не пустыня, не Мирзачуль, тут такое бывает... Ахмаджан объявил рабочими праздничные дни, но дожди лили все три дня ноябрьских праздников. Хлопкоуборочные машины стояли без работы. Сдача хлопка прекратилась или, как обозначили бесстрастные карандаши на бумаге, дошла до 0,0 процента. Местные остряки по-своему над этим потешались. Их спрашивали:

— Как дела?

А они отвечали не без горечи:

— Два нуля!

Поездили по земле, видели, как обозначаются туалеты... Им можно было шутить. Настроение плохое, но не с них будут головы снимать...

Дождь не дождь, а кто за все отвечает в колхозе? Председатель! Ахмаджану сочувствовали — и словами, и взглядами. А он держался... Он верил... Во что? Это несерьезно, но зачем от себя самого скрывать? Он верил в свою счастливую звезду. Не могло же все время так продолжаться!

И однажды утром небо, очистившись за ночь не только от темноты, но и от туч, засияло. Установились ясные и холодные дни. Все же асфальт успевал нагреваться от солнца, и дороги превратились в сушилки. На асфальте сушили хлопок, а машины благоговейно сползали в стороны и пробивались по еще не высохшей грязи. Все от мала до велика вышли на уборку. И тут,

словно пропитавшись людским энтузиазмом, начали раскрываться созревшие на кустах коробочки, в которых хлопок был сухим...

Тронулись по хлопковым рядам «голубые корабли», дело спорилось. Еще несколько дней назад он ужасался, какая осенняя беда свалилась на него. За что? Если и прославишься, то не добром! А теперь...

И когда ожили давние документы и встал вопрос, справится ли молодой специалист с должностью директора хлопкового совхоза в Голодной степи, начальство не выбирало ответа, только пожалело, что приходится отгускать перспективного человека... Однако мыслило оно шире своих районных интересов, на то оно и большое начальство... Словом, проводили с почетом...

А дальше?

Он и сейчас не сомневался в своей звезде, однако его тревожили новые заботы, неизбежные осложнения и дали Мирзачуля... А Дилдор? Она радовалась, и он завидовал легкости, с которой она собралась и двинулась в путешествие. Девочка! С детства тянут ее незнакомые места, без любопытства нет живого человека. Ему тоже интересно, но чувство наступающей ответственности оттесняет любопытство...

А еще ее окрыляла надежда, что здесь он будет с ней чаще и больше, чем в колхозе. Ей, горожанке, пришлось окунуться в мир, непривычный не только окружением, вещами, но и непреложными законами жизни. Уборка, значит, все в поле, день и ночь! Один раз Ахмаджан застал ее в кишлачном дворе, засорившемся от нападавших листьев. Ему до сих пор слышится, как они грустно шуршали под ее ногами... Пусто было кругом... Даже старики и дети ушли из дома на хлопковые поля... А в другой раз он увидел, как она держит в руке виноградную гроздь, общипанную птицами... Так и не сорвала ее с лозы, оставила доклевывать горлицам и воробьям...

Случалось такое, что она оставалась ночевать в больнице, не только потому, что опасность требовала ее присутствия рядом с заболевшим человеком, но и потому, что не лежало сердце к пустому дому... А теперь, ей кажется, они так и будут все время вместе, как в этом вагонном купе...

Ахмаджан взял со столика чайник и вышел в кори-

дор. Из репродуктора бодро рвалась на волю утренняя песня... Старый проводник шаркал веником по ковровой дорожке.

— Чай вскипел? — спросил Ахмаджан.

— Дважды вскипел, дважды остыл, — проворчал проводник.

Ахмаджан расценил это как упрек людям, которые поздно встают, им с Дилдор в частности, и хотел извиниться, но проводник выпрямился и произнес возмущенно:

— Перевелись любители чая! Вечером пьют чего покрепче, утром чего прохладней. Можно внести предложение, чтобы в вагонах вместо титана ставили бачки с газводой! Кому нужен чай, для кого стараться?

— Вот я — любитель чая! — с улыбкой ответил Ахмаджан, приподняв свой чайник, и поспешил в конец вагона за кипятком.

Проводник зря пугал, что чай остыл. Из краника валил кипяток, чай отменно заварился. Ахмаджан получил сахар, а когда вернулся в купе, жена уже застелила столик свежей салфеткой, разложила холодное мясо, пирожки, лепешки, а сама ждала его одетая и причесанная.

— По-моему, — сказал Ахмаджан, завтракая, — ты не жалеешь, что мы рискнули махнуть сюда?

Дилдор улыбнулась сдержанно, ямочка на ее щеке чуть обозначилась.

— Я понимаю, как непросто оставить дом, родных... Но разве обязательно сидеть на одном месте, как пригвожденные? Мир велик...

— Да, увидишь, какие просторы рядом с нами, рядом с домом, по существу... Ведь Мирзачуль недалеко от обжитых мест, а полупустыня! Безводье... Ну, сейчас-то вода в нем есть, однако... все заново! Не боишься?

— Нет... И потом...

— Что?

— Вы хотели... А я...

— Ну-ну! Ты уж не принижай себя так, мы не в допотопном ханстве живем, и эти старинные привычки... Хорошо бы жен держать в покорности и страхе, чтобы на них глазом никто не мог взглянуть! — Жуж,

он помахал над головой кулаком.— Но... такие радости, как говорится, не про нашу честь... А если серьезно... Как тебя успели полюбить в колхозе! Как проводжали!

Действительно, проводить Дилдор собрались не только бывшие больные, как она их называла, «мои больные», но и сестры, коллеги, больничный шофер, и сыновья Умара-ака, и еще кто-то... Даже сейчас, вспоминая, Ахмаджан испытал вовсе не только радость... но и какое-то чувство, похожее на зависть и досадную ревность, конечно... Он промолчал об этом, не стоило портить настроения ни ей, ни себе...

А Дилдор рассуждала вслух:

— Вам, наверно, тяжелее, чем мне... Мать, отец, сестры... Знакомые... Люди к вам привязаны куда больше, чем ко мне!.. Сад, своими руками посаженный... Мой дедушка все деревья знает и бережет, как детей... Правда, он всю жизнь провел в Кибрае... Как вы оторвались от родного места?

Ахмаджан вытер губы и развел руками.

— Долг! Так же, как в армии служить... У нас в кишлаке мужчины даже не женятся, пока не отслужат... Только после армии!

— И девушки ждут?

— А что им остается?

— Бедняжки!

— Ну, эти бедняжки находят себе утехи!

Улыбка еще не сошла с лица Дилдор, но в глазах появилась настороженность, они потемнели, словно поезд въехал в туннель.

— Это шутка!— поспешил покаяться Ахмаджан.— Не очень удачная мужская шутка! Прости великодушно!

Он приложил ладонь к сердцу и склонил голову, так ему было жаль, что он не сдержался и может испортить настроение жены.

— Допустим,— сухо сказала Дилдор, отламывая кусочек пирожка.

— Граждане! Не теряйте чувства юмора! А то...

Ахмаджан не успел договорить, дверь распахнулась, и проводник объявил:

— Подъезжаем к Гулистану.

— Вот как,— сказал Ахмаджан, поспешно собира-

ясь.— Голодная степь, а столица называется — Страна цветов!

— Вероятно, Голодную степь первыми осваивали поэты,— отозвалась Дилдор, упаковывая поклажу.

— На Востоке все поэты! Прошу запомнить.

— Хорошо. Жду, когда и вы заговорите стихами, хотя не теряю чувства юмора.

Ахмаджан связал тяжелую сумку с чемоданом, перекинул их через плечо и вздохнул:

— Ну, пока остается надеяться, что и здесь, несмотря на все ожидаемые и непредвиденные сложности, тяготы и так далее, они будут соседствовать с радостями так на так. Учили же нас старики, что каждый месяц состоит из двух половин. И если одна — темная, то другая — светлая. Поверим, что это не шутка!

— Интересно, найдется ли такси на станции?— озабоченно спросила Дилдор.

— Ты хватаешь через край!— засмеялся Ахмаджан.— Лучше не настраивать себя на это. Полюбуйся, чем я не такси?

У них здесь не было знакомых, они никого не знали о своем приезде и не ждали встречи и помощи в первые минуты. Два косильщика на перроне, предложившие свои услуги, показались Ахмаджану нереальными. А может быть, сумка и чемодан так удобно прижались к плечу с обеих сторон, что он поленился стаскивать их.

Решетчатые двери нового железнодорожного вокзала вывели на просторную площадь. С краю ее стояли сразу три бледно-зеленых новых «Волги». С шашечками.

— Вон такси!— воскликнула Дилдор.

— Ну, а ты уж думала, что мы действительно приехали на край света?— покровительственно спросил Ахмаджан.

Только что Дилдор втихомолку ругала себя, а не легкомысленно ли она поступила, не подумав о быте, не запасшись необходимыми покупками, ведь это входило в круг ее забот, но теперь у нее отлегло от сердца, потому что за окнами такси текла улица многолюдного города, соблазняя богатыми витринами магазинов. Если бы на чинарах и акациях не лежал снег, такой щедрый, что ветки гнулись под его тяжестью, можно

бы подумать, что они приехали в Ташкент и едут по центру... Ну, если и не в Ташкент, то в какой-то большой современный город...

Водитель-кореец, низкорослый крепыш, внимательно гнал машину, после того как Ахмаджан коротко и, пожалуй, чересчур подчеркнуто сказал ему:

— К обкому партии.

Он молчал, весь, казалось, поглощенный движением, но когда вдали, на широкой площади, очищенной от снега, показался памятник Ленину, вдруг сказал:

— Знаете, кто послал первых ирригаторов в Голодную степь? Ленин. Да, да... В восемнадцатом году! Гражданская шла, вокруг — разруха, а он собрал храбрецов... Ведите воду в Мирзачуль для хлопководства! Пятьдесят миллионов рублей выделили им на это... А?!

Парень восторгался и тем, что знал это, и тем, что рассказывал новичкам.

— Да, да, — сказал Ахмаджан. — Я сам читал, не помню где...

— А я никогда не слышала, — тут же прибавила Дилдор. — Спасибо.

Подъехали к большому зданию на площади и встали с краю в длинной шеренге автомобилей перед бетонными стенами.

— Будешь здесь ждать или — в гостиницу? — спросил Ахмаджан, выходя.

— Лучше здесь... В машине тепло...

Ахмаджану польстило, что жена волновалась за него, не хотела уезжать. Он глянул на часы.

— Не опоздали. Как раз. Ну что ж... Кадровые вопросы обычно ставят на бюро первыми... — И обратился к водителю: — Дорогой мой, возможно, мы поедем отсюда в совхоз.

— Какой?

— Еще не знаю.

— Новые совхозы далеко. Не меньше ста километров.

— Тем более, не пешком же добираться!.. Ведь сейчас не восемнадцатый год!

Они оба улыгнулись, парень откинулся на спинку сиденья и уткнулся в книгу.

В машине было в самом деле тепло. Мотор мягко

урчал, и нагретый воздух тек и слева, и справа... Дилдор развязала шаль, расстегнула пальто и глянула на тяжелый грузовик, который тоже подкатил сюда, к строю ладных и лакированных автомашин. Из грузовика как-то спиной, неуклюже вылез, будто вывалился, непоротливый мужчина, и в этой его нескладности, неловкости почувствовалось что-то знакомое. Но она и гадать не стала, мало ли на свете увальней! Однако продолжала наблюдать за ним.

Мужчина был одет в тяжелое пальто с меховым воротником и большую шапку-ушанку, прямо не житель Мирзачуля, а какой-то полярный исследователь. Только и в наряде его замечалась несуразность: шапка и воротник были разномастные, одна — серая, другой — рыжий. «А ему все равно,— подумала за него Дилдор,— тепло, и ладно!» В этом было даже что-то симпатичное...

Точно почувствовав ее взгляд, мужчина оглянулся, и она тотчас узнала его. Какую-то минуту она сомневалась, да он ли это, но вспомнила, что ведь он рассказывал про Мирзачуль, куда уехал работать из родного кишлака, быстро открыла дверцу и крикнула:

— Азиз-ака!

Он замер, как от выстрела. И медленно повернулся. И пошел к ней, расплываясь. Еще не видя, откуда его позвали, он крикнул:

— Дилдор! Где вы?

И стал на ходу нелепо озираться по сторонам.

Он узнал ее по голосу. И она помогла ему:

— Здесь, здесь!

Видно, это большая радость — встретить знакомого в глубине Голодной степи, все же, так сказать, на краю света, и она искренне радовалась... А он уже подошел.

— Дилдор? Это вы? Я не ошибся? Похудели... — И спохватился, что сказал что-то не то. — Извините за откровенность... Каким ветром вас занесло сюда, к нам?

— Степным.

Он скользнул глазами по уличным часам и затоптался.

— Вы что-то хотели мне сказать, Азиз-ака?

— Нет-нет.

— Тогда я скажу за вас. Вы приехали в обком...

- Да, на бюро...
- И очень спешите,
- Да... Уже опаздываю.
- Так идите.
- А вы не уедете?
- Наверно, нет. Постараюсь.
- А где Ахмаджан? Догадываюсь, что он уже не бюро. Вы перекочевали.
- Перекочевываем, — поправила Дилдор. — Может быть... — начала она и остановилась.
- Что?

Ей хотелось сказать, что Азиз, как друг и старожил Мирзачуля, может быть, на первых порах поможет им, новым людям, хотя бы советом, но, вспомнив, как ревнив Ахмаджан, она и не договорила.

- Идите, идите, Азиз-ака. Нехорошо опаздывать.
- Рад был увидеть вас, Дилдор. И Ахмаджана хотел бы...
- Вы с ним на бюро увидите! Как земляки!
- Ах, да!

И он ушел, а Дилдор принялась думать о поликлинике, о больнице, упрекая себя, что беспокоится о муже, как будто у нее самой все уже организовано, все сделано. Между тем, быть врачом в новом совхозе — не пустяк. Люди из разных мест, часто и говорящие на разных языках; она слышала, что совхозы — многонациональные семьи, старики обязательно будут, старики теперь стали непоседами, а дети — дети радостная неизбежность...

«А где ты, мой маленький? — вдруг подумала она. — Я тебя заждаюсь... А кого я хотела бы — сына или дочку? Пусть первым будет сын... На радость Ахмаджану...»

И не заметила, как из стеклянных дверей обкома вышел Ахмаджан и торопливо подошел, почти подбежал к машине.

- Можешь поздравить. Перед тобой — директор 83-го совхоза!
- Утвердили?

Он кивнул. И, видя, как муж сияет, она порадовалась за него. И погордилась — такой молодой, а уже директор гигантского совхоза!

- Да, — вспомнила она, — а видели вы Азиза?

— Видел, видел...— Ахмаджан сел в машину и хлопнул дверцей.— Поехали!

— Не подождем его?

— А зачем?

Шофер, делая вид, что не прислушивается к их разговору, бросил в снег сигарету, тронул машину, описал плавное кольцо по площади и надал газу.

— Смешной он все же, этот Азиз-ака!— вырвалось у Дилдор.

— Его утвердили директором 32-го совхоза... Районы разные, но все равно — соседи!— Ахмаджан повернулся к ней всем корпусом и фыркнул сквозь усмешку, которая не выглядела добродушной, как он ни старался:— Радуйся! Первая неожиданность и — такая приятная!

Глава седьмая

ЗИМНИМ УТРОМ

Несколько дней назад Азизу и мысли в голову не приходило о такой крутой перемене в жизни. Скажи ему кто-нибудь об этом, он отмахнулся бы, приняв все за шутку, в лучшем случае. Он директор совхоза? Да бросьте вы!.. Он возглавлял бригаду, которая «владела», как сказал бы в старину какой-нибудь бай, земель необозримой! Не оглядишь сразу, не обойдешь за день, даже не объедешь, если, конечно, на верблюде ехать. Но сейчас тут не отыщешь верблюда. Редкость! Ишаки перевелись... Машины, машины, машины... На хлопковых полях — комбайны, «голубые корабли», как их когда-то называли в народе. А теперь это название прижилось, утвердилось, стало почти техническим термином. Можно запросто услышать на директорском совещании, как какой-нибудь бригадир озабоченно пожалуется:

— Вот «голубых кораблей» у меня маловато! Хлопок такой, что еще бы штук пять-шесть не мешало подбросить, товарищ директор!

— Откуда я их возьму?

— Так ведь не за морями за горами их делают! Здесь, у нас, в Ташкенте!

И это вы будете теперь директором, Азиз Латипов? Не быстро ли?

До сих пор его вполне устраивало неторопливое течение событий.

Урожай снимали высокие, бригада получила орден Красного Знамени, он радовался — славная награда, и сразу всем. У него в бригаде все люди работали хорошо, честно, не жалея сил... Он не мог бы выделить лучших... И в этом видел свой, несколько, может быть, парадоксальный, но прекрасный смысл — отстающих не было! С отстающими тут, в степи, беда! Один отстающий — и всей бригаде каюк. Земля, земля велика! По десять-двадцать гектаров на душу, на человека, вот какое богатство, не каждому баю могло присниться оно!

И, уж конечно, не под силу было бы баям такой землей командовать! Нынешним хозяевам пришли на помощь машины. Вот вам еще один парадокс: Мирзачуль, Голодная степь, символизирующая безводье и сушь, еще недавно бесплодная реальность, теперь скорее символизирует будущее. Она словно экран, растянутый во все края до самого небосклона. Особый экран. Экран будущего бесконечных пустынь, которые из космоса смотрятся, наверно, как лысины на зеленом теле нашей благодатной планеты. И вот Мирзачуль уже не лысина с белыми далями, потому что даже желтая земля здесь выгорала добела. Хлопок, сады, виноградники одели ее, недавнюю, на памяти еще не очень старых людей, действительно голодную землю, Голодную степь. Недаром приезжают в Мирзачуль иностранные гости — смотреть и поражаться. Приезжают с мыслями о своих пустынях...

Да, тут есть на что посмотреть! Да, она как экран, мирзачульская земля. Человек, вода, бетон, машины, зелень... Вот основные слагаемые картины, возникающей на этом экране. Вода бежит по каналам, голубеющим широкими жилами в некогда желтой, а теперь зеленой земной плоти... Из каналов она растекается, ветвась, как ветвятся кровеносные сосуды, дарящие жизнь... Но, растекаясь, вода не проваливается в бездонные всепоглощающие пески, не исчезает... Потому что растекается она и ветвится по бетонным лоткам... Наверно, тысячи километров этих водоносных жил и

жилок сложены из бетонных лотков. Руками их не уложишь — есть бетоноукладчики. Роботы — хоботы...

Сколько машин переселилось в степь и получило в ней постоянную прописку — от испытанных, правда, очень модных, приукрасившихся, с обтекаемыми мордами грузовиков, тягачей-работяг и тарных тележек до «голубых кораблей» и самолетов над хлопковыми полями... Еще бы! Такие неоглядные поля! Попробуй, обойдись без самолетов — подкорми, освободи от листьев перед тем, как пустить корабли в плавание не по обычному полю, а по морю, ставшему из зеленого белым! По океану!

В этом то зеленом, то белом океане прочными островами видны бригадные штабы — полевые станы. Стоят над водой или у воды, среди роз, да-да, роз, не улыбайтесь, где под солнцем есть земля и вода, там цветут и розы, стоят они среди роз и виноградников, ибо там, где роза растет, там и виноград родит, в лучших полевых станах и о чайхане не забыли, и о читальне... Изредка, потому что земли много, встречаются не только бригадные станы... Ровными рядами, в зелени садов и тополей, протянулись дома. Тоже из бетона, тут все из него строится быстро и прочно, заборы — из бетона, электрические столбы — из бетона, леса здесь не растут. Дома с гаражами, с газом, который спешит сюда по трубам из соседних бухарских подземных кладовых, с телевизионными антеннами, дружно поднятыми в небо степными поселками...

Да, вода, машины, бетон... А вырыл каналы и привел по ним воду в Мирзачуль, а сделал бетон и соорудил из него лотки и дома, а придумал машины и перегнал их в степные дали — человек. Вода, машины, бетон, зелень — это краски, а человек — главный художник картины, возникающей сегодня перед глазами на экране Мирзачуля.

И ты будешь командовать куском этой земли, Азиз? Не командовать, а дружить с ней, любить ее — это ты можешь... А командовать?

У тебя же были свои мысли, свои планы по поводу научных экспериментов. И вдруг!

Это, действительно, случилось вдруг.

Зимним утром он нежился в теплой постели, слушая, как за стеной, в кухне, тарыхтит посудой, возится

мать. В газовой духовке она научилась печь пирожки и лепешки. Сейчас месит тесто... Он угадывал ее движения и грустно улыбался... Все как будто бы хорошо, а тяжело с ним матери! Никак не дождетя радости и... отдыха! Ей не было легко — никогда... Ранняя разлука с любимым, его отцом... Разлука, ддящаяся до сих пор... Растила и воспитывала сына, не очень послушного и невезучего... Его ровесники давным-давно переженились, сделали своих матерей бабушками, дали в руки им внуков и счастливые улыбки на лица... Как естественно и приятно! А тетушка Нигор, его мать, все с кастрюльками, с пирожками для стареющего сына... С утра до вечера она в хлопотах, в бессловесных заботах мать!

Он проснулся рано, но еще накануне она забеспокоилась, что он простужен, заставила принять горячую ванну, упростила на ночь выпить аспирин, уложила, закутала... А наутро, едва он попытался встать, опять отругала и уложила в постель... Он уступил ей, чтобы не тревожить. Спешить было некуда...

А в Мирзачуле крепко держалась зима, уцепившись за землю, за крыши домов, за деревья... Земля ломко рассыпалась под подошвами. Черепица покрылась инеем, как ватой. Ветки молодых яблонь с хрустом ломались от мороза.

Всю ночь бушевал буран, и ветер голодным волком метался и выл над степью. За окном все не таяла заледевшая тьма, хотя часы давно уже показывали утро.

Пока мать готовила его любимые хрустящие лепешки, Азиз раскрыл книгу. Это была повесть о первых колхозах на Дону, о нелегкой судьбе рабочего парня, приехавшего открывать глаза бедным казакам... Непростые были времена! Конечно, теперь совсем другие трудности, но вот личная жизнь героя... Его любовь, его разлад с любимой... Все это касалось сердца, как сегодняшнее и вечное... Неужели людям всегда так трудно будет понять друг друга? Где ты, Нафиса?

Азиз оторвался от книги и поднял голову. Ветер взревел, будто собирался растряссти всю вселенную. Даже бетонная стена дома показалась хрупкой...

И все же сквозь этот ветер до ушей донесся шум натруженного автомобильного мотора. Азиз прислушался. Ничего, кроме ветра... Наверно, показалось...

Нафиса, Нафиса... Текут годы, а я не могу забыть тебя, не могу о тебе не вспоминать, не думать... Что это? Любовь не проходит или обида? Но разве не обидно, если жизнь одарила такой большой, единственной любовью, а Нафиса ушла к другому. Почему? Из-за чего? Не могла она любить другого! Она ведь даже не знала толком этого Карима из Шахрестака! А ушла! Для чего же люди строят дороги, роют каналы, возделывают поля на бывших пустынных землях, если счастье зависит от одного неверного шага любимой женщины?

А почему — неверного?

Что ты боишься сказать себе, Азиз?

Потому что Нафиса оказалась неверной?

Не любила? А за что ей было любить тебя? Пора спросить и ответить. В кино бы тебя не взяли сниматься на роль героя. Не красавец, нет, ростом не вышел, скорее — бык, чем конь. По округлым щекам — рябинки. Надо было вырасти стройней и выше и оспой не болеть в детстве, тогда бы можно и обижаться! Такой искренней и ребяческой была эта жалоба, что Азиз вслух рассмеялся. И оборвал смех. И снова прислушался...

Вот теперь ясно стало, что сквозь буран пробивалась машина. Кому-то надо было доехать до поселка. Азиз невольно пожалел этих людей и шофера, которому сейчас было совсем несладко, хуже всех. Он вскочил, накинул на себя халат и подошел к окну. Ветер не дал стеклу замерзнуть, и улица, прямая, как линейка, была хорошо видна.

Машина, специально созданная конструкторами для людей, у которых не существует слова «нет», раз надо, именуемая за всю проходимость когда-то, в старину, «козлом», а сейчас получившая фирменную марку «Газ-69» и ласково зовущаяся всюду «газиком», съехала с большой дороги как раз на ту улицу, где стоял дом Азиза, и, разгребая снег, стала пробираться к нему. Белые вихри полетели из-под ее колес.

Азиз, как ребенок, крикнул:

— Мама!

И ринулся к дверям.

Раз «газик» — значит, степное начальство. Раз свернули в эту улицу, значит, к нему, к бригадиру.

Он поспешно оделся, и в это время зашла мать и спросила :

— Встал, сынок? Там — к тебе...

Азиз натянул свою ушанку, эдакий охотничий ма-лахай, и вышел на обветренное крыльцо.

«Газик» приткнулся к самым воротам, а во двор уже входил рослый человек, в теплой куртке, с большим пухлым шарфом на шее, по этому шарфу Азиз скорее всего и сообразил, что к нему приехал первый секретарь райкома Нормат-ака Хасанов, хотя поверить в это еще не мог. Почему к нему? Зачем?

Эти вопросы он задавал себе уже на ходу, спеша к калитке, навстречу приезжему.

— Здравствуйте, Нормат-ака!

— Здравствуй. Что это рука горячая? Уж не бо-лен ли?

— Нет, только что из постели. А так — здоров. И телом, и духом.

— Отлично. Извини, что поднял.

— Да что вы! — смутился Азиз. — Пожалуйста. Я позволил себе...

— ...ради выходного дня, — договорил за него Нормат-ака.

Азиз кивнул, вспомнив, что был действительно вы-ходной. И еще больше удивился приезду Нормата-ака. А он спрашивал:

— Пожевать что-нибудь найдется для раннего пут-ника? Я еще не завтракал!

Азиз заулыбался:

— Шофера за стол позвать?

— А я сам себе и шофер, — засмеялся Нормат-ака. — Ведь выходной!

— Да, да... — Теперь уж Азиз и вовсе ничего не мог понять, напрасно гадая, что могло заставить секретаря райкома в такую непогоду, в выходной день, самого сесть за руль и приехать, и только приглашал: — Про-ходите, Нормат-ака... Есть и свежие лепешки, и сам-са... У нас в кишлаке про такое говорят: наверное, те-ща любит вас!

— Какая там теща в мои годы! — отозвался Нормат-ака и затопал валенками по ступеням крыльца, обивая снег. — О теще тебе надо беспокоиться! — Он продолжал топать и в прихожей, с аппетитом втягивая

в себя перченый запах пирожков — самсы.— Тапки-шлепанцы есть? Нога большая!

Весь он был большой, но не громоздкий, решительно ловкий, быстрый и веселый, казалось, дышал здоровьем, а сел на табурет, чтобы снять валенки, и пожаловался:

— Проклятая болезнь — ревматизм! Пристала навсегда! Не отстает, как собственная тень... Куда я, туда и она!

— Давно это у вас?

— Память с Фархадской ГЭС.

— Вы строили ее?

— А как же! Строил и еле вырвался на фронт, испугался, что без меня кончится война, а как потом людям в глаза глядеть, как объяснить, что наша ГЭС тоже войной была — за победу, за Мирзачуль, за жизнь? Сейчас я это лучше понимаю, а тогда рвался... И успел! Где мать? — вдруг спросил он.

— Сейчас... Прошу руки сполоснуть, Нормат Хасанович... Сюда! Вот свежее полотенце...

Нормат-ака с удовольствием вымыл руки и, согнувшись, вошел в комнату, могучим движением толкнув перед собой дверь.

— Дома должны строить выше, шире, двери — больше, мы ведь не лилипуты какие-нибудь! — сказал он при этом. — А-ха-ха!

В каждой шутке, как известно, есть доля правды, и Азиз улыбнулся.

— Жаль, что строители не слышат. Не мешало бы им учесть!

Они сели за стол, и мать вошла из кухни с полным блюдом горячих слоеных пирожков.

Она была в новом фартуке, смущенно и душевно улыбалась гостю.

— Это наш секретарь, мама, — представил его Азиз.

— С приездом... — приветствовала гостя мать.

— Здравствуйте, Нигорхон, — ответил Нормат-ака, привставая.

Мать неподдельно удивилась, что он назвал ее по имени, а он спросил:

— Не припоминаете меня? Ну-ну, смотрите! Много лет прошло, правда. Трудно узнать!

Мать, вглядываясь, мелко потрясла из стороны в сторону головой.

Нормат-ака как бы для убедительности, а скорее невольно, потыкал себя в грудь крепким пальцем:

— Я был дружкой жениха... На вашей свадьбе... Когда Латифхан женился на вас!

— А-а!— только и вырвалось у матери, и так она и застыла с открытым ртом.

— Да-да, — смеялся Нормат-ака, — давненько это было, трудно меня узнать, а вас-то я узнал сразу... Вы не такая молодая, но такая же красивая! Ох, как мы тогда гуляли! Давно уж я думал, что это вы... Да все не мог вырваться, то одно, то другое... Люди, люди! Наметил на сегодня — буран! Но я уж поехал.

— Спасибо, — сказала мать, осторожно присаживаясь к столу.

Сколько воспоминаний ожило — не скажешь!

И стало ясно, зачем приехал Нормат-ака.

Макая в виноградный укус пирожки, он с удовольствием съел три-четыре штуки и принялся за чай.

— Значит, приехали проведать?— радовалась мать.— Спасибо.

— Не благодарите!— шутливо нахмурился Нормат-ака.— Приехал отругать вас. Единственного сына никак не жените! Что вы за мать? Нужно подыскать ему невесту!

— Так он и послушался!— сказала мать.— Это вы завели новый порядок... чтобы сам себе искал невесту джигит!

— Кто мы?

— Райком!

Ого! Мать умела обороняться и поддерживать с достоинством хоть и шутливый, но нелегкий разговор — у него была своя глубина, своя тяжесть.

— Райком?— переспросил Нормат-ака.— Ну, придется мне на пленуме поставить вопрос о невесте для вашего сына!

— Замечательно!— сказала мать.— Хоть поможете мне! Помогайте...

Она перестала улыбаться и задумалась в тишине, потому что ни гость, ни молодой хозяин не ели и не разговаривали, пока мать думала.

— Наверно, так я и не дождусь, — сказала она.

— Ты почему лишил мать надежды? — спросил Нормат-ака, и в голосе его послышалась строгость. — В чем дело?

— Судьба.

— Пустое! — вскинув руку, воскликнул Нормат-ака. — Вспомни, что сказал о судьбе Гафур Гулям! «Человек создает свою судьбу своими руками». Напиши и повесь на стенку, да место выбери повиднее... А я буду всем говорить, что у нас в районе живет еще непобежденный богатырь. Ученая степень имеется, а невесты нет!

Нормат-ака опять вернулся к шутке. В этой манере он еще пожурил Азиза, и чем больше журил, тем явственней слышалось, что он беспокоится о сыне друга с неподдельной заботой и любовью.

— Придется учесть, что сам секретарь райкома приезжал, чтобы напомнить мне о женитьбе, — сказал Азиз.

— Это еще не все! — сказал Нормат-ака, и опять стало загадкой, зачем же он пожаловал сквозь бурю, полный снежного воя.

— Так что же? — спросил Азиз. — Что же, Нормат-ака? Задание какое-нибудь? Говорите!

— Есть задание... Нужно одеться потеплее и сесть за руль. Меня после сытной еды что-то в сон клонит. Мы поедем в глубь Мирзачуля!

— На охоту? — удивилась мать. — В этот мороз?

— Да, на охоту! — подхватил Нормат-ака. — Будет большая охота!

Потеплее так потеплее.

Азиз влез в ватные брюки, телогрейку, меховые сапоги... Нормат-ака уступил ему место за рулем.

— Помолже... Садись... Дорога будет трудная...

Кажется, Азиз уже начал понимать. В глубь Мирзачуля врезались новые дороги и новые поля... Новые поселки врывались в глубь Мирзачуля многокаютными кораблями. «Главголодностепстрой» не знал передышки и зимою, чтобы покорители целины встречали весну в боевой готовности, чтобы они ждали ее, а не она их! Какая же роль будет предложена на этот раз ему, Азизу?

Он не спрашивал. Все его внимание теперь было отдано дороге. Асфальт давно кончился, машина вздра-

гивала от ударов о камни и качалась на ухабах, выносливо одолевая зимние километры.

— Сколько проехали?— спросил Нормат-ака.

Азиз глянул на спидометр.

— Останови,— велел Нормат-ака и первым вылез из «газика».

Буран утих, открыв барханы, занесенные снегом.

Потянувшись, чтобы распрямить кости, Нормат-ака заслони́л глаза от солнца, не замедлившего показаться в разрывах туч, и обвел взором землю. Белые волны уходили к горизонту, а там, за горизонтом, была уже ровная бесконечная белизна. Нормат-ака прошелся широким и властным шагом, промеряя или пробуя ее на прочность.

— Это поля 32-го совхоза! Слева и справа раскинется по шесть тысяч га плодородных полей, а между ними — шоссе!— И он взмахнул рукой, рассекая воздух и показывая дорогу там, где еще не было ничего, кроме снега да нескольких коряг сухого саксаула.

— Тридцать второго?— спросил Азиз.— Не слышал что-то такого у нас в районе... До сих пор, по моему, кончалось тридцать первым.

— Мало ли чего ты еще не слышал за свою короткую жизнь!— засмеялся Нормат-ака.— Услышишь и не такое!— Он подошел и положил руку на плечо Азиза:— Тридцать второго, сынок. И поручить его организацию райком решил тебе. А я... могу добавить, что я тебя рекомендовал, потому что я тебе верю.

— Спасибо... Постараюсь оправдать...

— Ну вот... Иного ответа я и не ждал от тебя... Чего задумался, джигит? Чего ты очи долу опустил, как поют в русских песнях?

— Не администратор я.— Азиз улыбнулся.— Кричать вовсе не могу! Еще не знаю, как получится с народом...

— А кто тебе сказал, что надо кричать? Сегодняшний народ на крик реагирует только отрицательно. Очень хорошо, что не умеешь! Надо доказать — есть другие способы. Ты же бригадир, сам знаешь.

— Я больше поощрял, чем наказывал.

— У народа надо учиться,— договорил Нормат-ака.— Я у него учусь.

— Учиться я всю жизнь готов, — сквозь улыбку продолжал Азиз. — Например, у вас...

— Советуйся, — ответил ему Нормат-ака серьезно и озабоченно. — С первых шагов... С подбора кадров... Присматривайся, узнавай людей... Они все разные, много не откроешь, как хороший замок, пока не подберешь ключи! Все разные! Пять пальцев на руке — и то разные, чего тут удивляться!

Они возвращались к машине по снежным комьям.

— Ну, а что вытащил тебя сюда — под снег и ветер, не сердись. У меня традиция — привозить директора на пустое поле, чтобы начинал, так сказать, с нуля и лучше видел, чего достиг! Будет трудно, чего хитрить... Вон там, дальше, другой район, тридцать третий совхоз. Его поселок уже почти построили... Почти... А твой строят... Наш район посolidнее возрастом, я не стал обижать младшего брата, высказывать претензии... Будешь помогать строителям, сам руководить стройкой... Может, это консервативней, но лучше? — Нормат-ака озабоченно, то ли чтобы легче дышалось, то ли из-за ревматических ног, уставших спотыкаться, и расхохотался — вышло громко в морозном воздухе, точно каждый звук отражался этим воздухом, как стеклом. — Постарайся быстрее наладить быт! Обидно, когда большому делу мешают мелочи... А они так мешают! Поезд сходит с рельсов из-за песка. Знаешь это? Люди нервничают, а то и срываются с необжитых мест! Значит что? Не делай временных трудностей постоянными. Ни в коем случае!.. И люди полюбят эту землю... Она ведь не мачеха, а мать! И красивая... Да, да... Красота и поэзия... Сейчас не видно, а весной! Тюльпаны! Озера! Да, и озера! И как их народ назвал? Лунное! Зеркальное! Чувствуешь? Они высыхают летом, но народ всегда верил в эту землю, потому что любил ее. А какая охота! Мы с твоим отцом спускались, бывало, с гор и охотились здесь на кийиков!

Видно, по лицу Азиза его седой собеседник понял, как волнует слушателя всякое слово об отце, и уже в машине, когда поехали к будущему поселку посмотреть и проверить, что там и как, снова сказал:

— Мы ведь с твоим отцом и на фронте встречались. В той части, откуда он писал, было много узбеков, и я попросился туда, по номеру полевой почты. Меня по-

Слали, дело уже к победе шло, даже на войне считались с людьми. И мы увиделись с Латифханом. Он был в разведроте танковой части. Какой-то мудрый командир раскрыл его талант! Разведчик он был, разведчик! Зоркий глаз, бесстрашное сердце, сметка! Словом, охотник, редкий охотник! В самых сложных условиях, если надо, приводил «языка». А однажды не вернулся... Война, дорогой мой... «Больше жизни Родину мы любим, бережем, как ласковую мать...» В дни войны люди доказали это на деле... И победили... Ну, выше голову, Азиз! Вот теперь ты тоже будешь разведчиком в глубинах Мирзачуля!

— А вы в разведке были, вместе с отцом?

— Да... Похвастаю... Во фронтовой газете однажды появились статья и фото, где мы втроем — Латифхан, дружок наш Леня Панков и я.

— Фото?

— Да... А что?

— Я никогда не видел отца!

— Как?

— Так... Не было фотографий... Нет.

— Ну... — Нормат-ака заерзал на своем сиденье. — Ну, я все ящички перерою в своем столе, половицы, если надо, подниму, а найду эту газету! Как же так! Завтра бюро обкома в Гулистане. Ты будешь. И я туда привезу. Найду! Я ведь ее берег, только не помню, где храню, лет-то, лет сколько прошло! Ты на него похож! Копия!

Нормат-ака сдержал слово, нашел и привез газету. С пожелтевшими от времени, осыпавшимися углами. Азиз и задержался после бюро, не выбежав сразу на площадь, где Дилдор ждала в такси Ахмаджана, потому что сел в конце обкомовского коридора у торшера и выкурил не помнит сколько сигарет подряд, глядя на снимок в газете. Отпечаток был бледный, а может быть, время обесцветило его, но одно поражало: если бы сказал кто-нибудь Азизу, что это он сам надел гимнастерку и стоит с друзьями, он бы поверил... Ни с кем не поменялся бы своей внешностью, ни с каким красавцем! Это было лицо отца, плечи отца, глаза отца...

Когда он вышел из здания обкома и оглядел зимнюю площадь, на ней уже не было так много машин. Не было среди них и светло-зеленого такси с шашечками...

Глава восьмая

МОСТ ЛЮБВИ

В начале мая затрезвонили телефоны в конторах новых совхозов. Директоров срочно вызывали в Янгир, на совещание по волнующим всех вопросам строительства. Можно было вслух высказать свои претензии, свои требования... А их у каждого накопилось немало.

Ахмаджан просто возликовал. Ну, теперь-то он отыграется на этих строителях, скажет речь! Ему бояться нечего — весна прошла не даром, он помучил людей, но зато на тысячах гектаров хлопчатник посеян в срок, всходы — загляденье, ровные, или, как говорят ученые специалисты, каким он и сам является, равномерные, обещающие, можно даже сказать, очень обещающие, это маленькое словцо выделит его, прикует к нему внимание — очень! Уже начали первую культивацию... Правда, ради этого он распорядился вывести вчера в поле не вполне подготовленные машины, им бы еще денек-другой повозиться, механизаторам, но речь говорить сегодня, и важно объявить: уже начали! Дела идут, словом. А стройки стоят!

Раненько, придвинув к себе поближе чайник с горячим чаем, в нижней рубашке, Ахмаджан сидел за столом и накидывал на лист бумаги строку за строкой...

Из четырех двухэтажных домов, в каждом из которых могли бы уже удобно жить восемь семей, сдали один. Один дом! Только! Да и в нем лучшую квартиру нижнего этажа пришлось занять под канцелярию совхоза. Вот с чего он начнет речь! Приезжайте к нам, в 33-й совхоз, и вы увидите, что канцелярия ютится в квартире! Выразительная деталь... И это сегодня, когда столько внимания уделяется быту рабочих. Долго ли рабочие его совхоза будут ютиться в тесноте? Ясно же, кажется, что хорошее жилье — хороший отдых, хороший отдых — хорошая работа... Цепная реакция! Спрашивать с людей можно как надо, если все как надо. Почему же вы, товарищи строители, работаете как не надо? Эффектно...

Хватит примеров? Есть еще школа... Вчера его за-

меститель по вопросам строительства Саттар-ака надоедливо возвращался к строительству школы, только что начатому, и просил вставить в выступление, несколько решительных слов о ней. Можно, конечно... Школа — это дети, забота о детях — святое дело, дети устроены — у родителей свободней руки, спокойней на душе... Сказать-то он сможет, но ведь начали стройку, начали!

Правда, Саттар-ака горячо доказывал, что начали с большим опозданием. А учебный год не отложишь.

— Еще три с лишним месяца до вашего учебного года! — возразил ему Ахмаджан.

— Но, товарищ директор!.. Это всего сто пять дней! А если исключить выходные...

— Вы еще на часы пересчитайте! Без паники!

— Я никогда не был паникером! Это шко-о-ла! А я, кроме всего, председатель школьного совета.

Можно вставить словечко про школу... Но о многом говорить — зря языком молоть. Во-первых, внимание рассеется, примеры забудутся, рассыпятся, а из рассыпанного зерна лепешки не испечешь. Во-вторых, руководители, чего доброго, запомнят его не как директора, остро поставившего вопрос: мы государству — хлопок, а вы нам — строительные объекты, а как жалобщика.

В комнату вошла Дилдор с тремя галстуками в руках, еще пахнувшими горячим утюгом. И с улыбкой, которая заставляла его хоть на миг забывать обо всем на свете.

— Выбирайте! — Она приподняла галстуки.

— А что ты советуешь?

— Вот этот, по-моему, поскромнее.

— Поскромнее? Да, пожалуй...

Он приблизился к зеркалу и стал завязывать этот темно-синий галстук, поскромнее, приподняв уголки воротника и вдруг заметив, как впали щеки за одну весну... Первая весна! Лиха беда — начало! А осенью будет легче? Нет, самая трудная пора в жизни хлопко-роба — это осень, уборка! Зато после уборки они поедут с Дилдор куда-нибудь отдыхать... В Ялту, например, в санаторий «Узбекистан». А то и на Кавказскую ривьеру... Молодой директор совхоза с женой-красавицей...

— Как речь? — заинтересованно спросила Дилдор. — Написали?

— Почти.

— Вы, конечно, скажете о поликлинике?

— О поликлинике? — Вся кровь вдруг ударила ему в голову, как это не раз бывало. — Какая поликлиника, когда из шестидесяти бригад только в четырнадцати оборудованы полевые станы! В четырнадцати! Из шестидесяти!

Дилдор заморгала на него глазами, переждала, когда он выкричится, и тихо посоветовала:

— И об этом скажите.

— Прежде всего!

Он стремительно вернулся к столу, нагнувшись, записал: «Полевые станы» — и поставил после этих слов длинный ряд восклицательных знаков — до конца листа. Как топором нарубил.

Потом выпрямился, покашлял виновато, хотел даже попросить у нее прощения, но вместо этого взмахнул рукой и кинул карандаш на стол.

— Черт его знает! Каждый — про свое! Наверно, ни в одном новом совхозе еще нет поликлиники!

— Наш будет первый!

— Это хорошо. Но пока люди как-то выходят из положения? Где ты принимаешь больных?

— В медпункте.

— Ну и принимай! Обойдутся... Нельзя требовать всего сразу! А сами? Сами вы где? Сами не способны? Ведь нас спросят об этом и будут правы!

— Ну, а сами вы где? — спросила Дилдор. — Уже спрашивают.

— Кто?

— Люди совхоза.

Ахмаджан усмехнулся:

— Где? На хлопке. Я — на хлопке! — Он глянул на часы. — Пора. Пиджак!

Она подала пиджак, и он, скользнув глазами по вычищенным, приглаженным отворотам, повернулся и поцеловал ее.

Как ему отвыкнуть от этого — срываться и кричать? Что-то не ладится, а ей достается! Нервы...

Комната, в которой он раскинул свой «командный шатер», свой кабинет, оказалась под ее спальней. Час-

то за полночь, поднимаясь домой, он заставлял жену за чтением или вязаньем.

— Меня ждешь?

— Да, конечно...

И только однажды, когда она спала с книгой на коленях в кресле столовой, а снизу слышалось, как уборщица, которой он приказал к утренней планерке привести кабинет в порядок, двигает стулья по полу и пепельницы по стеклу на столе, он догадался, что сам мешает Дилдор отдыхать по-человечески после нелегкого трудового дня врача.

— Неужели тут все так слышно?

— Еще как! Такие мужские беседы бывают!

— Какие?

— Крепкие.

— Ох-ох! Учту.

— И с девушками будьте поосторожней, когда принимаете их на работу. Не любезничайте чересчур!

— Ладно.

Они посмеялись, а сейчас он вспомнил об этом и подумал, что вот она же могла себя держать в руках, а он вспыхивал чуть что! Сколько раз давал себе слово и забывал. И прощения не мог просить, не мог, и все... На доньшке души держалось чувство вины перед Дилдор... Поэтому, когда она сейчас спросила, не возьмет ли он ее с собой в Янгнер, он с охотой согласился, даже обрадовался. Дилдор собиралась походить по своим медицинским учреждениям, пока он будет заседать... Отлично! Который уже месяц она ничего не видела, кроме незаконченного поселка совхоза. Пусть походит, погуляет. Если останется час, в кино может завернуть. Пожалуйста, он добрый! Так подумал Ахмаджан, а ей сказал:

— Только ты там не отрывайся далеко от Дома культуры, как окончится совещание, сразу — домой!

— Майли, — покорно ответила Дилдор не без улыбки, правда, — ладно!

Новые белые «Жигули», выделенные директору совхоза, стали радостью Ахмаджана. Он сам водил их и, как мальчишка, носился с недозволенной скоростью не только по широкой ленте асфальта, раскатанной дорожниками, но и по совхозным проселкам, особенно

сейчас, когда давно перестали плескаться лужицы под колесами, оставшиеся от талого снега, и уже запылило и траву по обочинам всех дорог, и последние маки.

Пыль в Голодной степи была въедливой, как пудра, и степь-красавицу можно было упрекнуть в том, что она запасалась пудрой сверх всякой меры. Иные новоселы бредили садами. Да какие листья выдержат килограммы этой пыли, какая зелень будет жить и дышать под ней? Жить и дышать здесь мог только человек, да и то не всякий. Старика Рахима-бобо, который все просился к ним в гости со своими саженцами, этой весной удалось уговорить остаться дома, в Кибрае. Не до садов... И не до стариков... Хлопок, хлопок! И молодежь, умеющая не щадить себя!

— Не слишком ли вы гоните, Ахмаджан? — осторожно поинтересовался Саттар-ака.

— Автоинспекции здесь нет! — весело ответил директор. — А в случае чего — врач с нами!

Он рассмеялся и шутке, и тому, как поехал его строительный зам на сиденье рядом с ним. Автоинспекция, действительно, сюда еще не пожаловала. Здесь он был полновластным хозяином, пока тянулись земли 33-го совхоза. А насчет врача — это к слову... Он водил, как выяснилось, свой автомобиль артистически, а, кроме того, с ним совхоз сэкономил на шофере. Хотел прибавить слово об этом, но, кажется, это он уже говорил не раз, лучше промолчать.

В «Жигулях» было тесно, потому что он взял с собой не только Дилдор и Саттара-ака, но и председателя рабочкома, и главбуха совхоза. Рабочком должен был поддержать его, а главбух торопился в банк и радовался, как ему повезло! Не держали шофера — и совхозные «Жигули» никого не могли возить, кроме директора, даже когда были свободны. Впрочем, такого не было. Поля огромные, без машины не управиться, а он объезжал поля каждый день...

Свежий асфальт был почти черным и блестящим. Он, как зеркало, отражал от себя солнце, но не мог его пересилить, щедрое солнце проливало новые, неистощимые потоки света. Все купалось в нем. По сторонам рядами, уходящими в небо, тянулся, радуя глаз, хлопчатник. Новые обещания целины на конвейере «белого

золота». Почему — обещания? Можно было уже вписывать новые цифры... Вперед! Цифры Мирзачуля будут расти так же быстро, как бегут эти «Жигули».

— Смотрите,— сказал Саттар-ака,— как красиво!

Поля родного совхоза уже кончились, отстали, это были земли чужого, тридцать второго, вдали показались и поселок, и несколько пятен бело-розового, как рассветные облака, оттенка. Как будто еще на заре облака опустились с неба и прижались к земле.

— Сады.

— Уже цветут...

— Урюк... Персики... Молоденькие, а уже взялись...

— О, наш врач разбирается не только в болезнях, а и в деревьях...

— Я внучка знаменитого садовода из Кибрая...

Пассажиры разговаривали, а водитель молчал.

От шоссе к поселку 32-го отбегала асфальтовая ветка, тоже обсаженная голыми прутиками.

— А это чинара...

— Да, чинара...

Однако мастер этот кандидат, этот Азиз, пускать пыль в глаза! «Учись!» — мысленно сказал себе Ахмаджан сквозь усмешку. Хлопковые поля на вид все кажутся одинаковыми, и только посвященный глаз оценит их пригожесть и чистоту, их вылизанность, если говорить о полях тридцать третьего. Ахмаджан до темноты не отпускал людей, пока сам не убеждался, что больше нечего делать. А таких вот садиков, высаженных напоказ, таких вот прутиков-чинар в тридцать третьем, простите, нету! И не надо! Гранатовые зернышки не обязательны для плова. Это украшения! Так уговаривал себя Ахмаджан, прибавляя скорость, чтобы быстрее проскочить земли чужого совхоза... Никаких украшений! Все решит полновесная коробочка. Цыплят по осени считают!

— Кто такой Султан Джура?— спросила Дилдор толстая тетя, председатель рабочкома.

Значит, успела прочесть на арке, поставленной у порога: «Добро пожаловать в 32-й совхоз имени Султана Джуры».

— Джура?— переспросила Дилдор, как бы отряхиваясь от задумчивости.— Поэт...

— Хороший?

— По-моему, да... Еще в школе я прочла его поэму о Джордано Бруно... Мне нравится...

— Как только у нас в совхозе откроют библиотеку, возьму книжку Джурю. Не читала. А вы, доктор, не только в деревьях разбираетесь, но и в стихах... Знаете их...

Ахмаджан рассмеялся.

— Сам директор тридцать второго совхоза ее хороший знакомый! Что там — Султан Джура!

Дилдор покраснела и рассердилась на себя за то, что так близко к сердцу принимает его шутки и подковырки. Знает он, что ли, о том, что Азиз приходил к ней прошлым летом в Ташкент и с чем приходил! Возможно, Азиз сам рассказал ему о своих намерениях. Ну и что? Важно ведь — не кто к ней приходил, а кого она выбрала, с кем пошла она. Она едет в белых «Жигулях» со своим мужем, которого любит, зачем же потешаться над ней? Она собиралась сразу рассказать Ахмаджану о смешном, почти нелепом визите Азиза, о том, как он, этот увалень, печально удалился ни с чем... разве только унес букетик фиалок в руке... Но сначала все время забывала, оглушенная счастьем, потом стала бояться, что муж заревнует... Лучше напрочь забыть!

А он вот помнил и смеялся сейчас!

— Это ваш знакомый, — ответила она мужу, когда он перестал неприятно и зло хихикать. — Вы с ним жили у моего деда в Кибрае, когда сдавали последние экзамены... Так, насколько мне помнится?

— Так, так, — быстро подтвердил Ахмаджан. — Я пошутил.

— А Джуру вам тоже полагалось бы знать, — сердито договаривала Дилдор. — Лучше меня. Поэт был андижанцем...

— Знаю, знаю...

— Почему «был»? — спросила у Дилдор соседка.

— Он погиб во время войны... В Белоруссии...

Саттар-ака, чувствуя, что в словах директора и его жены прячутся какие-то колючки, постарался увести разговор подальше в сторону.

— А школу они уже закончили, хотя, вообще, за их поселок строители взялись гораздо позже нашего.

— Вероятно, у Азиза Латипова заместитель по строительству оборотистей! — запальчиво сказал Ахмаджан.

— Он сам выводил людей на стройку, — ответил обиженный Саттар-ака. — Фартук на себя — и айда!

— Каких людей?

— Совхозных... Школе прирезал опытный участок...

— Под сад?

— Под хлопок...

— Ха! — вырвалось у Ахмаджана, от удивления он даже перестал на дорогу смотреть, повернув голову к Саттару-ака. — Правда? Задумал детскую бригаду создать, из учащихся? Проценты?

— Не-ет, задумка у него другая... Этот школьный участок будет... Ну, классом... по хлопководству... И в совхозе вырастут не просто образованные молодые люди, а, так сказать, уже готовые специалисты, агрономы, механизаторы... Солидная задумка...

— Вырастут! Дело далекое!

В самом деле, подумал он, школа откроется в этом году, первый набор, ну, есть в некоторых семьях ребята постарше, но в основном все школьники — малолетки, жди, когда они вырастут, эти будущие агрономы и механизаторы... Через десять лет будут ли они с Дилдор здесь? Будет ли он директором совхоза? Он и сам еще не мог бы сказать, кем будет, не знал, но — бери повыше! А Саттар-ака между тем восхищался:

— Да, молодой директор, а молодец! Далекое смотрит!

И такой откровенный упрек звучал в этой восторженной фразе, такой намек, что Ахмаджан разозлился:

— А вы откуда все это знаете... про Латипова?

— От людей...

— Ах, слышали?

— Да, о добрых делах люди любят говорить... Рассказывают друг другу... О добрых делах и людях...

«Ну, — подумал Ахмаджан, — двух замов по строительству я успел поменять за эти месяцы, придется менять и третьего...»

И только успел подумать, как увидел в зеркальце

«газик», выехавший на шоссе из-под арки, с отростка, ведущего в тридцать второй... И догадался, что это Азиз — на совещание!

— Легок на помине!

— Кто? — спросила Дилдор.

— Азиз. Собственной персоной!

До сих пор «Жигули» легко обходили самосвалы с цементом, трейлеры с бетонными блоками — четыре блока, четыре стены, и дом готов, грузовики с лотками для поливных желобов, которые составлялись со скоростью, не снившейся старым дехканам, невиданной, неслыханной даже в сказках, а теперь пришлось остановиться и съехать на обочину...

— Подождем его?

— Конечно, — обрадовался Саттар-ака. — Поприветствуем!

«Газик» подкатил быстро, из него, и правда, вывалился, зацепившись за подножку и чуть не упав, смущенный, одетый в солдатское обмундирование Азиз и подбежал, крича:

— Здравствуйте! Дилдор! Ахмаджан! Как я рад! Соседи, а редко видимся! Как поживаете? Здравствуйте, товарищи! Извините!

Никто и слова не успел ответить ему, а он уже уходил от «Жигулей» к грузовику, запыхтевшему и остановившемуся напротив, на левой стороне шоссе. Грузовик был с большим прицепом. И сам он, и прицеп присели под тяжелым грузом бараньего навоза, слегка парующего под еще не жарким солнцем.

Ахмаджан, хотевший спросить, отчего это директор тридцать второго ездит на «газике», разве у него нет таких же «Жигулей», забыл о приготовленном вопросе, пересек шоссе, ухватился за грязный борт грузовика и спросил шофера, оторвав глаза от этого богатства:

— Где нашли такую казну?

— В горах... Товарищ директор, еще с тремя председателями договорились... Анвар на своих «Жигулях» подался вверх, новые залежи открывать... Все в порядке. Я остановился доложить, чтобы вы не волновались.

Это он обращался уже к своему директору.

— Спасибо... Двигайте! — ответил ему Азиз. — Не

забудьте отдохнуть... Я вас знаю, а горные дороги не шутка! Вам в ночной рейс!

— Это что же, из родного Фируза? — ухмыльнулся Ахмаджан.

— Не только... В горах много старых отар...

— За навозом в горы... Действительно — риск! Там дороги мокрые, еще в туманах, в снегу...

— Вот я их и предупреждаю, — согласился Азиз. — Ребята молодые, увлекающиеся... За сутки по три рейса делают... с оборотом!

— Увлекающиеся? — перехватил Ахмаджан, которому что-то не везло на увлекающихся людей, начиная от его строительных замов и кончая другими, помельче и попроще.

— Ну, так они же понимают, какой важности у них рейсы! Подкормка! — отозвался Азиз.

— Надо ехать, однако, — сказал помрачневший Ахмаджан и пошел к машине, нервно заиграв ключами от нее.

Азиз тут же пустился следом:

— Ахмаджан! На обратном пути к нам — на пиалку чая!

— Даст аллах — заедем, — трогая, ответил Ахмаджан.

И сколько видела Дилдор, Азиз, растопырив ноги, стоял на шоссе, словно забыв о своем «газике», а потом повернулся и побежал к нему.

Сегодня в Янгиере, перед Домом культуры, собралось множество машин — самых разных: и «Жигулей» и «газиков», и грузовых... Все столпились, словно начали совещание раньше своих недавних пассажиров. На площади не хватило места машинам, и они расплывлись по соседним улицам.

Молодой город, собрат Гулистана, жил с утра этим совещанием, и это ощущалось в учреждениях, в магазинах и просто на улицах... Встречи, разговоры, покупки... Когда еще вызовут, соберут, наверно, после первой уборочной страды, белой страды! Вон сколько народа надо отрывать от дела всякий раз, когда проводится совещание.

Сколько лет прошло со дня обоснования в Мирзачуле первых поселенцев, а степь еще строилась! И флагманом ее тружеников-преобразователей был «Главно-

лодностепстрой» — мощная держава, разбросавшая свои управления, тресты, предприятия, машины и тысячи строителей по пустым землям — до самых Кызылкумов, красных песков. Всюду строили, строили... А раз не сидели, сложа руки, значит, были и трудности, и неполадки, и ошибки... Потому что строили много, а сроки торопили. Словно здесь не было человека, который не торопился бы больше сделать за свою жизнь, особенно за свои молодые годы! Не остановишь!

Да и опасно останавливать, замедлять... Самолет не полетит, если его вдруг перевести на скорость верблюда. Упадет, разобьется... Сбавь темп, люди остынут, разбредутся в поисках других, более горячих дел, где можно попробовать свои силы в единоборстве с природой и временем.

Вот с какими мыслями Дилдор проводила мужа на совещание, а сама направилась по своим, более скромным и прозаичным делам. Побывала в аптекоуправлении, и ей обещали открыть аптеку в поселке до начала хлопкоуборочной и школьных занятий, в райздравотделе оставила заявку на кадры для совхозной поликлиники, к строительству которой, она не сомневалась, вот-вот приступят, поговорила об оборудовании, о мебели... И поймала себя на том, когда вышла на улицу, что тоже торопилась! Может быть, не зря на нее сердился Ахмаджан? Нет, зря! Потому что поликлиника, аптека — это здоровье тех самых людей, которые строят поселки и растят урожай...

Утвердившись в своей правоте, она огляделась и обнаружила, что идет по мосту через широкий канал, наполненный илистыми по весне водами... Она знала, что Южный Мирзачульский канал разрезает город на две части, но не думала, что канал так полноводен, могуч, что воды его так быстры... Воды тоже торопились. Весной все ширится, все растет, все спешит...

А мост был красив! Над его белой ажурной оградой уже зазеленели, зашептались молодой листвой тополя. Длинная улица с высокими домами была видна отсюда, она тянулась далеко... И были видны сады и другие тополя, столпившиеся на берегу канала...

Она остановила за плечо девочку, бежавшую навстречу ей с нотной папкой, и спросила:

— Как называется этот мост?

— Мост любви! — ответила девочка и заспешила дальше, так что папка, свисавшая почти до земли, била ее по пяткам.

Конечно, это не стало еще официальным названием моста, но даже девочка назвала его так естественно и привычно. Может быть, действительно, Мирзачуль освивали поэты?

Мост любви...

Не было канала, не было моста... Вырыли канал, построили мост, и кто-то уже назвал его Мостом любви... Неважно, кто... Важно, что мост уже висел, и его надо было перейти молодым по дороге в будущее...

Человек, выбросивший первую горсть земли из ложа Мирзачульского канала, это ты был первым строителем Моста любви! Жизнь ветвиста, как дерево...

А может быть, девочка придумала, разыграла? Дилдор сделалось заранее обидно. И она обрадовалась, когда поговорила с женщиной, тоже остановившейся на мосту, и та сказала ей, что, в самом деле, его называют так, этот мост, потому что молодежь здесь назначает свидания, встречается, это приметное место...

Женщина, остановившаяся на мосту, была высокой и гибкой. Даже туфли на небольшом каблучке не скрадывали ее роста, а гибкие движения заставили полюбоваться ею, когда она поднимала на перила моста своего сына, малыша. Она показывала ему снежные вершины далеких гор, хорошо различимые отсюда в солнечный день, и что-то говорила.

Белые тополя на берегу, цветники вдоль улицы построили Дилдор на добрые мысли. Она подумала об Ахмаджане и пожелала ему успехов и на сегодняшнем совещании, и всегда. Успехи возвращают его к настоящему, хорошему, что заложено в нем. Будут успехи, к которым он часто рвется, ничто тогда не будет мешать и его открытой любви к ней. Открытой и большой...

Это ведь радостно — любовь. И хорошо. Как хорошо, что они приехали сюда, в Мирзачуль, под эти тополя, в эти степные просторы, где родятся и их дети. Сегодняшняя ее земля завтра станет землей ее детей.

Значит, она должна стать лучше, эта земля. Все правильно.

Женщина, державшая на перилах малыша, посмотрела на Дилдор и приветливо улыбнулась. Какое, однако, красивое лицо было у этой женщины! Дилдор медленно приблизилась к ней и погладила курчавые волосы малыша.

— Как тебя зовут, джигит? — спросила она.

Мальчик испугался незнакомой, сжал плечи.

— Фируз, — ответила за него женщина, опавнув Дилдор взглядом удивительных синих глаз.

— Ну, давайте и мы знакомиться, если вы не против, — сказала Дилдор. — Я приехала из совхоза, с мужем, и никого тут еще не знаю. Дилдор, врач.

Она протянула руку.

— Нафиса, учительница, — голубоглазая красавица протянула ей руку тоже.

— Вы здешняя? — поинтересовалась Дилдор.

— Нет, мы с сыном оттуда, с гор... Из Хавасского района... Он — Фируз, и наш кишлак называется Фируз.

— Фируз?

— Вы бывали там? — обрадовалась Нафиса.

— Нет. Но я знаю одного человека из Фируза. Он рассказывал мне, как там справляют праздник весны, варят белый суп, пьют кумыс, песни поют, танцуют...

— Кто же это, интересно?

— Азиз Латипов.

И тут случилось такое, чего Дилдор никак не могла ожидать. Голубоглазая женщина побледнела, зажмурилась, точно у нее закружилась голова, как от солнечного удара, качнулась, потом взяла сына на руки, будто хотела уйти, бежать, и Дилдор испугалась:

— Что с вами?

— Ничего. Со мной бывает так... Иногда...

— Я врач... Расскажите...

— Ничего, ничего...

— А может, это я виновата? Может, вы с ним знакомы, с Азизом?

— Да, мы были соседями в Фирузе... Ну и что? Какое это имеет значение? — спросила Нафиса и сама ответила: — Никакого! Фируз! — Она опустила его на мост. — Иди, поиграй в роще... Беги!

Мальчик с удовольствием пустился в рощу, а она, ухватившись обеими руками за перила моста, стояла и смотрела вдаль. Однако ясно было, что она ничего не видела.

— Послушайте,— начала Дилдор.

— Нет-нет...— перебила ее Нафиса.— Он для меня ничего не значит. Ровным счетом — ничего!

— Извините,— сказала Дилдор,— но мы современные женщины и, наверно, можем поговорить, не обидев друг друга... Я чувствую, что это...

— Не надо!— остановила ее Нафиса.

— Странная вещь... Странно, когда деликатность вдруг становится бесчеловечной... Вам не хочется знать об Азизе? Я ему — никто.

Нафиса слушала молча.

— Он — друг моего мужа... Его хороший знакомый... Они вместе учились... ездили в институт вместе, так как жили у моего деда в Кибрае, под Ташкентом. А сейчас — директора соседних совхозов в Мирзачуле... Азиз Латипов возглавляет тридцать второй совхоз и живет там с матерью.

— С матерью?

— Да...

Дилдор ждала, что женщина спросит ее еще о чем-нибудь, но та опять молчала. Может быть, минута прошла, может, две, пока Нафиса освоилась и улыбнулась, глянув на Дилдор спокойными глазами, полными синего света.

— Смотрите-ка, как давно мы разъехались с Латиповым, а всех собрала Голодная степь!

— О да!

Да, Голодная степь многих привела в движение, сорвала с насиженных мест. Пустая раньше, она вдруг стала местом самых неожиданных встреч!

— Ну, простите... Ладно... Я пойду! Фируз!— И Нафиса ушла, не оглядываясь.

А Дилдор заспешила к Дому культуры, не зная, что ей предпринять. Похоже, что Нафису и Азиза связывало что-то, давнее... Может быть, объясняющее, отчего он до сих пор один и отчего был так нелеп тогда, в ее саду с фиалками! Симпатичный Азиз!

Между тем Нафиса с Фирузом вышли по краю роши на асфальт тротуара и весело зашагали дальше. И

Дилдор показалось, что все не так, как только что подумалось ей. Нафантазировала! А она с Азизом не более, чем соседи. Бывшие соседи. Счастливая женщина — эта Нафиса. Сама — учительница, у нее есть муж, есть сын...

И снова мысль о сыне затретила душу, тронула место, болящее, как рана... Почему у них с Ахмаджаном нет ребенка, он мог бы изменить к лучшему всю их жизнь! Уже скоро год, как они вместе. Они любят друг друга...

Ох, если бы у нее был сын! Подняла бы его высоко, показала всему миру. А ему — весь этот прекрасный мир вокруг, весь! Пусть посмотрит на него с высоты ее рук!

Глава девятая

ЗДРАВСТВУЙ, ФИАЛКА!

«Шел 1943-й год...

Фашисты еще обстреливали Ленинград, героический город на Неве находился в зловещем кольце блокады, в цепких руках беды и голода. Его дети, оторванные от родных домов, еще не могли вернуться к матерям, даже если те были живы. Война раскидала детей по разным городам нашей большой страны, в том числе их с любовью приютили семьи в Ташкенте, Фергане, Бухаре, в больших и маленьких кишлаках. С ними делили тепло и хлеб.

Может быть, никогда так, как во время войны, мы воочию не замечали, что такое братство наших людей, не испытывали его силу.

Я пишу — мы, хотя путешествовал в те годы под стол пешком. Но я уже знал, что на земле идет война, и где-то там, очень далеко, мой папа.

Фашисты были еще в Крыму, ходили по Киеву и Минску...

А на берегах Сырдарьи, там, где река пересекает гряды Фархадских гор, именно в это время, в 1943-м году, началось строительство Фархадской ГЭС.

Через пять лет она дала свой ток в города и кишла-

ки, промышленным предприятиям и колхозным фермам.

А начали рыть деривационный, то есть отводной канал и водоприемники, насыпать плотину, строить акведуки и селедуки для укрощения бешеных селевых потоков, ливневыпуски и оросительные водозаборы тогда. Да, тогда! Думая о мире. Думая о жизни.

Строя ГЭС, соорудили водозабор для магистрального канала им. Кирова, питающего сейчас Голодную степь, несущего на ее хлопковые поля основную массу то голубой, то глинистой, то зеленоватой воды.

Какую же великую уверенность в своей победе, в своем будущем носили люди в сердцах!

Строили колхозники и горожане, старики и юноши, одних — уже, других — еще не звали и не брали на войну, на кровавый бой с лютым врагом.

Это была народная стройка, каких немало в биографии моей республики. Например, Большой Ферганский канал...

Интересно, что и горы, где развернулась стройка, и ГЭС называются Фархадскими. Это имя славят многие народы, живущие на безводных землях, многие эпосы. Писал о Фархаде и наш великий Навои в своей знаменитой поэме. Фархад — народный герой.

Я бы назвал народными героями всех, кто строил Фархадскую ГЭС в тяжелые годы войны. Тысячи Фархадов вышли на стройплощадку, растянувшуюся на 22 километра, выкопали для себя землянки, как на фронте, и дружно взялись за дело. Тысячи Фархадов!

И вот о чем я думаю с уважением к ним, с гордостью и самой душевной улыбкой — это были не выдуманные герои, это были живые люди.

Жили холодно и порой голодно. Понятно — война! Время не баловало. А рабочие нормы старались перевыполнять, а не только выполнять.

Как-то бухарцы привезли или пригнали осликов, ишаков, которых много держат (или, вернее, держали тогда) вокруг Бухары. И, конечно, с помощью этой четвероногой механизации земляные работы у бухарцев сразу пошли живее. А это значило — сытнее жизнь, потому что за выполнение нормы — продуктовая премия, а за перевыполнение — еще добавка. Кто лучше

работает, тот больше ест! Хлеб и чай — веселее стало жить бухарцам!

А ферганцы, работавшие рядом, приуныли. Еще бы! Они не могли пригнать четвероногих помощников из дома, в зеленой Ферганской долине не разводили и не держали ишаков, с большим трудом набрали там ходоки несколько штук. Курам на смех!

И вот под покровом ночи храбрые ферганцы перегнали часть бухарских ишаков к себе — для восстановления равновесия соревнующихся сил, то есть справедливости.

Оживилась и у них работа! Поднялось настроение! До поголовья бухарского стада было еще далеко, но выход, казалось, найден...

Однако и бухарцы не лыком были шиты. Догадались, в чем дело, и пометили своих ишаков: отстригли им метелки на хвостах. Хитрые! Но ферганцы оказались хитрее! Через час они уже знали о проделке бухарцев, постригли метелки всем своим ишакам и опять пополнили стадо.

Тогда бухарцы постригли ишакам челки. И ферганцы тут же сделали то же самое.

Вот встретились два руководителя, бухарский и ферганский, чтобы навести порядок. Все ждали, будут ругаться! Да как! А они смеялись, хохотали.

Руководитель бухарцев знал, куда исчезают ишаки, давно знал, но не возмущался, а даже снял караульные посты с мест, где паслись животные, чтобы ферганцам легче было восстанавливать справедливость. И это он сам направлял ферганцам известия, как пометили в очередной раз бухарцы своих помощников-трудяг, чтобы дошлые единоличники не могли разобраться, если пойдут за «украденными» ишаками.

Вот что мне рассказал недавно руководитель ферганцев.

Не было кражи — была игра. Не было вражды — была дружба. Не было уныния от недостатка удобств и хлеба, была, можно сказать, песня, и веселая песня, которая «жить и строить помогает», от которой «легко на сердце».

Веселые люди быстрее проходят трудную дорогу к счастью.

Я буду у них учиться».

Сразу после совещания в Янгиере Азиз разыскал Ахмаджана, чтобы справиться, заглянут ли соседи на чай. Ахмаджан был так мрачен, что о чае и разговора не завели. Не до чая!

— Ты дипломат, оказывается!— воскликнул он, едва к нему подошел Азиз в вестибюле Дворца культуры.— Какой ход!

— Какой?— не понял тот. простодушно улыбаясь.

— Ну как же! Все его хвалят, ставят в пример, а он поднялся на трибуну и давай сам себя ругать. Словом, против самого себя выступил. Беспощадно! Ход конем! И гимнастерку надел, как бедный родственник!

— Не понимаю,— недоумевая, начал сердиться Азиз.— Если можешь, попроще... Я совершил какое-нибудь преступление?

— Ты испугался, что тебе помогать перестанут, раз все у тебя в порядке, все так хорошо!

— Да. Вот это верно. Есть чего испугаться!

— И выступил против себя и тех, кто слишком щедр оказался на похвалы. Словом, заработал и внимание, и обещание — помочь довести стройку поселка до конца.

— Мне ничего другого не надо было. Я не просил ни премии, ни ордена!

— Ну, насчет ордена еще рановато,— усмехнулся Ахмаджан.— Подождем урожая. Цыплят по осени считают.

— Да, да... У нас в совхозе много недостатков, недоделок, и, когда я говорил, я их не выдумывал...

— Ну, другой на твоём месте предпочел бы промолчать, не подливать в мед дегтя, кое-что укрыть, раз даже сверху не видят!

— Ради чего?

— Своих интересов.

— А люди? Мои интересы — интересы людей.

— Брось! Это риторика,— отмахнулся Ахмаджан.— Счастливо, дипломат! Некогда!

Вот и весь разговор...

Ахмаджан был расстроен, это понятно. Ему крепко досталось. Когда он начал свое выступление с рассказа о том, что занял квартиру под канцелярию, из зала раздались реплики:

- А мы наоборот!
- Мы контору пока под квартиру отдали!
- Наша канцелярия там, где люди, где работа!

В зале засмеялись, он стушевался. Еще хуже, что засмеялись за столом президиума, а старший инженер из «Главголодностепстроя» сказал в ответном слове: «Мы знаем о своих долгах и будем их ликвидировать изо всех сил. Но не надо так уж противопоставлять хлопкоробов и строителей, как делал это молодой директор тридцать третьего... Сколько раз бывало, что строители оставались в созданных их руками поселках и становились первыми хлопкоробами! А сколько помогали полевым работам, особенно на уборке! Не считать. У нас одни интересы...»

Не однажды в эти дни Азиз думал, что, наверно, на пересечении интересов государственных, людских, своих только и вырастает счастье. Что-то не ладилось у Ахмаджана. И было жаль. Такая жена, такая это удача, и — вот тебе! Лучше бы не ладилось у него, Азиза, он бы приналег, он бы все исправил, не ел, не спал, его все равно никто не ждет дома, ему некуда себя девать... В чем-то тут аллах несправедлив, и очень жестоко! А если серьезно, кто и почему наказывает так и даже казнит людей? Сами люди? Кто виноват?

Хотелось помочь Ахмаджану... Зазвать его на чай — завернули бы на обратном пути, посидели и потолковали, как давно не видевишиеся друзья... В самом деле, рядышком живут, и не встречаются! Можно было не только послушать, но и подсказать, посоветовать... Не жалко, если по силам! Одни интересы, одно дело... Это ведь действительно так, без всякой риторики...

А уж как мать обрадовалась бы гостям! Целыми днями одна и все — у плиты, готовит и ждет, готовит и ждет... Вот она, бедная, ждет... Одна... Меняется земля, меняется поселок, меняются времена года... Меняется жизнь у людей вокруг, а у него — нет... И у нее, у матери, нет, естественно...

И сейчас накрыла теплыми накидками казан и кастрюли, сидит, пригорюнившись...

Азиз решил, что на сегодня хватит. Эти непрочитанные бумаги захватит с собой и пойдет домой. Сейчас же!

Он остался в кабинете после заседания комиссии, созданной дней десять назад, сразу же, едва вернулись из Янгиера. В комиссию вошли разные люди, мужчины и женщины, молодые и старые, обсудили, обмозговали, вынесли рекомендации — что и как достроить, что не терпит, а что может и подождать. Поля оттягивали народ. Сегодня свой план, все свои доводы и данные выложили представителю «Главголодностепстроя», поговорили жестко и конкретно. И обе стороны, как отмечают в дипломатических кругах, пришли к взаимному соглашению. Хоп! Хорошо!

Вот только накурили ужасно — это скверно.

Перед тем, как взяться за бумаги, которых с каждым днем прибывало все больше — их урожай поспевал раньше фруктов и хлопка, Азиз не поленился распахнуть окно, и сейчас кабинет проветрился. Вместо улетучившегося папиросного дыма над столом завитали тонкие запахи первоцвета. Молодые саженцы робко зацвели, а уже тянуло ароматом сада... И одуряюще благоухал джамбил-райхан, самая пахучая трава на свете, так, будто она росла не на берегу арыка, за цветочными клумбами, а в пепельнице, под самым носом.

Он на все пуговицы застегнул гимнастерку и подумал, как сейчас удивится мать и обрадуется его раннему появлению, хоть раз! Пообедает с мамой... А то ведь и за стол без него не садится, такая привычка.

Азиз стал закрывать окно, и в это время в кабинет вошла с новыми бумагами в руке секретарша Зулейха. Двигалась она не спеша, вперевалочку, а Азиз с сочувствием покосился на ее заметно округлившийся живот, хоть и был он скрыт под обширным платьем-балахоном.

— Зулейха, а почему вы еще не в отпуске, а? До поездки в Янгиер мы, кажется, договорились...

Секретарша покраснела и опустила глаза.

— Вам будет трудно одному, Азиз Латипович...

— Ничего... Найдем помощницу... Подскажите, кого... Есть на примете?

Зулейха приподняла плечи, будто совсем хотела спрятать в них голову с пышной прической, и хмыкнула:

- Есть!
- Вот и ладно... А это что? — Он взял у нее бумаги.— Просьются на работу к нам?
- Просьются.
- Прекрасно! — И стопу новых заявлений, присланных из разных мест, он сунул в папку, которую решил взять домой.— До завтра!
- Там вас одна женщина ждет...
- Какая?
- Красивая,— ответила Зулейха, напрасно стараясь расшевелить его улыбкой.
- Азиз нахмурился, сурово сказал, смущая Зулейху:
- Красивая — не профессия. Кто она? Откуда?
- Не знаю. Она только что пришла.
- Пришла или приехала?
- Приехала... На попутной... Грузовик останавливался, я в окно видела...
- Ну,— безрадостно сказал Азиз.— Приглашайте ее.
- Пока он снова садился за стол, женщина вошла, он глянул на нее и забыл сесть, заулыбался, кинулся ей навстречу.
- Дилдор! Добро пожаловать!
- Азиз протянул ей обе руки, и так, обеими руками, пожал ее маленькую ручку. Он был искренне рад ей, как будто то, уже теперь далекое, давнее переживание, вспоминаемое теперь с улыбкой, сделало их близкими друзьями. Так через много лет часто бывает, а может быть, и всегда. Людей сближает обладание общей тайной.
- Зулейха мне говорит — красивая женщина... А я...
- А вы? — ухватила Дилдор.
- А я... страшно рассердился! — засмеялся Азиз.— Собрался идти домой обедать... в кои веки без опозданий...'
- Домой?
- К маме... Ну, это ничего!
- Нет, чего, чего! — возразила Дилдор.— Нельзя из-за меня обижать маму!
- А мы... — начал Азиз и умолк.— А мы...
- А мы? — помогла ему Дилдор, продолжая разго-

вор в манере, которая сразу же установилась у них сама собой и понравилась ей.

— А мы пойдем вместе! Можно вас пригласить? Молчите, прошу вас! Молчанье — знак согласия. Я сейчас позвоню маме...

Азиз схватил трубку, набрал номер...

— Вот неожиданно!.. Как это будет?— растерялась Дилдор.

— Будет хорошо... Мама! Простите, мама! Я приведу гостью. Очень хорошо?.. Ну вот... Мама рада. Пойдемте, взглянете на мой шалаш.

По дороге Дилдор сказала, что, собственно, приехала посмотреть на стройку поликлиники и больницы, во-первых... Сады ее соблазняют, во-вторых... Она ведь внучка Рахима-бобо, вместе с кровью впитала от рождения любовь к садам... И в-третьих...

— Что в-третьих?— спросил Азиз, перенимая ее игру.

Но Дилдор только улыбнулась и оставила это, как загадку. А может быть, не готова была еще сказать или спросить...

Мимо тянулся садик перед школой, на прятких ветках розовели храбрые лепестки...

— Вы хотите земли своего совхоза превратить в рай?— спросила Дилдор.

— В ад мы успеем попасть... За все свои прегрешения на земле! Так хоть здесь поживем в раю, созданном своими руками.

— А эти персики... так же цветут у деда в Кибрае!

— Ничего удивительного. Это его саженцы.

— Ну да? Правда?

— Ранней весной ездил в Ташкент, навестил Рахима-бобо и взял у него саженцы... Немножко для начала...

— Нет, Азиз, вы попадете в рай!— воскликнула Дилдор.

— Я? При чем тут я! Не я привез — машина привезла. Люди посадили...

— Люди у вас охотно откликаются на это?

— А почему — нет? Это же все для них... Они понимают...

За беседой и не заметили, как подошли к дому Азиза, миновав не только молодые посадки, но и коробки

будущих домов без крыш, и строительные склады на свежем воздухе, и кучи мусора и пыли... Вблизи поселок был не так красив, как издали... Лязгали, работающая, эскаваторы, гудели самосвалы... Красота проглядывала, когда желание видеть что-то находило подтверждение в чертах, еще как бы не обозначенных до конца...

Жил Азиз в самом маленьком стандартном двухэтажном доме, заняв его половину, как и полагалось всем мирзачульским новоселам.

— Мама!— позвал он из прихожей.

Дилдор задержалась перед зеркалом, чтобы поправить прическу, растрепанную ветрами дороги, а из комнаты донеслось:

— Ну, что же ты обманул меня? Где же гостья? Бесстыдник! Посмеялся над матерью! Ух, я тебе сейчас задам! Уши натреплю!

И Дилдор поспешила за хозяином в гостиную, откуда и доносился полусхотливый, полусерьезный голос раздосадованной тетюшки Нигор.

— Ах!— растерянно сказала она, увидев гостью.— Проходите, дорогая... Уж и не знаю, чем и как накормлю вас... Сейчас, сейчас...

Мать засуетилась, замахала руками, побежала в кухню, шаркая тапочками, слетающими с быстрых ног.

— Мама скромничает. Я пойду помогу ей... Извините...

Азиз удалился.

И едва он вошел в кухню, пропахшую пловом, который мать накладывала на самое красивое блюдо — это был старый, дедовский ляган, памятный с далеких детских лет, — она сказала:

— Хорошая! Ой, какая хорошая!.. Ой!— и покачала головой, как качают от самого большого удовольствия.— У нас будет работать?

— Нет, мама.

— Незамужняя?

— Замужем, мама. Это жена директора тридцать третьего совхоза, моего хорошего знакомого... Но я ее и раньше знал, когда она еще не была замужем. Помните, я рассказывал вам, как жил в саду Рахимабобо?

— Ну да! Соседи всегда находят раньше нас!
Мать спять покачала головой, в ее взгляде был укор.

А Дилдор тем временем успела ополоснуть руки в ванной и уселась перед столом, украшенным вазочкой с букетом полевых цветов, простых и по-своему нарядных — именно эта строгая, четкая расцветка делала их нарядными. Дилдор перебрала букет, касаясь тонких, полусухих стебельков. За этим занятием и застал ее Азиз, опуская на стол стопку тарелок.

— А где фиалки? — спросила Дилдор.

— Фиалок пока нет...

— Вы же обещали!

— Разве?

— Так быстро позабыли? Скажите, пожалуйста! Азиз-ака!

— Нет, не забыл я ничего... — Азиз нахмурился, брови нависли над глазами, тяжелые, толстые, и так висели, пока он не поднял глаза на Дилдор и не улыбнулся. — Я, наверно, по-дурацки выглядел в тот вечер? Не бойтесь, скажите мне откровенно. Вам смешно было? А сейчас, когда узнали радость жизни с любимым человеком, еще смешнее?

— Семейная жизнь — не только радость... Даже с любимым человеком... Нас предупреждают, а мы как-то не прислушиваемся, не верим...

— Что с Ахмаджаном?

— Он очень нервничает... Отталкивает всех от себя. Сам решает, сам командует! Помогите ему.

— Я рад бы... Я приеду... А он... Он и с вами так?

— На меня у него не хватает времени! Я надеюсь, что дела наладятся, и все наладится...

Мать внесла ляган с пловом, и Азиз помог поставить его на стол.

— Не знаю, понравится ли вам, доченька! — запричитала тетушка Нигор. — У нас в горах плов делают мягкий, много моркови кладут...

— Плов, вкуснее которого нет, как известно, ничего на свете.

— Не шути! Попробуйте, доченька.

Плов был так вкусен, что Дилдор съела все, что положили ей в тарелку, хотя кричала: «Много, много!», — и сама прибавила еще несколько ложек, даже

не заметив этого, что особенно по душе пришлось и матери, и Азизу. Выпили чаю, разговаривая о делах, о том, что последняя неделя оказалась какой-то странно-прохладной, но относительные знатоки Мирзачуля, больше слышавшие что-то от других, уверяют, что тут всякое бывает, и скоро наступят знойные дни, солнечных ударов тогда не избежать, особенно за детей тревожно, — в Мирзачуле летняя температура в сорок пять градусов считается средней... Потом отправились смотреть, как строятся больница и поликлиника. У Дилдор было время изучить типовые проекты, и сразу бросились в глаза все улучшения, внесенные здесь. Особенно ей понравилось, что больницу строили не вдоль улицы, а сильно отступив от нее, в глубине будущего сада... В центре его уже рыли водоем — маленькое, но свое озеро! И пристраивали к первому этажу веранду, обращенную на восток, вечером можно будет больным посидеть здесь в плетеных креслах, с книгой в руках...

Воображая это себе, Дилдор полюбовалась работой старика, наносившего красные узоры на голубую стену веранды. Из тонких следов кисточки рождались цветы... Да, маленькую кисть держал большой художник!

— Ата! Согласитесь и в нашей больнице что-нибудь расписать?

Старик не то что не оглянулся, а даже глазом не повел в ее сторону, всем видом своим и равнодушием показывая: не отвлекай! Ей стало неловко. Азиз выручил, сказав:

— На ухо тугой! — и наклонился к деду: — Ата! Соседка интересуется, распишите им стены в больнице, когда они отстроятся?

Вот теперь Дилдор увидела его прищуренные глаза, над которыми пучками торчала седина.

— Расписать? Соседям? Почему же нет? С душой! Только постройтесь сначала!

— Спасибо, ата.

Но он не слышал — он рисовал.

— Ну, — сказал Азиз, когда они отошли, — поликлинику и больницу посмотрели, сады — пока еще так называемые, однако что есть, то есть — тоже, теперь... теперь... По-моему, вы еще что-то хотели мне сказать...

— Да,— ответила Дилдор очень серьезно, хотя он улыбался, и рябинки на его щеках раздвинулись,— я видела Нафису.

Веселость сразу потухла в его лице, глаза же, наоборот, зажглись. Он вытянулся, как от удара. С ним случилось почти то же, что и с Нафисой на мосту, когда она сказала ей об Азизе.

— Где?— спросил он наконец, вздохнув.— Где вы ее видели?

— В Янгиере.

— В Янгиере?— Он даже головой потряс от неожиданности.— Какую Нафису?

— Сколько у вас знакомых по имени Нафиса?— не удержалась от веселой нотки Дилдор, чтобы помочь ему прийти в себя.

— Одна, Нафиса из Фируза,— задумчиво ответил Азиз.

— Это была она.

Азиз схватил Дилдор за руку, сжал, но тут же отпустил, извинился и попросил рассказать о встрече. И она передала ему все, как было... Про Мост любви. И высокую женщину с голубыми глазами. Про маленького Фируза.

— Значит, у Нафисы есть сын?— спросил Азиз скорее ласково, чем сердито.

— Да, она вышла на Мост любви не объясняться с поклонником, а погулять со своим малышом, мальчиком лет пяти. Мне показалось, что вам интересно о ней услышать... Может быть, даже нужно...

— Как она живет?

— Не знаю.

— Где ее муж?

— Не знаю. Может быть, в Янгиере.

— Она вышла замуж за человека из Шахристана... Что же они — перекочевали?— Он не спрашивал, а просто размышлял вслух.— Она работает?

— Учительницей в школе... В центре Янгиера...

— О-о! Муж не разрешил бы ей работать! Может быть, что-то случилось?

— Не знаю...

— Овдовела?

— Не знаю...

— Да, конечно, случилось что-то...

— Мне надо ехать, Азиз-ака! Я не сделала плохо, что рассказала о Нафисе?

— Что вы! — замотал головой Азиз, испугавшись, что он мог бы и не узнать того, что узнал сейчас. — Что вы! Ехать? Я вас провожу.

Он довез Дилдор на своем «газике» до поворота с главного шоссе в тридцать третий совхоз, и она попросила.

— Остановитесь тут, Азиз... Дальше я... пешком...

— Почему?

— Прогуляюсь...

— Да я вас довезу, мне не трудно!

— Спасибо.

— Вот чудачка!

— До свиданья!

До свиданья, — сказал он.

Но ему хотелось крикнуть вслед ей: «Здравствуй! Здравствуй, фиалка!» Он вкладывал сейчас в это будничное приветствие его первородное торжественное значение. Здравствуй! Будь не просто здоровой, но и счастливой! Торжествуй в жизни! Ему казалось, что и его жизнь замерла у грани счастливой перемены, и сделала это маленькая Дилдор.

Нежный и внимательный друг, она явилась к нему и взорвала безнадёжный ритм его жизни, той, что принято называть личной, как будто эта жизнь существует отдельно от всего, как будто без нее возможно счастье... А полное — оно во всем! Оно не делится...

Да он теперь!.. Он станет совсем другим — одна надежда изменит всю его жизнь. Завтра он уже будет пугать Зулейху деловой и мрачной монотонностью своего голоса... Ох, Зулейха, знала бы ты, какие у этой монотонности глубокие корни... Вот Дилдор догадалась, Дилдор поняла... Может быть, потому, что ей самой не сладко?

«Газик» подвозил Азиза к арке с надписью «Совхоз имени Султана Джурты»... Надо было поворачивать, а руки не хотели, не слушались, будто их подменили... В Янгире? Он молча спросил об этом свои руки, спросил себя. Конечно!

Сначала «газик» катился тихо и осторожно, но приметно набрал скорость...

Перед глазами стояла Нафиса.

Глава десятая

НАФИСА

Если бы ее попросили назвать самого близкого на свете человека, она ответила бы в тот же миг: тетя Назира. Без колебаний. Без сомнений. И не только потому, что Назира Юнусовна приютила ее в тяжелый момент, протянула руку. Нет. Отчего сближаются люди?

Тетя Назира была не столько ласковой, сколько требовательной. Ого! Могла запереть ее в комнате и заставить заниматься, уводя от нее за руку Фируза. Сначала она потребовала, чтобы Нафиса поступила в Ташкентский пединститут заочницей, а теперь говорила: «Посидешь сдавать экзамены, с пустыми руками не возвращайся, не приму!» В качестве подарков ей нужны были хорошие отметки...

Может быть, в этой требовательности и была ее ласка?

И вдруг — поссорились.

Как все бывает неожиданно!

Поужинали сегодня рано, Фируз схватил свой трехколесный велосипед и выкатил на балкон... Их вечера проходили так: она занималась, тетя Назира читала, быстро вымыв посуду, позвонив тарелками на кухне, а Фируз крутился по всей квартире и по балкону на велосипеде, воображая себя то целинником, то космонавтом. Ему нужны были при этом зрители и собеседники, и он уже звал с балкона:

— Бабуся! Бабуся!

А они сидели в комнате, и тетя Назира рассказывала ей... Лучше бы этого не рассказывала!

Оказывается, она написала письмо в Шахристан, в райком партии. О том, какую непростительную обиду нанес своей жене Карим Ваккасов, какой это деспот дома и жулик на работе, не чурающийся воровства и взяточничества... Ей ответили, что письмо получено, и очень кстати, потому что делами Ваккасова, председателя районного сельпо, занялась специальная комиссия. На него — немало заявлений.

А теперь сообщили, что Ваккасов исключен из партии и уже не заведует сельпо...

Нафиса выслушала, опустив глаза, и не могла поднять их, когда тетя Назира замолчала. А подняв, сказала довольно резко:

— Я вас не просила писать!

— Та-ак, золотко,— протянула тетя Назира.— Обиделась на меня? Ну, это твое дело... А мое — делать черную работу, бороться со злом... Я тебя предупреждала... И — вот...

Она положила на стол квитанцию — из бухгалтерии сельпо перевели деньги. Нафиса молча спрятала ее в книгу.

— Можешь получать, а можешь и не получать,— сказала тетя Назира.— Жить тебе есть на что... И я люблю женщин, которые ни при каких невзгодах не роняют своего человеческого достоинства, но... вот что ты должна сделать непременно... Написать письмо матери... Где ты, что с тобой, как чувствует себя Фируз... Слышишь, горянка? Мать есть мать... А ты, я вижу, до сих пор — ни слова ей ни о чем... Иначе она сама сейчас же приехала бы сюда или хоть письмом ответила! Как же так?

— Просто,— сказала Нафиса, повернув голову вбок и глядя в стену.— Если бы я была нужна им, они меня как-нибудь оставили бы дома... Я им не нужна!

— Ах, вот что!— вскрикнула Назира Юнусовна, всплеснув руками.— Не нужна! Теперь ты мстишь! Мечь — мелкое чувство.

— Ну и пусть!

— Это вообще... А мстить матери!

Она встала и ушла, не дожидаясь ответа Нафисы и не в силах прибавить к своим словам еще что-то. Да и надо ли было прибавлять?..

В кухне она принялась мыть посуду и заставила себя думать о своих делах. В конце концов, у нее и своих забот полон рот!

Вот, например... В школе учатся дети пятидесяти национальностей! Да, не пяти, не пятнадцати, а пятидесяти! Родители сами выбирают, на каком языке учить ребенка — на узбекском или на русском. Но некоторые ребята усваивают одинаково трудно — и тот и тот. Одна учительница предложила, кроме дополнительных занятий, совместного приготовления уроков, обязатель-

но проводить и совместные игры. В игре дети смелее пользуются малознакомыми словами, быстрее запоминают их, а главное — легче, потому что делают это без всякого принуждения. Молодец учительница, наблюдательная. Кто это такая? Да Нафиса же! Тьфу ты, господи, никуда от нее не денешься!

Назира Юнусовна вышла на балкон к Фирузу — можно было поиграть с мальчиком, посмотреть на город, на деревья, на небо и отвлечься.

— Бабуся, пошли кататься в парк? — позвал Фируз.

— Нет, милый, — ответила она, погладив его по голове. — Сегодня, наверно, у нас прогулки не получится...

— Почему?

— Видишь, какое небо? Хмурое, сердитое... Как бы дождь не ударил!

К вечеру, в самом деле, небо потемнело от туч, которые шли с севера обвалом. Громадные, как горы, они разбухали на глазах оттого, что быстро приближались. Тополя начали испуганно шуметь и качаться...

Внимание Назиры Юнусовны обратила на себя сельская машина, остановившаяся у здания школы. С балкона было хорошо видно, как из нее выпрыгнул человек в гимнастерке и сапогах, однако на голове его была тюбетейка. Отслужил, значит. И в машине — никого больше. Шофер? Что он ищет, кого? Шофер расспрашивал о чем-то школьную сторожиху. Может быть, заблудился? Ну, сторожиха давно живет в Янгиере, все улицы знает, сейчас она ему объяснит...

Солдат в тюбетейке поблагодарил ее быстрым поклоном, приложив руку к сердцу, сел в свою машину и, странно, рванул назад, развернулся и подъехал к их дому, почти под балкон... Кто бы это, к кому?

И вдруг она вздрогнула — а если это Карим? Бывший муж Нафисы — Карим Ваккасов! Узнал ее адрес, которого не знал до сих пор, оделся поскромнее и — сюда. Лишит покоя, избыет, убьет, чего доброго! А кто виноват? Кто? Назира Юнусовна не успела проклясть себя, как зазвенел звонок над входной дверью в квартиру. И она поспешила ни жива ни мертва, чтобы опередить Нафису, прикрыть ее своим телом. Сначала ей даже показалось, что надо открыть дверь через цепоч-

ку, ведь в квартире — одни женщины и ребенок, но звонок так осторожно и робко всколыхнулся второй раз, что она рискнула открыть.

Она увидела близко человека, принятого ею за недавнего солдата и сегодняшнего шофера. Широкий лоб, чуть тронутое оспой лицо, добрые глаза... Где-то она уже видела это лицо, оно ей знакомо. Где-то встречала этого не очень молодого джигита... Здесь в Янгиере... Значит, это, слава богу, не Карим Ваккасов.

У Назиры Юнусовны отлегло от сердца, а джигит, растерянно топчась, спрашивал еле слышно:

— Я не очень поздно? Простите, мне так неловко... Здесь живет Нафиса Азамова?

— Нафиса? Да, здесь...

— Можно ее увидеть? Можно? — Он спрашивал нетерпеливей и настойчивей. — Мы — старые знакомые, из одного кишлака, из Фируза... Меня зовут Азиз Латипов, я из совхоза «Султан Джура»...

Тетя Назира от страха забыла про ссору с Нафисой, улыбнулась и крикнула:

— Доченька! К тебе пришли...

В комнате застрочила швейная машина, и Назира Юнусовна повторила погромче:

— Доченька! Нафиса!

...После неудачных споров-раздоров каждый успокаивается по-своему. Занятия не дались Нафисе, и она принялась шить. Давно уже взбрела ей в голову смешная мысль — восстановить то платье, в котором она бегала по родным тропинкам, среди гор Фируза. Немного бегала... Справила себе это платье перед возвращением Азиза из армии, со службы, в нем ждала его под ветвистым карагачем, когда он, наконец, вернулся... А потом... свернула, сунула, закатала...

Недавно попало в руки — красивое платье, голубое, в черную узкую полоску... Если отбросить лирику, сделать кое-что построже, с учетом минувших лет, скажем, воротничок — поуже, пуговицы поднять до горла, получится вполне приличный летний наряд. Лето близко, надо в чем-то ходить... Не так она богата на ряды...

Она померила платье, отпорол воротник и стала перешивать.

Так она и вышла к дверям — в том, памятном для

Азиза, платье, без воротничка, отчего шея ее сделалась длинной и грациозной, как у аиста.

Вышла и закрыла глаза.

В дверях стоял человек, которого она ждала из армии. И был он в солдатской форме, правда, выгоревшей и заношенной, но это был он. От нее не укрылось, что в черных вихрах над широким лбом блестела, серебрясь ниточками, седина, но, может быть, просто электрический свет виноват?

Азиз онемел. Он ждал, что увидит худую, изможденную, несчастную учительницу, в которой с трудом узнает свою Нафису. И чем труднее будет ему узнать ее, тем сердечней он ее пожалеет. Но вот к нему вышла Нафиса... И была она прежней, совсем прежней! Белорозовое, такой чистоты, что воздуху — и то нельзя прикоснуться к нему, самое красивое на свете лицо, синие глаза, не потерявшие ни капли своей яркости за эти годы, ее совсем девичья фигура... И платье! То самое... Нет, это все сон... Все сон! Или чертовщина какая-то! Однако глаза ее были живые, и они становились все холоднее... И голос ее прозвучал, наконец, — холодно:

— С приездом...

— Благодарю...

— Пожалуйста, пройдите в комнату...

Ни восклицаний, ни изумлений, и голос все такой же невозмутимо-холодный и чужой.

Она показала рукой на дверь, и Азиз вошел в большую комнату, по которой ездил на велосипеде мальчик, черноголовый, шустрый, он остановился и скорчил такую забавную рожицу незнакомому мужчине, что Азиз не мог не улыбнуться. А может быть, он все время глуповато улыбался и только теперь заметил это? Так или иначе он сказал мальчику:

— Привет, товарищ!

— Салют! — ответил мальчик куда гостеприимней мамы и тут же нажал на педаль.

— Как тебя зовут? — спросил Азиз, когда велосипедист объехал вокруг стола и налетел на его ноги.

— Фируз.

— Да-да, знаю...

Нафиса вопросительно взглянула на него, и он поспешил прибавить:

— Моя знакомая Дилдор, жена моего товарища... которая увидела вас недавно на Мосту любви... здесь в Янгиере... она мне сказала, что сына вашего зовут Фируз... Ну, я и приехал...

— На машине? — спросил Фируз.

— Да.

— А вы меня покатаете?

— Хоть сегодня! Если мама разрешит...

Мама молчала, стянув шаль со спинки стула и накинув себе на плечи, а женщина, открывшая дверь, позвала:

— Идем к Алику, Фирузджан... Мы побудем у соседей, доченька...

Она почувствовала, что этим людям нужно поговорить вдвоем...

А Нафиса стояла, прислонившись спиной к стене и скрестив на груди длинные и тонкие руки. Глаза ее спрашивали теперь определенной: «Зачем пришел?»

— Может быть, разрешите сесть? — пробормотал Азиз.

— Пожалуйста.

Он отодвинул стул, загремевший чересчур громко, как показалось ему, и сел, но тут же поднялся.

— А вы?

— Я постою.

— Может быть, мне уйти? — спросил он.

Она пожала плечами. Зажегся свет на улице, и в окнах дома через дорогу стали видны качающиеся кроны деревьев... Нафиса тоже зажгла свет.

— Дилдор вам, кажется, рассказывала, что я живу в совхозе, не очень далеко.

Нафиса смотрела на него, как будто отвечая: «Хорошо, рассказывала... Ну и что?»

— Во-от... Неожиданно для себя директором стал...

«Хорошо, директором...»

— Новую школу построили в совхозе...

«Хорошо, построили...» — он слышал сквозь молчание эти ее слова, угадывал их по ее глазам, и она, действительно, сказала:

— Очень хорошо... В городах ли, в кишлаках ли, в горах ли, в долинах дети должны получать образование и расти воспитанными.

В этот миг он почувствовал, что их разделяло рас-

стояние длиной в шесть лет. Это была и та и совсем не та Нафиса. Резвая девушка из горного кишлака и умеющая держать себя в руках женщина. Небо и земля!

— Ну да, конечно... — сказал он. — Я не о том... Все же удивительно, что здесь... где еще недавно... люди боялись ходить, потому что обжигали ноги... а у птиц сгорали крылья на лету... будут работать школы... и расти образованные и воспитанные дети...

Она по-прежнему была безразличной ко всему, что он говорил, и снова смотрела вбок, на балконную дверь, которая вздрагивала от ветра. Да, Нафиса была от него далеко, как за «китайской стеной».

— Удивительно, что мы с вами... имеем какое-то отношение ко всему, что происходит в Мирзачуле... и вот... встретились здесь! Почему вы уехали из Шахристана?

Она вся приподнялась, точно порыв ветра ударил в нее. И улыбнулась.

— Ушла от мужа.

— Уехали с Фирузом? Ай-яй-яй!

— Только не проводите со мной утешительных разговоров... Я не нуждаюсь в них! Душещипательные слова... Ой!

Она сказала это почти насмешливо, и он снова почувствовал пугающую безучастность, абсолютное безразличие к себе, сквозь которое, как ему думалось, так и не удастся никогда пробиться. И вконец оробел и растерялся. Где ему было понять в этом состоянии, что кажущаяся насмешка ее, стойвшая ей так много сил, и была главной приметой напряженности, и выдавала безразличие.

— Нафиса! — взмолился он, не заметив, что впервые за весь этот трудный разговор назвал ее по имени. — У нас не получается разговор... Почему? Почему мы не можем поговорить по-людски? Мы ведь не чужие!

— Чужие! — вскрикнула она, повернувшись к нему и глядя на него горящими глазами. — Хуже чужих!

— Нет, я не могу сказать этого про себя! — ответил он несдержанно громко и затряс головой. — Не могу! Шесть лет... Я прожил их так, что понял — жизнь не гладкая дорога, ее проходишь в поте лица... Жизнь —

тяжелая штука! Не всем это видно, у каждого свои ухабы но тем более каждый должен понимать, что и другому нелегко... Шесть лет! Поверьте, я прожил их в беспросветной тоске!

— Уходите!— Нафиса даже ногой топнула в ярости.

— Нет, я скажу одно слово... Одно слово... И уйду... Я вас люблю... До сих пор люблю!

— Уходите!— повторила Нафиса.

— И, наверно, буду любить всегда,— говорил он, не слыша ее,— хотя любовь, как и жизнь, не одни только радости... О, нет! Пока я знаю лишь одни мученья.— Он улыбался, невольно скрадывая этим горечь своих признаний и еще испытывая от них неловкость, которая оставалась, хотя случилось главное — «китайская стена» рухнула.— И все же люблю!

— Хватит, хватит!— замахала руками Нафиса.— Я уже поверила в это один раз, когда была дурочкой! В горах Фируза, под кроной векового карагача, около чистого источника... Этим словом вы разбили мое сердце!

— О чем вы говорите? Когда, чье сердце я разбил?

— Мое!— крикнула Нафиса, и в глазах ее сверкнули слезы.— Мое!

— Разве вы не ушли...— начал Азиз, но Нафиса перебила его, захохотав и размазывая ладонями слезы по лицу, как девочка. Так же она размазывала их, если ушибала палец о камень или наступала на колючку, когда они бегали есть тутовник...

— Ах, как вам было трудно!— сквозь смех проговорила Нафиса.— Я ушла с другим, а вы, бедняга, остались у разбитого корыта! Но разве вы не знали моего отца, не знали, что происходит? Разве вы хоть как-то боролись, сделали хоть что-нибудь, чтобы освободить меня от этой напасти? Нет! Я не ушла, меня продали, как скотину, увели, а вы дали увести меня!

— Я?

— Нет,— смеялась Нафиса,— не вы! Чтобы вызволить меня из беды, вы, как в песнях поется, бросались то в огонь, то в воду. Для песен это придумали, наверно. Надо же что-то петь! А самой любви нет... Я не видела...

Она сказала это грустно и тихо, а он качался на стуле, закрыв большими ладонями свое рябое лицо.

— Если бы вы позвали меня...— вспоминала Нафиса.— Я пошла бы за вами на край света, как в тех песнях поется. Я пошла бы! Я ждала... Но вы собрали пожитки и... удрали!

Да, с ее стороны это выглядело, наверно, так... Он, как трус, бежал с поля боя... Он смалодушничал... Только сейчас, когда уже ничего нельзя было поправить, он сделал для себя это открытие! Он опустил руки и спросил:

— Почему так вышло?

— Потому что вы думали только о себе!

— Нет,— жалко попытался защититься он,— каждую минуту я думал о вас!

— Может быть, такова современная любовь!— в последний раз усмехнулась Нафиса с издевкой.— Думать и бросать в беде. Меня устраивает любовь в старом понятии...

— Я... Мы...

Но она опять перебила:

— Я вас ненавижу!

Комок подкатил к горлу, и она взялась за него рукой, сведя пальцами шаль. Азиз смотрел на нее. Если бы можно было, он сказал бы ей, что, наверно, женщины хорошеют от ненависти. Ее большие глаза стали еще больше, румянец всюду разгорелся на щеках, которых не успел коснуться щедрый степной загар... Другие слова с трудом выпутались из него:

— Мы... не поняли друг друга... тогда, в Фирузе, там... Это страшно... Но еще страшнее, если и сейчас...

— Не мямлите! Перестаньте! Не выкручивайтесь!

— Нафиса!

— Я никогда не прощу вас!

Она стошла и распахнула балконные двери. И как будто ожидая этого, по всему небу ударила сквозная молния, и взрывной гром зарычал, повалил в рассеченную молнией пропасть гулкими ударами, распространяясь шире и шире. Новая молния располосовала густую темноту... Азиз испугался за Нафису, а она вдохнула полной грудью побольше этой опасной грозовой свежести...

Он еще многое хотел сказать ей... Он плохой, да, но

все же не такой, каким она его себе представляла. Он не хотел и не умел выкручиваться. Она его с кем-то спутала... Но как сказать, когда к тебе стоят спиной, и гром небесный снова все заглушает.

Он поднялся и тихонько двинулся к двери...

Еще была какая-то надежда, что она остановит его... Да, была! Только черт живет без надежды! Но она не стала его провожать, даже не оглянулась...

В машине он вспомнил, что ни слова не услышал о ее жизни, не узнал, почему она ушла от мужа, уехала из Шахристана... И сам себе ответил за нее: если бы захотел, мог давно узнать, как она живет. И все знал бы глубже и раньше, джигит!

Дождь ударил, как рухнул, когда проехал уже порядочно, где-то в самом конце пути. Толстые струи застучали по брезентовой крыше «газика», заиграли, как на хорошем барабане. Они косо рассекали лучи света перед фарами. Занятый своими мыслями, Азиз не сразу услышал, что в шуме дождя много странного сухого стука... И, всматриваясь и вслушиваясь, он с ужасом догадался: град!

«Однажды над черными полями одного совхоза неожиданно-негаданно хлынул весенний ливень. Его принесли быстрый ветер, быстрые тучи... Захлестало сильнее, чем из ведра!

Люди, понятно, заторопились спрятаться.

Укрылись под навесом полевого стана и два молодых тракториста, мокрые насквозь. Они потешались, выкручивали одежду, сушились, а ливень все хлестал...

Ночевать трактористы, пригнув головы, побежали в поселок, так и не вернувшись к своему трактору, брошенному в поле. А когда с ярким солнышком пришли туда, трактора не было.

Увели, угнали? Куда? Никаких следов на утреннем поле. Где же трактор? Вот здесь оставили... Вчера был, а сегодня нет. Оглядывались. Но зря. Трактора не было и в помине. Громадного трактора со сцепом многолемешных плугов! Как провалился!

И когда пришло на ум это слово, подумали, не очень уверенно: а может, и правда, провалился? Хорошо представляю себе лица этих трактористов...

Поплелись с повинной головой в контору совхоза. Начальство вызвало специалистов и помощников из «Главголодностепстроя». И те...

Короче, трактор нашли. Вернее, достали, выволокли из-под земли, пригнав для этого один из самых мощных подъемных кранов. Никуда не делся он, трактор. Засосало его. За одну ночь. Бесследно.

— Яма, что ли, была под ним? — спросили у спеца трактористы.

— Никакой ямы.

— Земля тут слабенькая такая?

— Нет, крепче камня! — ответил спец и потопал ногой по высохшей на утреннем солнышке земле...

— А что же это?

— Мирзачуль...»

Глава одиннадцатая

ЦВЕТОК ХЛОПКА

Нормат-ака привык и любил просыпаться до рассвета. Всю жизнь он прожил как сельский труженик, который, как известно, солнце встречает в поле. И так в весеннюю алмазную прохладу, и в погожую летнюю пору, и холодной сырой зимой... Не говоря уже о белой осени, когда солнце белое, и небо белое будто отражают цвет созревшего хлопка, когда уборка, когда страда!

Одна привычка порождает другую. И он, заботливый семьянин и муж, привык к тому, что раздевался в коридоре, размещал на вешалке пиджак и брюки, рубаху и даже галстук, чтобы утречком, если можно назвать утречком часов пять, а то и чуть раньше, плотно прикрыть дверь в комнату и одеться здесь, никого не беспокоя, никому не мешая... Особенно с годами Нормат-ака следил за этим строго... Старики — они ведь любят и покашлять, и позевать с хрипом, со стоном, всласть...

Хорошо просыпаться рано!

Смотришь, как рождается день, как лучи вырываются взврос из-за края земли и все оживает, подает голоса, но самыми первыми — птицы, как будто раньше всех видят солнце и раньше всех вылетают из своих гнезд, чтобы встретить его песнями.

Ах, сколько птиц появилось в Мирзачуле!

Нормат-ака помнит те времена, когда на этой земле жили, кажется, только черепахи. А птицы — ну, разве степной орел залетит и покружится в высоте... И растает там... А сейчас появились горлинки — первый знак жизни. Если горлинка заворковала, будто водой забулькала, чисто и нежно, значит, жизнь пошла! Угнездились горлинки — угнездилась жизнь, скоро и воробьи пожалуют...

Он сказал это Азизу Латипову недавно, когда был у него в тридцать втором совхозе. Нравился ему этот молодой человек, сын давнего друга. Нормат-ака старался использовать любую возможность, чтобы навесить его. Какое утро было тогда, когда впервые он услышал, как заворковали горлинки в совхозе «Султан Джура»! Ясное, голубое... В то утро он, старый, оделся в светло-серый костюм, чтобы выглядеть помоложе. Новую рубаху надел, новые туфли, новый галстук. А что? Весной все обновляется! На цыпочках подошел к зеркалу, поставленному в коридоре, — увидел высоко-го, чуть ли не до потолка, честно говоря, немного полноватого человека. На груди блестела Золотая звезда. Великан улыбнулся ему, будто говоря: «Это не я, это ты!»

Майли, ладно! Нормат-ака тоже улыбнулся великану и надел на голову шляпу. Весна так весна!

Шофер, увидев его, застегнул воротничок, поздоровался и осведомился, куда путь держать?

— В «Султан Джуру».

— Хоп.

Белая «Волга» мягко покатила по асфальту... Все было безмятежно. Краснела восточная сторона неба. Ласково звучала музыка из приемника, включенного шофером. Доброе, прямо-таки праздничное настроение Нормата-ака укрепилось, когда пошли с Азизом вдоль хлопковых полей...

Пройдет еще полтора месяца, и хорошо напоенный и вскормленный хлопчатник окрепнет и зацветет. Да как зацветет! Белыми, розовыми, сиреневатыми цветами покроются кусты. Меняя окраску, они повторяют все многообразие солнечного спектра, впитывают его. Можете говорить что угодно, а он, Нормат-ака, знает, что на всей земле нет цветка красивее, чем у хлопчат-

ника. Может быть, поэтому цветок хлопчатника требует у человека столько сил, сколько не требует никакой другой, чтобы расцвести и дать свой плод?

Эх, был бы он поэтом, непременно написал бы стихи об этом цветке. О труде и радости дехканина-земледедца. О тишине, в которой стоит он на восходе солнца возле цветущего поля, замерев на миг от восторга перед этим зрелищем!.. Ведь настоящий крестьянин в душе всегда поэт.

Они с Азизом обходили поля, а к ним пристраивались, менялись разные люди, чаще — молодые. Запомнился симпатичный бригадир Тургунали, который «дома» тоже был хлопкоробом. Первые месяцы, а то и первые годы мирзачульцы продолжали называть домом места, откуда приехали, жили двумя домами — там и здесь... Там — воспоминания, здесь — будущее.

— Как «дома»? — спросил Нормат-ака. — Какие были успехи?

— В прошлом году взяли по сорок центнеров с га.

— А в этом году как, здесь?

— Даст аллах, возьмем по тридцать.

— А ты с ним хорошо знаком? Он добрый? — серьезно спросил Нормат-ака.

— Да, — так же серьезно ответил парень, — он мне обещал.

Оба не выдержали и рассмеялись.

— Все от нас самих зависит, — сказал Нормат-ака, — от наших глаз и рук. Ну, и голов, конечно. Глаза смотрят, голова соображает, руки делают... Выходы прекрасные, загляденье, а земля эта щедрее бога и щедрее старой земли... Она молодая, она еще не рожала. Поверь мне на слово, я не в порядке агитации говорю, поверь моему опыту... Я старый... А тебе сколько лет?

— Двадцать третий разменял.

— Женат?

— Женился после возвращения из армии, жена — Якутай, механик-водитель «голубого корабля» — сейчас увидите ее на полевом стане...

— Дети есть?

— Сын растет.

— Ай, молодец! Какой молодец! — восхитился Нормат-ака. — А то у нас в совхозе некоторым за трид-

цать, а они все еще без жен и детей ухитряются существовать! Не так ли, Азизбай?

Азиз вздохнул и улыбнулся за компанию.

Нормат-ака обежал глазами его ладную, широкоплечую фигуру, хотел еще пошутить, что такой джигит пропадает, но не стал, передумал. Что-то грустное удержало его... Ладный джигит, а старая гимнастерка, вытертая тубетейка, будто махнул на себя рукой... Ладно, в другой раз поговорим, сейчас — народ.

На плевом стане шустрая молодуха с родинкой на щеке угостила чаем. Это и была Якутай.

— Какая у тебя машина, доченька? — спросил Нормат-ака.

— Двухрядная.

— Сколько же соберешь на ней?

— Не меньше трехсот тонн, думаю.

— Как так! — весело удивился Нормат-ака. — Одна справишься с урожаем всей бригады? Ведь у вас две машины!

— И второй останется, — сказала Якутай. — Если снимем по сорок центнеров с гектара, то всего...

— Ах, по сорок! — перебил Нормат-ака. — Мне твой муж сказал, что по тридцать... Я не так посчитал. Извини. Вы уж дома договоритесь, все-таки — семья... Мы стараемся не допускать семейных разногласий! Ни-ни!

— Хорошо, райком-бобо! — пообещала Якутай.

— Молодцы!

Было радостно, весело... Поля чистые, красивые, жизнелюбивые, все в них играло, отзывалось — молодость, серьезный намек, шутка... Было хорошо, светло...

А теперь?

Град пронесся, прогремел полосой, главным образом над полями тридцать второго совхоза, у Азиза Латипова. Могли пострадать поля и соседнего, тридцать третьего, и даже наверняка пострадали, но это уже другой район, пока на него, честно признаться, не хватало душевной боли, сердце разрывалось и так! Думалось, как и чем помочь, что сказать людям...

Нормат-ака прикатил на поля «Султана Джуры» таким же ранним утром, в тот же ранний час, на той же белой «Волге», а все было другим... И вокруг, и внутри, как он говорил в таких случаях, под ребрами...

Добрая половина молодых ростков, безмятежно зеленевших вчера, обещавших окрепнуть и зацвести, полегла, чтобы не выпрямиться, не подняться... Поля были усыпаны листьями, потерявшими связь с землей и теряющими свою свежесть, свой дарованный природой цвет... Они безжизненно вяли. Ненадолго даровала она им весеннюю силу, силу жизни... Град сбил листья беспощадно, как бритвой, посрезал их. Вместо нарядных пышных кустов, которые Нормат-ака хвалил недавно, стояли голые крысиные хвосты... Был бы суевренным, сказал бы себе — сглазил! Поплывать бы на себя, оттянув воротник рубахи, тогда, тем утром... Не помогло бы! Это все она, Голодная степь... Мирзачуль, Мирзачуль... Это его сюрпризы...

Во многих местах не только пошибало беззащитные листья, но и перебило хрупкие стебли, ливневой водой их отшвырнуло, отнесло от корней, сгребло в мягкие мятые горки, словно в мусорные кучи... Мирзачуль, Мирзачуль...

Нормат-ака оторвал глаза от печальных полей, над которыми словно бы не злая непогода пробушевала, а справила свой пир стая дикой саранчи, если представить себе злачные поля после ее неотвратимого налета, и посмотрел на людей, собравшихся вокруг. Те же люди... Вон Тургунали... Вон Якутай, она плачет... Вот Азиз... Зубы стиснуты, губы сжаты... Все бледны — от горя и бессонной ночи. Под глазами синяки — да, они не спали, а что могли они сделать? Ни-че-го! Ладонями не прикроешь землю от града, полотно на десятки степных гектаров не натянешь... Ни-че-го! Горе!

Все же Нормат-ака нашел в себе силы и улыбнулся:

— Вот такой подарок преподнес нам аллах, Тургунали, твой хороший знакомый! А еще хвастал, что у тебя с ним добрые отношения.

Голос его звучал глухо, но это был живой голос в страшные минуты, когда казалось, что все убито. Это говорила живая душа... И люди повернулись к ней — все головы, все лица...

— Я еще не знаю, что делать, дорогие мои. До сих пор с такою бедой боролись одним способом... Пересеивали хлопок... Да, пахали и заново сеяли!

— Но ведь половина кустов стоит! Они целые! — вырвалось у Азиза. — И града может больше не быть!

— Даже без сомнений, не будет! — согласился Нормат-ака. — Мирзачуль, как джинн, на все способен, но и для него это редкость! Однако половина есть половина... А где-то и меньше половины... Мы же обещали — тридцать центнеров с гектара, а Якутай замахнулась и на сорок! Так, Якутай?

Будто бы постаревшая на несколько лет Якутай тряхнула головой, и слезы сорвались с ее подбородка.

А Нормат-ака говорил:

— Нам предстоит бороться не только со стихийным бедствием. Дело в том, что люди ополчатся против Мирзачуля, против этой земли. Скажут, она несчастливая, потому что безродная, такая и сякая, Голодная степь! А это неправда! Вот с чем нам предстоит бороться... Вот ради чего... И эта победа на много лет! Навсегда... Запомните, про жизнь можно сказать, что она сложная штука, очень сложная... А можно сказать — простая, потому что вся жизнь — это борьба за правду. Трудная, жестокая порой, но — за правду! Зацветет наш хлопок. Небывало зацветет! И это будет наша правда о Мирзачуле.

Он отвернулся от пострадавших полей, зашагал, обнял по пути Азиза и увел с собой.

— Где тебя застала эта гроза?

— Почти дома...

— Почему — почти?

— Я возвращался из Янгиера...

— К женщине ездил? — шутливо спросил Нормат-ака и потрепал его по плечу.

— Да, к женщине, — ответил ему Азиз так серьезно, что Нормат-ака озадаченно закашлялся. — Я не видел ее шесть лет. И вдруг узнал, что она в Янгиере... И поехал... И увидел...

— Понятно, — сказал Нормат-ака.

Ему, действительно, многое становилось понятней. Если не многое, то кое-что...

— Значит, с тех пор на ногах?

— Да.

— Было время подумать... Какие мысли?

— Я еще не продумал до конца. Не посоветовался с людьми... Разрешите не говорить пока, додумать?

— Ну что ж, думай... На крыльях любви совершался не один подвиг. Вечером жду тебя.

Случилось такое, страшнее чего и придумать было нельзя. Поля, его поля, которым он без остатка отдавал все свои силы, задолго до света поднимая людей на ноги и вывозя на вспаханные, засеянные, зазеленевшие просторы, отвоеванные у Мирзачуля, чтобы холить дальше, расчищать, поливать, кормить, его поля выглядели теперь, точно по ним прошли дьяволы, у которых слоновьи туши, изуродовали, искромсали, вытоптали...

Ахмаджан чувствовал себя так, будто они прошли по его сердцу.

В райкоме ему сказали, чтобы он срочно готовил технику к пересеву хлопчатника и поднимал на это народ. Никакой паники, она — худший враг. Работать, работать!

Готовь технику... Смешно! Кто ждал, что сейчас техника может потребоваться для сплошного пересева, для начала с нуля? Она находилась в таком состоянии, что хоть не смотри... А что он может сказать людям? Приунывшим, на все отвечающим горькими вздохами...

Раньше он знал, что говорить — в жизни крестьянина не бывает счета часам. Если крестьянин любит землю — он не уйдет с нее, пока не закончит всех дел, потому что душа его не успокоится. Спозаранку и до темна в поле — вот и вся тайна крестьянской жизни, именуемая возвышенно тайной земли. Впереди был урожай и все связанные с ним радости... Его личная победа. Ахмаджана. А теперь?

Без паники! Но он запаниковал сам...

Он был уверен, что урожай ответит на все вопросы, белым ураганом заметет, закроет недостатки и недочеты первого года... Да они и сами, эти недостатки, рядом с высотой белых гор на хирманах покажутся крохотными, осядут, растают... Забудутся. Он как бы разложил все свои заботы на две чаши весов и не сомневался: урожай перетянет! А теперь?

Строительство! Вот куда надо было перекинуть всю страсть и энергию... Это было реально. А урожай...

В то утро, когда Ахмаджан со всей очевидностью

понял это и нашел, как ему показалось, единственное, самой жизнью подсказанное верное решение, прикатил Азиз. Чего только он не наговорил, сумасброд!

В его колхозе надумали не пересеивать хлопчатник, а подсеять на изреженных участках вместо выбитого другой. Подсеять? Как? А вот — доморощенные мудрецы-конструкторы из местных механизаторов перестроили приспособление, которое обычно используют для подкормки растений во время их развития... Уже попробовали — семена ложатся на точном расстоянии, ровно, вторым, смежным с живыми ростками рядом...

— Приезжай со своими людьми, посмотри.

— Для чего это все? — с унылой безнадежностью спросил Ахмаджан. — Я не понимаю...

— Как? — не понял и Азиз. — Что ты говоришь? Обойдемся без перепашки — это во-первых...

— Будете подсеивать новое, до конца погубите старое! — засмеялся Ахмаджан. — Повредите корни... Невозможно не задеть!

— Постараемся поаккуратней.

— И не старайтесь! Чепуха! Чепуха какая-то! — разозлился Ахмаджан. — Погубите то, что пожалела, пощадила эта проклятая природа! Не пощадила, а не смогла погубить! Вы поможете ей. Авантюра!

— А что ты будешь делать?

— Что сумеем, перепашем, посеем заново... А что нет — стихия!

— Я уверен в своей идее, — настаивал Азиз. — Подумай!

— Ах, это твоя идея? — осклабился Ахмаджан. — И ты меня хочешь подключить, кандидат, чтобы потом ответить вместе? Хитро!

— Я приехал помочь тебе, — встав, сказал Азиз. — А ты... жаль!

— Хороша помощь! Помочь сломать голову!

— Прощай!

— Желаю тебе удачи! — насмешливо крикнул Ахмаджан ему вслед.

И, довольный, что сумел раскусить хитрый соблазн соседа, что не поддался ему, подхватил пиджак со спинки стула, натянул на ходу и вышел, чтобы сесть в «Жигули» и мчаться в поле. Его перехватила Дилдор, следом выбежавшая из дома:

— Куда, директор?
— В бригаду Ханкельдыевой.
— Очень кстати. Захватишь и меня.
— А тебе что там?— спросил Ахмаджан с досадой.

— Как? Я думала, и вы едете обеспокоенный... Уже узнали...

— Что?— закричал Ахмаджан.

— Не кричи хоть на меня!— попросила она измученным голосом.

Она говорила с ним на «ты» в двух случаях — в минуты искренней близости, как было только что, когда она сказала «Захватишь и меня», и в минуты разлада, когда сердилась, а это, увы, случилось гораздо чаще.

— Что я должен был узнать?

— Ханкельдыева заболела. Приезжал шофер на грузовике, сказал — вся горит, бредит...

— Дома?

— Нет, у себя на участке.

— Вот еще напасть! Еще одна радость! Что же это может быть такое?

— Скорее всего, сильная простуда. Очень сильная, злая. Стояла тогда несколько часов в грозу, под градом. Ревела и не думала о себе. Вот и все.

— Ну, если все, то быстро поправится, наверно?

— Нет, может поболеть! Может быть и воспаление легких...

Ахмаджан впервые выругался при жене.

Ханкельдыева была бригадиром. Недавний механик-водитель из-под Андижана, она приехала сюда работать не за страх, а за совесть. Не просто с комсомольским задором, а с сознанием своей ответственности. И он назначил ее бригадиром. Она, кажется, была единственной, на кого ни разу не повысил голоса, потому что все она делала тихо и как надо, слушалась его без возражений! А это он считал самым главным в хороших отношениях.

И вот — на тебе! Подвела!

Что же ты так подвела, Ханкельдыева?

Едва приехали на полевой стан, где еще не было ничего, кроме большой палатки и грязи, тоже большой, потому что земля набрала в себя так много воды, что не могла сразу просохнуть, Ахмаджан спросил:

— Где она?

Ему показали на палатку, и он побежал туда, и почти тотчас донесся оттуда его голос:

— Как же ты могла? Какой толк был стоять всю ночь под дождем, под градом? А? Достоялась! Нет, с вами голову...

Дилдор попросила его сейчас же уйти.

— Прекратите! Она все равно ничего не слышит, не понимает.

В самом деле, у нее была опасно высокая температура, но когда ее вынесли и усадили в «Жигули», она вдруг пришла в себя и спросила:

— Куда меня, доктор?

— В больницу.

— А как же хлопок?

— Правильно! — подхватил Ахмаджан. — Умница!

Но Дилдор коснулась ее руки и повторила:

— В больницу. Будет здоровье, будет и хлопок.

Из района вызвали машину «скорой помощи», и в ожидании ее Ахмаджан спросил у жены:

— Нельзя ли лечить лучшего бригадира дома?

— Если бы построили больницу, было бы где и дома лечить. А сейчас — нигде.

Ахмаджан вздохнул протяжно, но сказал одно слово:

— Построим.

А Дилдор покосилась на него в недоумении: никогда не угадаешь, раскричится он или улыбнется.

В машине им мешала Ханкельдыева, в конторе — другие люди, и они невольно вернулись к начатому разговору дома, за коротким обедом, Дилдор — для того, чтобы напомнить ему об этом «построим», поблагодарить и сказать, что вот же может он быть другим, понимающим людей и нужду, Ахмаджан, наоборот, чтобы обвинить жену в нежелании поддержать его, вылечить эту Ханкельдыеву здесь, у нее же есть комната, правда, там еще две девушки, но все можно было устроить, даже новую квартиру дать больной, в двухэтажном доме, который вот-вот закончат.

— Ты воспользовалась этой ситуацией с Ханкельдыевой, чтобы упрекнуть меня... «Если бы построили больницу!..» Где ты видела уже готовые больницы в новых поселках?

— У Азиза Латипова.

— Что-о?

— У Азиза.

— Ты была там?

— Да, была.

— Та-ак... А почему я не знаю? Почему я ничего не знаю об этом интереснейшем происшествии?

— Потому что не успела сказать... Днем поехала, а вечером — гроза... Тебе самому было не до меня. А потом — неужели я должна отчитываться перед тобой в каждом своем поступке, в каждом шаге?

— Должна! — Он погрозил ей пальцем. — Еще как должна!

— Даже если это связано со службой?

— Ах, у тебя в тридцать втором совхозе только служебные интересы и служебные дела? — язвительно спросил он и стукнул кулаком по столу.

— Пигмей! — сказала она и встала из-за стола.

— Что-о?

— Прости... Я хотела сказать, что ты ведешь себя, как ничтожество, как пигмей! Но ты ведь не такой, Ахмаджан? Я не могла в тебе ошибиться!

Она прижалась лбом к оконному стеклу и стала вытирать слезы. Он молчал. Долгая тишина тянулась в комнате. Наконец Дилдор почувствовала, как его рука легла ей на голову и несмело провела по волосам дважды. Оказывается, он давно подошел и стоял рядом.

Она рывком повернулась к нему.

— Видишь, ты же хороший!.. Почему же люди не любят тебя?!

— Где?

— У нас в совхозе... Не понимают... Опасаются...

— Мне трудно, — сказал он, подумав. — Я ведь новичок, а не бывалый руководитель... Люди — чужие. А ты почему не помогаешь? В колхозе председателя, Умара-ака, отправила в больницу, в самый тяжкий момент... Здесь — лучшего бригадира Ханкельдыеву... Я не могу один работать за всех!

— Умар-ака при смерти, — сказала Дилдор, подняв на мужа глаза. — Я получила сегодня два письма... от сестры колхозной поликлиники... и от сына Умара-ака. Нет надежды, что он поднимется... Вот.

Ахмаджан закурил.

— Что сделаешь? — обронил он печально. — Такова жизнь, как говорят французы. Придет час, и наши дети кому-то сообщат такое о нас...

— У нас и детей нет еще...

— Да, — жестко сказал Ахмаджан. — Детей нет... Есть одни ожидания... Ну, ладно! До сих пор главным был урожай, люди сердились, что я их не отпускаю с поля, а я...

— Урожай — это люди, — сказала Дилдор.

— А теперь я займусь строительством. Я налягу, наверстаю. Это будет лучший поселок в Мирзачуле! Вот увидишь!

— И строительство — тоже люди. А почему ты сказал про урожай — был?

Он усмехнулся, так что плечи подпрыгнули.

— Вряд ли что-нибудь удастся сделать в этом году... Сегодня ко мне приезжал Азиз Латипов, кандидат наук, гений хлопководства. Предлагал мне, чтобы я подхватил его глупость.

— Какую?

— А, ты все равно не поймешь! Важно, что я быстро раскусил его и выпроводил.

— А если ты не прав?

— Ну, знаешь! — снова вспыхнул Ахмаджан. — Еще ты будешь учить меня уму-разуму! Без тебя есть кому. Хватит!

И ушел, не закрыв за собой дверь, чтобы не получилось слишком громко. Останься он хоть на миг, опять бы сорвался, накричал.

И что это такое? Он действительно кричал на людей. Нервы? А может быть, нельзя было руководить без крика? Вот строительство... не досмотрел, не докричал, и плохо дело. Больницы нет... Самому известно, что это плохо, но как же не кричать?

...Сегодня он проснулся в поту. Голова болела, словно разламывалась. Страшный сон лишил его короткого ночного отдыха. Дилдор стояла на зеленом поле и кричала: «Если не справляетесь с обязанностями, сложите оружие! Какой вы директор? Пигмей! Пигмей!»

Фу ты! Ну и сон! Мысли путались... Он никак не мог сообразить, где находится. Вздохнул поглубже,

еще минуту полежал с закрытыми глазами и глянул в окно... Окно было почему-то очень большим и находилось очень близко, у самой кровати.

Ахмаджан вспомнил все сразу. Вчера он пришел поздно, за полночь, совещались, курили. Наглотался папиросного дыма. Дилдор спала, оставив ужин на плите в кухне, тщательно обернув его махровыми полотенцами. Он не стал разворачивать, не хотелось не только есть, но даже думать о еде. Напился досыта холодной воды из крана — и ладно. Желудок решил не тревожить, вышел на балкон, превращенный в веранду, стащил с себя сапоги и растянулся на койке.

Сейчас глянул на ручные часы, которые ночью забыл снять. Так и спал с ними. Половина восьмого. Для директора мирзачульского совхоза поздновато. А вскочить — нет сил... Зевает... И не сладко, а скорее горько — от слабости...

За стеклом балкона-веранды плывут свинцовые тучи, между ними иногда выглядывает диск солнца, красный, как при затмении. А тучи похожи на те, что принесли град, памятный майский град! Но это уже другие тучи, на дворе — сентябрь...

Сентябрь, а уборку хлопка еще не начали. Да она и не обещает ничего хорошего, давно ясно, что никакой славы не будет, зато школу построили и открыли вовремя, неделю назад... Дети нового мирзачульского совхоза пошли в школу, заниматься... Сентябрь! Как беспощадно, как быстро все же течет время, это время, главный людской враг.

И тут же вспомнилось, что школу открыли, а больницу еще не закончили. Из-за этого часто были стычки с Дилдор, но нельзя же все сразу! Хотя ему самому сегодня, кажется, понадобится больница.

Саттар-ака из заместителя по строительству превратился в простого экспедитора, то исчезает на день, чтобы вернуться с машиной кирпича, то ищет мастеров, дальше у него руки не доходят... Или ему, бедняге, надо экспедитора найти или искать себе нового зама, а его сделать экспедитором, благо, что знает все маршруты...

Пока «гнали» школу, Дилдор сама облачалась в комбинезон и работала с малярами. Это, правда, торопило строителей, действовало им на совесть, прибавля-

ло прыти, но ему, в конце концов, пришлось предупредить Дилдор и круто:

— Больше не подходи к стройке!

— Почему? Я врач и хочу, чтобы и школа, и больница...

— Не срами меня!

Она никак не могла взять в толк, чем она срамит своего мужа, если работает на стройке, когда есть свободных два-три часа...

А едва высохла краска на стенах двух комнат, Дилдор с помощью сестры и санитарки, принятых ею на работу, навела там порядок и стала принимать в них больных под вывеской «Поликлиника». Правда, еще картонной, но все же вывеской. Приехавший из района инспектор здравоохранения сердился, что поликлиника работает в незаконченном здании, и грозил закрыть, но Дилдор довольно грубо сказала ему:

— Лучше помогите закончить строительство здания! — и послала к директору.

И что ей больше всех надо, Дилдор? Что за корысть, как говорится? А есть ли бескорыстные люди? Нет, наверно... Впрочем...

Вдруг вспомнился далекий сад Рахима-бобо и сам старик, не взявший ни с него, ни с Азиза ни копейки за то, что они прожили у него несколько недель...

Дед считал, что если ему помогут работать в саду, то этого достаточно...

Вспомнился дед, вспомнилась музыка чигирия, трудолюбивого колеса с черпалками, и стало грустно... Как было тогда все светло, ясно, впереди рисовались только удачи. Жизнь идет и проходит. Иные говорят — незаметно, а он, Ахмаджан, замечал. Может быть, зря предупреждали его, как быстротечно время — единственное, что не останавливается никогда, в дни радости и в дни горя, оно идет... Равнодушно и безучастно, оно идет... И проходит безвозвратно. Что не успел, то уже не поправишь...

Лучше бы не следить за этим.

Но, может быть, если его нельзя терять, то нельзя и обгонять, как он пытался все эти годы изо всех сил?

Поскольку он не мог ответить себе на этот вопрос, Ахмаджан поднялся. Потянулся... Нет, на зарядку не хватало сил. Аллах с ней! Лучше долго, до охлажде-

ния, подержать голову под краном. Лето было злойное, выпарило, высушило и людей, и поля. А телерь опять ползли свинцовые тучи... Сентябрь!

В доме — тихо... Дилдор давно ушла. Ее красные тапки — под диваном, будто бы она не разбирала постель, тут же уснула и отсюда ушла на работу. Ох, жизнь!

В кухне он нашел завтрак, завернутый в свежую салфетку, но не стал разворачивать, как и вчерашний ужин, а согрел и выпил чаю, иронически заметив про себя: «Ни тебе блаженства во сне, ни тебе сладости в еде». В висках беспощадно стучало. Он задумался — когда они хоть чай-то пили вместе с женой? Давно! И вдруг подумалось, что он понял, в чем дело, отчего так худо на душе. «Когда дома нет согласия, все стальное — результат этого». Но ведь он любил Дилдор. Ему так захотелось увидеть ее сейчас же, что он быстро зашнуровал ботинки, выбежал из дома и зашагал к поликлинике. К ней можно было безошибочно пробежать по пыльным улицам с закрытыми глазами — кровельщики на весь поселок лязгали там железом. Их деревянные молотки, казалось, стучали даже не на весь поселок, а на весь Мирзачуль!

На скамейке у здания будущей больницы, где приткнулась нынешняя поликлиника, сидело довольно много народа: бородатый, внушительного вида старик, русская женщина с девчушкой, у которой распухшая щека была обвязана пуховым платком, круглоголовый мальчишка... Больные? Все к Дилдор?

Впервые он подумал, что она врач. И о том, как много значит для людей ее работа, как важна, необходима для всех них его Дилдор! Острое, мучительное чувство — он не знал, как назвать его — пронзило все существо. Это была тоска... Это была признательность... Это была любовь, умноженная на гордость за нее.

Может быть, он помешает ей?

Но все-таки он муж, и к тому же дико стучит в висках... Он тоже болен.

Сестра с миловидным лицом кипятила шприцы в стальной, блестящей посуде, за дверью, которую он открыл.

— Дилдор у себя?

— У себя, товарищ директор. Вы присядьте, пожалуйста. У нее на приеме больной.

В окно, около которого он присел в коридоре, было видно, как у школы гоняет детвора. Наверное, перемена... Быть бы малышом, как они, побегать бы там, поноситься беззаботно, улыбаясь, он стал вспоминать свои перемены, когда из-за двери выглянула Дилдор.

— Здравствуй,— сурово сказала она.— С чем ты?

Он улыбнулся и ответил:

— Заболел.

Она чуть заметно изменилась в лице:

— Заходи, пожалуйста.

Пока она мыла и вытирала руки, он любовался ею, сидя в ее кабинете, у стола, с которого свисал узкий шланг аппарата для измерения давления. Она повесила полотенце, подошла и спросила:

— Много выпил, что ли, вчера?

С некоторых пор он позволял себе это, даже держал бутылочку в своем рабочем столе — для одного себя. Отрываешься, забываешься... Можно ли все время думать о делах, о жизни? Глоток для души, это как школьная перемена...

— Что ты, совсем нет!— И спросил, беря себя в руки: — Откуда ты взяла, что я балуюсь? Приснилось?

— Покажи язык!— жестко приказала Дилдор вместо ответа.— Раздевайся...— И все же в ней заговорила жена, когда она заметила: — Рубашка у тебя не свежая... Все чистые и выглаженные рубашки висят в бельевом шкафу.

Он пришел мириться и ждал минуты, чтобы она смягчилась. Но как раз тут и не нашлось какого-то одного, самого простого и нужного слова, а она уже казенным голосом спрашивала.

— Как стул?

И он рассмеялся легко и добродушно:

— Ты спроси лучше, как постель?

— Как сон?— тем же тоном спросила она.

— Никак!— ответил он, чувствуя, что сейчас взорвется.

Она открыла шкаф с белым матовым стеклом, похожий на сейф, достала коричневый флакон и протянула ему.

— Вот, будешь пить... по тридцать капель... Должно помочь. Пить утром и вечером...

Он повертел флакон в руках. «Экстракт эллеутерококка»... Какое мудреное название, и не прочтешь сразу. И еще раз с удивлением посмотрел на Дилдор — знает же.

— Все?

— Пока все,— ответила она.

— Дай мне лучше обыкновенных таблеток от головной боли!

Надо было ехать к механизаторам, смотреть, как они готовят комбайны к выходу в поле. Вчера он не застал одного ремонтника на месте и обещал оторвать ему голову. Посмотрим, как сегодня у них дела. И если потребуется, действительно, поотрывает головы. Всем! Со дня на день должна начаться уборка. Машины выйдут, но главная надежда на людей... да, увы на ручной труд... Созревание позднее, неравномерное... морока! Хоть бы приехало горожан побольше! Из райкома обещали — пострадавшему хозяйству должны помочь.

Он со стуком поставил злосчастный пузырек с настойкой этого самого эллеу... как его... на стол и спросил, еле удерживаясь от крика:

— Есть тройчатка?

Дилдор положила перед ним таблетки.

Он схватил их и выскочил из кабинета, не сказав больше ни слова.

Глава тринадцатая

МАТЬ

Так же, как знойный ветер сушит живое дерево, сердце матери изводит горемычная жизнь детей, раньше времени превращая осень в зиму. Люди, которые год назад хвалили тетушку Мехри за бодрый вид, сейчас не могли узнать ее. Она всегда целыми днями не присаживалась, работала, хлопотала и все же была и подвижной, и веселой.

Но горе дочери состарило ее.

Прошлой осенью, когда выяснилось, что дочь не

доехала до мужа, пропала вместе с маленьким сыном без вести, Азам-ферма мучил и допрашивал жену бесконечно. Она уверяла, что сама ничего не знала и не знает, достаточно посмотреть на нее, чтобы поверить в это, а он не сомневался, что это Мехри уговорила дочку бежать, скрывает их где-то, и требовал немедленно сообщить им, чтобы они возвращались в Шахристан.

Допрашивал он и шофера. Тот твердил, что Нафиса с сыном сошла в Шахристане, объявила, что пойдет домой пешком, а куда они потом исчезли — неизвестно. Откуда ему знать! При последнем разговоре с шофером Азам-ферма схватил палку...

Но, как водится от века, палка в таких случаях ломается на голове жены.

Так началось со дня, когда Азам встретил на уратепинском рынке своего зятя Карима и услышал от него, что Нафисы нет дома. Карим думал, будто Нафиса задержалась у родителей, а узнав, что она провела в Фирузе всего одну ночь и теперь невесть где, тоже пришел в бешенство.

Мехри плакала. Новые морщины пролегли по ее лицу, согнулись плечи, точно она стала ниже ростом. Глаза выцвели, в них остался один слезный туман, и похудела до того жуткого вида, про который говорят: кожа да кости.

Мехри сама разговаривала с шофером и, когда он сказал, что дочь с внуком вылезли из машины около реки, запричитала: утонули! Стали искать через милицию, окрестные больницы объездили, и все без толку. Азам-ферма, исподволь поверив, что жена ничего не знает, стал ее успокаивать: не прошлые века — всюду люди, милиция, телефоны, так сказать, служба связи, вполне совершенная, помимо родственников, а человек — не иголка, способная потеряться в стоге сена... Найдется Нафиса! Станный он — Азам-ферма. Может вздохнуть и пожалеть, а то ведь кажется совсем бесчеловечным!

Мы с тобой, дорогой читатель, можем согласиться с тетушкой Назирой и осудить Нафису за то, что она не пощадила мать, не сообщила ей о себе, не известила хотя бы об одном: я жива и здорова. Но попробуем понять и молодую женщину, у которой так началась жизнь и которая отважилась изменить ее, выправить—

сама, одна. И дело совсем не в том, что где-то в глубине души она ожесточилась против всех людей, не только против Азиза. А в том, что боялась не устоять, уступить слезам матери, боялась, что ее разыщет Карим, узнает адрес у тещи или Азама-фермы, который если не выведает этого адреса у жены, так выбьет... А придет в Янгир Карим? Тогда что? Все начнется сначала... Все зря... Нет, уж лучше молчать. Рвать так рвать...

Между тем, до Фируза дошли новые слухи, что Карим снят с работы и даже исключен из партии. И опять взревел, забушевал, как бык, приутихший было Азам-ферма.

— Твоя несчастная доченька всех сделала несчастными!

Будто это не его доченька и будто не с него началось несчастье Нафисы. «Бедная наша Нафисой!» — думала мать днем и ночью и таяла, как свеча.

А на пороге Фируза в ту пору уже стояла весна.

Здесь, в горах, она бывает тревожной. Нынешняя весна грозила быть такой — лили дожди, блистали молнии. По всему чувствовалось, что где-то в горах, подсебно пороху в бочке, накапливается сель — страшный поток с камнями, который вдруг срывается с высоты и катит вниз, разрушая и сметая все на своем пути.

Вот уже три дня, как весь Фируз, подятыи правлением колхоза, пытался предупредить опасность. Рыли отводной канал для селевой воды, экскаваторы кивали длинными шеями, бульдозеры подкатывали к запрудам земляные валы, мастера вязали сипай — трехногие опоры, а машины и подводы, нагруженные камнями, галькой, прутьями, подвозили их к месту работы.

Фируз опустел.

Азама тоже не было дома, он поднялся в горы и там организовывал временную ферму, где бы мог на время села укрыться колхозный скот.

Тетя Мехри, с одной стороны, отдыхала от мужа, с другой — не могла найти себе места в одиночестве. Большой дом мог сравниться только с тюрьмой. А сад с пустыней.

Ах, если бы жила рядом соседка Нигор!

Но перед самой свадьбой Нафисы соседка, с которой они девочками знали и дружили, росли вместе, ука-

тила с сыном в степные края, куда-то в Мирзачуль. Как вспомнишь Азиза, так встает перед глазами и Нафиса. Как они подходили друг к другу! Так нет же... Не судьба! За что ты пошел против них, аллах?

А ты, Мехри? Тетушка Мехри спрашивала себя об этом и не могла ответить. За что она пошла против детей, против дочери и Азиза? Она всегда желала им счастья и даже сейчас мысленно называла детьми. Мало только желать счастья, за него нужно уметь и постоять, если приходится. А ты? Восстала против Азама? Правда ты и подчинилась ему для счастья дочери, как тебе казалось, но видишь, какое вышло это счастье? Мехри осуждала себя, не боясь этих мыслей — диких мыслей о том, что она должна была восстать против воли мужа. И от того, что думала она об этом без страха, другая мысль отчетливо прояснилась и поселилась в мозгу: это все, жизнь моя подходит к концу.

С этой мыслью, как тень, бродила она по саду, обламывая сухие веточки на деревьях, потому что тетя Мехри принадлежала к женщинам, которые и конец жизни встречают за работой. Вдруг раскрылась калитка, и во двор вплыла еще больше расплывшаяся Ханифа, жена табунщика, известная в Фирузе сваха.

— Кто есть дома? — на весь свет спросила она звонким голосом, будто запела. — Тетушка Мехри! Где вы?

Мехри молча вышла из-за деревьев. Седые пряди упали ей на глаза, но она и не поднимала их. Она и так узнала Ханифу, к которой не имела почтения — ведь эта Ханифа сосватала Нафису за Карима.

— А ну, выкладывайте подарочек! — улыбаясь всю свою толстую физиономию, потребовала Ханифа.

— За что? — И Мехри схватила ее за руку. — Доченька нашлась?

— Сначала подарочек несите! Открывайте сундук!

Ханифа повернулась и, качаясь на пудовых ногах, пошла к веранде. Но тетушка Мехри обогнала ее, зажгла свет на веранде и в комнате, свалила с сундука высокую стопу одеял и откинула крышку.

— Хоть она здорова? — спрашивала Мехри, роясь в сундуке.

Ханифа помалкивала.

— Вай, что вы там копаетесь? — крикнула наконец она.

И тетушка Мехри почти тут же приблизилась и положила на ее мягкое плечо кусок блестящего атласа.

— Вот тебе подарочек, дорогая Ханифабану, добрый атлас, достойный тебя, маргиланский. Говори!

Ханифа прижала атлас к груди.

— Живы и здоровы. И она, и Фируз. Так-то!

— Кто сказал? Кто принес тебе эту весть?

— Кто-кто! Конечно, ваш зять Карим! Хватит вам этого или хотите от него услышать сами?

— Хочу, хочу!— заторопилась Мехри.

— Идемте тогда,— ответила Ханифа, останавливаясь на ступеньках веранды.— Он вам тоже два словечка хочет сказать.

Мехри так и пошла за ней, как была, в старом платье, не потушив света ни в комнате, ни на веранде. Еле хватая воздух ртом, спотыкаясь о камни, спрашивая:

— Почему же Карим сразу не пришел к нам в дом?

— Потому что не хочет. Дочка ваша в райком написала. Дрянь!

— Сама написала?

— Еще хуже! Директор школы, где она работает, настроил донос! Вот как! Спелась, видать!

Мать только подумала: в школе работает, молодец, какая молодец... Но для вежливости спросила:

— А Карим как себя чувствует?

— Как?— возмутилась Ханифа.— Довела она золотого, можно сказать, человека до белой горячки!

Когда вошли они во двор табунщика, Мехри увидела Карима. Он лежал во дворе на супе. Развалился, облокотившись о две пуховые подушки. На низком столике перед ним чего только не было! И конская колбаса — казы, и холодная баранина, и капуста, соленые огурцы и, конечно, бутылка коньяку, уже опустошенная до половины.

Тетушке Мехри на все это было наплевать, пусть спивается.

Она смело подошла к Кариму и спросила:

— Где мои дети?

Карим пьяно поморщился и гаркнул, не вставая:

— Изменница твоя дочь!

Бывает так, что самый терпеливый человек не выдерживает больше и взрывается. Одной капли достаточно, чтобы переполнить чашу. Чуть-чуть стоит дотянуть

струну, и она лопнет. Что-то похожее случилось и с тетусшкой Мехри.

— А ну-ка, встань с места, негодяй!— ответила она.— Встань, когда говоришь с человеком постарше тебя! Ублюдук!

Карим довольно живо поднялся, сел и заворчал, поправляя сползающую на лоб тубетейку:

— О-о, не слишком ли!

И Ханифа тут же елеиным голосом обратилась к тетусшке Мехри:

— Простите Каримджана, он выпивши. Совсем малость... Садитесь, тетусшка Мехри, вот на этот стул, мягкий. А вы рассказывайте, Каримджан! Посмотрите, какой хан-атлас подарила мне тетусшка Мехри на радостях... Она рада! Рассказывайте, джигит!

Тетусшка Мехри понимала, что этот бессердечный «джигит» был причиной всех несчастий ее Нафисы, да и ее самой, но за одно слово о дочери она и его была готова щедро отблагодарить. Поэтому она замолчала и села, ожидаяще уставившись на Карима, как бы требуя взглядом: «Ну, выкладывай!»

Чувствуя, что теща все еще не на шутку сердится, Карим спрятал от нее глаза и раза два глотнул холодного чая из пиалушки.

— Где она?— спросила Мехри.

— В Янгире... Оказывается, не захотелось ей жить в устроенном доме, потянуло в степь!

— А работает она кем?

— Учительницей... В первой школе,— выдавил из себя Карим.

— Слава аллаху!— с облегчением вымолвила тетусшка Мехри, вздыхая, и попыталась встать.

— Сидите!— вскакивая, схватил ее за плечи Карим и так сильно придавил к стулу, что сейчас же сложил ладони козырьком и извинился.

— А чего мне сидеть? Только помешала вашей компании. Пойду...

— Нет!— Карим нервно забегал перед дверью.— Еще можно было помириться... Так ваша Нафиса попала под влияние какой-то язвы! Та письмо в райком накатала... Я послал деньги для сына, а Нафиса вернула квитанцию! Вот! Квитанция, видите? А меня с работы, из партии выгнали! Ну? Если бы не эта язва, эта дирек-

торша, накрытый котел остался бы накрытым! А теперь? В грязь меня превратили! Видите, что натворила ваша дочь?

Он еще что-то кричал, разоряясь о том, что ему плохо, проклиная Нафису, но тетушке Мехри было все равно, что с ним, она не радовалась и не огорчалась, не волновало ее и то, что он проводит время у Ханифы, недаром, видно, считавшейся в Фирузе кокеткой. Дочь и внук были живы и здоровы. Есть ли большее счастье? Она встала и направилась к двери, отстранив Карима рукой. Оглянулась на миг и посоветовала:

— Языку своему воли не давайте! Свалились с коня, а вам кажется, что все еще сидите в седле! И у нас не показывайтесь. Я вас не пущу. У города бывают ворота, а у ворот замок. Знайте!

Мехри пересекла веранду и пошла к калитке.

— Я поеду в Янгьер! Отниму у нее сына! — кричал вслед ей Карим.

А она думала: если может, пусть хоть землю перевернет вверх дном, а мальчика не получит! Не такая Нафиса, чтоб отдать ему сына. Как отдал ее самою Кариму родной отец. Эх, Азам, Азам! Не зря тебе дали кличку: Азам-ферма! Нет у тебя сердца, какое может быть сердце у фермы? Отдал дочку жулику и плянице, у которого деньги завелись... Выбрал жениха! А она не хочет отдавать ему жизни.

Мехри шла и понимала — Нафиса сделала то, что она сама сделать не смогла. Выпрямилась! Избавилась от грязной скотины.

Впервые за эти дни Мехри заметила весну. Горный воздух уже нес в себе ароматы трав и цветов, пусть еще робкие, но ощутимые. Улица была залита светом звезд, рассыпанных и блестящих в близком небе. И не хотелось больше ни думать, ни рассуждать о Кариме и Азаме-ферме.

Мехри перенеслась мыслями в Янгьер. Знакомое название... О аллах! Это же о нем по радио часто сообщали, когда Мехри еще вслушивалась в слова, доносившиеся из репродуктора. А что говорили? Что туда едет народ, что там строят и строят. Янгьер стал казаться ей самым хорошим городом на земле...

Ослабевшее сердце вынудило ее раза три останавливаться, пока она добралась до дома. Едва переступив

порог, она сразу же включила радио. Сейчас скажут о Янгиере! Час и два сидела возле репродуктора тетушка Мехри, но о Янгиере ничего не говорили, ни слова. И ей стало ясно, что не вынесет она своей тоски, бескрайнее желание видеть своих детей наполнило ее сердце, и она встала и начала собираться. Со слезами на глазах рылась она в сундуках и шкафах... Она же должна была явиться в Янгиер с какими-то подарками...

Азам в горах. Вернется на днях, а ее нет. Конечно, скандал он устроит такой, каких еще не было, что жена уехала без спроса. Но для Мехри теперь и это не имело никакого значения.

Ехать, ехать! Есть автобусы, есть железная дорога... Довезут! Голодная степь? Ну и что? Живут же там люди! Если и неправду говорили по радио про Янгиер, если приукрасили, какая разница? Ехать!

Наутро Мехри пораньше вышла из дома. На голове она несла объемистый узел. Быстрыми шагами направилась она в сторону большой дороги и была рада, что ее никто не встретил в кишлаке. Зато на дороге появилась большая машина... Сначала Мехри услышала шум грузовика и, конечно, испугалась, что это Азам-ферма догоняет ее. Сердце ушло в пятки. Мехри сошла на обочину дороги. А грузовик, нагруженный до самого неба сеном, прокатился мимо нее, и незнакомый шофер, должен быть, из соседнего колхоза, не обратил на старую женщину с узлом на голове никакого внимания.

Мехри шла, обливаясь потом, несмотря на прохладу. Рассвело, звезды гасли одна за другой, будто какой-то рачительный хозяин выключал их в небе, как электрические лампочки. И когда потухла последняя звезда, мать уже сидела у автобусной остановки на скамейке, устало облокотившись о свой узел.

На дороге долго было тихо. Мехри оглядывалась. Клочки облаков бесшумно двигались в небе, задевая за снежные вершины. Далеко-далеко, из-за черных камней, выглядывал кончик луны. И звезды, оказывается, не все погасли. Вон там... над вершиной.. под голубеющим куполом неба, взлетев, сияла утренняя звезда Зухра...

Легкий шум катящихся колес коснулся чуткого уха матери. Обернувшись, она стала всматриваться в

дорогу. Но там ничего не было видно, кроме глыбы темных камней, омытых дождями, потом возле них, на повороте высокой дороги, возникла машина, которая слишком медленно катилась вниз, будто парила, как орел парит кругами... И все же мать заранее вышла на середину шоссе и подняла руку.

Легковая машина подкатила и остановилась. Шофер, сидевший в ней, был весь в кожаном, как летчик. И тетушку Мехри это нисколько не удивило и не смутило, потому что до сих пор и машина была похожа на летательный аппарат.

Русский парень опустил стекло своей машины-самолета и спросил:

— Куда вам, мамаша?

— В Янгиер, сынок... В Янгиер,— повторяла тетушка Мехри, а он сидел и думал.

— Это ведь такси, мамаша,— сказал наконец шофер.— Знаете, что такое такси?

Тетушка Мехри быстро покивала головой.

— Дорого будет,— предупредил шофер.— Хотя и по счетчику, а не близко.

— Пусть, пусть,— говорила Мехри, взмахивая рукой.— Пусть!

— Ну, садитесь.

Шофер помог ей открыть дверь, потом вылез и уложил узел в багажник.

— Дочка у меня больна, ездил к другу в горы, за яблоками,— сказал шофер и тронул.

— Вы добрый человек,— сказала тетушка Мехри.— И аллах даст здоровья вашей дочке... А я дам яблоко,— и она протянула яблоко, которое приготовила для Фируза и держала поближе.— Самое горное, лучше нет...

Яблоко было крупное, багрово-алое, шофер взял его и поблагодарил.

— А моя дочь в Янгиере,— сказала Мехри.— И внук. Еду повидаться.

— Порадуетесь, мамаша.

— Откуда знаешь?

— Так я вот больную увидал, и то радостно. Всегда это радостно — увидеть свое чадо. Да еще внук... Жизнь такая быстрая, суетливая, крутишься, крутишься, а чтобы приехать, погостить, времени нет... Никак

не выберешься... Все планировал, планировал, откладывал, откладывал и дождался... И время нашлось.

Он улыбнулся и вздохнул одновременно.

То ли он хотел скрасить путешествие и все рассказывал о себе, своей работе и жизни, то ли просто давно не имел хорошего слушателя, которому некуда было торопиться, поскольку вместе ехали, а быстрее машины не побежишь, но дорогу Мехри перенесла без утомления. Думала, придет едва живая, а чувствовала себя помолодевшей. Большие дома поднялись в степи, по бокам от машины, и шофер сказал:

— Ну, вот и Янгиер.

— Это? Это Янгиер?

— Он самый...

Зеленые деревья, нарядные люди, весеннее солнце... А высоким домам не было конца...

Шофер остановился, опустил стекло, поговорил с прохожим. Поехали дальше.

— Найдешь, сынок? Не заблудишься?

— Не волнуйтесь, мамаша. Мы уже почти приехали.

Почти! Приехали! Мехри, казалось, услышала, как гулко застучало, заколотилось собственное сердце. Приехали!

А машина пересекла канал по мосту с ажурной белой оградой и замерла возле дома с табличкой: «Школа № 1».

Шофер сказал:

— Все.

Мехри полезла за деньгами, заковырялась, но шофер остановил ее:

— Потом, потом! Сейчас я помогу вам, все разужнаю и, может быть, еще подвезу. Сделали такой большой путь, одолеем и маленький.

Он вошел в школу и вскоре вернулся, жестом показав, что все в порядке. Дорога к дому Нафисы и впрямь оказалась маленькой, короткой...

...Перед дверью с номером, подсказанным шофером, Мехри замерла. Доносилась музыка: радио играло и пело. В эти звуки внезапно ворвался голос Нафисы:

— Мой руки, чертенок! И за стол! Сколько повторять?

И мать надавила на кнопку звонка.

Открыла дверь Нафиса, свет коридорной лампочки падал на нее сзади, и мать никак не могла рассмотреть лица. А может быть, от слез — они набежали сразу, и все затуманилось...

— Мама! — еле прошептала Нафиса и умолкла.

Ошеломленно стояли они — без слов, без движения. Мать вытерла глаза. Нафиса показалась ей непривычной, другой... Европейское платье обтягивало ее высокую и тонкую фигуру, две толстые косы были скручены на затылке. Как она повзрослела! Где девичье платье до пят, сорок косичек за плечами? Где они? Где амулет в косичках, который ей всегда вплетала материнская рука?

— Мама! — повторила Нафиса.

И Нафисе мать тоже показалась совсем другой. Белая, как лунь... Хотя волосы спрятаны под марлевый платок, но все равно видно, какие они... Лицо сложено из одних морщин... Сгорбленная старушка стояла перед ней. И она бросилась к этой старушке, обняла, прижала к себе.

Тетушка Мехри заплакала в голос, обнимая дочь.

— О аллах! Оказывается, можно с тобой увидеться, доченька! А ты-то... ты-то... Не хотела меня видеть? Забыла?

— Простите мамуля, — отвечала Нафиса, глядя костлявую спину матери. — Не было у меня другого выхода. Простите! Я так счастлива, что вы здесь!

На их плач и голоса из комнаты вышла немолодая полная женщина и остановилась в коридоре поодаль, чтобы не мешать им. Но Нафиса услышала ее шаги и повернулась к ней.

— Познакомьтесь, тетя Назира! Приехала моя мамуля! — Она глазами показала матери на тетю Назиру. — А это моя духовная мать. Ее зовут Назира Юнусовна! После тебя она — второй такой же дорогой мне человек!

Женщины подошли друг другу и обнялись.

— Омонмисиз?

— Эсонмисиз?

Они обнимались и спрашивали: «Как здоровье? Как поживаете?» точно так, как обнимаются и спрашивают друг друга о жите-бытие все добрые женщины на разных языках.

Из комнаты выскочил Фируз в рубашонке со скошенным воротником, потому что пуговицы были застегнуты через одну.

— Фирузджан! Бабушка приехала!

Он уже узнал ее и почему-то опустил голову, а Мехри чуть-чуть наклонилась к нему, поражаясь:

— Как вытянулся! Скоро мать догонит! Ой, ой, стал прямо совсем джигит!

Мехри переводила глаза с внука на дочь, снова расплакавшись. Фируз долго не знал, что сказать, и прошептал:

— У меня рубашка новая!

Мехри перестегнула ему все пуговицы, и он обхватил ее за морщинистую шею и повис на ней. Она притихла, задохнувшись или успокоившись оттого, что внук был не просто рядом, а у ее груди и, как прежде, любил ее, соскучился по ней. А Назира Юнусовна пригласила всех в гостиную, напомнила об обеде.

И все было бы прекрасно, если бы сердце матери умело не волноваться. Но за едой Мехри вспомнила о Кариме и сказала:

— Он угрожал тебе, доченька! Ох, как я боюсь за тебя! Ох, проклятый!

Мехри опять завздохала.

— Не бойтесь,— успокоила ее Назира Юнусовна.— Найдем на него улраву, если позволит себе что-то!

И уверенный тон этот успокоил старую женщину.

Мехри смотрела на открытую дверь. Возле нее в коридоре стояли сапоги, которые она стяхнула с ног перед входом в комнату. Это были сапоги Азама, надетые ею в дорогу. И она смеялась и самым нелепым деревенским сапогам в этом красивом городском доме, и тому, что муж остался без любимых сапог.

Глава четырнадцатая

ХАНКЕЛЬДЫЕВА

Дорогой читатель, может быть, помнит, а может быть, и нет, но это имя уже однажды упоминалось в нашей повести. После грозовой весенней ночи именно она, Ханкельдыева, самый молодой бригадир совхоза

№ 33, простудилась и заболела опасно. И Дилдор, не слушая сердитых возражений закипевшего мужа, отвезла ее из палатки полевого стана на ахмаджановских «Жигулях» в поселок, а потом отправила в больницу.

За себя она не всегда могла постоять в стычках с мужем, а за других, да тем более если этого требовал врачебный долг, — уж позвольте, тут она ничего никому не уступит.

Итак, Ханкельдыева уехала лечиться в районную больницу.

Но это было весной. А сейчас уже осень, хлопок начали собирать, и Ханкельдыева давно на ногах.

Скорее всего она потому болела недолго, что Дилдор вовремя отправила ее, не дала простуде, что называется, угнездиться в костях. Но, наверно, еще и потому, что молодость взяла свое. Молодость и характер Ханкельдыевой. А характер у нее был нетерпеливый, быстрый, с огоньком, все в ней горело и стремилось вперед. И не по-глупому, а с мыслью, с надежным расчетом. Она была энергичной и разумной девушкой, недаром ее назначили бригадиром.

Ей всего-то двадцать второй год, юное существо, можно сказать, но поступки ее, успехи делают эту девушку взрослее. И должность бригадира тому способствует. Несмотря на звучное имя — Уктамхон, все называли шустрю темноголовую коротышку только по фамилии. Бывают такие случаи, когда фамилия служит кому-то и вместо имени, о котором словно забывают. Ханкельдыевой называли Уктамхон и дома, под Андижаном, и здесь, в Мирзачуле.

— Ханкельдыева! Зайди к председателю, он просил!

— Ханкельдыева! За тобой заметка в стенгазету, от других не дождешься!

— Ханкельдыева! Идешь сегодня на танцы?

Вероятно, по фамилии ее стали называть сначала для солидности, а потом — по привычке. Ханкельдыеву любили, гордились ею. И конечно же, любое событие в ее жизни не могло пройти незамеченным. По всему поселку несколько дней повторяли с удовольствием:

— Слыхали, Ханкельдыева получила «Москвич»?

— Какой?

— Четыреста двенадцатый. Синий.

— О-о!

На этот «Москвич» Ханкельдыева принялась откладывать деньги еще дома, под Андижаном. Урожай она снимала высокие, зарабатывала хорошо, водить комбайн умела и вот села за руль собственного авто. Молодцевато ездила, лихо. Редко кто не остановится, чтоб поглядеть ей вслед. Загляденье! Имя ее не сходило с уст. Но всех удивила толстуха Тамара:

— Ханкельдыева себе жениха привезла!

— Откуда?

— Из Янгиера.

В самом деле, Ханкельдыева была в Янгиере на коротком совещании бригадиров по поводу уборки, поехала, ворчала, что отрывают от дела, хорошо, что машина есть, не так рискованно, что времени много истратишь, туда-обратно раз-два, села, помчалась, как мальчишка, а вернулась не одна.

Вот говорят, нет никакой судьбы, а ведь никак иначе не объяснишь, не придумаешь, почему Ханкельдыева, которая так спешила, не придумает, почему Ханкельдыева, которая так спешила, что только скользнула глазом по новой киноафише, все же забежала к своей янгиерской подружке Маше, чертежнице одного проектного бюро. Девушки обрадовались, Маша выскочила из учреждения на пять минут, чтобы посидеть на скамейке в парке и обменяться новостями, чуточку поболтать в обеденный перерыв, и вот...

На той скамейке, куда они сели с разбега, читал газету симпатичный молодой человек. Все другие скамейки были заняты — матери или бабушки, состоявшие при колясках с младенцами, оккупировали янгиерский парк. Молодой человек посмотрел на подружек, улыбнулся им и снова зашелестел газетой. Он читал, а подружки, шепчась о чем-то своем, нет-нет да косились на него. Был он ладно скроен, а может быть, казался таким благодаря отлично сшитому костюму, к тому же такого весеннего, дымчато-голубого цвета, что глаз не оторвешь! Бежевые замшевые туфли, тонко и богато расшитая белыми узорами чувская тубетейка...

Глаза выразительные, мягкие, глубокие... Брови густые... Можно спеть: «чернобровый, черноглазый...» Волосы тоже густые, блестящие... Ну, все по высшему классу!

Вот только сидит молча. Но по всему видно — вежливый, воспитанный...

И вдруг молчание было нарушено.

— Девушки, извините, пожалуйста, — звучным и приятным, как горный мед, голосом обратился к ним сосед по скамейке, — узнать хочу...

Он слегка улыбался, застенчиво, даже виновато.

— Да?

— Если в этот город приехал строитель и мечтает поступить на работу, куда должен он пойти, кому заявление написать? А?

— Кто строитель? Вы, что ли? — как можно небрежней спросила Маша.

— Да, я, — просто ответил молодой человек.

Маша стала перечислять янгнерские стройки, рассказывая, как там хорошо. Он слушал с улыбкой, перебил:

— Ну, раз там все хорошо, зачем я им?

— А вам не надо, где хорошо? — весело поинтересовалась Маша.

— Лучше, где плохо, — смеясь, ответил он. — Совсем плохо!

— Почему?

— Чтобы себя показать. Чем хуже идет строительство, тем мне лучше!

— Вы смеетесь?

— Да нет же! Правда! Честное слово, нет!

И тут Ханкельдыева, которая напряженно молчала, стиснув губы, открыла рот.

— Если вам нужно, где плохо, поезжайте к нам. Хуже не найдете. Строительство, можно сказать, в развале.

— Где это?

— Поселок тридцать третьего совхоза.

— Та-ак... — протянул молодой человек. — Это уже что-то интересное...

— Приезжайте, увидите.

Он подвинулся поближе к Ханкельдыевой и спросил:

— А далеко?

— У меня машина, — ответила Ханкельдыева сдавленным голосом и прокашлялась.

— Казенная?

— Своя.

Молодой человек придвинулся к ней еще.

— Та-ак... И вы сможете подхватить меня?

— Ну,— неестественно громко рассмеялась Ханкельдыева,— раз нужно для дела! Постараюсь для родного совхоза!

Маша вздохнула и шутливо пожаловалась:

— У меня машины нет.

А Ханкельдыева вдруг свела брови и спросила молодого человека строго:

— Нет, вы серьезно?

Тот показал глазами на чемодан, который стоял год скамейкой — просто удивительно, что они его раньше не заметили.

— Вот.

— Я еду через пятнадцать минут,— решительно заявила Ханкельдыева, заранее отменяя всевозможные споры и упрашивания, ведь ее, действительно, ждала бригада, ждало поле. Но ни споров, ни упрашиваний не последовало.

— Я готов,— сказал молодой строитель.— Мне очень повезло!

— Это совхозу повезло,— улыбаясь, со вздохом сказала Маша.

— А как вас зовут?— спросила соседка Ханкельдыева.

— Карим. А вас?

В другой раз Ханкельдыева так просто и сказала бы «Ханкельдыева», она ведь тоже привыкла к этому, но сейчас задумалась, будто и сама забыла свое имя, и наконец обронила построжее:

— Уктамхон.

— О, как красиво!— не удержавшись, воскликнул новый знакомый.— Давно не слышал, не встречая таких красивых имен! Поздравляю вас.

— С чем?

— С прекрасным именем!

Ханкельдыева прыснула. Ей и в голову не приходило, что у нее, действительно, такое красивое имя, а все почему-то забыли. Теперь она втайне радовалась, что имя понравилось Кариму, что она приберегла свое имя для такого вот подходящего случая. Ну скажите, что не судьба?

Они прошли по Мосту любви через еще полноводный канал, мимо тополей, к автомобильной стоянке. Маша оглянулась и покачала головой:

— Он называется у нас Мостом любви.

— Как?

— Ну разве можно городу, где столько молодых, существовать без Моста любви?

— Очаровательно! — всплеснул руками Карим. — Я как в сказке!

И Маша попрощалась с ними, грустно помахала им вслед рукой, а они покатили к выезду из Янгьера, а потом по шоссе, заполненному грузовиками и сцепами новых тарных тележек для хлопка, которые, как новобранцы в бой, шли с ташкентского завода прямо в Голодную степь, на молодые хлопковые поля. Трактора тянули за собой тележки, стреляя в небо комочками газа из высоких, как мачты, торчащих вверх выхлопных труб. Шоссе гудело, шумело.

Но в «Москвиче» было довольно тихо, нежно играла музыка, печальная, под стать рассказу Карима, а он был человек откровенный, и рассказал все, раскрыл, как говорят восточные летописцы, всю книгу своей жизни...

Был женат, имеет сына... Но в прошлом году жена ушла от него, потому что не дорожила мужем, семьей... Не любила его, вздыхала о другом... И, вероятно, они встречались, да-да, он только теперь понимает, что долго терпел изменницу! Что поделать. В жизни бывает всякое. Еще и не такое!

— А как зовут вашу жену?

— Нафиса.

— Такое красивое имя...

Карим молчал, ничего не отвечая. Вспоминал или думал о чем-то. Потом сказал, вздохнув:

— Но человек! Главное — не имя, а человек. Она оказалась дрянью, простите. Я, кажется, чересчур разоткровенничался...

И Ханкельдыева отвела глаза от шоссе, бегущего навстречу под колеса «Москвича», и улыбнулась приунывшему спутнику, чтобы поддержать и ободрить его. Бедный Карим! Она так его жалела!

Да, читатель, это был тот самый Карим, от которого бежала Нафиса, которого проклинала тетушка Мехри,

которого выгнали с работы в Шахристане, исключили из партии, а он... Вот где он объявился.

Он ехал с сердобольной Уктамхон, слушая музыку и вздыхая, в ее синем «Москвиче». Дорога вела в поселок тридцать третьего совхоза. И едва они добрались туда, как по всему поселку, с быстротой огня, бегущего по сухому хворосту, разнеслось:

— Ханкельдыева привезла жениха!

Видели, как она подъехала к новому дому, где недавно получила отдельную квартиру. Как с ней из сияющей машины вышел молодой человек, похожий на артиста, в таком костюме, каких в поселке еще ни у кого не было! Как Ханкельдыева сама несла в руке черный чемодан, не отдавая его жениху ни за что на свете, хотя тот, смеясь, пытался отобрать чемодан и кричал:

— Он же тяжелый!

Через четверть часа Ханкельдыева была в конторе и спрашивала у секретарши директора, может ли она поговорить с Ахмаджаном Умурзаковичем? Оказалось, нет. Ахмаджан Умурзакович уехал на кирпичный завод, потому что на стройку больницы и жилых домов второй день не поступало кирпича.

— Саттар-ака у нас такой поворотливый,— сказала секретарша,— что Ахмаджан Умурзакович носится сам, как экспедитор.

Когда секретарша оценивает так работу заместителя директора, то у нее, надо полагать, есть для этого основания. Вероятней всего, что-то слышала от самого директора.

Ханкельдыева вышла на улицу, потопталась и торопливо, вприпрыжку, направилась к больнице. Там она быстро отыскала Дилдор и заглянула к ней на минутку, воспользовавшись, если можно так сказать, любезностью очереди, которая пропустила девушку «не по поводу болезни».

Повод у Ханкельдыевой был совсем другой. Скорее всего, уже и больные знали какой, потому что улыбались...

А Ханкельдыева пригласила Дилдор с директором к себе, на вечернюю «пиалку чая». Отважная девушка! Если бы не была девушкой, можно было бы за этот смелый шаг назвать ее джигитом.

— Хорошо,— ответила Дилдор.— Спасибо. Вот

приедет Ахмаджан Умурзакович, я передам ему. Постараемся обязательно прийти.

— У меня важное дело,— добавила Ханкельдыева.

— Я так и думала,— сказала Дилдор и мило ей улыбнулась.

Ханкельдыева вспыхнула и кинулась из больничного кабинета к своему «Москвичу», а на нем умчалась в поле, откуда вернулась засветло.

Гость встретил ее в голубом спортивном костюме и, когда Ханкельдыева спросила его, как он себя чувствует, ответил:

— Как дома.

— Правда?— Ханкельдыева повернулась к нему, округлив сияющие глаза.

А он подошел и взял ее за плечи.

— Разреши мне называть тебя по имени, Уктамхон.

— Да.

— Уктамхон... Уктамхон...

— Что?

— Я люблю тебя, Уктамхон!— и замолчал, легко поглаживая ее плечи.

— Что вы молчите?— спросила она, сглотнув комочек, застрявший в горле.

— А что может быть важнее и выше моих слов? Я все сказал... Я могу прибавить, что если бы у меня была казна, не задумываясь, отдал бы ее за твою доброту!

— Мне не нужно никакой казны!

— Ну, вот...

— Для меня — лишь бы вы были здоровы и спокойны душой!

Карим притянул к себе девушку и поцеловал в полузакрытые глаза.

— Вы, действительно, любите меня? Это правда?— прошептала она.

— Мы с тобой будем счастливы, ангел мой,— ответил Карим.— Я чувствую это.

И хотел еще раз поцеловать Уктамхон, но она выскользнула и убежала в кухню. Оттуда донесся ее голос:

— У нас же гости будут! Надо скорее ставить плов!

— Какие гости?— Карим шел за ней.— Какие гости, Уктамхон?

— Директор совхоза с женой.

— Ай да умница, Уктамхон!— воскликнул Карим.— Ну и головка у тебя! Вот это да!

Он даже сделал круг по кухне, растопырив руки, вращая ладонями и щелкая пальцами, словно прошелся в танце. А потом потребовал:

— Пусти меня! Так, мясо есть, рис есть, морковь... где морковь?

— Вот!

— Лук? Вот и лук... Все есть. Острый нож? Острый нож тоже есть. Плов будет — ох!— Он втянул в себя предполагаемый аромат.— У меня получается! Я постараюсь!

Скоро в маленьком чугунном котле жарилось сало, кипело масло, свежее, привезенное прямо с маслобойки, горький и сладкий запах ел Кариму глаза. И когда переодевшаяся Уктамхон заглянула в кухню, спросив сначала:

— Эй, повар, можно к вам?— Она остановилась в растерянности:— Вы плачете?

— От счастья!

— Ну да! От лука!— засмеялась она, и Карим понял, что эта энергичная девушка не так-то проста, и сам засмеялся:

— Слезы одинаковые, что от счастья, что от лука! Чем я докажу!

Уктамхон хотела что-то сказать, но он притянул ее к себе, и в ответ на поцелуй она прошептала:

— Вот вы и доказали!

А он подумал: «О девушки! Все вы одинаково простодушны, как бы умны и энергичны не были!»

Карим мешал шумовкой мясо, потрескивающее в жарком котле, смотрел на Уктамхон и замечал, как она расцвела. А вдруг завтра станет еще лучше, так, глядишь, и превратится в красавицу, до которой ей еще было далеко... «А может, это и впрямь мое счастье?— думал Карим.— Она — дичок, поставил сети, как для дикой птички, хоп — и поймал! Никуда не денешься, не вырвешься! В Шахристан возврата нет, а тут можно жить припеваючи!»

Только одно не давало ему покоя — отомстить Нафисе. Он так и решил, что сначала испортит ей жизнь, а потом наладит свою, с этой единственной целью он и

появился здесь, в Голодной степи. Как скорпион, на которого не действовали ядохимикаты...

— О чем вы думаете, Карим-ака? — спросила Уктамхон.

— О тебе. — Он взял ее пухленькую руку и крепко сжал, а потом легонько хлопнул по ней. — Слышишь! Звук появляется только от удара двух рук. Поняла?

— Да, конечно...

— А что будем пить? — спросил он без всякого перехода.

Ханкельдыева затрясла головой — теперь она не понимала.

— Директор совхоза что-то пьет, наверно? — объяснил Карим, улыбаясь. — И хозяйка выпьет глоток, наверно? Ты же говорила, она современная женщина, врач... Ну, и ты — один глоток. Глоточек! Магазин еще открыт?

— Да.

— Какое вино там есть?

— Не знаю.

— Ну, засыпай рис, пора! А я сбегая!

Он снял сумку с вешалки и ушел прямо в своем спортивном костюме, а Ханкельдыева сначала смутилась, как это все будет воспринято соседями, односельчанами, а потом махнула рукой. Какой может быть тут секрет! Не сегодня, так завтра все равно он раскроется. Есть же поговорка: «Луну платком не прикроешь!» А что скажут директор и Дилдор? Она повела бровью — пусть говорят, что угодно, но хочется верить, что они сразу поймут все как надо. Поймут, что Каримджан честный человек. Они услышат о том, как его бросила жена, а он приехал в Мирзачуль устроить свою жизнь... Чего было нечестному рассказывать про себя такое, сочинять?

Уктамхон засыпала рис, убедилась, что плов кипит тихо и равномерно, и встала перед зеркалом поправить прическу. И замерла на миг с поднятыми руками, услышав за дверью шорох шагов. Карим! Когда тебе кто-то нравится, шаги его слышишь за версту.

Карим открыл дверь своим ключом, поставил сумку на стол и начал вынимать из нее водку, коньяк, шампанское и ташкентскую минеральную воду.

— Куда вы закупили столько? Зачем? — испугалась Уктамхон.

Она подумала, что он пьет от горя. Она слышала про такое. Но Карим успокоил:

— Я не для себя. Гости же будут у нас! И какие! Надо встретить!

— Смотрите, выпьете — и понесет вас перед глазами директора не в ту сторону...

— Только в одну! — засмеялся Карим. — Могу сказать, как люблю тебя! Сто раз могу сказать! Тысячу!

Девушка почувствовала вдруг необыкновенную легкость. Как прекрасна жизнь! Какой чудный у нее Карим! В нем все хорошо! Ей нравилось, как он улыбается, какой он веселый, как легко и чистосердечно он говорит, так говорят, была уверена Ханкельдыева, лишь люди, у которых совесть ничем не запятнана. Она сама приблизилась к нему и прижалась, снова спрашивая:

— Можно мне верить, что вы полюбите меня?

— Как самой себе!

Глава пятнадцатая

ЭКСПЕДИТОР

Часы пробили шесть, и Уктамхон забеспокоилась. Вся ее энергия закипела и забурилась, как горячий чай на раскаленной плите. Она раскинула белоснежную скатерть и разгладила ее ладонками, положила лепешки, фрукты. Карим помогал ей, расставил бутылки и тарелки, пока она резала на кухне салат... И только он успел для храбрости кинуть в себя пиалушку водки и закусить огурцом, как тихо вздрогнул электрический звонок над дверью. Уктамхон, наверно, не слышала, и Карим сам открыл дверь и встретил гостей.

Он увидел по-настоящему красивую женщину, от которой не надо было ждать, когда она станет лучше, и молодого щеголя в белой рубашке с цветастым галстуком и темном костюме... Это директор? Ну, тогда все в порядке, подумал Карим, такого мы приберем к рукам. И даже усмехнулся чуть заметно, про себя. Вероятно, некуда было надевать молодому директору и врачу наряды в Голодной степи, вот они и вырядились так

парадно в гости к Ханкельдыевой. А директор держал в руках букетик. Все это Карим успел заметить, а сам приглашал:

— Здравствуйте, проходите. Сейчас позову Уктамхон.

Дилдор оглядела стол и воскликнула:

— Кажется, мы попали на пир!

Ханкельдыева выскочила из кухни и взмахнула руками, как крыльями, будто собиралась взлететь:

— Тетя Дилдор! Ахмаджан Умурзакович! Спасибо, что пришли.

Ахмаджан протянул ей цветы.

— Ой, это мне? — смутилась она донельзя.

— Поздравляю.

— С чем?

— Ну, хотя бы с новосельем.

Ханкельдыева моргала счастливыми глазами.

— Спасибо.

Ахмаджан же думал, что вот как правильно он сделал, послушавшись Дилдор. Все-таки чувствовал где-то в глубине души вину, что так накричал, когда она болела. Ей, конечно, передали, как сердился и негодовал директор, а сейчас она видит, что и директор — человек. Все отлично. Молодец Дилдор..

Дилдор присматривалась к гостю Ханкельдыевой. Не хотелось торопиться с окончательным выводом, но ей не нравилось, как угодливо этот гость повел себя с Ахмаджаном. Вот отодвинул стул, пригласил:

— Садитесь, хозяин!

Вот спросил, наклонившись прямо-таки в профессиональном поклоне официанта:

— Как, хозяин, не желаете ли выпить до плова? Выпьем!

Это он уже сказал на равных.

Нет, в этом внешне видном, ладном, приятном молодом человеке что-то явно было ей не по душе. Она вообще не любила подхалимов. А может быть, все не так. И она зря осуждает человека, а он только что приехал, хотел понравиться, и желание его, и поступки были естественны...

Не надо придирааться. С этой мыслью она села за стол. В конце концов, и она может отдохнуть, повеселиться, когда и в гостях-то была в последний раз — не

вспомнишь! Каримджан налил ей бокал шампанского, которое она так любила, и сказал:

— Пожалуйста, хозяйка!

Ей стало весело.

— Ну, за что? — спросила Дилдор.

Все посмотрели на Ахмаджана, и шире всех открыла глаза Ханкельдыева. Он хотел назвать ее по имени, но никак не мог этого имени вспомнить, а похоже, и не знал, никогда не слышал, поэтому провозгласил торжественно:

— За успехи Ханкельдыевой! Я имею в виду, прежде всего, ее успехи на хлопковом поле, она у нас самый молодой бригадир, а год такой трудный... пересев... очень позднее и неравномерное созревание... Ох!

— Не расстраивайтесь, хозяин! — вовремя вставил Карим. — Все обойдется!

— Да! — спохватился Ахмаджан. — И, конечно, за успехи в личной жизни, что тоже немаловажно. Так ведь? За Ханкельдыеву!

И Дилдор протянула свой бокал.

— За твоё счастье, сестрица!

Уктамхон смущенно опустила глаза — про какое счастье они говорят? Карим же возмутился игриво:

— А сама виновница торжества почему бокал не берет?

— Ой! — сказала Уктамхон, взяв бокал. — Никогда не пила, умереть мне тут, если вру!

Ее детская простота вызвала легкий смех гостей. Выпили. Пир начался, все пошло хорошо... Женщины ели и разговаривали вполголоса о своем, мужчины коснулись главного. Из их разговора до Дилдор долетали фразы:

— Ну, какую работу сможете взять?

— Можно экспедитором, можно бригадиром, можно прорабом...

— Охо, как говорится, одному джигиту сорок профессий мало, если он настоящий джигит!

— Сами увидите, хозяин, настоящий или нет, чего заранее говорить...

— Заходите утром в контору.

— Хоп, хозяин.

Ахмаджан перехватил взгляд Дилдор и сам подумал о новом знакомом: «Хозяин, хозяин! Заладил!

Трясогузка какая-то... Но такой человек, возможно, находка на должность экспедитора. Если за чем пошлешь, на пустой машине не вернется... Такие без лестницы с неба снимают звезды!»

Яитарный плов, который принесла Ханкельдыева, быстро таял. Резвая, счастливая, непоседливая бригадирша включила радиолу, завела пластинку и, когда послышался «тановар», призналась честно:

— Самая любимая моя мелодия!

Легкий хмель лукаво играл в ее глазах. Откинув голову, она пошла танцевать. Пухлые руки ее изгибались, разлетевшись. Пальцы пластично двигались. Это была уже не бригадир-механизатор, а танцовщица из ансамбля «Бахор»! Звезда! Гости, улыбаясь, хлопали в такт...

Кончилась музыка, и Ханкельдыева, поклонившись, выбежала на балкон. Дилдор встала и вышла за ней. Девушка плакала, держась за перила.

— Что с тобой?— спросила Дилдор, положив руки на ее вздрагивающие плечи.

— Ничего не знаю, тетя Дилдор!— Она повернулась, прижалась к ней.— Может быть, это счастье, может быть, несчастье. Не понимаю!

И заплакала еще горше.

— А ты не торопись,— посоветовала Дилдор.— Сдерживай себя покуда...

— Я танцую, а он все пьет и пьет!— жаловалась Уктамхон.— Вытягивает шею, как гусь, и рюмку за рюмкой... Как я останусь дома ночевать? Я боюсь!

— А куда же ты? Как же?— растерялась Дилдор, понимая, что хорошо бы пригласить девушку к себе, и не решаясь сделать это без Ахмаджана, который мог устроить скандал.

— В бригаду... Полевого стана у нас еще так и нет, но ведь у меня машина есть! Сиденья раскидываются... Дверцы открою — свежий воздух и мягко. Красота! Идемте чай пить!

Ханкельдыева утянула ее за руку в комнату.

А еще спустя полчаса она пошла провожать гостей и не вернулась. Карим сидел в комнате один и курил сигарету. Потом лег, несколько раз просыпался, выходил на балкон.— Уктамхон не было. Он не знал уже, что и думать, проверял свое поведение, вроде бы все

было нормально, а... Проснулся он рано, и опять его встревожило: что же случилось?

В сущности, он привык к поздним гулянкам, привык много пить, оставаться в чужом доме, но никогда его не кидали вот так... Может быть, это в правилах нового поколения?

Солнце било в окно так, что, казалось, полопаются стекла. Неубранный стол, запах соленых огурцов и мяса напомнил о вчерашнем... В конце концов, Ханкельдыева познакомила его с директором у себя дома, тем самым поручилась за него... Что же еще? Чем ты недоволен, спросил себя Карим, вспомнил, что его ждет директор, и вскочил.

В маленькой чистой ванной все напоминало о хозяйке. Эх ты, дурочка, куда же ты убежала! Ну, сегодня убежала, завтра вернешься! Карим нашел розетку, включил электробритву «Харьков». Постепенно к нему возвращались уверенность и бодрость... Он пожевал мясо из вчерашнего плова, взялся за водку, но остановил себя и удовлетворился минеральной водой...

В приемной директора было много народа, но Карим, улыбаясь секретарше, открыл дверь без объяснений... В кабинете, у стола, сидели женщина и мужчина, дожидаясь, пока директор кончит кричать в телефонную трубку. Ахмаджан глазами показал Кариму на стул: садитесь. Но Карим только пожал плечами: как я могу сесть, когда вы стоите? Так они поговорили взглядами, и Ахмаджан положил трубку.

— Ступайте,— сказал он женщине и мужчине,— потом разберемся...— И спросил Карима, когда они ушли: — Начнем работать?

— Начнем, хозяин.

— Слушайте,— предупредил Ахмаджан,— если вы даже не в насмешку, все равно не надо, а? Хозяин, хозяин, еще задом начнете пятиться!

— Хорошо, хозяин,— ответил Карим, несколько не смущаясь.— Моему прежнему начальнику нравилось, а вам не подходит — учту.

Его откровенность приглянулась Ахмаджану. «Может, подружиться,— подумал Ахмаджан.— У меня ведь нет друга...»

Он вышел из-за стола, чтобы проводить Карима к

своему заместителю по строительству. Пусть узнает этот неповоротливый тюлень Саттар-ака, что директор сам находит нужных помощников, раз другие не способны заботиться о кадрах...

В приемной было полно народу. Какие-то молодые ребята о чем-то спорили и замолчали, увидев директора, затолкали друг друга и тут же кинулись к нему всей гурьбой и пересекли ему дорогу.

— Мы к вам.

— Мне некогда.

— А мы коротко.

— Но вы видите, что я занят?— Ахмаджан повернулся к секретарше:— В чем дело?

— Она не знает, сейчас объясню,— сказал высокий и плотный парень, раздвигая всех и выростая перед Ахмаджаном:— Мы — студенты из сельхозинститута. Нас очень интересует эксперимент, который вы проводите... И мы хотим все увидеть своими глазами и попробовать своими руками... Думаем, наша помощь вам пригодится, товарищ директор, а институт нас отпустит... Все равно — ехать на уборку. А так — двух зайцев уьем. И уборка, и практика!

— Какой эксперимент?— поморщился Ахмаджан.

— Так ведь у вас подсев?

— Вы подсеивали хлопок вместо посева после грозы?

— У вас поля с рекордной густотой стояния хлопчатника?

Они загалдели так, что Ахмаджан зажал уши.

— Не у нас, слава аллаху!— сказал он наконец.— Не у нас.

— А где?

— Не знаю. Мы не занимаемся глупостями, и меня это не интересует.

— Как же так?

— Нам сказали, что это в тридцать третьем совхозе...

— Нет-нет!

— Кажется, в тридцать втором,— подсказала секретарша.

— Точно?

— Выпустите меня!— потребовал Ахмаджан, которого студенты все еще сжимали галдящим кольцом,

напоминая пчелиный рой.—Езжайте в тридцать второй и...

— Нам не на чем ехать-то!

— Ну, идите пешком! Возможно, там и занялись авантюрой, хотя я предупреждал...

— Ах, он предупреждал и он не знает!

— Похоже, он просто струсил...

— Ладно-ладно, повежливей, ребята...

— Таких вещей насильно не делают. Это риск!

— Вот я и говорю, он струсил.

— Молодой человек! Вас, кажется, просили повежливей!

— А я вежливо... Я не кричу.

— Пошли, ребята!

— Если кто желает засучить рукава и принять участие в нашей стройке, найдем работу. Тяжеленькую, правда. Но заплатим хорошо,— предложил Ахмаджан.— Как?

— Нет, нас это не интересует,— ответил плотный парень внушительным баском.

— А что вас интересует?

— Интересное дело!

И они ушли. Ахмаджан пожалел, что никто из этих крепких ребят не соблазнился заработком на стройке, но Карим успокоил, заметив, что на стройку негоже брать кого попало, это не эксперимент, строить надо надежно...

— Голова!— воскликнул Ахмаджан, ударил Карима по плечу и велел Саттару-ака срочно оформить его экспедитором.

Саттар-ака сидел в маленькой комнате, похоже, приспособленной под кабинет из ванной.

— Вы, конечно, понимаете, — уныло спросил он нового человека, — какая это ответственная должность?

— Я понимаю, что безответственных должностей у нас вообще нет,— с улыбкой ответил ему Карим.

— Материально ответственная!

— Ну, ведь это стройка! Здесь все материально ответственны... Давайте думать о расторопности... Я хочу немедленно ехать.

— Куда?

— Куда направите. Я ведь экспедитор.

— А жить где будете?

Карим посмотрел на человека, в котором все было так по-стариковски уныло: усы, глаза, — и снова улыбнулся.

— Будем живы — найдется где.

Саттар-ака протянул ему две бумажки.

— Это для общѣжития и на спецодежду, стоимость удержат из зарплаты.

— Хоп, не пожалуюсь...

Поговорили о деле, о заявках...

— Машина ждет во дворе, — сказал Саттар-ака, подписывая доверенность, — сразу узнаете — ЗИЛ с длинным прицепом.

— Чем длинней, тем лучше, — ответил Карим, а Саттар-ака улыбнулся.

В кабине ЗИЛа досыпал шофер, надвинув на глаза кепку. Каримджан растолкал его:

— Подъем, дружище! Сейчас поедem. Чего не спрашиваешь — куда?

— Мне все равно. — Шофер потянулся и зевнул.

— Смотри! — дружески предупредил Карим. — Наше дело — не зевать!

Он исчез раньше, чем поднялся шофер. В комнате Ханкельдыевой переоделся в спецовку, быстро съел весь плов до рисинки — впереди ждал трудный день, вырвал лист из экспедиторского блокнота и написал, не теряя времени. Строчил прозой, а вышло вроде рубайи:

Красавица моя Уктамхон,

Вы меня покинули на этот раз.

Что ж, зато меня не покинула надежда,

Клянусь, буду ждать и ждать вас!

Только ваш Каримджан.

Он подписался, положил лист на видное место, в центре стола, и запрыгал по лестнице вниз, через две-три ступеньки. Шофер курил возле ЗИЛа, топчась и оглядываясь. Был он низкорослым, но крепким парнем, таким богатырьком.

— Не вы ли разбудили меня давеча? — спросил он.

— Я, я... Познакомимся на ходу. Давай, трогай...

Я — новый экспедитор. Карим Ваккасов.

— Ренат... А это что у вас?

— Бутылка. Куда сунуть, чтоб не разбилась?

— Ну, с полосатыми палочками все свои! — Ренат спрятал коньяк в водительский багажник.

— Торопись, — распорядился Карим. — Жми. Сегодня три рейса делаем.

— Два, и баста.

— Три. Первый — зарплата, второй — авторитет, третий — премия. Давай!

— А что сегодня добываем? — с усмешкой спросил Ренат.

— Панели.

— Так ведь без подъемного крана не обойдешься, — еще шире усмехнулся Ренат, — а кран на комбинате в две смены не работает. Вот все у вас сразу встало и закрипело...

— Подмажем.

— Не получится... Там краковщик принципиальный... Андрей Дмитрич... Такой патриот!

— Значит, сагитируем.

— Трудно.

— Трудности для дураков, — сказал Карим. — А у нас с тобой есть головы. Верно?

— Ему удалось наговорить крановщику целую гору про разгоревшийся энтузиазм строителей поселка, и крановщик согласился прийти из дома, помочь энтузиастам погрузить панели, показал на окна, где живет... Ренат понял, что для нового экспедитора нет преград... Из третьего рейса они вернулись, когда в поселке почти всюду погас свет и, не разгружая машины, пошли в общежитие, правда не столько спать, сколько пить... Привезли с собой... Ренат заинтересовался, какие планы на завтра, то есть уже на сегодня, не встанут, гляди...

— Есть будильник, — ответил Карим, — и холодная вода.

Да, он сразу задал темп, этот новый экспедитор.

На пятый день Ахмаджан, обнимая, поднимал грязного и пыльного, но веселого Карима, отрывал его от земли возле грузовика, как делают при борьбе, и кричал:

— Молодец! Настоящий друг! Вам и Ренату будет премия — по сто рублей!

— Спасибо, хозяин.

Несговорчивая цыганочка Ханкельдыева отозвалась запиской позже: «Каримджан! Я на полевом стане. Уборка! Встретимся, как станем посвободнее».

Ну ладно... Он собрал в своей комнате, в общежитии, компанию из тех, кто был посвободнее сейчас. Однако не везло в любви! Милая толстуха Тамара, штукатурица, била по рукам, повторяя:

— Ты приехал с Ханкельдыевой?

— Ну и что?

— Ну и сиди!

На рассвете тронулись в новый рейс.

Глава шестнадцатая

ТОСКА

Еще в детстве, в школьные годы, память о которых так жива, потому что детство — это родной Фируз, это высокие горы, которые видны, кажется, отовсюду, это девчонка, прибегавшая через дорогу учить уроки, слушать объяснения по арифметике в те далекие годы, вдруг словно бы вернувшиеся или хотя бы приблизившиеся к нему, — Азиз прочитал рассказ одного русского писателя, и в его душе навсегда остался этот рассказ. Остались ночь, и река, и человек, плывущий в маленькой лодке по большой реке и не терявший надежды доплыть, пока впереди, отражаясь в темной воде, горел огонек...

Мы — путники в жизни. И лишь тогда можно дойти, когда у тебя есть огонек, который горит впереди, не гаснет. Он горит и тянет, зовет... Придает силы...

Не сразу понял он, что его огоньком была Нафиса.

Сколько лет прошло, а все искал этот огонек и жил без него, словно бы в темноте. Со стороны казалось, что все благополучно в его жизни. Он работал и учился, стал кандидатом наук и директором совхоза в Мирзачуле, многого достиг. А огонька не было ни в сердце, ни впереди... Чем больше было дано ему доброй жизнью, кипевшей вокруг, добрыми людьми, тем обиднее становилось, что не удались свои любовь и счастье. По чьей вине? Он обвинял и Нафису, и какого-то Карима из Шахристана, который отнял ее... Отнял счастье. Каждый день всходило солнце, а он и не замечал его, как радости, как чуда, каждую весну расцветали и деревья, и маленькие, спрятанные в траве, цветы, фиалки, но и

этих чудес, этих радостей он словно бы не видел, солнце и весны были не для него.

И вот он услышал от Дилдор, что Нафиса в Янгере, встретился с ней, и тогда-то и понял по-настоящему, кого винить. Себя! Да, он сам виноват во всем, сам!

Прошлые годы показались ему теперь действительно детством, только детством, когда он не понимал самых простых вещей... Да-да! Обиделся! На кого? На любимую, нуждавшуюся в его защите. Отдал ее в чужие руки! Как ты мог? Эх, джигит!

Поздно... Наверно, все поздно исправить. Ты — преступник. И, значит, должен получить наказание.

Но разве одинокая жизнь — не наказание?

Глупое себялюбие! Как же ты разыграло эту трагедию по своим котам, словно суфлер в театре! Как же ты сожгло столько лет, столько сил, словно спичка, крохотная спичка, способная сжечь огромный дом! Поистине беспредельна глупость, если только сейчас, когда на висках уже седина, он понял, что за счастье надо бороться, оно само не дается в руки так просто, его не найдешь без огонька...

Он судил себя жестоко и беспощадно и был мрачен, но в глубине этого мрака, в тайниках робкой души Азиза все ярче светился лучик солнца. И росла надежда, что он схватился за этот лучик, как за шелковую нить, и пойдет к своему огоньку, к своему счастью, своей Нафисе, чтобы постоять за них.

И что значит для человека даже такой вот маленький огонек, даже эта, пусть обманчивая, надежда!

Не будь их, вряд ли у Азиза хватило сил пережить нынешнюю весну и лето... После того, что случилось, когда разгулялась мирзачульская стихия, после майского града, трудно было рассчитывать даже на средний урожай, с которым смирились, например, в соседнем районе, смирился молодой и гонористый Ахмаджан... Доходили слухи, что он все страсти отдал строительству, и что дела у него в поселке идут хорошо. Азиз радовался за него и за Дилдор... И все же не понимал, отчего Ахмаджан отмахнулся от его предложения не пересевать, а подсевать хлопок на пострадавших полях. Неужели, кроме всего, ему было неинтересно провести этот эксперимент в условиях Голодной степи, где каждую весну берегись каких-нибудь неожиданно-

стей, будь готов к ним, жди, как говорится, не волка, так шакала...

Для чего же они учились?.. Не для того ведь, чтобы держать в столах свои дипломы и показывать их при случае дальним родственникам. Образование и мысль вышли на мирзачульские поля так же, как вышли тракторы и хлопкоуборочные машины. И Азиз верил, что давняя его убежденность в возможности более густых посевов, значит, более густых полей, которые способна вскормить мирзачульская земля, найдет свое подтверждение в этом эксперименте с подсеиванием...

Воду называют душой урожая, а мысль — это хлеб всякого дела. Сеять и просить у неба милости, чтобы не погубило урожая, каждый раз от этой милости зависеть? Нет. Ведь давно известно, что это куда рискованней пусть еще непробыванных, но хорошо продуманных действий. Просил у неба, а получил от хлеба!.. Так и в народе говорят.

На полях, носивших, казалось, непоправимые следы ночного разорения, после подсева скоро проклюнулись вторые строчки нежных растений. Многие сомневались, хватит ли у них пороха вырасти, иначе говоря, хватит ли у земли сил вспоить их, вскормить, чтобы они поднялись к солнцу не пустоцветами, подарили людям урожай. Людские руки дни и ночи ухаживали за ними, не уставая, не успокаиваясь. Не ленились провести «лишнюю» культивацию, еще раз полить, когда земля высыхала раньше срока и грозила им жаждой, умерщвляющей все живое, полной нормой внести в борозды удобрения, а то и сверх нормы: позднему ребенку не помешает усиленное питание, чтобы догнать старших братьев, ранние всходы...

Конечно, рук не хватало.

Но тут подкатили студенты, от которых почему-то отказался Ахмаджан. Они рассказали о встрече и разговоре с ним. Станный человек! Молодые ребята — это не только руки, это молодые заинтересованные головы. И увлеченность. Энергия, помноженная на темперамент! Как они помогли!

Сейчас поля обещали хоть и поздний, но очень надежный, высокий урожай, и все были счастливы, пожалуй, все, кроме матери Азиза, тети Нигор. У нее уже привычка появилась — смотреть на сына, качая

головой. Так он похудел, ну, просто отощал на глазах, материнское сердце разрывалось. Она начинала покачивать своей седой головой раньше, чем видела его, едва услышав голос, заранее боясь, что сейчас он появится с еще более заостренными скулами и ввалившимися глазами... Она старалась повкуснее готовить, почаще кормить его, но старания матери были напрасны, потому что очень часто Азиз не только опаздывал к столу, а вообще не приезжал с поля. И вот — удивительное дело! Был он весел и добр, а когда прокалывал новую дырочку на поясе, чтобы туже затянуться, смеялся.

— Что с тобой? — качая головой, спрашивала тетя Нигор.

— Молодею, мама!

Она думала — эта радость в глазах его оттого, что поля обещали урожай, что сын не обманул себя и других. И, конечно, была права. Но не ведала она и того, что, как далекий огонек на реке, вспыхнула для сына старая надежда. В его жизни снова появилась Нафиса. Пусть с той янгиерской встречи он до сих пор больше не видел ее, она была! Ей посвящал он все свои успехи на мирзачульских полях, а никто об этом не знал — ни мать, ни сама Нафиса. Азиз, как настоящий джигит, не хотел никому говорить об этом.

Нафиса ведь знает, что он рядом... И ладно... Успокоится, обдумает все... Время поможет... Может быть, она простит его? И так хотелось верить в это, и так пугала возможность нового разочарования и крушения, что он оттягивал их встречу...

Да и некогда было!

Вот снимут урожай, тогда поедет... Ну, хотя бы начнут уборку... Ну, когда страда наберет мощь... И белые конвейеры хлопка потекут к Янгиеру...

Там работало управление новых совхозов, там разместились базы их материального снабжения, было для чего и зачем Азизу сесть в машину и помчаться туда, но он посылал заместителей, бухгалтера, экспедиторов, а сам не ехал. Ему хорошо было думать о Нафисе издалека, быть уверенным, что все наладится в его и ее жизни, в их жизни...

День назад один из студентов сказал, что ездил в поселок тридцать третьего совхоза, у него там родите-

ли, но даже ему Ахмаджан не нашел и не дал работы на лето.

— Как там стройка?— спросил Азиз.

— Идет вовсю!

— Больницу закончили?

— Да! Покрасили в небесно-голубой цвет, а на площади соорудили фонтан.

— Перед больницей?

— Нет, перед конторой! Какой-то большой, нелепый!

— Чем?

— Ну, три бетонных птицы... По два метра каждая... Не поймешь, то ли лебеди, то ли гуси... Пока фонтан не включили, все спешат с утра запастись водой, мать рассказывала... Бывает нехватка. А включают каждый день, за пять минут до того, как директор приходит на работу. Он без фонтана уже не может руководить.

— Фонтан — символ процветания,— иронически заметил другой студент.— Еще бы!

— Хватит вам!— одернул их Азиз.— Фонтан — полезная штука. Украшает жизнь. А вы...

— Показуха это.

— Верно, верно, не фонтан ему нужен, а паблисити, сам он по характеру показушник, вот и все.

— Принял на работу какого-то жулика из Шахристана, экспедитором взял на стройку. Тот ему и двинул все дело!

— Значит, жулика ему и не хватало для процветания, вот и принял.

— Чего вы придираетесь к человеку?— шутили студенты, отлаживая комбайн и перебрасываясь не только фразами, но и гаечными ключами.

Азиз подумал, что у них острые языки и ничем не стесненное воображение, не приведи аллах таким на язык попасться, и вдруг до него дошло это слово и остановилось в нем. Одно это слово: Шахристан.

— Из Шахристана?— переспросил Азиз, закуривая.— Не слышали, как зовут его?

— Каримджан,— ответил тот студент, который ездил в поселок соседнего совхоза к родителям и видел новый фонтан.— Сам директор только так ласково и называет его — Каримджан...

Карим!

Это, конечно, бывший муж Нафисы. Не бывший, а настоящий, пока они не разведены, и он может помириться с ней и увезти ее из Мирзачуля в Шахристан. Да если и разведены, могут помириться ради Фируза, ради сына... Как на подъем в горах, шаг за шагом, поднимались думы Азиза, открывая новые опасности.

О Кариме ему рассказывала еще в родном Фирузе кишлячная сваха Ханифа. Когда Азам-ферма в третий раз повернул сватов Азиза от своих ворот, Ханифа, как победившая соперница, подошла к калитке Азиза и, пlying в улыбке, сказала, что он зря старается — у Нафисы уже есть жених...

— Не поднимай пыли раньше, чем пришло стадо, — мирно попросил он тогда Ханифу, зная, какой у нее язык и что ей лишнее сболтнуть — труда не стоит, наоборот, удовольствие.

Но Ханифа рассмеялась.

— Стадо уже пылит! Каримджан гонит сюда баранов в приданое и для свадебного пира!

— Кто он такой? Бай афганский? — засмеялся Азиз.

— Видный парень, не то что ты, — ответила Ханифа. — Сельпо заведует в Шахристане. Дом имеет там, полный богатства, да, как у бая! Не то что твоя хибарка!

Ханифа презрительно кивнула на дом, где вырос Азиз.

— Вы не врете, Ханифа? — спросил он в растерянности, за которой слышалась, однако, угроза, и она сказала, отступая на шаг:

— Подожди, сам увидишь. Глаз правдивее уха.

— Что же мне делать? — пробормотал он, не спрашивая, а невольно думая вслух.

— Кроить халат по росту! — посоветовала Ханифа, посмеиваясь.

В Фирузе всегда были в ходу народные присказки, а Ханифа как сваха знала их сколько угодно, на каждый случай у нее был ответ в запасе.

— Значит, Азама-ферму богатство прельщает? И Нафису, может быть, тоже прельщает богатство этого Карима?

— Конечно! Пустой мешок стоять не будет!

— А ну, катись отсюда! — закричал он тогда на Ханифу, приоткрыв калитку.

— Ух ты, ух ты! — попяtilась сваха. — Глаза вытаращил, а львом не стал!

Да, теперь-то он знал, что не стал львом, к своему стыду, но тогда эта Ханифа многое испортила, наговорила на бедную Нафису, замутила ему мозги... Ладно, споткнулся — нечего на камень пенять. Вот сейчас надо действовать. А может быть, это совсем другой Карим? Мало ли разных Каримов на земле, даже в одном Шахристане их, безусловно, несколько!

Наутро, однако, он сел в свой «газик» и покатил в поселок к соседям. Можно и даже нужно было проведать их, поздравить Ахмаджана с успехами на стройке, повидаться с Дилдор, узнать, как она живет...

Ахмаджана он увидел на стройплощадке. В клубах пыли сразу четыре самосвала сгружали кирпич.

— У-у, дела идут! — сказал Азиз, приближаясь. — Поздравляю!

— Не меня! — ответил Ахмаджан, даже не подавая руки. — Вот кого поздравь, Каримджана, это его успехи!

И показал на человека, который вышел из облака пыли и весь был в ней, как мельник в муке.

— Познакомьтесь... Наш экспедитор — Каримджан, а это директор тридцать второго совхоза.

Азиз не знал, как вести себя, что делать. Потом все же протянул руку и холодно сказал:

— Латипов.

Карим смотрел на него насмешливыми глазами.

— Вы из Фируза? — спросил он, облизывая губы.

— Да.

— Я вас видел.

— Где?

— Там, в Фирузе... Мне вас Ханифа показывала, когда я приезжал туда... как-то... по своим делам... Красивый кишлак!

Ахмаджан весело развел руками.

— Вот, оказывается, друзья встретились! Азизака — ученый человек, тот самый экспериментатор, о котором гоготали студенты, помните, Каримджан? А Каримджан — золото! Нам, руководителям, мечтать и

мечтать о таких помощниках... После его приезда в совхоз мне стало куда легче!

— Рад за тебя.

— Извините,— сказал Карим,— мне некогда. Я поехал, Ахмаджан Умурзакович.

Ахмаджан прищурил глаза и порадовался, что Карим никогда при посторонних не называет его «хозяином», умный человек, это обращение было в ходу только при своих, по-дружески.

— Куда?— спросил чужого экспедитора Азиз, глядя на него с каким-то странным, тревожным прищуром.

— В Янгиер.

— В Янгиер?— переспросил Азиз.

Чему он так удивился?

— Может, и вы хотите со мной?— насмешливо спросил Карим.

— У меня своя машина.

Что-то непонятное для Ахмаджана происходило между ними... Разговаривали они вежливо, но напряженно, как перед схваткой.

Карим вскочил на подножку ревущего самосвала и укатил, а вскоре в крутящейся завесе пыли исчезла и вся колонна самосвалов.

У Азиза не выходило из головы: в Янгиер!

Да, конечно, Карим часто ездил в Янгиер и мог там видеть Нафису. Он не случайно появился здесь.

— Прости,— сказал Азиз Ахмаджану, вспомнив о нем.— Я случайно заглянул, по пути... Пока!

— Будь здоров!

— Поклонись Дилдор.

— Непременно. Можешь заехать к ней, она в больнице.

— Спасибо, я здоров.

Азиз порадовался, что еще может шутить в этом волнении, охватившем его, и пожалел, что за пылью не разглядел фонтана то ли с лебедями, то ли с гусями из бетона...

Но колеса, шипя на асфальте, уже подвозили его к родному поселку, к родному дому... Да, все тут стало родное, в некогда пустой и далекой Голодной степи...

Мать сидела на корточках в огороде, у грядки зеленого лука, и рвала его, наверно, к обеду.

— Мама! — крикнул он. — Вставайте, одевайтесь нарядней.

— Зачем?

— Я повезу вас в гости!

— О аллах! К кому еще? Азизджан! К кому поедем?

— Увидите — узнаете, — сказал Азиз, а сам подумал: «Если увидим».

— Свататься будем? — вскинув голову, серьезно спросила тетя Нигор. — Отвечай!

— Все может быть. Не знаю...

Азиз не стал раньше времени посвящать мать в то, к кому собирался и зачем. Раньше откроешь — сильнее расстроишь. А зачем — он, и правда, сам не знал. Так... Не мог больше откладывать. И сказать не мог. А мать заторопилась.

— Сейчас, сейчас... О, дал бы аллах! Наконец-то!

Пока она переодевалась, Азиз нарвал полное эмалированное ведро круглых дынь хандаляк — не дынь, а маленьких дынек, пахучих, будто их духами насытили, эти тугие мячики.

В дороге подумалось, до чего странная штука — жизнь. Все дороги вели к одной станции... Опять сталкиваются он и Карим... И едва всплыли это имя и облик такого же обходительного, как и развязного, наглого Каримджана, как он прибавил скорость: вперед, вперед.

Но Карим опередил его.

Уже не первый раз он перехватывал Нафису у парка по дороге из школы к дому. Дождался и на этот раз, времени было достаточно, пока на самосвалы грузили кирпич. Нафиса увидела его и остановилась, не желая подходить, постояла и повернула, чтобы скорей уйти, однако не удалось, он догнал ее и властно схватил за руку.

Так они и пошли вместе по тротуару.

— Долго будешь молчать? — с улыбкой спросил Карим.

— А что мне говорить? Все сказано...

— Суд и развод?

— Да, я решила твердо.

— У нас сын растет!

— Перестань, не кощунствуй! — остановилась На-

фиса. — Очень тебе дорог сын! Был бы дорог, не пускал бы в ход кулаки против его матери!

— Клянусь, больше не будет этого. Не веришь?

— Кому верить? Разве ты меня одну обманывал? Всех людей вокруг, знакомых и незнакомых. Государство. Теперь тебя исключили из партии, с работы выгнали, вот ты и хочешь показать, будто исправился... Авось поверят, простят! Так я первая не прощу!

Карим слушал ее, встав перед нею, загородив ей путь, и она крикнула:

— Прочь с дороги! Я людей позову.

Прохожие уже начали посматривать на них, но Карим не спешил убираться.

— Надеешься на помощь?

— Чью?

— Я сегодня видел... твоего... этого...

— Кого?

— Рябого!

Нафиса оттолкнула его рукой и пошла, не оглядываясь.

— Берегись! — долетело до нее.

В это время Азиз с матерью подъезжали к Янгиеру. Вдали уже показались высокие дома и корпуса строительных заводов, их трубы... Тетушка Нигор, которая впервые попала сюда, глазела на дым из труб... Сердце ее, не привыкшее к городским очертаниям, к городскому небу, пугалось, но что поделаешь, если людям не хватает домов в садах?

— Нравится? — спросил Азиз.

— Нравится, — ответила мать и кивнула головой, она не лукавила, ей заранее нравился город, в котором сын нашел подходящую девушку.

При въезде в город, под деревьями, разместились чайхана, и Азиз остановил свой «газик» напротив.

— Выпьем чаю, — улыбнулся он в ответ на вопросительный взгляд матери. — Говорят, на свадьбу надо ехать сытым.

На самом деле его забеспокоило, как же он привезет мать к Нафисе, не сказав ей заранее, что это Нафиса, не подготовив к этому... Он усадил ее за столик, на который уже упали первые осенние листья, смахнул их рукой и побежал за чаем. Пока тетушка Нигор гадала, что же за девушка грозит разделаться с одиночеством

ее сына, он принес на подносе лепешки, сахар, конфеты и чайник чая. Разломал лепешки, налил чаю и, передавая пиалу матери, сказал:

— Вы не удивляйтесь, мамуля, тому, что сейчас услышите. Мы едем к Нафисе. Возможно, увидим ее.

Мать едва пиалу не выронила, поставила ее на стол, так и не донеся до рта.

— Нафису? Какую Нафису?

— Нашу, из Фируза.

— О аллах! Что за день! Она здесь? Давно?

— С прошлого года.

— Одна?

— С сыном, Фирузом.

— А Карим? Что же, она разошлась со своим Каримом?

— Ушла от него. А разошлась или нет — еще не знаю.

— О аллах! — снова воскликнула тетушка Нигор, свела руки, прижала их к груди и так посидела молча, а потом спросила: — Пожалеть решил?

— Кого?

— Нафису. На путь наставить?

— Да она сама таким, как я, десятерым даст наставления, — улыбнулся Азиз. — Она совсем другая...

— Нафиса и в кишлаке была как ястреб, — сказала тетушка Нигор, вспоминая девочку, которая бегала к ним через дорогу. — А ошиблась!

— Это я ошибся, мама. Это я во всем виноват. Нафиса обвинила меня в том, что я не защитил ее, предал нашу любовь. И она права.

— Пусть тоже не думает, что тебе было легко! — вскрикнула тетушка Нигор и сделала глоток чая, чтобы поддержать себя.

— Что было, то прошло... Одно могу сказать, мама... Если мне суждено жениться, ни на ком я не женюсь, кроме Нафисы. Я хочу, чтобы вы это знали. И помогли мне... — Азиз печальными глазами, полными детской боли, посмотрел на мать. — Она не хочет меня ни видеть, ни слышать.

Тетушка Нигор понимающе покачала головой.

— Что суждено, то сбудется, сынок, успокойся...

... Через двадцать минут совхозный «газик» остановился у дома Нафисы. Азиз донес ведро с дыньками до

подъезда и здесь остался, с надеждой посмотрев на мать. А тетушка Нигор пошла по лестнице вверх. Если нужно, и старая женщина во всем разберется: какая квартира, как звонить... Из-за двери ее спросил детский голос:

— Кто там?

— Я, твоя бабушка,— ответила тетушка Нигор.

Мальчик помолчал и сказал:

— Нет, у вас другой голос. Бабушка уехала и не приезжает!

— Позови маму.

— А мамы нету!

— А тебя звать Фируз?

— Да,— удивленно подтвердил мальчик.— Откуда вы меня знаете?

И тут же послышались шаги и голос женщины, совсем незнакомой тетушке Нигор.

— С кем это ты тут ведешь переговоры, Фируз?

— Не видно! Я говорю, надо дырку сделать!

Дверь открыла полная женщина, директор школы, о которой рассказал Азиз, конечно, это была она.

— Вам кого?

— Нафису.

— Входите, уважаемая. Она сейчас придет, в магазин пошла. Придется немножко подождать. Вы издалека?

— Нет, мы степные жители.

— Входите,— повторила тетушка Назира, потому что Нигор не двигалась.— Кажется, я знаю вашего сына... Директор совхоза, Азизджан, так?

— Так...— обрадовалась и растерялась тетушка Нигор.

— Очень хорошо, что вы приехали! А сам он куда пропал? Как был весной, так и не кажет глаз!

— В совхозе дел очень много, дорогая! А как Нафиса, как она поживает?

— Сегодня пришла заплаканная,— только и успела тихо ответить тетя Назира, как Фируз закричал:

— Мама!

Он ждал ее на лестничной площадке, свесив голову через перила, и увидел первый, а еще раньше, чем увидел, узнал мамины шаги — как их можно было не узнать!

Нафиса поднялась и ахнула:

— Вай, тетушка пришла!

И тетушке Нигор стало легче и радостней оттого, что Нафиса сразу узнала ее, и у самой Нафисы потеплело в душе. Сейчас, торопясь домой из магазина, в который не зашла после школы, потому что ей помешал Карим, она заметила около дома пыльную машину с кузовом, накрытым брезентом. Что-то было в ней вроде бы знакомое... Но мало ли машин в Янгиере! Внутри сидел какой-то мужчина с газетой в руках, не разглядишь на ходу, а присматриваться Нафиса себе не разрешала. Теперь она поняла, что в машине сидел Азиз, который не рискнул показаться. Ни во все эти месяцы, ни сейчас. Ну, правильно делает, подумала Нафиса, однако именно оттого, что он был там, души ее коснулось неожиданное, пусть мимолетное, тепло.

А тетушке Нигор она обрадовалась искренне и глубоко.

— Милая тетушка! Какой праздник! Просто солнце взошло! Спасибо, что не позабыли нас, приехали!

— Раз ты ко мне не являешься, я к тебе пожаловала,— с неподдельной суровостью по праву старшей ответила ей тетушка Нигор.— По одной дороге ходим, а ты...

Виноватый взгляд синих распахнувшихся глаз Нафисы молил о прощении, и тетушка Нигор, увидев их, подчинилась своему вздрогнувшему сердцу, обняла Нафису и сама сказала, как пожаловалась:

— Не захотела повидать тетушку, которая на руках носила тебя! Эх, ты!

И таким родным, дорогим повеяло от ее голоса и упрека, что Нафиса и бледнела и краснела, вспоминая в глубине души кишлачные тропинки, и маму, и луну, освещавшую вечерами старый ветвистый карагач так, что на нем были видны все птичьи гнезда.

— Хорошо,— продолжала тетушка Нигор за столом, пока хозяйка, ставшая, как видно, Нафисе второй матерью, кормила в кухне Фируза,— не прощаешь моего сына, черная кошка пробежала между вами, а я-то при чем? Фируз далеко, а мы рядом. Могли повидаться?

— Могли, могли, тетушка.

— Я одна целыми днями дома сижу, скучаю... Вот

что! — придумала и оживилась тетушка Нигор. — Соберай сына ко мне, хотя бы на пять — десять дней! На следующий год ему в школу?

— Да, уже...

— Ну, вот... Все будут заняты. И он будет занят, как большой. А сейчас, пока свобода, пусть молодой джигит поедет к бабушке и поживет у нее, побегаёт... Я за ним присмотрю, не волнуйся.

— Да я знаю, что вы присмотрите... Вот только...

— Отправляй без всяких «только», — сказала тетя Назира, входя в комнату. — Побегаёт по воздуху, станет красным, как твое горное яблоко. В Янгиере, как во всяком большом городе, уже и фабричный дым, и машины... Город и есть город... Не знаешь, что ли?

— Ах, — махнула рукой тетушка Нигор, — знаний у них много, а ума не хватает!

Нафиса рассмеялась тому, как ее атаквали сразу две немолодых женщины.

— Соберу, соберу!

А тетя Назира повернулась к тетушке Нигор.

— Хорошо придумали, подружка. Не зря говорят: что сделает старый человек, не сделает даже ангел. Это правда.

Она подошла к балкону, посмотрела на улицу.

— Там же ваш сын сидит! — И Нафису спросила: — Почему не пригласила его к нам?

— Не заметила.

И она встала, чтобы собрать вещи Фируза, и ушла.

— Вот так... — сказала тетя Назира. — Она на него сердита.

— Хорошо, хоть меня не выгнала, — вздохнула тетушка Нигор. — Я ведь здесь как посол.

— Неприкосновенная личность! — улыбнулась тетя Назира.

И обе женщины, разгоняя свою грусть, посмеялись немного.

Вернулась Нафиса с узелком в руке, удерживая второй рукой сына, который уже рвался на улицу, к машине.

Сквозь стекло балконных окон Нафиса видела, как тетушка Нигор и Назира Юнусовна подвели его к «газику», как из него выскочил Азиз и поднял Фируза

на руки, и вот «газик» уже тронулся, а Назира Юнусовна долго махала вслед ему рукой...

И то ли тоска, то ли сожаление о несбывшейся мечте бросили Нафису на диван, и она, уткнувшись в подушку, зарыдала, как еще не рыдала, кажется, никогда в жизни.

Глава семнадцатая

РАЗРЫВ

Какая мертвая тишина стояла в Голодной степи! Казалось, весь ее неоглядный простор был налит этой тишиной от века... Темнели окна домов, лишь в одну сторону откидывая отражение лунного света, возвращая его луне... Там поблескивали и провода на бетонных столбах, холодных и безмолвных. Из-за корпуса жилого дома тянул шею подъемный кран. Среди разбросанного кирпича спали в пыли совхозный ЗИЛ с прицепом и еще один грузовик...

Все это хорошо видела Дилдор со своего балкона. Окна по соседству давно погасли, и земля внизу погрузилась в темноту, поэтому казалось, что балкон не висит над землей, близко от нее, а парит в вышине, чуть ли не под звездами, которые разбросались по всему небосклону. Те, что были над головой, распускали свои острые лучи во все стороны, те, что рассыпались пониже, полулежали на боку, выстреливая лучами ввысь... Но все равно ни одна звезда не могла пробить темноты. Они были далеко...

Дилдор подняла руку и поднесла поближе к глазам часы. Светящиеся стрелки показывали половину второго. Хорошо, что женщины стали носить мужские часы — они намного удобнее, а деловой женщине дорога каждая минута...

Но сейчас деловая женщина не занята делами, никуда не спешит, не торопится... Что же она делает на балконе в половине второго ночи?..

Она ждет мужа.

Дилдор стояла, прислонясь спиной к холодеющей стене, и думала, сколько же это будет продолжаться, вернее, когда и как это кончится. Она не сомневалась,

что кончится, и конец должен быть добрым, хорошим. Все выяснится. Ведь не дурак же Ахмаджан. Не дурак же он набитый! Ну, он ребенок, которого легко обмануть. Он любит, чтобы его хвалили. Иногда это бывает смешно, но он любит, и она не раз смеялась над ним. Шутя и любя. Это она подсказала Ахмаджану, чтобы он попросил Карима не называть его «хозяином». Да мало ли!.. И еще бывало не раз, если вспомнить...

Она верила, что все кончится хорошо, потому что он хороший-хороший ее Ахмаджан.

А то, что он всю неделю приходит домой, когда хочет, а то и вовсе не приходит — это... это случайность!

К поздним возвращениям Ахмаджана с поля, к его ночевкам на полевых станах во время уборки хлопка она привыкла, ей и в голову не приходило упрекать его, корить за это. Труд, связанный с землей, неограничен. Даже у тех, кто живет в городских домах с ваннами, даже у конторских служащих... Все равно все они остаются земледельцами...

Но это другое было... Другое началось! А когда? С появлением в совхозе Карима Ваккасова, того самого, с которым они познакомились у Ханкельдыевой... Вот с кем надо было поговорить, с Ханкельдыевой, но она все время, сутками, на полевом стане,— хлопок! Пусть поля изодранные, урожай недружный — тем труднее.

А Карим, влюбивший в себя директора, просто спаивающий его?

В те первые вечера, когда Ахмаджан начал задерживаться где-то, исчезая из конторы, но не поднимаясь домой, Дилдор замечала, что он приходит слегка навеселе. Однажды она застала его дома, на диване, лицом к стене, он даже не повернулся к ней, когда она заглянула в комнату. На цыпочках прокралась она в кухню, чтобы не тревожить его, приготовила ужин, чай, вернулась с полным подносом в руках, поставила на стол и зажгла свет. Она улыбалась, но он не видел ее, не шевельнулся, не посмотрел на нее.

— Ты спишь?— спросила Дилдор.

— А? Что?— заворочался он.— Нет!

— Тогда вставай ужинать.

— Не хочу.

— А я приготовила твою любимую еду. Очень вкусно!

— Я сыт.

Она обиделась.

— Ну, хоть встань, посиди с женой. Я ведь тоже целый день работала.

Он долго лежал молча, обдумывал, наверно, стоит ли ему подниматься, потом закричал. Еще несколько минут молчание продолжалось за столом. Нет, оказывается, ничего более гнетущего, чем такое вот «семейное» молчание!

Она подняла глаза на мужа.

Вид у него был такой, точно он заболел. С некоторых пор она стала ловить себя на том, что всех людей хоть мимоходом как-то ощупывала профессиональным взглядом. У Ахмаджана побледнели щеки, зато покраснели глазные яблоки.

— Ну-ка, встань!— велела она, закончив чаевничать.— Как мы себя чувствуем?— И подошла к нему.— Э, да мы хорошенько выпили?

Ахмаджан усмехнулся и погладил ее по голове.

— Никуда не спрячешься от врача! Карим привез из Янгьера бутылочку коньяка. Лучшего, который редко бывает...

Он оправдывался. И его виноватый голос, и жест, которого давно уже не помнила она, отвыкла, забыла, когда путались ее волосы в ласковых его пальцах, все тогда заставило смягчиться, примириться... Ах, женщины, и правда, немного надо!

Вчера она спросила:

— Где же ты пропадаешь все эти дни? Вернее, вечера! Допоздна!

— Вблизи, а может быть, вдали...— ответил он поэтическим слогом, умывшись и вешая на крючок полотенце.

— Слушай!— взорвалась она.— Я тебя серьезно спрашиваю. Я жду! Накрываю чайник подушкой, вешаю чистое полотенце. Все для тебя, тебе! А ты шутишь!

Он улыбался:

— Тебе весело?

— А почему бы нет? Интересно, когда тебя жена ревнует и допытывается, где ты был? Растешь в собственных глазах как мужчина. Давай, спрашивай, спрашивай!

— Так где ты был?

— Я сказал: вблизи, а может быть, вдали!

— Ты боишься отвечать правду, поэтому крутишься, изворачиваешься... Дожили!

Лицо его окаменело.

— А меня совсем не интересуют женщины, — сказала она. — С кем ты был? С Каримом?

— Ну, с Каримом! — крикнул он. — Да, да, да, о Каримом! Что, я не имею права быть с человеком, который мне нравится?

— Потому что он привозит тебе коньяк, который ты любишь больше всего?

Он шагнул к ней и задышал ноздрями так, что было слышно на всю комнату. Как конь после хорошей скачки.

— Заткнись! — грубо крикнул он, не найдя других слов. — Я люблю не коньяк, а человека! Он меня выручает!

И ушел в свою комнату, хлопнув дверью.

А Дилдор присела на краешек стула и задумалась. Как-то не получалось разговора... Того, нужного... самого нужного... Ахмаджан — неуравновешенный человек, себялюбивый, а значит — легко ранимый. Как же она не может подобрать к нему ключ? Не может найти слова, простого и доброго, единственного, которое бы, словно ключ, открыло его душу. И ей сразу стало бы легче, и ему. Они поняли бы, что нужны друг другу, что нет для них никого дороже, чем он — ей, а она — ему. Это же и есть счастье! А его не было, потому что не было минуты такого понимания, такой близости, когда люди неразделимы и незаменимы...

Дважды и трижды начинала она разговор с Ахмаджаном сейчас, стоя на ночном балконе, она репетировала, перебирая слова и самые нежные и самые тревожные, стараясь их запомнить, потому что именно сейчас, когда она была одна, к ней являлись те неподдельные слова, которые терялись, исчезали в кламе ненужной перебранки, как крупинки золота исчезают в песке.

Но состоится ли разговор, для которого она приготовила золотые слова?

Светящиеся стрелки уже показывали три... уже склонились и к четырем... А мужа все не было.

Через весь поселок к дороге тянулась линия электропередачи. И вот что интересно — заметила Дилдор только сейчас — лампочки горели на столбах с разной силой. Может быть, лампочки были разные и по-разному отзывались на живой поток таинственной силы в проводах? А иные и вовсе не светились. Может быть, выдохлись, перегорели. А может быть, провода оборвало ветром... И ток уже не доходил до них, не касался их звонкой струнки... А вдруг так будет и с ней? Никогда уже не коснется ее ласковый голос, ласковая рука Ахмаджана, человека, из-за которого она уехала из дома, из столицы, вот сюда, в Мирзачуль, почти на край света, если подумать, что это необжитая земля... И она, Дилдор, веселая красавица, гордость курса, не насмеется, сердце ее не вспыхнет радостно! Неужели это возможно? Страшно!

Ей и в самом деле сделалось страшно... Страшно было даже думать об этом. А пережить?

Позвонить Кариму в новую квартиру? Стыдно. Директор дал ему новую квартиру — еще бы, строителю да не дать! Так сказал, сияя, Ахмаджан. Да еще такому строителю! Пойти туда? Это ведь в самом деле недалеко, если встать вот в этом углу балкона, подняться на цыпочки и наклониться — станет видно. Но она не пойдет... Ее не звали. И подглядывать не будет. Стыдно! Вот до чего доводишь ты меня, Ахмаджан, любимый, неужели самому тебе не мерзко оттого, как ты мучаешь, как терзаешь молодую супругу. Какое звучное и уважительное слово и как молчалива и неуважительна твоя жизнь, Дилдор, как беззвучна ночь!

Однако нет... К ней на балкон легко залетело короткое пенье «жигулевского» клаксона... Так бывает, когда зовут кого-то... Кто зовет? Кого? не слышно... Больше ничего не слышно... Может быть, показалось?

Как вышло, что она поехала с Ахмаджаном в степь? Очень просто это вышло. Она его полюбила. Да, так полюбила, что готова была пойти за ним куда глаза глядят. И даже с закрытыми глазами.

За ней ухаживали в институте, как же без этого? О ней мечтали многие ребята, и какие! Один сейчас стал врачом на корабле, плавает или, как говорят моряки, ходит по океанам, офицер торгового флота. Другой, над которым все смеялись, просто животики рвали, такой

он был уморительный, непременный участник самодеятельности, недоучившись, стал сниматься в кино, быстро выдвинулся там, известный, любимый у молодежи комик, как написала в недавнем письме подруга... Да она и сама видела его на киноэкране... Талантливый добряк... Третий...

Ах, да что вспоминать! Ни с одним из них она даже не поцеловалась! А вот за Ахмаджаном сразу пошла, поехала, полетела... Зачем? Чтобы теперь стоять вот так на балконе и ждать, ждать, ждать?

Скоро четыре... Нет, еще нет и половины... Дилдор, которой всегда недоставало времени, все бегом, бегом, все быстрее, быстрее, впервые почувствовала, как плетутся минуты... Скорей бы! Скорей бы красный рубец лег на горизонте, будто солнце прожгло его, и по всей неоглядной равнине Мирзачуля хлынул свет... Здесь, в степи, сразу становится далеко видно. Все открыто. И жизнь открытая... Вернее, никуда не скроешься, все видно... О чем ты, Дилдор? Ты же об этом совсем не хотела... Не поэтому ты стоишь на балконе и ждешь Ахмаджана, которому веришь. Ведь любовь и есть вера, прежде всего — вера, всегда — вера. Ну, конечно, я верю ему!

В самом конце рабочего дня к ней пришла простуженная каменщица Валя. Пришлось ее научить, как делается горчицная ванна для ног, чтобы унять насморк, дать несколько таблеток аспирина — и все, ничего страшного... Но Валя кашляла и не уходила...

— Что тебе непонятно?

— Вообще-то многое, — сказала Валя, — но как аспирин пить — я поняла, знаю...

— Еще спросить что-то хочешь?

— Сказать...

Дилдор села за врачебный столик, а Валя рассказала ей самое невероятное, неожиданное, чепуху какую-то!

Будто бы она живет в общежитии, в одной комнате с передовой штукатурщицей. Довольно симпатичная, между прочим...

— Но ведь ногтя вашего не стоит! — воскликнула Валя.

— А я-то тут при чем? — не поняла Дилдор.

И тогда... смешно подумать, но тогда Валя, у кото-

рой щеки стали пунцовыми, и Дилдор даже заподозрила, что у нее температура поднялась, Валя рассказала, что Карим пригласил или затащил, как хотите понимайте, Валя не хотела идти, к себе в гости ее и Тамару... а там, в его квартире, никого не было, кроме трех пьяных мужиков. Вале было страшно неудобно, потому что не ожидала она увидеть пьяного директора, А директор сразу усадил рядом с собой Тамару, и скоро...

— Что?

— Он с ней целовался! Хотите верьте, хотите — нет, а я из уважения к вам говорю...

— Он — целовался? Ахмаджан Умурзакович?

— Пьяный, правда...

Дилдор встала.

— Слушайте, Валя... Еще слово, и я опять буду мерить у вас температуру... Этого не может быть! Забудьте то, что вы мне сказали. И не повторяйте!

Валя ушла, ни слова не сказав, будто проглотила язык и голоса лишилась, а Дилдор подумала, что даже спрашивать не будет у Ахмаджана о том, что услышала, а если и спросит, то ради шутки, смеясь, но не у кого, оказалось, спрашивать...

Четыре... Нижний край горизонта начал постепенно светлеть. В городе не замечаешь, а здесь как-то особенно видно, что солнце действительно встает первым в начале дня, всплывает из-под земли... Млечный Путь, прорезавший свою дорогу через все темное небо, густо насыпавший ее звездными осколками, испарялся с конца, как дым, становился зеленоватым...

А если правда — все, что сказала малознакомая Валя?

Нет, лучше пусть день навсегда превратится в ночь.

Перестань прятаться, Дилдор. Солнце будет всходить, и дни будут сиять, а ты, что ты сделаешь, Дилдор, если все это правда?

Она уедет туда, где руки Ахмаджана будут бессильны достать ее. Уедет, убежит...

«А почему это я должна бежать? — тут же подумала Дилдор. — Это и моя степь. Мирзачуль стал частью и моей жизни, и мои радости и невзгоды вошли в эту землю, как солнечное тепло с неба и вода, стекающая с бетонных лотков. Пусть урожаи новых людских радо-

стей, более полных, возрастут на моих слезах. Почему это я должна бежать, а он остаться?»

Дедушка сказал ей после свадьбы: все теперь зависит от тебя, внученька, как ты будешь бороться. Она тогда не поняла, с кем, за что, почему. Наивный ребенок. Теперь она понимала, и хорошенькое дело придумала — бежать!

Ой, дедушка этого не одобрит.

Но дом уже показался ей чужим и холодным, и она решила сейчас же пойти в больницу. Там спокойней. Там лучше.

Стало слышно, когда она спустилась и вышла на улицу, как на большой дороге шумят машины. Новый день уже привел их в движение. Люди прокладывали сквозь время свои маршруты...

Она шла и успокаивала себя: чудачка, нагородила неизвестно чего, напридумывала, смех и грех!

За углом открылась площадь перед домом, где жил Карим. Из дверей подъезда вышел человек, и этот человек был ее мужем, Ахмаджаном. Качаясь, он добрался до «Жигулей», да, да, до своих, то есть директорских «Жигулей», и... дверца открылась ему навстречу. Как бы сама... Только потом Дилдор, которая замерла возле угла, догадалась, что, наверно, кто-то сткрыл дверцу изнутри, из машины. Кто?

Может быть, Карим. Может быть, с утра они ринулись куда-то по своим строительным делам. Пили, конечно, а потом Ахмаджан остался ночевать у Карима, чтобы с утра отдаться делам. Вдвоем. С Каримом.

Стекла автомобиля были запотелые, никого не видно внутри... Мотор загудел, и «Жигули» покатались, выбрались на асфальт, умчались...

Был час, когда утренний свет уже обнажал земные очертания, но фонари еще горели...

Дилдор дошла до больницы, села в своем кабинете за стол и придвинула стопку бумаг. Да, опять она — и эти бумаги, истории болезней... Так уже было, что она читала истории болезней ночами, коротая их... Ну и что ж? Нет, наверно, на свете более человеческих бумаг, чем истории болезней... Это все — людские страдания, эта все — люди, так она сама однажды говорила мужу, и мы перед людьми всегда в долгу.

Он уехал куда-то, с кем-то, а она будет читать и читать, это важно, это нужно...

С этими мыслями она встала и подошла к окну. На улице стало еще светлее, небо поголубело, свежее утро обнажало его голубизну все шире...

Из окна ее кабинета на втором этаже площадь, с которой уехали «Жигули», была еще виднее... Где она сейчас, директорская машина? Да вот она!

Светлые «Жигули» описали круг и остановились у подъезда, коснувшись колесами бетонных ступеней. На тротуар сначала выбрался Ахмаджан, а потом — женщина, добротная, крупноватая... Она обошла машину, приближаясь к Ахмаджану. И стало легче легкого узнать ее в профиль по маленькому носу, зажатому мячиками щек. Это была Тамара... Ну, та самая, о которой говорила Валя.

Ахмаджан ждал ее, протянул руки, прижал и начал целовать. Вот как все просто! Запустил пальцы в распущенные волосы Тамары, запрокинул ее голову и целовал в пышное лицо, в толстые губы... Да неважно, какие! Толстые, тонкие... Другое лицо, другие губы! Вот что важно...

Дилдор не помнила, как дождалась, пока они скрылись в подъезде, причем Тамара тянула его туда. Не помнила, как доплелась до дома, пугаясь, что ее кто-то может встретить, но поселок еще спал... Он просыпался быстро как по неслышному удару солнечного гонга. Как взрывался. К счастью, этот миг еще не настал...

Дома Дилдор открыла шкаф и начала бросать свои вещи, все, что попадало под руку, сначала на пол, а потом в чемодан. Она все же уедет... Да, еще не ясно куда, но одно ясно — не останется она в этом поселке. Невозможно! Простите и пожалейте, люди!

И тут с вороватой осторожностью повернулся ключ в двери,брякнули о пол ботинки — один, второй, он снимал их, чтобы незаметней прокрасться к себе, скрипнули в тиши квартиры доски пола, и, должно быть, увидев свет в ее комнате, он вошел.

— Не спишь? — спросил он, улыбаясь.

Брови его, выражая удивление, театрально поднялись вверх.

— Как видишь, — безразлично сказала она, и тут

же поняла, что не сможет ни ругаться с ним, ни прикрыться от него безразличием.

Он все еще улыбался — глуповато и боязливо.

— Сядь, Ахмаджан, — попросила она и сама присела к столу, потому что ноги не держали ее.

Сел и он.

— Ну?

— Когда-нибудь... Когда-нибудь тебе приходило в голову, как ты неправильно живешь? — спросила она так тихо и мирно, что сама себе поразилась, от усталости, что ли.

— Почему это неправильно? — сразу вытянулся он.

— Значит, не приходило...

— Хм!

— Тебе кажется, что ты родился, чтобы пользоваться успехом. Что все — хуже тебя, и ты можешь помылкать ими.

— Тобой?

— Нет, всеми. Кем угодно. Ты умнее других, удачливей других, талантливее других, что там еще, какие невероятные качества есть у тебя? На твой взгляд, конечно... Красивее других — это мелочь... Ты — лучшее всех, и для тебя прежде всего существуют и слава, и счастье, и награды, и деньги, наверно... Ты живешь и ждешь всего этого. А почему? Почему ждешь-то? За что?

— Смеешься? — процедил он.

— Смеюсь... Дети знают, что все это надо заслужить, а ты ждешь просто потому, что ты Ахмаджан Умурзаков, как будто этого достаточно.

— Что же мне делать? — издевательски заухмылялся он, закачавшись на стуле и захлопав в такт ладонями, чем как бы выражал свое высшее отчаяние.

— Попытаться стать другим, — серьезно ответила ему Дилдор. — Стать другим и начать с нуля.

Она поднялась, и он крикнул:

— Почему ты говоришь это мне вдруг, на рассвете? Другого времени не нашла?

— Потому что я хочу, чтобы ты был счастливым. По-настоящему.

— Ты?

— Да, я... Я любила тебя.

— Любила?

Его глаза проследили за ней и увидели чемодан. И какие-то ее вещи, не влезшие туда, оставшиеся на полу...

— Что все это значит? — закричал он, задохнувшись, подавившись первой же фразой и не сразу вернув себе голос. — Дилдор!

— Я уезжаю.

— Куда?!

— Не знаю.

— Как?

— Честное слово, пока не знаю.

Он сел, вернее, упал на стул, стоявший за ним, а она подняла довольно тяжелый чемодан и вышла в коридор квартиры, до минувшей ночи бывшей ее квартирой. Рука привычно отыскала внутренний ключ. Второй валялся где-то в кухонном шкафчике. Ахмаджан не сразу его найдет...

Она захлопнула входную дверь сначала на английский замок, а потом закрыла с площадки внутренним ключом, уверенная, что человек, бывший до минувшей ночи ее мужем, кинется за ней, он ведь — Ахмаджан, от него не может, не имеет права, не должна уходить жена.

А она уходила...

Со ступеней она услышала, как он ломится в дверь и кричит:

— От-крой! Гово-рю тебе — от-крой! — и колотит в дверь ногами.

Голос у него был хриплый.

Торопливо она дошла до большой дороги и остановилась первый же грузовик. Еще через полминуты он увозил ее, как в насмешку, навстречу встающему солнцу.

Глава восемнадцатая

У Ч - Т А М

По-узбекски это — три дома.

Но уже давно эти слова звучали как название места, которое вокруг все знали. Кто бы ни ехал мимо, на каком бы языке ни разговаривал, все либо уславливалось встретиться возле «Уч-там», либо договаривались:

«Перекусим и чаю выпьем в «Уч-там», «Отдохнём в «Уч-там», а то и «Переночуем в «Уч-там». Словом, географическое название, рожденное приметой, которую сразу определили зоркие взоры путников...

Над прохладой глубокой воды Южного магистрального канала, среди серебристой зелени красавец-тополей, под голубым мирзачульским небом, открытым во все концы нараспашку, здесь стояли только три белых дома. И была чайхана. И был перекресток, скрещение дорог, бегущих с разных сторон Голодной степи, с ее границ и в ее глубь.

Приметное место! Сама жизнь его сделала и сама сказала, как ему называться. Три дома... Но поскольку географические названия не переводятся, не меняют звучания — «Уч-там».

Эту чайхану облюбовал Карим, и Ренат, ставший прсданным водителем и денщиком, частенько останавливал тут свой ЗИЛ с прицепом. Ренат привык подчиняться новому экспедитору беспрекословно, ни о чем не спрашивать, а тем более — не расспрашивать, на все команды отвечать одним словом «Хоп»; то есть «Хорошо», и был очень доволен своей жизнью... С самого раннего утра они трудились на совесть, тут уж им упрекать себя было не в чем, а вечерами гуляли — почему после трудов праведных не погулять молодым людям, а?

К ним все чаще присоединялся сам директор совхоза, Ахмаджан Умурзакович, значит, все было в порядке. Работай и гуляй! Хоп? Хоп!

Славно жилось Ренату.

Сегодня снова гоняли на кирпичный завод, а сейчас вместительный кузов грузовика и прицеп были завалены кирпичом, свеженьким, красненьким. Несколько тысяч штук... Карим дремал в кабине, прикрыв глаза, вероятно, раздавил бутылочку с какими-то кирпичными снабженцами, а ему, Ренату, дремать нельзя, у него руль в руках, смотри и смотри, машин катит много — одни навстречу, другие стремятся обогнать, все спешат! Таков уж климат мирзачульский, если иметь в виду, конечно, не солнце, а климат деловой жизни: дави на газ!

Однако на подъезде к «Уч-там» Карим пришел в себя, встряхнулся и сказал ласково, позевывая:

— Здесь постоим.

— Хоп.

В это время дня машины здесь стояли строем, как на параде. Моторы стыли, а водители и экспедиторы баловались горячим чайком.

Вот и Карим с Ренатом тоже уселись в чайхане, и только налили ароматного чая в пиалки, разломали по лепешке, как к ним подсел какой-то старенький, коротенький дядя, очень похожий на паука, с кривыми ногами и руками... Да и руки казались кривыми, потому что он держал их враспор, отставив локти.. На лице—клочок седенькой бородки и клочки усов, таких же седеньких...

— Ну, как? — сразу спросил он, не здороваясь, не знакомясь, из чего Ренат правильно заключил, что они с его начальником давно знакомы.

— Все в порядке,— сказал Карим.

— Где?

— Здесь. Моя фирма точно работает. Прогуляйся, посмотри.

— Грузовик с прицепом? Уже видел.

— Понравился товар?

— Хороший.

— Деньги вперед.

«Паук» заковырялся за пазухой, остановился.

— Может, сгрузим сначала?

— Деньги вперед,— решительно повторил Карим.

Тогда «паук» вынул пачку, тщательно завернутую в газету, обвязанную ленточкой, и передал Кариму, вцепившись в него глазами и спрашивая:

— Не обманешь?

— Я — честный человек! — ответил Карим, пряча деньги.

Вздыхая, «паук» поднялся, пожелал приятного аппетита, как будто лишь сейчас заметил, что они ели, и сказал:

— Меня найдете легко... Я дынями торгую... Вон там. Вечером тоже буду торговать и там же...

Он хотел уйти, уже заковылял, но Карим остановил его:

— Не беги. Брать надо сейчас.

— Как? — не столько удивился, сколько испугался «паук».

— Я тороплюсь.

— Все торопятся! — пожаловался «паук».

— Работа!

Дядька покряхтел, потоптался и спросил, кивая головой:

— Не боишься?

— А ты?

— Боюсь.

— Ладно, иди открывай ворота... Мы больше тебя рискуем.

И «паук» опять заковылял, ушел, а Ренат вопросительно посмотрел на Карима. Тот прихлебывал чай, не обращая внимания на своего водителя, и Ренат подумал, что начальник все время говорил: «Я тороплюсь... Моя фирма...», но вдруг сказал: «Мы больше рискуем», значит, объединил Рената с собой, как только дело дошло до риска. Все уже стало ясно: этому «пауку» он продал кирпич, не поинтересовавшись даже, хочет ли Ренат в таком деле участвовать. И позволено спросить...

— Что за дядька? — спросил Ренат.

— Хитрюга... Коммерсант! — рассмеялся Карим. — Ловкач! На голом месте деньги делает, и какие!

Оказалось, этот дядька уселся на скрещенье дорог, действительно, как паук. Мирзачульские дороги стали для него паутиной. По ним везли дыни, арбузы, фрукты... И дядька все это скупал, с каждой машины ему перепадало понемногу, по несколько штук от знакомых и незнакомых перевозчиков и водителей, по копеечным ценам, конечно, форменная дешевка, а продавал он здесь же, возле «учтамской» чайханы, те же дыни и арбузы втридорога. Большинство машин ехало без этих завидных даров осени, везло хлопок, цемент, кирпич и другие стройматериалы, а то и людей, полный кузов покупателей, всем хотелось отведать мирзачульской дыньки... Вот тебе и криворучка! Бизнесмен!

— Разглядел и впился в это место... Дом себе купил на выручку, уже оправдал первые расходы... Будет расширяться, расстраиваться, каменный забор ставить. Для этого и нужен ему кирпич, — рассказывал Карим.

Они подъехали к раскрытым воротам одного из трех домов и сгрузили весь кирпич с прицепа на выгоревшую траву, сивую, бурую от летнего солнца. Весь двор был в кочках, покрытых этой травой, а сейчас закрас-

нел от кирпича. «Паук» суетился и все время взглядывал на солнце, как будто ждал, что оно сейчас исчезнет, и призывал к этому аллаха. Темное дело требовало темноты... Карим, по его мнению, очень уж разошелся.

— Ладно тебе! — усмеялся Карим. — Наложил полные штаны. Кто знает, что я тебе привез кирпич? Кому какое дело до него? Всем некогда, все спешат! Э-э! Ты же бизнесмен, должен знать, что сейчас ночью не воруют, если попасться не хотят! Сейчас для полной безопасности днем воруют! Не дрейфь!

Закрывая за ними ворота, «паук» облегченно хмыльнулся, кажется, согласившись с Каримом.

— А как же мы оправдаем свою нехватку? — спросил в дороге Ренат.

— Ханкельдыева подпишет, что все, до последнего кирпичика, приняла, считать не будет! Держи свою долю!

Карим протянул ему десятку.

— Спасибо.

... Несколько дней назад они с Каримом заехали на полевой стан Ханкельдыевой. Давно она жаловалась директору, что у передовой бригады нет, по существу, полевого стана, и директор как-то велел Кариму подъехать и посмотреть, что там можно сделать...

Бригада была, казалось, из одних девчат. И одна лучше, веселей, озорней другой... А с Ханкельдыевой Карим встретился как с любимой, долго стояли, держась за руки и о чем-то шепчась... На полевом стане уместился вместо палатки какой-то сарайчик. Карим прежде всего забраковал место.

— У самой дороги! Что за полевой стан? Сплошная пыль!

Прогулялся вокруг и выбрал подходящее место, такое, что само криком кричало: «Вот оно я!» Большая лужайка находилась в конце хлопковой плантации, между лотком-арыком, в котором шумела бурная вода, и соседним полем. Девчатам место очень понравилось, а Карим вынул блокнот, шариковый карандаш, который сначала походил по рукам, потому что он был чешский, разноцветный, красивый, и все девочки хотели им полюбоваться, нарисовал план постройки, обозначил газон, кухню и душевую и спросил:

— Фонтан не хотите?

Видимо, поселковый фонтан с лебедями был тоже плодом его фантазии.

— Нет!— засмеялись девчонки.— Душа хватит!

— Самовар достаньте и приезжайте к нам чай пить. Хоть каждый день. У вас же машина есть!

— Мой «Москвич» можете взять себе,— предложила Ханкельдыева.— Он мне сейчас не нужен. Все равно без дела стоит!

— Давно уполномочили бы меня, все было бы!— самодовольно сказал Карим.

— Уполномачиваем, уполномачиваем!— завизжали девчонки.— А скоро будет?

— Доверьтесь мне и не беспокойтесь! Скоро!

И вот везли им кирпич, правда, оставив третью часть спекулянту на «Уч-там». Но Карим был прав: Ханкельдыева поставила в бумагах подпись, даже не посмотрев на цифры и не прикинув хоть на глазок, сколько кирпича ей доставили. И она, и ее девчонки были рады, что дело сдвинулось с мертвой точки. Они помогали отгружать кирпич, а потом усадили Карима и Рената за чай. Все успели!

Над Мирзачулем уже расстелилась ночь. Небо было огромное, и луна по нему катилась маленькая, как горошинка. Звезды заблестели... В Кариме заговорил поэт.

— Удивительно! Бескрайняя, безводная степь... А какая красотища! Какое небо! Этот простор, эта свобода!.. Нигде нет такого!

— У нас есть,— сказала Ханкельдыева.

— Ваш адрес во вселенной?— спросил Карим и наклонился к ней.

— Почему во вселенной? Он на земле.

— Нет, правда! Вы— ангелы, а мы с Ренатом — часовые у дверей рая!

Девушки расхохотались, а Ханкельдыева смеялась так, что, казалось, звездочка над ней дрожала. А может, и звезды смеялись над словами Карима?

— Какой же вы замечательный человек, Карим-ака!— воскликнула одна из девчат.— Веселый!

— Если так,— ухватился он,— на забудьте меня с Ренатом позвать на свою свадьбу.

— А вы придете с женами?

— Увы, нет...

— Почему?

— Потому что мы холостые!

— О!— слышалось с разных точек девичьего кольца, некоторые даже в ладони захлопали, а Ханкельдыева сказала:

— У вас же есть жена, Нафиса.

И сразу все замерло в такой глубокой тишине, как эта степь, эта ночь.

— Да,— тихо сказал Карим.— И я любил ее. Недавно предлагал восстановить семью ради сына... Но она отказалась наотрез!

Из девичьего круга где-то вырвалось удивленное восклицание. И словно пробило брешь в плотине тишины. Девчонки выдали свои реплики:

— Надо же!

— Вот глупая!

— Ай-яй-яй!

— Да-а,— вслед за ними протянул Карим.— Птица счастья слепая! На голову каких только людей иной раз она не садится! Я встречал «джигитов» в кавычках... Для работы — любой — негодны, в разговорах по-людски двух слов сказать не могут, а жены у них — красавицы, и счастья — хоть отбавляй!

— Вы и теперь любите свою жену?— спросила Ханкельдыева.

— Нет. Если любовь не берегут, не ценят годами, какое сердце не остынет, скажите? Вчера меня вызывали в суд.

— Развели?

— Я дал согласие. Я молодой. Жениться хочу. Авось повезет! А привязанная собака для охоты не годится!

— Правильно, развязывайтесь, мы вас женим!— подхватили девушки.

— Найдём невесту!

— Есть одна на примете!

А Ренат вдруг поднялся.

— Пора нам в путь. Я спать хочу. Завтра рано вставать.

— Верно, верно,— поддержал его и Карим.— Мы завтра заглянем.

В самом деле, хотелось спать, но в эту ночь не

спалось Ренату. Раньше засыпал, как убитый, только голову на подушку, и готово, и так крепко спалось, что утром не мог ни одного сна вспомнить... А в эту ночь до утра ворочался с боку на бок. Ну, пили много... Нельзя сказать, чтобы это ему очень нравилось, но не скажешь, что и возмущало. Даже лестно было иногда... Экспедитор, директор... Компания! А вот история с кирпичом... Этот спекулянт на «Уч-там»! Тоже ведь— твоя компания, Ренат... Что же это такое? Да чего гадать? Обыкновенное воровство. Это уже не бутылка, да. Воровство!

Чуть свет Ренат поднялся и пошел к Саттару-ака домой. Раза два он останавливался по пути, но снова толкал себя вперед, как хороший боксер: если уж решил, так поступай, как решил, будь мужчиной до конца. Выбирайся из болота, Ренат, а то завязнешь... Надавил на кнопку звонка и стал слушать. Молчание. Позвонил еще раз и услышал, как шаркает Саттар-ака к двери.

— Что случилось?— спросил он, приоткрыв дверь, оставленную на цепочке.

— Рассказать хочу...

Саттар-ака впустил его и показал рукой в сторону кухни, дом еще спал. Шаркая по коридору вслед за Ренатом, он подтянул цепочку с гирькой на ходиках, тикавших со стены. Вероятно, у таких, как Саттар-ака, людей в возрасте оставалась любовь к старым вещам, например, к ходикам. Впрочем, сейчас и у молодежи на них разгорелась мода, вполне возможно, дочка купила и повесила...

— Вы извините, что так рано,— заговорил Ренат в кухне.— Вещь такая... важная!

— Да уж понимаю, что из-за чепухи в такую рань не явишься! Садись.

Саттар-ака сам сел первым и показал Ренату на маленький табурет, покрытый веселым цветным пластиком.

Выслушав водителя, он сказал:

— Та-ак...— Вскочил, шагнул и сел снова.— Молодец, что пришел! Та-ак...

И снова вскочил. Заместитель директора по строительству явно был возмущен и сбит с толку, никак не мог сообразить, с чего начать.

— Через полтора—два часа директор будет на месте. Мы с тобой сразу зайдем к нему...

Ренату не хотелось рассказывать, что Карим дружит с директором и пьет вместе с ним, и он сказал:

— Я в то время уже далеко буду, уеду...

— Куда?

— Снова за кирпичом.

Саттар-ака подумал.

— Езжай, езжай... А я зайду к директору... Для формы должен зайти... А вообще-то сам позвоню в прокуратуру... Директор ему ничего не сделает, даже по рукам как следует не стукнет... Они же собутыльники!

Вот так раз! Ренат не хотел говорить, боялся, а люди, оказывается, все знали. Еще бы! Большого пятна от людских глаз ладонью не закрыть...

— А если Карим опять прикажет остановиться на «Уч-там» и свалить кирпич с прицепа спекулянту?

— Тут они и попадутся на месте преступления! Вали!— обрадовался Саттар-ака.

Когда заехали во двор к «пауку», Ренат все поджидал, что сейчас в калитку, запертую этим раскорячкой на несколько поворотов ключа, постучат строгие люди, войдут с милицией, и тогда все, точка... Но ничего подобного! Никто не появился... Как въехали, так и уехали в тишине. На лужайке, где запланировали строительство полевого стана, выгрузили кирпич из кузова грузовика, и снова Карим выхвалялся перед девчонками, и снова они, как дурочки, восхищались им, и снова поили вкусным чаем. А потом Карим послал его на грузовике к большой дороге и велел там ждать, а сам позвал Ханкельдыеву, и она пошла провожать его... Сколько мог, Ренат видел их в боковом зеркальце, пока не повисли перед глазами темнота и пыль, которая угадывалась по запаху...

... Уктамхон позволила целовать и обнимать себя. Она тоже стосковалась по ласке, по его ласке... А он тискал ее крепенькие плечи и повторял:

— Я из-за тебя сюда приехал! В эту пустыню! В эту затерянную точку всей вселенной! Ты сама знаешь... Ты меня сюда привезла... Как увидел тебя тогда в Янгиере, понял — я твой пленник! Прикажи — луну достану!

— Не надо, ничего не надо, Каримджан,— повторяла она,— не надо!

И не сразу заметила, что отступает перед ним, шаг за шагом, пятится назад... Пока чуть не упала в канаву и не остановилась. Вдруг она испугалась, сердце сдавило до боли.

— Отпустите меня, Карим-ака!

— Сколько я могу ждать? Уктамхон, дорогая!

Мерцали звезды, и под ногами была трава, а за спиной, в канаве, таинственно тихо, перебирая травинками, текла вода...

— Отпустите меня, или я закричу!

Она не знала, закричала бы она на самом деле или нет, но он остановился. Мать, которая вдруг вспомнилась Уктамхон, наверно, сказала бы по этому поводу, что ангел пролетел мимо и спас ее от беды.

— Я вас по-настоящему люблю,— сказал Карим.— Видите, как слушаюсь. Клянусь!

— Встаньте подальше!

Теперь он нашел, как вести себя, а она почувствовала свою власть и продолжала эту линию.

— Никогда бы не подумала, что вы можете быть таким!

— Простите меня. Ну, простите, я пошутил... Вы простили?

— Простила,— ответила она хмуро, и говорить вдруг стало не о чем.— Ну, как там директор? Как его жена, наша милая Дилдор? Мы все ее любим.

Уктамхон спросила об этом просто так, чтобы переменить тему разговора, для Карима же это было совсем некстати.

— Почему вы задумались?— настаивала она.— Как Дилдор?

— А, нехорошая весть!— Он махнул рукой.— Неужели еще не слышали?

— Что?

— Значит, я первый должен сказать?— спросил он, размышляя, что ничего плохого не сделает для Ахмаджана, а Ханкельдыевой еще раз докажет свою верность, и это может пригодиться.— Она ушла от него.

— Как ушла? От кого?

— Дилдор от нашего директора, такого человека! Без всякой причины!

— Без всякой причины?

— То есть!— воскликнул Карим.— Так, конечно, не бывает. Вы знаете Азиза, директора соседнего совхоза?

— Незнакома, но видела и слышала... Он выступал на межрайонном активе, больше тысячи человек слушали его, открыв рот!

— Если бы они узнали, что я вам сейчас скажу, то еще шире бы свои рты открыли! В девичьи годы Дилдор, оказывается, встречалась с ним. Но хозяин взял верх и женился на ней. Во-от... Выйти-то она вышла, но забыть Азиза не могла. Ездила к нему в совхоз не раз... А теперь собрала вещи и совсем ушла... Хозяин полагает, что к нему!

Чему угодно Уктамхон поверила бы, только не этому, и она сказала сухо:

— Уже поздно, Каримджан, поезжайте.

— Еще одна деталь!— заторопился Карим.— Хозяин хочет иметь ребенка, а Дилдор не хочет, так что он не особенно убивается и никогда не кинется за ней вдогонку!

— Уезжайте!— почти выкрикнула Уктамхон.— Вы, конечно, защищаете директора, и я знаю, почему.

— Почему?— усмехнулся Карим.

— Пьете вместе.

— Мы?

— Люди-то видят!

— Ох, люди... Я бы этих людей!.. Всюду — люди, люди!..

Но Ханкельдыева уже уходила, повернувшись...

Он дошел до грузовика на большой дороге, сел в кабину и хлопнул дверцей.

— Поехали, орел, гони в поселок!— А в поселке сразу попрощался:— До утра! Спать!

— Спокойной ночи,— сказал Ренат.

... Но возле общежития Рената встретил Саттар-ака и спросил:

— Ну как? Я заждался!

— Так же...— усмехнулся Ренат.— Привезли кирпич, скинули у этого паука...

— И что?

— И уехали... Вот, держите, я получил еще десятку... Заберите сразу,— и сегодняшнюю и вчерашнюю...

Я думал, официально властям отдать, да не видно что-то властей... А мне в кармане носить противно.

Он протянул руку с десятками Саттару-ака, и тот крепко схватил его за руку.

— А ну, пойдем к директору! Живо!

— Зачем?

— Он просил меня никуда не звонить, никуда не сообщать, сказал, что все сам сделает. А тебя просил зайти, как вернешься. Пошли вместе. Он ждет.

В кабинете директора было сильно накурено, хотя сидел там один Ахмаджан. А дыму плавало вокруг потолочной лампы, как будто большое совещание только что кончилось. Директор горбился, как старая птица. Черный, оттого что не побрился утром. Детскими, незащищенными глазами посмотрел он на Рената и сказал:

— Я прошу вас, Ренат... Утром, пораньше, поедете в «Уч-там» и возьмете у этого спекулянта весь кирпич, до последней половинки...

— Как?— закричал Саттар-ака.— Вы хотите замести следы, покрыть Карима, вместо того чтобы... Значит, вы не звонили в прокуратуру? Нет!

Он замотал вытянутым пальцем из стороны в сторону, собираясь еще что-то сказать, но Ахмаджан перебил его:

— Если всех людей в совхозе — сразу в прокуратуру, начнем сажать, с кем будем работать?!

Саттар-ака вытаращил глаза, и Ренат испугался, что его инфаркт хватит от директорских слов.

— Во-первых... это не люди... а... а... преступники!— продохнул наконец Саттар-ака.— Во-вторых, всех — в прокуратуру... Зачем вы так говорите, почему? Только преступников! Не всех!

Ахмаджан выслушал его, закрыв глаза.

— Ладно... Положите ваши документы на стол... Я разберусь!

Глава девятнадцатая

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

А Дилдор, и впрямь, остановилась и устроилась в тридцать втором совхозе. И в то время, когда Ахмаджан, скрипя зубами, ломал голову над тем, где она, и

не сомневался про себя, что ее переманил и приютил Азиз, она уже принимала там больных. Поистине, неисповедимы пути, по которым жизнь ведет человека, но все было совсем не так просто, как это представлял себе Ахмаджан.

Все было совсем не так!

Едва Дилдор оказалась в кабине грузовика, за рулем которого сидел пожилой человек с рыжими, насквозь прокуренными усами, как у нее закружилась голова... Она даже глаза прикрыла и наклонилась, а потом откинулась, чтобы унять легкий, показавшийся случайным позыв к тошноте...

Шофер выбросил изо рта сигарету, не докуренную даже до половины, опустил стекло пониже, чтобы больше свежего воздуха попадало в кабину, и нет-нет да поглядывал на пассажирку, подаренную ему дорогой...

Ах, дорога! Каждый день она полна новыми событиями и людьми. Не соскучишься...

А Дилдор думала: как же так, почему она раньше не почувствовала? Ну, хотя бы вчера, хотя бы сегодня, в эту бессонную ночь? Почему она до сих пор оставалась в неведении о новой жизни, уже зародившейся в ней?

Как они ждали ее, она и Ахмаджан! Может быть, знай он это, иначе вел бы себя, иначе относился к ней, и не было бы этой ночи, не было бы никакой Тамары! А теперь...

От горькой обиды у нее слезы пскатились по лицу.

Нет, сна не могла вернуться и обрадовать Ахмаджана. Некуда было возвращаться, не к кому. А как все могло бы быть! Она плакала и думала о том Ахмаджане, которого любила когда-то...

Шофер держался обеими руками за руль, стараясь осторожней вести тяжелую машину, не прозевать трещины на асфальте или камня... Словом, мобилизовался.

Когда Дилдор вытерла слезы и взялась за горло, он спросил:

— Соленького хочется? А я непьющий! У меня с собой даже огурчика нет!

Дилдор улыбнулась:

— Потерплю.

— Терпи, терпи, — поощрительно ответил он. — Теперь для тебя это главное...

Он старался говорить с ней поласковой и ехать потише, тоже поласковой. Пожилой человек быстро понял, в чем дело...

В посветлевшем небе неистово кричали ласточки. Их стало слышно, едва грузовик остановился у арки с надписью «Совхоз имени Султана Джуры». Возле арки появилась автобусная остановка. Да, жизнь, пробившаяся в Мирзачуль, крепко пускала в нее свои корни. Дилдор поблагодарила его и сказала:

— Я здесь останусь.

— В «Джуре» пойдешь, что ли? — поинтересовался он.

— Да.

— Сиди! Еще целых три километра! — сказал он так, как будто было не три, а триста, и стал заворачивать на дорогу, бегущую в совхозный поселок.

Ну что ж, подумала Дилдор. День начинается не так уж плохо, первый человек, встретившийся ей, оказался добрым. Надо взять себя в руки и успокоиться.

Рыжеусый от табачного дыма шофер довез ее до больницы и смущенно закашлялся:

— А тебе не рано сюда, милая?

— Я здесь работаю.

— По медицинской части?

— Я — врач.

— Хм! — удивился шофер. — А с виду — совсем девочка. Я так и принял... Ты да ты! Вы уж меня простите, пожалуйста. Не обижайтесь, я так, попросту...

— Обижаться? На что? — удивилась Дилдор. — Добрый путь вам!

— Я от чистого сердца, — смущенно договорил шофер. — Вижу, что-то не так! А вы помните... Вы — наш доктор, а ваш доктор — время. Обойдется!

И он уехал, может быть, чтобы больше никогда не встретиться в ее жизни, оставив глубокий след, а она огляделась... Поселок просыпался, отдельные люди торопливо проходили по дальним улицам, проглядывающим сквозь зелень, но для больничного начальства этот час, конечно, был еще очень ранним... Лучше подождать немного... Можно сесть вот на эту скамейку под топодем, посидеть и послушать птиц...

Но птичий пересвист быстро утих, будто его и вовсе не было... Дилдор опять заняли ее мысли...

И хотя солнце лезло в глаза, перед ними снова встала ночь, маленькая автомашина прорезала ее фарами, из нее вышли мужчина и женщина и бесстыдно, и беззастенчиво, будто никого и никогда не было и не могло быть вокруг, принялись обниматься и целоваться... Кадр, достойный западного фильма, честное слово! Любовь на рассвете...

Дилдор даже покачала головой и вздохнула. Не об этом надо думать, это зачеркнуто. Она уехала из больницы, которую, можно сказать, строила, надевая комбинезон вместо врачебного халата, у нее были больные, которых она оставила, предала... Конечно, не было таких, которые немедленно требовали ее присутствия и помощи, но все же она нарушила врачебный долг, врачебный завет. Вот на что толкнул ее Ахмаджан! А вернуться она не могла, потому что там, где осталась ее больница, был он. Там был, как любил повторять он, его совхоз. Его!

Значит, надо связаться с райздравотделом.

Но сначала нужно выяснить, возьмут ли ее на работу в этом, тридцать втором совхозе. Врачи, конечно, им нужны, как они нужны во всех районах Мирзачуля, но Азиз... Как он отнесется к ее неожиданному шагу, к ее решению, к ее нужде? Поймет ли молча? Начнет ли расспрашивать, каждым словом причиняя ей боль? Как у него с Нафисой? Вдруг он еще больше помрачнел и ожесточился? Азиз? Нет, это невозможно себе представить! А почему невозможно, Дилдор? Разве ты ждала от Ахмаджана того, что получила? Нет. Так не надо заранее настраиваться на добро. Учись жить! Окажется ли Азиз добрым? Неизвестно. Когда думаешь о жизни, лучше всего говорить — неизвестно.

Вот что старалась внушить себе Дилдор, сидя возле больницы на скамейке под тополем. А утро разгоралось... На крыльце показались три женщины в белом, похоже, дежурный врач, медсестра и старая санитарка с веником в руке... Закончила уборку палат и вышла подмести крыльцо перед сдачей смены... О женщины в белых халатах! Поэты уже написали о вас свои строки, но еще не сложили заслуженных вами стихов и поэм. Сколько вас каждое утро, по всей стране, встает на защиту самого главного, самого дорогого, что есть в жизни, человеческого здоровья. Можно проще и точнее

сказать — человека... Не сосчитать — ни вас самих, ни ваших, иногда невидимых и незнаемых, скромных и великих подвигов.

Санитарка показала кончиком веника в сторону Дилдор. Говорила о ней, похоже... Сейчас она подойдет к ним, познакомится с ними, всегда, всюду, навечно своими коллегами, оставит у них свой чемодан и отправится к Азизу.

Жить в одном поселке можно просто и разговаривать скупно. Она сейчас ни с кем не хочет много разговаривать.

— Здравствуйте...

— До свидания...

Но сначала надо устроиться.

В приемной директора хлопотала новенькая секретарша, не та татарочка, которую, кажется, звали Зулейха... Это была такая же молоденькая и такая же... да-да... с пигментными пятнами на щеках и круглым животиком... Еще «коллега» Дилдор, по другой, правда, линии.

— Доброе утро... Азиз Латипович еще не пришел?

— Сейчас будет... Посидите.— Секретарша, раскладывая почту и бумаги, показала глазами на диван.— А хотите, пройдите в кабинет. Азиз Латипович разрешает...

— Я подожду здесь,— присаживаясь, ответила Дилдор.— А где Зулейха?

— На комбайне, в поле... Она ведь механизатор... Директор взял ее сюда, когда она... А теперь вот я...

— Так, понятно,— улыбнулась Дилдор и подумала: смешной Азиз, меняет секретарш, предоставляет им работу почище и полегче, помогает будущим молодым мамам.— Ну, а кто у Зулейхи? Сын или дочь?

— Вы ее знаете?

— Видела один раз.

— Сын! Ой, она такая счастливая!

— Как назвали?

— Фархадом. Есть такая поэма, где Фархад провел воду в степь... ради любимой...

— Знаю.

— Ну вот... И Зулейха счастлива, и ее муж Анвар... Радости полон дом!

Ей приятно было слышать, что есть дома, полные радости. Не так было одиноко и страшно жить дальше.

В это время открылась дверь, и в приемную вошел Азиз. Был он в полосатой рубашке, красной с белым, молодечески яркой, поздоровался с секретаршей и пошел к кабинету, даже не взглянув в ту сторону, где сидела притихшая, как мышка, Дилдор. Секретарша повела на нее глазами, и Азиз повернулся.

— О, здравствуйте!

Пока он быстро подходил к ней, она встала и протянула руку, а он спросил:

— Какими ветрами?

Это был его обычный вопрос, особенно в минуту растерянности. Вспомнилось, как с теми же словами он подошел к ней год назад, к машине, где сидела она, ожидая мужа, на гулистанской площади, у здания обкома партии. Тогда она ответила: «Степными», сейчас сказала:

— Житейскими.

Разными были ее улыбки в тот день и сегодня, и он спросил иначе, с беспокойством в глазах:

— Все в порядке?— Она промолчала, и Азиз понятиливо показал на дверь кабинета:— Прощу.

Окна в кабинете были открыты, на столе, рядом с пепельницей, стояла ваза с цветами — секретарша постаралась. Удивительно, как всегда, пах райхан... Дилдор присела перед столом и молчала, опустив голову, боялась, что голос задрожит, ждала. Старый друг не торопил ее.

— Азиз-ака,— наконец спросила она,— мы с вами друзья, так?

— Так.

— Если бы не так, я сюда, конечно, не приехала бы,— сказала она и облегченно вздохнула.— Я приехала к вам как к другу.

— Что случилось?

— Беда. Но не спрашивайте, какая. Все равно не скажу.

— Дедушка жив?

— Дед, отец, мать, сестры, братья — все живы-здоровы.

Он кивнул головой, черные кудри его, пробитые се-

диной, рассыпались, и почему-то именно эта ранняя седина вызвала в ней особенное доверие.

— Я приехала к вам жить и работать.

— Как?

— Как все.

— Добро пожаловать, — сказал Азиз, улыбаясь так, будто не замечал ни слез в ее опухших глазах, ни того, как она ломала пальцы. — С открытыми объятиями примут вас в больнице... А жить... Хотите у моей мамы? Я все время в поле, думаю, что...

— Мне достаточно уголка в общежитии.

Он еще раз кивнул. Казалось, он чувствовал, как натянуты все струны ее души, и боялся хоть одну задеть и порвать неосторожным словом.

— Еще одна просьба к вам, Азиз-ака. Не ходите со мной вместе по поселку.

— Хорошо... Но и у меня к вам есть одна просьба.

— Какая?

— Жуткая! — сказал он и свел брови, соединившиеся в черный жгут.

— Ну? — и Дилдор тоже невольно свела брови.

— Если будет моя помощь нужна, обращайтесь сразу же, хорошо?

Она улыбнулась, а он только и хотел этого.

— Как Нафиса? — спросила она.

— У нас с мамой живет ее сын Фируз.

— Красивый мальчик!

— Да.

Она поднялась.

— Значит, договорились, Дилдор? — спросил он, поднимаясь тоже. — Обращайтесь!

Едва она вышла из кабинета, он сейчас же позвал к себе звонком секретаршу, и Дилдор стало неудобно, что она отняла время у директора — своих же дел у него по горло, но секретарша уже выбежала из кабинета, попросила ее подождать минуточку, вынула из ящика и протянула ей какой-то ярлычок.

— Вот и жильем обеспечены.

В больнице Дилдор быстро отыскала дверь с табличкой «Главный врач». Немолодая, да просто старенькая, аккуратно одетая русская женщина в очках с толстыми стеклами, усадила ее, словно ждала. Она, и правда, сказала:

— Азиз Латипович уже звонил о вас мне. Вас Дилдор зовут?

— Да.

— Можно, я буду называть вас Диля? У меня была в Ташкенте молоденькая ассистентка, Диля. А я — Наталья Петровна.

— Пожалуйста, Наталья Петровна.

— Врачи нам позарез нужны. И главный, и дежурный, и хирург, и терапевт — все сама! А ведь уже за шестьдесят. Ужас! Азиз Латипович сказал мне, что вам помочь надо. Я свяжусь с райздравом и попрошу, чтобы в тридцать третий направили одного врача из тех, кого подбирают нам по нашей заявке, а вас перевели сюда...

— Вот за это самое большое спасибо, Наталья Петровна. Груз мне с сердца снимаете.

— Всякое бывает,— сказала Наталья Петровна,— всякое.... Надо помогать друг другу... Я хорошо знаю заведующего райздравом, он добрый человек... А вы завтра же выходите на работу, сможете?

— Смогу... Только...

— Что, девочка?

— Наталья Петровна! Вам могут позвонить из тридцать третьего и узнать, нет ли меня здесь... Не выдавайте!

— Хорошо, девочка.

В общежитии такой кишлачный по виду дед с узенькой белой бородкой вынул ключ, отдал в обмен на ярлычок, а потом постучал в дверь и принес чайничек и узелок с едой. Да еще извинился:

— Прости, дочка! Народный обычай!

Беда не беда, а есть хотелось, и оставалось только поблагодарить народный обычай, обязывающий угощать новоселов. И доброго деда, который поделился с ней домашними пирожками и чай заварил свежий, крепкий. Он и окно ей открыл, приговаривая:

— Комната у тебя на теневой стороне, хороша для лета, живи — не горюй! И чай пей, пока не остыл. Выпьешь — порозовеешь. Вон какая бледненькая! Еще раз прости... Говорят, нет вины в том, что человек спрашивает... Кем у нас будешь работать?

— Врачом.

— Тогда я к тебе первый приду! Записывай. У меня

ревматизм в руках... А как без рук? Даже чая людям не заварить!

— Приходите, бабушка.

У нее кружилась голова, опять тошнило, и она подумала со страхом: «Неужели буду так тяжело переносить?» Однако после первых же глотков чая стало лучше...

Жизнь протянула сегодня навстречу ее несчастью множество добрых рук, стараясь прикрыть, отгородить ее, помочь ей. Никому не пожелаешь беды, но стоит, наверно, испытать ее однажды, чтобы убедиться в том, в чем сегодня убедилась она. На свете много добрых людей. Без них она просто пропала бы. Пишут, говорят, что добрых людей больше, чем плохих, а мы живем и не замечаем их. Зато бывает, что один негодяй весь белый свет сразу сделает черным!

Но что делать, если негодяем оказался твой любимый?

«Только бы он не приехал сюда! — думала Дилдор, лежа на узкой койке и вперив взгляд в потолок. — Только бы не приехал! Дал бы мне собраться с силами, успокоиться, если это возможно! Только бы не приехал сюда!»

Наверно, не зря она повторяла это заклинание...

Ахмаджан прикатил на третий день...

Был час здешней «сиесты», когда даже рабочие со стройки сидели в тени, и очередь у ларька, закрытого на перерыв, тоже уселась на скамейке сбоку, в квадрате тени, ожидая, пока вернется продавщица.

Дилдор прилегла на полчаса в своей комнатке, когда раздалась его шага — она узнала их, сердце вздрогнуло и сдавилось, и он дернул дверь, сорвав ее с крючка.

— Вот ты где!

Она присела на койке и закрыла ноги белой простыней. А он плюхнулся на ее единственный стул...

— Не обманули меня предчувствия!

У него было осунувшееся лицо, глубоко запавшие от бессонницы глаза.

— Как ты нашел меня?

— Спросил в больнице доктора Рахимову. Сказали — у себя. А куда мне за тобой ехать — и так догадался, без вопросов. Он к тебе в Ташкент ездил с пред-

ложением, отказала, а теперь у него дела лучше, перспективный директор, ученый... И ты — сюда! Нашел!.. Куда проще!

— Замолчи!

— Давно договорились... держали связь, а я — дурак!.. Ты же бывала здесь!

— Замолчи! — снова потребовала Дилдор, закричав так визгливо, как с детских лет не кричала, это был не крик, а вопль, полный обиды.

— Боишься? — усмехнулся Ахмаджан, подумав, что кричать, пожалуй, не стоит, может услышать старик у входа в общежитие... Да и совсем не так, как хотелось, пошла беседа, если это можно назвать беседой... Пока мчался сюда, проскакивая повороты и визгливо тормозя, пока бежал по коридору общежития, казалось, сердце остановится, задохнется, не дождется, когда появится перед глазами Дилдор, его Дилдор, его... И будет только нежность, только радость... А вот увидел и... Ее крик напомнил скрип тормозов на дороге, с воем, и стало страшно. Однако он уже не мог удержаться, насмешливо договорил:

— Работа, общежитие... Мастерски у вас получилось!

— Ты — подлец! — тихо сказала Дилдор, но в отчетливости этого тихого слова, в каждой его букве звучала пощечина.

— Я? — Ахмаджан вскочил.

— Не разыгрывай ни удивления, — попросила Дилдор, — ни ярости. Смешно. После того, как ты целовался с другой?..

— С кем? — растерянно спросил Ахмаджан, снова опускаясь на стул, точно у него начали отниматься ноги.

— С Тамарой.

— Наврала! — закричал он. — Ложь! Клевета! Мерзкая и низкая ложь! Кто тебе сказал?

— Никто, — ответила Дилдор, дав ему откричаться и не испытывая при этом никаких мстительных чувств, ничего, кроме жалости к нему и к себе. Как она могла не разглядеть грязных пятен на его лице? Как она могла полюбить?

— Скрываешь клеветника? — разъярялся Ахмаджан. — Ну кто, говори! Кто это видел?

— Я... Я сама видела... Своими глазами. Ты приехал с ней в своих прекрасных «Жигулях» и... А я стояла у окна своего кабинета в больнице... Я случайно увидела это, но дальше... Все дальнейшее не случайно...

Он сидел и слушал, ниже и ниже наклоняя голову, и одно веко дергалось у него, как в конвульсии. Он потер его кулаком и улыбнулся...

— Нервный стал...

— Лечиться нужно.

— Мой доктор — ты.

— Нет уже. Больше это не так... Я была доктором, ты предпочел знахарку... Я понимаю, что все слова для нас сейчас бессмысленны... И если говорю, то лишь для тебя... Мы должны или прекратить беседу или, по выражению мудрых наших стариков, до конца пройтись по улице правды. Для тебя, потому что вместе нам не быть больше... Ты не любишь правды, Ахмаджан... Ты любишь только то, что нравится тебе... Те слова, которые тебя украшают, тех людей, которые тебя хвалят... Карима, например, который, называет тебя хозяином.

Ахмаджан улыбнулся:

— Называл... Он жуликом оказался... И удрал, тысячу рублей в бухгалтерию не вернул... Обкрутил меня!

— Вот это правда.

— Я в прокуратуру позвонил! Я!

— А вот в этом сомневаюсь что-то... Боюсь, что тебя заставили...

— Не веришь?

— Уж очень я хорошо изучила тебя... Потому что...

— Ну!

— Потому что любила. Из-за тебя оставила Ташкент, уехала в маленький кишлак. За тобой поехала в Мирзачуль. Я была твоей тенью. Когда ты бодрствовал, я тоже не спала, ждала... И дождалась!

Они посидели молча, и Дилдор вздохнула, нарушив небывалую тишину.

— Счастья хотела... Тебе, себе... Без любви нет счастья... Но любовь, оказывается, еще не само счастье, это — экзамен. И ты его не выдержал.

— Согласен, — подтвердил Ахмаджан и поднял голову. — Собирай вещи, поехали!

— Куда?

— Домой.

— У нас нет дома. Ты предал его, предал меня...
— Один раз! И сразу же...
— Предательство не бывает первое, второе, третье...
Это не бухгалтерия. Это просто предательство.

Ахмаджан слушал ее и опять улыбался. Он часто улыбался во время этой встречи — скорее всего от нервной нагрузки, от беспомощности.

— Хочешь сказать мне: «уйди»?
— Сам должен понять, если умный. А ты ведь умный!

Таким она и запомнила его — ушел с улыбкой.

Глава двадцатая

Ф И Р У З

Азиз приближался к дому, когда до ушей долетел взволнованный крик матери:

— А ну, слезай, кому говорю! Слезай сейчас же! О аллах, никакого слада с ним нет! Ну, что делать!

Открыв калитку, он увидел, как мать отрывает Фируза от ствола молодого тополя, за который он уцепился обеими руками в обхват. Он смеялся и отбрыкивался, как жеребенок, пока не увидел Азиза. А увидев, кинулся к нему опрометью.

— Папа! — радостно кричал он. — Папочка!

Азиз подхватил его и приподнял над собой высоко. Показалось, и его когда-то поднимал и подбрасывал так отец в родном Фирузе, давным-давно. Но этого не было... Он не подлетал с отцовских рук ввысь, под самое небо, до замирания сердца. А казалось, что тот же голос кричал тогда:

— Эй, уронишь! Уронишь! Опустит! Опустит на землю!

А он смеялся, как смеется сейчас Фируз, потому что был счастлив без всякой меры, как бывают счастливы, наверно, только в детстве...

Наконец он прислушался к матери и опустил Фируза на землю, ту самую, на которой все ищут счастья, хотя все называют ее грешной.

— Папа! Подсади меня на ветку!

— Зачем?

— Это будет мой конь. Я поеду на нем. Чу-чу!

— Я тебе поеду, — в шутку замахнулась на него бабушка немощной и всевластной рукой. — Такой баловник! Такой резвый, непоседа! Умывайся, сейчас обедать будем... Фируз!

Фируз, бежавший к тополю, затормозил, подняв богами ногами пыль, и повернул к умывальнику, а мать жаловалась, ничего не получая от этих жалоб, кроме удовольствия.

— Замучил он меня! То спрячется, никак не найдешь, а он требует: ищи, ищи! То на дерево заберется — душа уходит в пятки!

Она тоже была счастливым ребенком.

— Что на обед? — спросил Азиз.

— Халвайтар... Приготовила... — Мать немного растерянно, даже виновато взглянула на Азиза. — Сын твой любит сладкое.

Сын? Вырвалось это у нее, само собой сказалось, так, что она и не заметила, или специально? Мать могла и хитрить, конечно, по-своему, по-матерински...

Так или иначе, хорошо, что Нафиса ничего не слышит и не видит, еще обиделась бы...

— Ну что ж... Я давно не ел халвайтар, забыл уже, какой вкус у этой еды...

Да, жизнь не баловала его халвой, а мать старалась побаловать, мать, не заметив никакой реакции на «сына», спросила без обиняков, вынеся свежее полотенце, пока он умывался:

— Ехать мне сватать Нафису?

— Святая простота вы, мама.

— Да уж, конечно... Где мне сложности понять! — заворчала мать, выдернув из его рук полотенце. — Ты... постарайся запомнить, Азиз, что я тебе скажу по простоте душевной. Человек, которого укусила змея, куска каната боится. Ему кажется, что это тоже змея. Женщине, натерпевшейся от мужа, все мужчины кажутся зверями!

— В том-то и беда, мама, Нафиса уверена, что я не зверь, не змея, а даже очень хороший человек, но все равно не подпускает меня к своему сердцу.

— Потому что ты ее обидел.

— Да. И я ее не корю, — сказал Азиз, садясь за стол на веранде. — Она права.

Мать тоже села.

— Черствый человек — не черствая лепешка. Отойдет, отогреется... на огне любви. Это самый волшебный огонь, сынок, он чудеса творит!

— Дал бы аллах, как вы любите говорить, мама.

— Не об этом думай... Не назад смотри, а вперед. Никогда в жизни не вспоминай о прошлом, не упрекай Нафису. Она сейчас этого боится... Несознательно... Одним словом можешь все испортить. Ей сейчас помочь нужно.

— Чем?

— Словом. Словом великие дела вершатся...— Мать помолчала и добавила: — Благородным, конечно... Фируз! Куда-то удрал, пострел!

— Эй, наездник! — позвал Азиз и посмотрел на тополь, — окрепшие за лето ветки его были пустыми.

— Вон как, — сказала мать, оглядывая стол, — тарелку халвайтара уволок!

— Куда?

— За дом! Воробьев кормить... Их там — туча! Фирузджан!

Азизу вспомнились слова Нормата-ака о том, что первым добрым знаком укоренившейся жизни на целине, за окнами степных поселков, служит воркованье горлинок... «А потом уж и воробьи!»

— Пусть покормит воробьев! Спасибо, мама, что учите меня жить.

— Есть люди, которые все быстро забывают. Нафиса не из тех людей, как видно. Живи надеждой.

— Да... — ей и самому себе кивнул головой Азиз.

— Ты с ней будешь счастливым, сынок.

— Спасибо, мама, — повторил Азиз.

— За что?

— За доброе слово.

Прибежал Фируз, плюхнулся на свою табуретку и начал уписывать мягкую, желтую, сахарную кашу, быстро наложив ее в пустую тарелку. Мать радовалась, как охотно накладывал мальчик халвайтар из круглого фарфорового блюда. Азиз улыбался ему, они иногда пересматривались, как заговорщики. Мать поела и пошла за чаем, свернув, однако, по дороге к звонившему телефону.

— Иди, Нормат-ака тебя спрашивает.

Он поговорил по телефону и, вернувшись на веранду, сказал, что завтра поедет на слет молодых хлопководов в Гулистан. Вместе с Якутай и Тургунали, который расскажет о двухрядном способе посева хлопка, обещающем большое будущее. Пусть их вынудила стихия на это, но у Тургунали уже есть опыт...

— А ты не будешь выступать? — спросила тетушка Нигор.

— Хватит и Тургунали от нашего совхоза.

— Ну и ладно! — с одобрением сказала мать.

И подумала, что сын и в этом похож на отца. Тот никогда не говорил о себе. Не хочет и Азиз. А ведь он был пионером этого самого двухрядного способа... Да как рисковал, не спал ночами, щеки ввалились... Пусть Тургунали скажет о нем, своему директору, если захочет, молодой бригадир...

— Чего загрустил? — спросила она сына.

— Бсюсь, как бы Нафиса не приехала без меня за Фирузом, — признался сын. — Могу так и не увидеть ее!

— Я не поеду, не поеду! — закричал Фируз, уловив, что речь пошла о нем.

Нафиса приехала через два дня после возвращения Азиза со слета. Она позвонила сначала и спросила, как чувствует себя Фируз.

— Я очень соскучилась по нему! — звучал в невыносимом отдалении ее голос, от которого сердце вздрагивало и замирало, а сам он все время улыбался. — Что он делает?

— Резвится... Кормит птиц...

— Ну, хватит уже!

— Что?

— Хватит!

В трубке щелкало, булькало, трещало, а потом понастоящему засвистело, будто степь залилась соловьем-разбойником. О черт! И всего-то было несколько десятков километров, а такая слышимость! Иной раз с Москвой говоришь — куда лучше!

— Нафиса! Нафисой! — кричал он.

— Я говорю — хватит! Нарезвился уже и накормил всех птиц!

Голос у нее был веселый, ласковый или казался таким, было хорошо себя обманывать. Голос ее звучал

весенней капелью. Бился в трубке первой ласточкой перед зарей. Хотелось слушать и слушать, но щелкало и свистело громче, все время перебивая Нафису или заливая ее голос разным шумом и треском, как водой в половодье.

— Я скоро приеду!

— Когда? Когда вы приедете?

Трубка не ответила. Вернее, вместо Нафисы ответили сердитые гудки: ту-ту-ту...

То ли связь оборвалась сама, то ли телефонистка выключила, потому что показались чересчур легкомысленными и неуместными слова о птицах среди заказов на транспорт, на горючее, рапортов, деловых просьб и ругани.

Азиз положил трубку на рычаг и ждал, не повторится ли вызов. Не повторился. Дома он сказал матери:

— Надо нам собирать Фируза. Скоро приедет Нафиса.

— Пусть еще поживет, — взмолилась мать, — я сама отвезу его!

Азиз ушел в дальний угол двора, бродил по нему, раздумывал. Мать медленно подошла и сказала сразу:

— Одним ты не похож на отца. Он никогда не отпустил бы меня. Как приехала, так и осталась бы!

— Вы сами сказали, мама: живи надеждой.

— Сначала поговори — сказала я!

Он ушел, пожав плечами, будто сомневался — захочет ли она слушать, и тетушка Нигор, положив одну руку на грудь, а другой подперев подбородок, провожала его взглядом и вздыхала: «Эх, молодежь, молодежь...»

У людей бывают разные недостатки, от которых они страдают порою тяжело. Один не умеет петь, другой плясать. Один плохо говорит, другой плохо ест. Азиз плохо говорил, причем в самые важные минуты своей жизни он не мог найти самых нужных слов.

И вот — сколько он ни терзался, а слов не было. Он предупредил секретаршу, что приедет мать Фируза, описал, какая она, наказал пропустить ее сейчас же, без очереди, а потом думал, зачем сказал это, разболтает без злого умысла, просто так, переполненная инте-

ресом, а любопытных немало, соберутся посмотреть, поселок городского типа, как писали о мирзачульских поселках, все равно в чем-то остается кишлаком... Потянутся глаза из-за заборов...

И он думал об этом, вместо того чтобы думать о словах, которыми встретит Нафису, и когда она вошла — совсем потерял дар речи. Она вошла в алом, закатного цвета, атласном платье, бледно-розовой тюбетейке... Лицо светлое, будто умытое утренней росой... Когда-то, еще в институте, один шутник учил ребят: «Если увидите красивую девушку, говорите: «Я как во сне». Азиз стоял и смотрел на Нафису, как онемевший, а потом тихо сказал:

— Я как во сне...

— Это наяву, — ответила она. — Можно, я сяду?

— Да, конечно! — спохватился он, а сам все стоял. — Нет, это сон... Сон, который длится для меня семь лет... Вы не сердитесь, что я сразу заговорил. Семь лет молчанья.

— Чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь... — сказала она, глядя куда-то мимо него. — Это из стихов... Не надо сейчас, Азиз, — закончила она, повернув к нему лицо.

— Я хочу спросить...

— Не надо!

— Только одно... Карим... он... не угрожает?

— Он исчез, — сказала Нафиса. — Ко мне приходили из милиции... Он работал где-то в совхозе... Проворовался и бежал... Исчез...

А Азиз сразу успокоился, схлынуло напряжение, и запросились на волю слова о том, что он понял свою вину, пусть она поверит ему, он больше никогда и никому не отдаст ее, спросил о Кариме, потому что все эти месяцы его сопровождает тревога, тревога за нее, а видит он ее — и счастлив, ему достаточно ее видеть, тем более, что она для него все такая же, как будто и не было никаких семи лет...

— Все, — сказал он и сел, точно бы произнес эту речь, хотя из нее не было сказано ни слова.

В приоткрывшуюся дверь всунулась вихрастая голова парня.

— Азиз Латипович! Вас в клубе ждут!

Он прикрыл глаза и схватился за край стола, слов-

но мог удержаться, не уходить никуда. Как же он забыл, что сегодня сдает программу самодеятельность, совхозный ансамбль «Гунча»? Уже полчаса его там ждут! Ну, что делать? Принимай решение Азиз!

— Сейчас мы вместе идем в клуб, — сказал он. На концерт! Я надеюсь, вам будет интересно. Посмотрите, что умеют наши парни и девчата. Оцените. Помогите

Он обращался к ней как к городскому ценителю искусства и еще долго говорил что-то, пока она не согласилась растерянно:

— Ну, ладно...

В приемной шептались молодая секретарша, очередная будущая мама, и Зулейха.

— Азиз Латипович! — вскочила она. — Я тоже в клуб!

— Можно и мне? — спросила секретарша.

— Конечно...

Ее пятнистое лицо зарумянилось.

Так и пошли по улице со свитой. Случайные встречи здоровались. За заборами любопытных не было. Азиз отпустил Нафису с Зулейхой вперед, а сам пошел с секретаршей.

— Откуда появилась Зулейха?

— Я позвала.

— Зачем?

— Зулейха сказала — как приедет она, сразу зови меня... Я и позвала...

— Кто она?

— Мать Фируза.

— Кхм, кхм...

— Вы меня не выдавайте, Азиз Латипович, Зулейха будет сердиться... А я не виновата... Я не умею вам врать...

Разговор у первой пары, разговор двух женщин, двух матерей, был еще откровеннее.

— Вы друг другу так подходите! — сказала Зулейха, искренними и восторженными глазами оглядывая Нафису.

— Кто?

— Вы и Азиз Латипович.

— Это он поручил вам сказать?

— Ну, зачем вы так? Вы же умная и не злая, а добрая женщина...

— Откуда вы знаете?

— Иначе вас не выбрал бы Азиз Латипович.

— Кто это вам сказал?

— Никто. Я сама догадалась... Никто,— повторила Зулейха.— Я хочу вам помочь, потому что у вас что-то произошло... Не знаю, что. Знаю только, что вы его жена, а Фируз — ваш сын.

— Зулейха! — вытаращив глаза, попыталась осадить ее Нафиса, но это было невозможно, Зулейха сияла, на нее нельзя было даже сердиться.— Ох, придумали... Почему Азиз Латипович не женится?

— Зачем же ему жениться, когда у него есть вы? — Зулейха хихикнула, а Нафиса стала строгой.

— Вы очень хлопочете за него...

— Да!

— Жалуете?

— Мы его любим,— обиделась Зулейха и замолчала.

Их догнал Азиз, смущенный и обеспокоенный тем, что Зулейха вдруг чем-то рассердила, а может быть, даже обидела Нафису.

— Зулейха! Что вы тут такое говорите? Кажется, ваши слова не по душе Нафисе-ханум.

— Я сама женщина и знаю, что ей по душе,— гордо ответила Зулейха и прибавила шагу.

В клубе молодежь действительно заждалась директора, и концерт начался быстро. Певцы и танцоры, среди которых были и Якутай с Тургунали, пели о воде, о садах и ветрах, о своей молодости и о том, что здесь все молодое — поля, дороги, дома. И сама работа. Она тоже молодая, сильная, новая.

Зулейха увлеклась концертом. Нафиса тоже.

— Какая музыка! Я не слышала...

— Ее специально для нас написал композитор... — Зулейха назвала знаменитую фамилию.

— А наряды какие!

— В нашем Доме быта шили. Вот! Тоже там,— Зулейха тронула себя за воротник своего милого модного платья, Нафиса его похвалила.

А на сцене менялись люди и песни, звучали ферганская ялла, русские и татарские частушки, туркменские напевы...

— У нас двадцать национальностей! — сказала Зулейха.

— А какие?—спросила Нафиса.

— Вас это интересует?

— Да, как учительницу...

— Ах-ха! —что-то отметила про себя Зулейха, и Нафиса посмотрела на нее, но увидела сгорбленную фигуру вдалеке, в одном из рядов, с краю...

— Кто это?—спросила она, повернувшись к Азизу.

— Дилдор.

— Врач?

— Да... Вы же знакомы!— Он вспомнил Мост любви, их случайную встречу, которой был обязан тем, что он сидел сейчас здесь вместе с Нафисой.— Подойдите к ней. Ей тяжело...

— Как свечка, растаяла! Что с ней?

— Не знаю, но... Похоже, муж ее обидел. Пока она у нас работает.

Нафиса поднялась и на цыпочках подошла к Дилдору, не спуская с нее глаз. По тому, как улыбнулась ей Дилдор, как схватила ее за руку, как обрадовалась, Азиз понял, что не зря посоветовал подойти, сказать два слова... Одиночество Дилдор угнетало и его.

К нему подсела между тем Зулейха и зашептала:

— Азиз Латипович! Она уже интересовалась, какие у нас национальности... Насчет школы... Как учительница...

— Тихо, тихо,— остановил он.— Концерт!

— А потом... Сейчас она вернется, я боюсь, что не успею сказать, а это важно... Она за сыном приехала, а еще не видела его, не побежала туда, а тут, с вами... Ну?

— У вас страсть улаживать чужие дела,— усмехнулся он.

— У меня страсть к хорошим людям,— ответила Зулейха.— Извините...

И отсела.

А он подумал, что ему, пожалуй, надо было извиниться перед простодушной Зулейхой, которая была и наивна, и права в чем-то... Ведь Нафиса, правда, не побежала к мальчику... А чего ей бежать? Сейчас заберет его и уедет. А внимание, которое она оказала Азизу, это так, в знак благодарности за сына...

Домой шли вместе, проводили Дилдор до больницы, и она сказала:

— До свиданья! Вас сюда не приглашаю. Пусть никто из вас не знает этой дороги. Будьте здоровы.

— Приезжайте, Нафиса-ханум,— попрощалась Зулейха.

Во дворе Нафиса остановилась перед верандой, глядя на раскиданные по ней игрушки. Сын рос, и игрушки были уже солидные: самолеты, пароходы, ракеты... Даже луноход...

— Фируз!

Вышла тетушка Нигор, обняла Нафису, похлопала ее по плечам и шепнула:

— Он спрятался, не хочет ехать. Про игрушки вот сказал: их здесь оставлю...

— Балуете его! Сколько накупили...— Нафиса присела на корточки и принялась собирать игрушки.

Тетушка Нигор вернулась в комнату, вывела мальчишку за руку. Фируз плелся, упрямо нагнув голову, но как только исподлобья увидел мать, так и кинулся ей на шею...

А потом — автобус... Так быстро подъехал, зажег огни, началась посадка...

— Приезжай, доченька,— попросила мать и отошла, оставив сына с Нафисой одних, потому что Фируз уже успел забраться в автобус и звал мать, торопил.

— Я все же хочу спросить, Нафиса,— начал Азиз. Но она остановила его, улыбаясь:

— Я знаю, о чем... Не надо... Дайте мне думы свои додумать.

И когда автобус покатился, большой и освещенный, отчего почему-то стало особенно грустно, как будто он не катился, а уплывал в океан темноты, Азиз смотрел ему вслед, а мать смотрела на сына и вздыхала по-прежнему: «Эх, молодежь, молодежь...»

Глава двадцать первая

АВАРИЯ

Нафиса ошиблась — Карим никуда не исчез.

В те минуты, когда шла о нем речь у Азиза, он сидел в деревянной сараюшке уч-тамского спекулянта, называемой дружками «паука» по-свойски «казной»,

потому что там прятались ворованные товары. Сейчас в «казне» укрывался Карим...

«Паук» по этому поводу очень нервничал, не находил себе места.

— Свалился на мою голову, как черт! — проклинал он Карима, иногда заползал в «казну» и умолял его уехать, убраться, пока не поздно.

Кирпич у «паука» забрали, увезли, акт составили, но самого почему-то пока не трогали, и он догадывался почему. Держали как приманку для Карима. Должен же тот где-то искать убежища... Вот и ждут, когда он придет в «Уч-там». А он уже здесь третий день... Сидит в «казне», пахнувшей луком, которым завален пол. Накрывается с головой старыми мешками, когда отходит скрипучая дверь...

«Паук» плакал, а Карим смеялся:

— Ты радуйся, что я у тебя... Пока я в бегах, ты им тоже нужен на свободе. А как меня найдут, так и тебя сграбастают! Прячь лучше!

— Что делать? Что делать?! — метался «паук».

— Ищи покупателя, загоняй свой дом — и тю-тю! Только они и видели! Махнем куда-нибудь вместе. У тебя много денег? Должно быть, много?

— Э-э, что ты городишь! — еще больше расстраивался «паук». — Я за этот дом все деньги отдал... Куда бежать? Пусть грабастают! Я не так виноват, как ты! Все, что мне продают, я покупаю... Если выгодно... И кирпич... Ты продал, а я... в голове не держал, что кирпич ворованный!

— Ну да! — смеялся Карим. — У меня же свой кирпичный завод!

— Скажу, что ты меня обманул. Расчищал строительную площадку, увозил мусор... Благоустройство! Твои слова! Это был не кирпич, был мусор... Да! А я купил по дешевке... Шофер твой — надежный парень? Не выдаст?

— Не бойся, он надежный... Не о нем думай, обо мне. Оторвут тебе голову, оторвут, если я попадусь! Молчи!

И «паук» носил ему еду и чай в «казну» два дня. А на это, на третье утро, сказал, что, похоже, в чайхане появилось два человека... Тех, оттуда... Сидят, пьют чай, наблюдают, и все больше за его домом... Одеты в

гражданское, как все, но чем-то неуловимо ото всех отличаются... У одного из-под куртки, если приемотреться внимательней, кобура выпирает...

Кариму показалось сначала, что старик пугает его, но тот клялся и божился, как мог. А самому — не посмотреть, не проверить!

— Ладно,— сказал он,— ты следи за ними, не спускай глаз. А вечером я уеду...

— Как?

— Остановишь машину, договоришься с шофером... Аллах захочет — поможет! Ступай к своим дыням!

Машины на «Уч-там» толпятся у чайханы дотемна, словно у них тоже здесь свои сборища и заботы, одной — долить воды в радиатор, другой — вздремнуть полчаса, третьей — на шофера пожаловаться соседке... Но падает ночь, и пустеет площадь перед чайханой. У шоферов есть свои дома, кроме дорог. Разъезжаются... Кто куда...

Когда Карим вышел за калитку, мягкое одеяло ночи уже накрыло широкую степь. Все еще светящаяся чайхана была пуста... Карим прибавил шагу, заспешил к машине, темневшей на шоссе, подошел и узнал свой ЗИЛ.

— Ренат!

— А!

— Это ты?

— Я. А это вы? Хм! Вот старик! Подошел, узнал меня, обрадовался... Говорит: «Есть пассажир». Я спрашиваю: «Самец или самка?» А он: «Сам увидишь». И побежал...

— Поздороваться надо сначала,— сказал Карим.

— Здравствуйте, садитесь.

— Ты не рад?— спросил Карим уже в кабине, когда ЗИЛ взревел и они тронулись.

Ренат успел освоиться немного, ответил:

— Почему? Свой человек... Где пропадали?

— Об этом не спрашивай!

— Курите!

Карим взял папироску из пачки, протянутой Ренатом, с удовольствием затянулся, ведь даже этого маленького счастья он был лишен три дня! Что за жизнь!

— Очень хотелось, похоже?— спросил Ренат.

— Догадался, дружище!

Ренат улыбался, а голову сверлила мысль: «Что же теперь? Как быть? И как вести себя дальше?» Ренат опять принимал решение и понял, что раз судьба играла с ним так, как получилось, надо было доводить свою роль до конца без мудростей, не вилять... Привезти Карима в поселок и сдать Саттару-ака с рук на руки. Будет сопротивляться, скрутят... Сильных ребят в поселке хватит...

А Карим докуривал папиросу, развалившись на мягком сиденье, и спрашивал:

— Хозяин как?

— Лег в больницу.

— А что такое? — Карим напрягся, переменив позу.

— На сердце жалуется...

Карим усмехнулся и покрутил головой.

— Начальство в больницу ложится от неприятностей, — сказал Карим, опустив стекло и выбрасывая окурок. — Не в сердце дело... у нашего хозяина оказалась кишка тонка!

Ренат деланно хохотал, думая, кого можно позвать к машине, как только подъедут, и где лучше остановиться... И в это время Карим скомандовал:

— Стой!

«Сойдет, и поминай, как звали!» — подумал Ренат, тормозя, а сам спросил:

— Куда?

— На полевой стан. К Ханкельдыевой Уктамхон... Солнышку моему ненаглядному...

Этот человек еще мог улыбаться и шутить, однако. Герой! Ну, и ты не дрейфь, Ренат...

— Мне надо сначала в поселок заехать, и так задержался. Хватятся, искать начнут... Сейчас все бдительные стали! А у меня был левый рейс... Доложусь Саттару-ака и...

— Саттар-ака вместо хозяина? — перебил Карим.

— Временно.

— Этому вояке давно уже на пенсию пора, а он все еще воюет. С басмачами воевал, с фашистами воевал, теперь с нами воюет... Вверх лезет! Чтобы повыше и послаще!

— Я же говорю — временно.

Карим покряхтел, усеялся удобнее, привалившись к углу кабины, будто собирался уснуть.

— Все мы временные... Постоянное место бывает только на том свете... Где зароят, там и лежишь... Вечно! Оттуда не убежать.

Слушая его философские размышления, Ренат тронул свой ЗИЛ тихонько, словно надеялся, что Карим не заметит. Даже пустой прицеп, который обычно громыхал и стучал бортами при малейшем рывке, сейчас притаился и следовал за грузовиком беззвучно. Ренат уже думал: «Привезу, сдам, скажу: «Вот вам материально ответственная личность!» Так хотелось поскорей от него отделаться!

— Направо! — приказал Карим.

Доехали как раз до поворота в ханкельдыевскую бригаду, и ничего не оставалось Ренату, как повернуть, чтобы не спугнуть хитрую птичку...

— С друзьями не считаетесь! — упрекнул он Карима.

— Оставишь меня в бригаде, а сам — сразу в поселок, — великодушно разрешил Карим.

— Ясно.

Дорога на стройплощадку нового полевого стана была засыпана гравием, он гремел под колесами и щелкал по днищу. В металлическом звоне подъехали к двухэтажному корпусу, поднимавшемуся на лужайке, освещенной несколькими лампами, горевшими на бетонных столбах, изгибавших свои лебединые шеи. Их установили первыми... Девушки, работающие и на полях, где поздно созрел пересейанный хлопок, и на стройке, ютились в двух палатках. Карим взял Рената за руку, сигналив, чтобы он не подъезжал близко, но шум грузовика, конечно, все равно был слышен, и какая-то девичья голова выглянула из палатки. Эх, были бы тут парни!

Пока Ренат разворачивался в отдалении, от палатки крикнули:

— Кто это?

Не отвечая, Карим выскочил из кабины и пошел в сторону, за стройку. Там стоял «Москвич» Ханкельдыевой... Вот он! Тот, ради которого он сделал эту небезопасную дорогу. Дверцы открыты... Стекла опущены... И ключ зажигания в замке... Карим вынул его и бросил в свой карман. Хорошо... Пока аллах помогает. Как-то Уктамхон щедро позволила: «Берите мою ма-

шину!» Вот мы и возьмем... Укатит Ренат, и мы... Не будем здесь задерживаться...

— Кто там? — повторился вопрос от палатки — спрашивала Ханкельдыева. — Кто приехал?

— Я, моя радость...

Ренат решил про себя: «Ну так, он прилип», — и рванул в поселок.

А наша добрая Ханкельдыева побежала навстречу Кариму, схватила его за руки:

— Карим-ака! Вы?

— Что ты на меня так смотришь? Не узнаешь?

— Вас ищут! Из милиции приезжали, меня спрашивали...

— Что ты сказала?

— Что у вас жена в Янгиере... Нафиса... Что она в школе работает... Больше ничего.

— Я в кишлак ездил, к матери... Проведал больную мать...

— Что с ней?

— На сердце жалуется, — повторил Карим фразу, бывшую на памяти — он только что слышал ее от Рената, когда спрашивал о хозяине.

— Как она сейчас?

— Сейчас лучше... А когда получил телеграмму, испугался, помчался сразу... ночью... никому сказать не успел...

— Ой, а тут! — Уктамхон всплеснула руками. — Уехал без расчета! Удрал! Тысячу рублей взял! Я мучилась... Хотела зайти в бухгалтерию, рассчитаться за вас, ведь это я вас в совхоз привезла...

— Деньги — грязь, — сказал Карим. — Спасибо, что верила.

— Как я могла иначе?

— Тысячу рублей твоих мне не надо... А вот в поселке надо бы появиться, доложиться, что я здесь, кончить вымыслы...

— Ой, говорят, говорят...

— А что?

— Повторять страшно!

— Дай мне свой «Москвич»! Разреши на нем сгонять в поселок. Покажусь и вернусь. А то я сразу сюда... К тебе. Больше всего не хотелось, чтобы ты обо мне плохо думала... И узндеть... Тебя увидеть спе-

шил... Вот увидел и успокоился... Ты слышишь, Уктам-хон?

— Да...

— Ук-там-хон... Я все время повторял твое имя в разлуке... Знаешь, она и мучит, и учит... За эти несколько дней я понял, что ты мне дороже всех!

— Это был Ренат?

— Нет, попутный грузовик... Ну, как?

— Что?

— «Москвич»...

— Ну, конечно, берите... О чем речь!

— Я скоро!

Карим почти побежал к машине. Завелась она сразу, при первом повороте ключа. «Хорошие машины делают», — с благодарностью подумал Карим об автомобильчиках, выдернул чужок рукоятку ручного газа, чтобы не заглох ровню шумящий мотор. Разогреть его было некогда. Он помахал рукой Ханкельдыевой и выехал на дорогу, провожаемый ее ответными взмахами.

Здесь прибавил скорость и глянул на стрелку бензобака. Заправлена машина под горлышко! Куда ей ездить-то, Ханкельдыевой?

И тут он увидел, что со стороны поселка появились две пары горящих автомобильных глаз. Судя по всему, они надрывались, торопились к полевому стану... «Ренат продал!»

Хорошо, что он ехал, пока не зажигая фар. Доберется до шоссе без света. А там... Он оглянулся и посмотрел назад. Фары скрылись... Ну, конечно, свернули к полевому стану... Жми, Карим! А куда? Думай, думай!.. Так, асфальт... Можно включать фары... По шоссе еще мчались машины, туда-сюда, сейчас все перемещаются... Да здравствует развитие автотранспорта! Фары из поселка? Их все еще нет... «Где им меня догнать?» — не без гордости подумал Карим, и тут в просвежающую от ветра голову пришла мысль, что ехать надо в Фируз, к Ханифе. Жирная сваха всегда косила глаза на него, может укрыть, на худой конец хоть накормить-напоить... У Ханкельдыевой поесть не удалось, зато вот руль в руках...

Да, конечно, приютит Ханифа! Поживем спокойно, сыто-пьяно, в стороне от дорог. А там тихонько в Таш-

кент... В ближайшие дни на этой машинке двигаться опасно, могут сообщить постам номер, будут останавливать, проверять документы...

Вперед, вперед!

Придется проскочить «Уч-там», но тут уж ничего не сделаешь. Кто это стоит на перекрестке? Инспектор ГАИ? Нет, инспектор вон ходит у своего мотоцикла, как привязанный, а этот просто голосует... Голосуй, голосуй за расширение сети автодорог в Мирзачуле. А то пишут, пишут — много дорог, а вот была бы хоть одна в объезд «Уч-там», так нет! Схема! Много дорог и мало...

Фу-ты!.. Проскочили. Прощай, автоинспектор... Прощай, голосующий...

Через час запахло горами... Их холодные тела уже где-то выросли в ночной тьме, замаячили вдалеке, еще невидимо, но осязательно... Еще через час дорога пошла вверх, вверх... Так, горы...

Перед рассветом он остановился у ворот свахи Ханифы. Калитка была закрыта на засов, и он подумал, что, видимо, мужа нет дома, а трусливая Ханифа закрылась получше, бережет свою честь! Сейчас откроет... Карим заколотил в калитку кулаком. Не открывали. Тогда он подошел к «Москвичу», стоявшему мордой к калитке, и включил фары. И сейчас же разда-

— Кто там?

— Я, Карим.

— Ты что, с ума сошел? Потуши свет. Разбудишь Салима, а он, знаешь, какой, может ножом пырнуть.

— Не пугай! Что, он дома, твой вонючий старик?

— Карим-ака! — остепенилась Ханифа после того, как ее одернули. — Тише, пожалуйста!

— Ладно... Принеси мне поесть. Я голодный. И выпить... Бутылку.

— Да ведь вы за рулем.

— Не жадничай! Нашла причину. Давай, давай. Бегом.

Он сел в машину и так крепко сжал руль, что почувствовал дрожь в руках. Ну вот... Приехал... А под крышу не пускают! Надо развернуться, пока Ханифа собирает жрать, а то, правда, проснется этот Салим, поднимет шум на весь Фируз. Разворачиваясь, Карим

ударил машину о высокий камень у мостика. Она дрогнула вся. «Несчастливая железка!» — мелькнула мысль, остановился, но даже не подумал вылезть и посмотреть.

— Карим-ака! Карим-ака!— Это вышла Ханифа и приблизилась к «Москвичу» осторожно и пугливо, как будто он мог взорваться.— Я хочу вам сказать... О вас говорят в Фирузе...

— Что? Кто?

— Плохо... Нафиса письмо прислала матери.

— Она?

— Да.

— Паскуда!— сказал Карим и вцепился зубами в кусок мяса, вытащив его из узелка, принесенного Ханифой.

Он зубами открыл бутылку, слегка порезав о железную нашлепку на горлышке губу, и, выругавшись, отыскал в узле пиалушку. Водка была холодная. В доме Ханифы был холодильник. Культура достигла кишлаков.

— Пойду,—взмолилась Ханифа, поеживаясь.

— Ладно, душа моя... Тряпку свою возьмешь?

— Не надо!— Ханифа махнула рукой и скрылась за калиткой.

А он не спеша выпил еще пиалушку водки и съел все, что было в узелке, до крошки. Поискал глазами, где бы устроить бутылку с остатком водки, не нашел. «Делают машины!» И опрокинул все в себя, глоток за глотком, прямо из горлышка.

А потом он поехал.

Руль не слушался. Машину швыряло то вправо, то влево. На дороге камней набросали, на обочине пней наставили... То стукнет, то звякнет, то загрохочет... Голова кружилась, в глазах все плыло, но одна мысль была ясной: лезть все выше, в горы, где нет людей... Спасение только в горах...

Там звезды близко, воздух чист, живется легко...

Вот сейчас арчовая роцца... А за ней... Он куда-то свернул и не почувствовал, как машина сломала легкие перильца горного моста...

Утром пастухи, перегоняющие овец низиной, увидели в пропасти разбитый «Москвич», придавивший чей-то обезображенный труп.

- Ничего себе,— сказал молодой.
- Авария,— произнес старик.
- А куда он ехал, бедняга— заинтересовался молодой, запрокинув голову.— Там и дороги нет!
- Наверно, заблудился. Беги, сообщай...

Глава двадцать вторая

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

«Зачем, для кого я веду эти записки? Для самого себя. Мне интересно начать с начала, когда меня еще не было в Мирзачуле, включить себя в поток мирзачульской жизни, потому что теперь я сам тоже стал мирзачульцем и горжусь этим. Дневник не дневник, чаще всего меня просто не было при многих событиях, на историю освоения и расцвета Голодной степи это тоже не претендует. Да и чего мне писать историю, когда есть книги и архивы!

Я записываю в свою толстую тетрадь все, что мне кажется заслуживающим этого из прошлого и настоящего нашей мирзачульской жизни. Что-то из прочитанного. Что-то из рассказанного, о чем еще не писали и не слышали... Так, про один случай в первые месяцы строительства Фархадской ГЭС, случай, в котором столько же забавного, сколько и мужественного, мне рассказал Нормат-ака. Он участвовал в героическом строительстве знаменитой ГЭС на Сырдарье, начатом в годы войны, это он руководил там ферганцами.

А вот другой случай, о котором я услышал от него же, старого степного волка, когда мы недавно ехали вместе с ним, Якутай и Тургунали на слет молодых хлопкоробов.

Однажды, давно уж это было, без малого лет двадцать тому назад, целая эпоха прошла, улыбнулся Нормат-ака, его вызвал к себе начальник «Голодностеп-строя». А он там тогда и работал...

— Какой-то писатель едет!— сказал человек, пришедший за ним.

Полночь наступила... Но тогда в это время работали. За столами в управлении сидело больше людей, чем спало дома, в кроватях... Даже дни называли «уплотненными». И, рассказывая, Нормат-ака воскликнул:

«Ох, эти уплотненные дни!» Без жалобы, однако, скорее с восторгом... И с памятью о тяжести этих дней, которая восторга не уменьшала, может быть, даже увеличивала.

Действительно, писатель ехал. Московский. Должно быть, известный. Акоп Абрамович Саркисов — начальник «Голодностепестроя» — попросил встретить на дороге, — проводить.

Нормат-ака побежал в гараж, взял машину, выехал на большую дорогу из Хаваста, по которой должна была идти машина с самаркандского аэродрома, и стал ждать на обочине.

Минут через двадцать показалась «Победа», в ту пору наш автомобильный лидер, Нормат-ака выбежал под фары, замахал руками. Остановились. Писатель вышел, высокий, моложавый и — странно — весь седой, с застенчивыми и задумчивыми глазами. Посмотрел на встречающего и сказал:

— Зачем же! Мы бы сами нашли.

— Степь большая... — ответил Нормат-ака. — А скоро поворот... Без асфальта...

— Ну, спасибо... — Он протянул руку: — Симонов.

Для кого-то это имя, может быть, не значило столько, сколько для Нормата-ака. Фронт... «Жди меня»... Боевые корреспонденции с самых разных мест... И встреча — в ночной Голодной степи...

У первых землянок, среди которых затерялось два-три вагончика, Симонов попросил остановиться и долго смотрел на них.

— Напоминает настоящий фронт.

Ему-то можно было верить... Он знал фронт... Летал, ездил, ходил.. И ползал, если «пули свистели по степи»... На войне не знали слова — «бездорожье» и других слов — «нельзя добраться»... А иногда и дорога была, но она простреливалась противником, хорошая дорога была дорогой смерти, а нам надо было дойти до победы, до Берлина...

— В самом деле, как на фронте, — повторил писатель.

Вот его военные книги лежат у меня на полке. Про живых и мертвых, про солдат, которыми не рождаются... Тогда еще не было этих книг в природе, но Нормат-ака, сам фронтовик, легко мог понять собеседника,

сказавшего, что здесь, в Голодной степи, как на фронте...

В управлении не меньше часа беседовали с Саркисовым, а потом Симонов спросил, нельзя ли сейчас поехать в совхоз к Усману Юсупову? Вероятно, попав в Голодную степь, он и сам почувствовал себя как на фронте, не хотелось терять времени, ночь не замечалась...

— Очень хорошо, — ответил Акоп Абрамович. — Поезжайте, а я ему звякну...

На баяутской дороге их встретил большеголовый и широкий в плечах человек, а руки...

Рассказывая, Нормат-ака показал свои крестьянские руки:

— Больше, чем у меня!

Это и был Усман Юсупов.

Нормат-ака приготовился познакомить его с Симоновым, какие-то почтительные слова вспомнил для этого, а они уже обнялись. Они были старыми друзьями! Всю торжественность пришлось отменить...

Проехали немного по ухабам, которые назывались районной дорогой, и остановились.

— Посмотрите, — показал рукой Усман Юсупов. — Новый сад.

В темноте тянулись к звездам черные линии прутиков... А Усман Юсупович перечислял:

— Кубинские гранаты, асакинский виноград, маргиланские персики, бустонайский миндаль, исфаринские фисташки...

— Принимаются деревья на этой земле? — спросил гость.

— Больше двух третей принялось... Ты же видишь — растут! Это значит, что Голодная степь уже покорилась... хотя, конечно, большие дела в Мирзачуле только начались...

Дома, когда сели поесть, Усман Юсупович еще рассказывал, что на просторах Мирзачуля будут цвести и плодоносить сады для всей страны...

— Смотрю на них, а думаю о детях Сибири, Дальнего Востока, Ленинграда и Бреста... Пока это все, что ты увидишь, это... это... проба пера! Ты извини, но мы ведь тоже творческие работники! — улыбнулся Юсупов.

— Я согласен,— улыбнулся и Симонов, набивая трубку.— Зачем извиняешься?

— А теперь о главном...

И, хотя стрелки повернули к третьему часу ночи, Юсупов начал рассказывать о хлопковых полях, о широкорядном способе сева, который применял один его бригадир...

Вместе со мной рассказ Нормата-ака слушали Якутай и Тургунали, и тот закричал:

— Так это же! Они уже тогда начали наши сегодняшние дела?

— Да, сынок... Все имеет свои глубокие корни... На пустом месте и трава не растет... Ничего не растет!

Утром, видно, так и не ложась спать, они поехали на хлопковые поля, и Симонов попросил еще раз остановиться у нового сада.

Как ни странно, на рассвете прутьики будущих деревьев показались тоньше и беззащитней, чем ночью. Гибкие, робкие... вот-вот сломаются! Но сад был бескрайним.

Теперь, когда едешь мимо и видишь, как он цветет весной, дух замирает.

Вот что я сделаю... Как только последний комочек «белого золота» будет отправлен с хирмана, я приглашу, сам привезу Рахима-бобо, мы обойдем, объедем всю землю совхоза и заложим сады... Ни метра земли я не оставлю пустой. Везде, где можно, будут цвести и плодоносить деревья... На Голодную степь работает вся страна — бетонные лотки, керамические трубы, автоматизированные механизмы на водоразделах, хлопкоуборочные комбайны, металл, электроэнергия, ученые, изыскатели... И вся страна будет получать наши фрукты, как мечтал Усман Юсупов.

Вот о встрече каких людей рассказал нам Нормат-ака.

А третьим удивительным человеком был Акоп Абрамович Саркисов, которого и сейчас помнит и любит весь Узбекистан. Когда он спал, Саркисов? Один из его друзей, по словам Нормата-ака, сказал как-то в разговоре с ним: «В машине». — «Какой это сон!» — «Ему хватает. Вздремнет в дороге, и все!»

Это он, Акоп Саркисов, завещал, чтобы не меняли названия цветущей земли: «Голодная степь». Пусть

оно остается для истории и наводит мысль молодых на прошлое, на то, чтобы оставить и свой след на некогда голой и страшной мирзачульской земле...

Ну вот... Еще несколько страниц... Страницы тетрадки... Нет, страницы жизни... Нашей. Моей и твоей... Мы все — мирзачульцы. Старые и молодые. Мужчины и женщины, наши славные, такие необходимые, суровые и нежные степные фиалки...»

Азиз отложил ручку, закрыл тетрадь, закурил и вспомнил о Дилдор. О ее ташкентских фиалках... Здесь просторы были совсем другие...

Он упрекнул себя мысленно, что давно не видел Дилдор. Как она? Сегодня же выберет время, чтобы зайти к ней на работу... И только дал себе это слово, как она позвонила.

— Здравствуйте, Дилдор!— обрадовался он ей.— Как здоровье? Как себя чувствуете?

Но она не стала рассказывать о себе.

— Азиз-ака! Совсем глохо с Ахмаджаном...

С утренней почтой, оказывается, пришло от него письмо. Из Гулистанской больницы. Он писал, что каждый день у него такое ощущение, будто глядит в могилу и чувствует ее холод... А может быть, это и лучше — для нее, для него? Он просил, чтобы Дилдор приехала, если только сможет простить его и остаться с ним навсегда. Навещать его не надо. Пусть она хорошо подумает, над его словами... Навсегда. Только так.

И снова грозил, что умрет, и писал, что готов к этому, не пожалеет о своей жизни, она получилась не такой, чтобы жалеть и казниться... Нет так нет! Туда ему и дорога!

По этому поводу было написано так много красивых слов и поставлено столько восклицательных знаков, что Дилдор было стыдно читать, а ему неловко слушать.

— Простите его,— тем не менее сказал Азиз.— Мы-то с вами знаем: он ребенок.

— Совсем безобидный!— ответила Дилдор.— Ребенок, который думает только о себе. Эгоизм и у ребенка и у взрослого — все равно эгоизм!

Да, конечно... Он мог бесконечно говорить о себе, о своей беде, о здоровье, чтобы склонить ее к возвраще-

нию, а о ней не думал, не беспокоился, хотя ей сейчас совсем нельзя было волноваться. Больше чем ему нельзя! Но ведь, с другой стороны, он и не знал...

— Хотите, я съезжу к Ахмаджану?— предложил Азиз.— Навещу, посмотрю на него, поговорю с врачами и с ним...

— Ох, Азиз-ака! Ну, какой вы... догадливый! Я хотела вас попросить об этом... и не решалась... Время!

Назавтра пришлось встать пораньше, чтобы справиться с неотложными делами, и вот опять дорога, пусты, очищенные для новой битвы поля, современные улицы всегда молодого Гулистана, города, в котором не было и не будет той половины с кривыми улочками и базарами, которую обычно называют старым городом и где доживает свое прошлый век... Но прошлое — цепкое дело! Оно доживает свое и в душах...

Сестра дала белый халат... Сказала, что объективно больной чувствует себя прилично, однако — затянувшаяся бессонница... Много думает, нервничает... Вспыльчив до грубости... Поговорите...

Палата, где лежал Ахмаджан, была маленькой, с сиреневой занавеской на окне, в котором сияло хоть и озябшее, но все равно яркое солнце... Ахмаджана трудно было узнать — глаза ввалились, волосы отросли и спутались...

— Ты?— Он натянул на себя одеяло до подбородка.

— Я!— Азиз улыбнулся и протянул руку.

И Ахмаджан вдруг улыбнулся тоже, откинул одеяло, сел, подоткнув под себя подушку, и ответил на рукопожатие. Он обрадовался посещению...

— Ну, как?— спросил Азиз, присаживаясь на стул у постели.

— Как видишь... Пока живой... Больше ничего сказать не могу. Сомневаюсь, что выкарабкаюсь из этого состояния...

— Слушай,— и Азиз рассмеялся.— Брось ты это уныние! Эту позу обреченного! Это «пока»! Жить ты будешь... Но — как? Вот о чем надо думать. В этом — твое лекарство.

— Знаю. И думаю.

— Ну?

— Возьмешь меня к себе в совхоз? Поливальщи-

ком, простым рабочим... Я серьезно говорю. Это не поза.

— Я вам и бригаду доверить смогу, наверно, товарищ Умурзаков,— с мягкой полуусмешкой сказал Азиз.— Но погодите, вас еще не сняли.

— Снимут... Голову даю наотрез, что снимут!— Он пытался говорить весело, хотя в глазах заблестели слезы.

И Азиз понял, как тяжело дались ему эти слова, в какую схватку вступили в нем истина и самолюбие. Надо было заговорить о чем-то другом, и он спросил, оглядевшись:

— Книги у тебя тут есть?

— Не читаю. Не могу.

— Чем же ты занят?

— Кошки на душе скребут... А я слушаю, слушаю, вздыхаю...

— Как-то...

— Что?

— Не очень по-мужски.

— Да, ты прав.

Азиз вынул и протянул ему толстую тетрадь со своими записями.

— Вот... Почитай на досуге... Ехал — сунул в карман. Не потеряй, мне это дорого.

— Не волнуйся.

Взяв тетрадь, Ахмаджан начал листать ее, читать навыбор, прыгая взглядом со страницы на страницу. То хмыкал, то сводил брови и морщил лоб...

— Спасибо, интересно...— Он сунул тетрадь под подушку, порылся там и вытащил помятый, плотно сложенный бумажный лист.

— А вот мое творчество...

Азиз развернул лист и прочел: «Прошу освободить меня от работы, поскольку с доверенной мне обязанностью директора совхоза не справляюсь».

— Куда ты это послал?

— В Министерство совхозов... А в райком партии написал, чтобы поддержали мою просьбу, так сказать... И наказали по заслугам... в партийном порядке... Я понимаю, ты опять подумаешь, что это поза... Игра в раскаяние... Но это не так...

Азиз еще раз прочитал строки, в которых несколько

слов было зачеркнуто, понял, что это черновик, и сказал:

— Коротенько написано...

— Кому нужен барабанный бой после свадьбы? — спросил Ахмаджан. — Важно, что написано... Снимут, накажут... А вот как я оправдаюсь перед своей совестью?

— Старики учат: грехи смывают трудом. Прислушайся к ним.

— Я работы не боюсь... Боюсь другого... Самое трудное — работа над собой. Себя скоро не переделаешь.

— Не бойся. Важно, что ты понимаешь: надо. Пусть медленно, но — надо. Извини за прямое слово. У нас в Фирузе говорят: только верблюды хороши горбаты, а слово должно быть прямое.

Ах, как хорошо, что в этом разговоре была дружеская улыбка! Она помогала одному обходиться без ораторства, другому — поддерживать в себе силу духа. Самы не заметили, как перебрались на другую тему, на поля, где они выращивали хлопок. Эти же поля по существу растили их самих. Ахмаджан интересовался успехом посева, завидовал Азизу, радовался, как тому пригодились знания и ученая голова, чтобы одолеть беду, а ведь когда завидуют вслух да еще при том, кому завидуют — это неплохой признак, обсуждали проблемы двухстрочного сева и густоты стояния хлопчатника, но этого мы с тобой, дорогой читатель, не поймем до конца, потому что выращивание хлопка — сложная наука. Помнишь, сам Ахмаджан вспоминал однажды слова стариков: «Хлопок, как ребенок, только не кричит!» Говорили о том, как меняются дали Мирзачуля...

И о том, что в любую даль человек приносит все сложности своей жизни, что жизнь его остается сложной, пока он человек, пока работает и любит, пока дышит...

Прощаясь, Азиз вернул Ахмаджану лист и спросил:

— Давно отправил?

— Несколько дней назад... Как и письмо Дилдор... В тот же день. Она здорова?

— Да...

— Сейчас она не приедет?

— Нет. Но ты береги себя... Твоя жизнь нужна твоему ребенку... Вашему с Дилдор ребенку...

Ахмаджан смотрел на Азиза, не отрывая глаз, и приподнялся, будто хотел уйти вместе с ним.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В апреле 197... года Дилдор родила дочку. На ступенях родильного дома встретил ее дед Рахим-бобо и отвез к себе, в свой сад, где уже осыпались последние лепестки цветов с яблонь и красным цветом наливались ягоды черешни. Под ними, на зеленой лужайке, цвели фиалки...

Каждый день в дом старика приезжали гости — то его знакомые, то друзья Дилдор, то из Ташкента, то из Голодной степи... В доме всегда народ, ведь дед жил по мудрейшему принципу, говорящему, что если дома многолюдно, то и на улице не страшно.

Приезжали и Азиз с Нафисой.

Об Ахмаджане доходили известия, что он работает бригадиром в самом дальнем совхозе, на краю Мирзачуля...

В тот вечер стало жарко, потому что солнце весь день грело по-летнему. Казалось, мирзачульские ветры долетали до кибрайских широт, где проводила свой отпуск Дилдор...

Скоро ей предстояло вернуться в тридцать второй совхоз, и довольно много народа собралось в саду у старика, чтобы попрощаться с ней. Обычно накрывали на веранде, а сегодня Дилдор кинула курпачу прямо на траву, в саду...

Там все и расселись, разговаривая о разном.

А в доме заплакала малышка.

— Инга, инга,— голосила она на весь сад.

Дилдор вскочила и побежала к ней, хотя даже дед сказал, что детское дело — плакать, и девочка хорошо с ним справляется. Поплачет — перестанет...

Малышка, которой по совету Рахима-бобо дали имя Бахор, в самом деле унялась, раньше чем Дилдор добе-

жала до дома. Она хотела уже остановиться и вернуться, но все же переступила через порог, чтобы взглянуть на дочь...

И увидела Ахмаджана.

Он стоял на коленях перед люлькой, шепотом напевая дочери колыбельную, которую, быть может, напевала ему мать. Дилдор замерла и смотрела на человека, который принес ей столько надежд и разочарований, радостей и горя... Как, когда он попал сюда, в эту комнату, где спала малышка? Смотрела на его согнутую спину, на опущенные плечи и понимала, что еще любит его. И верила ему, потому что без веры нельзя любить.

1975 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИРУЗА	3
СТЕПНЫЕ ФИАЛКИ	256

ХАМИД ГУЛЯМ

(ХАМИД УВАЙДУЛЛАЕВИЧ ГУЛЯМОВ)

ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ

ФИРУЗА

СТЕПНЫЕ ФИАЛКИ

Романы

Перевод с узбекского

Редактор *Р. Москалева*

Художник *А. Кива*

Художественный редактор *И. Кириакиди*

Технический редактор *В. Барсукова*

Корректор *Н. Адайкина*

ИБ № 489

Сдано в набор 4/Х-1977 г. Подписано в печать 10 I-1978 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 15,75. Усл. печ. л. 26,46. Уч.-изд. л. 26,1+0,38 (6 вклеек). Тираж 60000. Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. Ташкент, ул. Навои, 30. Договор № 136—76.

Отпечатано в типографии № 1 Государственного комитета Совета Министров УзССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли на бумаге № 1. Ташкент, ул. Хамзы, 21. Заказ № 354. Цена 2 р.